ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1836.

СОБОРЪ ВСѢХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1836.

№ I. **Генварь.**

I.

1. ВЫСОЧАЙШІЯ
ПОВЕЛѢНІЯ.

(За Декабрь мѣсяцъ 1835 года).

53. (Декабря 3) *О рисункѣ медали для награжденія Студентовъ Главнаго Педагогическаго Института.*

Въ слѣдствіе всеподданнѣйшаго представленія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія Его Величество Государь Императоръ Высочайше утвердить изволилъ рисунокъ медали для награжденія Студентовъ Главнаго Педагогическаго Института, согласно Уставу онаго, за превосходные успѣхи и постоянное благонравіе и прилежаніе.

54. (Декабря 9) Высочайше утвержденное Мнѣніе Государственнаго Совѣта о *образованіи на казенный счетъ Воспитанниковъ для Учительскаго званія въ Сибирскихъ Губерніяхъ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее Мнѣніе въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта, о образованіи на казенный счетъ Воспитанниковъ для Учительскаго званія въ Сибирскихъ Губерніяхъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подлинное подписалъ: *Предсѣдатель Государственнаго Совѣта Графъ Новосильцевъ.*

Мнѣніе Государственнаго Совѣта.

Государственный Совѣтъ въ Департаментѣ Законовъ и въ Общемъ Собраніи, разсмотрѣвъ представленіе Министра Народнаго Просвѣщенія о образованіи на казенный счетъ Воспитанниковъ для Учительскаго званія въ Сибирскихъ Губерніяхъ, и признавая изложенныя въ семъ представленіи мѣры, для снабженія Учителями Учебныхъ Заведеній Сибирскихъ Губерній, полезными и Высочайшей волѣ, объявленной о семъ Министру Народнаго Просвѣщенія, соотвѣтственными, *положилъ:* предоставить ему, Министру, привести оныя въ исполненіе.

Мѣры сіи, заключающіяся въ помянутомъ представленіи Г. Министра, суть слѣдующія:

1) Для Тобольской Губерніи, имѣющей Гимназію и 8 Уѣздныхъ Училищъ, содержать до 10 Воспи-

ннанниковъ, такъ какъ таковое число разрѣшено уже тамъ имѣть Высочайше утвержденнымъ 15 Мая 1823 года Положеніемъ Комитета Гг. Министровъ, и какъ капитала Гимназіи для сего достаточно; для Иркутской Губерніи, гдѣ находится Гимназія и 7 Уѣздныхъ Училищъ, имѣть 8 человѣкъ; а для Томской и Енисейской, въ которыхъ Гимназій не имѣется, а существуетъ по 3 Уѣздныхъ Училища, содержать по 4 Воспитанника для каждой. По учрежденіи же Гимназій въ сихъ послѣднихъ двухъ Губерніяхъ, увеличить число ихъ соразмѣрно надобности, какая тогда откроется.

2) До учрежденія Гимназій въ Томской и Енисейской Губерніяхъ, Воспитанниковъ первой содержать въ Тобольской, а послѣдней въ Иркутской Гимназіи.

3) Въ Казенные Воспитанники избирать дѣтей Сибирскихъ уроженцевъ, которыхъ семейства уже тамъ поселились, преимущественно изъ отдаленныхъ городовъ, недостаточнаго состоянія, и имѣющихъ познанія, требуемыя для поступленія въ Гимназическіе классы, и принимать ихъ съ утвержденія Гражданскихъ Губернаторовъ. Если же въ которой либо изъ Сибирскихъ Губерній не найдется желающихъ способныхъ учениковъ къ поступленію на казенное содержаніе, то ваканціи таковыхъ Воспитанниковъ замѣщать уроженцами другихъ Сибирскихъ Губерній, съ тѣмъ однакожъ, чтобы по окончаніи наукъ опредѣлять ихъ на службу по той Губерніи, для которой предназначались.

4) Какъ для занятія Учительскихъ мѣстъ въ Уѣздныхъ Училищахъ достаточно, на основаніи Устава Учебныхъ Заведеній 8 Декабря 1828 года, Гимназическое образованіе, то посылать въ Казанскій Университетъ для дальнѣйшаго усовершенствованія только тѣхъ, кои будутъ предназначены для занятія мѣстъ въ Гимназіяхъ, и именно на каждую Гимназію по два Воспитанника отъ Дирекціи.

5) Для образованія въ Университетѣ набирать изъ числа Казенныхъ Воспитанниковъ отличнѣйшихъ по познаніямъ, способностямъ и поведенію.

6) По принятіи въ Университетъ они должны слушать курсъ наукъ, къ которымъ имѣютъ болѣе наклонности, не упуская однакожъ изъ виду предназначенія своего, и подвергаться испытанію наравнѣ съ прочими Студентами.

7) По удостоеніи званія Кандидата, или по успѣшномъ окончаніи Университетскаго курса, Воспитанники сіи должны быть назначаемы Учителями Гимназій той Губерніи, для которой они воспитывались; если же не случится вакаціи, то, до открытія оной, опредѣляются Учителями и Смотрителями въ Уѣздныя Училища.

8) Предназначенныхъ къ окончаніи Гимназическаго курса въ Учители Уѣздныхъ Училищъ, если не имѣется большой надобности въ Учителяхъ, оставлять на годъ при Гимназіи, для пріобрѣтенія педагогическихъ познаній: для чего поручать имъ, подъ надлежащимъ руководствомъ, временное занятіе классовъ, начиная съ Приходскихъ Училищъ, сочиненіе краткихъ разсужденій

о предметахъ ученія и приготовленіе на бумагѣ лекцій. Послѣ сего, по представленіямъ Педагогическихъ Совѣтовъ Гимназій, опредѣлять ихъ, съ утвержденія Гражданскихъ Губернаторовъ, въ Учители Уѣздныхъ Училищъ, преимущественно тѣхъ городовъ, гдѣ живутъ ихъ родители или родственники.

9) Если случится, что при окончаніи Воспитанникомъ курса и по удостоеніи его званія Учителя Уѣзднаго Училища, не будетъ ваканціи въ Училищахъ той Дирекціи, для которой онъ воспитывался, то по сношеніямъ съ Начальниками другихъ Сибирскихъ Дирекцій, опредѣлять его въ которую либо изъ нихъ на праздное мѣсто, съ тѣмъ однакожъ, чтобы въ случаѣ надобности онъ могъ быть переведенъ въ сію Дирекцію; если же вовсе не будетъ свободныхъ мѣстъ въ Уѣздныхъ Училищахъ, то, до открытія оныхъ, опредѣлять таковыхъ Воспитанниковъ въ Приходскія Училища.

10) Воспитанники, кои окончатъ курсъ въ Гимназіи, должны выслужить въ Учительскомъ званіи по назначенію Начальства, по крайней мѣрѣ 8 лѣтъ; а тѣ, кои будутъ продолжать ученіе и въ Университетѣ, 10 лѣтъ.

11) Для постепеннаго приготовленія Воспитанниковъ въ Учители, принять за правило, чтобы каждый годъ помѣщать въ Тобольскую и Иркутскую Гимназію по два Казенныхъ Воспитанника Тобольской и Иркутской Дирекцій и по одному Томской и Енисейской, такъ, чтобы въ каждомъ изъ 4 Гимназическихъ классовъ было по 3 Воспитанника, за исключеніемъ 2 классовъ Тобольской

Гимназіи, въ которыхъ должно быть по 4, если всѣхъ будетъ 10 человѣкъ. А какъ въ оной Гимназіи имѣются уже Казенные Воспитанники, то стараться завести сіе правило по крайней мѣрѣ на будущее время, наблюдая, чтобы на праздныя мѣста Казенныхъ Воспитанниковъ принимать въ тѣ классы, по которымъ ихъ не имѣется въ Гимназіи.

Для ускоренія же приготовленіемъ изъ Казенныхъ Воспитанниковъ обѣихъ Гимназій Учителей, замѣстить съ начала 1836-37 учебнаго года всѣ ваканціи таковыхъ Воспитанниковъ; равнымъ образомъ для отправленія въ Университетъ набрать на первый разъ желающихъ Своекоштныхъ Воспитанниковъ, окончившихъ съ похвалою въ Тобольской и Иркутской Гимназіяхъ курсъ наукъ, если въ первой не окажется таковыхъ изъ Казеннокоштныхъ.

12) Воспитанниковъ Тобольской Губерніи содержать на счетъ капитала тамошней Гимназіи, пожертвованнаго покойнымъ Дѣйствительнымъ Статскимъ Совѣтникомъ Демидовымъ, на настоящемъ положеніи; Иркутской также изъ капитала Гимназіи, съ дополненіемъ недостающаго количества изъ Государственнаго Казначейства; а Томской и Енисейской, равно и образующихся въ Казанскомъ Университетѣ, на счетъ суммъ Государственнаго Казначейства.

По учрежденіи Гимназій въ Губерніяхъ Томской и Енисейской, потребное количество денегъ на увеличеніе Казенныхъ Воспитанниковъ сихъ Губерній производить также изъ суммъ Государственнаго Казначейства, по сношенію Министра Народнаго Просвѣщенія съ Министромъ Финансовъ.

13) При назначеніи Воспитанниковъ въ Учители, выдавать какъ опредѣляемымъ въ Гимназіи, такъ и въ Уѣздныя Училища, на основаніи Указа 8 Декабря 1828 года, сверхъ прогонныхъ къ мѣсту назначенія по положенію денегъ, третное не въ зачетъ жалованье изъ суммъ Государственнаго Казначейства, по предложеніямъ Сибирскихъ Гражданскихъ Губернаторовъ мѣстнымъ Казеннымъ Палатамъ. При отправленіи Воспитанниковъ въ Гимназіи, а изъ сихъ послѣднихъ въ Университетъ, выдавать имъ такимъ же образомъ и на очетъ тѣхъ же суммъ прогонныя деньги.

Вмѣстѣ съ симъ Г. Министръ испрашивалъ Высочайшаго соизволенія отпускать для содержанія, на вышеизложенномъ основаніи, съ начала будущаго 1836—37 Академическаго года при Тобольской Гимназіи 14, при Иркутской 12 и при Казанскомъ Университетѣ 4 Воспитанниковъ, изъ Сибирскихъ уроженцевъ, для приготовленія къ Учительскому званію въ Сибирскихъ Губерніяхъ, потребныя для сего по исчисленію: на Воспитанниковъ Иркутской Дирекціи, въ дополненіе къ собственнымъ средствамъ Гимназіи, 971 рубль 1 коп.; на Воспитанниковъ Томской Дирекціи 984 р. 92 коп., Енисейской 1666 р. 68 к. и при Казанскомъ Университетѣ 2000 р.; всего же пять тысячъ шестьсотъ двадцать два рубля шестьдесятъ одну копейку, равно на первоначальное обзаведеніе всѣхъ сихъ Воспитанниковъ, три тысячи девятьсотъ одинъ рубль шестьдесятъ копеекъ изъ Государственнаго Казначейства.

55. (Декабря 12). *О дозволеніи изданія Журнала* Das Inland *и при оном изданія* Der Refractor.

Его Императорское Величество изъявилъ въ 12 день Декабря Высочайшее соизволеніе, по всеподданнѣйшему представленію Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, на изданіе въ 1836 году еженедѣльнаго Журнала, Профессоромъ Дерптскаго Университета Бунге, подъ названіемъ *Das Inland*, и въ непосредственной связи съ нимъ, другаго еженедѣльнаго же изданія *Der Refractor*, коего Редакцію принимаетъ на себя Профессоръ того же Университета Шмальцъ.

56. (Декабря 17). *Объ опредѣленіи при первой Казанской Гимназіи, сверхъ положеннаго по Штату писца нижняго разряда, еще другаго высшаго разряда, въ званіи Письмоводителя, и одного Бухгалтера.*

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія внесеннымъ въ Комитетъ Гг. Министровъ запискою испрашивалъ Высочайшаго Его Императорскаго Величества Повелѣнія: при первой Казанской Гимназіи имѣть для письмоводства, сверхъ Канцелярскаго Служителя нижняго разряда, положеннаго по Штату, Канцелярскаго Служителя высшаго разряда, въ званіи Письмоводителя, и Бухгалтера съ жалованьемъ: первому по 600, а послѣднему по 500 рублей въ годъ, изъ суммы остающейся въ экономіи отъ содержанія при Гимназіи Казеннокоштныхъ Воспитанниковъ и Пансіонеровъ.

На сіе представленіе, согласно Положенію Комитета Гг. Министровъ, послѣдовало 17 Декабря Высочайшее соизволеніе.

Опредѣленія, увольненія и награжденія.

Указъ Правительствующему Сенату.

Снисходя на всеподданнѣйшее прошеніе Попечителя Дерптскаго Учебнаго Округа Генералъ-Лейтенанта Барона фонъ-деръ-Палена, Всемилостивѣйше увольняемъ его отъ сего званія, повелѣвая быть Попечителемъ Дерптскаго Учебнаго Округа Генералъ-Лейтенанту Крафстрему, съ сохраненіемъ всѣхъ окладовъ, имъ нынѣ получаемыхъ, и съ производствомъ сверхъ того по три тысячи шестьсотъ рублей столовыхъ денегъ изъ Государственнаго Казначейства.

На подлинномъ собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:

НИКОЛАЙ.

С. Петербургъ,
16 Декабря 1835 года.

Высочайшій Рескриптъ,

данный на имя бывшаго Попечителя Дерптскаго Учебнаго Округа, Барона фонъ-деръ-Палена.

Баронъ Матвѣй Ивановичь! Уволивъ васъ, согласно прошенію, отъ званія Попечителя Дерптскаго Универ-

сштета и его Округа, Я справедливымъ нахожу изъявить вамъ Мою совершенную признательность за отличнѣйшее усердное исполненіе должности, съ симъ званіемъ сопряженной и за понесенные труды при управленіи ввѣренными вамъ Учебными Заведеніями, пребывая вамъ благосклонный

На подлинномъ собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:

НИКОЛАЙ.

С. Петербургъ,
16 Декабря 1835 года.

Господину Министру Финансовъ.

Въ награду отлично-усердной службы Управляющаго Департаментомъ Народнаго Просвѣщенія, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника *Князя Ширинскаго-Шихматова*, Всемилостивѣйше повелѣваю: производить ему, Князю Ширинскому-Шихматову, вмѣсто аренды, не въ примѣръ другимъ, изъ Государственнаго Казначейства, въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, по тысячѣ пяти-сотъ рублей серебромъ ежегодно: о чемъ и учините вы надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:

НИКОЛАЙ.

С. Петербургъ,
7 Декабря 1835 года.

Опредѣлены:

Ординарный Профессоръ Дерптскаго Университета *Нейе* — Ректоромъ онаго на 1836 годъ (21 Декаб.).

Францискъ Оцандо причисленъ къ Министерству Народнаго Просвѣщенія Чиновникомъ по особымъ порученіямъ съ чиномъ Титулярнаго Совѣтника и съ производствомъ ему жалованья по три тысячи рублей ассигнаціями въ годъ изъ Государственнаго Казначейства (10 Декабря).

Почетными Попечителями Гимназій: Каменецъ-Подольской — отставн. Гвард. Шт. Ротм. *Комаръ* (17 Декаб.); Таврической — Ст. Сов. *Мюльгаузенъ* (21 Декаб.); Херсонской — Кол. Секр. *Комстадіусъ* (21 Декаб.).

Награждены

За отлично-усердную службу.

а) *Орденомъ*

Св. Станислава 1-й степени: Попечитель С. Петербургскаго Учебнаго Округа и Вице-Президентъ Императорской Академіи Наукъ Дѣйств. Ст. Сов. *Князь Дондуковъ-Корсаковъ* (5 Декаб.).

b) *Ежегодною, не въ примѣръ другимъ, выдачею по тысячѣ рублей серебромъ въ теченіе 12 лѣтъ, вмѣсто аренды.*

Ректоръ С. Петербургскаго Университета, Д. Ст. Сов. *Дегуровъ* (7 Декабря).

с) *Чинами:*

Коллежскаго Ассессора: Находящійся при Попечителѣ Харьковскаго Учебнаго Округа, Тит. Сов. *Де Роберти* (20 Декаб.); Старшій Письмоводитель при Попечителѣ Дерптскаго Учебнаго Округа Тит. Сов. *Винтеръ* (30 Декаб.).

Коллежскаго Секретаря: Старшій Письмоводитель Канцеляріи Попечителя Харьковскаго Учебнаго Округа Губ. Секр. *Никифоровъ* (20 Декаб.).

d) *Брилліантовымъ перстнемъ:*

Профессоръ Харьков. Университета *Сокальскій*.

e) *Единовременною выдачею денегъ:*

Состоящій при Посольствѣ нашемъ въ Парижѣ, Кол. Ассес. Каммергеръ *Князь Мещерскій* — за усердное исправленіе должности Корреспондента Министерства Народнаго Просвѣщенія (17 Декаб.); Директоръ Училищъ Харьковской Губерніи, отстав. Маіоръ *Метелеркампъ* (20 Декаб.) и Переводчикъ при Попечителѣ Дерптскаго Учебнаго Округа Кол. Секр. *Гинце* — за отлично-усердную службу (28 Декаб.).

Почетный Попечитель Харьковской Гимназіи, отстав. Гвард. Ротм. *Графъ Гендриковъ*, Всемилостивѣйше пожалованъ въ званіе Каммергера Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, за отлично-усердную службу (20 Декаб.).

---

2. МИНИСТЕРСКІЯ

РАСПОРЯЖЕНІЯ.

(За Декабрь мѣсяцъ 1835 года.)

41. (Декабря 7) Циркулярное предложеніе Г. Министра Народнаго Просвѣщенія Гг. Попечителямъ Учебныхъ Округовъ и прочимъ, непосредственно отъ Министерства зависящимъ Учебнымъ Начальствамъ, *объ открытіи вновь Частныхъ Учебныхъ Заведеній.*

Извѣстно Вашему Превосходительству, что Государь Императоръ, въ 4 день Ноября 1833 года, между прочимъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: разрѣшить впредь учрежденіе Частныхъ Пансіоновъ въ Губерніяхъ не иначе, какъ по уваженію крайней въ томъ надобности, и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ не представляется другой возможности къ образованію юношества въ Казенныхъ Учебныхъ Заведеніяхъ.

Для точнаго исполненія сей Высочайшей воли, нужнымъ считаю постановить за правило, чтобы на будущее время, на открытіе вновь всякаго Частнаго Учебнаго Заведенія, предварительно испрашиваемо было мое разрѣшеніе, съ представленіемъ побудительныхъ къ тому причинъ и подробныхъ оснований, на коихъ Пансіонъ или Школа предполагается къ учрежденію.

42. (Декабря 10) Циркулярное предложеніе Г. Министра Народнаго Просвѣщенія Гг. Попечителямъ Учебныхъ Округовъ и прочимъ, Непосредственно отъ Министерства зависящимъ Начальствамъ, *о подтвержденіи употреблять для преподаванія только одобренныя Министерствомъ книги.*

Изъ поступающихъ въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія требованій на учебныя книги и изъ другихъ свѣдѣній усматривается, что не во всѣхъ Учебныхъ Заведеніяхъ и не по всѣмъ предметамъ наукъ употребляются для преподаванія книги, одобренныя Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, но замѣняются другими по произволу Преподавателей.

Въ Высочайшемъ Рескриптѣ, послѣдовавшемъ въ 14 день Маія 1826 года на имя бывшаго Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, изъяснена Высочайшая Его Императорскаго Величества воля, чтобы всѣ курсы ученія преподаваемы были по одобреннымъ и назначеннымъ для того книгамъ, и чтобы преподаваніе ученія по произвольно избираемымъ книгамъ и тетрадямъ было воспрещено.

Руководствуясь сею Высочайшею волею, долгомъ считаю покорнѣйше просить Ваше Превосходительство обратить на этотъ предметъ ближайшее вниманіе Начальниковъ Учебныхъ Заведеній и подтвердить имъ, чтобы вмѣсто одобренныхъ Министерствомъ для употребленія и изданныхъ уже учебныхъ по каждому предмету книгъ, ни подъ какимъ предлогомъ не были употребляемы другія книги или тетради, подъ строгою въ томъ съ

ихъ стороны отвѣтственностію. Впрочемъ, что не относится къ тѣмъ учебнымъ предметамъ, для которыхъ не назначено еще Министерствомъ надлежащихъ руководствъ.

43. (Декабря 11) Циркулярное предложеніе Г. Министра Народнаго Просвѣщенія Гг. Попечителямъ Учебныхъ Округовъ и прочимъ, непосредственно отъ Министерства зависящимъ, Учебнымъ Начальствамъ, *о правилахъ, кои слѣдуетъ соблюдать при взысканіи денегъ съ Домашнихъ Наставниковъ, Учителей и Учительницъ, и исправляющихъ сіи должности, коимъ взносъ оныхъ отсроченъ до поступленія въ частные домы.*

На основаніи § 60 Высочайше утвержденнаго въ 1-й день Іюля 1834 года Положенія о Домашнихъ Наставникахъ, Учителяхъ и Учительницахъ, взносъ денегъ, опредѣленныхъ ко взысканію за свидѣтельства на сіи званія, въ случаѣ крайней бѣдности тѣхъ, кои пріобрѣтаютъ оныя, можетъ быть отсроченъ до поступленія ихъ въ частные домы.

Для отвращенія неудобствъ, встрѣтившихся во взысканіи подобныхъ денегъ, при переѣздѣ лицъ, занимающихся частнымъ обученіемъ, изъ одного мѣста въ другое, Начальство С. Петербургскаго Учебнаго Округа вошло ко мнѣ съ представленіемъ, по разсмотрѣніи коего я нужнымъ считаю предложить, для единообразнаго исполненія, нижеслѣдующее:

1) На свидѣтельствахъ Домашнихъ Наставниковъ, Учителей и Учительницъ, и исправляющихъ

сія должности, кои при полученіи оныхъ сдѣлаютъ на свидѣтельствѣ слѣдующей за оными суммы, означивъ количество денегъ, именно: столько-то (кое должно означать прописью) отсрочено до своего поступленія въ частный домъ.» Сія надписи должны быть за подписью лица, управляющаго Канцеляріею Попечителя.

2) Поставить въ обязанность Директорамъ Училищъ, дабы они, по представленіи имъ свидѣтельствъ съ таковою надписью Учителями или Преподавателями, вступающими по ихъ Дирекціямъ въ дѣйствительное отправленіе своихъ обязанностей, немедленно взыскивали съ нихъ означенныя имя деньги и въ полученіи таковыхъ дѣлали на свидѣтельствахъ надлежащія за своею подписью и съ приложеніемъ казенной печати расписки, кои уже и будутъ служить Учителямъ или Учительницамъ вмѣсто квитанцій; Начальствамъ же, отъ коихъ выданы сія свидѣтельства, оныя немедленно должны о томъ доносить.

3) Получаемыя такимъ образомъ деньги должны быть доставляемы въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія, вмѣстѣ съ прочими подобнаго рода суммами, на точномъ основаніи циркулярнаго предложенія моего отъ 22 Мая сего года; но съ объясненіемъ, что оныя истребованы съ *такого-то* лица, за свидѣтельство, выданное ему отъ *такого-то именно* Начальства, и что сіе послѣднее о взысканіи тѣхъ денегъ въ свое время увѣдомлено.

44. (Декабря 31) *Объ опредѣленіи Бухгалтера при Нижегородской Дирекціи*

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія разрѣшилъ, въ слѣдствіе представленія Г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа, опредѣлить при Нижегородской Дирекціи Училищъ Бухгалтера съ жалованьемъ по пятисотъ рублей въ годъ изъ хозяйственной суммы тамошней Гимназіи.

Опредѣленія и увольненія.

Состоящій по Высочайшему Повелѣнію при Попечителѣ Харьковскаго Учебнаго Округа Чиновникомъ особыхъ порученій Тит. Сов. *Де-Роберти*, перечисленъ сим же званіемъ къ Министру Народнаго Просвѣщенія (21 Декаб.).

По Департаменту Народнаго Просвѣщенія.

Чиновникъ особыхъ порученій Тит. Сов. *Снарскій* уволенъ по собственному желанію (16 Декаб.).

По Университетамъ.

По С. Петербургскому: По случаю преобразованія по новому Уставу уволены отъ службы: Заслужен. Профессоръ, Ректоръ, Дѣйств. Ст. Сов. *Дегуровъ;* Ординарн. Профессоры: *Бутырскій, Вишневскій* и *Крыловъ;* Э. Ордин. Профессоры: *Поповъ* и *Зембницкій;* Адъюнкты: *Андреевскій, Брутъ, Постельсъ, Семеновъ* и *Гоголь-Яновскій;* утверждены: Ординарнымъ Профессоромъ: Ординар. Академикъ *Ленцъ;* Э. Ординар. Профессорами: Докторы Правъ *Ивановскій, Калмыковъ, Баршевъ, Кранихфельдъ* и Адъюнктъ *Топчибашевъ;* Адъюнктомъ: Магистръ *Куторга* 2-й; Исправляющими должность Адъюнкта: Кандидаты *Чижовъ* и *Палибинъ* (31 Декаб.).

По Московскому: По случаю преобразованія по новому Уставу уволены отъ службы: Ординарные Профессоры: *Снѣгиревъ* и *Дядьковскій;* Э. Орд. Проф.

Щедринскій; Адъюнкты: *Терновскій*, *Никифоръ Лебедевъ*, *Протасовъ* и *Козьма Лебедевъ*; утверждены: Ординарными Профессорами: Э. Орд. Проф. *Эйнбротъ* и Проф. Московскаго Отдѣленія Медико-Хирургической Академіи *Веселовскій*; Э. Орд. Профессорами: Адъюнктъ *Іовскій*, Докторы Правъ *Рѣдкинъ*, *Крыловъ* и *Баршевъ*, Докторъ Философіи *Крюковъ*, Докторы Медицины *Филомафитскій*, *Иноземцевъ* и Преподаватель Казанскаго Университета Докторъ Медицины *Сокольскій*; Адъюнктами: Ординаторъ Голицынской Больницы, Докт. Медиц. *Анке*; Старшій Учитель Москов. Губернской Гимназіи Магистръ *Оболенскій* и Магистръ *Чивилевъ*; Помощникомъ Профессора по Акушерской Клиникѣ Докторъ Медицины *Брокъ* (31 Декаб.); Синдикомъ, Кассиръ, Кол. Ассес. *Захаровъ* (19 Декаб.), считая съ 1-го Генваря 1836 года.

Уволены по прошенію: Э. Орд. Проф. *Побѣдоносцевъ* (21 Декаб.), Учитель музыки Тит. Сов. *Жоліо* (30 Декаб.).

По Дерптскому: Орд. Проф. *Ульманъ* утвержденъ Членомъ Училищнаго Комитета (11 Декаб.).

По Харьковскому: Генералъ-Маіоръ *Муравьевъ* утвержденъ Почетнымъ Членомъ онаго (12 Декаб.).

По Университету Св. Владиміра: Ордин. Проф. *Максимовичъ* уволенъ, по прошенію, отъ должности Ректора, и до истеченія двухгодичнаго срока со времени утвержденія его въ семъ званіи, назначенъ Проректоромъ Ордин. Проф. *Цыхъ* (11 Декаб.).

По Учебнымъ Округамъ.

По Московскому: утверждены Почетными Смотрителями Уѣздныхъ Училищъ: Суздальскаго — Кол.

Секр. *Яковлевъ* (11 Декаб.); [illegible] — Кол. Рег. *Демьяновъ* (30 Декаб.); [illegible] — Кол. Ассес. *Пилецкій* (30 Декаб.).

По Кіевскому: Директоръ Училищъ Кіевской Губерніи Кол. Ассес. *Петровъ* утвержденъ Директоромъ 1-й Кіевской Гимназіи (4 Декаб.); Почетн. Смотрит. Погарскаго Уѣзднаго Училища Кол. Секр. *Лашкевичъ* перемѣщенъ симъ званіемъ въ Новозыбковское Уѣздное Училище (19 Декаб.).

По Бѣлорусскому: Шт. Кап. *Миткевичъ* утвержденъ Почетн. Смотрителемъ Оршинскаго Уѣздн. Училища (7 Декаб.).

II.

НАУКИ, СЛОВЕСНОСТЬ
и
ХУДОЖЕСТВА.

1.

О НОВѢЙШЕМЪ ЕСТЕСТВЕННОМЪ ПРАВѢ.

Изступленіе метафизическаго фанатизма, овладѣвшее умами Философовъ въ прошедшемъ столѣтіи, породило между прочими химерическими отвлеченностями и Науку Естественнаго и Политическаго Права, не зависящую ни отъ какихъ положительныхъ данныхъ и, что еще важнѣе, ни отъ какого нравственнаго закона. Эта Наука, облеченная въ формы универсальности и необходимости, которыми тщательно украшали ее, и

громко возвѣщающая указаніе твердыхъ и незыблемыхъ основаній политическаго законодательства, сначала разлила необыкновенный блескъ и даже ослѣпила большое число тѣхъ изъ адептовъ, которые, не утверждаясь на однѣхъ метафизическихъ отвлеченностяхъ, руководствовались обыкновенно въ своихъ сужденіяхъ наставленіями опыта. Время открыло всю неосновательность ея мечтательныхъ теорій — и ужасныя послѣдствія, коими сопровождались первые опыты, сдѣланные для осуществленія новаго порядка дѣлъ, достаточно могли показать всякому благомыслящему человѣку и истинную цѣну и истинное направленіе сего ученія. Судя однакожъ по лестному пріему, какой и до сего времени оказывается самымъ безсмысленнымъ и нелѣпымъ брошюрамъ, если только онѣ имѣютъ предметомъ Естественное Право, можно заключить съ достовѣрностію, что нашему вѣку какъ будто бы жаль отречься отъ сумасброднаго почитанія, которое еще такъ недавно воздавалось этому философическому кумиру исчезнувшимъ предъ нами поколѣніемъ, приносившимъ ему въ жертву свое счастіе и даже кровь свою.

Посему справедливо заключаютъ, что ученія, оказывающія столь обширную и продолжительную власть надъ умами, не могутъ быть сплетеніемъ однихъ лживыхъ вымысловъ: заблужденіе само по себѣ безсильно, и можетъ пріобрѣсти довѣріе, только принимая личину истины. Но къ несчастію рода человѣческаго самые вымыслы, ежели къ нимъ примѣшиваютъ нѣсколько истинъ, легко становятся правдоподобіями, и обаяніе совер-

шается тѣмъ удачнѣе, что выставляемыя на переднемъ планѣ истины бываютъ рѣзки и касаются какой-либо изъ самыхъ драгоцѣннѣйшихъ для человѣчества выгодъ. Убѣжденные въ истинѣ началъ, мы часто забываемъ разсматривать справедливость слѣдствій, которыя другимъ угодно извлекать изъ нихъ; забываемъ предложить себѣ весьма важный вопросъ: эти начала сами по себѣ не истинны ли, можетъ быть, только подъ извѣстными условіями, т. е. въ извѣстныхъ границахъ, и не перестаютъ ли они быть истинными, когда мы переступаемъ эти границы и принимаемъ начала въ смыслѣ болѣе общемъ. Если притомъ въ изслѣдованія вмѣшиваются и страсти, то онѣ довершаютъ ниспроверженіе здравыхъ понятій: тогда нѣтъ уже истины столь очевидной, относительно которой человѣкъ не могъ бы ослѣпляться, точно такъ же, какъ и нѣтъ мнѣнія столь нелѣпаго, котораго съ жадностію не принялъ бы онъ, лишь бы только это мнѣніе благопріятствовало намѣреніямъ его, порожденнымъ страстію. А какая выгода тѣснѣе связана со всѣми прочими, какъ не та, которая касается нашего общественнаго существованія? и какое нововведеніе обѣщаетъ самолюбію, жадности и множеству другихъ столь же низкихъ страстей обильнѣйшую жатву, какъ не потрясенія политическія, къ коимъ прямо ведетъ осуществленіе новѣйшихъ теорій? И такъ не будемъ удивляться тому упорству, съ которымъ нѣкоторыя политическія начала, столько разъ отвергнутыя и оставленныя, снова воспроизводятся и защищаются.

Однакожъ проникнутые внутреннимъ убѣжденіемъ, что Творецъ, даровавъ бытіе роду человѣческому, въ то же время назначилъ и цѣль этому бытію, и поставивъ людей во взаимную другъ отъ друга зависимость, не дозволилъ никому изъ нихъ принимать собственную прихоть за законъ въ сношеніяхъ съ ближними, мы отнюдь не хотимъ называть Естественное Право, какое бы оно ни было, мечтою. Напротивъ, мы сами проникаемся священнымъ восторгомъ, созерцая съ Платономъ неувядаемую красоту вѣчной идеи справедливаго; мы сами удивляемся глубинѣ той политической мудрости, съ которою Аристотель поставилъ справедливость въ необходимое основаніе всякаго существующаго между людьми общественнаго отношенія. Мы не отказываемъ и въ справедливой признательности тѣмъ достойнымъ уваженія Писателямъ, которые, какъ на примѣръ Гроцій и Пуффендорфъ, поставили себѣ въ обязанность представлять Государямъ и народамъ ихъ взаимныя относительно другъ друга обязанности и всегда старались согласить ученіе свое съ началами Нравственности и Христіанской Вѣры; но осмѣливаемся утверждать, что Естественное Право, въ томъ видѣ, какъ оно представляется нынѣ несравненно большею частію Писателей, т. е. не только отрѣшенное отъ Религіи, но и въ разрывѣ съ естественною нравственностію, есть не что иное, какъ каррикатура истиннаго Права; и даже смѣшно утверждать, чтобы въ этомъ обнаженномъ, бездушномъ и неподвижномъ скелетѣ обитала жизненная сила, одушевляющая или долженствую-

щая одушевлять организмъ самый прекрасный, самый обширный и самый сложный — организмъ общественной жизни Государствъ. —

Послѣ временъ владычества Схоластики, прежде всѣхъ Гуго Гроцій и Томасъ Гоббесъ, въ первой половинѣ XVII вѣка, пытались возвести Естественное Право на степень Науки, но съ намѣреніями совершенно различными и съ достоинствомъ весьма неравнымъ. Гроцій (1) предпринялъ проникнуть глубже въ основанія всякаго права и измѣрить всю обширность ихъ; онъ хотѣлъ поставить Дипломатію на основаніяхъ не столь зыбкихъ, приводя взаимныя отношенія между народами къ извѣстнымъ твердымъ началамъ, установленнымъ отъ самаго разума, и смягчить бѣдствія, коими обыкновенно сопровождается война — этотъ бичь рода человѣческаго. Достоинство сего знаменитаго Писателя признано единогласно, и никто не откажетъ ему въ славѣ, что онъ былъ творцемъ Науки Народнаго Права.

Гоббесъ съ своей стороны, взирая съ глубокимъ прискорбіемъ на отечество свое, Англію, раздираемую мятежами и преданную въ добычу всѣхъ ужасовъ войны гражданской, написалъ въ продолженіе своего пребыванія во Франціи, куда онъ спасся, два сочиненія (2), которыя могутъ быть почитаемы первыми опытами Публичнаго Права, основаннаго на законахъ природы человѣческой. Сочинитель предположилъ

(1) Въ сочиненіи своемъ: De jure belli et pacis. Libri tres. Parisiis 1625.

(2) De cive, 1642. — Leviathan, sive de materia, forma et potestate civitatis ecclesiasticae et civilis, 1651.

себѣ не только оправдать поступки несчастнаго Карла I въ отношеніи къ Парламенту и народу Англійскому, но и вообще утвердить за Государями совершенно неограниченное Право надъ ихъ народами, Право, какого никогда не желалъ Монархъ и какого никогда не пожелаетъ. Для этой-то цѣли Гоббесъ выдумалъ свой знаменитый общественный договоръ и порученіе Государю верховной власти отъ народа, ни сколько не думая, что Софисты слѣдующаго вѣка извлекутъ изъ этой жалкой мечты послѣдствія, діаметрально противоположныя тѣмъ, которыя вывелъ онъ самъ, и что ученіе его не только не водворитъ на землѣ мира, какъ надѣялся онъ, но послужитъ еще, по толкованію совершенно превратному, оправданіемъ для всѣхъ революціонныхъ покушеній.

Наукѣ Естественнаго Права, зарожденной такимъ образомъ въ самомъ нѣдрѣ общественныхъ бѣдствій и обработанной въ послѣдствіи Писателями, коихъ и намѣренія и достоинства были весьма различны — каковы Фильмеръ, Нидгамъ, Алгернонъ Сидней, Мильтонъ, Локкъ — не доставало еще отдѣлки систематической, которая одна могла опредѣлить взаимную соразмѣрность разныхъ частей, ее составляющихъ (ибо Публичное Право — очевидно важнѣйшая часть ея касательно практики — до сихъ поръ занимало умы почти исключительно); особенно не доставало ей Метафизики, т. е. начала ея не были еще строго выведены изъ разума. То и другое придано было ей трудолюбивою ревностію Нѣмцевъ и ихъ выспреннимъ духомъ, который любитъ обтекать безпре-

дѣльныя области умозрѣнія, не боясь сбиться съ пути: ибо природное ихъ хладнокровіе и здравый разсудокъ, по счастію, не дозволяютъ имъ стремительно спѣшить къ осуществленію умозрительныхъ своихъ мечтаній. Пуффендорфъ былъ первый Профессоромъ Науки Естественнаго Права въ Германіи и составилъ изъ нея полный курсъ (1) —памятникъ рѣдкій въ литературномъ мірѣ, свидѣтельствующій вмѣстѣ и обширную ученость и религіозныя и нравственныя чувствованія, которыя всегда будутъ дѣлать честь этому знаменитому Публицисту.

Ни Гроцій, ни Пуффендорфъ не покушались сдѣлать Естественное Право независимымъ отъ Нравоученія: напротивъ того, разсматриваемое съ теоретической точки зрѣнія, оно было въ такой тѣсной связи съ Нравоученіемъ, въ какой должно быть на самой практикѣ; или, лучше сказать, оно составляло только одну изъ самоважнѣйшихъ Главъ Нравоученія, ибо имѣло съ нимъ одинъ источникъ, одни начала и одну обязательную силу. Однакожъ это счастливое соединеніе не было продолжительно: метафизическія тонкости разсѣкли то, что въ жизни должно было составлять одно нераздѣльное цѣлое. И такъ удивительно ли, что Естественное Право, отдѣленное отъ животворнаго своего начала, представляетъ намъ отвратительное зрѣлище обнаженнаго скелета? Томазію первому принадлежитъ незавидная слава раздробленія Нраво-

(1) Elementa jurisprudentiae universalis, 1660. — De jure naturae et gentium libri octo, 1672. — De officio hominis et civis juxta legem naturalem, libri duo, 1673.

ученія, которое привелъ онъ къ различнымъ и особнымъ началамъ: честнаго— *honestum*, справедливаго —*justum*, и благопристойнаго— *decorum* (1). Намѣреніе этого Писателя, въ которомъ не льзя подозрѣвать особенной скрытой мысли, безъ сомнѣнія, состояло въ томъ, чтобы симъ различеніемъ обогатить Науку и сообщить Юриспруденціи основаніе раціональное, точно такъ же, какъ въ предшествующіе вѣки старались утвердить Положительное Богословіе на Богословіи Естественномъ. Но однажды происшедшее разгласіе между Нравоученіемъ и Естественнымъ Правомъ должно было, по самой природѣ вещей, возрастать болѣе и болѣе, и наконецъ дойти до совершеннаго разрыва, который и видимъ мы со времени Канта. Это гибельное раздѣленіе было кромѣ того вспомоществуемо и ускоряемо необыкновенными обстоятельствами. Протестантизмъ, потрясшій въ основаніи церковную власть, начиналъ уже вкрадываться и въ изслѣдованія, относившіяся къ правамъ Государей и народовъ; и хотя не такъ легко было избавиться отъ свѣтской руки Государей, какъ отъ духовной власти Папъ, однакожъ не менѣе того вознамѣрились установлять мало по малу въ гражданскомъ обществѣ свободу и равенство, которыхъ образецъ въ религіозномъ отношеніи представляла Протестантская Церковь. Духъ вѣка, находившагося въ броженіи, съ жадностію взялся за теорію Права, которая, состоя въ борьбѣ со всѣмъ, что было принято и исполняемо на дѣлѣ въ предшедшіе вѣки, мо-

(1) Въ сочиненіи своемъ: Fundamenta juris naturae et gentium, 1705.

гла служить основаніемъ новому порядку дѣлъ — и Нѣмецкая Философія, которая славилась тѣмъ, что съ презрѣніемъ смотрѣла на всякое знаніе, доставляемое опытомъ, и въ своихъ уединенныхъ мечтаніяхъ превратившаяся тогда въ чистый формализмъ, чуждый всякому практическому приложенію, принялась съ пристрастною заботливостію нѣжной матери выработывать ткань этого новаго ученія до малѣйшихъ ея подробностей.

Однакожъ такъ названный свѣтильникъ, зажженный въ Германіи, ни сколько не внушалъ собою опасенія превратиться въ пожарный факелъ: якобинизмъ здѣсь довольствовался тѣмъ, что принялъ характеръ метафизическій, или, всего болѣе, эстетическій.

Напротивъ того, во Франціи, гдѣ совершенная безнравственность, имѣвшая источникъ свой при Дворѣ, ослабила всѣ общественныя связи; гдѣ матеріализмъ и атеизмъ, открыто проповѣдуемые людьми, выдававшими себя за верховныхъ повелителей въ ученомъ мірѣ, называли недостойными просвѣщеннаго вѣка предразсудками и Религію и безкорыстную нравственность — эти неколебимыя опоры общественной жизни; гдѣ представлялись дѣйствительныя невыгоды отъ растраты государственныхъ доходовъ, отъ непомѣрныхъ налоговъ, въ собираніе которыхъ вкралось самовольство, и отъ управленія, которое, при неспособности дѣйствовать посредствомъ законовъ, постоянно обращалось въ ненавистное насиліе власти, — во Франціи, говорю, новое ученіе не ограничилось одними школами; но распространенное чрезъ

сочиненія, въ которыхъ щедрою рукою разсыпаны были и умъ, и краснорѣчіе, и всѣ очарованія классическаго изложенія, оно возобладало надъ мнѣніемъ общественнымъ и приняло практическій характеръ, лишь только сознало свою силу. Такимъ образомъ, хотя революція 1789 года и ошибочно приписывалась этимъ метафизическимъ теоріямъ, однакожь не менѣе справедливо и то, что дерзость нѣсколькихъ фанатическихъ послѣдователей этой Метафизики въ самую критическую минуту рѣшила ходъ революціи и придала ей тотъ истребительный характеръ, по которому она, ни сколько не перестроивая, только разрушала сверху до низу все древнее общественное зданіе, чтобъ въ послѣдствіи утвердить на гладкой землѣ систему свободы и равенства, бывшую, по мнѣнію ихъ, истинною и единственно справедливою въ глазахъ разума цѣлію всякаго гражданскаго общества.

Въ числѣ первыхъ между проповѣдниками этого новаго ученія должно поставить Монтескьё: онъ былъ непосредственнымъ предтечею революціонныхъ Писателей. Его трактатъ о духѣ законовъ (1) — сочиненіе, заслужившее во время появленія своего такой успѣхъ, которому мы нынѣ едва можемъ повѣрить — скрывалъ разрушительное свое направленіе подъ самыми невинными формами; но, превознося выше мѣры представительное правленіе Англіи, восхваляя, какъ одно изъ существенныхъ совершенствъ хорошаго правленія, раздѣленіе и совершенную независимость

(1) Напечатанъ въ 1748 г.

властей законодательной, судебной и исполнительной, наконецъ называя добродѣтель побужденіемъ къ дѣятельности въ гражданахъ Республикъ, а дѣятельности гражданъ въ Государствахъ Монархическихъ приписывая побужденіе второстепенное —честь, онъ впускалъ по каплѣ незамѣтный ядъ въ умы многочисленныхъ своихъ читателей, усиливалъ суетное желаніе нововведеній, которое порождено было вышеизложенными обстоятельствами въ сердцѣ народа, и приготовилъ міръ къ слушанію безъ содроганія того ученія, которое, не обинуясь, повелѣвало низвергать все, что еще стояло, чтобы послѣ того жить сообразно мнимымъ требованіямъ разума.

И дѣйствительно, громкій Общественный Договоръ надменнаго гражданина Женевскаго не замедлилъ явиться (1). Выходя изъ того начала, что всѣ люди раждаются свободными и равными; что нѣтъ давности на утрату сихъ правъ и что они никакимъ образомъ не могутъ подлежать отчужденію, Ж. Ж. Руссо основываетъ гражданское общество на общественномъ контрактѣ, подобно Гоббесу, сдѣлавшему это еще прежде его. Но вмѣсто того, чтобы единственно Государю самодержавному ввѣрить полную власть и полный судъ, какъ думалъ Гоббесъ, Руссо поручалъ все это обществу, народу, который, по его мнѣнію, есть истинный самодержецъ и никогда не можетъ отказаться отъ своего самодержавія.

---

(1) Онъ изданъ въ 1762.

Законъ (продолжаетъ Руссо) одинъ выше всѣхъ; но законъ, будучи только выраженіемъ общей воли, не можетъ покушаться на свободу и равенство, которыя должны быть почитаемы высочайшимъ благомъ для человѣка. Расточивъ наконецъ всѣ возможныя похвалы въ пользу республиканскихъ правилъ, Руссо самъ почувствовалъ себя принужденнымъ прибавить, что къ несчастію «правленіе столь совершенное не годится для людей; если бы существовалъ народъ боговъ, онъ управлялся бы демократически (1).» Эти замѣчательныя слова въ устахъ Руссо не суть ли откровенное признаніе, что новѣйшіе Метафизики, утверждая свою систему Права на воздушныхъ основаніяхъ общества, составленнаго исключительно изъ существъ, управляющихся разумомъ, не принимая въ соображеніе ни противоразумной стороны человѣка, ни множества нуждъ и ненасытныхъ желаній его, и не обращая вниманія на время и мѣсто, коимъ подчинено всякое земное бытіе, изобрѣтали однѣ мечты, могущія осуществиться только тогда, когда мы не будемъ имѣть ни тѣла, ни страстей, и когда особый разумъ, не находя въ насъ самихъ никакого для себя препятствія, будетъ въ состояніи обойтись совершенно безъ Права, какова бы ни была система онаго?

Не смотря на это, звучныя и двусмысленныя слова «свобода, равенство» остались нѣкоторымъ

(1) Кн. III, Гл. 4, въ концѣ.

образомъ какъ стереотипы во Французской Литературѣ. Писатели, разсуждавшіе о предметахъ самыхъ различныхъ, всегда находили случай вставить въ сочиненіе свое эту любимую мысль и хотя мимоходомъ воскурить еиміамъ идолу, которому публично поклоняться удерживалъ ихъ страхъ или стыдъ. Но вскорѣ успѣхъ и безнаказанность ободрили ихъ, и они переступили всякую мѣру. Тогда вошло, такъ сказать, въ моду порицать, злословить Правительство, и придавать Властямъ самые ненавистные эпитеты. Въ числѣ тѣхъ, которые произвели наиболѣе вліянія, довольно наименовать Физіократовъ, и преимущественно Мирабо отца (1), Гельвеція, Мабли, Рейналя, Буланже, Сочинителя Системы Природы (2), Вольтера, Ла-Меттри, Дидеро и Энциклопедистовъ, наконецъ Мирабо сына и Аббата Сійеса — двухъ восторженныхъ адептовъ новой мудрости, коихъ гибельная дѣятельность въ великой драмѣ, приготовленной всѣми сими Писателями въ продолженіе сорока лѣтъ, слишкомъ извѣстна. Революція, казалось, самымъ дѣломъ освятила новое метафизическое ученіе; но это была только пустая наружность, ибо довольствовались одними словами. Пышная Декларація Правъ человѣка (3), изданная Національнымъ Собраніемъ въ 1791 году, торжественно провозгласила самодержавіе народа, и, не смотря на то, первая конституція того же года, основывавшаяся по видимому на этой Деклараціи,

(1) Автора сочиненія: l'Ami des hommes, 1756.
(2) Лагранжъ или Баронъ Гольбахъ.
(3) Составленная Лафайетомъ.

немедленно ее отмѣнила: ибо народъ — этотъ новый самодержецъ — *принужденъ былъ* принять конституцію, не подавъ голоса, и не уполномочивъ на то своихъ представителей. Любимая мечта Монтескьё относительно совершеннаго раздѣленія властей испытала ту же участь. Конституція 1791 года, казалось, осуществляла ее; но вскорѣ уничтоженная по неудобоисполнимости своей, она только ускорила ходъ анархіи, которая со всѣми своими ужасами быстро шествовала впередъ, лишая власть послѣднихъ остававшихся въ ея распоряженіи средствъ обуздывать страсти игравшія безсильными законами. И дѣйствительно, какъ произвести на дѣлѣ раздѣленіе, даже идеально невозможное, если только разсуждать о немъ не такъ поверхностно, какъ разсуждалъ самъ творецъ его, и не принимать власти существенной за тѣнь простаго логическаго понятія?

Но возвратимся къ Германіи, гдѣ новѣйшая теорія Права, не будучи подвержена сильному вліянію выгодъ вещественныхъ, и сама не производя значительнаго вліянія на общественныя отношенія, была воздѣлываема съ постоянствомъ и усиліями ума и учености, которымъ можно было бы пожелать основанія не столь мечтательнаго. Послѣ множества Писателей, которые стяжали лавры болѣе или менѣе непрочные, подвизаясь за ученіе Томазія, и между которыми особенно замѣчателенъ Ахенваль (1), выступилъ на мѣсто поприща Фихте—

(1) Его трактатъ о Естественномъ Правѣ имѣлъ семь изданій съ 1750 до 1781.

мыслитель съ безстрашною послѣдовательностію, неколебимо развивавшій свои парадоксы, которыми восхищался, доводя ихъ до крайнихъ слѣдствій. Его сочиненіе о Естественномъ Правѣ (1) можетъ быть почитаемо вызовомъ, обращеннымъ ко всѣмъ Философамъ, вести далѣе метафизическія отвлеченности. Ободренный, безъ сомнѣнія, блистательнымъ успѣхомъ, какой имѣло метафизическое построеніе матеріи и высшихъ законовъ ея — замысловатое умозрѣніе Канта, Фихте предпринялъ съ своей стороны создать систему Естественнаго Права по той же методѣ, оставляя въ сторонѣ всякое Нравоученіе и принимая за единственное основаніе идею разумныхъ существъ, обязанныхъ по самой природѣ своей жить вмѣстѣ. — Толпа Писателей, занимавшихся послѣ него Естественнымъ Правомъ, хотя и стремилась къ оригинальности, однакожь развивала только эту отвлеченную идею, которую Фихте предложилъ сначала отдѣльно. Въ самомъ дѣлѣ, не смотря на суетное многорѣчіе, которое употребляли они, чтобы придать произведеніямъ своимъ видъ чего-то новаго, неслыханнаго; не смотря на ихъ различную терминологію, часто противорѣчащую, ибо каждый имѣетъ свою, по своему произволу; не смотря наконецъ на заимствованія, которыя дѣлали у Науки положительной и преимущественно у Римскаго Права, въ намѣреніи придать хотя сколько-нибудь тѣла и жизни сухой системѣ своихъ умозрѣній, — Естественное Право осталось до сихъ поръ тѣмъ же, чѣмъ было подъ перомъ Фих-

(1) Grundlage des Naturrechts nach Principien der Wissenschaftslehre, 1796. — Angewandtes Naturrecht, 1797.

те, т. е. сборникомъ началъ и слѣдствій, которыя хотя и искусно связаны между собою, но будучи основаны на отвлеченности невозможной для осуществленія, составляютъ только блестящую мечту безъ всякаго приложенія къ дѣйствительной жизни. А, что всего важнѣе, это ученіе, чуждаясь всѣхъ чувствованій кротости, милосердія и человѣколюбія, которыя Религія и Нравоученіе безпрестанно внушаютъ намъ, и безъ коихъ не возможно представить себѣ никакого общественнаго бытія; имѣя, напротивъ того, орудіемъ и уставомъ своимъ только физическую силу — начало, способное болѣе отчуждать другъ отъ друга и раздѣлять умы, чѣмъ соглашать и соединять ихъ для одной общей цѣли, — это ученіе, говорю, противообщественно по самой природѣ своей. Присовокупимъ къ сему, что какъ положительные законы, имѣющіе теперь силу у народовъ, составляютъ не плодъ скрытыхъ умозрѣній о человѣкѣ, разсматриваемомъ въ отвлеченномъ смыслѣ, но естественное произведеніе дѣйствительныхъ отношеній и существенныхъ потребностей, чувствуемыхъ живыми людьми: то всякое покушеніе осуществить эту теорію непремѣнно разрушило бы до основанія нынѣшнее гражданское общество, и неминуемымъ слѣдствіемъ имѣло бы водвореніе несправедливости болѣе вопіющей и болѣе жестокой, нежели та, которую стремилось уничтожить. Однимъ словомъ, мы смѣемъ сказать этимъ Метафизикамъ: пока вы не возможете пересоздать народъ, или по крайней мѣрѣ пересоздать его Исторію, т.е. все предыдущее, заключающее въ себѣ сѣмена нынѣшнихъ его общественныхъ

отношеній, законовъ и нравовъ, до тѣхъ поръ ваше отвлеченное законодательство всегда будетъ пустою мечтою, или, лучше, оно всегда будетъ привидѣніемъ, созданнымъ для того, чтобы пугать и тревожить людей: ибо всегда найдутся недовольные, которые, скрывая страсти свои подъ личиною великодушной преданности, заставляющей ихъ защищать этотъ новый порядокъ дѣлъ, требуемый, по ихъ словамъ, здравымъ разсудкомъ, захотятъ ниспровергнуть свѣтъ и будутъ себѣ требовать даже мученическаго вѣнца въ случаѣ несчастія, когда рука правосудія накажетъ ихъ за злодѣянія.

Мнѣніе, высказанное нами о новѣйшей Наукѣ Естественнаго Права, многимъ можетъ показаться слишкомъ строгимъ и рѣзкимъ; но какъ мы вовсе не имѣемъ намѣренія нападать на лица и подозрѣвать ихъ добросовѣстность, и какъ единственная наша цѣль состоитъ въ томъ, чтобъ отнять у этого ученія несправедливо присвоенную имъ себѣ власть, которою, къ несчастію народовъ, оно слишкомъ долго пользовалось: то къ оправданію нашему достаточно будетъ отчетливаго разбора, который мы здѣсь представимъ.

Всякой согласится, что для произнесенія сужденія о новѣйшемъ Естественномъ Правѣ нѣтъ надобности избирать того или другаго изъ корифеевъ его и подчинять строгому изслѣдованію произведеніе, доставившее ему мгновенную славу. Множество сочиненій этого рода, появившееся въ нашъ вѣкъ, и пестрота ихъ совершенно произвольной терминологіи сдѣлали бы выборъ весьма затруднительнымъ; сверхъ того можно подвергнуться возраженіямъ и

обвиненіямъ со стороны тѣхъ, которые, основываясь на нѣсколькихъ незначущихъ измѣненіяхъ, или на принятомъ ими употребленіи терминовъ въ разныхъ значеніяхъ, начали бы говорить, что у нихъ нѣтъ ничего общаго съ образцемъ, подвергшимся нашему изслѣдованію. Ибо, какъ должно замѣтить о сихъ Писателяхъ, страхъ или стыдъ, что имъ приписываются послѣдствія ощутительно нелѣпыя, разрушительныя и революціонныя, заставили ихъ изобрѣсти множество вынужденныхъ уступокъ, уклончивыхъ различеній, заранѣе придуманныхъ умолчаній и бездну другихъ остроумныхъ увертокъ, чтобы съ помощію ихъ выбраться съ невѣрнаго пути, на который завели ихъ начала. Дѣйствительно, весьма немного было такихъ, которые, подобно Ж. Ж. Руссо и Фихте, имѣли бы столько дерзости, чтобъ проповѣдывать свои парадоксы безъ всякой умѣренности и не заботясь о послѣдствіяхъ, которыя изъ нихъ проистечь долженствуютъ. Разборъ этихъ парадоксовъ, который мы предполагаемъ сдѣлать, будетъ относиться только къ началамъ и не распространится на заключенія, которыя угодно было тому или другому Автору вывести изъ нихъ: ибо мы считаемъ себя въ правѣ постановить какъ аксіомы:

1) что допускающій начала почитается уже принявшимъ и слѣдствія, какія строгая Логика можетъ изъ нихъ вывести, и

2) что истины, заключающіяся въ предѣлахъ Науки, коей коренной недостатокъ доказанъ, не перестаютъ отъ того быть истинами, ибо онѣ, не приходя отъ началъ ошибочныхъ или вы-

думанныхъ, допущенныхъ въ эту Науку, могли быть почерпнуты въ другомъ источникѣ, и связь ихъ съ этими началами можетъ быть только кажущеюся.

Надѣясь, что всякій согласится съ нами въ справедливости этихъ аксіомъ, мы приступимъ къ возможно краткому и ясному изложенію сущности Естественнаго Права въ томъ видѣ, въ какомъ оно было по мысли Томазія и послѣ него обработано до нашихъ временъ; потомъ подвергнемъ его критикѣ безпристрастной и строгой.

(*Продолженіе впредь*).

2.

ОБЯЗАННОСТИ НАСТАВНИКОВЪ ЮНОШЕСТВА.

РѢЧЬ,

произнесенная въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ Ординарнымъ его Профессоромъ П. А. Плетневымъ, по случаю выпуска Воспитанниковъ, Декабря 20 дня 1835 года.

Мм. Гг.

Въ долголѣтнемъ трудѣ, постоянно заботившемъ душу, безъ сомнѣнія самою отрадною минутою бываетъ его окончаніе. Призванные къ образованію молодыхъ людей, готовыхъ теперь съ нами разлучиться для поступленія въ должности, ихъ ожидающія, мы были бы нечистосердечны, если бы не признались, что нынѣшнее торжество такъ же радуетъ насъ, какъ исполненіе надеждъ самыхъ пріятныхъ. Это чувство, вообще столь естественное человѣку, оживлено въ насъ другими частными событіями, которыхъ мы были свидѣтелями еще посреди своей дѣятельности. Вѣнценосный Основатель Заведенія сего, ввѣривъ его судьбу непосредственной заботливости особъ, избираемыхъ Имъ для распространенія во всей Россіи благотворнаго свѣта истинной образованности, Самъ, отрываясь отъ неисчислимыхъ царствен-

ныхъ трудовъ Своихъ, на скромныя занятія юношей лично удостоивалъ обращать снисходительное Свое вниманіе. Въ избыткѣ простосердечной преданности, молодые люди, не видавшіе свѣта, безъ робости осмѣливались здѣсь излагать мысли въ присутствіи Того, предъ Чьимъ величіемъ, предъ Чьею проницательностію часто потупляется взоръ Представителя какой нибудь могущественной Державы. И Онъ, какъ бы не памятуя уже всего, что свершила собственная Его рука для счастія полвселенной, еще съ любовію взиралъ на этотъ разсадникъ, который цвѣлъ замѣтно, только оживляемый Его благостію. Одобреніе Монарха успокоивало наши заботы; оно къ самымъ надеждамъ такъ привязывало умъ, какъ будто къ чему нибудь дѣйствительному: и такимъ образомъ еще прежде, нежели мы успѣли достигнуть окончанія своего поприща, сердца наши уже приготовлены къ тѣмъ сладостнымъ ощущеніямъ, которыхъ ожидать заставляетъ самъ благотворный трудъ.

Но разсматривая положеніе свое съ другой стороны, мы не можемъ не чувствовать и той великой отвѣтственности, которая падаетъ на насъ съ теперешней минуты. Напрасно обманывали бы мы себя мыслію, что совершеніе дѣятельности нашей есть конецъ нашихъ заботъ. Не теперь и не здѣсь истинное оправданіе наше въ исполненіи долга самаго священнаго, какой только возлагался когда нибудь волею Государя на Его подданныхъ. Каждый мигъ будущей жизни молодыхъ людей, которыхъ мы обязаны были утвердить въ

неизмѣнныхъ началахъ истины, добра и чести, связанъ уже съ нашею судьбою. Эта мысль невольно сливается съ тѣмъ чувствомъ радости, которому мы, какъ люди, не могли противиться. И такова бываетъ радость земледѣльца, когда онъ въ самое благопріятное время броситъ сѣмена въ землю, и возвращаясь на долгое отдохновеніе, перебираетъ въ мысляхъ неотвратимые случаи, которые могутъ погубить всѣ его надежды.

Если бы общество, успокоивая совѣсть нашу, не захотѣло при всякой ошибкѣ юношей призывать насъ къ суду своему; если бы даже мы сами въ состояніи были утвердить надлежащую мѣру своей отвѣтственности за другихъ въ будущемъ: то, и за сими предѣлами снисхожденія и законности, сколько еще намъ представляется опасностей! Мы приготовляли образователей юношества. Обязанности ихъ такъ многосложны, такъ затруднительны, такъ важны, что едва ли какое нибудь назначеніе можетъ столько озаботить гражданина, какъ поприще, открывающееся питомцамъ нашимъ.

Наставникъ юношества, приступая къ исполненію должности своей, переселяется въ отдѣльный, новый маленькій міръ, куда обязанъ внести все, что необходимо для сообщенія ему жизни. Счастливъ, если тамъ, гдѣ располагается дѣйствовать, не встрѣтитъ онъ чего нибудь противнаго чистымъ своимъ началамъ. Иначе какія усилія надобно будетъ употребить ему, чтобы только приготовить эту землю для будущихъ трудовъ своихъ. Въ умственномъ и нравственномъ

мірѣ ничто не осуществляется безъ органической, такъ сказать, силы. Идея другаго должна слиться съ моею душою, должна проникнуть ее и составить съ прочими частями необходимость моего существованія, чтобы умъ изъ этой прививной идеи нѣкогда возрастилъ плоды для себя или для потомковъ. Мысль, другимъ образомъ сообщенная, исчезаетъ. Механическая работа въ дѣлѣ просвѣщенія такъ же ничтожна, какъ соблюденіе формы въ подвигахъ добродѣтели. Но это еще не все; приготовленіе успѣховъ образованности требуетъ усилій двойственныхъ. Наставникъ долженъ чувствовать, что слушатели его и онъ самъ, порознь, могутъ хорошо итти къ своей цѣли; а для взаимнаго труда надобно, чтобы онъ себя образовалъ для нихъ и ихъ для себя. Въ ихъ внутренней дѣятельности потребно единство. Онъ испытываетъ, изучаетъ силы и направленія столькихъ душъ, которыя соединяются навремя для одной жизни умственной; настроиваетъ ихъ въ тотъ необходимый тонъ, безъ котораго не было бы музыки. Неутомимое вниманіе, многотрудныя соображенія и наконецъ ежедневные опыты раскрываютъ для него важнѣйшую тайну: ему знакомы невидимыя и неосязаемыя пружины. Онъ дѣйствуетъ счастливо: слѣдственно, жизнь началась. Но самая жизнь приводитъ его къ новымъ заботамъ. Если онъ не наравнѣ съ нею работаетъ; если по мѣрѣ надобности не измѣняетъ своихъ размѣровъ, не обновляетъ матеріаловъ, однимъ словомъ, если онъ въ это же время и самъ не живетъ дѣйствительно: скоро все или разстроится, или остановится, или

по крайней мѣрѣ охладѣетъ. При этомъ нравственномъ организмѣ, при этомъ движеніи, необходима сила любви къ должности, которая одна все предвидитъ, все предчувствуетъ и всему даетъ вѣрный успѣхъ. Естественно, что при такомъ порядкѣ занятій нѣтъ точки успокоенія для заботъ наставника, если онъ предполагаетъ быть истинно полезнымъ.

По другимъ путямъ гражданской дѣятельности идутъ въ сообществѣ съ товарищами, равными силою, лѣтами или назначеніемъ. Образователь юношества трудится одинъ: онъ предоставленъ самому себѣ. Въ его душѣ заключается все, чего требуетъ природа его, какъ человѣка, для облегченія, для совѣта, для участія. Усладить трудъ, разсѣять утомленіе, побѣдить скуку: на все должно стать его собственныхъ душевныхъ силъ. Въ этомъ бореніи слабости человѣческой съ долгомъ ему необходимо сохранить спокойствіе, или справедливѣе отчуждить спокойствіе и исполниться участія. Въ тайномъ обманѣ его и самое усиліе вредно: все должно итти свободно, ровно; пусть будетъ онъ безъ притворства снисходителенъ и безъ остановки занимателенъ. Сколько другихъ нравственныхъ началъ присодиняется къ характеру образователя юношества, о которыхъ можно не говорить, потому что они, какъ первыя условія, извѣстны каждому человѣку. Все это вмѣстѣ должно возникнуть и созрѣть въ душѣ стройно и непринужденно. Между тѣмъ едва ли хоть одно изъ подобныхъ качествъ можно развить, какъ положительную истину и передать, подобно

отрасли какой-нибудь Науки. Какъ неуловимыя движенія сердца, какъ побужденія совѣсти, эти потребности понятны по нашимъ только ощущеніямъ. Но безъ нихъ, если не безполезны, по крайней мѣрѣ не вполнѣ дѣйствительны самыя обширныя свѣдѣнія. Успѣхи будутъ зависѣть отъ случая, какъ явленія, называемыя игрою Природы, которая иногда въ минералѣ сберегаетъ органическое тѣло для возбужденія любопытства Естествоиспытателей.

Согрѣтый любовію къ Наукѣ, сроднившійся съ тѣмъ кругомъ, для котораго вышелъ на поприще, движимый свѣжими силами духа, исполненный увлекательно-чистыхъ побужденій, разнообразный и неизмѣнный въ безчисленныхъ отношеніяхъ къ людямъ, образователь юношества еще главное таитъ въ умѣ своемъ—то, что было его заботою, его страстію въ теченіе многихъ и, можетъ быть, лучшихъ годовъ жизни. Посреди любопытной и нетерпѣливой толпы, то слѣпо довѣрчивой, то упорно испытательной, онъ является, какъ представитель свѣдѣній, которыхъ полная и гармоническая совокупность называется Наукою въ строгомъ ея значеніи. Съ этой стороны, гдѣ можно все взвѣсить, разсчитать, опредѣлить, оцѣнить, ему надобно приготовиться въ совершенствѣ. Каждая Наука въ своей длинной послѣдовательности есть Исторія и вмѣстѣ критика жизни отдѣльной части ума человѣческаго. Подобно истоку рѣки, начинаясь едва замѣтною струйкой, она свѣтлѣетъ, расширяется, высится, и наконецъ объемлетъ необозримое пространство. Всѣ воз-

расты ея, всѣ дѣйствія, всѣ колебанія, всѣ стихіи прошедшаго и настоящаго, даже грядущія судьбы до нѣкоторой степени должны быть ясны для того, кто навсегда посвящаетъ себя ученому состоянію. Но человѣкъ только ученый еще не образецъ наставника. Обязанности Ученаго легче. У него менѣе прямыхъ отношеній. Онъ независимъ, трудится по страсти для совершенствованія Науки, и на немъ, какъ на Художникѣ, нѣтъ отвѣтственности, кромѣ славы или стыда въ будущемъ. Онъ, какъ богачь, можетъ быть и прихотливо-расточителенъ и прихотливо-скупъ, неразборчивъ и изысканъ въ своихъ желаніяхъ. Наставникъ не смѣетъ отстать отъ него въ пріобрѣтеніи умственныхъ сокровищъ. Онъ подвергъется всеобщему осужденію, если не будетъ съ нимъ равенъ въ богатствѣ познаній. Это первая его забота. Но чѣмъ болѣе пріобрѣтаетъ онъ, тѣмъ обширнѣе становится кругъ послѣдующихъ его занятій. Съ какою внимательностію надобно разбирать ему свои пріобрѣтенія, чтобы одни оставить у себя, какъ любопытные памятники вѣка или страны, а другія приготовить для немедленнаго употребленія по его обязанностямъ. Наука, въ обширномъ смыслѣ, это зданіе вѣковъ, разнохарактерное, со всѣми неправильными своими прибавленіями, поражающее зрителя странною смѣсью вкусовъ, недоконченностію или избыточествомъ частей и пустотою переходовъ, Наука на письменномъ столѣ наставника преобразуется въ планъ прекрасно отдѣланнаго дома, гдѣ все принимаетъ видъ единства, правильности, ясности

и красоты. Наставникъ знаетъ свое мѣсто, общество, возрастъ его, умственныя и нравственныя его силы, цѣль своихъ дѣйствій и чувствуетъ святость своего призванія. Отвѣтствуя при каждомъ явленіи своемъ за объемъ изложенныхъ истинъ, за вѣрность ихъ успѣха, за слѣдствія впечатлѣній, онъ во всемъ строгъ къ самому себѣ. Онъ столько же страшится легковѣрія, какъ и суемудрія. Опытный и доброжелательный руководитель, онъ избираетъ всегда прямой путь и ведетъ по немъ, оставляя излучины, гдѣ можетъ заблудиться непредусмотрительная молодость.

Не одно пріобрѣтеніе и устройство матеріаловъ, составляющихъ Науку, важно и трудно для человѣка, принимающаго на себя званіе преподавателя: онъ созидаетъ тотъ отчетистый языкъ, который мыслямъ даетъ единство жизни и форму сообщительности. Въ безконечномъ ряду разнородныхъ читателей всегда можно предположить классъ людей, которые довольны будутъ Писателемъ какъ бы онъ ни изъяснялся: но передъ наставникомъ уже лица опредѣленныя; изъ этого круга ему выступать не позволено. Для него образуетъ онъ языкъ. Каждому предмету своему, каждому обстоятельству сообщаетъ онъ тотъ характеръ и краски, которые привлекаютъ вниманіе, съ легкостію вмѣщаются въ умѣ и памяти, и въ то же время блистаютъ яркимъ свѣтомъ истины. Если затруднительны такія условія при изложеніи письменномъ, когда еще въ нашей власти и выраженіе и оборотъ и порядокъ идей: то во сколько разъ должно увеличиться затрудненіе при

живомъ не прерывающемся разговорѣ? Посреди торжественнаго вниманія, при неизбѣжномъ приливѣ мыслей, въ пылу душевнаго участія и даже нѣкотораго честолюбія, преподаватель обязанъ говорить вѣрно и быстро, спокойно и живо, мѣтко и свободно, бережливо и выразительно. Между ораторствомъ, обуревающимъ души, и толковитостію, ихъ усыпляющею, онъ ищетъ той плѣнительно-благородной бесѣды, которая сосредоточиваетъ на себѣ вниманіе, питаетъ умъ, согрѣваетъ воображеніе, очищаетъ вкусъ и размягчаетъ сердце. Совершенство языка есть залогъ совершенства мыслей. Напрасно думаютъ, что выполненіе грамматическихъ правилъ и отчужденіе нелюбимыхъ въ извѣстное время словъ ведутъ къ языку хорошему. Достигнувъ этихъ отрицательныхъ достоинствъ, ничего не пріобрѣтешь для истиннаго совершенства языка. Оно такъ сливается съ ясностію и живостію представленій, съ истиною и достоинствомъ сужденій, съ вдохновеніемъ и силою чувствованій, что языкъ одинъ хорошъ— тотъ, который созидается самою лучшею идеею. Этому языку можно учиться, только не въ Грамматикѣ, а въ твореніяхъ великихъ Писателей, или еще вѣрнѣе, въ творчествѣ прекрасныхъ или великихъ мыслей.

Какимъ же образомъ наставникъ покоритъ себѣ хорошій языкъ, если истина передана ему только для повторенія? Наука, или совокупность истинъ, по неизъяснимому свойству человѣка, способна возраждаться къ новой жизни столько разъ, сколько будетъ вполнѣ принимаема душею. Въ ея непрони-

щаемомъ святилищѣ она (если позволено такъ сказать) разлагается, и исполнившись цвѣтущей свѣжести, новыхъ красотъ, новыхъ силъ, при своемъ оттуда появленіи облекается въ тотъ языкъ, котораго каждое слово есть живой образъ, каждое выраженіе убѣдительная, всесогрѣвающая мысль. Неотносительныхъ, повсемственныхъ и вѣчныхъ истинъ не много. Всѣ онѣ едва ли не современны началу человѣческихъ обществъ. Но и однѣ эти истины сколько разъ въ каждой странѣ, въ каждомъ столѣтіи, являлись между людьми въ видѣ поразительно-новомъ, на языкѣ, созданномъ ихъ рожденіемъ, съ могуществомъ, покоряющимъ всѣ умы и всѣ сердца. Творецъ, вдохнувъ душу въ человѣка, безмѣрно вознесъ его надъ всѣмъ своимъ созданіемъ. Изъ души, этой искры Божества, въ продолженіе столькихъ тысящелѣтій, на каждой точкѣ обитаемаго міра, ежеминутно возраждаются все новыя и новыя творенія, подобно какъ изъ небытія возникаетъ къ жизни все новый и новый человѣкъ, съ своимъ лицеочертаніемъ, выразительностію и другими свойствами индивидуальности. Но всѣ разнородныя творенія человѣческаго духа, подобно появляющемуся вновь человѣку, изъ однихъ, вѣчно тѣхъ же образуются элементовъ. На этомъ законѣ зиждется безпрерывная послѣдовательность неутомимыхъ усилій нашихъ, нашей неистощимо-плодотворной дѣятельности и справедливо увлекающей насъ возсозидаемости. Если наставникъ, покорившись чуждой системѣ, станетъ повторять ея истины безъ участія, не претворивъ ихъ прежде въ собственность души своей, не выражая въ нихъ внутрен-

ней своей физіономіи, не согрѣвая ихъ любовію какъ свое созданіе: то и въ языкѣ его не будетъ органической жизни. Его слова, какъ частицы минеральнаго вещества, не образуя химическаго цѣлаго, останутся безъ единства, безъ связи, и представятъ собою какую-то пеструю массу, въ которой каждая часть носитъ на себѣ признаки своей отдѣльной жизни и своего образа. Таковъ часто бываетъ языкъ юныхъ неофитовъ возвышенной Философіи, съ тайнами которой еще не успѣли онѣ слиться въ душѣ своей.

Въ предложенныхъ замѣчаніяхъ заключаются частію предварительныя соображенія наши, когда здѣсь начиналось образованіе молодыхъ людей, окончившихъ теперь ученіе. Но мы не исполнили бы и половины долга своего, если бы ограничили заботливость свою этими общими предначертаніями. Мы вполнѣ чувствовали, что важнѣйшія обязанности наставниковъ изучаются не въ общей теоріи Педагогики, но въ потребностяхъ Государства и современности.

Западныя Европейскія Державы совершенно другимъ путемъ дошли до нынѣшней своей образованности, нежели Россія. Правда, ученость и у нихъ возникла какъ у насъ отъ изслѣдованія гражданственности Древнихъ, отъ любви и благоговѣнія къ ихъ Литературѣ. Но ученость и образованность идутъ не вмѣстѣ. Одна составляетъ принадлежность нѣкотораго класса людей, другая необходимость большей части гражданъ; одна занимается предметами отдѣльно и сколько можно глубже; другая беретъ ихъ въ соотношеніи съ прочими и

старается обнять ихъ на большемъ пространствѣ. Ученость пріобрѣтается въ тишинѣ уединеннаго кабинета, образованность въ движеніяхъ жизни общественной. — Нынѣшняя гражданственность западныхъ Европейцевъ со всѣми своими принадлежностями, получила первыя начала болѣе, нежели за 500 лѣтъ. Сѣмена ея брошены были въ общества тѣми переворотами, которые совершались на Западѣ во время Крестовыхъ Походовъ и владычества Феодальнаго. Стѣсненіе и бѣдность вызвали разныя сословія гражданъ на труды честные и благотворные, пріучили ихъ уважать мирныя свои общества и дорожить святостію своихъ постановленій. Долгіе опыты умудрили людей, заставили ихъ стремиться къ совершенствованію промышлености, искать для себя помощи въ ученіи и наблюдательности. Жизнь, удобства сношеній, населенность, нравы, учрежденія, самая природа, все вмѣстѣ облегчало имъ уразумѣніе тѣхъ многосложныхъ истинъ, которыя составляютъ образованность Государства. У нихъ знанія прошли всѣ свои возрасты. На той же самой почвѣ созрѣли они, гдѣ были посѣяны, гдѣ взошли и расцвѣтали. Тамъ наставнику легко трудиться; трудъ его заранѣе всѣ уважаютъ и любятъ; начала его Науки давно упрощены и введены въ кругъ всеобщихъ потребностей. У насъ предстоитъ ему болѣе труда: многія знанія, тѣсно связанныя съ развитіемъ Наукъ, еще не привились къ обществу, не обжились въ немъ; даже изложеніе началъ ихъ не облечено давностію въ тѣ формы общежительнаго языка, безъ которыхъ самая вѣрная истина, самое

необходимое правило кажутся затѣйливымъ нововведеніемъ и пугаютъ робкое невѣдѣніе. На пріобрѣтеніе основательныхъ знаній многія лица смотрятъ какъ на принадлежность нѣкотораго класса людей, и въ своемъ кругу считаютъ ихъ излишествомъ, роскошью, хотя съ этими только знаніями и можно сдѣлаться прямо полезнымъ членомъ какъ семейства, такъ и Государства. Съ тѣхъ поръ, какъ изъ многочисленныхъ областей Русскихъ, въ XV и XVI столѣтіяхъ образовано было нераздѣльное органическое цѣлое, съ тѣхъ поръ Правительство наше, ревнуя прочія Государства ко всякому новому пріобрѣтенію умственному, спѣшило усвоять его, и наконецъ въ началѣ XVIII столѣтія, внесло въ нѣдра Отечества нашего почти всѣ сокровища гражданственности другихъ Европейцевъ. Долговременная, безпрерывная попечительность его избавила большую часть народа отъ заботливости собственной. Мы приняли этотъ даръ съ благодарностію; но онъ не стоилъ намъ ни тѣхъ усилій, ни тѣхъ лишеній, ни тѣхъ тяжелыхъ опытовъ, которыми купили его другіе, и которые одни заставляютъ чувствовать всю его цѣну. Наставники наши должны достигать своей цѣли преимущественно нравственными путями. Каждому изъ нихъ прежде всего надобно сдѣлаться любимымъ лицемъ въ своемъ кругу. Отъ привязанности раждается довѣренность. Начиная съ ближайшихъ отношеній, понятныхъ каждому возрасту и каждому состоянію, онъ будетъ осторожно спускаться къ своему предмету, возбудивъ къ нему любопытство множествомъ примѣненій,

изложенныхъ безъ строгой системы, со всею живостію занимательнаго разговора. Пусть каждая бесѣда его пробудитъ въ сердцахъ слушателей нѣсколько новыхъ добрыхъ наклонностей, которыми обрадованы будутъ и ихъ ближніе. Въ этомъ искусствѣ величайшая выгода. Наставникъ облегченъ будетъ въ трудѣ своемъ многочисленными, для него незримыми пособіями, безъ которыхъ всѣ его труды ничтожны. Въ пользу Науки и себя самого онъ создастъ мнѣніе, которое сильнѣе всѣхъ ученыхъ доказательствъ. Подъ его защитою онъ окружитъ себя почитателями. Въ каждомъ новомъ лицѣ будетъ являться его сотрудникъ, потому что плоды ученія и всего воспитанія никогда не принадлежатъ одному человѣку, но вліянію общества, въ которомъ находятся и наставникъ и воспитанники.

Изобрѣтательности и дарованіямъ образователя юношества предстоитъ у насъ еще подвигъ. Въ изложеніи Наукъ до сихъ поръ мы не достигнули той легкости, той пріятности, той свѣтскости, которая непримѣтно сближала бы съ ними всѣ состоянія, подобно тому, какъ иногда умный, но простой разказъ опытнаго человѣка приковываетъ къ себѣ вниманіе разныхъ возрастовъ. Обыкновенный ученый языкъ нашъ принадлежитъ къ числу предразсудковъ, господствующихъ съ одинаковымъ самовластіемъ какъ между образованными людьми, такъ и необразованными. Слово, принадлежащее школѣ, представляетъ ту выгоду, что оно сокращаетъ рѣчь. Но оно, какъ условный знакъ, можетъ быть употребляемо только между лицами,

рано введенными въ таинства Науки. Въ устахъ наставника на немъ есть что-то непріятное и отталкивающее. Оно не странно еще тамъ, гдѣ понятіе, отъ частаго обращенія своего въ обществѣ, заставило и слухъ примириться съ его звуками. Но когда дѣло идетъ о томъ, чтобы водворить идеи, завлечь любопытство ума, подѣйствовать на вкусъ новостію и обольстить душу занятіемъ, которое само по себѣ довольно утомительно, въ такомъ случаѣ всѣ выраженія должны быть созданіями одушевленнаго наставника. Кромѣ школьныхъ словъ, въ языкѣ ученомъ есть много выраженій, оборотовъ, пріемовъ, наслѣдственно переходящихъ отъ одного поколѣнія къ другому и доказывающихъ печальную истину, что Науки мало носятъ на себѣ признаковъ собственныхъ трудовъ нашихъ. Но у насъ болѣе, нежели гдѣ нибудь, необходимо разложить ихъ на стихіи, освободить отъ безполезной примѣси разныхъ странъ и вѣковъ, упростить ихъ, чтобы, возрожденныя въ естественной ясности своей и привлекательности, явились онѣ на языкѣ нашемъ, какъ собственныя наши созданія, и тѣмъ удобнѣе слились бы съ прочими умственными занятіями. Чѣмъ болѣе можно сдѣлать примѣненій къ жизни изъ систематическаго какого нибудь ученія, тѣмъ ревностнѣе надобно стараться низвести его въ сферу общенароднаго разговора и смѣшать истины его съ понятіями всеобщими. До сихъ поръ, для оборотовъ гражданственности, Ученые передавали у насъ познанія свои въ цѣлости и въ строгомъ порядкѣ: потомству нашему предстоитъ практически расширить кругъ каждой

ихъ части, и изъ этого богатаго запаса обратно произвести новыя и лучшія системы. Посредниками между настоящимъ поколѣніемъ и потомствомъ назначены быть наставники юношества.

Медленное распространеніе образованности въ среднихъ и низшихъ классахъ происходитъ у насъ преимущественно отъ способа ученія первоначальнаго. Вѣрные успѣхи во всемъ зависятъ отъ строгой постепенности въ преподаваніи и особенно отъ незыблемаго основанія. Приготовительныя свѣдѣнія въ другихъ странахъ пріобрѣтаются незамѣтно въ первомъ дѣтствѣ, еще въ нѣдрахъ семейства, потому что они укоренились въ цѣломъ народѣ. У насъ замѣтна какая-то поспѣшность въ переходѣ отъ ученія начальнаго къ окончательному. Цвѣтущее состояніе Высшихъ Учебныхъ Заведеній не исправляетъ вліяніемъ своимъ тѣхъ недостатковъ юношества, которые происходятъ отъ началъ неполныхъ и слабыхъ. Наставники въ Низшихъ Училищахъ, по видимому, не оцѣнили еще своего гражданскаго достоинства. На ихъ внимательности и успѣхахъ основано все, что связано съ самою высшею образованностію. Ихъ дѣятельности и дарованіямъ столько же путей къ отличіямъ и извѣстности, сколько и первому изъ людей ученыхъ. Тѣмъ прекраснѣе поприще ихъ, что у насъ оно ждетъ еще дѣйствователей. Здѣсь каждый счастливый шагъ, каждое новое покушеніе, малѣйшее открытіе есть уже побѣда и право на признательность. Благотворное вліяніе начальнаго ученія распространяется на всѣ гражданскія сословія. Оно составляетъ первую потребность всякаго

человѣка. Польза его неизмѣнна. Что можетъ быть занимательнѣе и отраднѣе этого зрѣлища, которое представляетъ чистый, легкій свѣтъ, постепенно проникающій въ юную душу? Съ этой минуты начинается для нея жизнь, обозначается кругъ дѣятельности, возникаютъ благородныя желанія; ея хранителями становятся достоинство и самочувствіе. На послѣдней ступени общественной жизни, человѣкъ, хорошо введенный въ кругъ необходимыхъ для него знаній, представляетъ собою что-то привлекательное и внушаетъ къ себѣ уваженіе. А что значитъ и общежитіе, какъ не взаимное другъ друга уваженіе? Съ этой стороны у насъ ожидаетъ наставниковъ юношества благодарность живѣйшая цѣлой Россіи. Въ мѣста, отдаленныя отъ столицъ, въ города немноголюдные, въ самыя окрестности ихъ, они могутъ со временемъ переселить то, за чѣмъ многіе часто по необходимости принуждены отбывать изъ своихъ мирныхъ жилищъ: распространяя постепенно первоначальныя необходимыя знанія, столь дѣйствительно измѣняющія образъ жизни и нравы, они могутъ приготовить новое общежитіе, возвысить цѣнность отношеній и указать на способы удовлетворенія разнымъ требованіямъ гражданственности.

Если, говоря объ особенныхъ обязанностяхъ, ожидающихъ въ Россіи образователя юношества, мы увлекались его назначеніемъ и предчувствовали въ судьбѣ его что-то высшее, нежели обыкновенно въ ней представляется: это легко изъяснить, съ одной стороны, желаніемъ самыхъ счастливыхъ

успѣховъ воспитанникамъ нашимъ на ожидающемъ ихъ новомъ поприщѣ, а съ другой, тѣмъ прекраснымъ положеніемъ, которое въ нынѣшнее время доставлено наставникамъ у всѣхъ образованныхъ народовъ. Ихъ положеніе возвышено не однимъ гражданскимъ достоинствомъ, всегда имъ справедливо принадлежавшимъ. Нѣтъ, дѣятельность ихъ пріобрѣла значительную, новую цѣну отъ проясненія самой идеи Наукъ. Было время, когда наставника почитали человѣкомъ, заключившимся внѣ общественной дѣятельности, потому что Науки составляли неподвижный кругъ за предѣлами гражданской жизни. Школа подобна была теплицѣ, сохранявшей растенія, не принадлежащія ни почвѣ, ни климату страны, въ которую перенесли ихъ по одной прихоти. Ихъ лелѣялъ трудолюбивый человѣкъ въ полномъ убѣжденіи, что огромный садъ, окружающій душное затворничество его, не принимаетъ для своего украшенія ни одной рѣдкости, ввѣренной его надзору. Вокругъ него, на необъятномъ пространствѣ, все повиновалось вліянію Природы: одни растенія дряхлѣли, падали и, возникнувъ снова, распускались въ другихъ разнообразныхъ видахъ; въ иномъ мѣстѣ, смотря по требованію вкуса и взыскательныхъ нуждъ, исчезали цѣлыя аллеи; въ иномъ, дѣйствіемъ воздушныхъ перемѣнъ и пособіями владѣльца, образовались то насыпи, то протоки: у него все хранилось въ первоначальномъ порядкѣ, даже безъ отношенія ко временамъ года. Въ самомъ дѣлѣ, давно ли занимались Древнею Литературою, не думая поучаться въ ней ни Исторіи, ни Географіи, ни Политикѣ,

ни гражданственности? Знаніе не составляло пособія къ совершенствованію общественной жизни, потому что ничего современнаго и дѣйствительнаго не сводили въ параллель съ прошедшимъ и предполагаемымъ. Съ жалкимъ усиліемъ повторяли идеи и образы, отжившіе вѣкъ свой. Въ Миѳологіи Древнихъ и Законоискусствѣ, въ ихъ Театрахъ и Академіяхъ, въ ученыхъ Системахъ ихъ и лѣтописяхъ питали и умерщвляли свою любознательность. Все быстро подвигалось впередъ: расцвѣтали новыя гражданскія общества, жизнь облекалась въ новыя формы, нравы смягчались, отношенія Государствъ становились многосложнѣе, промышленость, торговля, успѣхи общежитія требовали ревностнаго участія и большей гласности, самая Природа, повинуясь человѣку, обильнѣе прежняго снабжала его своими неистощимыми сокровищами; а Наставники юношества, не осмѣливаясь произвести ни малѣйшей перемѣны въ ветхомъ зданіи своей учености, оставались глухи и нѣмы посреди этихъ чудесъ общежительности, и съ неимовѣрнымъ хладнокровіемъ повторяли старыя преданія своихъ предшественниковъ. Въ нынѣшнее время они дѣйствуютъ другимъ образомъ. Все ихъ вниманіе обращено на дѣйствительность. Природа и гражданственность: вотъ два источника, откуда почерпаютъ они свои свѣдѣнія. Наблюденіями и опытами доходятъ они до истины. Наука не отстаетъ отъ жизни. Подчиняясь внѣшнему вліянію Природы и внутренней дѣятельности духа, жизнь и Наука идутъ вмѣстѣ къ великой своей цѣли, то есть къ совершенству.

Такимъ образомъ, человѣкъ, облекающiйся въ званiе наставника, обязанъ поставить себя въ число первыхъ гражданскихъ дѣйствователей. Неизмѣримую область человѣческихъ знанiй онъ дѣлитъ сообразно потребностямъ вѣка. Общiя, какъ необходимыя свѣдѣнiя принимаетъ онъ за первыя начала образованности. Отсюда возникла потребность новаго воззрѣнiя на Природу, какъ первую хранительницу сокровищъ, необходимыхъ для жизни человѣка, въ которомъ духъ есть видатель всего. Человѣка изучаетъ онъ на самомъ поприщѣ его дѣятельности. Отечество становится для него важнѣйшимъ предметомъ изслѣдованiй. Онъ все подвергаетъ въ немъ непосредственному, ближайшему своему наблюденiю, обращается къ его началу, слѣдуетъ за всѣми перемѣнами, и отъ древнего обнимаетъ современное. Въ этомъ занятiи поставляетъ онъ священный долгъ свой. И внѣшнее или отдаленное также ему не чуждо, но какъ дополненiе къ главному. Въ заключенiе, иногда побуждаемый естественнымъ любопытствомъ, иногда особеннымъ своимъ назначенiемъ, онъ дѣлается изыскателемъ самыхъ Древностей чужеземныхъ и довершаетъ тѣмъ полноту своихъ знанiй. Ученiе, располагаемое по этой системѣ, привлекаетъ къ себѣ и юношество, ввѣренное образователямъ, и родителей, желающихъ увидѣть въ своихъ дѣтяхъ полезныхъ гражданъ. Развитiе умственныхъ силъ или начало жизни ощутительно смѣшивается съ возрастомъ послѣдующимъ. Таким образомъ исчезаетъ лѣта дѣятельности неопредѣленной, а съ тѣмъ вмѣстѣ не возвращается въ другой разъ

и жалкое дѣйство при вступленіи на гражданское поприще.

Въ семъ великомъ преобразованіи ученія мы Русскіе, безъ сомнѣнія, никому столько не обязаны, какъ нашему Верховному Наставнику и Самодержцу, котораго уроками Провидѣніе позволило намъ пользоваться въ это блистательное и благотворное десятилѣтіе. Есть ли въ кругу процвѣтающихъ человѣческихъ знаній хотя одно, на которое бы Онъ не успѣлъ уже обратить Своего высокаго вниманія? Всеобъемлющій Монархъ, мудрый Законодатель, Блюститель правосудія, Хранитель нашей безопасности, Покровитель общеполезныхъ свѣдѣній, нѣжнѣйшій Супругъ и Отецъ, Онъ шествуетъ передъ нами, и первые опыты улучшенія на всѣхъ путяхъ гражданственности показуетъ намъ Самъ, потому что Провидѣніе, для блага Россіи, предназначило каждому прекрасному чувствованію, къ какому только человѣкъ способенъ, пройти черезъ Его собственное сердце. Онъ привелъ въ стройное и непамѣнное движеніе силы этихъ необходимыхъ для высшей образованности учрежденій, которыя получили начало при Его знаменитыхъ Предкахъ. Онъ преобразовалъ, дополнилъ и утвердилъ на благодѣтельномъ основаніи систему народнаго воспитанія. Онъ простеръ хранительную десницу свою для вспомоществованія родителямъ въ ихъ семействахъ, чтобы и тамъ все возрастало и цвѣло для общественнаго и частнаго благоденствія. Еще болѣе: Онъ спасъ нашу дѣятельность отъ усилій безплодныхъ и суетныхъ. Изъ праха и забвенія Онъ извлекъ тѣ неоцѣненныя сокровища,

съ которыми гордо явиться можемъ мы на судъ просвѣщеннѣйшихъ умовъ Европы. Онъ привелъ насъ къ тому источнику духовной дѣятельности, изъ котораго мы почерпаемъ новую, истинную народную славу. Сила творческой фантазіи и неусыпный трудъ изыскательнаго ума оживотворены величіемъ и святостію плодовъ своихъ. Когда зыбкое любочестіе наше, обольщаемое умственными успѣхами чужеземныхъ народовъ, волновалось и двигалось по направленію то одной, то другой Державы, довольствуясь слабыми во всемъ подражаніями, Онъ указалъ намъ на сердце Россіи и утвердилъ достоинство всего, что только носитъ на себѣ Русское имя.

Вотъ въ какую эпоху, счастливые юноши, принимаете вы на себя обязанности наставниковъ! Вашъ путь прекрасенъ. Мы радостно привѣтствуемъ васъ, какъ новыхъ своихъ товарищей, и когда любуемся на молодость вашу и свѣжія силы, то не безъ зависти представляемъ себѣ будущее. Для васъ конечно еще надолго оно богато и блестящими подвигами и усладительными плодами. Но если вы оправдаете надежды наши, если вполнѣ поймете вы свое назначеніе, если Провидѣніе доведетъ васъ до великой цѣли вашего призванія: то, сходя съ своего поприща, мы отрадно готовы завѣщать вамъ все, чѣмъ такъ сладостно наполнилъ грудь нашу Обновитель величія Россіи. Мы соединены съ вами союзомъ священнымъ, союзомъ души. Вы приняли отъ насъ тѣ начала, которыя признали мы лучшими. Но это не все. Въ нихъ одни средства, которыми надобно умѣть управлять.

Общежитіе потребуетъ отъ васъ еще многаго, что вамъ не вѣдомо, и все, необходимое для жизни, даетъ только сама жизнь.

3.

О ПРОИСХОЖДЕНІИ РЮРИКА.

(*Преимущественно по Французскимъ и Нѣмецкимъ лѣтописямъ*).

Неизмѣримыя пространства земель, составляющія нынѣ Русское Государство, пріобрѣли значительную политическую важность для Европы первоначально въ протекшемъ столѣтіи. Виновникомъ этого былъ Петръ Великій, котораго мощный геній насадилъ въ Россіи и первыя сѣмена Европейскаго просвѣщенія. Съ того времени ея вліяніе — болѣе и болѣе признаваемое благотворнымъ даже въ тѣхъ земляхъ, кои совершенно чужды ей по духу правленія — возрастаетъ со дня на день, по мѣрѣ успѣховъ общественнаго образованія.

Предтечами же сей великой эпохи были времена ужаса и тяжкаго рабства, во мракѣ коихъ изрѣдка сіяютъ, какъ отрадныя свѣтила, имена нѣкоторыхъ Властителей. Узы, связывавшія дотолѣ Россію съ Европою, почти совсѣмъ тогда рушились, и безошибно можно сказать, что, по освобожденіи отъ ига Монголовъ и Татаръ, она какъ бы снова была открыта предпріимчивыми Учеными

Запада и сдѣлалась предметомъ ихъ внимательнаго изученія.

Но симъ временамъ предшествовала пора, когда весьма тѣсныя отношенія соединяли Россію съ Европою, особенно же съ народами Германскаго происхожденія; когда, какъ возможно по крайней мѣрѣ съ достовѣрностію доказать, самый ея древнѣйшій Княжескій родъ принадлежалъ къ тому же народу, который расторгъ вериги Рима на Западѣ и былъ основателемъ почти всѣхъ новыхъ Европейскихъ Государствъ: я разумѣю сильное Германско-Скандинавское племя.

Прежде, нежели приступлю къ обстоятельному изложенію доказательствъ справедливости этого, я позволяю себѣ сдѣлать нѣкоторыя предварительныя замѣчанія.

Со времени обрѣтенія Петромъ Великимъ Кёнигсбергскаго списка Нестора, мало по малу возникло стремленіе къ отыскиванію и собиранію Отечественныхъ Лѣтописей. Основаніе Академіи Наукъ и вызовъ изъ-за границы извѣстныхъ своими знаніями мужей въ ея Члены положили начало ученому обработыванію Русской Исторіи. Сперва дѣла Церкви, потомъ, особенно съ появленія Байера и Миллера, политическія событія стали быть изслѣдываемы съ строгою критическою разборчивостію. Байеръ, опираясь на простомъ сказаніи древнѣйшаго Русскаго Лѣтописца, утверждалъ, что Норманны основали первоначально Новогородское, а въ слѣдъ за тѣмъ и Кіевское Княженіе. Миллеръ пытался было въ 1749 году доказывать, что первые Русскіе Князья вышли изъ Швеціи; но тогдашнія политическія

отношенія Россіи къ сей землѣ побудили его перемѣнить это мнѣніе и искать предковъ Руссовъ между Роксоланами, нѣкогда обитавшими на берегахъ Понта Эвксинскаго. Тунманнъ, Шлёцеръ и Карамзинъ снова обратились къ Швеціи; Татищевъ, Щербатовъ, Болтинъ и Фёлькнеръ принимали Руссовъ за Финновъ. Раньше еще Іоаннъ Василіевичь, въ подкрѣпленіе своихъ домогательствъ на Польшу и Литву, выводилъ владѣтельный Домъ Русскій отъ Пруссовъ, и считалъ, какъ видно изъ Степенной Книги, родоначальника ихъ, Прусса, братомъ единодержавнаго Августа. Фатеръ навѣдывался о Руссахъ у Черноморскихъ Готѳовъ; Эверсъ, увлекшись ложными, по доказательствамъ Френа, переводами Восточныхъ Писателей, нарекъ ихъ собратьями Хазаръ. Гаммеръ подстерегъ Руссовъ въ Ashab—er—Rass, упоминаемыхъ въ Алкоранѣ (Сура 25, 40; 50, 10); произвелъ Роса (Rosch), Мосоха (Meschech) и Ѳовеля (Tubal) (Iesek. 38, 2; 39, 1) также въ Руссы; нашелъ въ древнемъ имени Аракса и Волги *Rôs* намекъ на нихъ же, и принялъ Ѳираса (Thiras) Моисеева (I, 10, 2) за Руссовъ. Шёттгенъ (1) допытывался въ *Meschech* имени Москвы, а въ *Tubal* —имени Тобольска. Незабвенный любитель и знатокъ Русской Исторіи, Графъ Румянцевъ, познакомясь съ мнѣніемъ Пейершпейна, Экгардта и др., что Варяги-Русь жили нѣкогда въ Вагріи и что часть нынѣшняго Ольденбурга нѣкогда слыла подъ именемъ Рустрингіи, пригласилъ Гольманна, Ректора въ Эверѣ, порыться въ туземныхъ Хроникахъ, нѣтъ ли какого нибудь упоминанія объ этихъ жилищахъ.

(1) Dissertationes de Tobolensium et Moscorum originibus. Dresden. 1729.

Гольманнъ отвѣчалъ на этотъ вопросъ въ сочиненіи: «*Рустрингія*, первобытная родина перваго Русскаго Великаго Князя Рюрика и его братьевъ, Бременъ, 1816.» Уже одно заглавіе показываетъ, что Ольденбургскій Ученый вѣрилъ въ существованіе многихъ слѣдовъ пребыванія тамъ Руссовъ. Г. Погодинъ, въ Разсужденіи «О происхожденіи Руси» собралъ почти всѣ сіи мнѣнія, пытался выставить опроверженія на нихъ и возвратился къ Шлёцеру и Туинану, съ тою только разницею, что подъ Руссами онъ разумѣетъ не прямо Шведовъ, а особое, самостоятельное племя Варяговъ.

Я не намѣренъ пускаться въ разбирательство всѣхъ этихъ мнѣній; замѣчу только вообще, что, исключая Эверсова мнѣнія и еще двухъ другихъ, изъ которыхъ по первому Руссы происходятъ отъ Прусса, брата Августа, а по второму Москва и Тобольскъ отъ Мосоха и Ѳовеля, — исключая, говорю, этихъ, ни одно не льзя назвать не имѣющимъ какихъ-нибудь основаній. Руссы, хотя впрочемъ иногда подъ другимъ именемъ, какъ Германско-Скандинавское племя, съ давняго времени были разсѣяны на Сѣверѣ и Югѣ, на Востокѣ и Западѣ, — и сіе-то обстоятельство было причиною, что одинъ Ученый полагалъ первобытную родину ихъ въ одномъ, другой усиливался найти ее въ другомъ мѣстѣ. Отложимъ это въ сторону. Я хочу представить здѣсь на судъ просвѣщенныхъ знатоковъ Русской Исторіи собственныя изысканія объ основателѣ Русскаго Государства, произведенныя мною по такимъ источникамъ, на кои не обращали вниманія вышепоименованные Писатели.

При первомъ взглядѣ на предметъ поразительно наиболѣе то, что Славяне, Чудь и другіе народы, которые первоначально составляли Новогородское Государство, избрали въ Князя себѣ иноземца, который отправлялъ ремесло морскаго разбойника, искателя приключеній, безвѣстнаго въ Исторіи не только по дѣламъ, но и по имени, не упоминаемаго даже въ многорѣчивыхъ Скандинавскихъ Сагахъ.

По этому нѣкоторые справедливо сомнѣвались въ достовѣрности повѣствованія Нестора. Не менѣе основательно сожалѣніе другихъ о томъ, что онъ такъ мало сохранилъ намъ извѣстій о Рюрикѣ. Онъ повѣствуетъ только, что Рюрикъ былъ призванъ Славянами, Чудью, Мерею, Кривичами и Весью, чтобы владѣть ими; пришелъ въ 862 году съ Синеусомъ и Труворомъ; основалъ Новогородское Государство; съ 864 года сталъ одинъ княжить, раздѣлилъ землю между своими мужами; въ 866 году позволилъ Аскольду и Диру отправиться въ Византію и оставилъ ихъ безъ наказанія за то, что они, на пути завоевали Кіевъ и начали тамъ независимо властвовать. Онъ умеръ въ 879 году, и уже преемникъ его Олегъ покорилъ Кіевлянъ, во имя Игоря. Послѣ всего этого сами собою слѣдуютъ вопросы: если Рюрикъ былъ дѣйствительно славный мужъ, то не уже ли Исторія не сохранила бы болѣе свѣдѣній о немъ? Если же онъ не былъ силенъ и знаменитъ, то уже ли бы рѣшились многія племена призвать его господствовать надъ ними? Сіи вопросы не безъ основанія, и уже Шлёцеръ пытался рѣшить ихъ, но ему не удалось это.

Нѣмецкія лѣтописи, въ которыхъ никто еще не справлялся основательнымъ образомъ въ разсужденіи Рюрика, представляютъ, по моему мнѣнію, всѣ средства къ рѣшенію этой задачи, — и я полагаю, что отнынѣ едва ли станетъ кто-нибудь отыскивать перваго Князя Русскаго гдѣ индѣ, какъ не въ Южно-Ютландскомъ владѣтельномъ родѣ, къ которому онъ заподлинно принадлежитъ. Предъ нимъ трепетали Лотарингія, Германія и Франція при преемникахъ Людовика Кроткаго; онъ вынудилъ себѣ владѣніе отъ Эйдера до Валя и Батавскаго Острова (Insula Batavorum); былъ силенъ на сушѣ и на морѣ; жилъ въ то время, когда и другіе Скандинавскіе морскіе Короли завоевали прибрежныя земли, пока не покорились единому Властителю,— когда Норманны сперва по Двинѣ или Невѣ, потомъ по Днѣпру ходили въ Царьградъ, долженствовали быть довольно извѣстны Новогородцамъ, ибо и Новгородъ былъ основанъ ими подъ именемъ Гардарика. И такъ, не должны ли были враждовавшіе между собою Новогородскіе Славяне, съ общаго согласія сосѣднихъ племенъ, всего скорѣе ему отдаться подъ защиту? И это тѣмъ вѣроятнѣе, что Рюрикъ всегда появляется въ Германіи и Франціи въ ту пору, когда о немъ ничего не упоминается въ Руси, — дѣйствуетъ въ Руси, когда Нѣмецкіе Лѣтописцы безмолвствуютъ о немъ, — совершенно исчезаетъ въ Германіи около того времени, когда Несторъ говоритъ о его смерти. Съ смертію же его и Германскія владѣнія получили иное назначеніе.

Уже довольно рано встрѣчаются въ Сѣверныхъ

Сагахъ,—которыя нынѣ болѣе и болѣе получаютъ вѣроятія, и часто самыми Русскими Писателями предпочитаются Нестору въ отношеніи первобытнаго времени,—извѣстія о сношеніяхъ Скандинавовъ съ жителями нынѣшней внутренней Россіи, чрезъ которую пролегалъ ихъ извѣстный торговый путь въ Мекелинградъ (Константинополь) и Персію. Одинъ Скандинавскій владѣтельный родъ уже рано господствовалъ въ Голмгардѣ (Новѣгородѣ) и Тюркландіи (Финляндіи), завоевалъ берега отъ Австурикіи до Гардарика, нынѣшнія Курляндію, Лифляндію, Эстляндію и Ингерманландію. Владѣтели Острагарда (1) и Кунигарда (Кіева) помогали Сигарду Рингу противъ Гаральда I Гильдетана (около 695). Сигурдъ Рингъ имѣлъ до 2500 кораблей, съ которыми онъ одолѣлъ надменнаго Гаральда. Современно этому, его зятья, Гунмаръ и Гоге, завоевали также часть земли на Рейнѣ и часть Нортумберланда и Суссекса. Онъ же посадилъ въ Ютландіи особаго подвластнаго себѣ Короля, для собиранія подати какъ съ сей земли, такъ и съ Саксоніи (2).

Сынъ Сигурда, Рагнаръ Лодброкъ (730—794), величайшій герой сѣверной страны, выигравшій 50 сраженій, покорившій часть Ирландіи и Флеммингіаландіи (Фландріи), мученически окончилъ

(1) Россія — Rutia a Danis *Ostragard* i. e. in Oriente posita vocatur. Dicitur etiam Chunigard (Kiew) eo, quod sedes Hunnorum ibi primo fuerit. Hujus metropolis Chiw (Kiew) vocatur. Chron. Slav. apud Lindenbr. Script. Sept. p. 159.

(2) Завоеваніе Саксоніи приписывается первымъ выходцамъ Скандинавскимъ. Heimscr. S. 5.

свою жизнь въ темницѣ Короля (?) Элло, будучи взъязвленъ ядовитыми змѣями (*). По смерти сего грознаго воина распалось сильное Государство, имъ основанное. Даніею завладѣлъ Сигурдъ, Швеціею — Біорнъ Ярнсиде. Кромѣ того образовались многія мелкія владѣнія въ этихъ обоихъ Государствахъ, которыхъ *геvöl* хотя по имени и подчинялись Королю, но на дѣлѣ были независимы и грабили Англію, Ирландію и Фрисландію.

Исторія сего времени покрыта глубокимъ мракомъ. Саги противорѣчатъ въ Хронологіи и Генеалогіи, и тщетно пытался Франке въ своихъ *Генеалогическихъ Таблицахъ къ Исторіи Скандинавскихъ народовъ* (1834), привести то и другое въ порядокъ. Это не удалось равнымъ образомъ и Гейеру, въ его превосходной *Исторіи Швеціи*. Франкскіе или Нѣмецкіе Лѣтописцы, хотя довольно вѣрны въ отношеніи къ Хронологіи, но Генеалогія и у нихъ еще не всегда опредѣленна: ибо они часто руководились въ этомъ случаѣ одними слухами. Впрочемъ, дотолѣ, пока еще не отыскались опроверженія ихъ извѣстій, мы можемъ достаточно на нихъ полагаться.

Южно-Ютландское Королевство, которое слыветъ у нихъ то подъ именемъ Норманніи, то подъ именемъ Даніи, преимущественно обращало на себя ихъ вниманіе, потому что границы его были смежны съ Франкскими, и большая часть его владѣтелей угрожала опасностію то соединен-

(*) Объ этомъ различно разсказываютъ. Сравни Genealogische Tabellen zur Geschichte der Skandinavischen Völker, 1834, Tb. B. No 7.

нымъ, то раздѣльнымъ Королямъ Франкскаго Государства. Главами этого столь важнаго для Германіи и Россіи Южно-Ютландскаго Королевскаго рода были (1): 1) *Геріольдъ*, который, въ Хроникѣ Эйнгарда, подъ 812 г., называется *quondam rex Nortmannorum;* 2) *Гормъ*, котораго Саксо Грамматикъ (стр. 247) называетъ сыномъ Геріольда и (стр. 252) отцемъ Готтрика или Готфрида и Королемъ всей Даніи, разсказываетъ, что онъ посылалъ экспедицію въ Галаголандъ, Біармію па Бѣломъ Морѣ и Герутъ (можетъ быть, Новгородъ); вѣроятнѣе же, что онъ былъ Королемъ только Западной Даніи или Ютландіи, — и 3) *Галфданъ* и *Галптанъ*, братъ Горма и отецъ Сигифрида, о которомъ, основываясь на Нѣмецкихъ лѣтописяхъ, не льзя сказать опредѣленно, былъ ли онъ непосредственнымъ преемникомъ Горма.

Сигифридъ появляется въ Франкскихъ лѣтописяхъ какъ лице важное для Франкской Исторіи и какъ *Danorum rex partibus Nortmanniae* (2). У него скрывался Витекиндъ, Саксонскій Герцогъ, и чрезъ сіе возникли съ того времени споры между Франками и Ютландскимъ владѣтельнымъ родомъ. Прежняя зависимость Саксоніи отъ Дат-

---

(1) Генеалогія этого Дома находится, кромѣ Таблицъ Франке, въ Acta Sanctor. Bolland., T. I, Febr. p. 398. У Ostnhielm въ Historia Sveonum et Gothorum, p. 508.

(2) Missi Sigifridi regis, id est *Halptani*. Einhardi Annal. ad a. 782. Франке считаетъ его за брата Горма, но не за отца Сигифрида, котораго онъ сличаетъ съ Шведскимъ Королемъ Сигурдомъ. Ann. Laur. не называютъ его *regem Sveciae*, но онъ именуется въ нихъ, подъ 777 г., Danorum rex *partibus Nortmanniae*; слѣдовательно, онъ былъ Датскій Удѣльный Князь въ Норманніи или Ютландіи.

скихъ Королей, хотя подтверждаемая только сѣверными Сагами, достаточно объясняетъ бѣгство Саксонскаго Герцога прямо къ Сигифриду, бракосочетаніе перваго съ сестрою послѣдняго, Гевою, и участіе, которое Норманны отнынѣ брали въ покоренныхъ Карломъ Великимъ Саксонцахъ. Почему же сперва Сигифридъ, сынъ Галтпана, а не Готтрикъ, сынъ Горма, былъ первымъ Королемъ Норманновъ? этого не видно ни изъ Нѣмецкихъ, ни изъ Франкскихъ лѣтописей. Вѣроятно, владѣніе Горма было раздѣлено между обоими братьями, и Сигифридъ получилъ Южную Ютландію, а Готтрикъ — Сѣверную, пока послѣдній, по смерти Сигифрида (798?), сдѣлался единымъ *Rex Nortmannorum* и опаснымъ врагомъ Франковъ.

Готфридъ впервые называется *Rex Nortmannorum* при томъ случаѣ, когда *Monachus Sangallensis* разсказываетъ, что Карлъ окончательно покорилъ Гунновъ (стало быть, въ 796). Отсутствіе Карла В. вдохнуло уже тогда Датчанамъ смѣлость вторгнуться въ самую Германію. Карлъ хотѣлъ-было наказать ихъ за эту смѣлость; но ему воспрепятствовали въ томъ недостатокъ хорошихъ дорогъ и болѣзнь, появившаяся въ его войскѣ. Но Сигифридъ упоминается еще какъ Король подъ 798 г. (1), когда Транзальбинги убили Пословъ Карла В., который присылалъ къ нему по этому обстоятельству посольство. Хотя въ томъ же году Карлъ В. завоевалъ, при помощи Оботритовъ (2), землю Заэльбскихъ Саксонцевъ; но подъ

(1) Einhardi Annal. ad h. an.

(2) Einhardi Annal. Fuldens. ad h. an.

804 года Готфридъ, сынъ Горма, упоминается какъ Король, при которомъ совершенно потеряна Саксонія: ибо тогда Карлъ В., по Зельцскому миру, присоединилъ ее къ своимъ владѣніямъ. Онъ требовалъ также, особымъ посольствомъ, отъ Готфрида выдачи бѣглецовъ (1) и даже переселилъ *Транзальбинговъ* изъ одного округа, называвшагося *Rösengaw* (Rosogabi), въ свое Государство (2), можетъ быть, въ сосѣднюю Гріустри или Рустрингію, гдѣ уже съ 803 года Виллендъ водворилъ Христіанскую Вѣру, и гдѣ мы находимъ нѣкоего Грэрека или Рюрика, какъ вождя (*Dux*) Карла В., на котораго съ 810 года напали Датчане съ Готфридомъ и убили его (3). Послѣ этого, 200 Норманскихъ ладій вторглись въ Фрисландію и разбили Императорское войско (4). Сей Грэрекъ или Рюрикъ имѣлъ, по изысканіямъ Франке, прозваніе *Raüngvanbaug*, былъ сынъ Гаральда, братъ Горма и Галфдана и прадѣдъ славнаго Историка Самундо Фроди (5). Слѣдовательно, онъ принадлежалъ къ тому же роду, но сдѣлался, за связь съ Карломъ В., который далъ ему Рустрингію или Фрисландію какъ лену, врагомъ своихъ братьевъ: что случалось всякій разъ, какъ скоро одинъ членъ фами-

(1) Einh. Annal. ad an. 804.

(2) Annal. Moiss. Pertz, Mon, Germ. II, 258. Это имя напоминаетъ намъ Руссовъ, которые сами себя называли *Ros*.

(3) Snorro apud Torfaeum. Wiarde Ost-Fries. Geschichte,

(4) При этомъ случаѣ Ютландія, гдѣ властвовалъ Готфридъ, названа *Normannia*. Annal. Fuld. ad an. 810.

(5) Franke Geneal. Tabellen. Snorro apud Torf. p. 406. Нѣмецкіе и Французскіе Лѣтописцы не называютъ его по имени.

лін языческихъ Князей принималъ Христіанство и вступалъ въ сношенія съ Христіанскими Государями.

По смерти Готфрида, который незадолго еще предъ тѣмъ угрожалъ Карлу В. въ самой его столицѣ (1), возникли междоусобія касательно наслѣдства (2). Сперва слѣдовалъ Геммингъ (Amirgus), сынъ неизвѣстнаго по имени брата Готфридова, который заключилъ миръ съ Карломъ В.; но онъ умеръ въ 812 году. Послѣ этого завязался споръ между Ситфридомъ, племянникомъ Готфрида, и Ануло, племянникомъ Геріольда, о наслѣдіи. Первый былъ изъ рода Горма, второй — изъ рода Гальфдана. Такъ какъ дружелюбный раздѣлъ не состоялся, то дѣло дошло до сраженія, въ которомъ оба они пали. Впрочемъ приверженцы Ануло одержали верхъ; два брата его, Геріольдъ и Регинфридъ, захватили власть въ свои руки и возобновили миръ съ Карломъ Великимъ (3). Сыновья Готфрида удалились къ *Свеонамъ*, набрали войско и сдѣлали нападеніе на Регинфрида и Геріольда въ ту пору, когда они заняты были покореніемъ Вестерфольдена (въ Норвегіи). Регинфридъ погибъ въ сраженіи, а Геріольдъ бѣжалъ къ Карлу В. (4). И такъ сіи вражды были поводомъ къ тому, что часть Южно-Ютландскаго

---

(1) Chronicon Moiss. 810.

(2) Saxo Gramm. разсказываетъ, что сынъ Готтрика, Олавъ, слѣдовалъ за нимъ; но Нѣмецкія лѣтописи не подтверждаютъ этого. Если онъ дѣйствительно слѣдовалъ, то вѣроятно не болѣе двухъ мѣсяцевъ прожилъ спокойно: ибо въ томъ же году начались междоусобія.

(3) Einhardi Annal. Pertz I, S. 200.

(4) Chron. Moiss. c. a. 813. Einh. Ann. 813. Reginis Chron. eod. an.

владѣтельнаго рода, происходившаго отъ Гальфдана, вступила въ тѣснѣйшія связи съ Франками, и чрезъ то они получили тѣ владѣнія въ Сѣверной Германіи, кои прежде еще принадлежали Рюрику, изъ рода старшаго Геріольда. Уже Готфридъ, посредствомъ славной *Danawirk*, проведенной вдоль Эйдера, отъ одного моря до другаго, защитилъ (1) Норманнскія земли отъ нападеній Франковъ. Франкскіе же берега ежегодно подвергались нашествіямъ Норманновъ, кои не только грабили побережье, но и входили въ устья рѣкъ, плыли по нимъ, чему способствовали ихъ небольшія ладьи, и опустошали все, что только встрѣчалось на обоихъ берегахъ. Церкви и монастыри бывали разграблены; жителей уводили въ плѣнъ и продавали, чтобы посредствомъ полученныхъ денегъ набрать новыя дружины. Такъ возникало уже при Карлѣ В. это грозное разбойническое Государство, противъ котораго оставались тщетными и страшныя и огромныя силы сего Властителя. Къ счастію еще тогдашней Европы, оно носило въ самомъ себѣ средства къ преодолѣнію и къ удержанію его въ границахъ. Они состояли въ томъ, что одна партія была отдѣляема отъ другой или посредствомъ уступки въ ленное владѣніе какой-нибудь части земель, или чрезъ введеніе Христіянства, что сильно вооружало ихъ другъ противъ друга. Этими средствами, къ которымъ въ послѣдствіи прибѣгалъ и Альфредъ Великій, пользовался, какъ показано выше, уже и Карлъ В. Въ слабое правленіе Людовика

(1) Annal. Einh. ad an. 808.

Кроткаго онѣ сдѣлались еще нужнѣе. По этому-то, убѣжавшій къ Карлу В. Геріольдъ Младшій, получивъ вспомогательныя Франкскія войска (1), возвратился въ свое отечество, и въ 819 году былъ принятъ двумя сыновьями Готфрида соправителемъ въ Ютландіи (2). Вскорѣ послѣ сего онъ обнаружилъ Франкскую политику: старался ввести Христіанство, возбуждалъ безпокойства и раздоры и сталъ склонять народъ на сторону Франковъ. Вспомоществуемый Людовикомъ, онъ ввелъ въ Норманнію (Ютландію) Архіепископа Реймскаго Эбо, который началъ съ того времени успѣшно распространять тамъ Христіанство (3); но сыновья Готфрида грозили ему изгнаніемъ (4). Людовикъ долженъ былъ прибѣгнуть, въ 825 году, къ сдѣлкѣ съ ними (5): ибо тогдашнія затруднительныя обстоятельства, въ которыхъ онъ находился, препятствовали ему употребить иныя мѣры.

Въ сіе-то время родъ Галфдановъ вступилъ въ самыя тѣсныя связи съ Франками, и появляется тотъ самый *Рорикъ*, который былъ основателемъ Государства Русскаго.

Этотъ Рорикъ былъ внукъ Геріольда (6) I и братъ Геріольда Младшаго (7). Въ 826 г. Геріольдъ, покровительствуемый Людовикомъ Кроткимъ, дол-

---

(1) In Nortmanniam missus est. Einh. Annal. Fuld. 813.
(2) Einh. Annal. ad an. 819 и 821.
(3) Einh. Annal. ad an. 823.
(4) Annal. Einh. тамъ же.
(5) Einh. Annal. ad an. 825.
(6) Annal. Bertinens. ad an. 850.
(7) Annal. Xant. ad an. 850. Annal. Fuld. ad an. 850.

женъ былъ снова бѣжать къ нему, будучи вытѣсненъ изъ *Нортманніи* (Ютландіи) Горихомъ или Орикомъ (Эрихомъ), сыномъ и братьями Готфрида (1), который тутъ называется *dominus Herioldi*, стало быть верховный владѣтель всей Ютландіи (2). Онъ отправился по Рейну на сто ладіяхъ, въ сопровожденіи своей супруги, сына, братьевъ, множества знатныхъ Датчанъ и Архіепископа Эбо, который дотолѣ распространялъ Христіанство въ Ютландіи (3); торжественно крестился въ Майнцѣ съ своимъ семействомъ и 400 другими лицами обоего пола, сопровождавшими его (4), и получилъ отъ Императора, вмѣсто крестиннаго подарка, кромѣ многихъ сокровищъ, часть земли въ Сѣверозападной Германіи, которая въ *Vita Hludovici* (Pertz II, 629) называется comitatum quendam in Fresia, cujus vocabulum est *Rhiustri*; тутъ же прибавлено, что сія земля была дана ему для того, чтобы онъ, если его за принятіе Христіанства не примутъ въ Нортманніи, имѣлъ мѣсто, quo se suosque, si necessitas exigeret, tuto recipere posset. То же повѣствуетъ и Эгингардъ (ad an. 826). Но Адамъ Бременскій пишетъ: Imperator dedit Haraldo trans *Albiam* bene-

---

(1) Einh. Annal. ad an. 827.

(2) Ruod. Fuld. Annal. ad an. 839.

(3) Ad. Brem. II, 15.

(4) Ad. Brem. l. c.—Annal. Xant. ad an. 826.—Vita Hludov.—Pertz. Monum. Germ. II, s. 629. Einh. ad an. 826.— Подробнѣе же описываетъ это, хотя со многими прибавленіями поэтическими, Ermoldus Nigellus, въ своихъ Carmina IV, v. 147, 175; крещеніе же жены и сына Геріольда IV, v. 555—560.

ficium et fratri ejus *Horico* (1) (Rorico), ut *tum piratis obsisteret*, partem Fressiae concessit. — Въ слѣдствіе этого Рюрикъ, который, по Адаму Бременскому, крестился вмѣстѣ съ Геріольдомъ, былъ владѣтель западной, а Геріольдъ восточной части Фрисландіи, которая обоимъ братьямъ дана была въ лену и для защиты Франскихъ владѣній. Рюрикъ, какъ владѣтель Рустрингіи, долженствовалъ защищать Ягдерскій Заливъ и Везеръ, а Геріольдъ земли Цриэльбскія или такъ называемый Limes Nortmannicus.

Владѣнія сихъ Христіанскихъ Норманновъ простирались отъ Одера до Эмса и заключали въ себѣ землю Сѣверныхъ Фризовъ, Вурстерфризовъ и Comitatus Rhiustri или Рустрингію, которая принадлежала къ Восточной Фрисландіи. Другой Норманнъ, но изъ того же рода, Геммингъ, сынъ Галдана, стало-быть дядя Рюрика, имѣлъ если не всю Восточную Фрисландію до Шельды, то, по крайней мѣрѣ, часть ея: онъ погибъ при защитѣ Вальхерна, которымъ онъ владѣлъ (2). Вѣроятно, ему же принадлежалъ тогда и Дорестадтъ (Wyk to Duerstede), который былъ опустошенъ въ одно время съ Вальхерномъ. Это случилось въ 837 году, съ коего мы находимъ сію страну въ рукахъ Рюрика и его брата Геріольда, до смерти Людовика Кроткаго: До-

(1) Имя Горикъ, вмѣсто Рорикъ, поставленное здѣсь, есть не что иное, какъ смѣшеніе. Горикъ былъ сынъ Готерида и тотъ самый, который изгналъ Геріольда и его брата Рорика.

(2) Ruod. Annal. Fuld. an. 837. Thegani, vita Imper. Ludovici, Pertz. Mon. G. II, p. 604. Здѣсь онъ называется: ex stirpe Danorum dux Christianissimus.

рестадтъ былъ тогда главнымъ городомъ Веостфрисландскихъ владѣній (1). Оба брата владѣли сею страною jure beneficii, какъ наградою за ихъ прежнія заслуги. Въ это же время въ собственной Ютландіи или Норманніи властвовалъ Орикъ (Эрикъ) съ своими братьями, и будучи постоянно врагомъ Галфданскаго рода, требовалъ, хотя и тщетно, отъ Людовика Кроткаго, въ 838 году, для себя Фрисландію (2). Владѣнія обоихъ братьевъ простирались теперь отъ устьевъ Рейна (можетъ быть, Шельды) до Эйдера, заключая въ себѣ всю Голландію, Остфрисландію, Ольденбургскія, Бременскія и Ганноверскія земли между Везеромъ и Эльбою и часть по ту сторону Эльбы. Западныя части сей земли были, какъ кажется, Рюрикомъ завлечены: ибо мы находимъ, въ теченіе трехъ лѣтъ, опустошенія Дорестадта и другихъ странъ во время возстанія Шведовъ, Лотаря и его братьевъ, противъ несчастнаго Людовика, упоминаемыми въ Нѣмецкихъ Лѣтописяхъ (3); всего же яснѣе говоритъ за мое мнѣніе слова Пруденція Трецензскаго, подъ 837 годомъ, относительно сихъ опустошеній: «ad comprimendam *Frisionum inobedientiam* strenui abbates ac comites directi sunt et deinceps incursionibus facilius obsisti queat, classis quaqua versus diligentius parari jussa est.» По Эингарду, былъ разграбленъ въ 837 году

(1) Ruod. Annal. Fuld. ad an. 850.
(2) Prud. Trecens. Annal. ad an. 838.
(3) Annal. Xant. 834. Prud. Trecens. Chron. 836. Chron. Normannicum s. Aquit. 836. Prud. Trecens. Annal. et Einh. Annal. Fuld. ad an. 837.

и Вальхернъ, въ то время, какъ Дорестадтъ былъ взятъ Рюрикомъ, и за годъ до того Антверпенъ и Витта — важный тогдашній торговый городъ (1). Рюрикъ и Геріольдъ были такимъ образомъ успокоены уступкою имъ Бельгіи, прекрасной для Скандинавской морской торговли и выгодной своимъ положеніемъ. Но возбуждавшая ужасъ комета, появившаяся въ созвѣздіи Дѣвы, которая заставила Людовика Кроткаго промолиться цѣлую ночь, привела наконецъ нападенія другихъ Норманновъ, главою коихъ былъ Гастингъ (2), бывшій бичемъ Англіи и, можетъ быть (3), тотъ самый, о которомъ Скандинавскія Саги говорятъ подъ именемъ Эйстейна, близкій родственникъ Рюрика и Геріольда. Собственный Король Ютландіи былъ тогда Орикъ или Эрикъ Старшій, который въ продолженіе этого времени велъ переговоры съ Людовикомъ Кроткимъ, чтобы сей уступилъ ему Фрисландію, коею владѣлъ Рюриковъ родъ, удерживъ ее за собою.

По смерти Людовика Кроткаго, въ 840 г., Лотарь воспользовался вспоможеніемъ страшныхъ Норманновъ противъ братьевъ своихъ. Извѣстно, что онъ далъ всѣмъ позволеніе обратиться къ языческой Религіи, дабы пріобрѣсть болѣе вѣрныхъ приверженцевъ; и если Рюрикъ былъ прежде Христіа-

(1) Einh. Annal. Fuld. an. 836. Pertz. Mon. Germ. I, 360.

(2) Особенно Туръ былъ опустошенъ ими, въ 838 году. Сравни: Odo Cluniens. tract. de Revers. B. Martini. Pagi Critica, III, s. 622.

(3) Franke's Genealog. Tabell. Tab. B. Нѣкоторыя лѣтописи не подтверждаютъ этого.

нинъ, то, кажется, онъ теперь снова обратился къ язычеству: ибо съ того времени онъ былъ постоянно врагомъ Христіанъ и называется въ Нѣмецкихъ лѣтописяхъ fel Christianitatis (1). Норманны должны были, подъ начальствомъ Геріольда, который тогда владѣлъ и Вальхерномъ (2), воспрепятствовать переходу Нѣмцевъ чрезъ Рейнъ, противъ Лотаря. Для сего онъ соединился съ Отгаромъ, Архіепископомъ Майнцскимъ и Графомъ Гоппою; но его поспѣшное удаленіе отъ своего поста было причиною того, что Людовикъ перешелъ чрезъ Рейнъ, и Лотарь приведенъ чрезъ то въ большое затрудненіе (3). Въ это время, по свидѣтельству Фульд. лѣтописей, умеръ Геріольдъ: ибо подъ годомъ 841 говорятъ: *Roruc Nortmannus*, qui tempore Hludovici Imperatoris cum fratre Herioldo vicum Dorestadum jure beneficii tenuit, *defuncto* fratre apud Hlotarium, qui patri successit, proditionis criminis, falso insimulatus, tentus et in custodiam missus est. Unde fuga lapsus in *fidem* Hludovici regis Orientalium Francorum veniens, cum per annos aliquot ibi moraretur, et inter Saxones, qui confines sunt *Nortmannis* mansitaret, collecta *Danigenarum* non modica manu, coepit piraticam exercere (4). Отсюда видно, что побудило Рюрика снова непріятельски дѣйствовать противъ Фран-

(1) Франке называетъ его, въ своихъ Таблицахъ подъ 857 годомъ: « Apostat und wieder Christ. »
(2) Prud. Trecens. Annal. ad an. 841.
(3) Nithard de dissens. fil. Ludov. IV, p. 471. Eckh. Res Wirzeburg, II, 353.
(4) Annal. Fuld. ad an. 840.

ковъ и укрѣпить свою силу новыми вспомогательными войсками Датчанъ. Другіе Норманны, подъ предводительствомъ нѣкоего Оттерка, котораго родъ не извѣстенъ ни по Нѣмецкимъ, ни по Франкскимъ лѣтописямъ, грабили съ сего времени на всѣхъ берегахъ и по большимъ рѣкамъ Франціи. Рагнарій, другой предводитель Норманновъ, проникъ, въ 845 году, до Парижа, принудилъ Короля бѣжать въ Сен-Дени, разорилъ Парижъ, и только возникшая въ его войскѣ болѣзнь удержала его отъ дальнѣйшихъ опустошеній. Горикъ же (или Эрикъ) (1) вмѣстѣ соединился теперь съ Рюрикомъ (2) пошелъ на 600 лодіяхъ въ Эльбу, опустошилъ Гамбургъ и окрестную страну; но какъ зараза угрожала истребить все войско, и самъ Рагнарій или Регингерій умеръ отъ нея, то одинъ плѣнный Христіанинъ совѣтовалъ бросить жребій предъ Христіанскимъ Богомъ о томъ, что надлежитъ дѣлать. Въ Лѣтописяхъ Ксантскихъ разсказывается: Tunc rex eorum *Roric*, una cum omni populo *gentilium* XIV dies a carne et medone abstinuit et cessavit plaga et omnes Christianos captivos, quos habebant, ad patriam propriam dirigunt (3). Опустошенія Дорестадта и Фрисландіи были между тѣмъ продолжаемы Норманнами (безспорно и самимъ Рюрикомъ) (4), пока наконецъ Рюрикъ съ Годофридомъ

(1) Annal. Bertinens, 845. Annal. Metens. eod. anno.

(2) Annal. Xantens.

(3) Annal. Xant. ad an. 845.

(4) 846 Annal. Xant. Du Chesne, III ad an. 846. Pagi Crit. III, cmp. 600; — 847 Ruod. Annal. Fuld. — Annal. Bertinens. — 848 Chronicon Norm. s. Antiquit. — Pertz II. Fragm. Chron. Font. y Pagi III, p. 605.

сыномъ младшаго Геріольда (Prud. Annal. ad an. 852) въ 850 году съ большимъ войскомъ напалъ чрезъ устья Рейна и Валя на Фрисландію и Батавскій Островъ (Бетуве), принудилъ Лотаря уступить снова ему владѣніе Дорестадта и прочихъ его земляхъ. Бертин. лѣтописи говорятъ при семъ случаѣ: quem, *quum comprimere nequiret, in fidem recepit, eique Dorestadum et alios comitatus* largitur. Caeterorum vero pars Menapios, Tarvisios aliosque maritimos locos depraedantur; pars Brittanniam insulam Anglosque impetentes. — Рудольфа Фульд. лѣтописи извѣщаютъ, что Рюрикъ cum Danigenarum non modica manu овладѣлъ Дорестадтомъ: «cum «a Hlothario sine periculo expelli non posset cum «consilio senatus in fidem receptus est, ea condi-«tione, ut tributis caeterisque negotiis ad aeris ae-«rarium pertinentibus fideliter inserviret et piraticis «Danorum incursionibus obviando resisteret.» О его племянникѣ *Готфридѣ* читаемъ тамъ же, что онъ вторгся потомъ въ Сену, и Карлъ Плѣшивый, будучи не въ состояніи побѣдить его, in societatem regni принялъ. Онъ очистилъ для него и его дружины какую-то землю (1).

Подъ 852 годомъ упоминается въ Нѣмецкихъ лѣтописяхъ первое вторженіе сихъ Норманновъ въ Россію, именно *in fines Slavorum*, которое случилось тогда, какъ они были призваны въ Бирку для вспомоществованія одному изгнанному Шведскому Королю (2). Бирка находилась

(1) Ruodolph. Annal. Fuld. ad an. 850.
(2) Rembert, vita Ansgarii, Cap. 19.

вблизи отъ нынѣшняго Стокгольма, на границѣ Провинціи *Рослагенъ*, отъ которой обыкновенно производятъ Руссовъ: это подтверждается и тѣмъ, что въ 839 году Византійскіе Послы, возвращаясь чрезъ Германію и называя себя *Росъ*, объявили, что они *gentis Sueonum* (1). Тогда же Рюрикъ и Геріольдъ получили Сѣверозападную Германію, и чрезъ ихъ владѣнія долженствовали сіи Послы возвращаться въ свое отечество. Можетъ быть, тогда и Норманны вошли въ сношеніе съ *Росами* въ Швеціи, и именно въ Рослагенѣ. Отъ нихъ могли они получить болѣе точныя свѣдѣнія о Византіи, о важности торговли съ нею и о путяхъ туда чрезъ земли Славянъ, о внутреннемъ состояніи Россіи,—и чрезъ то могла пробудиться въ нихъ мысль о новой добычѣ и новыхъ завоеваніяхъ. Но что подъ сими *fines Slavorum* не льзя разумѣть Померанскихъ и Прусскихъ береговъ, это ясно изъ того, что Писатели сего времени всегда называли жителей западныхъ береговъ Балтійскаго Моря именемъ *Winidi*, Вендами, а не Славянами. Притомъ и Несторъ упоминаетъ, хотя кратко, подъ 859 годомъ, что Варяги брали дань съ Славянъ, Чуди, Мери, Веси и Кривичей, ничего не говоря о времени перваго вторженія въ сіи земли: и такъ походъ Норманновъ изъ Бирки надобно почесть за тотъ, который былъ основаніемъ для послѣдующихъ предпріятій. Бирка имѣла, какъ видно изъ вышеприведеннаго мѣста, многихъ «пе-

(1) Prudent. Trecens. an. 839.

«gotiatores divites et abundantiam totius boni atque «pecuniam thesaurorum multam.»

Изгнанный Король назывался Anundus; Норманны помогали ему тогда только съ 21 кораблемъ и снова посадили на престолъ; находившіеся тамъ Христіане, къ которымъ принадлежалъ и praefectus loci, имѣли уже церковь: изъ чего видно, что не должно почитать страннымъ, когда между воинами Датчанъ и Шведовъ встрѣчаются также люди Христіанскаго Исповѣданія. Главный Шведскій Король, къ которому былъ присланъ Ансгарій и который споспѣшествовалъ распространенію Христіанства, назывался Олавъ (1). Въ Ютландіи была тогда равнымъ образомъ распространяема Ансгаріемъ Христіанская Вѣра, съ согласія Эрика (Орика) (2).

Въ промежутокъ же времени между первымъ морскимъ походомъ Норманновъ въ землю Славянъ и означеннымъ у Нестора временемъ сбора Варягами подати, случилось событіе, которое Рюрика наиболѣе побудило продолжать начатое завоеваніе.

Властолюбивый Лотарь былъ только обстоятельствами вынужденъ принять Норманновъ въ свои владѣнія. Но какъ скоро онъ почувствовалъ себя сильнѣе и раздѣлилъ въ 855 году свое Государство; какъ скоро Горикъ (Эрикъ), Король Ютландіи, послѣдній сынъ Короля Готфрида, умеръ въ 854 году (3) и Датчане вовлечены были въ войну за наслѣдство, ut Horico rege et caete-

(1) Pagi Critica, III, 610. Rimbert. vita Anskarii, c. XXIII.
(2) Съ 840. Pagi Critica, l. c.
(3) Prudent. Trecens. Ann. ad an. 854.

nis cum eo interfectis regibus paene omnis nobilitas interierit (1), и какъ скоро сынъ и преемникъ сего Горика, Горикъ Младшій, благоволившій Христіанамъ, слѣдовательно и Франкамъ, взошелъ на престолъ безъ общаго согласія: тогда *Лотарь* отдалъ всю Фрисландію своему сыну, *Лотарю* II, въ слѣдствіе чего Рорикъ и его племянникъ Готфридъ пошли назадъ въ Данію (Ютландію), дабы тамъ овладѣть, если можно, правленіемъ; «sed — продолжаетъ Пруденцій (2) — nequaquam «arridentibus sibi successibus *Dorestado* se conti«nent, et *parte maxima Fresiae* potiuntur.» Но два года позже, въ 857 году «Rorik Nortmannus, «qui praeerat *Dorestado*, cum consensu Domini «sui Hlotharii classem duxit in fines Danorum et «consentiente Horico partem regni, qui est inter «mare et Egidoram (Südjütland) cum sociis pos«sedit» (3). Между тѣмъ, нѣкоторые Норманны сожгли Парижъ; другіе, пользуясь отсутствіемъ Рюрика, завладѣли Фрисландіею (4).

Въ это время, какъ кажется, начинаются важныя предпріятія Рюрика на Востокѣ, которымъ много способствовали обладаніе Южною Ютландіею и возникшее тогда обыкновеніе Норманновъ служить за плату какъ друзьямъ, такъ и врагамъ (5). Норманны собирались, какъ vulgus promiscuum, и грабили земли по теченію Лоары, Сены, Шельды

(1) Ruodi. Annal. Fuld. ad an. 854.

(2) Ad an. 855.

(3) Annal. Fuld. ad an. 857.

(4) Vita Sanctae Genovefae., у Болланда ad diem III Januar.

(5) Франки называли это *locarium*. Первый примѣръ такого locarii упоминается подъ 861 годомъ, когда Датскій предводитель

Испанію, самую Африку; другіе толпы разоряли Зеландію, Амьенъ и Батавскій Островъ (1). Ни одну страну не оставляли они безъ грабежа и добычи. Стало быть и въ 859 году Рюрикъ легко нашелъ сподвижниковъ, и, что замѣчательно, Несторъ (2) именно въ этомъ году упоминаетъ о первомъ вторженіи Варяговъ для собранія дани. Потомъ они были изгнаны за море, и платежъ дани прекратился (3). Послѣ этого, продолжаетъ Несторъ, *почаша сами в собѣ володѣти, и не бѣ в нихъ правды, и въста родъ на родъ; быша в нихъ оусобицѣ, и воевати почаша сами на ся* (4). Въ Франкскихъ Лѣтописяхъ мы находимъ, что Датчане уже въ 860 году, слѣдовательно спустя одинъ годъ послѣ ихъ вторженія въ Россію, грабили земли по теченію Сомы, Роны, Англосаксовъ, даже Пизу въ Италіи, и получили отъ Карла Плѣшиваго 3000 рублей серебромъ (5). Можетъ быть, это наиболѣе побудило ихъ удалиться изъ Россіи, а не сила платившихъ дань племенъ.

Вражды вынудили сіи племена, по сказанію Нестора, въ 862 году, послать за море, къ Варягамъ-Руси, для призванія Князя изъ ихъ рода. Въ

Веландъ служилъ Франкамъ противъ Датчанъ. Онъ получилъ 5000 ф. серебр. (Annal. Bertinens.). Равнымъ образомъ получили Гудольфъ, сынъ Геріольда, въ 864 году, и Гастингъ, въ 867 году, locaria отъ Франковъ. Въ Англіи извѣстно Dannegeld, которое первоначально было не что иное, какъ откупъ отъ грабежей.

(1) Annal. Bertinens. et Annal. Fuldens.

(2) Несторъ по Лаврентьевскому списку, стр. 12.

(3) Въ нѣкоторыхъ спискахъ столько шутъ 862 годъ, вмѣсто 859. Сравни: Шлёцера Несторъ, стр. 168.

(4) Лаврентьевскій списокъ, стр. 12.

(5) Annal. Bertin.

слѣдствіе сего *изъбраша г̃ братья с роды своими, пояша по собѣ всю Русь, и придоша; старѣйшии Рюрикъ* (1), *а другии Синеоусъ на Бѣлѣ Ѡзерѣ, а третии Изборьстѣ Труворъ. Ѡтъ тѣхъ прозвася Руская земля, Новугородьци: ти суть людье Ноугородьци отъ рода Варяжьска, преже бо бѣша Словѣни.* (Лавр. Сп. стр. 12).— И такъ по Русскимъ лѣтописямъ узнаемъ мы еще двухъ братьевъ Рюрика, которыхъ имена у Нѣмецкихъ Лѣтописцевъ не означены, какъ совершенно неважныя для Германіи; а можетъ быть, слово *братья* не должно принимать буквально. По моему мнѣнію, при раздѣленіи новопріобрѣтенной земли происходило то же, что мы прежде видѣли при частыхъ раздѣлахъ Фрисландіи и Ютландіи между Норманскимъ владѣтельнымъ родомъ. Въ 862 году Рюрикъ не является въ Германіи, но въ слѣдующемъ выходитъ съ новою силою; флотъ его вступаетъ въ устье Рейна, и, идя по теченію сей рѣки, грабитъ Кёльнъ, Дорестадтъ, Фрисландію; но угрожаемый съ двухъ сторонъ Лотаремъ и Саксонцами, удаляется назадъ (2).

Въ 864 году Несторъ снова упоминаетъ Рюрика въ Россіи: *По двү же лѣту Синеоусъ оумре и братъ его Труворъ; и прия власть Рюрикъ, и раздая мужемъ своимъ грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣло Ѡзеро. И по тѣмъ городомъ суть находници Варязи; а перьвии насельници: в Новѣгородѣ Словѣне, Полотьски*

(1) Пропускъ: *въ Ладогѣ.*
(2) Hincmar. Rem.

Кривичи, в Ростовѣ Меря, в Бѣлѣ Озерѣ Весь, в Муромѣ Мурома. И тѣми всѣми обладаше Рюрикъ (Лавр. Спис. стр. 12 и 13).— Въ этихъ мужахъ, которыхъ древніе Скандинавы называли Ярлами, находимъ мы то же отношеніе, какъ и у сихъ послѣднихъ, о которыхъ въ Геймскринглѣ говорится: (1) Harald Haarfager (Шведскій Король, царствовавшій съ 863 — 933) постановилъ in regionibus nuper devictis, nimirum ut sua essent bona allodialia, certa quoque *colonis* sive tenuioris sortis hominibus tributa imponerentur. Quin et *Jarlum* singulis provinciis praefecit, qui jus aequum dicerent mulctos quoque et censum imponerent. Et vero *Jarlus* tertiam redituum partem suae alendae familiae impendere posset. Et vero *Jarlos* sibi adjunctos haberet *comites* quatuor sive plures (fiora Hersa et her fleyri), quibus singulis viginti marcarum summa in alimonium annuatim concederetur. Sed Jarlus sexaginta viros bellatores (hermanna), viginta comes (Hersir), regi (Kongar) sistere debebat. Tantopere autem censum et tributa auxerat rex, ut Jarli ipsius, majora latifundia tenerent, quam olim *reguli*. Hujus rei fama quum Trundhemum usque pervagaret viri opulenti et conspicue dignitatis plurimi ad regem Haraldum commeare coeperunt, qui et ipsos in tutelam recepit. Изъ этого видно, какъ легко войско какого-нибудь частнаго Норманнскаго завоевателя могло быть набираемо и содержимо: ибо Ярлы или Бояре Руси могли много получить и для себя, если они управляли большими областями.

---

(1) p. 77.

Двое шакихъ Бояръ, Оскольдъ и Диръ, отправились, съ согласія Рюрика, съ частью своей дружины, по теченію Днѣпра, для нападенія на Византію; но на дорогѣ завладѣли Кіевомъ, основали тамъ особое Государство, ввели, послѣ неудачнаго похода на Грековъ, Христіанство и вошли въ союзъ съ Василіемъ Македоняниномъ: о чемъ подробнѣйшія изысканія сообщу послѣ въ другомъ мѣстѣ.

Почему Рюрикъ терпѣлъ это, тогда какъ послѣ Олегъ наказалъ ихъ смертью, объясняется намъ въ Нѣмецкихъ лѣтописяхъ. Рюрикъ былъ снова въ Германіи. Часть Фризовъ, называвшаяся Conkingi, изгнала его; но въ 867 году онъ возвратился съ Датскою помощію, чтобы возвратить себѣ свое (1). Въ 873 году онъ соединился съ Родульфомъ или Родлономъ, сыномъ своего брата Геріольда, который часто грабилъ земли Франковъ, и пошелъ къ Карлу Плѣшивому. Сей благосклонно принялъ Рюрика, который раздраженными Лѣтописцами называется fel Christianitatis, и возвратилъ ему владѣнія; а Родульфа, infidelia machinantem, отпустилъ ни съ чѣмъ (2). Рюрикъ долженъ былъ оставить заложниковъ своей вѣрности (3), и, какъ кажется, пробылъ въ своихъ владѣніяхъ до 876 года, когда Фризы, исполняя свои обязанности въ отношеніи къ своему повелителю, защищая Государство и дали мужественный отпоръ вторгшимся Норманнамъ (4).

(1) Hincmar. Rem. ad an. 867.

(2) Annal. Fuld. P. III, 873.

(3) Annal. Xant. ad an. 873. Annal. Fuld. p. III, ad an. 873. Hincm. Rem. eod. anno.

(4) Annal. Fuld. P. III, ad an. 876.

Рюрикъ, который, какъ мы выше видѣли, былъ крещенъ въ 826 году, вмѣстѣ съ старшимъ братомъ Геріольдомъ, а въ 837 году уже получилъ въ наемъ во владѣніе Сѣверозападную Германію и Голландію, долженствовалъ быть въ послѣдніе годы довольно старъ: ибо родился около 817 года. По свидѣтельству Нестора, онъ умеръ въ 879 г., стало быть на 62 году своей жизни, оставивъ Игоря, рожденнаго въ 864 году.

Замѣчательно, что Рюрикъ, о смерти коего Нѣмецкія лѣтописи умалчиваютъ, съ той поры не является болѣе въ Германіи. Его владѣнія достались сыну брата его Геріольда, Готфриду, послѣ несчастной для Франковъ осады Аскологи. Сіи владѣнія состояли, по сказанію Готфрида Витербскаго, *in tota terra Phrysonum*; по Гинкмару они заключали *Frisiam et alios honores*; по Annal. Vedast. *Regnum Frisonum*, а по Фульдскимъ лѣтописямъ Готфридъ сдѣлался чрезъ то *consors regni* (Caroli III).

Кромѣ всего доселѣ сказаннаго, утверждаетъ насъ во мнѣніи, что Рюрикъ, упоминаемый въ Нѣмецкихъ лѣтописяхъ, и тотъ, который именуется Несторомъ, одно и то же лице,—сходство законовъ, религіи, нравовъ и языка. На какомъ основаніи онъ получилъ владѣнія въ Германіи и Лотарингіи, именно, чтобы оберегать ихъ отъ грабительства прочихъ Норманновъ; на какомъ основаніи принимаемы были сіи завоеватели во Франціи Карломъ Толстымъ, въ Англіи Альфредомъ Великимъ: на такомъ же основаніи является Рюрикъ и въ Россіи. Потому давали и Новогородцы, до Ярослава,

ежегодную дань *мира для* Варягамъ, и въ вознагражденіе за то сохранили много вольностей.

Въ ту пору, какъ Рюриковъ родъ сталъ столько силенъ на Востокѣ, родственники его, пользуясь тѣми же средствами, основали на Западѣ то зависимыя, то независимыя Государства: Готфридъ (въ 882 г.), новое Фризское Королевство, Роллонъ (въ 912 г.), Нормандское, позднѣе Танкредъ — Неаполитанское, между тѣмъ какъ другіе Скандинавы властвовали въ Англіи и Ирландіи.

Связи Рюрикова рода, въ послѣдующее время, съ Рустрингскими Владѣтелями показаны уже Гольманномъ и Карамзинымъ, равно какъ первый означилъ и тождество Рустрингскихъ, Фризскихъ и Скандинавскихъ именъ, что недавно подтвердилъ и Расмуссенъ въ сочиненіи: De Arabum Persarum que cum Russia et Scandinavia commercio. Hafniae 1825.

Впрочемъ, откуда бы ни производили имя *Русь*, отъ Рустрингіи или Рослагена, отъ Руотси, или отъ обществъ мореплавателей, или же отъ русаго цвѣта волосъ, не льзя не повторить здѣсь словъ Луитпранда: Russos, quos alio nomine Nordmannos vocamus. Мы повторяемъ также и результатъ нашихъ изысканій: *Рюрикъ Нестора и Рюрикъ Нѣмецкихъ лѣтописей одно и то же лице*. Чего можно ожидать отъ подобнаго результата, предоставляемъ рѣшить другимъ.

Въ заключеніе, мы предлагаемъ здѣсь генеалогическую таблицу Южно-Ютландскаго владѣтельнаго рода.

Геріольдъ или Гаральдъ,
Король Рейдгошландіи или Ютландіи.

Гормо, Король Южной Ютландіи вмѣстѣ съ Галфданомъ.

Грорекъ или Рюрикъ владѣлъ Фрисландіею при Карлѣ Великомъ; умерщвленъ въ 810 году.

Галфданъ, Король Южной Гошландіи съ Гормомъ.

Готфридъ или Готрикъ, Король Южной Ютландіи, 796. † 810.

NN. братъ Годофрида, въ 810 году.

Регинальдъ † 803

Ганкинъ и Ангадео.

Гемингъ, К. 810.

Рагнаръ ? 846.

Горухъ I, К. 827, † 855.

Олавъ, К. 810.

Сигфридъ, Кор. 777, съ Готфридомъ 786 и 798.

Гемингъ (Aminguo) владѣлъ при Карлѣ В. Дорестадтомъ, † 837.

Ануло (Ринг?) К. 812; † 812.

Геріольдъ II, К. 812 въ Южн. Ютландіи, бѣжалъ въ 826 г. къ Людовику, получилъ съ брат. Рорикомъ Фрисландію, Рустрингію и Дорестадтъ; † 852 (?) или 841.

Регинфридъ, † 814.

Рорикъ 826 г. съ братомъ крещенъ, 841 изгнанъ Лотаремъ.

Годуринъ, 851.

Горикъ или Орикъ (Эрихъ) II, сынъ Горуха I, Король, 855, покровительствовалъ, подобно отцу, Христіанству.

Сигфридъ, nepos Horici (I) Danus Christianus, regi Franc. fidelis. 884.

Готфридъ. Родульфъ.

850 г. Готфридъ и Рорикъ завоевали Дорестадтъ, который удержалъ за собою Рорикъ, а Готфридъ in societatem regni accipitur a Carole M. — 852 первое владеніе in finis Slavorum. Готфридъ напалъ тогда же на земли при Шельдѣ и на Фрисландію.

805 г. онъ примиряется съ Карломъ quibusdam conditionibus. —Родульфъ грабитъ Туръ.

859 г. второе вторженіе in fines Slavorum.

862 г. Рюрикъ въ Россіи и потомъ въ Германіи.

864 г. Родульфъ служитъ Лотарю за locarium. † 876.

879 г. † Рюрикъ.

882 г. Карлъ Толстый отдаетъ его земли своя вторгшемуся и принявшему Христіанство Готфриду.

Ординарный Профессоръ Дерптскаго Университета

Крузе.

4.

О ЛУКАНѢ И ПЕРСІИ.

(Лекція изъ Исторіи Римской Поэзіи.)

Произведенія Поэтовъ Римскихъ, о которыхъ намъ слѣдуетъ говорить, заключаются всѣ въ періодѣ, простирающемся отъ Нерона, во времена коего процвѣталъ Луканъ, до Адріана, при коемъ умеръ Ювеналъ. Я сказалъ уже въ прошедшій разъ, что два главныхъ рода Поэзіи, за исключеніемъ піесъ, писанныхъ на случаи, являются намъ въ эту эпоху, а именно: Историческая Эпопея, мертвое, холодное подражаніе ученымъ образцамъ Александріи, и Сатира, съ своею спутницею—Эпиграммою единственный родъ, въ которомъ могла еще жить Поэзія. Мы разсмотримъ сначала вкратцѣ сочиненія Эпиковъ, а потомъ перейдемъ къ Сатирикамъ.

Намъ остались произведенія отъ четырехъ Поэтовъ эпическихъ а именно отъ Лукана, Валерія Флакка, Папинія Стація и Силія Италика. По порядку времени слѣдовало бы говорить сначала объ Луканѣ, но мы имъ заключимъ рядъ Эпиковъ, потому что и по генію своему, и по произведенію, и по стилю, онъ есть главный ихъ представитедь и вмѣстѣ представитель упадка Поэзіи.

Валерій Флаккъ процвѣталъ при Веспасіанѣ и умеръ при Домиціанѣ. Одна Эпиграмма Марціала какъ будто даетъ знать, что этотъ Поэтъ не былъ уважаемъ современниками, но отзывъ Квинтиліана и соболѣзнованіе о его смерти свидѣтельствуютъ противное. Отъ него осталась намъ Поэма: *Походъ Аргонавтовъ* (Argonautica) въ 8 Пѣсняхъ, не конченная; 8 Пѣсня не имѣетъ конца. Эта Поэма есть подражаніе извѣстной Поэмѣ на тотъ же предметъ Аполлонія Родосскаго. Изо всѣхъ эпическихъ Поэтовъ этой эпохи Валерій Флаккъ, по видимому, менѣе всѣхъ былъ одаренъ геніемъ. Самый выборъ содержанія обнаруживаетъ недостатокъ таланта. Какимъ образомъ такой отдаленный предметъ, взятый изъ чужой Миѳологіи, могъ возбуждать участіе Римлянъ? — Но не только выборъ, и самое расположеніе Поэмы, которой единство потеряно въ непрерывныхъ эпизодахъ, не показываетъ ни искусства, ни дарованія. За исключеніемъ нѣкоторыхъ описаній, и то растянутыхъ, она ничего замѣчательнаго не представляетъ.

Публій Папиній Стацій (61—96) процвѣталъ при Домиціанѣ и оставилъ намъ двѣ Поэмы Эпическія, также въ историческомъ родѣ, а именно Ѳиваиду, въ которой онъ воспѣлъ междоусобія дѣтей Эдиповыхъ въ подражаніе Александрійскому Поэту Антимаху, и еще при Пѣсни Ахиллеиды, имъ не конченной. Избраніе предметовъ показываетъ въ Стаціи то же ложное ученое стремленіе, какое мы видѣли въ Валеріи Флаккѣ. Не смотря на то Ювеналъ говоритъ, что весь Римъ сбѣгал-

ся слушать Ѳиваиду, когда Стацій возвѣщалъ чтеніе:

> Curritur ad vocem jucundam; et carmen amicae
> Thebaidos, laetam fecit cum Statius urbem,
> Promisitque diem. . . .

Эти стихи показываютъ, что Стацій имѣлъ пріятный голосъ и, вѣроятно, своимъ чтеніемъ привлекалъ такую многочисленную публику. Извѣстно, что онъ нѣсколько разъ выигрывалъ награды на стихотворныхъ играхъ Капитолія и Альбы. Никто изъ Критиковъ и Филологовъ не отрицаетъ дарованія въ Стаціи; но всѣ единогласно говорятъ, что онъ во зло употребилъ его. Легкость, съ какою сочинялъ онъ стихи, сдѣлала его импровизаторомъ. Этими импровизаціями на разные случаи онъ особенно нравился въ Римѣ. Къ намъ дошло 32 такихъ маленькихъ піесы, раздѣленныхъ на 5 книгъ, подъ именемъ *Sylvae* (что значитъ смѣсь). Поэтъ самъ сознается, что онъ писалъ нѣкоторыя въ два дня, нѣкоторыя въ одинъ день, а это для древняго Поэта было неимовѣрно скоро. Здѣсь много льстивыхъ комплиментовъ Домиціану, здѣсь стихи въ память конной статуи, ему воздвигнутой, Элегія на смерть его любимаго льва; Ода на рожденіе Лукана; Эпиталама; описаніе бани, деревни: однимъ словомъ піесы на самые разнообразные случаи. Все это отягчено Миѳологіею и писано стихами довольно напыщенными. Нетруденъ былъ стихъ Овидію, но Стацію онъ былъ еще легче — и въ немъ-то мы видимъ совершенную крайность злоупотребленія формъ поэтическихъ.

Силій Италикъ (25 — 75), изъ всѣхъ Поэтовъ этой эпохи, велъ жизнь самую счастливую, украшенную почестьми. Это былъ первый Римскій Поэтъ, достигшій Консульства. Избравши себѣ Цицерона въ образецъ краснорѣчія и Виргилія въ образецъ Поэзіи, онъ не столько изобрѣталъ, сколько трудился надъ ихъ изученіемъ, и посредствомъ труда сдѣлался Поэтомъ. Отъ него осталась намъ большая Историческая Поэма въ 17 Пѣсняхъ, подъ именемъ: *Punica*, предметъ которой есть Вторая Пуническая Война. Въ содержаніи своей Поэмы онъ держался Историковъ Тита Ливія и Полибія, а поэтическія украшенія бралъ у Виргилія, Лукреція и другихъ Поэтовъ. Въ произведеніи Силія Италика Исторія мѣшаетъ Поэзіи, а Поэзія Исторіи. Выборъ историческаго предмета, неимѣющаго въ себѣ ничего чудеснаго, есть ошибка, не принадлежащая Силію Италику, а эпохѣ, въ которую онъ жилъ; но холодное, вялое исполненіе какъ въ содержаніи, такъ и въ формѣ Поэмы, показываетъ безсиліе таланта и одинъ прилежный трудъ, оправдывающій слова Плинія, который сказалъ объ Силіи Италикѣ: scribebat carmina majore cura quam ingenio.

Отъ Силія мы переходимъ къ эпическому Поэту, который владѣлъ отъ природы самымъ блистательнымъ талантомъ, и если бы родился въ другую эпоху, при другихъ обстоятельствахъ, могъ бы блистать наравнѣ съ первыми Поэтами древняго Рима. *Анней Луканъ*, племянникъ Философа Сенеки, родился въ Испаніи, въ Кордовѣ, въ 38 г. по Р. Х. Хотя еще осьми мѣсяцевъ онъ былъ приве-

зеніи въ Римъ, но, кажется, изъ своей родины вывезъ свое пылкое воображеніе. Подъ покровительствомъ Сенеки, подъ руководствомъ Стоика Корнута онъ воспитался товарищемъ Нерона, и когда началъ блистать своимъ дарованіемъ поэтическимъ, то сдѣлался предметомъ, а вскорѣ и жертвою зависти и соперничества Римскаго Императора, который самъ хотѣлъ быть первымъ Поэтомъ Рима. Неронъ сначала почтилъ своего товарища титлами Квестора и Авгура. Но на публичныхъ литературныхъ состязаніяхъ, учрежденныхъ Нерономъ изъ славолюбія авторскаго, открылась вражда между Цезаремъ и первымъ Поэтомъ Римскимъ того времени. Хотя Неронъ и одерживалъ всегда пальму надъ Луканомъ, по признанію лести, но чувствуя свое ничтожество передъ нимъ, онъ запретилъ ему участвовать въ публичныхъ чтеніяхъ, чтобы не имѣть въ немъ опаснаго соперника. Луканъ оскорбился и возненавидѣлъ Нерона. Поэтъ принялъ участіе въ заговорѣ Пизона, и былъ обличенъ вмѣстѣ съ другими заговорщиками. Польстясь на ложно-обѣщанное прощеніе, онъ запуталъ въ обвиненіе друзей своихъ и даже мать свою, но потомъ великодушною смертію нѣсколько загладилъ ужасную вину своего малодушія. Луканъ, по своему избранію, умеръ любимою смертію тогдашнихъ Стоиковъ, смертію Сенеки, читая стихи изъ своей Фарсаліи, будучи 27 лѣтъ, въ 65 г. по Р. Х.

Его *Фарсалія*, въ 10 Пѣсняхъ, но еще не конченная, есть лучшій образецъ *Историческои Поэмы*, этого фальшиваго рода Эпопеи, искаженнаго Александрійцами. Конечно, не льзя такъ строго

судить произведеніе Лукана, потому что онъ не имѣлъ времени обработать его окончательно и потому что это есть произведеніе молодаго человѣка. Но мы и не будемъ осуждать строго исполненіе Фарсаліи, а обратимъ особенное вниманіе на вкусъ и выборъ предметовъ, которые намъ будутъ свидѣтельствовать эпоху упадка.

Луканъ избралъ предметомъ своей Поэмы величайшее событіе Римской Исторіи, междоусобную войну между Помпеемъ и Юліемъ Цезаремъ, событіе, котораго преданія еще были свѣжи въ то время, какъ жилъ Луканъ. Вотъ вкратцѣ содержаніе Фарсаліи. Поэтъ начинаетъ Поэму знаменитымъ переходомъ черезъ Рубиконъ. Ужасъ всей Италіи и злыя предвѣщанія составляютъ конецъ первой Пѣсни. Римъ въ отчаяніи. Помпей удаляется въ Бриндизіумъ и оттуда бѣжитъ въ Эпиръ, посылая искать союзниковъ во всѣ стороны. Цезарь возвращается въ Римъ, овладѣваетъ городомъ и переходитъ въ Галлію, гдѣ Марсель, державшій сторону Помпея, сопротивляется Цезарю. Осада Марселя и морской бой составляютъ блистательный эпизодъ 3-й Пѣсни. Помпей собираетъ свои силы въ Эпирѣ; Цезарь, соединивъ войско въ Бриндизіумѣ, стремится къ нему. Шестая Пѣсня содержитъ приготовленія къ бою и страшныя гаданія волшебницы Эрихтоны. Седьмая раскрываетъ кровавую и блистательно-ужасную картину Фарсальской битвы, которая кончается бѣгствомъ Помпея. Въ осьмой Пѣсни подробнѣе описывается это бѣгство, пріѣздъ Помпея въ Египетъ къ Птоломею, коварное его убійство и погребеніе. Девятая из-

ображаетъ бѣдствія остальнаго Помпеева войска, заведеннаго Катономъ, его приверженцемъ, въ песчаныя степи Ливіи. Описаніе Ливійскихъ змѣй и вреда, который онѣ наносятъ войску, составляетъ извѣстный эпизодъ этой Пѣсни, которая заключается прибытіемъ Юлія Цезаря въ Египетъ. Птоломей подносить ему въ даръ голову Помпея. Наконецъ десятая Пѣсня представляетъ угощеніе, которое Клеопатра даетъ Цезарю, и заговоръ противъ него въ Египтѣ, кончающійся войною. Поэма, какъ видно, не кончена. Можно со всею вѣроятностію предположить, что Луканъ хотѣлъ заключить ее смертію Цезаря и, паденіемъ его у статуи Помпея, отомстить за героя своей Поэмы.

Означивъ вкратцѣ содержаніе, обратимся къ выбору предмета и героя. Конечно, если Поэту выборъ предстоялъ между Ѳиваидой, Ахиллеидой, Походомъ Аргонавтовъ и такимъ важнымъ отечественнымъ событіемъ, какова была междоусобная война Помпея и Цезаря: то Римскій Поэтъ, съ истиннымъ дарованіемъ, не могъ не предпочесть предмета отечественнаго, хотя и слишкомъ близкаго къ той эпохѣ, въ которую онъ жилъ. Здѣсь ошибка противъ Искусства говоритъ однако въ пользу Поэта, который долженъ же связывать свое вдохновеніе съ жизнію своего отечества и народа. Воспоминанія о Фарсаліи могли потрясти поэтическую душу и пробудить вниманіе Римлянъ, тогда какъ Ахиллъ, Язонъ и Эдипъ не представляли Риму никакихъ воспоминаній. Но какой Поэтъ, избравши такой предметъ, не увлекся бы характеромъ Юлія Цезаря, героя эпохи, и не сдѣлалъ бы его героемъ

своей Поэмы? — Въ этомъ случаѣ Луканъ измѣнялъ себѣ какъ Поэту, вѣроятно, для того, чтобъ быть вѣрнымъ тѣмъ полуреспубликанскимъ мнѣніямъ, которыя слышалъ онъ отъ своего учителя, Стоика Корнута. Стоики, въ своихъ мнѣніяхъ, должны были слѣдовать Катону, ихъ главѣ и представителю. Луканъ, въ началѣ Поэмы, этимъ славнымъ стихомъ:

Victrix causa Deis placuit, sed victa Catoni, (*)

ясно указываетъ намъ на то, что въ избраніи героя своей Поэмы, онъ послѣдовалъ мнѣнію Катона. Поэтъ уступилъ Стоику; но вотъ что странно: этотъ же Стоикъ свою Поэму, въ которой онъ плачетъ надъ свободой Рима, посвятилъ Нерону, въ самыхъ льстивыхъ и унизительныхъ выраженіяхъ, обѣщая этому чудовищу Римской Исторіи небесное безсмертіе (Te regia coeli excipiet). Такія противорѣчія очень нерѣдки въ Писателяхъ этой эпохи, когда, вмѣстѣ съ Поэзіей, упадали и характеры, когда теорія Стоиковъ служила обличеніемъ ихъ поступковъ, когда величавость слова соединялась часто съ низостью дѣла и когда любили истину и добродѣтель болѣе для того, какъ кажется, что эта любовь внушала сильныя фразы. Но оставимъ въ Луканѣ стоицизмъ, и будемъ судить Поэзію.

Посмотримъ теперь, какъ выборъ предмета имѣлъ вліяніе на характеръ Поэмы. Свѣжесть событія, котораго всѣ причины были исторически извѣстны, не согласовалась ни сколько съ харак-

---

(*) Сторона побѣдителей угодна богамъ, побѣжденная Катону.

теромъ Эпической Поэмы, которой главная стихія есть чудесное, въ которой всѣ дѣйствія человѣческія суть результаты вышнихъ силъ, ими управляющихъ. Поэтъ устранилъ совершенно махины Гомеровскаго Эпоса, и, согласно съ ученіемъ современной ему Философіи, на мѣсто всѣхъ боговъ, поставилъ фортуну, управляющую міромъ. Цезарь является у него, не какъ орудіе бога, но какъ любимецъ фортуны, а Помпей, великою, славною ея жертвою. — Такъ какъ слѣпой случай, ни въ чемъ не олицетворяемый, управляетъ происшествіемъ, то вотъ гдѣ главная тайна того, что Поэзія не имѣетъ зародыша, не имѣетъ единства, а отличается всѣмъ безсвязіемъ Исторіи. Поэтъ, какъ мы сказали, устранялъ чудесное въ управленіи дѣйствія; но ограничилъ его только одними предвѣщаніями, снами, гаданіями, которыя входятъ эпизодически, какъ побочное украшеніе, а не составляютъ сущности Поэмы. Но если Поэтъ устранилъ чудесное отъ своей Эпопеи; если онъ хочетъ основать ее на существенности, какъ она есть; если Исторія, ему живо предстоящая, въ глазахъ его уничтожаетъ всѣ чудеса и мѣшаетъ Поэзіи: откуда же возметъ онъ Поэзію, чѣмъ возвыситъ онъ свою существенность до поэтическаго, однимъ словомъ, какъ изъ своей Исторіи онъ сотворитъ Поэму? Ему не остается другаго средства, какъ сдѣлать какое-нибудь насиліе надъ своимъ историческимъ предметомъ, его преувеличивать, — и вотъ какъ изъ выбора предмета, изъ этой первой ошибки, что Луканъ рѣшился быть Поэтомъ, когда надлежало ему быть просто

Историкомъ, проистекаетъ главный недостатокъ, отражающійся во всемъ произведеніи: это есть *преувеличеніе*. Это видно съ перваго взгляда въ главныхъ лицахъ Поэмы; Луканъ, избравши Помпея, жертву Цезаря, героемъ своего произведенія, дѣлаетъ всевозможныя усилія, чтобы поднять его и поставить выше Цезаря; въ самомъ началѣ Поэмы онъ сравниваетъ его съ огромнымъ дубомъ, который несетъ на себѣ доспѣхи народовъ и вождей; въ теченіи всей Поэмы, Помпей не имѣетъ другаго наименованія, какъ Magnus; но не смотря на всѣ эти усилія Поэта, событія сами говорятъ противъ величія героя, обличаютъ его слабость, и объ немъ можно то же сказать, что Поэтъ самъ говоритъ о Помпеѣ середи Рима, но только въ другомъ смыслѣ, отнеся это къ Помпею Лукановой Поэмы: Stat magni nominis umbra. Не смотря на всѣ усилія, чувствуя недостатки своего героя, Поэтъ долженъ былъ, въ жертву ему, исказить характеръ соперника его, Цезаря, и представить его въ преувеличенномъ образѣ кровожаднаго и безчеловѣчнаго опустошителя. Такъ, въ самомъ началѣ Поэмы, выставляя въ параллели характеры обоихъ героевъ, Луканъ говоритъ объ Цезарѣ: gaudens viam fecisse ruina, и сравниваетъ его, въ противоположность Помпею, съ опустошительною молніею, которая ударяетъ въ свои же храмы, и всю землю приводитъ въ трепетъ. Фальшивое положеніе, въ какомъ Поэтъ поставилъ своихъ героевъ, было главною причиною искаженія историческаго ихъ характера, а преувеличеніе довершило остальное. Какъ въ героахъ, такъ и во всѣхъ подроб-

ностяхъ Поэмы, видно желаніе все преувеличивать. Сраженія улиты рѣками крови; холмы превращены въ горы; люди въ демоновъ. Народу въ Фарсальской битвѣ погибло столько, что если бы онъ дожилъ до временъ Лукана, то можно бы было имъ наполнить нѣсколько опустошенныхъ городовъ, населить всѣ поля земледѣльцами, вознаградить всѣ утраты, которыя въ родѣ человѣческомъ совершались когда-либо язвою, голодомъ, болѣзнями, землетрясеніями. А на Фарсальской битвѣ, по свидѣтельству Цезаря, погибло всего 15,230 человѣкъ. Бѣдствія, какія претерпѣваютъ войска Цезаря и Помпея, также всѣ выше бѣдствій естественныхъ. Буря, голодъ, наводненія — все это какъ будто нарочно для нихъ сдѣлано. Въ степяхъ Африки, около ногъ Помпеевыхъ воиновъ, обвиваются змѣи. Ихъ раны зіяютъ какъ пещера Пиѳіи. Среди битвы, воины, пронзенные стрѣлами, не падаютъ: такъ войска тѣсно сжались между собою; деревья, срубленныя въ лѣсахъ, также не падаютъ, потому что лѣса ужасно густы. День Фарсальской битвы былъ такой необыкновенный, что ее можно было увидѣть со всѣхъ концевъ міра, если бы вездѣ были премудрые гадатели. Ударъ сшибшихся войскъ отгрянулъ по всѣмъ концамъ міра: грохотъ Везувія не такъ громокъ. — Такъ всѣ событія, вся мѣстность, все преувеличено Луканомъ, все представлено имъ въ исполинскихъ размѣрахъ. Преувеличеніе — вотъ единственная стихія Поэзіи Лукана. Она видна во всемъ содержаніи; она отразилась неестественностью и въ слогѣ, который вездѣ обнаруживаетъ напыщенную ритор-

скую декламацію, что подало мысль Квинтиліану сказать объ Луканѣ: magis oratoribus quam poëtis annumerandus,— вовсе не лестная похвала Поэту, особливо если мы представимъ себѣ состояніе Ораторскаго Искусства въ эпоху Квинтиліана!

Мы видѣли, какъ преувеличеніе составляетъ главную, отличительную черту Поэзіи Лукана: мы увидимъ теперь другое свойство, которымъ Луканъ удивительно сходствуетъ съ Французскими Поэтами эпохи упадка, по справедливому замѣчанію Низара, коего сужденія о Луканѣ въ отношеніи къ современной Французской Словесности исполнены остроумія. Это свойство есть особенная наклонность къ описаніямъ ужаснаго и отвратительнаго. Я приведу вамъ въ примѣръ иныя мѣста изъ Фарсаліи. Прочтите въ VI Пѣсни всѣ заклинанія, которыя дѣлаетъ волшебница Эрихтона надъ свѣжимъ человѣческимъ трупомъ, какъ она вливаетъ въ его раны кровь человѣческую и какой-то ужасный составъ изъ всего того, что только есть отвратительнаго въ Природѣ, составъ, можетъ быть, послужившій образцемъ для извѣстнаго состава Шекспировыхъ вѣдьмъ въ Макбетѣ. Этого еще мало: Эрихтона потомъ бичуетъ этотъ трупъ живою змѣею; трупъ встаетъ ужасно, и описываются всѣ подробности этого полуживаго трупа; Эрихтона исторгаетъ изъ него пророчественные вопли. Это мѣсто можетъ достойно стать наравнѣ со всѣми ужасами новѣйшей Поэзіи.

Въ VII Пѣсни Луканъ описалъ Фарсальскую битву, кончилъ это описаніе, склалъ горы труповъ человѣческихъ на проклятыхъ имъ поляхъ

Өессаліи, и посылаетъ всѣхъ плотоядныхъ животныхъ на страшное пиршество. «На эту роковую пасшву войны»—говоритъ Поэтъ—«идутъ и волки и львы, почуявъ запахъ кроваваго убійства. Медвѣди покидаютъ берлоги, нечистые псы кровли домовъ, — и все собирается туда, что только острымъ чутьемъ своимъ ощущаетъ нечистый воздухъ, вѣющій отъ трупа:

Et quidquid nave sagaci
Aёra non sanum, motumque cadavera sensit.

Уже давно птицы слетались къ станамъ междоусобій Римскихъ. И вы, пернатыя, мѣняющія зиму Өракіи на берега Нила, вы позднѣе тогда отлетѣли къ нѣжному вѣянію полудня. Никогда еще такимъ коршуномъ не одѣвалось небо; никогда такое множество крылъ не давило воздуха:

Numquam tanto se vulture coelum
Induit, aut plures presserunt aёra pennae.

Omne nemus misit volucres. Весь лѣсъ послалъ своихъ пернатыхъ, и всякое дерево, покрытое окровавленною птицей, точило росу крови человѣческой. Часто, съ высокаго неба, на лице побѣдителя, на его нечестивыя знамена, падала кровь или гной, и птица изъ утомленныхъ когтей выпускала члены человѣческіе. Но не весь народъ былъ съѣденъ до костей плотоядными звѣрями: они презрѣли внутренностію; они не могли высосать всего мозга костей; они только отвѣдали членовъ. Бо́льшая часть Латинскаго воинства лежала еще праздная, пока солнце, облака и время разрѣшили эту груду и смѣшали ее съ полями

Эмаѳія.» — Чтò можетъ быть отвратительнѣе всѣхъ этихъ подробностей, въ описаніи которыхъ замѣтенъ иногда рѣзкій талантъ! Эти коршуны, одѣвающіе небо, эти крылья, гнетущія воздухъ, были бы превосходны, еслибъ за ними не слѣдовали всѣ прочія подробности, отъ которыхъ вѣетъ трупомъ.

Вы видѣли безобразіе физическое въ описаніяхъ Поэта: вотъ еще примѣръ безобразія нравственнаго: Цезарь пріѣзжаетъ въ Египетъ; Птоломей выслалъ ему на встрѣчу въ даръ отсѣченную голову Помпея. Довольно, кажется, изобрѣсть такую картину; нѣтъ, Луканъ этимъ не удовлетворился. Онъ съ особеннымъ удовольствіемъ вдается въ подробности; онъ описываетъ вамъ, какъ посланникъ Птоломея открываетъ эту голову и держитъ передъ Цезаремъ, какъ смерть измѣнила знакомыя черты славнаго лица,—но и это еще ничего. Надобно видѣть, какъ нравственно обезображенъ при этомъ великій Цезарь! Онъ съ перваго раза не осуждаетъ подарка, не отвращаетъ отъ него очей: напротивъ, онъ устремляетъ ихъ на кровавый даръ съ тѣмъ, чтобы увѣриться въ томъ, точно ли это голова его соперника, и, убѣдившись въ этомъ, насильно льетъ притворныя слезы; выжимаетъ стоны изъ веселой груди, и не иначе можетъ скрыть радость души своей, какъ слезами:

. . . . . . gemitusque expressit pectora laeto
Non aliter manifesta potens abscondere mentis
Gaudia, quam lacrymis.

Какъ отвратителенъ въ эту минуту притворяющійся Цезарь! Лучше бы ужь онъ съ радостію

бросился на голову соперника! Этимъ притворствомъ усугубляется нравственное безобразіе Цезаря. Одно испорченное воображеніе Лукана могло представить такимъ великаго героя Исторіи Римской.

Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, какъ безвкусіе Лукана сходствуетъ съ безвкусіемъ упадка Поэзіи во Франціи, намъ современнаго. Но этихъ примѣровъ можно бы привести множество. Сюда же относятся описанія всѣхъ сраженій, содержащихъ въ себѣ такія подробности, которыя могли бы привести въ затрудненіе всякаго Профессора Анатоміи. Таково описаніе сраженія при осадѣ Марселя и самой Фарсальской битвы. Видно, что воображеніе Лукана изобрѣтало раны и самые ужасные роды смертей, даже не существующіе въ Природѣ. Сюда же должно отнести и ужасную картину Ливійскихъ змѣй и язвъ, которыя наносятъ онѣ войску Римлянъ. Не только въ цѣлыхъ эпизодахъ, но въ самыхъ мелочахъ вы видите всегда подробности испорченнаго воображенія. Поэтъ описываетъ, напримѣръ, похороны Помпея — и сожженіе его трупа; здѣсь вы видите, какъ великій Помпей мало по малу сочится на огнѣ и своимъ жиромъ питаетъ костеръ. . . .

> Carpitur, et lentum Magnus distillat in ignem,
> Tabe fovens bustum. . . .

Какъ могли придти такія отвратительныя подробности, при описаніи совершенія послѣдняго долга герою Поэмы!

Но что̀ имѣло вліяніе на развращеніе вкуса въ Поэтѣ, который былъ не безъ великаго дарованія? — Матеріальная жизнь, кровожадныя и свирѣпыя оргіи Имперіи, вотъ что, вѣроятно, участвовало въ порчѣ его воображенія. Оно и въ идеальномъ мірѣ, какъ въ жизни, искало предметовъ отвратительныхъ и ужасныхъ: ибо ничто другое не могло уже потрясти тупыхъ нервовъ и удовлетворить пресыщенной чувственности.

— Обратимся отъ Эпическихъ Поэтовъ къ Сатирикамъ. Двое суть для насъ главные представители Сатиры этого времени: Персій и Ювеналъ.— *Авлъ Персій Флаккъ* родился въ городѣ Волатеррѣ, въ 34 году по Р. Х. Двѣнадцати лѣтъ онъ былъ отправленъ въ Римъ для ученія. На 17 году предался Философіи Стоиковъ, подъ руководствомъ знаменитаго Аннея Корнута, которому Поэтъ выразилъ чувствительную благодарность въ своихъ произведеніяхъ. Авторъ краткой біографіи Персія хвалитъ его благородный характеръ, чистоту его нравовъ, привязанность его семейную. Онъ умеръ рано, 28 лѣтъ. Сатиры его изданы уже послѣ его смерти, и не при Неронѣ, въ царствованіе котораго процвѣталъ Персій, а послѣ его. Эти шесть Сатиръ произвели тогда великое дѣйствіе, и Квинтиліанъ говоритъ: Multum et verae gloriae quamvis uno libro Persius meruit. При Антонинахъ же, которые сами были послѣдователями Стоиковъ, книжка Персія сдѣлалась любимымъ чтеніемъ. Мнѣнія новѣйшихъ Критиковъ касательно Персія чрезвычайно раздѣлены. Должно сказать, что изъ всѣхъ Поэтовъ Римскихъ Персій есть самый

темный и самый недоступный для Филолога. Эта темнота была въ особенности причиною такихъ разнородныхъ мнѣній объ его Сатирахъ. Изъ Нѣмецкихъ Филологовъ особенно Францъ Пассовъ явился защитникомъ, поклонникомъ и переводчикомъ Персія. Но недавно Низаръ, въ своемъ сочиненіи, не смотря на мнѣніе Квинтиліана, уничтожилъ талантъ Персія. Вотъ что онъ говоритъ объ немъ: Perse a écrit des satires sans avoir d'imagination ni même un fond suffisant d'idées acquises: il était doué d'un certain talent de style; il savait combiner des mots avec assez d'harmonie; mais les choses lui manquaient. Il n'y a que deux manières d'avoir des idées: il faut ou les tenir de la nature, ou les tenir de l'expérience. Perse était dénué des unes et des autres; la nature ne l'avait pas fait poète, et sa mort prématurée ne lui laissa pas le temps d'acquérir l'expérience. — Потомъ Французскій Критикъ, рѣшивши, что Персій былъ жертвою того, что началъ писать слишкомъ рано, хотя онъ умеръ 27 лѣтъ, заключаетъ: Perse n'a rien ajouté à la gloire de la nation. Познакомимся короче съ Персіемъ — и посмотримъ, можемъ ли мы раздѣлить съ Низаромъ его мнѣніе объ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ Поэтовъ Древняго Рима.

Чтобы понять характеръ этого Поэта, надобно вникнуть въ нѣкоторыя черты эпохи. Стоическая Философія была единственнымъ прибѣжищемъ души чистой и высокой въ эти времена разврата и униженія человѣческаго. Тѣмъ, которые не могли еще постигать высокихъ истинъ Хри-

стіанства, стоицизмъ былъ спасеніемъ и единственною возможною нравственностію. Это нравоученіе было еще безконечно далеко отъ ученія Христіанскаго, потому что не содержало въ себѣ высокихъ началъ любви къ ближнему, этого сердечнаго участія въ человѣчествѣ. Стоицизмъ проповѣдывалъ добродѣтель строгую и, такъ сказать, одинокую. Онъ заключалъ человѣка въ самомъ себѣ; освобождалъ его отъ страстей, но вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ всякихъ человѣческихъ чувствъ (*). Стоики считали сострадавіе чувствомъ, унижающимъ душу. Вотъ почему Стоики были враги Христіанства. Но уступая во всемъ Христіанству, стоицизмъ, какъ я сказалъ, былъ для язычниковъ противодѣйствіемъ матеріализму этой эпохи, и стоицизму Древній Римъ, въ послѣднія времена своей кончины, обязанъ былъ отраднымъ вѣкомъ Антониновъ.

Представьте же себѣ юную, благородную, чистую душу, исполненную энергіи, душу, которая всѣмъ порывомъ молодости и силы предалась строгому и высокому ученію стоицизма, противодѣйствовавшаго эпохѣ. Представьте себѣ, что потомъ эта душа, кипящая мыслями, готовая итти на бой за свои правила, изъ тишины своего созерцанія, бросаетъ первый, поверхностный взглядъ на этотъ матеріальный міръ разврата и грѣха, совершенно противорѣчащій ея вдохновеннымъ правиламъ и мыслямъ. Непріятно раздражен-

(*) Замѣчательно однако, что Персій въ одномъ мѣстѣ VI Сатиры проповѣдуетъ сострадавіе къ ближнему.

ная этимъ грубымъ прикосновеніемъ чуждаго ей міра, она сжимается невольно, уходитъ опять въ себя, въ глубину своихъ завѣтныхъ думъ, къ строгимъ правиламъ своего Портика,съ поверхностнымъ знаніемъ міра ее окружающаго, съ однимъ только первымъ его впечатлѣніемъ, но вмѣстѣ и съ чувствомъ неодолимаго къ нему отвращенія, безъ опыта жизни, но съ неудержимымъ негодованіемъ на нее за то ужасное впечатлѣніе, которымъ она встрѣтила ея первый выходъ. И эта душа захотѣла бы намъ выразить въ стихахъ свой первый взглядъ на міръ, излить на бумагу свои первыя отъ него впечатлѣнія? Безъ опыта жизни, она предложитъ намъ, разумѣется, одно только поверхностное на нее воззрѣніе, болѣе общія сужденія, чѣмъ яркія и подробныя картины свѣта; но это воззрѣніе оживится всѣмъ благородствомъ ея порыва, всѣмъ негодованіемъ ея чувства; мысли кипятъ въ ней, но не отдѣляются другъ отъ друга, не представляются въ отдѣльной ясности: потому слогъ этихъ излiяній будетъ силенъ, сжатъ и теменъ. Припомните еще, что эти поэтическія изліянія души совершаются въ эпоху упадка и безвкусія, и черта эпохи невольно отразится въ ея произведеніяхъ. Представивъ себѣ все это, вы будете имѣть ключь къ Сатирамъ Персія.

Взглянемъ нѣсколько подробнѣе на эти произведенія. Ихъ всего шесть, какъ я сказалъ, и имъ предшествуетъ Прологъ, въ которомъ Поэтъ изображаетъ себя простымъ селяниномъ, выражающимъ міру горькія истины подъ грубымъ простонароднымъ покровомъ. Всякая Сатира содержитъ

въ себѣ взглядъ на какую-нибудь сторону жизни. *Первая* изображаетъ состояніе современной Римской Литтературы, при Клавдіи и Неронѣ, представленное въ видѣ разговора между двумя лицами. Первое остріе пера своего Персій изощряетъ объ эти публичныя чтенія, страсть къ которымъ сильно овладѣла чадами Ромула. Гнѣвно негодуетъ Сатирикъ на манерныхъ чтецовъ, на авторское славолюбіе, на снисхожденіе слушателей, на множество Греческихъ Поэмъ и Героидъ, на страсть къ старинному стилю, къ Бризендѣ Акція, къ Антіопѣ Пакувія; онъ преслѣдуетъ порчу языка, куда вносятся реченія пестрыя и непристойныя; уже стихи Виргилія стали слишкомъ просты и грубы, уже не льзя начать Поэмы: Arma virumque.... Негодованіе Поэта переходитъ почти въ злобу, и ему справедливо замѣчаетъ его собесѣдникъ, имъ выведенный въ разговорѣ: Sonat hic de nare canina littera (твое слово звучитъ изъ устъ сердитаго пса!) Это можно справедливо сказать о сердитой Сатирѣ Персія. Поэтъ указываетъ собесѣднику на примѣръ своихъ предшественниковъ въ Сатирѣ. «Луцилій терзалъ же городъ, и тебя, о Лупъ, и тебя, о Муцій, и челюсть свою изломалъ объ васъ. Горацій ласковымъ смѣхомъ касался пороковъ; онъ входилъ въ грудь человѣческую и игралъ около сердца, и смѣялся надъ всѣми: а мнѣ ли не льзя будетъ говорить, хоть тайно, хоть зарывая свое слово?— Нѣтъ никогда, отвѣчаетъ собесѣдникъ. — Такъ зарою же его: я видѣлъ, видѣлъ самъ, моя Сатира, и скажу тебѣ: у Мидаса ослиныя уши. Эту скрытную мысль, этотъ смѣхъ

мой, эти бездѣлицы — я не продамъ ни за цѣлую Иліаду.» — Я привелъ весь этотъ отрывокъ, потому что въ немъ рѣзко выражается характеръ Поэта и его первое побужденіе — писать Сатиру. Здѣсь слова его сами говорятъ за Критика и рисуютъ физіономію Поэта. Комментаторы прибавляютъ, что Мидасъ есть намекъ на Нерона и что въ этой Сатирѣ есть многіе другіе намеки на его литературныя занятія и даже на его отвратительную наружность. — При этомъ объясненіи Комментаторовъ, еще сильнѣе покажутся намъ эти слова:

Hic tamen infodiam: vidi, vidi ipse, libelle:
Auriculas asini 'Midas rex habet, Hoc ego opertum,
Hoc ridere meum, tam nil, nulla tibi vendo,
Iliade. .

Какъ первая Сатира содержитъ въ себѣ злобу Поэта на состояніе Литературы, такъ *вторая* кипитъ гнѣвомъ на состояніе, въ какомъ находилась тогда часть жизни, важнѣйшая чѣмъ Словесность — Религія. Въ эту эпоху развращенія нравовъ, Религія Римская заключалась въ лицемѣріи вельможъ передъ богами, въ постыдномъ торгѣ съ небомъ посредствомъ нечестивыхъ молитвъ, внѣшнихъ обрядовъ и жертвоприношеній, въ нелѣпыхъ суевѣріяхъ народа, въ самомъ грубомъ понятіи о божествѣ. Религія языческая, и безъ того матеріальная, перешла въ крайность матеріализма. Все это преслѣдуетъ Поэтъ стихомъ сильнымъ и мыслящимъ, и восходитъ въ заключеніе до такихъ очищенныхъ понятій, которыя приносятъ честь языческому Философу и могли

родиться только въ чистой душѣ, какою была душа Персія. Я приведу рѣзкія мысли этой Сатиры въ сокращеніи. «Не всякой нынѣ осмѣлится»— говоритъ Поэтъ—«смиренный шопотъ своей молитвы провозгласить внѣ храма, и жить съ открытымъ обѣтомъ (et aperto vivere voto). О мудрости, о славѣ, о вѣрности — вотъ о чемъ молится каждый вслухъ своего ближняго; а про себя, подъ языкомъ своимъ, шепчетъ: «О если бы скорѣе славные похороны моему тестю! О если бы мнѣ выжить сироту, котораго я ближайшій наслѣдникъ! Счастливъ Нерій! ужь третью жену хоронитъ!» — Далѣе Поэтъ изливаетъ свой гнѣвъ на пустыя жертвоприношенія, на дары богамъ, на позлащеніе ихъ ликовъ, на златыя бороды, которыми ихъ украшаетъ суевѣріе, приписывая божеству всѣ страсти человѣческія и самую низкую изъ нихъ — корыстолюбіе, и потомъ глубокомысленно восклицаетъ: «О души, согбенныя въ землю и праздныя отъ всего небеснаго! Что пользы вносить въ храмы наши человѣческіе обычаи и судить о наслажденіяхъ боговъ по наслажденіямъ этой гнусной плоти? . . . Грѣшитъ эта плоть, грѣшитъ она, но пользуется златомъ; а богамъ что значитъ злато? отвѣчайте, жрецы. Играетъ ли Венера куклой, которую посвящаетъ ей дѣва? За чѣмъ не приносимъ мы богамъ того, чего развращенное племя славнаго Мессалы никогда не принесетъ имъ въ своихъ огромныхъ сосудахъ: исполненія закона земнаго и небеснаго, святаго уединенія мысли, и сердца, закаленнаго въ благородной чести? Да принесу я это въ храмъ, и нѣсколько зеренъ

хлѣба совершать мою жертву (et farre litabo) » — До такихъ понятій могъ дойти язычникъ только посредствомъ высокой Философіи Портика.

Въ *третьей* Сатирѣ Персій нападаетъ на воспитаніе молодыхъ людей своего времени. Нѣкоторые Комментаторы думаютъ, что въ образѣ лѣниваго и безпечнаго юноши, непокорнаго своему наставнику, Поэтъ изобразилъ воспитаніе Нерона. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что третья Сатира содержитъ въ себѣ сильное нападеніе противъ жестокости Цезарей. Все это мѣсто достойно перевода: «Великій отецъ боговъ! когда жестокая похоть обыметъ ихъ душу, покрытую горящимъ ядомъ, накажи ихъ такъ, да увидятъ они добродѣтель, и да чахнутъ о томъ, что ее покинули! (Virtutem videant, intabescantque relictâ). Такъ ли стонала мѣдь Сицилійскаго быка, такъ ли ужасалъ мечь, висѣвшій на златыхъ петляхъ надъ выею, какъ ужасаетъ крикъ внутренней совѣсти: *бѣжимъ, бѣжимъ на свою погибель*? Отъ этихъ словъ несчастный блѣднѣетъ внутри себя, и скрываетъ ихъ отъ своей близкой супруги.» Въ этомъ крикѣ внутренней совѣсти: «*бѣжимъ, бѣжимъ на свою погибель*» кажется, слышишь вопль всего Рима, который въ послѣдніе вѣка Имперіи бѣжалъ на свою погибель! Здѣсь-то особенно сильно слово Персія, когда оно вдохновенно выражаетъ грустныя предчувствія гибнущаго человѣчества. Такіе стихи Поэта можно назвать тяжкими вздохами цѣлаго народа, въ свѣтлыя минуты его раскаянія о жизни.

Въ этой же Сатирѣ на воспитаніе, Поэтъ кратко и сильно выразилъ главные вопросы своей

Философія, которыхъ разрѣшеніе, по мнѣнію его, должно составлять основу воспитанія. Проповѣдуя ученіе Стоиковъ, какъ единственное средство къ спасенію въ вѣкѣ разврата, Персій нападаетъ на космашыхъ Центуріоновъ Рима, которые, какъ видно, не терпѣли ни Философіи, ни Греческаго образованія, и смѣялись надъ ними. Въ этой Сатирѣ особенно слогъ Персія отзывается Школою Стоиковъ: по свѣжимъ слѣдамъ замѣтно, что онъ изъ нея только что вышелъ.

Четвертая Сатира есть самая темная изо всѣхъ; но если допустить примѣненіе, которое въ ней находятъ Комментаторы, то она для насъ объяснится. Поэтъ, подъ личиною Алкивіада, вступающаго въ управленіе Государствомъ, и Сократа, къ нему обращающаго рѣчь, представилъ Нерона и Сенеку, его учителя. Это очень вѣроятно. Сократъ зоветъ его сойти въ свою душу, и обличаетъ передъ нимъ всю пустоту ея. Картины сластолюбія, содержащіяся въ этой Сатирѣ, должны относиться также къ Нерону.

Пятая Сатира начинается разговоромъ между Персіемъ и учителемъ его Корнутомъ. Въ стихахъ, исполненныхъ чувства, Поэтъ выражаетъ свою благодарность Философу за его ученіе; съ самоувѣренностію приглашаетъ онъ старцевъ и юношей къ этой Философіи, и излагаетъ мнѣнія Стоиковъ о томъ, въ чемъ заключается истинная, нравственная свобода человѣка. Философъ нападаетъ на тѣхъ, которые полагаютъ свободу въ правахъ гражданина, въ освобожденіи отъ рабства;

онъ описываетъ нравственную свободу человѣка выше гражданской. Мало того, говоритъ онъ, что ты освободишься отъ крика господина, что работою тебя не преслѣдуетъ снаружи и не дѣйствуетъ на твои нервы. Но если внутри тебя самого, если въ больной твоей печени родится господинъ? — Здѣсь Поэтъ прекрасно рисуетъ корыстолюбіе и нѣгу, какъ двѣ власти, у которыхъ человѣкъ находится въ рукахъ попеременно. «И если ты разъ противосталъ имъ»—говоритъ строгой Стоикъ—«не думай еще, чтобы ты совершенно разорвалъ оковы. И песъ умѣетъ разгрызть свою цѣпь, и убѣжитъ, но за нимъ на шеѣ влачится длинная часть его цѣпи.

> Nam et luctata canis nodum abripit: attamen illi,
> Quum fugit, a collo trahitur pars longa catenae.

Какъ дика, но исполнена мысли эта картина! Въ совершенномъ отсутствіи страстей полагаетъ Персій истинную свободу человѣка.

Шестая Сатира, на которой я не буду подробно останавливать вниманія вашего, направлена противъ корыстолюбія, страсти національной Римлянъ, которая въ это время дошла до ужасной крайности.

Изъ содержанія Сатиръ Персія вы могли видѣть, что онѣ, не смотря на свою малочисленность и краткость, объемлютъ общимъ воззрѣніемъ Философа всѣ стихіи жизни этой эпохи: и Литературу, и Религію, и воспитаніе, и государственное управленіе, и нравы, и наконецъ содержатъ въ себѣ ученіе Стоиковъ, которое при-

влекало къ себѣ всѣхъ избранныхъ язычниковъ, всю лучшую часть языческаго человѣчества. Эти Сатиры представляютъ взглядъ юнаго Философа на жизнь изъ глубины его созерцанія, взглядъ мрачный и глубокомысленный. Философское это воззрѣніе оживлено благороднымъ чувствомъ негодованія, переходящаго иногда въ злобу. Персій скрежещетъ зубами, глядя на этотъ міръ изъ уединенія чистой души своей; Философія иногда подавляетъ Поэзію; но тамъ гдѣ онъ сильно гремитъ противъ человѣчества, или тяжко воздыхаетъ о немъ, тамъ Поэзія беретъ верхъ надъ Философіею.

И въ Сатирахъ Персія, какъ у Лукана, вы найдете нѣкоторыя безобразныя подробности, отвратительныя картины. Такъ, на пр., въ III Сатирѣ онъ описываетъ вамъ ужасную смерть обжоры, и какъ скрыпятъ его зубы, и какъ изъ устъ валятся куски жирнаго мяса! Въ IV Сатирѣ, этотъ скупой, лижущій отстой и гнѣзда съ подонокъ своего уксуса, и многія другія картины показываютъ вліяніе нравовъ эпохи на Персія. Должно сказать въ оправданіе, что природа, съ которой онъ писалъ, была отвратительна, и прибавить въ защиту его еще то, что онъ рисовалъ такія картины съ намѣреніемъ поселить къ нимъ ненависть, заклеймить ихъ печатью отверженія, а не добровольно лелѣялъ ими, какъ Луканъ, свою фантазію.

Характеръ своего стиля Персій самъ высказалъ нѣкоторыми стихами. Я уже приводилъ вамъ эти слова: Sonat hic de nare canina littera, рѣзко выражающія грубость и злое бѣшенство его Сатиры.

Эти свойства отражаются и въ стилѣ грубыми словами, которыми Персій особенно изобилуетъ. Возмите, на примѣръ эту картину, гдѣ онъ издѣвается надъ Поэтами, которые, по обычаю Гомера, требуютъ сотня устъ и языковъ для своихъ пѣсенъ. «Къ чему это?»—говоритъ онъ—«Сколько стихотворныхъ черствыхъ пироговъ ты намѣренъ изрыгнуть, что требуешь сотни горлъ для нихъ?» Что можетъ быть грубѣе и этихъ словъ и всей картины? Но о слогѣ Персія можно также сказать его словами: Solidum crepat; въ немъ въ самомъ дѣлѣ звучитъ что-то прочное, твердое: это мысль, которая полнитъ его слово. Еще характеризуется слогъ Персія сильнымъ сочетаніемъ словъ, часто противоположныхъ: онъ самъ же говоритъ: junctura callidus acri. Въ этомъ сочетаніи выражается особенно и грубость и ѣдкость его, часто даже приторная, но совершенно согласная съ духомъ его Сатиры. Впрочемъ языкъ его есть чисто Римскій, и онъ самъ себѣ предписалъ правиломъ соблюдать чистоту языка: verba togae sequeris... Что касается до темноты слога Персіева, на счетъ ея два мнѣнія Критиковъ. Иные извиняютъ ее тѣмъ, что Персій хотѣлъ быть теменъ, ибо писалъ при Неронѣ, противъ Нерона. Другіе вмѣняютъ ему это въ величайшій недостатокъ, приписывая эту вину его молодости. Но, мнѣ кажется, можно согласить оба эти мнѣнія. Не льзя не признать того, что Персій съ умысломъ теменъ, потому что онъ самъ объ этомъ ясно намекаетъ. Вспомните его славное: infodiam (зарою). Въ другомъ мѣстѣ, обращаясь къ Корнуту, онъ говоритъ:

secreti loquimur. Онъ насильно зарываетъ мысль свою въ словѣ: это видно во многихъ Сатирахъ, и если вы не отроете мысли, имъ зарытой, онѣ для васъ будутъ непонятны. Съ другой стороны, слогъ Персія есть слогъ молодаго человѣка, у котораго болѣе мыслей чѣмъ словъ, у котораго душа кипитъ и не можетъ вся ясно высказываться, какъ спокойная душа мужа или старца. Эта молодость души, сильно мыслящей, участвуетъ также въ темнотѣ его.

Познакомившись съ Персіемъ, припомните слова Низара, который говоритъ, что этотъ Поэтъ вовсе лишенъ мыслей. Теперь вамъ ясна ихъ неосновательность и понятна истина словъ Квинтиліана о Персіи, что его маленькая книжка много принесла ему славы. Не могло быть иначе: ибо кипящій благородный юноша, озлобленный на жизнь, призванъ былъ на то, чтобы сказать своему вѣку горькую истину. Этотъ вѣкъ, украсивъ всѣмъ богатствомъ Древняго Міра роскошный пиръ своей чувственности, подъ блестящимъ златомъ таилъ глубокую рану, — и Персій, съ горькой усмѣшкою, сказалъ этому вѣку, въ лицѣ его театральнаго представителя Нерона:

. . . . ilia subter
Caecum vulnus habes; sed lato balteus auro
Protegit.

«Ты во внутренности имѣешь тайную рану; но широкій поясъ ее прикрываетъ златомъ.» Этимъ словомъ самого Персія я заключаю мои сужденія о немъ: потому что въ этомъ словѣ, ска-

занномъ Нерону, выражено все значеніе его Сатиры, которая призвана была на то, чтобы развязать этотъ златой поясъ и указать вѣку на его органическое поврежденіе.

Адъюнктъ-Профессоръ Московскаго Университета

С. Шевырев.

5.

СОБОРЪ ВСѢХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ. (*)

Къ этой книжкѣ нашего Журнала приложенъ видъ храма, прежде называвшагося церковію Воскресенскаго Новодѣвичьяго (или Смольнаго) Монастыря, а теперь, съ прошлаго лѣта, получившаго названіе *Собора всѣхъ Учебныхъ Заведеній.* Онъ стоитъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ нѣкогда лѣтній дворецъ, построенный Петромъ Великимъ для Великой Княжны и Цесаревны Елисаветы Петровны; мѣсто сіе находится на берегу Невы, на восточномъ мысѣ, тамъ, гдѣ Нева поворачиваетъ отъ Юга къ Западу. Еще до учрежденія Смольнаго Монастыря, въ которомъ въ послѣдствіи находилось нѣсколько Монахинь, въ 1748 году, начали строить, вмѣстѣ съ монастыремъ, и этотъ Соборъ, называвшійся тогда Соборомъ Воскресенія Христа Спасителя. Построеніе производилось по проекту и подъ руководствомъ Графа Растрелли, Художника, вызваннаго въ Россію Графомъ П. И. Шуваловымъ. Къ 1757 году зданіе было уже оштукатурено снаружи, покрыто, и находилось въ неотдѣланномъ видѣ; но

(*) Эта статья вообще заимствована изъ NN 243, 244 и 245 Съв. Пчелы и 189 № С. П. Б. Вѣдомостей 1835 года.

въ этомъ же году всѣ дѣйствія были остановлены, какъ думаютъ, по случаю возгорѣвшейся тогда Семилѣтней Войны. Внутри зданія оставались лѣса и помосты огромной величины, отъ времени пришедшіе въ разрушеніе и снятые лишь въ 1825 году. Отъ времени же, въ боковыхъ колоссальныхъ сводахъ сдѣлались, во всю ихъ величину, разрывы; течь, проникавшая сквозь испортившіяся крыши, размыла частями стѣны, изъ которыхъ въ иныхъ произошли сквозныя трещины; арки подъ кровлею, еще огромнѣе, нежели церковныя, соединяющія угловыя башни около средняго купола, будучи также подмыты токомъ воды, раздѣлялись на куски, и частями приходили въ разрушеніе; въ погребахъ стояла вода, стекавшая отъ дождей и снѣговъ съ площади, имѣвшей 90 саж. пространства; земля оставалась неразровненною выше оконныхъ дверныхъ пороговъ. Въ такомъ видѣ находилось это зданіе, когда, въ 1827 году, конкурсомъ Архитекторовъ, открытымъ по Высочайшему повелѣнію, предоставлено было Архитектору Стат. Сов. В. П. Стасову составить проектъ къ довершенію храма. Проектъ этотъ основанъ былъ на мысли: докончить внутренность Собора въ возможной простотѣ, свойственной его формѣ и огромности, не измѣняя нисколько отверстій и масивовъ (опоръ); но привести изломанныя линіи въ прямыя и уничтожить входящія и выходящія части, со множествомъ идущихъ отъ нихъ отраслей съ украшеніями. Впрочемъ окончаніе предполагалось въ общности безъ отступленій отъ прежняго, кромѣ лишь возвышенія алтарей, вмѣсто обыкно-

венной ихъ высоты, на 14 ступеней, въ память устройства алтарей въ Соломоновъ храмѣ, дабы Богослуженіе совершаемо было поверхъ головъ молящихся, не будучи заслоняемо для тѣхъ, которые вдали, головами переднихъ. Изъ прибавленій къ прежнему основному плану назначалось между прочимъ освѣщеніе по карнизамъ всѣхъ трехъ ярусовъ, вмѣсто паникадилъ, отъ которыхъ большая половина Собора, имѣющая внутри 35 саж. высоты, оставалась темною. Сверхъ того должно было превратить этотъ Соборъ изъ холоднаго, какимъ онъ прежде строился, въ теплый, между тѣмъ какъ онъ вмѣщаетъ въ себѣ до восьми тысячъ куб. саж. воздуха и можетъ вмѣщать до 6,000 человѣкъ. Проектъ этотъ былъ одобренъ, и Строительная Коммисія, составленная подъ наблюденіемъ Г. Министра Финансовъ, начавъ рѣшительныя дѣйствія свои съ 1832 года, привела къ окончанію полное довершеніе храма къ лѣту прошлаго 1835 года.

Взглянувъ на приложенную при сей книжкѣ картинку, Читатель получитъ довольно вѣрное представленіе о наружности этого великолѣпнаго памятника Зодчества. Этотъ Соборъ выше не только всѣхъ находящихся съ С. Петербургѣ, но и многихъ другихъ высочайшихъ въ Россіи церквей. Высота его 45 саж., слѣдовательно онъ выше колоколенъ Троицко-Сергіевой Лавры 3-мя саж., Ивана Великаго 8-ю саж., Кіевской Лавры 1¼ саж., Измайловской церкви Св. Троицы въ С. Петербургѣ 7-ю саж. Прежде всего Читатель замѣтитъ съ западной стороны Собора этотъ широкій и грандіозный въѣздъ, который придаетъ чрезвычайно мно-

го прелести всей картинѣ въ натурѣ: въѣздъ имѣетъ въ длину 60 саж., въ ширину 25 саж., и оканчивается къ Собору съ боковъ отъ флигелей, полукруглою, чугунною рѣшеткою съ филиграмовыми отдѣлами и величественными воротами, вполнѣ соотвѣтствующими общей идеѣ. Въѣздъ сдѣланъ по повелѣнію Государя Императора, вмѣсто колокольни, которую Растрелли предполагалъ устроить на западной сторонѣ Собора, и основанія которой уже были выведены; она должна была имѣть 20 саж. въ длину и 67 въ высоту. Впереди въѣзда стелется обширная площадь, во 100 саж. длины и въ 80 саж. широты, съ полукругомъ; она живописно обсажена множествомъ деревьевъ въ видѣ аллеи. Другая площадь, вокругъ самаго Собора, отдѣлена отъ площади Смольнаго Монастыря (зданій, гдѣ помѣщаются Воспитательное Общество Благородныхъ Дѣвицъ и Вдовій Домъ) также обсадкою деревьевъ, обнесенныхъ низенькою рѣшеткою въ кругу въ 70 саж. поперечника. Вся же часть мыса, отъ домовъ до рѣки, занимаемая площадями и садами, или скверами, имѣетъ болѣе 260 саж. пространства. При выѣздѣ изъ Таврической улицы, гдѣ казарменныя зданія скрывали отъ зрѣнія этотъ неподражаемый видъ, невольно изумляешься увидѣвъ себя на чистомъ пространствѣ, представляемомъ площадью, и окаймленномъ двумя зданіями (флигелями) Италіянской Архитектуры: въ одномъ помѣщаются Священнослужители, въ другомъ (тамъ, гдѣ предназначалась колокольня) Маріинское Сиротское Отдѣленіе. Храмъ чистый, бѣлый, столь бѣлый, что кажется

какъ бы прозрачнымъ, нѣжно рисуется въ лазури небесной, съ которою онъ какъ бы сливается: такъ легокъ и нѣженъ характеръ этого зданія, украшеннаго куполомъ и пятью свѣтлоголубыми, съ золотыми эмблеммами и звѣздами, главами той древней, величественной формы, которая такъ плѣнительна, такъ всегда пріятна для зрѣнія. По четыремъ сторонамъ возвышаются башни съ одиночными, также лазоревыми съ золотомъ куполами. Гармонія не подражаемая! Посмотрите на эти четыре главы купола, около большой, вѣнчающія легкія башни, смѣло, живо, непринужденно, не имѣя прямыхъ подпоръ для того, чтобы выситься на углахъ купола такъ, какъ они тутъ высятся. Вся эта группа, имѣющая въ объемѣ 19 саж., представляетъ въ воздухѣ пышный вѣнецъ величественнѣйшаго зданія. На куполѣ повѣшены въ двухъ боковыхъ башенкахъ колокола; ихъ болѣе 20, и всѣ они вылиты въ городѣ Валдаѣ. Самый большой изъ нихъ вѣситъ 607 пудъ. Большіе колокола украшены изящною рѣзьбою съ изображеніями Царскихъ вѣнцовъ и лавровъ, съ именами всего нынѣ Царствующаго Дома, а на малыхъ миртовыя украшенія безъ коронъ, съ именами всѣхъ Членовъ Коммиссіи построенія этого храма. Чрезъ огромныя двери входите въ храмъ. Васъ поражаетъ необъятность высящагося надъ головами свода, освѣщеннаго окнами, чрезъ которыя проникаетъ свѣтъ дневной и ярко сіяетъ по снѣгоподобнымъ стѣнамъ, столь превосходно оштукатуреннымъ особеннымъ средствомъ, что онѣ рѣшительно имѣютъ видъ мраморныхъ подъ матомъ: колонны и сюпторты сдѣ-

ланы подъ мраморъ и отмѣнно хорошо полированы. Передъ вами алтарь главнаго престола Воскресенія Христа Спасителя и два придѣла, изъ коихъ одинъ во имя Св. и Праведныхъ Захаріи и Елисаветы, другой во имя Св. Равноапостольныя Маріи Магдалины. Алтарь отдѣленъ иконостасомъ и находится, какъ сказано, на возвышеніи, которое отдѣлено отъ предстоящихъ великолѣпною изъ граненнаго хрусталя балюстрадою. Ступени и площадки, ведущія къ алтарю, сдѣланы изъ Уральскаго мрамора желтаго цвѣта, а полы передъ иконостасами и въ алтаряхъ въ шахматъ съ темнодымчатыми квадратами. Весь этотъ мраморъ доставленъ съ Екатеринбургскихъ заводовъ. — Въ алтарѣ на стѣнѣ по правую сторону, передъ престольнымъ Образомъ, золотыми буквами начертаны названія 17 Учебныхъ Заведеній, находившихся подъ покровительствомъ Императрицы Маріи Θеодоровны; по лѣвую сторону слѣдующая надпись: *Сей храмъ начатъ* Императрицею Елисаветою Петровною *въ* 1748 *году; доконченъ* Императоромъ Николаемъ Павловичемъ *въ* 1835 *году*. Противъ алтаря на переднемъ столбѣ съ сѣверной стороны, въ параллели съ Царскимъ мѣстомъ, устроеннымъ у столба съ южной стороны, находится мраморная доска, обнесенная мраморною балюстрадою; на ней начертано слѣдующее: *Сей храмъ наименованъ Соборомъ всѣхъ Учебныхъ Заведеній, въ память* Императрицы Маріи Θеодоровны, *благотворительницы юношества. Родилась* 1759 *года, Октября* 14. *Скончалась* 1828 *года, Октября* 24.

Замѣчательнѣйшіе изъ Образовъ этого храма: запрестольный Воскресенія Христова и Тайная Вечеря у большаго алтаря, писанные Художникомъ Якобсомъ; запрестольный Образъ имѣетъ 8 аршинъ въ вышину, находится на необыкновенномъ возвышеніи алтаря и, при открытыхъ Царскихъ вратахъ, оканчиваетъ тридцати-саженную перспективу Собора. Въ правомъ придѣлѣ примѣчателенъ также запрестольный Образъ, изображающій предстательство Богородицы: Пречистая стоитъ на холмѣ, у подножія котораго, на первомъ планѣ, група Воспитанницъ Смольнаго Монастыря трехъ возрастовъ, въ платьяхъ кофейнаго, голубаго и бѣлаго цвѣтовъ, а вдали видѣнъ величественный фасадъ Собора Всѣхъ Учебныхъ Заведеній. Образъ этотъ писанъ Г-мъ Венеціяновымъ. — Изъ числа вещей, особеннаго вниманія заслуживаетъ находящаяся на главномъ престолѣ дарохранительница, сдѣланная изъ 4½ пудовъ серебра, въ видѣ продолженной арки, въ барельефахъ, съ украшеніями на субасментѣ, поддерживаемомъ 24 яшмовыми колоннами, которыя поставлены съ обоихъ боковъ въ два ряда, по шести въ каждомъ.— Къ изящнѣйшимъ украшеніямъ храма принадлежитъ рѣзная рѣзьба на запрестольныхъ рамахъ, также работа колоссальнаго иконостаса, балдахина надъ Царскимъ мѣстомъ и каѳедры. Всѣ эти предметы кажутся сдѣланными изъ одной массы, а не составленными изъ кусковъ: всѣ они, большею частію, съ прозрачною рѣзьбою изъ различныхъ арабесковъ и вѣтвей съ листьями, цвѣтами и священными изображеніями подъ блестящею позолотою. Въ алтарѣ

замѣчательны утвари изъ золота, и особенно потиры, чаши коихъ заключены въ снопы; сверхъ сего Евангеліе, серебряные канделябры, или выносные подсвѣчники, лампады и пр. — все это, по новымъ рисункамъ, исполнено съ отличнымъ вкусомъ и большимъ совершенствомъ.

Вообще Соборъ всѣхъ Учебныхъ Заведеній, во всѣхъ отношеніхъ, есть явленіе рѣдкое, необыкновенное, полное души и Поэзіи, и памятникъ достойный ознаменовывать доблести Той, Которая образовала цѣлое поколѣніе полезныхъ обществу гражданокъ.

Архитектурный родъ Гр. Растрелли, какъ замѣчаютъ знатоки дѣла, вполнѣ самобытный; но по тогдашнему вкусу, произведенія его (*) отличаются множествомъ частныхъ украшеній и выступовъ, получившихъ начало отъ Микель-Анджело Буонаротти, послѣ котораго этотъ вкусъ перешелъ въ Геную, усиленъ Берниціемъ и другими подражателями въ XVI вѣкѣ, и особенно въ царствованіе Людовика XV, при коемъ вычурность и кудреватость (rococo) проникли во всѣ Искусства; а потому и родъ этотъ многіе называютъ Людовиковскимъ. Еслибъ кто захотѣлъ писать Исторію Архитектуры въ Россіи, то отнесъ бы этотъ родъ къ третьей у насъ эпохѣ Зодчества. Первою можно почти безошибочно считать характеръ Византійскій или Азіатскій, перешедшій изъ Ин-

(*) Кромѣ Собора всѣхъ Учебныхъ Заведеній, онъ построилъ еще Зимній Дворецъ въ С. Петербургѣ, Царскосельскій Дворецъ, колокольню Сергіевой Лавры и множество другихъ зданій.

дія въ X вѣкѣ, а въ XV, при Іоаннѣ III Василіевичѣ, значительно распространенный Зодчимъ Аристотелемъ (знаменитымъ Алберти Фіоравенти). Вторая эпоха была смѣсь Голландско-Французскаго вкуса, а третья чисто Италіянскаго, принесеннаго Гваренгіемъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ являлся съ XV вѣка, очищенный Брамантомъ, Рафаелемъ Урбинскимъ и другими. Геніальный Растрелли, какъ думаютъ, покоряясь невольно этому смѣшенному вліянію вкусовъ, предположилъ строить нынѣшній Соборъ всѣхъ Учебныхъ Заведеній не только съ множествомъ ваятельныхъ изображеній и украшеній, но даже, вызолотивъ ихъ снаружи, разсѣять по всей поверхности зданія (на окружности 120 и на высотѣ до 45 саж.), вдоль котораго безчисленными отраслями должны были итти другія фигуры; внутри же церкви и въ иконостасѣ, на всѣхъ столбахъ въ окнахъ, на дверяхъ и пр. назначалось фигуръ и украшеній еще болѣе, нежели снаружи. Г. Стасовъ, воспитанный не въ Людовиковскомъ стилѣ, а въ Римскомъ, или такъ называемомъ чистомъ Греческомъ, *очистилъ* детали и пестроты, сродныя стилю Людовиковскому, въ произведеніи Гр. Растрелля; но и безъ этого, по замѣчанію Художниковъ, храмъ не потерялъ бы своего величія, потому что всѣ части его находятся въ совершенной гармоніи, и цѣлое не пугаетъ своею огромностію, а только возвышаетъ душу своею величественностію. Ни одно изъ произведеній Гр. Растрелли не выражаетъ собою такъ ясно своего званія, своего назначенія, какъ этотъ Соборъ: подходя къ нему каждый видитъ въ немъ

храмъ Христіанскій; видѣлъ бы его и тогда даже, когда бы кресты съ него были сняты, и хотя онъ вовсе не походитъ на наши обыкновенныя церкви. Говорятъ, что Гваренги, воспитанный не въ Людовиковскомъ, а въ Римскомъ стилѣ, проѣзжая мимо этого созданія Растрелли, останавливался, и благоговѣя къ творцу его, кланялся этому величественному памятнику.

Торжество освященія сего Собора, въ Іюлѣ прошлаго года, происходило слѣдующимъ образомъ: 22 Іюля, утромъ часу въ 8, прибыли съ разныхъ сторонъ города, частію на пароходахъ (Опытъ, Надежда, Нева и Охта), частію же сухимъ путемъ, всѣ Высочайше назначенныя изъ главнѣйшихъ въ С. Петербургѣ Учебныхъ Заведеній дѣвицы и юноши какъ военныхъ, такъ гражданскихъ вѣдомствъ (въ томъ числѣ Гренадерскіе взводы Военныхъ Училищъ при своихъ знаменахъ съ ружьями), и расположились въ отведенныхъ особо для каждаго Заведенія сборныхъ мѣстахъ.

Въ 10 часовъ, по данному знаку, вошли всѣ, кромѣ Военно-Учебныхъ Заведеній, въ Соборъ — дѣвицы съ боковыхъ дверей, а Воспитанники съ главныхъ, и размѣстились первыя противъ лѣваго отъ входа придѣла, около вновь сооруженнаго памятника въ Бозѣ почивающей Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ (мраморной доски съ надписью, о которой упомянуто выше), Воспитанники же Гражданскихъ Училищъ, по обѣимъ сторонамъ главнаго входа.

Въ 11 часовъ, по прибытіи Его Величества Государя Императора, Его Императорскаго

Высочества Государя Цесаревича, Его Королевскаго Высочества Принца Нидерландскаго и Ихъ Свѣтлостей Принцевъ Нассаускаго и Ольденбургскаго, сдѣланъ былъ передъ Соборомъ, на вновь отдѣланной площади, церковный парадъ собраннымъ Училищамъ Кадетамъ съ Воспитанниками Военныхъ Училищъ, и Его Величество, въ мундирѣ 1-го Кадетскаго Корпуса, изволилъ командовать лично. Вскорѣ потомъ, при колокольномъ звонѣ и полной полковой музыкѣ Военно-Учебныхъ Заведеній, прибыть изволила Государыня Императрица съ Ихъ Императорскими и Королевскими Высочествами въ нарядныхъ золотыхъ каретахъ, сопровождаемая Оберъ-Шталмейстеромъ и прочею Свитою. Тогда всѣ бывшіе въ строю, встрѣтивъ Ея Величество громогласнымъ *ура!* со всѣми воинскими почестями и пройдя церемоніальнымъ маршемъ, введены были въ Соборъ, гдѣ у каждаго входа поставлены изъ нихъ по двое на часахъ, а другіе, безъ ружей, но со знаменами впереди, противъ главныхъ Царскихъ вратъ; остальные жъ у праваго придѣла. Государь Императоръ и Члены Августѣйшаго Дома, бывъ встрѣчены Министромъ Финансовъ съ Строительною Коммиссіею Собора и, по цѣлованіи креста, принявъ благословеніе Высокопреосвященнаго Митрополита, заняли изволили мѣста по правую сторону близъ придѣла Св. Маріи Магдалины. За Ихъ Высочествами, кромѣ Свиты Ихъ Величествъ находились главнѣйшіе Государственные Сановники и весь Дипломатическій Корпусъ, а противъ нихъ, по другую сторону, между женскими и мужскими Заведеніями, Члены Совѣтовъ Общества Благород-

ныхъ Дѣвицъ и обоихъ Училищъ Ордена Св. Екатерины, С. Петербургскаго и Московскаго Опекунскихъ Совѣтовъ, Статсъ-Секретаря и другія начальствующія лица обоего пола. На хорахъ помѣщены были прочія изъ знатнѣйшихъ дамъ. Божественную Литургію совершалъ Высокопреосвященный Митрополитъ *Серафимъ* и на обоихъ клиросахъ пѣли полнымъ хоромъ пѣвчіе Придворной Капелли, исключая: *Символъ Вѣры*, *Молитву Господню* и окончательное *моленіе о долгоденствіи Императорскаго Дома*, кои пропѣты были всѣми бывшими въ Соборѣ Воспитанницами и Воспитанниками. Сколь ни трогательно было сіе единодушное, всеобщее пѣніе, но ничто не можетъ сравниться съ тѣмъ умилительнымъ зрѣлищемъ, когда ИХЪ ИМПЕРАТОРСКІЯ ВЕЛИЧЕСТВА, отдѣлившись отъ собственныхъ Чадъ, приближались — ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ къ Воспитанникамъ Военно-Учебныхъ Заведеній, а ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА къ Воспитанницамъ, и при возглашеніи Протодіакона объ упокоеніи души блаженныя памяти ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ, со слезами сердечной горести преклоняли колѣна. Слѣдуя сему священному примѣру глубокаго благочестія и пламенной сыновней любви, — главныхъ основъ всѣхъ семейныхъ добродѣтелей, бывшіе въ Соборѣ болѣе 6,000 человѣкъ, повергшись на землю, съ такимъ же благоговѣніемъ молились объ усопшей благодѣтельницѣ своей — Августѣйшей Матери вдовъ, сиротъ и немощныхъ. Въ эту торжественную минуту солнце внезапно озарило молящихся и, казалось, духъ незабвенной Маріи, невидимо паря надъ всѣми, благословлялъ отъ

близкихъ сердцу Ея чадъ. Такъ, можно сказать, вся Россія, въ лицѣ вновь возрастающаго поколѣнія своего, молилась, въ присутствіи представителей всей Европы, у престола сего дивнаго храма о долгоденствіи благополучно царствующаго надъ нею Дома — и сія искренняя, совокупная невинныхъ душей молитва, безъ сомнѣнія, услышана Милосердымъ Подателемъ всѣхъ благъ. За симъ Высокопреосвященный Митрополитъ, со крестомъ въ рукѣ, предшествуемый самимъ Государемъ Императоромъ, окропилъ святою водою знамена и всѣхъ Воспитанниковъ Военныхъ и Гражданскихъ Училищъ; потомъ, слѣдуя за Государынею Императрицею, совершилъ то же и надъ всѣми Воспитанницами. При выходѣ изъ церкви, каждое женское Заведеніе отдѣльно прошло мимо Ихъ Императорскихъ Величествъ. Кадетскіе же Корпуса и прочія Военно-Учебныя Заведенія, выведенныя прежде сего, выстроились опять передъ Соборомъ, и пройдя вновь церемоніальнымъ маршемъ передъ Ея Императорскимъ Величествомъ, отправились въ Таврическій Дворецъ, гдѣ, по распоряженію Его Свѣтлости Принца Ольденбургскаго, приготовленъ былъ для нихъ общій обѣденный столъ на 2,600 человѣкъ. Воспитанницы и Воспитанники Заведеній Императрицы Маріи, кои при семъ торжествѣ были полнымъ числомъ, согласно особому Высочайшему Государя Императора повелѣнію, угощены были вмѣстѣ съ прочими женскими Училищами и со всѣми начальствующими надъ ними лицами отличнымъ обѣдомъ въ ближайшихъ къ Собору зданіяхъ, по распоряженію Статсъ-Секретаря и

Почетнаго Опекуна *Новосильцова*. *Для сего* накрыли въ 6 обширныхъ залахъ и коридорахъ, какъ Воспитательнаго Общества Благородныхъ Дѣвицъ, такъ и смежнаго съ онымъ Вдовьяго Дома, всего для 2,200 человѣкъ, на протяженіи около полуверсты, 22 большіе стола, убранные съ изящнымъ вкусомъ живыми въ вазахъ цвѣтами и деревьями. Всѣ дѣвицы, по волѣ Его Величества, размѣщены были такъ, что за этою общею трапезою онѣ составляли не разныя Заведенія, а какъ бы одно нераздѣльное семейство, и главами онаго почитались быть самъ Государь Императоръ и Государыня Императрица, Коимъ благоугодно было: при семъ случаѣ пить за здоровье всего юношества, имѣющаго счастіе воспитываться подъ Высочайшимъ покровительствомъ Ихъ Величествъ. За десертомъ подносили всѣмъ по свертку конфектъ съ означеніемъ на каждомъ дня сего драгоцѣннаго для всѣхъ торжества, и сверхъ того дѣвицы получили на память украшавшіе столы ихъ цвѣты. Ихъ Императорскія Величества, удостоивъ Высочайшаго вниманія всѣ столы во время сего обѣда и объявивъ распоряжавшимъ онымъ совершенное свое удовольствіе, отбыть изволили въ 3 часа въ Таврическій Дворецъ къ находящимся тамъ Военно-Учебнымъ Заведеніямъ. Воспитанницы же, получивъ Всемилостивѣйшее Ея Величества дозволеніе провести еще нѣсколько времени внѣ дома, въ окружающихъ Соборъ казенныхъ садахъ, тѣмъ съ большею радостію поспѣшили симъ воспользоваться, что не только многія изъ нихъ, сестры и родственницы, воспитываясь въ разныхъ Заведеніяхъ, не видали

случая видимыми; съ тѣхъ поръ, какъ оставили родительскій кровъ, но и всѣ вообще, одушевленныя единымъ чувствомъ живѣйшаго восторга, умиленія и безпредѣльной признательности къ Августѣйшимъ Виновникамъ ихъ счастія, какъ бы породнились въ сей день между собою. Разставшись, не безъ слезъ, хотя и съ утѣшительною надеждою на такое же чрезъ годъ свиданіе (ибо Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ, дабы въ день Св. Маріи Магдалины, 22 Іюля, ежегодно собирались въ оной храмъ къ торжественному Богослуженію Воспитанники и Воспитанницы всѣхъ главнѣйшихъ Учебныхъ Заведеній С. Петербурга), онѣ возвратились уже вечеромъ въ свои Заведенія тѣмъ же порядкомъ, какимъ прибыли поутру. Между тѣмъ стеченіе разнаго сословія людей, наполнявшихъ всѣ окна и улицы въ окрестностяхъ Собора, продолжалось почти до самой ночи, и даже погода, сначала нѣсколько ненастная, споспѣшествовала въ послѣдствіи всеобщей радости. Къ общему сожалѣнію, болѣзнь воспрепятствовала быть при семъ случаѣ Г-жѣ Начальницѣ Воспитательнаго Общества Благородныхъ Дѣвицъ, Статсъ-Дамѣ Ю. Ѳ. *фонъ Адлербергъ*. Государь Императоръ и Государыня Императрица соблаговолили изъявить ей лично Свое о томъ соболѣзнованіе, почтивъ ее двукратно Высочайшимъ посѣщеніемъ, какъ до сего торжества, такъ и въ самый день онаго. Сверхъ того она удостоилась получить изъ собственныхъ рукъ Ея Величества Орденъ Св. Великомученицы Екатерины большаго Креста, въ знакъ Всемилостивѣйшаго вниманія

Ихъ Величествъ къ особѣ долговременнымъ попеченіямъ ея о воспитаніи дѣвицъ Россійскаго Дворянства: чѣмъ она, по всей справедливости, пріобрѣла полное право на признательность всего сословія.

Для вящшаго ознаменованія дня сего торжества, Его Императорскому Величеству благоугодно было, 22 того же Іюля, Высочайше утвердить положеніе и Штатъ вновь учреждаемаго Заведенія подъ названіемъ: *Маріинское Сиротское Отдѣленіе*, о которомъ извѣстіе помѣщено въ 10 кн. нашего Журнала за прошедшій годъ (см. Октябрь 1835, стр. 240).

III.

ИЗВѢСТІЯ

О

УЧЕНЫХЪ И УЧЕНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ ВЪ РОССІИ.

ВЫПИСКА

ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ЗАСѢДАНІЙ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Засѣданіе 6 Ноября.

Непремѣнный Секретарь извѣстилъ Академію о послѣдовавшей 1-го Ноября въ 5-мъ часу по полуночи кончинѣ перваго ея Вице-Президента и Ординарнаго Академика по части Политической Экономіи и Статистики, Г-на Тайнаго Совѣтника и Кавалера *Андрея Карловича Шторха*. Конференція приняла извѣстіе сіе съ чувствами единодушнаго и глубочайшаго соболѣзнованія и поручила Непремѣнному Секретарю довести до свѣдѣнія Г-на Министра Народнаго Просвѣщенія о сей чувствительной для Академіи потерѣ. — Г. Академикъ *Френъ* донесъ, что, какъ Исторія Улуса

Джучи или Золотой Орды, предложенная въ 1832 году отъ Академіи задачею для состязанія къ нынѣшнему году, существенно входитъ въ составъ Россійской Исторіи, то необходимо, чтобы присланное въ отвѣтъ на сію задачу сочиненіе препоручено было разсмотрѣть не только Оріенталистамъ, но и Г-ну Академику Кругу. А какъ подобный критическій разборъ обширнаго сочиненія сопряженъ съ немалыми трудностями и требуетъ довольно времени, притомъ, въ слѣдствіе отлучки Г-на Френа, произошло нѣкоторое замедленіе, то онъ, почитая невозможнымъ окончить разсмотрѣніе сочиненія къ опредѣленному сроку, т. е. ко дню публичнаго засѣданія, предлагаетъ отсрочить еще на нѣкоторое время объявленіе рѣшенія Академіи. Конференція нашла представленныя Сочленомъ ея причины совершенно достойными уваженія, и поручила Г-ну *Кругу* заняться, вмѣстѣ съ Гг. *Френомъ* и *Шмидтомъ*, изслѣдованіемъ означеннаго конкурснаго сочиненія. — Г. Академикъ *Беръ* читалъ Разсужденіе подъ заглавіемъ:

Zoologische und anatomische Beiträge zur Kenntniss des Wallrosses (Trichechus Rosmarus).

Членъ-Корреспондентъ Академіи, Г. *Цигра*, посылаетъ нѣсколько вѣтвей деревъ Quercus pedunculata и Quercus robur, въ которыхъ онъ находитъ столь явное отличіе, что предлагаетъ основать два новыя подраздѣленія сихъ породъ. Гг. *Триніусу* и *Бонгару* поручено разсмотрѣть предложеніе Г-на *Цигры*.—Непремѣнный Секретарь представилъ два вновь отпечатанные тома трудовъ Академіи, а именно:

Mémoires etc. VI série. Sciences mathématiques, physiques et naturelles. Tome III seconde partie: Sciences naturelles. (Томъ сей имѣетъ также заглавіе: Mémoires etc. VI série. Sciences naturelles Tome I).

Mémoires présentés à l'Académie par divers savans et lus dans ses assemblées. Tome II.

По случаю истеченія срока конкурсу Демидовскихъ премій на 1855 годъ, Непремѣнный Секретарь представилъ всѣ допущенныя къ сему соисканію сочиненія, коихъ число простирается до 22. Изъ нихъ семь предоставляются на разсмотрѣніе постороннихъ Ученыхъ, а прочія пятнадцать имѣютъ быть разобраны назначенными изъ среды сей Академіи Коммиссарами.

Засѣданіе 13 *Ноября.*

Г. Академикъ *Брандтъ* донесъ, что онъ имѣлъ случай пріобрѣсти для Музея образчикъ лося сибирскаго (Cervus alces), породы, еще не находящейся въ нашемъ Зоологическомъ Кабинетѣ.

Засѣданіе 27 *Ноября.*

Г. Академикъ *Френъ* читалъ Разсужденіе подъ заглавіемъ:

Erklärung der arabischen Inschrift des eisernen Thorflügels im Kloster Gelathi in Imerethi.

Директоръ Училищъ Тверской Губерніи, Г. *Лажечниковъ*, посылаетъ Академіи 4 куфическія серебряныя монеты, найденныя вмѣстѣ со многими другими въ боченкѣ однимъ рыбакомъ Валдайскаго Уѣзда въ озерѣ Шлино. По донесенію Г-на *Френа*, разсматривавшаго сіи монеты, онѣ принадлежатъ династіи Саманидовъ и чеканены въ Самаркандѣ и Ташкентѣ около половины X вѣка. Монеты сіи не относятся къ числу нумизматическихъ рѣдкостей, ибо ихъ находятъ по цѣлымъ тысячамъ во внутренности Россіи и на берегахъ Балтійскаго Моря. Онѣ были въ обращеніи въ VIII, IX и

X вѣкахъ, когда существовали торговыя связи между Сѣверомъ Европы и странами, нынѣ причисляющимися къ Великой Бухаріи. — Г. Академикъ *Френъ* возвратилъ [illegible] въ [illegible], поднесеннаго Г-ну Попечителю Казанскаго Учебнаго Округа *Мирзою Казембекомъ*, Адъюнктъ-Профессоромъ Казанскаго Университета, основательнаго полнаго руководства для изученія Турецкаго языка, извлеченнаго имъ по препорученію Начальства и долженствующаго состоять, по его предначертанію, изъ Грамматики и Хрестоматіи съ пояснительнымъ Словаремъ. Г. Френъ признаетъ подобное предпріятіе чрезвычайно полезнымъ не только для той цѣли, для которой оно назначается, т. е. для употребленія въ Казанскомъ Университетѣ и Гимназіи, да и для всѣхъ вообще Заведеній, гдѣ преподается Турецкій языкъ, и, судя по основательнымъ познаніямъ Мирзы Казембека, предвѣщаетъ отличное выполненіе. Одобряя въ цѣлости планъ, начертанный Казанскимъ Оріенталистомъ, Г. Френъ прилагаетъ къ нему нѣкоторыя замѣчанія, которыя могутъ служить къ усовершенствованію и пополненію сего учебнаго пособія, и оканчиваетъ желаніемъ, чтобы Автору позволено было воспользоваться при обработываніи сего труда обильными матеріалами, собранными въ здѣшней столицѣ и могущими служить къ обогащенію его Хрестоматіи многими важными и доселѣ еще нигдѣ не напечатанными статьями. Конференція, согласясь съ мнѣніемъ Г-на Френа, опредѣлила препроводить оное къ Г-ну Министру. — ГГ. Академики *Триніусъ* и *Бонгаръ* донесли, что, по изслѣдованіи вѣтвей разныхъ породъ дуба, присланныхъ Г-мъ *Цигрою* и по сличеніи ихъ съ образчиками изъ разныхъ странъ, они удостовѣрились, что одна изъ сихъ породъ есть обыкновенный дубъ (Quercus robur L.), а другая простое видоизмѣненіе обыкновеннаго дуба Quercus pedunculata. Они присовокупляютъ, что

[illegible] Zusätze [illegible] двухъ породъ, разнствующія между собою [illegible], длиною стебельковъ, такъ и размѣромъ листьевъ. — Г. Академикъ *Струве* письмомъ изъ Дерпта, отъ 22 Ноября, препроводилъ Конференціи включить Г-на *Штейнгейля*, Члена Мюнхенской Академіи Наукъ, въ списокъ Кандидатовъ на званіе Корреспондента. — Г. Академикъ *Брандтъ* представилъ подаренное отъ имени Г-на *Фалдерманна*, служащаго при здѣшнемъ Императорскомъ Ботаническомъ Саду, собраніе 22 чужестранныхъ насѣкомыхъ изъ рода полужесткокрылыхъ съ прямыми крыльями, двукрылыхъ и сѣтчатокрылыхъ. — Сей же Академикъ донесъ, что Г. *Прео*, Инспекторъ Зоологической Лабораторіи Парижскаго Музея, прислалъ богатое собраніе зоологическихъ предметовъ, заключающее въ себѣ 9 млекопитающихъ, 1 ящерицу, 84 породы птицъ (въ 103 образчикахъ), 192 насѣкомыхъ и 9 перепончатыхъ, досель недостававшихъ нашему Музею. Цѣна сей коллекціи 1219 франковъ, изъ коихъ 600 могутъ быть уплочены дублетами нашего Зоологическаго Кабинета. — Онъ же читалъ Записку, въ которой извѣщаетъ Академію о своихъ трудахъ по части Врачебной Зоологіи, издаваемыхъ имъ въ Берлинѣ вмѣстѣ съ Докторомъ *Ратцебургомъ*, и донесъ о полученіи изъ Симбирска 12 образчиковъ выхухоли (Mygale moschata, Cuv.) въ винномъ спиртѣ, послужившихъ ему предметомъ для двухъ Разсужденій, которыя онъ желаетъ напечатать въ иностранныхъ журналахъ, между тѣмъ какъ издаетъ для Записокъ Академіи пространнѣйшее сочиненіе объ этомъ же предметѣ, коль скоро представится ему случай наблюдать выхухоль въ живомъ состояніи. Разсужденія сіи имѣютъ заглавіе:

Bemerkungen über den innern Bau des Wuychuchol (Mygale moschata), и

Ueber den Bau der, eine nach Moschus riechende Flüssigkeit absondernden Drüsen des Wuychuchols.

Конференція предоставила ихъ Г-ну Брандту въ свободное распоряженіе. — Г. Академикъ *Беръ*, намѣреваясь по вызову нѣкоторыхъ Врачей здѣшней столицы читать курсъ Физіологіи, просилъ Академію, чтобы она приказала отвести ему на сей конецъ небольшую Конференцъ-залу. Чтенія сіи будутъ происходить по Субботамъ въ вечернее время. Конференція на это согласилась. — Г. Экстраординарный Академикъ *Германнъ* читалъ довольно благопріятный отзывъ о статистическомъ Разсужденіи Г-на *Каразина*, представленномъ Академіи въ засѣданіе 25 Сентября. — Отъ Г-на Шумахера изъ Альтоны доставлена Эфемерида Галлеевой кометы, вычисленная Г-мъ Профессоромъ Розенбергеромъ въ Галле съ 21 Ноября по 12 Генваря. Эфемерида сія отдана Г-ну Академику *Вишневскому*. — Письмомъ изъ Бреславля отъ 16 Ноября Г. Профессоръ *Глогеръ* увѣдомляетъ Академію, что ему удалось счастливымъ систематическимъ соображеніемъ открыть истинную Систему Природы: онъ исчисляетъ всѣ условія, съ коими удовлетворительно согласуется его Система и проситъ Академію, чтобы она подвергла ихъ изслѣдованію и объявила свое мнѣніе, дѣйствительно ли таковы отличительные признаки истинной Системы Природы, или не должны ли быть приняты въ соображеніе еще другія условія, и какія именно. Конференція избрала Гг. *Триніуса*, *Купфера*, *Брандта*, *Бера* и *Бонгара* для донесенія о семъ предметѣ.—При отношеніи изъ Александріи отъ 15 (27) Сентября нашъ Генеральный Консулъ въ Египтѣ, Полковникъ Дюгамель, доставляетъ письмо пребывающаго въ Каирѣ Французскаго Химика Г. Рошета съ приложеніемъ Диссертаціи подъ заглавіемъ:

Quelques essais analytiques sur le sang des pestiférés.

Оно отдано было на разсмотрѣніе Г-ну Академику *Гессу*. — Двумя сообщеніями отъ 11 и 18 Ноября Г. Лажечниковъ препровождаетъ метеорологическія наблюденія, сдѣланныя въ Твери отъ Марта до Августа 1835 года. — Непремѣнный Секретарь довелъ до свѣдѣнія Конференціи о кончинѣ Почетнаго ея Члена Г. Беттигера, Надворнаго Совѣтника въ службѣ Короля Саксонскаго, послѣдовавшей 17 (29) Ноября и Г. Пфаффа, Профессора Математики при Эрлангенскомъ Университетѣ и Члена Корреспондента Академіи, случившейся 14 (26) Іюня.

2.

ТОРЖЕСТВЕННОЕ СОБРАНІЕ ГЛАВНАГО ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА.

По окончаніи публичныхъ испытаній въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ, продолжавшихся съ 6 по 29 Ноября, въ 20 день сего Декабря въ большой залѣ Императорской Академіи Наукъ былъ публичный Актъ по случаю выпуска Студентовъ, кончившихъ полный курсъ ученія. Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія С. С. Уваровъ и Исправляющій должность его Товарища Графъ Н. А. Протасовъ, Главный Директоръ и Предсѣдательствующій въ Правительственной Коммиссіи Внутреннихъ и Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія Царства Польскаго Н. А. Головинъ, Попечители Учебныхъ Округовъ: Дерптскаго Генералъ-Лейтенантъ Е. Б. Крафстремъ, С. Петербургскаго Князь М. А. Дондуковъ-Корсаковъ, Наставникъ Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника и Цесаревича Д. Ст. Сов. Жуковскій, Директоръ Департамента Народнаго Просвѣщенія Князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ, Д. Ст. Сов. Энгельгардтъ, Члены Главнаго Правленія Училищъ, Академики, многіе Ученые и любители просвѣщенія почтили сіе торжественное собраніе своимъ присутствіемъ. Актъ начался пѣніемъ молитвы: «Царю Небесный;» за симъ Ординарный Профессоръ Римскаго Права Г. Штёкгардтъ произнесъ къ Студентамъ на Латинскомъ языкѣ прощальную Рѣчь, въ которой на-

напутствовалъ ихъ наставленiями относительно будущаго ихъ званiя и желанiями успѣха на многотрудномъ поприщѣ, предъ ними открывающемся; потомъ Ординарный Профессоръ Французской Словесности Г. Жилле говорилъ Рѣчь на Французскомъ языкѣ о достоинствѣ и обязанностяхъ Ученаго, и Ординарный Профессоръ Россiйской Словесности Г. Плетневъ изложилъ на Отечественномъ языкѣ должности Наставника юношества (*). По окончанiи Рѣчей, Воспитанники пропѣли торжественную пѣснь: «Колѣна, Россы, преклоните,» а потомъ Ученый Секретарь Экстр. Проф. Ободовскiй прочелъ отчетъ за все время существованiя Института и списокъ 47 Студентовъ, кончившихъ курсъ, кои, по вызову, подходя къ Г. Министру, удостоились получить изъ рукъ его шпаги. Наконецъ провозглашены были имена Студентовъ, назначенныхъ къ отправленiю въ чужiе краи для дальнѣйшаго усовершенствованiя себя, каждый по своей части, и имена Студентовъ, получившихъ золотыя медали.

Назначены къ отправленiю въ чужiе краи:

По Философско-Юридическому Отдѣленiю.

1. Өирсъ Юшковъ.
2. Николай Иванишевъ.
3. Василiй Лешковъ.
4. Александръ Палюмбецкiй.

По Физико-Математическому Отдѣленiю.

5. Александръ Воскресенскiй.
6. Иванъ Соколовъ.
7. Михаилъ Спасскiй.
8. Александръ Тихомандрицкiй.

(*) Обѣ Рѣчи помѣщены въ сей книжкѣ нашего Журнала.

По Историко-Филологическому Отдѣленію.

9. Михаилъ Касторскій.
10. Семенъ Лукьяновичъ.
11. Арсеній Меншиковъ.

Получили золотыя медали:

По Философско-Юридическому Отдѣленію.

1. Ѳирсъ Юшковъ.

По Физико-Математическому Отдѣленію.

2. Александръ Воскресенскій.

По Историко-Филологическому Отдѣленію.

3. Михаилъ Касторскій.

Трогательная мелодія: «Боже! Царя храни,» слѣдовавшая за симъ, отозвалась умилительнымъ восторгомъ въ сердцахъ присутствующихъ, и служила приличнымъ переходомъ къ пастырскому наставленію, которое далъ послѣ сего Студентамъ Законоучитель Протоіерей Бажановъ, испрашивая благословеніе Отца Небеснаго будущимъ гражданскимъ ихъ подвигамъ на пользу Отечества. Въ заключеніе Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, обратясь къ Студентамъ и поблагодаривъ ихъ за успѣхи, за усердіе и благонравіе, присовокупилъ: «Знаю, что вы въ полномъ смыслѣ оправдаете попечительность Правительства; ваши Наставники достойно начертали вамъ обязанности вашего будущаго назначенія въ жизни; я не буду повторять ихъ словъ: ибо и самое стараніе о вашемъ усовершенствованіи было бы тщетно, еслибъ каждый изъ васъ не былъ глубоко проникнутъ чувствомъ вашихъ обязанностей къ Богу, Государю и Отечеству. Мое вниманіе, или лучше сказать, вниманіе Августѣйшаго нашего Императора, коего я только лишь понятливое и усердное

орудіе, будетъ слѣдовать за вами повсюду, гдѣ вамъ суждено находиться, сколько въ ближайшихъ къ моему надзору Заведеніяхъ, столько же и въ отдаленнѣйшихъ краяхъ Имперіи; вездѣ буду я слѣдить ваши успѣхи и радоваться имъ. Прибавлю, что если я въ великомъ дѣлѣ Народнаго Просвѣщенія одно лишь неутомимое и усердное орудіе Государя, то каждаго изъ васъ признаю за сотрудника, за товарища своего на семъ обширномъ поприщѣ. Да благословитъ Богъ мудрость Монарха нашего, мое стремленіе и ваше постоянное содѣйствіе, по мѣрѣ силъ всѣхъ и каждаго!»

Сими словами, которыя произвели глубочайшее впечатлѣніе въ тѣхъ, къ кому они были обращены, кончился Актъ. Посѣтители при выходѣ осмотрѣли рисунки Воспитанниковъ и Студентовъ, разставленные въ одной сторонѣ залы, и вполнѣ убѣдились, что, при ученыхъ занятіяхъ, въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ не было оставлено безъ вниманія и эстетическое образованіе и развитіе вкуса къ Изящнымъ Искусствамъ.

3.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ СОСТОЯНІЕ РУССКИХЪ УНИВЕРСИТЕТОВЪ ЗА 1834 ГОДЪ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

О Преподавателяхъ.

Просвѣщеніе выражаетъ себя яркими чертами въ Исторіи Государствъ. Тамъ мы видимъ его по совокупности благодѣтельныхъ его слѣдствій и можемъ опредѣлительно сказать, въ какомъ и гдѣ положеніи оно находилось. Мы не можемъ сказать того же о настоящемъ времени, котораго еще не обняли во всей полнотѣ и которое еще только готовится быть предметомъ Исторіи. За то нѣтъ сомнѣнія, что этотъ еще неготовый матеріалъ достоинствомъ своимъ превзойдетъ всѣ тѣ, на которыхъ основана Исторія временъ протекшихъ. Назовемъ здѣсь въ особенности статистическія таблицы — надежнѣйшее и прежде не извѣстное средство изображать состояніе Государства во всѣхъ видахъ его жизни, между прочимъ и его просвѣщенія: ибо какъ народъ состоитъ изъ множества единицъ, то, узнавъ въ немъ число учащихся, можно съ достовѣрностію знать степень народнаго образованія. Эти и имъ подобныя данныя, будучи представлены въ различныхъ своихъ отношеніяхъ, должны служить самымъ богатымъ запасомъ для многихъ любопытныхъ и полезныхъ выводовъ.

Мы намѣрены употребить сіе средство для полнаго изображенія состоянія учебной части въ Россіи; но на первый разъ по необходимости ограничиваемся вѣдомствомъ одного Министерства Народнаго Просвѣщенія которaго Заведенія раздѣляются вообще на высшія среднія и низшія. Три предмета въ каждомъ изъ нихъ обращаютъ на себя особенное вниманіе: Учащіе, учащіеся и учебныя пособія.

Въ десяти помѣщенныхъ здѣсь таблицахъ представлено сравнительное состояніе шести находящихся въ Россіи Университетовъ, именно же *въ отношеніи къ Учащимъ*: тутъ показано не одно число Преподавателей но и лѣта ихъ, происхожденіе, вѣроисповѣданіе, мѣсто образованія, степень пріобрѣтенныхъ знаній, семейственное состояніе и т. п. какъ ниже слѣдуетъ.

I.

Званія и должности.

	Въ Университетахъ.						
	С. Петербургскомъ.	Московск.	Харьковскомъ.	Казанскомъ.	Св. Владим.	Дерптск.	Во всѣхъ.
Профессоровъ:							
Заслуженныхъ.	1	1	—	2	—	—	4
Ординарныхъ.	15	21	17	18	9	26	106
Экстраординарныхъ.	6	5	4	3	1	—	19
Адъюнктовъ.	10	14	7	11	3	—	45
Прочихъ Преподавателей.	9	13	7	11	7	18	65
Всего.	41	54	35	45	27	44	246

II.

Лѣта.

	Въ Университетахъ.					
	С. Петербургскомъ.	Московскомъ.	Харьковскомъ.	Казанскомъ.	Св. Владиміра.	Дерптск.
Отъ 18 до 25 лѣтъ.	1	—	2	2	—	—
Отъ 25 до 40 —	21	32	19	25	10	21
Отъ 40 до 60 —	18	19	12	18	10	16
За 60 лѣтъ.	1	3	2	—	—	7

III.

Происхожденіе.

	Въ Университетахъ.					
	С. Петербургскомъ.	Московскомъ.	Харьковскомъ.	Казанскомъ	Св. Владиміра.	Дерптск.
Изъ Дворянъ.	9	16	17	5	14	5
Изъ Оберъ-Офицер. дѣтей.	2	7	—	11	—	—
Изъ Духовнаго званія. . . .	13	18	9	11	1	4
Изъ Купцовъ.	—	1	—	1	—	—
Изъ Польской Шляхты. . .	1	1	—	—	—	—
Изъ Воспитан. С. Петерб. Академіи Художествъ. .	—	1	—	—	—	—
Изъ С. Петерб. Воспитательнаго-Дома.	1	—	—	—	—	—
Изъ Московск. Воспитательнаго Дома. . .	—	1	—	—	—	—
Изъ иностранцевъ. .	10	8	5	13	5	26
Изъ Донскихъ Казаковъ . .	—	—	1	—	—	—
Изъ гражданъ. .	1	—	—	—	—	4
Изъ разночинцевъ .	2	—	—	1	—	—
Изъ мѣщанъ.	1	1	—	1	—	—
Изъ вольно-отпущенныхъ. .	1	—	—	1	—	—
Изъ податнаго состоянія. .	—	—	3	—	—	—
Изъ солдатскихъ дѣтей. .	—	—	—	1	—	—
Неизвѣстнаго происхожденія.	—	—	—	—	—	5

IV.

Вѣроисповѣданіе.

Грекороссійскаго .	24	39	23	27	3	2
Римскокатолическаго. .	7	5	6	5	17	2
Лютеранскаго .	9	10	6	13	—	40
Магометанскаго. .	1	—	—	—	—	—

V.

Мѣсто рожденія.

	Въ Университетахъ.						
	С. Петербургскомъ.	Московск.	Харьковскомъ.	Казанскомъ	Св. Владим.	Дерптск.	Всего.
Изъ Губерній:							
Астраханской	—	—	—	1	—	—	1
Бѣлостокской Области.	—	—	1	—	—	—	1
Владимірской.	—	1	—	2	—	—	3
Воронежской.	1	3	3	2	—	—	9
Виленской.	—	1	1	—	—	—	2
Волынской.	—	—	1	1	9	—	11
Вятской.	—	—	—	1	—	—	1
Вологодской.	—	—	—	1	—	—	1
Витебской.	—	—	—	1	—	—	1
Грузіи.	1	—	—	—	—	—	1
Гродненской.	—	—	—	1	1	—	2
Казанской.	—	—	—	5	—	—	5
Курляндской.	—	—	2	—	—	2	4
Кіевской.	—	1	2	1	—	—	4
Костромской.	2	—	—	—	—	—	2
Курской.	—	—	5	—	—	—	5
Лифляндской.	2	—	—	2	—	10	14
Московской.	—	22	1	1	—	—	24
Могилевской.	2	—	—	—	—	—	2
Минской.	—	—	—	—	1	—	1
Нижегородской.	—	—	—	1	1	—	2
Орловской.	1	2	—	—	—	—	3
Оренбургской.	—	—	—	1	—	—	1
Подольской.	—	—	1	—	—	—	1
Пермской.	—	1	—	—	—	—	1
Полтавской.	2	—	2	—	1	—	5
Пензенской.	—	1	—	2	—	—	3
Рязанской	—	5	—	3	—	—	8
С. Петербургской.	7	1	—	1	—	—	9

Смоленской.	1	1	—	1	—	—	3
Саратовской.	—	—	—	2	—	—	2
Симбирской.	—	—	—	2	—	—	2
Тверской.	4	3	—	—	—	—	7
Тульской.	4	—	—	—	—	—	4
Тамбовской. .	—	—	1	—	—	—	1
Черниговской.	1	—	1	—	—	—	2
Харьковской.	—	1	10	—	1	—	12
Херсонской.	—	—	1	—	—	—	1
Эстляндской.	2	—	—	—	—	4	6
Ярославской.	1	1	—	1	—	—	3
Царства Польскаго.	2	—	—	—	—	—	2
Земли Войска Донскаго.	—	—	1	—	—	—	1
Изъ-за границы.	8	8	4	13	5	26	64
Не извѣстно откуда.	—	2	—	—	—	2	4

VI.

МѢСТО ОБРАЗОВАНІЯ.

	Въ Университетахъ.						
	С. Петербургскомъ.	Московск.	Харьковскомъ.	Казанскомъ.	Св. Владим.	Дерптск.	Всего.
Изъ С. Петербургскаго Педагогическаго Института. . . .	9	—	—	4	—	—	13
Изъ Университетовъ:							
Московскаго.	1	35	—	1	1	—	38
С. Петербургскаго.	14	—	—	—	—	1	15
Дерптскаго.	1	—	2	2	—	15	20
Казанскаго.	—	1	—	14	—	—	15
Харьковскаго.	—	—	21	—	1	—	22
Виленскаго.	1	1	3	3	2	—	10
Варшавскаго.	—	—	—	—	1	—	1

Изъ С. Петербургской Духовной Академіи. .	1	—	—	1	1	—	3
Изъ Московской Духовной Академіи. .	—	2	—	2	—	—	4
Изъ Горнаго Кадетскаго Корпуса.	1	—	—	—	—	—	1
Изъ С. Петербургской Медико-Хирургической Академіи. . .	—	—	2	—	—	—	2
Изъ Московскаго Отдѣленія Медико-Хирургич. Академіи. . .	—	2	—	—	—	—	2
Изъ С. Петербургской Академіи Художествъ.	—	—	1	—	—	—	1
Изъ Краковской Академіи.	—	—	—	—	1	—	1
Изъ Харьковскаго Коллегіума.	—	2	—	—	—	—	2
Изъ Педагогическаго Заведенія при Виленскомъ Университетѣ. .	—	—	—	—	3	—	3
Изъ С. Петербургскаго Театральнаго Училища.	—	—	—	1	—	—	1
Изъ бывшей Гимназіи Высшихъ Наукъ, нынѣ Лицея Князя Безбородко.	1	—	—	—	—	—	1
Изъ Волынской Гимназіи, потомъ Лицея. .	—	—	—	—	4	—	4
Изъ С. Петербургскаго бывшаго Медико-Хирургическаго Института.	—	1	—	—	—	—	1
Изъ Черниговской Семинаріи.	—	—	1	—	—	—	1
Изъ Троицко-лаврской Семинаріи. . . .	—	—	—	1	—	—	1
Изъ Полоцкаго Іезуитскаго Училища. . .	—	—	—	—	1	—	1
Изъ Кременецкаго Воеводскаго Училища. . .	—	—	—	—	2	—	2
Изъ иностранныхъ Учебныхъ Заведеній.	10	1	3	11	3	27	55
Обучались у частныхъ лицъ.	—	—	2	3	—	—	5
Не извѣстно гдѣ. .	1	8	—	—	—	1	10

VII.

Ученыя Степени.

	Въ Университетахъ.					
	С. Петербургскомъ.	Московскомъ.	Харьковскомъ.	Казанскомъ.	Св. Владиміра.	Дерптск.
Имѣютъ Ученыя Степени.	31	45	31	33	10	32
Въ томъ числѣ Доктора.	5	25	10	12	2	30
Не имѣютъ Учен. Степеней.	10	9	4	12	10	12

VIII.

Семейства.

	Въ Университетахъ.					
	С. Петербургскомъ.	Московскомъ.	Харьковскомъ.	Казанскомъ.	Св. Владиміра.	Дерптск.
Имѣютъ семейства.	29	37	22	29	11	36
Не имѣютъ семействъ	12	17	13	16	9	8

IX.

Занятія въ другихъ казенныхъ заведеніяхъ.

	Въ Университетахъ.					
	С. Петербургскомъ.	Московскомъ.	Харьковскомъ.	Казанскомъ.	Св. Владиміра.	Дерптск.
Обучаютъ въ другихъ Казенныхъ Заведеніяхъ	30	20	9	12	5	4
Обучаютъ въ одномъ Университетѣ	11	34	26	33	15	40

X.

Квартиры и квартирныя деньги.

	Въ Университетахъ.					
	С. Петербургскомъ.	Московскомъ.	Харьковскомъ.	Казанскомъ.	Св. Владиміра.	Дерптск.
Пользуются квартирами.	24	17	2	4	—	5
Пользуются квартирными деньгами.	12	—	25	38	16	20
Не пользуются ни тѣмъ, ни другимъ	5	37	8	3	4	19

Изъ этихъ таблицъ открывается, что наши Университеты почти равно богаты Преподавателями; Московской богаче прочихъ, но разница едва замѣтная; если же Университетъ Св. Владиміра нѣсколько отстаетъ въ этомъ отношеніи, то надобно взять въ соображеніе время его основанія (*). Вообще между Преподавателями молодыхъ людей до 25 лѣтъ и пожилыхъ за 60 весьма мало (2 въ С. Петербургскомъ, 3 въ Московскомъ, 4 въ Харьковскомъ, 2 въ Казанскомъ и 7 въ Дерптскомъ). Наибольшее число Преподавателей принадлежитъ къ Вѣроисповѣданію Грекороссійскому (117 чел.), потомъ къ Протестантскому (74 чел.): чему причиною особый существующій для Остъ-Зейскаго края Университетъ, въ которомъ по той же причинѣ Преподавателей этого Исповѣданія болѣе (40 чел.), нежели Грекороссійскаго (2); Магометанской Религіи во всѣхъ Университетахъ только одинъ Преподаватель (по части Восточныхъ языковъ).

Относительно происхожденія, всѣхъ болѣе доставило нашимъ Университетамъ Преподавателей Дворянское сословіе (66 чел.), потомъ Духовное (55 чел.). Хотя вообще Преподаватели большею частію природные Русскіе, или по крайней мѣрѣ Русскіе подданные; но еще и донынѣ иностранцы составляютъ между ими болѣе чѣмъ пятую долю цѣлаго. Не менѣе замѣчательно, что иностранныя Учебныя Заведенія доставили нашимъ Университетамъ самое большое число Преподавателей (55 чел.); послѣ нихъ слѣдуютъ Высшія Русскія Учебныя Заведенія: сначала Университетъ Московскій (38 чел.); а за нимъ бывшій С. Петербургскій Педагогическій Институтъ (13 чел.). Разница уже значительная! Частное образованіе получили только трое Преподавателей.

(*) Сверхъ того, здѣсь представлены свѣдѣнія за 1834 годъ.

Обращая вниманіе на родину Преподавателей, находимъ опять, что всего болѣе у насъ пріѣзжихъ изъ-за границы (64 чел.), потомъ уроженцевъ Московской Губерніи (24 чел.), Лифляндіи (14 чел.), и наконецъ тѣхъ Губерній, въ которыхъ находятся Университеты.

Имѣющихъ семейства болѣе, нежели не имѣющихъ; наибольшее число получаетъ квартирныя деньги, меньшее пользуется квартирою; число не имѣющихъ ни того, ни другаго составляетъ третью часть Преподавателей. Всего менѣе пользующихся квартирами въ Московскомъ Университетѣ (17 при 54 чел.); всего болѣе получающихъ квартирныя деньги въ Казанскомъ Университетѣ (38 при 45 чел., и еще 4 пользуются квартирами: слѣдовательно не имѣющихъ ни того, ни другаго только 3). Число имѣющихъ Ученыя Степени значительно превышаетъ не имѣющихъ (182—57); въ числѣ ихъ 84 чел. имѣютъ Докторскія Степени. Между прочимъ находимъ, что значительное число Преподавателей, особенно находящихся при Московскомъ Университетѣ, занимается преподаваніемъ и въ другихъ Казенныхъ Учебныхъ Заведеніяхъ (80 чел.).

Но, взявши въ соображеніе одни эти таблицы, мы еще не можемъ сказать рѣшительнаго мнѣнія о положеніи нашихъ Университетовъ, и какое каждый изъ нихъ занимаетъ въ отношеніи къ другимъ мѣсто; мы видѣли только одну часть ихъ состава. Заключеніе наше относительно этихъ первыхъ таблицъ было кратко; по разсмотрѣніи всѣхъ прочихъ таблицъ, мы соединимъ выведенныя изъ каждой изъ нихъ заключенія вмѣстѣ: общій ихъ смыслъ будетъ искомою суммою.

А. Тимофеевъ.

IV.

ИЗВѢСТІЯ

ОБЪ

ИНОСТРАННЫХЪ УЧЕНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ.

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКІЯ БИБЛІОТЕКИ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Константинопольскія Библіотеки давно уже возбуждають живѣйшее участіе просвѣщеннаго міра. Дѣятельное любопытство путешественниковъ не одинъ разъ пыталось проникнуть въ эти святилища Науки; но невѣжество и суевѣріе Турокъ накидывають на Науку покрывало еще болѣе строгое, нежели таинственныя завѣсы, коими суевѣріе народа и ѳеократическая ревность жрецовъ окружали ее въ мистическомъ Египтѣ.

Это относится безъ сомнѣнія не къ общественнымъ Библіотекамъ Стамбула, о коихъ въ свое время будемъ говорить, которыя открыты Туркамъ безденежно, и доступны Европейскому путешественнику за нѣсколько цехиновъ, взимаемыхъ надзирателями; но къ книгамъ, заключающимся въ стѣнахъ Сераля, составляющимъ въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ проблему для путешественниковъ, для Европейскихъ Академій и

даже для Кабинетовъ разныхъ Дворовъ, предметъ столькихъ споровъ и толковъ, но доселѣ извѣстнымъ по однимъ слухамъ. Одни утверждаютъ, что потерянныя сокровища Древнихъ Литературъ находятся въ плѣну въ Сералѣ, вмѣстѣ съ плѣнными женами и рабами Султановъ; другіе подозрѣваютъ, что если кому удастся проникнуть въ эти недоступныя отдѣленія Сераля, гдѣ хранятся книги, плодомъ долгихъ усилій будетъ только открытіе какой-нибудь незначащей Византійской рукописи, на которую варвары смотрятъ какъ на безцѣнный талисманъ въ Авиценовыхъ пагодахъ ведутъ странника подъ таинственными сводами, по длиннымъ колоннадамъ, по цѣлому мистическому лабиринту зданій, и когда, съ воспламененнымъ воображеніемъ, въ ожиданіи чудесъ, онѣ подниметъ послѣднюю завѣсу глазамъ его представляется деревянное чучело обезьяны.

Послѣ всего, что писано о Библіотекахъ Сераля, намъ остается только сказать, на чемъ могутъ основываться столь противоположныя догадки объ этомъ предметѣ.

Бросимъ предварительный взглядъ на древнія Библіотеки Константинополя.

Зонарасъ приписываетъ Константину Великому основаніе первой огромной Библіотеки въ новой столицѣ Имперіи; но она только при Юліанѣ получила свое полное развитіе. Этотъ Императоръ, воспитанный въ храмѣ древнихъ Искусствъ и Наукъ, въ Аѳинахъ, и до того увлеченный поэтическою своею привязанностію къ древности, что, вопреки выраженію своего вѣка, захотѣлъ искоренить Христіанство, сдѣлавшееся уже утѣшительною потребностію человѣка, устилать въ религіи чувственности и страстей, по любви своей къ Наукамъ поспѣшилъ собрать въ своей Библіотекѣ всѣ произведенія Греческой и Латинской Словесности, всѣ памятники древнихъ Музъ и древней Философіи.

Можетъ быть, Юліанъ, ненавидимый за себя прошлымъ своихъ современниковъ, и запятнанный на вѣки въ Исторіи именемъ Отступника, имѣетъ съ другой стороны нѣкоторыя права на благодарность потомства, тѣмъ, что онъ сберегъ произведенія древняго генія въ ту эпоху, когда Христіане, почитая вреднымъ все то, что могло напоминать вѣки язычества, сожигали рукописи и истребляли памятники древней Скульптуры и всѣхъ Искусствъ, украшавшихъ храмы Грековъ. Сто двадцать тысячь рукописей было собрано стараніями Юліана въ публичной Библіотекѣ Константинополя, и вкусъ Императора къ книгамъ выразился въ надписи ея фронтисписа: Alii quidem equos amant, alii aves, alii feras; mihi vero a puerulo mirandum acquirendi et possidendi libros insedit desiderium.

Валентъ и Өеодосій Старшій продолжали заниматься усовершенствованіемъ сего Заведенія; въ XII книгѣ Өеодосіанскаго Кодекса упоминается о семи ученыхъ Археографахъ, служившихъ въ Библіотекѣ; изъ нихъ было четыре Эллиниста и три Латиниста; они постоянно занимались исправленіемъ списковъ разныхъ твореній, приведеніемъ Библіотеки въ систему, составленіемъ каталоговъ и списываніемъ рукописей, поврежденныхъ отъ ветхости. Эта Библіотека, улучшенная еще стараніями Өеодосія Младшаго, сгорѣла при Василискѣ, или получила значительное поврежденіе отъ пожара. Между драгоцѣнными рукописями, бывшими въ ней, Лѣтописцы упоминаютъ о какой-то драконовой кожѣ во сто двадцать футовъ длины, на коей были написаны «творенія Гомера и Исторія Героевъ»; но ничего болѣе не поясняютъ объ этой чудесной кожѣ. Императоръ Зинонъ возобновилъ Библіотеку, и предъ входомъ ея поставилъ свою статую, съ какою-то хвастливою надписью. Число рукописей при Львѣ Исаврянинѣ простиралось до тридцати шести тысячь.

съ ними хранилось также много Греческихъ и Азіатскихъ древностей, медалей, вазъ и проч. Столица Имперіи раздиралась тогда фанатизмомъ иконоборцевъ. Леонъ, озлобленный на ученыхъ мужей, занимавшихся въ Библіотекѣ, за то, что они противились его богохульствамъ, заперъ ихъ въ ней, окружилъ зданіе горючими веществами и предалъ огню. Древнія рукописи сгорѣли жертвою богословскихъ раздоровъ Византіи, такъ какъ не за долго предъ тѣмъ сгорѣла прославленная Александрійская Библіотека жертвою Исламизма, и какъ за VI вѣковъ сгорѣла Римская Библіотека по капризу безумнаго Коммода.

Не только новѣйшіе Писатели, но и Византійскія хроники часто смѣшиваютъ эту публичную Библіотеку Константинополя съ тою, которая заключалась въ зданіяхъ Вуколеона (Императорскаго дворца) и называлась *Царскою*. Порфирогенетъ, кажется, былъ основателемъ послѣдней, а при Комненахъ получила она значительное развитіе. Кромѣ того многочисленныя собранія рукописей хранились у Патріарховъ и во всѣхъ почти монастыряхъ. Между тѣмъ какъ постепенно ложился мракъ невѣжества съ закатомъ державнаго свѣтила Византіи, Наука укрывалась подъ сѣнію Церкви, и изученіе Платона и Аристотеля соединялось въ ней съ изученіемъ богословскихъ твореній Византійскихъ Святителей, которые не одинъ разъ выразили свое глубокое уваженіе къ геніальнымъ произведеніямъ Древности. При взятіи города Крестоносцами, Царская Библіотека много пострадала отъ пожаровъ и грабежа. Но Лѣтописецъ Дукасъ, свидѣтель конечнаго паденія Восточной Имперіи, говоритъ съ прискорбіемъ и негодованіемъ, что Турки при разграбленіи города не знали, куда дѣваться съ добычею безчисленнаго множества книгъ и «продавали за одну мелкую монету десять рукописей Платоновыхъ, Аристотелевыхъ, богословскихъ и другихъ.»

Не всѣ творенія, сдѣлавшіяся добычею варваровъ, растеряны въ ту ужасную эпоху. Магометъ II былъ почитателемъ Музъ, и тотъ, кто съ благоговѣніемъ взиралъ на памятники древнихъ Аѳинъ, не могъ не обратить вниманія на сокровища древней Науки, хранившіяся въ Византіи. Все заставляетъ думать, что онъ велѣлъ собрать въ Сералѣ многія древнія рукописи; Турки и доселѣ сохраняютъ какое-то набожное почитаніе къ книгамъ, и если полудикіе грабители Восточной столицы могли истреблять въ порывѣ фанатизма самыя бытописанія, въ коихъ хранилось прошедшее истребленнаго ими Царства, то просвѣщенный Султанъ былъ выше фанатизма своего народа и выше своей эпохи. Далѣе увидимъ нѣкоторыя обстоятельства, еще болѣе подтверждающія мнѣніе наше о сбереженіи Магометомъ найденныхъ имъ книгъ.

Въ ту самую эпоху, когда потухалъ послѣдній лучь жизни и просвѣщенія Восточной Имперіи подъ тучею налетѣвшаго на нее народа, новый факелъ Науки освѣщалъ Католическій Западъ, и хотя онъ зажегся у умирающей лампады Востока, но и Наука, подобно огню, сама въ себѣ находитъ новыя силы, и первая, щастливо зароненная ея искра озаряетъ полміра. Западъ не замедлилъ обратиться къ Востоку, прося у него безсмертнаго наслѣдія Древности.

Уже въ 1453 году Папа Николай V, основатель Ватиканской Библіотеки, послалъ коммиссію ученыхъ мужей на Востокъ для собранія церковныхъ рукописей, и обѣщалъ имъ въ награжденіе пять тысячь Венеціанскихъ червонцевъ, если отыщутъ подлинную Еврейскую рукопись Евангелиста Матѳея, которая, какъ было извѣстно, хранилась у Византійскихъ Императоровъ. Далѣе поиски удостовѣрили посланцевъ Папы, что эта рукопись хранилась въ Сералѣ, по повелѣнію Магомета; но достать ее было невозможно.

Въ слѣдующемъ вѣкѣ три ученые Европейскіе путешественника возвѣстили Европѣ, что полныя Декады Тита Ливія находились въ сокровищницѣ Султановъ. Безъ сомнѣнія, бытописанія древняго Рима должны были храниться у Императоровъ, подлѣ блѣднаго призрака Августова престола, и вмѣстѣ съ воспоминаніями великихъ дней державной Республики. Они могли достаться Султанамъ, которые величали себя преемниками Кесарей, и возбудить ихъ любопытство о юношескомъ возрастѣ этой Имперіи, которую застали они при послѣднемъ издыханіи. Іоаннъ Христіанъ Клодіо говорилъ даже, что Титъ Ливій, по повелѣнію Султана, переводится на Турецкій языкъ. Послѣ Клодія, Петръ Делавалле (de la Vallée) удостовѣрился, что Римскій Историкъ сохранился во всей полнотѣ въ Арабскомъ переводѣ. Спонъ, котораго путешествіе по Востоку отличается добросовѣстною точностію, говоритъ равнымъ образомъ, что Титъ Ливій хранился у Турокъ, но что невозможно было получить его списокъ, не смотря на огромныя суммы, предложенныя за него. Извѣстно, что Великій Герцогъ Тосканскій обѣщалъ пять тысячь Испанскихъ піастровъ награжденія Серальскому служителю, которому удалось бы похитить эту рукопись, а бывшій тогда въ Константинополѣ Вайля, или Посланникъ Венеціанской Республики, безплодно удвоивалъ эту сумму.

Кромѣ тѣхъ твореній, которыя могли быть найдены при взятіи Константинополя, и случайно или по повелѣнію Султана, сбережены въ Сералѣ, значительная часть Библіотеки Венгерскаго Короля Матвѣя Корвина была взята Турками изъ его столицы и привезена въ Султанскій Сераль. А извѣстно, что Библіотека Корвина заключала въ себѣ драгоцѣннѣйшее собраніе рукописей той эпохи, какъ по внутреннему ихъ достоинству, такъ и по тщательной выдѣлкѣ рисунковъ и

разныхъ украшеній вмѣстѣ съ текстомъ, и по вынесеніи переплетовъ. Этотъ сынъ Гуніада, возведенный изъ темницы на отцовскій престолъ, былъ однимъ изъ извѣстнѣйшихъ въ мірѣ библіомановъ. Онъ издерживалъ ежегодно 80,000 дукатовъ (болѣе 400,000 нынѣшнихъ червонцевъ) на обогащеніе своей Библіотеки, которая, по сказанію Шванца, въ двадцать-четырехлѣтнее его царствованіе, стоила около 110,000,000 рублей на наши деньги; содержалъ въ Римѣ, Флоренціи и Венеціи писцевъ для списыванія разныхъ твореній, и щедро награждалъ путешественниковъ, которые доставляли ему какую-нибудь рукопись изъ Константинополя и Востока. Библіотека Корвина, изъ коей много расхищено Турками, состояла изъ 55,000 томовъ, большею частію рукописныхъ.

Въ XVI и XVII вѣкахъ разныя рукописи случайно найдены въ Константинополѣ въ рукахъ Турокъ, и куплены Европейцами; на нихъ была Султанская печать, и онѣ очевидно злоупотребленіемъ были похищены изъ Сераля. Многія изъ нихъ и теперь находятся въ разныхъ Европейскихъ Библіотекахъ.

Всѣ эти обстоятельства болѣе и болѣе возбуждали любопытство ученаго міра; пошли догадки, что въ числѣ Серальскихъ рукописей должны были находиться потерянныя творенія Греческихъ Классиковъ, Трагедіи Эсхила, Комедіи Менандра, жизнеописанія Плутарха, не дошедшія до насъ, и сорокъ Книгъ Діодора Сицилійскаго, о коихъ Константинъ Ласкарисъ, въ твореніи своемъ о Греческихъ и Сицилійскихъ Историкахъ, говоритъ, что видѣлъ ихъ еще сохраненными въ Царской Византійской Библіотекѣ въ послѣдніе годы Имперіи.

Вскорѣ политика Европейскихъ Дворовъ вмѣшалась въ это дѣло, и Европейскіе Посланники, пользуясь минутною благосклонностію Высокой Порты, стали освѣдомляться о сокровищахъ Науки,

запрятанныхъ въ Сералѣ, вмѣстѣ съ сокровищами Султановъ. Еще въ 1638 году ученый Англичанинъ Greaves досталъ не извѣстно какими средствами нѣсколько рукописей, видимо принадлежавшихъ Султанской Библіотекѣ; потомъ въ 1683 году Кольбертъ, управлявшій тогда Франціею, сдѣлалъ важное для Древней Литературы пріобрѣтеніе, купивъ посредствомъ Французскаго Посла Ноантеля, пятнадцать рукописей, и въ числѣ ихъ Геродота и Плутарха; первый весьма много способствовалъ переводу Ларше, а второй послужилъ Рикарду къ исправленію 2000 ошибокъ и неточностей, вкравшихся въ переводъ Аміота отъ неисправности Греческой рукописи. Остальныя были выбраны не столько по достоинству Авторовъ, сколько по богатству и изяществу украшеній. На нихъ сохранялись многія миніатюрныя изображенія въ Византійскомъ вкусѣ, но весьма тщательной отдѣлки; это большею частію портреты Императоровъ, Иконы, аллегорическія изображенія; вездѣ позолота соединена съ живописью. Еще 183 рукописи были проданы тогда же въ Константинополѣ по 100 талеровъ каждая; на всѣхъ была Султанская печать. Французскій Посланникъ Жирарденъ, въ продолженіе многолѣтняго своего пребыванія на Востокѣ (съ 1689 по 1718 г.), дѣятельно старался открыть еще какія-нибудь рукописи, но безуспѣшно.

Должно полагать, что эти неоднократно возобновленныя заботы Европейцевъ заставили Султановъ обратить вниманіе на рукописи, которыя кучами лежали въ разныхъ отдѣленіяхъ Сераля, доступныя червямъ, но не доступныя любопытству Ученыхъ. Турки подозрительно стали смотрѣть на участіе, которое представители великихъ Монарховъ Европы принимали въ безполезныхъ пергаментахъ; съ того времени цѣна древнихъ книгъ возвысилась въ глазахъ людей, которые прежде не могли растолковать себѣ столь живое участіе

Европы въ этомъ предметѣ, какъ обычными своими понятіями о колдовствѣ, талисманахъ и мистическихъ познаніяхъ. Многіе думаютъ даже, что это подало поводъ къ составленію первой Серальской Библіотеки; но такъ какъ это любопытное явленіе современно введенію книгопечатанія въ Турціи, то, кажется, основательнѣе можно приписать его любви къ Наукамъ Ахмета III или его Визиря. Самъ Султанъ съ великимъ церемоніаломъ положилъ первый камень новаго зданія, и когда оно было кончено, велѣлъ перенести въ него, въ присутствіи всѣхъ вельможъ, хранимыя въ Сералѣ книги. Столь торжественное открытіе Библіотеки сопровождалось любопытнымъ Султанскимъ фирманомъ, который помѣщенъ въ книгѣ Мураджи Охсона. Въ немъ говорится «о драгоцѣнныхъ и изящныхъ рукописяхъ, которыя собраны Оттоманскими Монархами, но доселѣ лежали въ забвеніи; всевидящій Аллахъ просвѣтилъ владыку Правовѣрныхъ, да не оставитъ ихъ болѣе сокрытыми отъ взоровъ ученыхъ мужей.» Султанъ заключаетъ свой фирманъ тѣмъ, что ученые люди должны остерегаться, чтобы въ день послѣдняго суда Богъ не укорилъ ихъ въ безпечности о сокровищахъ Науки, забытыхъ во мракѣ, безъ пользы для Правовѣрныхъ.

Но открытіе Султанской Библіотеки ни сколько не разсѣяло мрака, окружавшаго Серальскія рукописи. Эта Библіотека, находясь во внутреннихъ отдѣленіяхъ Сераля, въ третьемъ дворѣ, совершенно недоступна не только любопытному Европейцу, но даже первымъ лицамъ гражданской и Духовной Іерархіи Мусульманъ, какъ и все, что таится за «вратами благополучія» Баби-сааде.

Не смотря на это, распространившійся въ Европѣ слухъ объ открытіи Библіотеки въ Сералѣ подалъ новыя надежды Ученымъ на драгоцѣнныя открытія, и ободрилъ изыскателей къ новымъ попыткамъ. Собранная

Ахметомъ Библіотека показалась имъ сокровищницею, въ коей вдохновенный Султанъ сберегъ все, что управилось отъ произведеній Древнихъ въ Европейскихъ монастыряхъ, которые, послѣ десятивѣковаго варварства Европы, выказали свѣту столько книгъ, укрывавшихся въ ихъ мракѣ. Таинственность, окружающая все у Турокъ, еще болѣе распаляла воображеніе всѣхъ.

Между многими попытками истекшаго столѣтія болѣе примѣчанія заслуживаютъ путешествія Фурмона, Аббата Севена и Аббата Тодерини, предпринятыя по сему предмету. Первые были посланы на Востокъ отъ Французскаго Правительства, въ 1727 году, для собранія Греческихъ рукописей. Они доставили во Францію болѣе шести сотъ рукописей, большею частію Греческихъ и Армянскихъ, но ни одна изъ нихъ не принадлежала Серальской Библіотекѣ. Въ отчетѣ своемъ Севенъ пишетъ, что Амуратъ IV, въ порывѣ Мусульманскаго благочестія, велѣлъ предать огню всѣ бывшія въ Сералѣ рукописи немусульманскія.

Сомнительно, можно ли полагаться на его сказаніе. Тодерини, бывшій въ Константинополѣ около того же времени, удостовѣрился въ томъ, что кромѣ книгъ Арабскихъ, Персидскихъ и Турецкихъ, хранилось во внутреннемъ отдѣленіи Сераля въ сундукахъ, но не въ Библіотекѣ, весьма значительное количество рукописей Латинскихъ и Греческихъ, между прочимъ многія рукописи, вывезенныя изъ Іерусалима; можетъ быть, изъ числа ихъ были и акты Іерусалимскаго Собора, доставленные Людовику XIV Посломъ его въ Константинополѣ, Ноантелемъ, въ 1675 году, хранящіеся и нынѣ въ Парижской Королевской Библіотекѣ, и составляющіе одну изъ лучшихъ ея драгоцѣнностей. Тодерини собралъ многія любопытныя свѣдѣнія о Библіотекахъ Сераля отъ ученаго Турка Измаилъ-Бея, бывшаго въ молодости Ичь-Огланомъ или Серальскимъ Пажемъ, и

отъ Перота Франкини, Дрогмана Венеціанскаго Посольства; онъ даже завелъ связи съ однимъ изъ чиновниковъ внутреннихъ отдѣленій Сераля и посредствомъ его составилъ полный каталогъ Серальской Библіотеки. Трудно опредѣлить, до какой степени можно полагаться на точность этого каталога; но онъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Въ немъ показано множество списковъ Корана, его толкованій, изустныхъ законовъ Пророка, писаній первыхъ законодателей Исламизма, мистическихъ писаній Аравитянъ о догматахъ вѣры, объ искусахъ, и множество подобныхъ книгъ, наполняющихъ обыкновенно Турецкія Библіотеки; показано равнымъ образомъ значительное количество рукописей, относящихся къ Восточной Исторіи, Географіи и Словесности, къ Наукамъ Естественнымъ, Медицинскимъ и Математическимъ, къ Астрономіи и Астрологіи, которыя у Турокъ и доселѣ составляютъ, какъ было прежде въ Европѣ, одну и ту же Науку, и извѣстны подъ однимъ именемъ. Все это на Турецкомъ и на Арабскомъ языкахъ. На сихъ же языкахъ переводы Логики и Физики Аристотеля, и Плиніево твореніе о чудесахъ Природы. Имена Греческаго и Латинскаго Писателей наиболѣе обратили на себя вниманіе Ученыхъ; извѣстно, что не одни эти книги были переведены Испанскими Арабами, что въ Академіяхъ Двора Гаруна Аль-Рашида были почти всѣ лучшія произведенія Греческой Словесности, и могли сохраниться хотя въ переводѣ еще другія потерянныя для потомства книги. Притомъ весьма могло статься, что Султаны помѣстили въ своей Библіотекѣ тѣ только, которыя нашлись въ переводѣ, и съ обыкновенною Турецкою безпечностію могли забыть тѣ, которыя существовали въ подлинникѣ на языкахъ имъ неизвѣстныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что не всѣ книги, бывшія въ Султанскомъ казнохранилищѣ поступили въ Библіотеку; въ ней не

открылась ни одна изъ рукописей, увезенныхъ Турками изъ Венгріи, и ничто не доказываетъ, чтобы онѣ дѣйствительно были истреблены, какъ полагаетъ Аббатъ Севенъ.

Кромѣ того Мустафа III основалъ въ Сералѣ другую Библіотеку для корпуса стражи Бостанджи, сорокъ восемь лѣтъ спустя по открытіи первой Серальской Библіотеки, и ничего нѣтъ мудренаго, что онъ помѣстилъ туда для безграмотныхъ хранителей Султанскихъ дворцевъ и садовъ творенія Діодора Сицилійскаго и Греческихъ Поэтовъ.

Французская Республика, прежде своего разрыва съ Портою, препоручила ученому Виллоазону посѣтить Библіотеки Константинополя и сдѣлать новыя изысканія надъ завѣтными Библіотеками Сераля. Но всѣ его старанія, все вліяніе Руфена, тогдашняго представителя Республики при Оттоманскомъ Дворѣ, не имѣли никакого положительнаго результата.

Англичанамъ первымъ была предоставлена честь проникнуть въ Серальскія Библіотеки. Къ этому подалъ поводъ походъ Наполеона въ Египетъ и тѣсный союзъ Турціи съ Великобританіею, союзъ, давшій столь сильное вліяніе Англійской дипломаціи въ Стамбулѣ. Притомъ подобная новизна могла быть только при Султанѣ Селимѣ, который былъ выше предразсудковъ своего народа, уважалъ Европу и ея Науки, и хотѣлъ пощеголять Европеизмомъ въ глазахъ своихъ союзниковъ. Извѣстно, что Лордъ Эльгинъ воспользовался этою эпохою для полученія отъ Порты фирмана, коимъ ему предоставлялось право увезти съ собою въ Англію всѣ древніе памятники Греціи, даже цѣлые храмы, если онъ имѣлъ возможность нагрузить ими свои корабли. Эльгинъ выхлопоталъ у Порты, въ 1801 году, разрѣшеніе Доктору Карлейлю (Carlisle) бывшему при немъ собственно для ученыхъ изслѣдованій, осно-

шрѣшь Сералскія книгохранилища. Ученый Анганчанинъ даешъ въ своемъ повѣствованіи подробный ошчешъ о Библіошекѣ Босшанджи, которую онъ посѣшилъ подъ строгимъ присмотромъ трехъ Турецкихъ Законоучителей; но въ его ошчешѣ гораздо болѣе свѣдѣній о расположеніи и архишекшурѣ Библіошеки, нежели о заключавшихся въ ней книгахъ. Библіошека Босшанджи находишся подлѣ небольшой мечеши, окружена кипарисами; на первыхъ ея дверяхъ была печать и надъ дверьми Арабская надпись съ именемъ ея основателя Мусшафы III; на вшорыхъ другая надпись: «Войдише съ миромъ.» Зданіе ея небольшое, но весьма красивое, имѣешъ форму кресшообразную, чешыре мраморныя колонны поддерживаюшъ по срединѣ куполъ; въ трехъ ошдѣленіяхъ по сторонамъ находяшся книги въ шкафахъ подъ мешаллическою рѣшешкою и подъ печашями. Докторъ говоришъ, что онъ осмошрѣлъ всѣ книги до одной, и хошя присушсшвіе Турокъ не позволило ему сдѣлашь имъ опись, но онъ замѣшилъ всѣ имена Авшоровъ, и надѣялся посредсшвомъ подарка получишь болѣе подробный кашалогъ. Онъ нашелъ всего шысячу двѣсши девяносшо двѣ книги; эшо все шворенія Арабскія, Турецкія и Персидскія, но ни одного Греческаго, Лашинскаго или Еврейскаго имени онъ не всшрѣшилъ.

Эльгинъ пышался еще получишь позволеніе осмошрѣшь другія книги, находящіяся въ Сералѣ, но ему въ шомъ было прямо ошказано; должно полагашь, что входъ гяура въ мѣсшо шрудно-досшупное даже для Турецкихъ Законниковъ, произвело непріяшное впечашлѣніе на Турокъ, и Селимъ, принужденный уважишь грубую ихъ народную гордосшь и народные предразсудки, не заблагоразсудилъ допускашь новыя оскорбленія Турецкому самолюбію. Но что покажешся болѣе удивишельнымъ въ разсказѣ Докшора Карлейля — эшо совершенное его молчаніе о другой Библіошекѣ Сераля,

основанной Ахметомъ III; и его убѣжденіе, что въ Сералѣ не было никакого другаго собранія книгъ, кромѣ видѣнныхъ имъ. Безъ сомнѣнія, онъ слышалъ о Библіотекѣ Ахмета, но, можетъ быть, вовсе не вѣрилъ въ ея существованіе.

Нѣсколько лѣтъ спустя, Французскій Посолъ Себастіани возобновилъ старыя попытки своихъ предшественниковъ и настоятельно просился въ Библіотеки Сераля. Тѣ же причины, по которымъ Селимъ отказалъ въ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ Англійскому Ученому, заставили Махмуда уклониться отъ требованій Себастіани, и эти причины были несравненно важнѣе въ ту эпоху, когда происшествія, свергнувшія съ престола двухъ его предшественниковъ, въ сильнѣйшей степени раздражали фанатизмъ народа и ненависть къ Европейцамъ. Впрочемъ вліяніе Наполеонова Посла при его Дворѣ было всесильно, и онъ, чтобы удовлетворить его желанію, велѣлъ отыскать въ Сералѣ Греческія рукописи и отдать ему. Эти рукописи находятся теперь въ Парижской Библіотекѣ и между ними ничего нѣтъ достойнаго примѣчанія, кромѣ нѣкоторыхъ отрывковъ изъ Діонисія Галикарнасскаго.

Но эти незначащія рукописи весьма важны въ томъ отношеніи, что онѣ служатъ явнымъ опроверженіемъ ученыхъ изслѣдователей, которые, послѣ нѣсколькихъ безплодныхъ покушеній, рѣшительно объявили, что въ Сералѣ нѣтъ древнихъ Греческихъ и Латинскихъ манускриптовъ. Тамъ, гдѣ хранились отрывки Діонисія Галикарнасскаго, весьма можетъ статься, схоронены и другіе остатки Древней Литературы, и Серальскій червь, какъ червь могильный, прилежно продолжаетъ точить дорогое наслѣдіе, потерянное для потомства.

Это не простое предположеніе, но положительно извѣстно, что есть отдѣленіе Сераля, въ коемъ, подъ собственною печатію Султана, хранятся многія дра-

гоцѣнности. Безъ сомнѣнія, слухи, которые ходятъ въ народѣ объ этомъ казнохранилищѣ, преувеличены, и сильно отзываются вкусомъ Восточныхъ ко всему гиперболическому и чудесному. По мнѣнію Турокъ, казна Султановъ нерукосотворенная, накоплена для избраннаго народа Ангелами, еще до сотворенія міра, и каждое царствованіе ее приращаетъ, потому что каждый Султанъ долженъ сдѣлать въ нее какой нибудь вкладъ, а не смѣетъ коснуться къ ней; но наступитъ время, когда она откроетъ великія судьбы Оттоманской Державы. Оставляя Туркамъ эти мечты о нерукосотворенныхъ сокровищахъ Сераля, не льзя однакожъ опровергнуть множество доказательствъ, убѣждающихъ насъ въ томъ, что есть въ Սералѣ никому недоступныя и, можетъ быть, никѣмъ не виданныя сокровища. Во всѣ времена водилось у Восточныхъ народовъ обыкновеніе зарывать въ землю мертвыя богатства, или копить въ потаенномъ мѣстѣ всякаго рода драгоцѣнности; это слѣдствіе какой-то инстинктной скупости Азіатца, который любитъ копить сокровища не для того, чтобы обезпечить свою будущность средствами существованія, не по страсти къ тѣмъ удовольствіямъ, которыя добываются богатствами, но собственно по страсти къ самимъ богатствамъ. Турецкіе Султаны гораздо чаще были скупы, нежели расточительны, и гораздо болѣе имѣли доселѣ случаевъ обирать разными средствами своихъ подданныхъ, нежели награждать богатыми подарками. Всякій разъ, при опалѣ богатаго Паши, драгоцѣнности, находимыя у него, поступаютъ въ Сераль, и было много случаевъ, что вещи извѣстныя по своей рѣдкости поступали въ казну Султана и уже никогда не видали свѣта Божьяго. Множество Владѣтельныхъ Князей, подпавшихъ власти Султановъ, были ими ограблены; походы въ Венгрію, въ Польшу, подъ Вѣну, въ Сицилію также принесли въ эту казну дань разныхъ

Европейскихъ драгоцѣнностей, которыя не могли безъ вѣсти потеряться. Князь Димитрій Кантемиръ въ сочиненіи своемъ о Турціи разсказываетъ, что въ 1538 году Солиманъ I, въ походѣ своемъ на Князей Валахіи и Молдавіи, овладѣвъ Сочавою, тогдашнею столицею Молдавскаго Князя, нашелъ въ ней множество драгоцѣнностей, древніе вѣнцы, скипетры, богатые Образа, и крестъ особенно примѣчательный по крупнымъ алмазамъ и другимъ каменьямъ, его украшавшимъ. Кантемиръ положительно зналъ, что этотъ крестъ находился въ Сералѣ въ цѣлости до 1710 года, когда онъ, получивъ Княжество, отправился изъ Константинополя.

Всѣ эти обстоятельства не должны казаться чуждыми нашему предмету. Рукописи, найденныя въ ограбленномъ Дворцѣ Восточныхъ Императоровъ, безъ сомнѣнія показались Султанамъ предметомъ высокой цѣны, и однажды собранныя въ заповѣдныхъ отдѣленіяхъ Сераля, могли остаться тамъ доселѣ безъ всякаго употребленія, и быть предметомъ суевѣрнаго уваженія, если не по чему другому, то единственно по той причинѣ, что уже были сбережены въ такомъ мѣстѣ. Кто ближе знакомъ съ предразсудками Турокъ и съ безотчетнымъ у нихъ благоговѣніемъ сына ко всему, что найдется сохраненнымъ у отца и дѣда, тотъ лучше пойметъ это. Рукописи, найденныя въ богатыхъ переплетахъ, или лучше сказать футлярахъ, какъ онѣ обыкновенно хранились у Византійцевъ, иногда даже въ ящикахъ осыпанныхъ драгоцѣнными каменьями, тѣмъ болѣе могли сдѣлаться предметомъ суевѣрнаго почитанія Турецкихъ Монарховъ. Мы говорили выше о богатствѣ и украшеніяхъ нѣкоторыхъ Византійскихъ рукописей. Высокая цѣна книгъ происходила тогда не отъ одного только тщанія въ переписываніи, но еще болѣе отъ самыхъ матеріаловъ, употребляемыхъ въ нихъ. Гомеръ хранился въ Царской Библіотекѣ Византіи, писанный весь золо-

томъ. Евангеліе было въ переплетѣ изъ литаго золота, вѣсомъ въ 20 фунтовъ, и было осыпано драгоцѣнными каменьями. Извѣстно также, что многія книги Матвѣя Корвина были переплетены въ золотыя доски; что по смерти его Медичи требовали отъ его преемника Владислава 1400 дукатовъ (около 80,000 руб. на наши деньги) за одну Библію, и 500 дукатовъ за Молитвенникъ. Если даже вполнѣ довѣрять сказаніямъ Тодерини и Карлейля и представленнымъ ими описямъ книгъ, хранящихся въ двухъ Библіотекахъ Сераля, между коими нѣтъ примѣчательныхъ твореній Греческихъ: то это еще не доказываетъ, чтобы ихъ вовсе не было въ Сералѣ; ибо Султаны не имѣли никакой причины помѣщать подобныя творенія въ книгохранилища, назначенныя для употребленія Правовѣрныхъ. Книги, добытыя изъ Сераля Французскимъ Посломъ, не были показаны ни въ одномъ изъ списковъ.

Еще и теперь многіе Французскіе путешественники, съ привычнымъ своимъ легкомысліемъ, основываясь на разсказахъ двухъ трехъ Перотовъ, увѣрены, что для нихъ нѣтъ ничего сокровеннаго въ Константинополѣ, и что они знаютъ Сераль какъ свои пять пальцевъ, и всякій считаетъ себя вправѣ, по возвращеніи на родину, увѣрять всю Европу, что онъ получилъ самыя точныя свѣдѣнія о внутреннихъ покояхъ Повелителя Правовѣрныхъ, и о томъ, сколько должно довѣрять предположеніямъ и догадкамъ о Серальскихъ рукописяхъ. Членъ Французской Академіи Мишо, въ путешествіи своемъ по Востоку въ 1830 году, имѣлъ порученіе отъ Министерства Карла X сдѣлать новыя изслѣдованія о Библіотекахъ и рукописяхъ; но Политическіе перевороты Франціи не позволили ему этимъ заняться, и онъ не получивъ никакихъ новыхъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ, остался однако въ убѣжденіи, что въ Сералѣ дѣйствительно хранятся любопытныя рукописи. Я говорилъ объ

этомъ загадочномъ предметѣ съ ученымъ Вселенскимъ Патріархомъ Константіемъ, который, по своимъ обширнымъ свѣдѣніямъ во всемъ, что относится до достопамятностей Константинополя, и по добросовѣстности своихъ изслѣдованій, согрѣтыхъ теплымъ чувствомъ патріотической привязанности къ Византійской и Греческой старинѣ, и еще болѣе по долголѣтнему своему пребыванію въ Константинополѣ, всегда въ высокихъ званіяхъ и въ сношеніяхъ со многими значительными лицами изъ Турокъ, можетъ почесться лучшимъ и единственнымъ указателемъ въ изысканіяхъ сего рода. Онъ увѣренъ только въ томъ, что въ Сералѣ *существуютъ* древнія рукописи, и въ томъ, что *доселѣ* всѣ покушенія получить о нихъ какія либо свѣдѣнія оставались *совершенно безплодны*. Рукописи Султанской сокровищницы принадлежатъ къ разряду тѣхъ тайнъ, которыя недоступны даже первостепеннымъ сановникамъ Сераля.

Иногда случаемъ и обстоятельствами дѣлается то, что кажется не возможнымъ при самыхъ упорныхъ усиліяхъ. Никто не подозрѣвалъ, что въ сокровищницѣ Султанов сохранялась нѣсколько вѣковъ рука Св. Іоанна Крестителя. Кажется, что и Султаны не знали о ея существованіи. Она была случайно найдена въ 1680 году при Мехметѣ IV. Золотой ковчегъ съ Греческою надписью возбудилъ любопытство Султана, который узнавъ о предметѣ высокаго почитанія Христіанъ, заключавшемся въ немъ, велѣлъ почтительно ее хранить: потому что Магометане, какъ извѣстно, имѣютъ нѣкотораго рода религіозное уваженіе ко Святымъ Мощамъ, къ чудотворнымъ Иконамъ и къ другимъ предметамъ благочестія Христіанъ. Его преемникъ, Солиманъ II, желая избавить свой флотъ на нѣсколько лѣтъ отъ преслѣдованія Мальтійскихъ галеръ, послалъ ее въ подарокъ Ордену, у котораго она хранилась до самаго

его паденія, когда, по повелѣнію Императора Павла, она была перенесена въ С. Петербургъ (*).

Ничего нѣтъ удивительнаго, что Султанъ Махмудъ, въ свободную минуту отъ маневровъ его регулярныхъ полковъ, узнаетъ о драгоцѣнностяхъ другаго рода, хранящихся въ забвеніи въ его Сералѣ и подаритъ ихъ одному изъ Государей и любопытству всего просвѣщеннаго міра. Можетъ быть, нашей эпохѣ, свидѣтельницѣ [illegible] событій и [illegible] стремленія разоблачиться отъ Восточной таинственности, предназначено увидѣть [illegible] потерянные столько вѣковъ плоды древняго генія; можетъ быть, воскреснетъ для насъ [illegible] нибудь [illegible] Греціи [illegible] Рима, погребенный въ Стамбульскомъ Сералѣ, тамъ, гдѣ подъ [illegible] жены Султановъ.

К. Базили.

V.

ИСТОРІЯ ПРОСВѢЩЕНІЯ И ГРАЖДАНСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ.

О примѣчательныхъ мужахъ, оказавшихъ услуги Славянской Словесности.

Изъ сочиненій Іосифа Добровскаго, кои почти всѣ имѣютъ предметомъ изслѣдованія о языкѣ Славянскомъ (*), на Русскомъ недавно появилось важнѣйшее, давно обѣщанное — Institutiones linguae Slavicae dialecti veteris, 1822. Искренно желаемъ, чтобы переводъ онаго обратилъ вниманіе Русскихъ Литтераторовъ къ Отечественной Филологіи, къ сему руднику, такъ мало у насъ разработанному, но обѣщающему нашей Словесности драгоцѣнныя сокровища. Гдѣ и когда иначе почитались діалекты какого-нибудь языка въ отношеніи къ господствующему? Чѣмъ разнообразнѣе первые, тѣмъ большее многоразличіе формъ возможно для послѣдняго, тѣмъ

(*) Какъ то, кромѣ здѣсь названныхъ: Gesch. der böhm. Sprache und ältern Literatur. 1818. — Methodius u. Cyrillus, der Slawen Apostel. 1825. — Критическое изданіе Іорнанда, для Франкфуртскаго Общества Древней Нѣмецкой Исторіи. — См. Skizze des Abbé Dobrowsky. 1829. Prag.

легче совокупляетъ онъ отличительныя черты и силы каждаго, подобно рѣкѣ, расширяемой и усиливаемой своимъ теченіемъ отъ водъ, въ нее впадающихъ. Добровскій посвятилъ себя ревностному изученію языковъ Славянскихъ, предпринималъ для того путешествія (и часто пѣшкомъ), былъ въ Россіи (Петербургѣ и Москвѣ), въ Швеціи (въ Стокгольмѣ), въ Италіи, съ намѣреніемъ видѣть и сравнивать древнія рукописи, и заслужилъ по справедливости титло ученѣйшаго Славянина въ Австрійской Монархіи. Равно Миѳологія, Исторія, Древности Славянъ были предметомъ его изслѣдованій. Часть оныхъ содержится въ его «Славянинѣ,» исправленное и умноженное изданіе коего появилось въ 1834 году (Прага, in-8°). Одно содержаніе статей показываетъ, сколь достоинъ вниманія Русскихъ сей трудъ Добровскаго, впрочемъ не заключающій полноты и единства. Историческаго содержанія слѣдующія статьи: Взглядъ на Славянскіе народы (изъ Гердера); изъ Энгеля: о Кробатахъ, Иллиріянахъ, Далматахъ; изъ Шаффарика: характеръ и просвѣщеніе Славянъ вообще; замѣчанія о нѣкоторыхъ менѣе значительныхъ племенахъ Славянскаго происхожденія. — Филологическія статьи: нѣкоторыя черты сравненія Славянскаго языка съ Богемскимъ; извѣстія о Глаголической и Кирилловской типографіяхъ въ Тибингенѣ; о древнихъ Славянскихъ переводахъ Св. Писанія; нѣкоторыя грамматическія и библіографическія изысканія, и проч. — Содержаніе всѣхъ сихъ статей для насъ очень важно: ибо сообщаетъ вѣрное понятіе, основанное на фактахъ, а не поверхностные общіе взгляды, о духѣ народа, его умственной дѣятельности, и частію о различныхъ судьбахъ Славянъ, отторгнутыхъ отъ Русской митрополіи силою политическихъ обстоятельствъ, давшихъ имъ иное направленіе. Въ особенности любопытны для насъ показались извѣстія о

лицахъ, оказавшихъ заслуги для распространенія Славянской письменности. Предлагаемъ ихъ въ переводѣ съ нѣкоторыми сокращеніями. Замѣчательныя и занимательныя подробности изданія *Виндскаго* перевода Библіи тѣсно соединены съ тѣми, кои собственно касаются Біографіи помянутыхъ лицъ, а потому и не считаемъ ихъ лишними ни въ „Славянинѣ" Добровскаго, ни для Русскихъ Читателей.

Если и въ наше время хорошій переводъ большаго творенія дѣлаетъ эпоху, то сколько незабвенны для Славянъ заслуги переводчиковъ Священнаго Писанія и тѣхъ мужей, кои великодушно ихъ покровительствовали! Съ одной стороны, недоставало средствъ къ изученію Восточныхъ, или, по крайней мѣрѣ, древнихъ языковъ, съ другой, младенчество и грубость языка, на которой надлежало переводить, негибкость его въ новыхъ словосоставленіяхъ и словопроизведеніяхъ, недостаточность, можетъ быть, самыхъ звуковъ и знаковъ письменныхъ, все замедляло трудъ и, поставляло, какъ бы, непреодолимую преграду ихъ намѣренію и усилію. Прибавьте къ тому претерпѣнныя ими гоненія, опасности. Все это побѣдили ревностные трудолюбцы.

1. *Примусъ Труберъ.*

Примусъ Труберъ, изъ Крайна, родился 1508 года, въ Растищѣ (Аусребергской деревни въ 3 миляхъ отъ Лайбаха) (*), отъ честныхъ родителей, вѣроятно простаго званія. Онъ учился въ Зальцбургской Школѣ;

(*) По Краински: *Люблана*. Правописаніе, собственныхъ именъ вообще таково же здѣсь, какъ и у Добровскаго.

послѣ прибылъ въ Вѣну, живя, подобно другимъ бѣднымъ ученикамъ, подаяніемъ добрыхъ людей. Труберъ славилъ Тріестскаго Епископа Петра Бономо, какъ своего величайшаго благотворителя и добраго наставника. Епископъ принялъ его въ число своихъ пѣвчихъ и доставилъ ему приходъ въ Лагкѣ (Lagkh) при Раштахѣ. Имъ Труберъ былъ и посвященъ въ Іереи. Мѣсто Каноника въ Лайбахѣ получилъ онъ 1531 года. Протестантизмъ, возникавшій въ Германіи, возбудилъ вниманіе въ Крайнѣ, гдѣ особенно благосклонно былъ принятъ между высшими состояніями и въ городахъ. Въ Лайбахѣ Земскій Секретарь Матѳей Клобнеръ (Matthäus Khlobner, Landschreiber) открылъ въ своемъ домѣ собраніе преданныхъ сему ученію и ободрялъ ихъ противъ злоупотребленій Римской власти. Прежде Труберъ возставалъ противъ невѣжества и слѣпаго суевѣрія своего добраго народа; теперь онъ ступилъ далѣе, и не только не одобрялъ совершенія Таинства Причащенія подъ однимъ видомъ, но несправедливымъ называлъ безбрачное состояніе Священниковъ. Безъ сомнѣнія, Католическое Духовенство, по возможности, начало оказывать сопротивленіе: за то свѣтскія состоянія болѣе и болѣе получали привязанности къ новому ученію. Наконецъ, 1532 года, Труберъ столько успѣлъ, что Земскіе Чины и Совѣтъ Лайбахскій уступили ему городскую церковь при больницѣ. На проповѣди его стекалось Дворянство, граждане и городскіе жители, жадно ихъ слушавшіе. Хотя въ то время Епископъ не упускалъ дѣйствовать на Земскіе Чины и самого Правителя, побудилъ объявить Трубера изгнанникомъ; но ничего не успѣлъ привести въ исполненіе. Свѣтскія состоянія, большею частію принявшія Протестантское ученіе, не хотѣли отпустить своего Проповѣдника. Между тѣмъ Труберъ удалился изъ Лайбаха (1540), будучи перемѣщенъ въ областный приходъ.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ, онъ прибылъ въ Тріестъ Виндскимъ Проповѣдникомъ. Покровитель его Бономо умеръ въ глубокой старости. Новый Лайбахскій Епископъ (съ 1544) Урбанъ Текстоpъ воспользовался благопріятными для себя обстоятельствами (1547), послѣ пораженія Смалькальденскихъ Союзниковъ, и испросилъ отъ Императора Фердинанда повелѣніе схватить Трубера, равно Павла Виннера, Каноника и Георга Драголница, Викарія. Труберъ заблаговременно спасся самъ, но лишился своей собственности и значительнаго собранія книгъ. Онъ отправился въ Верхнюю Германію, гдѣ распространилъ и еще болѣе утвердилъ свои свѣдѣнія въ Евангелическомъ Исповѣданіи. По ходатайству Земскихъ Чиновъ, Король позволилъ ему имѣть жительство въ Крайнѣ, не проповѣдуя. Туда онъ возвратился; но новыя опасности, можетъ быть, въ слѣдствіе нарушеннаго условія, принудили его совершенно оставить свое отечество (1578). Въ Нирнбергѣ посредничество добраго друга Дитриха доставило ему мѣсто Проповѣдника въ Ротенбургѣ на Тауберѣ (здѣсь Труберъ женился), а въ 1552 г. таковое же въ Кемптенѣ.

Когда Труберъ въ своемъ отечествѣ еще на Виндскомъ языкѣ проповѣдывалъ, тогда часто возсылалъ къ Богу сердечные обѣты, да умилосердится Онъ надъ добрымъ и бѣднымъ народомъ, и откроетъ ему благодѣтельное знаніе, подобно другимъ племенамъ, говорить и писать на своемъ языкѣ, дабы на оный возможно было переложить Библію и многія другія книги Христіанскія и напечатать таковое переложеніе. Сія мысль приведена была мало по малу въ дѣйствительное исполненіе. Послику въ Кроатіи, Далмаціи и т. д. употребительный языкъ (близкій съ Виндскимъ до того, что говорящій онымъ можетъ понимать и другой въ случаѣ нужды) уже давно имѣлъ собственныя письмена и притомъ двоякаго рода, Глаголическія и Кирилловскія:

что ему казалось неневозможнымъ и Виндскія слова изображать Латинскими и Нѣмецкими буквами. Въ 1550 году онъ сдѣлалъ важный опытъ и убѣдился въ удобоисполнимости своего предпріятія.

Первое писаніе Трубера состояло въ Катихизисѣ и двойной Азбукѣ: Латинскими и Нѣмецкими буквами. Катихизисъ, заключавшій кромѣ различныхъ стиховъ, Проповѣдь на слово *Вѣра*, и прибавленіе о свойствѣ и дѣйствіяхъ Вѣры, послалъ онъ въ свое отечество, въ рукописи, на одобреніе и поправку мужамъ знающимъ. Опытъ заслужилъ похвалу и возвращенъ трудившемуся съ изъявленіемъ желанія помянутыя книги и другія полезныя, помощію печатанія привести въ извѣстность. Но Авторъ со всею доброю волею встрѣтилъ многія затрудненія. Труберъ тайно тиснулъ сіи сочиненія: что случилось въ 1550 и въ 1551 годахъ. Кромѣ Катихизиса in-8° былъ отпечатанъ другой in-16°, подъ заглавіемъ: *Catechismus v' Slovenskim Jesiku.* Все изданіе, конечно немногочисленное, разошлось, съ нѣкоторыми исключеніями, въ Крайнѣ.

Труберъ сдѣлалъ возможное. Друзья его въ отечествѣ требовали преимущественно собранія Проповѣдей на Виндскомъ языкѣ. Но чрезвычайныя трудности, сопряженныя съ тисненіемъ, и значительныя издержки принудили его на время пріостановить свои занятія. Нет. Павелъ Вергерій, прежній Епископъ Каподистрійскій, въ Венеціянской области, далъ имъ новое побужденіе, предположивъ издать на Славянскомъ языкѣ Библію. Самъ онъ, вѣроятно, не имѣлъ довольно для того ни способности, ни терпѣнія; но узнавъ о Труберѣ, назначилъ словесное совѣщаніе съ Каноникомъ Кемптенскимъ въ *Ульмѣ*. Слѣдствіе было слѣдующее: Труберъ сдѣлалъ Виндскій переводъ Евангелія отъ Матѳея; содѣйствіемъ Вергерія, Герцогъ Виртембергскій согласился принять на себя нужныя издержки. Предварительное о

томъ извѣстіе возбудило живую радость въ Крайнѣ между Протестантами; преимущественно *Іоаннъ Унгнадъ* принялъ дѣло сіе съ сердечнымъ участіемъ; желали видѣть скорѣе часть означеннаго труда; самъ Іоаннъ Брентій (Brenthius), Земскій Пробстъ, покровительствовалъ предпріятію. Моргардская Типографія въ Тибингенѣ предприняла напечатаніе; но, по причинѣ опустошительной заразы, озаботившей Вергерія, тисненіе перенесено было въ Рейтлингенъ, и дѣйствительно началось въ половинѣ Августа 1555 года. Труберу надлежало туда же переѣхать изъ Кемптена, для присмотра за корректурою. Такимъ образомъ, еще до истеченія 1555 года, появилось первое на Виндскомъ языкѣ Евангеліе. Труберъ присоединилъ къ оному толкованіе Катихизиса и Азбуку.

Ежели вѣрить Вергерію, то его самого должно считать переводчикомъ, а Трубера только помощникомъ, и не болѣе, какъ корректоромъ. Труберъ въ своемъ Нѣмецкомъ предисловіи въ первой Части Новаго Завѣта, на Виндскомъ языкѣ, другимъ образомъ поясняетъ дѣло. Вотъ его собственныя мысли, хотя сказанныя другими словами. «Когда Вергерій прибылъ въ Германію и узналъ о моемъ мѣстопребываніи, то письменно спрашивалъ меня, чувствую ли я себя въ силахъ переложить на Виндскій и Кроатскій языкъ Библію? Въ семъ предпріятіи онъ требовалъ содѣйствія трудами, всякихъ пожертвованій, и объявлялъ о пособіяхъ, обѣщанныхъ со стороны Государей и Владѣтелей. Я сперва письменно, а потомъ словесно (въ Ульмѣ), въ присутствіи нѣкоторыхъ высокоученыхъ Богослововъ, отвѣчалъ: что не въ силахъ совершить такое дѣло. Кромѣ того, что я не знаю ни по Еврейски, ни по Гречески, Виндскій языкъ по себѣ бѣденъ словами и многаго не можетъ выразить, а притомъ раздѣляется на нарѣчія, различающіяся на пространствѣ 2 или 3 миль. Что касается до Кро-

батскаго, что я по нуждѣ его понимаю, но не умѣю ни читать, ни писать на семъ языкѣ. Если же мнѣ достать двухъ Крайнскихъ или Нижне-Штейерскихъ Іереевъ, или другихъ туземныхъ Ученыхъ, хорошо понимающихъ Виндскій, Латинскій и Нѣмецкій языки, и двухъ Кробатовъ, хорошо изъясняющихся по Далматски и Боснійски, а равно и хорошо пишущихъ Кирилловскими и Кробатскими (Глагольическими) письменами, то я обѣщаю принять на себя сей трудъ. Послѣ зрѣлаго размышленія, Вергерій поручилъ мнѣ выписать помянутыхъ четырехъ Священниковъ; сіе было сдѣлано чрезъ нарочно посланнаго. Но при всѣхъ трудахъ и издержкахъ, друзья, живущіе въ тѣхъ странахъ, могли найти только двухъ: Виндскаго Священника, который, во время приготовленій къ отъѣзду, заболѣлъ и умеръ, и Кробатскаго, изъ Далматіи, разумѣвшаго по Латыни и по Италіянски. Сей послѣдній прибылъ и привезъ цѣлую Кробатскую Библію рукописную, которую, по его словамъ, онъ началъ въ 1547 передагать съ Вулгаты Кробатскими письменами и окончилъ въ 1554. Вергерій и я весьма обрадовались такому явленію, и думали уже имѣть навѣрное вполнѣ Кробатскую Библію (*). Но когда хотѣли приступить къ сравненію сей письменной Библіи съ новыми переводами и запастись Кробатскими печатными литерами, тогда Кробатъ привелъ насъ въ немалое замѣшательство, объявя, что онъ прибылъ не на долго, но что узнавши о нашемъ намѣреніи и великихъ издержкахъ, требуемыхъ для переложенія Библіи на Кробатскій языкъ, онъ собственнымъ трудомъ убѣждалъ въ существованіи такого перевода, избавляющаго отъ издержекъ и хлопотъ, увѣряя притомъ, что ему извѣстно мѣсто и средства напечатать его

(*) Объ отношеніи сего перевода Св. Писанія къ сдѣланному Кирилломъ и Меѳодіемъ будетъ сказано въ послѣдствіи.

Библію, не употребляя ни своего, ни нашего иждивенія. Не смотри на представленіе опасностей и препятствій кои онъ могъ встрѣтить при печатаніи, ни на обѣщанія Вергерія исходатайствовать ему отъ Христіанскаго Государя пожизненно 100 гульд., все осталось напраснымъ. Кробатъ возвратился въ Далматію, пробывши у насъ едва 4 сутокъ. Между тѣмъ, по приказанію Вергерія, я уже перевелъ Евангеліе отъ Матѳея: согласно его желанію, я его отдѣльно отдалъ въ печать, съ приложеніемъ катихизическаго толкованія и прежней Азбуки. Вергерій желалъ видѣть продолженіе трудовъ моихъ. Но я остановился до тѣхъ поръ, пока услышу сужденіе знающихъ въ тѣхъ странахъ людей, объ опытѣ надъ Матѳеевымъ Евангеліемъ. Послѣднее оказалось для меня благопріятно. Тогда съ новою ревностію принялся я за дѣло, старался лучше выправить и напечатанный переводъ. Все Евангеліе и Дѣянія Апостольскія кончены были осенью 1556 года.» — Ясно, что Труберъ воздаетъ Вергерію всю справедливость. Заслуги послѣдняго состоятъ въ слѣдующемъ: онъ побудилъ къ возобновленію сего предпріятія и привлекъ къ оному участіе Герцога Христофа и Пробста Іоанна Бренца. Такимъ образомъ печатаніе встрѣтило не препятствіе, но поощреніе. По его примѣру, знаменитѣйшіе люди въ Крайнѣ, Стейермаркѣ и Кернтенѣ приняли сіе дѣло съ большимъ уваженіемъ, и Баронъ Унгнадъ сильнѣйшее оказалъ содѣйствіе. Наконецъ, во время своихъ путешествій, онъ могъ обратить на то вниманіе Императора Максимиліана и другихъ славныхъ особъ. Словомъ, Труберъ безъ Вергерія могъ совершить въ семъ дѣлѣ немногое; Вергерій безъ Трубера — вовсе ничего. Въ 1556 и 1557 годахъ Вергерій отсутствовалъ, но это нимало не остановило Виндскаго перевода. Къ осени 1557 года первая Часть Новаго Завѣта была отпечатана; вторая, оканчивающаяся Посланіемъ къ Римлянамъ, вышла 1560

года, in-4° (*). Черезъ годъ появились оба Посланія къ Коринеянамъ и къ Галатамъ. Неизвѣстно, были ли къ тому другія прибавленія. Въ 1561 г. Труберъ напечаталъ реестръ и оглавленіе всѣхъ Виндскихъ книгъ, до сего года имъ изданныхъ, и долженствующихъ быть изданными на Кробатскомъ языкѣ двоякими письменами: Глаголическими и Кирилловскими. Сія тетрадка изъ 5 листовъ была всенароднымъ объявленіемъ великаго предпріятія. Труберъ теперь уже не былъ Священникомъ въ Кемптенѣ. Частыя его путешествія дѣлали для него невозможнымъ исправленіе сей должности; но и безъ того въ началѣ 1561 года онъ вызванъ былъ въ Крайнъ Непремѣннымъ Проповѣдникомъ. Въ Мартѣ онъ оставилъ, съ своимъ семействомъ и хозяйствомъ, Кемптенъ, но отправился не въ Крайнъ, а въ Урахъ, оттуда въ Тибингенъ и чрезъ 14 дней опять въ Урахъ. Этотъ человѣкъ былъ необходимъ для изданія иностранныхъ книгъ. Дабы имѣть возможность заниматься симъ дѣломъ, онъ получилъ отъ Герцога приходъ въ Урахѣ. Такимъ образомъ довольно странно, въ одно время, бывши Священникомъ въ Урахѣ, числился Проповѣдникомъ въ Крайнѣ. Краинцы наконецъ хотѣли имѣть своего Проповѣдника, а Типографія не могла обойтися безъ главнаго начальника. Собственно съ Августа мѣсяца 1560 велъ онъ счеты съ Унгнадомъ. Пріобрѣтенное имъ до сего времени не зависѣло отъ тепершнихъ его занятій; въ добровольныхъ приношеніяхъ изъ Крайна давалъ онъ особенный отчетъ Діаконамъ и служителямъ Краинской церкви въ Лайбахѣ. Оттуда между тѣмъ отправленъ былъ нарочный для приглашенія Трубера вступить въ дѣйствительную должность: послѣ чего не воспрещалось ему снова отбыть на нѣкоторое

(*) Обстоятельное описаніе сего изданія смотри у Шнуррера. Dobr. Slawin, стр. 202.

время для печатанія книгъ. Труберъ, какъ видно изъ писанія выборныхъ (Verordnete) Краинской области, отъ 17 Іюля 1564 г., къ нимъ прибылъ и открылъ свое поприще Нѣмецкими и Виндскими проповѣдями. Но вскорѣ опять возвратился, и взялъ съ собою двухъ Ускоковъ (*), Греческихъ Іереевъ для переложенія Новаго Завѣта на Кирилловскія письмена. Съ сими двумя Ускоками, двумя вѣстниками и молодымъ человѣкомъ, назначеннымъ для типографіи, на 4-хъ коняхъ и ослѣ, нагруженномъ Ускокскими книгами, и съ молодымъ Туркою, въ такомъ странномъ караванѣ, пріѣхалъ онъ въ 20-ть дней изъ Лайбаха чрезъ Тироль въ Урахъ. Одинъ изъ двухъ Греческихъ служниковъ былъ горькій пьяница (видно изъ счета, что въ Кемптенѣ въ 2 сутокъ онъ опорожнилъ 20 мѣръ вина; а въ Мемингенѣ за разъ 11 мѣръ пива). Онъ назывался Mathes Poponichy, уроженецъ Сервійскій; другой Maleschewaz — изъ Босніи. Въ Урахѣ они получали содержаніе отъ Унгнада и имѣли особенный столъ, ибо не ѣли мяса, а рыбу. Послѣ 20-недѣльнаго пребыванія они возвратились въ Крайнъ. Ихъ сопровождалъ Георгій Цвецичъ. Сей перевелъ на Кроватское нарѣчіе Посланія Св. Павла, и рукопись сію взявъ для показанія своимъ соотчичамъ, прибылъ обратно въ Урахъ 1 Сент. 1562 года. Другой сотрудникъ въ переводѣ, сравненіи и поправкѣ, Іерей *Георгій Юричичъ*, прибылъ лѣтомъ 1562; съ Іюля 1562 до 1563 года ему выдали 100 гульд., вмѣстѣ съ путевыми издержками. Самъ Труберъ всю зиму оставался въ Урахскомъ приходѣ. Краинцы настоятельно требовали, чтобы онъ пріѣхалъ къ нимъ послѣ Пасхи, и переселеніе его съ семействомъ послѣдовало въ началѣ лѣта 1562 г. Здѣсь Труберъ жилъ Проповѣдникомъ, не оставляя и

(*) Они жили въ Австрійской Далматіи, при р. Кулпѣ (по Лат. Collapis).

Урахской обязанности. Дѣятельное сношеніе происходило между обоими мѣстами.

Столь обширное Заведеніе долженствовало очевидно стоить значительныхъ издержекъ. Баронъ Унгнадъ, имѣвшій его въ полномъ управленіи, наблюдалъ относительно себя величайшую справедливость и не только велъ обстоятельный счетъ, но ежегодно подвергалъ его на разсмотрѣніе Академическому Совѣту въ Тибингенѣ.

Король Максимиліанъ вскорѣ (1561) далъ 400 гульденовъ. Виртембергскій Герцогъ Христофъ, кромѣ другихъ выгодъ, опредѣлилъ ежегодно по 300 гульденовъ. Унгнадъ, осенью 1561, отправилъ своего шталмейстера къ Протестантскимъ Государямъ, дабы каждому изъ нихъ вручить по экземпляру уже напечатанныхъ книгъ съ письмомъ о предложеніи Христіанскаго сбора. Онъ сдѣланъ былъ въ Касселѣ, Веймарѣ, Бернбургѣ, Дессау, Дрезденѣ, Берлинѣ, Кистренѣ, Стетинѣ, Прусскомъ Кёнигсбергѣ. Филиппъ, Ландграфъ Гессенскій, далъ 200 тал. (о прочихъ см. Шнуррера). Книги не имѣли почти никакого расхода, и это очень естественно: книги обыкновенно разбираются людьми, которые могутъ читать и хотятъ читать; читатели въ Кроатіи, Сербіи, Босніи и т. д. были весьма немногочисленны. Хотя книгъ не раскупали, но Заведеніе долженствовало распространиться; на Италіянскомъ языкѣ предполагали печатать огромнѣйшія творенія, всю Библію, въ большемъ количествѣ, для распространенія просвѣщенія въ странахъ по восточному берегу Адріатическаго Моря, даже въ Италіи. Таковымъ предположеніемъ относительно Италіи Герцогъ Христофъ былъ недоволенъ. Равно и Труберъ въ 1562 г. совѣтовалъ пріостановиться трудами и выжидать лучшаго успѣха. Его мнѣніе о способности двухъ главныхъ Кроатскихъ переводчиковъ, Антонѣ Далматѣ и Стефанѣ Консулѣ, въ особенности о Стефанѣ, упало съ тѣхъ поръ, какъ онъ, поселившись

опять въ Лайбахъ, услышалъ отъ знающихъ людей, что Кроатское изданіе заключало иногда невразумительныя слова и выраженія. Онъ едва вовсе не отказался отъ сихъ занятій. Но старый Унгнадъ принималъ въ нихъ сердечное участіе; онъ хотѣлъ остановиться не на половинѣ дѣла, и издать все Священное Писаніе для Виндовъ и Кробатовъ. Трудились уже около года, и переводъ по частямъ былъ почти оконченъ въ самой странѣ. Дѣлали, какъ могли, при совершенномъ незнаніи языковъ оригинала. Пророкъ Исаія переведенъ по Кробатски Глаголическими буквами нѣкоторымъ Далматомъ Леонгардомъ Мерхеричемъ, нѣсколько времени учившимся въ Высшей Тибингенской Школѣ. Переводчикъ получилъ въ вознагражденіе три гульд. Но изданіе всего Св. Писанія не появлялось. Унгнадъ умеръ, поручивъ печатаніе Кроатскихъ книгъ, какъ лучшее сокровище, своей супругѣ, скорая кончина которой естественно остановила дѣйствіе Урахской Типографіи.

Труберъ, въ началѣ лѣта 1562 года, снова пріѣхалъ въ Лайбахъ. Тамошнему Духовенству непріятно было прибытіе мужа неустрашимаго и предпріимчиваго. По внушенію Епископа, Фердинандъ, 30 Іюня, въ замкѣ Подипрадѣ, далъ строгое повелѣніе Земскому Гауптманну Намѣстнику и Вице-Канонику въ Крайнѣ, Трубера и его товарищей (Hans Sherer, Cobilla Juri, Juri Mutschigkh, Caspar Pogkauntz въ Краинбургѣ, N. Stradiot и Mathes Khlobner), яко соблазнителей, раскольниковъ, обманщиковъ, самозванцевъ, Духовному начальству не покорныхъ, мнимыхъ Проповѣдниковъ, схватить и предать суду. Вмѣстѣ и Земскимъ чиновникамъ приказано было лишить ихъ покровительства, а городу Лайбаху воспретить имъ проповѣдь и выслать вонъ. Но область осмѣлилась принять съ ревностію сихъ людей и въ оправдательномъ письмѣ къ Императору представить, что обвиняемые проповѣдаютъ и совершаютъ Таинства

въ духѣ Аугсбургскихъ Правилъ. Труберъ проповѣдывалъ безпрепятственно не только въ Лайбахѣ, но и въ области. Въ Ноябрѣ вышло Императорское повелѣніе къ Земскимъ начальникамъ, представить Трубера Епископу, дабы онъ отдалъ ему отчетъ о своей вѣрѣ и ученіи. Послѣднее было исполнено. Труберъ отправилъ письма и договоры къ Унгнаду съ просьбою доставить ихъ Герцогу Виртембергскому. Содержаніе оныхъ легко себѣ представить. Область такъ отозвалась предъ Императоромъ о своемъ Проповѣдникѣ, что и Его Величество, услышавши Трубера, остался бы довольнымъ умѣренностію проповѣдей и ученія, а равно и его образомъ жизни."

Въ 1563 году, Труберъ узналъ въ Виртенбергѣ, что Земскому Гауптманну предписано схватить его; но Земскій Намѣстникъ далъ ему совѣтъ отвѣчать, въ случаѣ востребованія, что онъ Коммиссаровъ и Выборныхъ ему запрещено итти въ замокъ; тамъ будутъ умѣть защищать его. Труберъ дѣйствительно остался неприкосновеннымъ; вскорѣ сдѣлалъ путешествіе въ Герцъ и тамъ всенародно проповѣдывалъ. Но въ 1564 году, Эрцгерцогъ Карлъ принялъ правленіе въ Крайнѣ, Стейермаркѣ, Кернтенѣ, Герцѣ и проч. Онъ думалъ иначе, нежели Максимиліанъ, и питалъ сильную приверженность къ Римской Церкви. Протестантовъ тѣмъ болѣе тѣснили, что Правитель находился неподалеку, стоя лагеремъ въ Грецѣ. Труберъ ввелъ церковный кругъ (1564), напечатанный на Виндскомъ языкѣ, и подалъ чрезъ то мнимый предлогъ къ обвиненію себя въ непокорности. Нововведеніе его уничтожено, а Трубера, подъ строгимъ приказаніемъ, запрещено далѣе терпѣть въ предѣлахъ страны. И теперь народныя состоянія ревностно за него вступились; они отправили значительное посольство къ Эрцгерцогу, которое могло испросить ему не болѣе, какъ 2-хъ-мѣсячный срокъ. По

истеченіи онаго, Труберу надлежало удалиться; онъ получилъ однако отъ области на будущее время 200 тал. и убѣдительное одобреніе къ Христофу Виртембергскому. Труберъ и самъ старался сохранить себя въ его памяти, и слѣдовательно съ увѣренностію ожидалъ хорошаго пріема въ Виртембергѣ. Онъ былъ назначенъ Священникомъ въ Лауфенѣ при Неккарѣ; здѣсь окончилъ предисловіе къ напечатанной въ Тибингенѣ Виндской Псалтири (въ Генварѣ 1566). Въ Лауфенѣ Труберъ оставался менѣе года. Для содѣйствія къ изданію Виндскихъ книгъ; онъ былъ перемѣщенъ въ Дерендингенскій приходъ, близъ Тибингена, на мѣсто Вильг. Голдера. Въ 1567 году, Труберъ предпринялъ путешествіе въ Лайбахъ: Крайнская область покушалась снова упросить Карла о возвращеніи изгнаннаго Проповѣдника. Неожиданное его прибытіе могло навлечь на область подозрѣніе въ призваніи его къ прежней должности, вопреки повелѣнію Эрцгерцога. Для спокойствія Крайна Труберъ обратно уѣхалъ и съ тѣхъ поръ никогда не видалъ любезнаго отечества, хотя до конца жизни пользовался годовымъ содержаніемъ, которое употреблялъ большею частію на бѣдныхъ, преимущественно на гонимыхъ за вѣру. Случаи къ тому встрѣчались весьма часто. Его сострадательность, гостепріимство и безкорыстіе весьма много похваляются. Онъ умеръ спокойно 28 Іюня 1586 года послѣ краткой болѣзни. Еще 26-го онъ оканчивалъ Виндскій переводъ Лютерова Домашняго Молитвенника, диктуя своему писцу съ болѣзненнаго одра послѣдніе періоды. Въ день смерти, имъ пересмотрѣны были долги и прощены всѣмъ бѣднымъ, съ которыхъ могли взыскать его наслѣдники. При столь многихъ превратностяхъ и трудахъ, Труберъ достигъ до 78-лѣтняго возраста. Письмо къ Выборнымъ въ Крайнѣ, отъ 1586 г., было имъ собственноручно подписано слѣдующимъ образомъ:

Primus Truber, gewesener ordentlich berufen-präsentirt- und konfirmirter Thumherr zu Laibach, Pfarrer zu Lax bei Ratschach, zu Tyfer, und Sanct Bartholomä Feld, Caplan bei Sanct-Maximilian zu Cilly, Windischer Prediger zu Triest, und nach des ersten Verfolgung Prediger zu Rottenburg an der Tauber, Pfarrer zu Kempten und Aurach, nachmals Prediger der ehrsamen löblichen Landschaft in Krain und in der Grafschaft Hörz zu Rubia, und nach der andern Verfolgung Pfarrer zu Laufen; und jetzund zu Derendingen bei Tübingen.

Труберъ оставилъ двухъ сыновей. Старшій, Примусъ, рожденный въ Роттенбургѣ при Тауберѣ, былъ Проповѣдникомъ въ сосѣдственной деревнѣ Килхбергѣ. Младшій, Фелиціанъ, рожденный въ Кемптенѣ, былъ (1580 г.) Нѣмецкимъ Проповѣдникомъ въ областной церкви въ Лайбахѣ, потомъ Пасторомъ въ Гринтенѣ, въ Виртембергѣ. Ксилографическое изображеніе Трубера (73 лѣтъ), очень посредственное, находится при Виндскомъ Новомъ Завѣтѣ (Тибингенъ, 1578 г., in-8°).

2. *Стефанъ Консулъ.*

Стефанъ Консулъ изъ Пингвента, въ Гостеррейхѣ. Сей Священникъ за Протестантизмъ принужденъ былъ оставить отечество, и въ Германіи искать пропитанія уроками и проповѣдью. Его одобрило начинаніе Трубера: идти по пути проложенному и стремиться къ достиженію дальнѣйшей цѣли. Онъ сдѣлалъ опытъ; Краинскій его переводъ переложилъ на Кробатскій, болѣе распространившійся. Лѣтомъ 1559, съ рукописью своею онъ отправился по собственному побужденію не посылаемый Труберомъ въ Метлингъ, что въ Виндскомъ Маркѣ, и предложилъ его многимъ знающимъ людямъ,

кои разсуждая, что подобный переводъ Божественнаго Слова будетъ вразумителенъ и полезенъ во всей Далматіи, вдоль Адріатическаго Моря, равно Кробатамъ, Боснякамъ, Сирфамъ, даже до Константинополя; что его легко передать по Кирилловски и чрезъ то далеко распространить. Предположеніе исполнялось мало по малу, преимущественно при сильномъ содѣйствіи Барона Унгнада. Сей, въ Апрѣлѣ 1560 года, послалъ Консула, имѣвшаго въ Регенбургѣ жену, дѣтей и хозяйство, въ Ниренбергъ, дабы, по его указанію, приготовлены были Кробатскія, т. е. Глаголическія литеры; пунсонщикомъ былъ — Іоаннъ Гарвахъ; словолитчикомъ — Симонъ Ауеръ. Уже обнаруживалось великое усердіе къ этому дѣлу. Такъ напр. провинція Австрійская дала 106 фл., Еинская 100, отъ разныхъ лицъ поступило 11 флориновъ. По изготовленіи письменъ, сдѣлали опытъ писненія. Отпечатанные экземпляры, числомъ не болѣе 200, тотчасъ послали изъ Ниренберга въ Лайбахъ, Вѣну и др. мѣста, дабы знающіе люди сообщили свои сужденія и замѣчанія для поправки. 20 Августа, изъ Ниренберга передалъ Консулъ свое писаніе Барону Унгнаду, который послалъ его въ Тибингенъ въ Моргардскую Типографію. Консулъ получилъ въ годичное жалованье 170 фл. и свободное жительство.

3. *Антонъ Далмата.*

Антонъ Далмата, или какъ онъ однажды подписался: *Antonius ab Alexandro Dalmata*, также Священникъ, былъ вызванъ Кробатскимъ переводчикомъ; 8 Февраля 1561 г. онъ оставилъ Лайбахъ въ сопровожденіи тамошняго Биргера, и чрезъ Кемптенъ, гдѣ онъ нѣсколько времени оставался у Трубера, прибылъ въ Урахъ къ Б. Унгнаду. Ему сперва назначено было жить въ Тибин-

вин; гдѣ Консулъ завелъ Кробайскую книгопечатню. Какъ одинокій человѣкъ, онъ получилъ содержаніе на Берцеенскій счетъ. Годичное его жалованье простиралось до 30 флор. Эптонъ Антонъ былъ тихій, спокойный и терпѣливый человѣкъ.

Равно учреждено было Заведеніе и для Кирилловскихъ печатныхъ литеръ. Мастера, кои приготовили Кробатцскія, были вызваны въ Урахъ съ своими инструментами; здѣсь лѣтомъ того же года Кирилловскія литеры, по указанію Духовныхъ особъ Стефана и Антона, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, были кончены. Сими литерами тиснули сперва такъ называемые пробные листки для разсылки. Такъ основалась собственная Типографія въ Урахѣ.

Оба сіи переводчика цѣлый (1565) годъ оставались въ Урахѣ. Уже въ Мартѣ (1566) просили они въ Штутгардѣ Герцога Христофа объ отпускѣ, и съ Герцогскимъ свидѣтельствомъ отправились въ Регенсбургъ — и далѣе.

4. *Іоаннъ Унгнадъ,*

покровитель печатанія книгъ Кроатскихъ Глагольтическими и Кирилловскими буквами.

Іоаннъ Унгнадъ, Баронъ Соннегскій, старшій сынъ Унгнада, Императорскаго Каммермейстера, въ 1462 г. отъ Императора Фридриха получилъ въ лену крѣпость Сониегъ въ Іаунтапѣ, въ Кернтенѣ, съ принадлежностями. Проведши свою юность при Дворѣ Императора Максимиліана I, онъ вскорѣ отличился въ рыцарствѣ, и сдѣлался извѣстнымъ. Какъ начальникъ Стейерскій, онъ сражался противъ Турокъ, 1532 г., съ успѣхомъ при Линцѣ, менѣе счастливо въ Венгріи, 1537. Въ 1540 г. Императоръ Фердинандъ поставилъ его военнымъ на-

тальникомъ въ Нижне-Австрійскихъ, Виндискихъ и Кробатскихъ округовъ; въ походѣ противъ Турокъ 1542 г. былъ онъ предводителемъ 1000 рейтаровъ. Отъ первой жены своей, Графини ф. Турнъ, имѣлъ онъ 10 сыновей и 4 дочери. Распространившееся Протестантское ученіе нашло въ немъ, какъ и во многихъ другихъ владѣльцахъ, рѣшительнаго, упорнаго приверженца. Между прочимъ имъ также подписана просьба Нижне-Австрійскихъ чиновъ къ Императору Фердинанду (Прага, 9 Дек. 1541) о безпрепятственномъ распространеніи Евангелическаго ученія. Лишившись права свободнаго исповѣданія [illegible]наго; онъ отправился въ Курфиршество Саксонію (1554). Тамъ познакомился съ молодою Графинею Барби, которая, послѣ торжественнаго обрученія въ Графскомъ замкѣ Барби, 1 Іюля 1555, сдѣлалась его второю женою и такъ нѣжно любила своего престарѣлаго супруга, что отъ глубокой горести не долго жила послѣ его смерти. Государственныя состоянія не только не могли получить отъ Фердинанда право на свободное отправленіе Вѣры, но имъ предложено было (1557) или остаться при Вѣрѣ Государя, или продать свое имущество, и выѣхать изъ Государства. Въ слѣдствіе сего, Унгнадъ рѣшился сложить съ себя всѣ почетныя должности и оставить отечество. Онъ выбралъ своимъ мѣстопребываніемъ Виртембергъ, гдѣ Герцогъ въ мѣстечкѣ Урахъ предоставилъ ему жилищемъ Минкгофъ, прежнюю обитель Св. Альманда. Тамъ онъ пользовался безпрепятственно доходами съ своей собственности, и столь мало терпѣлъ недостатка, что легко могъ содержать при себѣ своего секретаря, шталмейстера, и вообще собственный малый Дворъ. На изданіе Виндскихъ и Кробатскихъ книгъ сдѣлалъ онъ въ послѣдніе годы значительныя издержки изъ своего имущества.

Унгнадъ, въ Сентябрѣ 1564 г., предпринялъ небольшое путешествіе въ Винтерницъ, въ Богемію, для

посѣщенія сестры, овдовѣвшей Графини Шликъ. Вѣроятно, онъ принялъ въ соображеніе и происшедшую перемѣну въ правленіи, ибо Фердинандъ I умеръ, а на престолъ вступилъ сынъ его, Максимиліанъ. Баронъ, благополучно пріѣхавъ въ Винтерницъ, хотѣлъ тамъ дожидаться, пока Максимиліанъ прибудетъ въ Прагу, и лично ему представиться; но о Рождествѣ занемогъ простудою, скоро прекратившею жизнь его. Онъ умеръ 27 Декабря 1564 года, съ Христіанскимъ смиреніемъ. Не заботясь о прочихъ земныхъ дѣлахъ, думалъ на болѣзненномъ одрѣ о своей типографіи Кробатскихъ и Кирилловскихъ книгъ; ихъ поручилъ попеченію супруги, говоря, что «это его сокровище.» Тѣло Унгнада отвезено было въ Виртембергъ, какъ онъ именно и убѣдительно завѣщалъ, и торжественно погребено въ Тибингенѣ при монастырской церкви. Оставленная супруга возвращалась въ Виртембергъ; намѣревалась жить вдовою въ Кернтенѣ, и умерла на пути въ Вилу, 16 Ноября 1565 г., на 51 году жизни.

Профессоръ Демидовскаго Лицея

А. Зиновьевъ.

VI.

НОВОСТИ И СМѢСЬ.

1.

НОВЫЯ КНИГИ, ИЗДАННЫЯ ВЪ РОССІИ.

Стихотворенія В. Жуковскаго, Часть I, II, III, IV и VII. С. Петербургъ, 1835 года.

Книгопродавецъ Смирдинъ пріобрѣлъ отъ Автора право напечатать вновь не только всѣ его творенія, помѣщенныя въ собраніи 1824 года, коего теперь уже почти всѣ экземпляры разошлись; но и новыя произведенія знаменитаго Поэта, разсѣянныя въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ. Все изданіе будетъ состоять изъ семи большихъ томовъ; теперь напечатаны пять. Первые четыре тома заключаютъ въ себѣ стихотворенія, седьмый прозу.

Извѣщая публику о семъ пріятномъ явленіи въ нашей Литературѣ, мы считаемъ излишнимъ входить въ подробный разборъ твореній В. А. Жуковскаго, и намѣрены ограничиться здѣсь только общимъ взглядомъ на оныя. Красоты ихъ уже торжественно оцѣнены не журналами, но цѣлою образованною Россіею: ибо кто изъ соотечественниковъ нашихъ, вкусившихъ уже сколько нибудь отъ плода Изящныхъ Искусствъ, не знаетъ

или не зналъ наизусть многихъ стихотвореній Жуковскаго? Жизнь, ихъ одушевляющая, сдѣлалась частію нашего нравственнаго существованія. То, что геній чистой красоты внушаетъ людямъ божественнаго и отраднаго, перешло къ нашему сердцу изъ его устъ — въ плѣнительныхъ, дотолѣ не слыханныхъ звукахъ роднаго слова. Мы не боимся упрека въ преувеличеніи, когда скажемъ, что онъ свелъ на землю Русскую съ неба эту чистую, важную Музу, коей уста разверзаются только для пѣсней про свое небо и про все, что человѣкъ предчувствуетъ небеснаго. Не удивительно, что вліяніе Жуковскаго на современное поколѣніе гораздо глубже и обширнѣе, чѣмъ вліяніе всякаго другаго изъ нашихъ Поэтовъ, исключая развѣ Крылова: его Поэзія не есть Поэзія страстей, коихъ языкъ понятенъ не каждому сердцу и не каждому возрасту; она столь возвышенна и столь безпорочна, что должна соединять всѣ партіи, согласить всѣ требованія, и именемъ человѣческаго достоинства исторгнуть уваженіе даже у тѣхъ, кои подозрительнымъ окомъ смотрятъ на всякій порывъ духа, возвышающій насъ надъ обыкновеннымъ, прозаическимъ порядкомъ жизни.

Критика наша, однакожь, кажется, судила доселѣ односторонно о Жуковскомъ: она болѣе удивлялась ему какъ Живописцу, нежели какъ Поэту, въ обширномъ значеніи сего слова. Взглянемъ на него съ этой стороны.— Зиждительная сила духа въ области Искусства обнаруживается двумя актами: есть творенія, въ коихъ она развиваетъ первоначальныя идеи, сжимаетъ въ тѣсное пространство стихіи жизни великой, богатой, кои должны одушевлять и питать многія поколѣнія; есть другія творенія — необходимыя послѣдствія первыхъ,— гдѣ сіи первоначальныя идеи исчерпываются во всей ихъ глубинѣ, разлагаются, дробятся, гдѣ каждая сторона ихъ отдѣлывается въ возможной полнотѣ и

определительности, прилагается къ различнымъ требованіямъ вѣка и мѣста. Пусть людей, представляющихъ человѣчеству произведенія перваго рода, называютъ Геніями по преимуществу, творцами, путеводителями вѣка и основателями Школъ: отдавая полную справедливость симъ помазанникамъ Природы, мы не должны ставить на одну степень съ подражателями тѣхъ Художниковъ, кои, овладѣвъ идеями этихъ сильныхъ мужей, проникнувъ таинственный и глубокій смыслъ раскрытой ими жизни, передаютъ ее намъ съ новою физіономіею, въ новыхъ формахъ, или дѣлаютъ ее достояніемъ болѣе общимъ. Если первыхъ можно счесть основателями области, то другихъ мы должны признать учредителями въ ней порядка. Одни назначаютъ ея пространство и границы, другіе населяютъ оную и обогащаютъ. Надобна великая сила духа, чтобы достигнуть сей области, а еще большая, чтобы получить въ ней право гражданства съ полномочіемъ располагать ея богатствами и быть органомъ ея законовъ.

Жуковскій изъ своихъ предшественниковъ только въ одномъ нашелъ истинно самобытнаго Поэта, который внесъ въ Русскую Словесность свои идеи и свой способъ ихъ живописать. Это былъ Державинъ. Но Державинъ не могъ удовлетворить всѣмъ потребностямъ высшей жизни, которая быстро, со времени Великой Екатерины, пробудилась въ Россіи; надлежало уважить священныя нужды новаго поколѣнія и дать ему пищу по желанію его сердца. Французская Классическая Школа еще сильная въ теоріи, на дѣлѣ уже начинала возбуждать скуку безпрерывнымъ своимъ состязаніемъ съ жизнію: она не могла удовлетворить возникавшимъ новымъ стремленіямъ. Подъ великолѣпной одеждой сей прославленной богини, одеждой, сшитой съ величайшимъ стараніемъ по самой строгой мѣркѣ, предугадывали холодный, безжизненный мраморъ, скелетъ, зарытый въ мертвыхъ

изящнаго Древняго Міра. Надлежало, вмѣсто ее, признать Природу — и Жуковскій призналъ ее. Конечно лучше было бы искать этой Природы подъ Русскимъ небомъ, въ стихіяхъ Русской жизни; но время для этого еще не пришло. Еще не существовало безсмертнаго творенія Карамзина, которое обратило насъ къ самопознанію, заставило изучать положительно и основательно все Русское, которое пробудило въ насъ и національную гордость и національныя надежды. И такъ не удивительно, что Жуковскій обратился къ общей человѣческой природѣ, очищенной, возвышенной до идеальнаго достоинства: эту природу нашелъ онъ въ твореніяхъ Нѣмецкихъ Поэтовъ, особенно въ твореніяхъ Шиллера. Идеи, внесенныя имъ въ нашу Литературу, были совершенно новы. Тутъ не было насильственныхъ восторговъ, общихъ мѣстъ изъ исторіи сердца, порождаемыхъ искусственнымъ настроеніемъ духа по извѣстнымъ, принятымъ въ Литературѣ, формамъ: тутъ была жизнь, истина; тутъ былъ человѣкъ съ его страстями, съ его таинственною судьбою и съ его возвышенными упованіями. Жуковскій первый преломилъ у насъ жезлъ литературнаго авторитета, освященнаго громкими именами Греціи и Рима; онъ показалъ, что вездѣ, гдѣ человѣкъ, тамъ и источникъ Поэзіи, гдѣ талантъ, тамъ и Искусство. Нѣтъ нужды, что Пѣвецъ во станѣ Русскихъ воиновъ взошелъ на эту высоту идей по стезямъ другихъ: намъ необходимо было новое направленіе, не Греческое, не Французское, направленіе строго человѣческое, чтобы наша Поэзія послѣ сдѣлалась *нашею* — и это направленіе дано имъ. Отсюда легко уже было сдѣлать поворотъ къ народности: ибо легче сдѣлаться Русскимъ изъ человѣка, чѣмъ изъ Француза. Въ первыхъ произведеніяхъ Жуковскаго, можетъ быть, никто не предугадывалъ зародыша самобытной Русской Словесности: между тѣмъ этотъ великій шагъ былъ дѣйстви-

тельно сдѣлать. Самъ Авторъ обнаружилъ дѣйствительность этого послѣдствія. Бюргерова Ленора сдѣлалась у него Русскою Людмилою, и Русскою не по одному имени; мысль о многозначительности народныхъ преданій и повѣрій выразилась въ Русской Свѣтланѣ.

Вотъ заслуги Жуковскаго въ отношеніи къ идеалу. Форма естественно должна была также измѣниться, получить подъ перомъ его новые сгибы, черты, но черты красокъ живыхъ, а не румянъ. Что болѣе всего поражаетъ насъ въ картинахъ Жуковскаго? вѣрность, съ какою передаетъ онъ нѣжнѣйшіе оттѣнки Природы, — сила, истина этихъ разительныхъ, неожиданныхъ изображеній, въ коихъ каждое движеніе есть или улыбка, или вздохъ, или шорохъ листьевъ, или порывъ бури. Это не бездушные списки со списковъ, это не гробы повапленные: это жизнь въ ея богатой, разнообразной игрѣ, въ ея праздничной одеждѣ. Въ душныхъ стѣнахъ города вы видите передъ собой Природу; вотъ она:

Ужъ солнце за горою;
И стелется вечерня тѣнь
Прозрачной пеленою;
Ужъ сумракъ... смерклось... вотъ луна
Блеснула изъ-за тучи;
Легла на горы тишина;
Утихъ и лѣсъ дремучій;
Рѣка сравнялась въ берегахъ;
Зажглись свѣтила ночи;
И сонъ глубокій на поляхъ;
И близокъ часъ полночи!...

Или:

... Ужъ и послѣдній день
Край неба озлащаетъ;
Сквозь темную дубравы сѣнь
Блистанье проникаетъ;

Все тихо, весело, свѣтло!
  Все нѣгой сладкой дышетъ!
Рѣка прозрачна, какъ стекло;
  Едва, едва колышетъ
Листами легкій вѣтерокъ;
  Въ поляхъ благоуханье;
Къ цвѣтку прилипнувъ мотылекъ
  И пьетъ его дыханье.

Вотъ ужасные, глубокіе стоны преступленія. Громобой говоритъ съ дочерями своими:

О дѣти! дѣти! гаснетъ день?
  — Нѣтъ! утро; лишь проснулась
Заря на холмѣ; черна тѣнь
  По долу протянулась;
И нивы пусты... въ высотѣ
  Лишь жаворонокъ вьется! —
Увы! заутра въ красотѣ
  Опять сей день проснется!
Но мы... ужь скрылись отъ земли!
  Уже насъ гробъ снѣдаетъ!
И мѣсто, гдѣ поднесь цвѣли,
  Насъ болѣ не признаетъ.
Несчастныя! дерзну ль на васъ
  Изречь благословенье?
И въ самой вѣчности для насъ
  Погибло примиренье!
Но не сопутствуйте отцу
  Съ проклятіемъ въ могилу!
Молитесь! воззовемъ къ Творцу:
  «Разгнѣванный! помилуй!»
И дѣвы, страшныхъ сихъ рѣчей
  Не всю объемля силу,
Съ невинной ясностью очей
  Воскликнули: «помилуй!»

Разумѣется, что другой на мѣстѣ Жуковскаго, съ меньшимъ талантомъ, изобразилъ бы эту жизнь тускло, не обозначилъ бы ея разительныхъ оттѣнковъ. Жуковскій—великій Живописецъ независимо отъ того, что онъ великій Поэтъ въ душѣ. — Другія принадлежности его картинъ, кромѣ свѣжести красокъ и естественности, суть дѣвственная чистота, грація, удивительная тонкость эстетическаго чувства, которое, сохраняя вѣрность Природы, вездѣ однакоже разумѣетъ Природу въ лучшемъ, идеальномъ ея значеніи. И въ этомъ-то отношеніи особенно Жуковскій открылъ намъ новыя, не виданныя дотолѣ богатства Отечественнаго языка. Онъ не такъ плѣнителенъ гармоніей стиха (хотя стихъ его чрезвычайно разнообразенъ и звученъ), какъ Батюшковъ; не такъ быстръ, пронзителенъ, своенравно гибокъ, какъ Пушкинъ; но онъ удивительно богатъ всегда точными, чистыми, разительными оборотами въ самомъ глубокомъ и утонченномъ анализѣ Природы. Мы не должны забыть того, что онъ первый умѣлъ на семъ поприщѣ воспользоваться средствами нашего языка; первый умѣлъ вынудить у него самые нѣжные, самые разнообразные звуки и краски для изображенія такихъ оттѣнковъ жизни, которые подъ перомъ всякаго другаго въ его время исчезли бы, или слились въ тусклыя, общія, безцвѣтныя выраженія.

Жуковскій, въ прозѣ, занимаетъ у насъ столь же высокое мѣсто, какъ и въ Поэзіи. Не многія критическія статьи его могутъ быть образцами ясности взгляда, чистоты вкуса, благородства и безпристрастія въ приговорѣ. Вездѣ видѣнъ человѣкъ, проникнутый чувствомъ своего высокаго призванія—призванія преклонять сердца людей ко внушеніямъ истины и красоты. Сколько добра могла бы принести нашей юной Литературѣ критика, излагаемая въ такомъ духѣ! Это дѣйствительно была бы школа вкуса, важнѣе всѣхъ литературныхъ теорій?

— Проза Жуковскаго проникнута тѣмъ же духомъ, какъ и его Поэзія; вездѣ стремленіе къ безконечному, къ чистѣйшей идеальной красотѣ; вездѣ мысль столь свѣтла, столь очищена отъ всего мелкаго, столь, если позволено будетъ такъ выразиться, плѣнительна своею голубиною близною, что читая его, исполняешься невольно отраднаго вѣрованія въ лучшій жребій и во все благое на землѣ. Мысль эта облеченнѣй и въ одежды ей достойныя. Прозаическій слогъ Жуковскаго дышетъ тою же свѣжестію красотъ, тою же истинною въ каждомъ изгибѣ выраженія, тѣмъ же искусствомъ отмѣчать каждую мысль свойственными ей чертами, не тѣмняя ихъ, и наконецъ тѣмъ же утонченнымъ чувствомъ эстетическаго приличія, какъ и его поэтическія изображенія. Прочтите, если хотите убѣдиться въ этомъ, изображеніе Рафаэлевой Мадонны, путешествіе по Саксонской Швейцаріи, отрывки писемъ изъ Швейцаріи. Но мы не можемъ не раздѣлить здѣсь съ Читателями наслажденія, которое испытали, читая и перечитывая нѣсколько разъ: *Взглядъ на землю съ неба*; всмотрѣвшись этотъ взглядъ съ сердцемъ, чувствуешь, что и небо доступно землѣ. Вотъ изображеніе великаго назначенія человѣчества:

«Есть свѣтлая сторона. Мы ее не знаемъ, но вѣримъ, что она есть. И сія вѣра подобна дѣйствію начинающагося утра на затворенныя очи спящаго юноши, когда еще играютъ надъ нимъ сновидѣнія ночи.

«Въ сей сторонѣ обитаютъ первенцы любви Божіей. Ихъ бытіе для насъ непостижимо. Они блаженствуютъ въ созерцаніи яснаго для нихъ Создателя.

«Однажды, посреди великолѣпнаго созданія, одинъ изъ сихъ обитателей свѣта стоялъ, преклоня взоры, въ задумчивомъ размышленіи.

«Что съ тобою, братъ мой? спросилъ ближайшій къ нему товарищъ блаженства. На лицѣ твоемъ что-то не здѣшнее. Какое видѣніе наполняетъ и какъ будто тревожитъ твою душу?

«Братъ мой!» — отвѣчалъ вопрошенный — «я на мгновеніе отвратилъ глаза мои отъ окружающаго насъ свѣта; я погрузился во глубину бездны, и чувство, никогда не испытанное, наполнило душу мою. Доселѣ она знала одну спокойную радость — теперь она растрогана; доселѣ я только обожалъ Создателя — теперь мое чистое обожаніе обратилось въ благодарность, соединенную съ сладкимъ уныніемъ.

«Отклоня вниманіе отъ окружающаго насъ лучезарнаго океана, я взглянулъ на одну изъ капель, брызжущихъ отъ безчисленныхъ волнъ его. И что же! Каждая изъ сихъ капель есть бездна свѣтилъ и каждое изъ сихъ свѣтилъ, едва примѣтныхъ моему взору, окружено милліонами другихъ, кружащихся около него легкою, свѣтлою пылью и въ порядкѣ повинующихся ему, какъ владыкѣ.

«Я устремилъ вниманіе на одну изъ сихъ свѣтлыхъ пылинокъ, и что же опять увидѣлъ? Она, какъ и всѣ другія, даетъ жизнь своему особенному міру; пылинки, несравненно мельчайшія и уже не свѣтлыя, а только озаренныя, около нея движутся въ удивительномъ устройствѣ; я видѣлъ, какъ однѣ изъ нихъ раждались и были въ минуту рожденія совершенно темныя, какъ другія мало по малу свѣтлѣли, какъ нѣкоторыя, обратившись въ свѣтлыя, пріобщались къ другимъ, подобно имъ сіяющимъ, и какъ около нихъ начиналось новое рожденіе.

«На одной изъ сихъ темныхъ, только что родившихся пылинокъ остановился взоръ мой. Не много прошло мгновеній, и уже она нѣсколько тысячь разъ обратилась кругомъ своего свѣтила, кругомъ той луче-

зарной пылинки, которая исчезаетъ въ вихрѣ свѣтлаго праха, окружающаго каждую изъ тѣхъ болѣе лучезарныхъ пылинокъ, кои безчисленно блещутъ въ замѣченной мною каплѣ.

«И что же произошло въ сіи столь быстрыя мгновенія? Сначала, повинуясь движенію, влекущему ее около владычествующаго ею блистательнаго средоточія, сія бѣдная пылинка была сама по себѣ мрачною и какъ будто мертвою. Вдругъ началось на ней движеніе; поверхность ея нѣсколько разъ измѣнилась; наконецъ все пришло въ порядокъ; движеніе утихло; она получила нѣкоторый постоянный образъ, и нѣсколько времени поверхность ея была какъ будто пустынною, и все, что на ней происходило казалось свойственнымъ *минеральному* бытію пылинки. . . Но вдругъ нѣчто таинственное тамъ совершилось: съ высоты моей, съ сладостнымъ участіемъ брата, почувствовалъ я, что тамъ на пылинкѣ, ничтожной, началась жизнь, подобная моей жизни; и что посреди ея ничтожества тихо раздалось то Имя, которое здѣсь столь громозвучно поражаетъ насъ среди нашего величія, раздалось и было услышано! И я увидѣлъ живыя творенія, увидѣлъ, какъ онѣ начались, какъ размножались, какъ исчезали, уступая мѣсто одни другимъ, какъ наконецъ овладѣли всею поверхностію своего непримѣтнаго міра, и какъ все на поверхности его снова преобразилось.

«Но сіи живыя творенія сначала казались мнѣ окруженными какимъ-то мракомъ, мнѣ самому непонятнымъ. И вдругъ увидѣлъ я лучь, сверкнувшій надъ поверхностію ихъ пылинки. И лучь сей показался мнѣ свѣтозарнѣе всей окружающей меня бездны свѣта.

«О милый братъ! что же пылинка сія, темная, исчезающая въ одной изъ сіяющихъ капель того свѣтозарнаго океана, который передъ нами волнуется, которaго пламенныя волны громомъ своимъ сливаются въ

поклоненіе Вседержителю? И что мгновенные обитатели этой пылинки?

«Но они живутъ, и живутъ чудесною жизнію! И въ бренной своей жизни они имѣютъ еще и то, чего мы въ величіи своемъ не имѣемъ. Наша участь есть безмятежное блаженство; а имъ — имъ дано страданіе! При семъ словѣ благоговѣйный трепетъ наполняетъ душу мою. Страданіе — для нихъ оно непостижимо, а я съ высоты моей постигаю всю божественную его тайну. Страданіе, творецъ великаго — оно знакомитъ ихъ съ тѣмъ, чего мы никогда въ безмятежномъ блаженствѣ нашемъ не узнаемъ; съ таинственнымъ вдохновеніемъ Вѣры, съ утѣхою Надежды, съ сладостнымъ умиленіемъ Любви.

«Мы, обитатели свѣта, мы въ своей безмятежной вѣчности не вѣдаемъ тѣхъ волненій, той борьбы, того стремленія къ лучшему, которыя наполняютъ минутную жизнь ихъ во прахѣ. Что для насъ *есть*, что для насъ *всегда было*, — то еще для нихъ *будетъ*: о томъ усладительно говоритъ имъ Надежда! Создатель поселилъ насъ вблизи Своего непроницаемаго святилища и мы Его знаемъ — для нихъ же Онъ скрылъ Себя въ таинственномъ мракѣ смиреннаго бытія ихъ: заключенные въ тѣсныхъ предѣлахъ своего ничтожнаго міра, они не постигаютъ и еще не могутъ постигать Его всеобъемлющаго Промысла; но они Его чувствуютъ, они къ Нему стремятся сквозь тысячи преградъ, отдѣляющихъ отъ Него ихъ душу, и они нѣкогда найдутъ Его и также постигнутъ, какъ мы Его постигаемъ. Ихъ Вѣра есть побѣда, одерживаемая душею и возвышающая душу. Здѣсь, блаженствуя любовію къ Создателю, мы не властны не любить Его, столь близкаго къ намъ, столь совершенно намъ понятнаго. А ихъ любовь, во прахѣ, въ ничтожествѣ, въ страданіи — какое чудесное преобразованіе даруетъ она бытію ихъ въ этомъ прахѣ!

нимъ украшаетъ она для нихъ и самый прахъ, гдѣ все среди измѣненія и истлѣнія все говоритъ имъ о Промыслѣ вѣчномъ.

И что же? . . . Съ симъ таинствомъ Страданія, образующаго душу, соединяется другое столь же великое таинство Смерти, которая всему, что окружаетъ ихъ въ тѣсныхъ предѣлахъ обитаемой ими пылинки, даетъ и цѣну и прелесть. Смерть, страшилище непостижимое, ужасомъ утраты привязываетъ ихъ къ бытію мгновенному. Содрогаясь передъ нею, они любятъ сильнѣе, какъ будто къ сокровищу, ни чѣмъ не замѣнимому, привязываются къ бѣдному своему праху, и тѣмъ охотнѣе принимаютъ уроки испытующаго ихъ Страданія.

Но въ минуту разлуки съ жизнію, они узнаютъ и тайну Смерти: она является имъ, уже не страшилищемъ, губителемъ настоящаго и будущаго, а нѣжнымъ воспоминаніемъ минувшаго, которое съ ними вмѣстѣ излетаетъ изъ праха, вѣчный товарищъ новыя жизни.

«Вотъ что, мой братъ, погрузило меня въ унылое размышленіе, столь изумившее тебя посреди окружающаго насъ блаженства. Нѣсколько мгновеній я прожилъ иною жизнію. Минутный обитатель праха, я испыталъ все, что тамъ называется жизнію: понялъ въ Страданіи сладость Надежды, спокойствіе Вѣры, веселіе Любви, понялъ знаменованіе Смерти . . . . и насладился тѣмъ, чего нѣтъ въ безмятежномъ нашемъ величіи.

«И теперь, какое новое зрѣлище предо мною! И такъ всѣ яркія капли сего лучезарнаго океана суть бездны міровъ оживленныхъ! И такъ сіи трепещущія въ каждой каплѣ пылинки суть храмы Вседержителя, равно великолѣпныя съ нашимъ небомъ! И такъ каждая пылинка кипитъ живыми созданіями, которыя всѣ наши братья!»

«Онъ умолкнулъ. . . . онъ поднялъ глаза . . . . передъ нимъ явилось опять *все* Мірозданіе, необъятный

опять сердце, коего волны быстро летятъ къ гармоническимъ [illegible] своимъ славамъ Вседержителя.»

Ал. Н—нко.

Стихотворенія В. Бенедиктова. С. Петербургъ, 1835 г., in-8°., 106 стр.

Уже нѣсколько лѣтъ геній Поэзіи, какъ бы истощенный прекрасными произведеніями нашихъ извѣстнѣйшихъ Писателей, дремалъ у насъ въ какомъ-то бездѣйствіи, являя признаки новой жизни только въ слабыхъ передѣлкахъ народныхъ преданій и повѣстей, или въ глухихъ отзывахъ чувствъ неясныхъ, неопредѣленныхъ, не развитыхъ. Вдругъ неожиданно онъ пробудился, и на свѣтлѣющемъ небосклонѣ нашей Поэзіи блеснуло нѣсколько ясныхъ надеждъ и показалась заря прекраснаго солнца. Эту зарю мы привѣтствуемъ въ стихотвореніяхъ Г. Бенедиктова, явившихся въ эпоху самую благопріятную, когда вниманіе публики совершенно свободно, не приковано ни къ какой знаменитости, не связано никакимъ литературнымъ пристрастіемъ. Думаютъ, что такое время есть самое благопріятное для начинающихъ Поэтовъ. Публика радушно принимаетъ тогда всякаго, кто хотя нѣсколько можетъ польстить надеждою на сочувствіе съ нею, на мысль близкую къ ея мыслямъ; однакожь должно замѣтить, что въ эти же эпохи легко бываетъ привлечь вниманіе, но трудно удержать его за собою. Г. Бенедиктовъ изумилъ насъ новыми, звучными, прекрасными и глубокими своими пѣснопѣніями; но уже прошло довольно времени съ появленія ихъ, прошелъ первый порывъ восторга, и настаютъ минуты, долженствующія рѣшить, дѣйствительно ли заслужилъ Поэтъ это участіе, этотъ восторгъ, и удержитъ ли

онъ имъ за собою. Для этого разсмотримъ его произведенія и постараемся дать въ нихъ искренній отчетъ.

Книжка, съ коей мы желаемъ ознакомить нашихъ Читателей, если они еще съ нею не знакомы, содержитъ въ себѣ 48 лирическихъ стихотвореній, которыя при первомъ на нихъ взглядѣ увлекаютъ своею красотою; но хорошіе стихи насъ не удивляютъ: мы привыкли къ нимъ, слухъ нашъ изнѣженъ, утонченъ и не прельщается гармоніею, если не открываетъ подъ нею мысли. Мысль есть главное условіе всякаго созданія: она опредѣляетъ образъ и форму, она вдыхаетъ жизнь въ творенія всякаго Художника и отъ силы ея зависитъ долговѣчность его произведеній. Мысль сильная и крѣпкая, какъ Минерва, выходитъ изъ головы творца своего во всеоружіи и смѣло проходитъ чрезъ ряды годовъ и столѣтій; мысль слабая не переживаетъ и десятилѣтія. И хотя иногда прекрасныя формы вводятъ ее во святилище высокихъ созданій человѣка, но тамъ скоро исчезаютъ суетныя украшенія и обнаруживается жалкая нагота ея: тогда извергается она, какъ тать, прокравшійся подъ чужою одеждою.

И такъ, что же принесъ намъ новый Поэтъ, столь радушно привѣтствованный Публикою? Мысль крѣпкую и свѣтлую, какъ сталь, которая выковывается иногда въ самыя нѣжныя, граціозныя формы, но всегда сохраняетъ свою силу и твердость. Эта мысль съ особенною любовію стремится къ двумъ прекраснымъ и благороднымъ цѣлямъ: Природѣ и нравственному добру. Онѣ-то одушевляютъ нашего Поэта и внушаютъ ему смѣлыя, высокія, торжественныя пѣсни. Вотъ два направленія, замѣченныя нами въ новомъ Поэтѣ! Но эти два въ сущности составляютъ одно: ибо Природа не раскрываетъ девственныхъ тайнъ своихъ предъ взоромъ нечистымъ, и Поэтъ, наиболѣе сблизившійся съ

нею и уразумѣвшій ее, непремѣнно долженъ быть чистъ и дѣвственъ въ душѣ и въ своихъ помыслахъ.

Посмотримъ же, какимъ образомъ Г. Бенедиктовъ идетъ по пути, имъ избранному. Онъ живописуетъ предъ нами великолѣпныя, дивныя картины Природы; онъ взводитъ насъ на утесы и горы, указываетъ на бурное море, на небо, разрываемое молніями, на клокочущій волканъ — и въ то же время обращаетъ взоры наши на тихія красы спокойнаго озера, на яркія звѣзды, на голубую высь, и на извивистый ручеекъ. Онъ живописецъ, видописецъ неподражаемый! Но самая изящная копія съ великой картины будетъ казаться мертвою, если Художникъ не пойметъ *души* копируемаго имъ изображенія и не вдохнетъ ея въ свое произведеніе. Мы можемъ указать у насъ на многія превосходныя описанія, но не во многихъ найдемъ *душу* Природы — то живительное начало, которое, скрываясь во внѣшнихъ формахъ, проникаетъ ихъ своимъ свѣтомъ, говоритъ въ каждомъ листкѣ, въ каждомъ пригоркѣ, ручейкѣ и вѣчно остается безмолвнымъ. Этой-то тайной души мы ищемъ въ Поэзіи и находимъ ее въ стихотвореніяхъ Г. Бенедиктова. Поэтъ живописуетъ картину Природы внѣшней, вдыхаетъ въ нее ту дивную гармонію, тотъ таинственный смыслъ, ту высшую связь, которая, существуя отъ вѣка, всегда поражала душу, всегда раждала въ ней мечты высокія, направляла ее къ горнему полету и составляла единственный, чистый источникъ прямой и истинной Поэзіи.

Это соотношеніе природы внѣшней съ природою духовною, это тайное ихъ сочувствіе иногда выражено Поэтомъ въ глубокихъ многозначительныхъ намекахъ — какъ въ *Полярной Звѣздѣ*, *Кометѣ*, *Вулканѣ*, *Ерикѣ* и проч. Иногда они открываются въ тонкихъ, тѣсныхъ сближеніяхъ и сравненіяхъ; таковы — *Буря и тишь*, *Пѣснь соловья*, *Природа*, *Цвѣтокъ*; иногда открываются

подъ прелестнымъ, игривымъ иносказаніемъ, какъ въ піесахъ: *Жалобы дня, Смерть розы, Роза и дѣва;* иногда же самъ Поэтъ молчитъ, и рисуя предъ взорами читателя картину Природы, сильно и значительно говоритъ таинственнымъ языкомъ ея. Здѣсь-то онъ особенно является истиннымъ Поэтомъ! Его *Утесъ, Орленокъ, Облака* въ этомъ отношеніи превосходны, особенно первый: вы видите утесъ; ни одно слово не напоминаетъ вамъ о Поэтѣ, онъ не открылъ вамъ ни одной мечты; не сказалъ ни одной мысли, которыя волновали его при взглядѣ на дикаго красавца Природы; но въ душѣ вашей родилось какое-то гордое, могучее чувство, чело просвѣтлѣло, взоръ открылся — вы свободно озираетесь вокругъ, вы видите исполина завернутаго во мглу, вы видите, какъ онъ поникъ въ думахъ коснатою главою. Но о чемъ думаетъ онъ, этого Поэтъ не сказалъ вамъ, не сказалъ потому, что душа его кипитъ истинною Поэзіею; потому, что смертный не можетъ передать языкъ высокихъ думъ; но и вы поникли главою и вы въ раздумьи, какъ будто Природа провѣщала вамъ таинственнымъ своимъ гласомъ, вы какъ будто проникли въ ея нѣдра — это истинная Поэзія, это мысль глубокая въ стихахъ, мысль сильная, крѣпкая; она не умретъ скоро!

Съ такою чистою и пламенною любовію къ Природѣ безмолвствующей, могъ ли Поэтъ забыть живой, мыслящій ея органъ — *человѣка?* И ему онъ посвятилъ свои прекрасныя вдохновенія; но взглядъ его мраченъ и торжественъ. Онъ жаждетъ той же божественной гармоніи въ мірѣ нравственномъ, какую видитъ въ Природѣ внѣшней; но встрѣчая зло, болитъ о немъ и вооружается противъ него всею силою души, всѣмъ оружіемъ слова; тогда какъ все нравственно-прекрасное блеститъ у него роскошными цвѣтами Поэзіи. Это направленіе видно почти въ каждой піесѣ; онъ высказы-

ваетъ его прямо, или примѣняетъ къ обстоятельствамъ и положеніямъ собственной жизни, или, наконецъ, представляетъ его въ картинѣ, въ дѣйствіи, какъ на пр. въ піесѣ *Смерть въ Мессинѣ;* но особенною полнотою оно выразилось въ піесѣ *Моенла.* Поэтъ не ищетъ поразить васъ буйною картиною страстей, и чрезъ то устрашить душу, смирить ее — какъ Пушкинъ; онъ не разсуждаетъ, не укоряетъ — какъ Державинъ, не груститъ — какъ Жуковскій, но открыто идетъ на встрѣчу пороку, грозитъ ему молніями истины, громами Поэзіи и вызываетъ его на тяжкій бой:

Я въ мірѣ боецъ; да, я биться хочу —
Смотрите: я бросилъ ужь лиру:
Я мечь захватилъ, и открыто лечу
На встрѣчу нечистому міру!

«*Богъ да поможетъ ему*» въ этой прекрасной благородной борьбѣ; ему благодарны будутъ соотечественники. Среди бури страстей, коими оглашается жизнь и Поэзія, среди созданій, безпрестанно погружающихъ насъ въ мрачное раздумье о противоположностяхъ человѣка, о дисгармоніи его внутренней жизни съ условіями и требованіями міра и съ кипѣніемъ страстей, этотъ голосъ отраденъ и утѣшителенъ: онъ не раздражаетъ ранъ общества, но вливаетъ въ нихъ чистый, цѣлительный бальзамъ — и здѣсь-то мы видимъ современность Поэта, откликъ мысли вѣка; здѣсь мы видимъ, что Поэтъ не равнодушенъ къ событіямъ жизни настоящей; что и ему не чужды стоны, раздающіеся вокругъ него — и это вниманіе къ *намъ* упрочитъ его популярность; истинный Поэтъ всегда таковъ: онъ возводитъ частное къ общему и отъ послѣдняго нисходитъ къ первому; смотритъ на жизнь, какова она есть, и въ магическомъ стеклѣ Поэзіи пред-

ставляетъ, какою она должна быть. То и другое мы видимъ въ нашемъ Поэтѣ.

Но и Поэтъ живетъ въ мірѣ, и ему приходится приносить дань тѣми стихотвореніями, которыя внушаются ему обстоятельствами и отношеніями жизни, и въ коихъ онъ высказываетъ свои особныя чувствованія. Такія піесы у Г. Бенедиктова исполнены также истинныхъ красотъ, и здѣсь у него вездѣ Природа, вездѣ нравственное добро. Оно видно въ немъ среди порывовъ чувствъ, среди самого разгула страстей и фантазіи. Если тѣ піесы, въ коихъ онъ изображаетъ Природу вообще, какъ внѣшнюю и нравственную, внушаютъ намъ уваженіе къ нему, какъ къ Поэту, то здѣсь мы любимъ въ немъ человѣка, которому знакомы всѣ наши мечты и желанія, который все это глубоко перечувствовалъ въ груди своей и пропѣлъ намъ въ звучной пѣсни. Многіе изъ этихъ піесъ эротическаго содержанія, отличаются глубиною и свѣжестію чувствъ, нѣжностію образовъ и пріятностію выраженія. *Два видѣнія*, *Черныя очи*, *Незабвенная*, *Къ Н—му*. — Изъ піесъ на разные случаи, замѣтимъ въ особенности *Къ М — ру*, гдѣ такъ много чувства, жизни, истинной поэтической грусти, и гдѣ встрѣчаемъ то же чистое, нравственное стремленіе и въ добавокъ святую надежду на благое Провидѣніе! Но мы бы погрѣшили противъ Поэта, сказавъ, что всѣ его піесы безъ исключенія прекрасны; нѣтъ, мы встрѣтили нѣсколько такихъ, коихъ не желали бы видѣть въ этой книгѣ, хотя и на нихъ видна печать Художника. Мы не указываемъ на эти піесы: ихъ отмѣтитъ вкусъ образованнаго читателя. Онѣ, не говоря ничего уму и чувству, суть плоды случая, и ничего болѣе не показываютъ, какъ нѣкоторое невниманіе Автора, не оцѣнившаго ихъ собственнымъ своимъ вкусомъ, который никогда бы не обманулъ его. Но у кого, даже изъ знаменитѣйшихъ Писателей

не встрѣчаются произведенія ниже посредственности!

Мы не сказали еще ничего о наружной формѣ, въ коей является мысль Поэта. Г. Бенедиктовъ — Лирикъ по преимуществу, и мы думаемъ, что эта самая близкая, самая естественная форма для его фантазіи. У него мысль сильна, пламенна, восторжена, почерпнута во глубинѣ собственной души, а не извлечена изъ міра внѣшняго, не родилась отъ наблюденія надъ нимъ, отъ изученія его, а потому мы видимъ въ немъ чисто лирическое направленіе. Языкъ его силенъ, звученъ и отличается какою-то твердостію и сжатостію, признакомъ силы мысли. У него рѣдко встрѣтите лишній стихъ, ненужное выраженіе; онъ рѣдко ставитъ слова для риѳмы, и читая его произведенія, вы не встрѣтите ни жесткости, ни неровности, стихъ полонъ и кругелъ, онъ льется величаво, какъ волна морская. Порою, когда предметъ того требуетъ, эта величавость слова облекается въ самыя нѣжныя, легкія, граціозныя формы; но въ нихъ нѣтъ изнѣженности, притворности: Поэтъ и въ нихъ умѣетъ сохранить свой сильный характеръ, свою мужественную красоту. Мы позволимъ себѣ одно только замѣчаніе: въ иныхъ піесахъ слогъ Г. Бенедиктова слишкомъ ярокъ, слишкомъ цвѣтистъ, пестрота мѣшаетъ силѣ чувства, сосредоточенности; одно изъ главныхъ трудностей стихотворнаго механизма состоитъ въ воздержаніи отъ излишняго блеска. У нашего Поэта вы встрѣтите много новыхъ, большею частію прекрасныхъ словъ, много новыхъ оборотовъ. Сила и оригинальность мысли потребовали новыхъ формъ, и эти формы совершенно соотвѣтствуютъ сущности; онѣ останутся въ языкѣ и получатъ въ немъ право гражданства, ибо запечатлѣны печатію таланта. Повторимъ здѣсь замѣчаніе, сдѣланное однимъ изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ Критиковъ: «Поэтъ не всегда

кстати употребляетъ уменьшительныя и употребляетъ ихъ слишкомъ часто.» Мы уже замѣтили особенный талантъ его въ поэтической изобразительности; здѣсь Г. Бенедиктовъ истинно неподражаемъ: каждый стихъ — картина, каждое слово прибавляетъ или новое изображеніе, или налагаетъ новый свѣтъ на предметы. Въ этомъ отношеніи его можно сравнить съ извѣстнымъ нашимъ Писателемъ Г-мъ Марлинскимъ: тотъ и другой впадаютъ въ [illegible]; но, по крайней мѣрѣ, мы замѣчаемъ это въ Г. Бенедиктовѣ весьма рѣдко.

По непреложному закону всего существующаго на землѣ, Поэтъ можетъ развиваться, укрѣпляться въ мысли и словѣ, мужать, собирать новыя силы, но по тому же самому закону онъ можетъ слабѣть, истощаться, и, къ несчастію, послѣдній случай мы часто видимъ въ нашихъ юныхъ талантахъ. Но кто не пожелаетъ Г. Бенедиктову дальнѣйшаго развитія? Съ его талантомъ онъ можетъ и долженъ итти впередъ тѣмъ болѣе, что онъ только что вступилъ въ лѣто жизни; онъ долженъ смотрѣть за каждымъ своимъ шагомъ, изучать Искусство, изощрять внутреннее свое око и внимательно прислушиваться къ каждому звуку, извлекаемому изъ души его силою вдохновенія, подвергать строгому разбору ума и вкуса то, что вылилось въ минуты тревоги душевной. Благонамѣренная критика должна радушно подать руку помощи Поэту въ тяжкомъ трудѣ усовершенствованія. Мы увѣрены, что сила таланта спасетъ Г. Бенедиктова отъ бездѣйствія, отъ нерадѣнія къ самому себѣ. Мы благодаримъ его за то, что онъ далъ намъ — и ждемъ новыхъ приношеній на жертвенникъ Отечественной Поэзіи.

Я. Неверовъ.

2.

НОВЫЯ ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ.

1) *Нѣмецкая Литература въ 1835 году.*

Ученая Литература Германіи отличается двоякимъ характеромъ: успѣхами такъ называемой Исторической Школы, и болѣе и болѣе обнаруживающеюся наклонностію къ религіозному духу.

Науки Политическія замѣтнымъ образомъ удаляются отъ прежней *философской* методы, отстраняютъ отъ себя отвлеченности и занимаются только добросовѣстнымъ изученіемъ фактовъ, такъ что всѣ эти Науки приводятся къ одной Исторіи, и если угодно, къ Исторіи Естественной. Ибо міръ нравственный имѣетъ свои необходимые законы и факты подобно міру физическому, и Наука не можетъ созидать эти законы и факты, точно такъ же, какъ не можетъ сотворить тяжесть или сѣмя для растенія. Она должна ограничиться только отыскиваніемъ ихъ, устанавливаніемъ, описываніемъ и наблюденіемъ за *естественною* ихъ послѣдовательностію. Отсюда новое прозваніе Школы Исторической, Натуральной или Генетической (Genetische Schule). Какъ природа физическая представляетъ предметъ и матеріалы для Наукъ Естественныхъ: равно и Исторія, составляющая, такъ сказать, природу міра нравственнаго, проявляющагося во времени, дѣлается истиннымъ основаніемъ Наукъ Политическихъ. Не Философія уже производитъ Исторію, но Исторія Философію.

Что касается Философіи собственно такъ называемой, она избрала предѣломъ пути своего Христіанство. Отъ того съ нѣкотораго времени въ Германіи является множество сочиненій о Вѣрѣ и Наукѣ, о Философіи въ отношеніяхъ ея къ Религіи. Это направленіе современной Философіи не сомнительно, по словамъ одного Нѣмецкаго Критика. Всякой Философъ, даже не Христіанинъ, не можетъ уже избавиться отъ опредѣленія положенія своего относительно Христіанства: ибо въ семъ заключается главнѣйшій вопросъ, занимающій теперь всѣ умы. Всѣ въ Германіи убѣждены въ важности Христіанской Религіи. Но они разнорѣчатъ между собою въ другихъ отношеніяхъ. Истинно-Христіанскіе Философы утверждаютъ, что все существующее, не исключая и законовъ нравственныхъ, коихъ святость и превосходство признаемъ мы, существуетъ только чрезъ Христа-Спасителя. Ихъ ученіе распространяется теперь въ Германіи, особенно же въ приложеніи ея къ Наукамъ Политическимъ, какъ видно будетъ изъ сочиненій ниже означенныхъ. Мы сдѣлаемъ обзоръ замѣчательнѣйшимъ книгамъ, изданнымъ въ послѣднее время, и преимущественно относящимся къ Исторической и Христіанской Школѣ. Одна она заключаетъ въ себѣ основаніе истиннаго успѣха; одна она, по всей вѣроятности, на самомъ дѣлѣ установитъ столь желаемое согласіе между Религіею и Философіею, не соединяя ихъ въ одно, но подчиняя Науку Вѣрѣ: условіе необходимое при всякомъ поступательномъ движеніи за предѣлы ума человѣческаго.

Философія.

Мёлеръ (Möhler), Католическій Писатель, недавно издавшій религіозно-философскую книгу, подъ названіемъ *Символики*, вытерпѣлъ сильныя нападенія отъ Бауера—

Протестантизма и Раціонализма. Эти мнѣнія представлены сокращенно Гюнтеромъ въ одномъ весьма уважаемомъ сочиненіи, появившемся прошлаго года подъ названіемъ *Der letzte Symboliker* (Послѣдняя Символика). Тотъ же Авторъ издавалъ прошлаго года, вмѣстѣ съ Пабстомъ, *Janus Köpfe* (Головы Януса), родъ религіознаго и философскаго журнала — произведеніе превосходное!

Die Hegelische Religions-Philosophie verglichen mit der Christlichen (Гегелева Философія, въ сравненіи съ Философіею Христіанскою), Эшенмайера — сочиненіе весьма хорошее, совершенно обнаруживающее противо-Христіанское направленіе системы Гегеля, не смотря на его старанія прикрыть свою мысль темнымъ зданіемъ его собственной Логики.

Метафизика Фишера, *Метафизическая Система Вейсса* и *Исторія Новѣйшей Философіи отъ Бакона до Лейбница*, соч. Фейербаха, были приняты вообще съ похвалою. Сочинители этихъ книгъ принадлежатъ къ Школѣ Гегеля; но по видимому стараются удалиться отъ нея и сдѣлаться истинными Христіанами. Послѣднее произведеніе заслуживаетъ особенное вниманіе.

Физіологія І. Миллера отличается богатствомъ фактовъ и новыхъ наблюденій; ей не достаетъ только болѣе обширнаго взгляда на цѣлое и, можетъ быть, Христіанскаго вѣрованія, болѣе твердаго.

Стеффенсъ въ послѣднее время ничего не издалъ, кромѣ своей *Религіозной Исповѣди*, въ пользу Христіанства (Religiöses Glaubens-Bekenntniss).

Четвертый томъ знаменитаго произведенія Виндишманна: *Die Philosophie im Fortgange der Weltgeschichte* (Философія въ прогрессивномъ ходѣ Исторіи), явился въ прошломъ 1835 году. Въ этомъ томѣ гово-

рится о Философіи Востока. Укажемъ также на другое произведеніе того же Автора, изданное пять или шесть лѣтъ тому назадъ: *Was der Heilkunde Noth thut* (Чего не достаетъ Медицинѣ). Виндишманнъ собралъ подъ этимъ названіемъ глубокомысленныя замѣчанія о матеріализмѣ нынѣшней Медицины.

Прекрасная *Исторія души*, соч. Шуберта, вышла въ третьемъ изданіи. Не смотря на форму, мало приспособленную къ преподаванію, это нынѣ лучшая Психологія въ Германіи. Вѣра и Наука поочередно раскрываютъ въ ней таинства нашего психическаго бытія.

Гоффманъ, Профессоръ Философіи въ Вирцбургѣ и ученикъ Баадера, издалъ въ нынѣшнемъ году двѣ брошюры, представляющія вкратцѣ нѣкоторыя идеи его учителя о существѣ Божіемъ. Онѣ носятъ названія, нѣсколько дерзкія: одна — *Der immanente Lebensprozess Gottes*, другая: *Speculative Entwickelung der ewigen Selbsterzeugung Gottes.* Баадеръ есть одинъ изъ основательнѣйшихъ Германскихъ мыслителей, что доказываютъ послѣднія его сочиненія; онъ противится нынѣшней Философіи, чуждой истинно религіознаго духа; но идеи его отзываются нѣсколько Философіею Іакова Бёма, котораго онъ пламенный почитатель. Размышленія, собственно принадлежащія Баадеру— чисто Христіанскія; но тѣ, которыя заимствуетъ онъ у Бёма, клонятся къ пантеизму.

Молиторъ въ скоромъ времени издастъ третій томъ своей *Философіи Преданія*. Это ученое произведеніе съ каждымъ днемъ получаетъ новую славу между приверженцами истинной Философіи и просвѣщенными умами, понимающими высокое историческое значеніе Еврейскаго народа. Третій томъ заключаетъ въ себѣ историческую и философическую критику Еврейской Кабалистики.

Докторъ Пассавентъ, пользующійся извѣстностію по своимъ сочиненіямъ о животномъ магнетизмѣ, написалъ небольшое Разсужденіе *О нравственной свободѣ человѣка.* Это сочиненіе богато свѣтлыми взглядами и представляетъ весьма удовлетворительныя философскія рѣшенія вопросовъ о паденіи Ангеловъ, о первородномъ грѣхѣ, и пр. Оно произвело значительное впечатлѣніе въ публикѣ.

Между періодическими обозрѣніями, посвященными Философіи, укажемъ на два слѣдующіе прекрасные журнала: *Tübinger Quartalschrift* (Тибингенскій трехмѣсячный журналъ), и *Лѣтописи Христіанской Философіи и Богословія*, издаваемыя Шпанденмайеромъ, Куномъ и Лохерeромъ уже въ продолженіе трехъ лѣтъ, и являющіяся также черезъ каждые три мѣсяца.

Науки Историческія и Политическія.

Число произведеній по части Исторіи съ нѣкотораго времени значительно увеличилось. *Исторія Салическихъ Императоровъ*, соч. Штенцеля (Geschichte der Salischen Kaiser), служащая дополненіемъ знаменитой исторіи Гогенштауфеновъ, Раумера, занимаетъ первое мѣсто. *Исторія Германцевъ со времени Реформаціи* (Geschichte der Teutschen seit der Reformation), соч. Менцеля, пользуется большимъ уваженіемъ. Послѣдній томъ (ихъ всего шесть) вышелъ въ прошломъ 1835 году. Вѣрный критическій взглядъ, котораго безпристрастіе такъ трудно поддержать среди борьбы религіозныхъ страстей, дѣлаетъ это сочиненіе весьма важнымъ.

Безпристрастіе становится болѣе и болѣе отличительною чертою историческихъ изысканій въ Германіи. Факты, по мѣрѣ разработыванія ихъ, освобождаются отъ вліянія системъ, равно какъ и политическихъ и религіозныхъ предразсудковъ.

Гуртеръ, Протестантъ, кончилъ свою *Исторію Папы Иннокентія III*, сочиненіе, во многихъ мѣстахъ противорѣчащее протестантскому духу и опровергающее ложныя мнѣнія, распространившіяся объ этомъ Папѣ. Авторъ защищаетъ Иннокентія III съ такимъ жаромъ, съ какимъ не могли бы защищать его и сами Католики.

Исторія Среднихъ Вѣковъ, соч. Лео (томъ I-й), является съ такими же признаками. Исполинское зданіе Среднихъ Вѣковъ, не подходящее подъ тѣсную рамку раціонализма, представлено въ этой книгѣ со всѣми своими недостатками въ подробностяхъ, но и во всемъ величіи и общей гармоніи частей.

Гёрресъ ограничился изданіемъ своего *Введенія во Всеобщую Исторію*, которое составляло эпоху два года тому назадъ. Онъ намѣренъ издать послѣдніе, читанные имъ въ Минхенѣ курсы, которые называетъ системой Мистики. Это— философское и историческое развитіе жизни Святыхъ и чудесныхъ событій Христіанства. Оно докажетъ, какимъ образомъ глубокомысленная Наука можетъ подтвердить сказанія Вѣры.

Штейнгассъ (зять Герреса) занимается новымъ переводомъ Греческихъ подлинниковъ Евангелія и сличеніемъ ихъ между собою, къ чему присоединяетъ особое вступленіе. Сія книга въ скоромъ времени выйдетъ въ свѣтъ подъ именемъ *Согласіе Евангелій* (Evangelien-Harmonien).

Четвертый томъ *Сравнительной Географіи Риттера* появился въ прошедшемъ году. Это превосходное сочиненіе такъ извѣстно, что не считаемъ нужнымъ говорить о немъ.

—Перейдемъ къ книгамъ по части Наукъ Политическихъ. Три сочиненія, которыя мы разберемъ кратко, можно, по справедливости назвать чрезвычайнымъ явленіемъ; они опровергаютъ всѣ данныя раціональной

Политики и пересоздаютъ Науку, поставляя началомъ ея Бога, а основаніемъ Природу. Сіи произведенія, соединенныя съ сочиненіями *Де Местра* и Бональда во Франціи, Галлера и Ад. Миллера въ Германіи, доставятъ твердый оплотъ Христіанской Наукѣ противъ революціоннаго духа.

Studien und Skizzen zu einer Naturlehre des Staates (Изученіе, и очерки Естественной Исторіи Государствъ), Генриха *Лео*, томъ I-й, появился за два года предъ симъ. Заглавіе ея обѣщаетъ ученіе приготовительное, — черты къ составленію плана для сочиненія болѣе обширнаго. Но и это самое произведеніе, не смотря на краткость, заключаетъ въ себѣ множество глубокихъ наблюденій надъ явленіями общественной жизни. *Лео* почитаетъ Государство фактомъ, имѣющимъ Божественное происхожденіе; фактомъ, которaго человѣкъ не выдумалъ, но который не раздѣленъ съ существомъ его. Подобно тому, какъ никто не изобрѣталъ языка для народа, какъ всякій языкъ имѣетъ свои необходимыя правила: движенія жизни народа, и соединенія его въ Государство имѣютъ свои правила, свою связь, свой смыслъ, свою внутреннюю необходимость. По мѣрѣ того, какъ разумъ человѣческій овладѣваетъ обществомъ и становится, лицемъ къ лицу съ твореніемъ Божіимъ, — зданіе колеблется, правила повреждаются, Государство удаляется отъ первобытной Божественной чистоты своей, и приходитъ въ безпорядокъ, при естественномъ развитіи своемъ. Одно только варварство и гордое невѣжество прошедшаго столѣтія — говоритъ Авторъ — могли утверждать, что Государство было произвольнымъ созданіемъ человѣка и могло бы даже не быть. Государство создано вмѣстѣ съ человѣкомъ. Если бы въ мірѣ было только одно семейство, то и оно составляло бы Государство: ибо принадлежности Государства находятся въ семей-

софія. Предметъ Науки, которую авторъ называетъ Физіологіей или Естественною Исторіею Государства, есть изученіе различныхъ явленій и вещественныхъ и духовныхъ элементовъ общественной жизни, составляющихъ, такъ сказать, сложному органическому составу, въ которыхъ духъ народовъ содержится и движется подобно крови въ жилахъ. Эта Наука основывается на наблюденіи самыхъ фактовъ общественной жизни. — Вотъ главное раздѣленіе книги: Понятіе и содержаніе Физіологіи Государства; источники и матеріалы Науки; элементы Государства. — Лео раздѣляетъ Государства на органическія и механическія; въ первыхъ господствуетъ духъ семейный и поземельная собственность; послѣднія утверждены на другихъ основаніяхъ: таковы: *страхъ* (лишенія благъ небесныхъ), *теократія* (установленная военною властію), *деспотія*; *власть богатства* (Государства, въ коихъ преобладаютъ денежныя выгоды), *идеократія* (гдѣ все приносится въ жертву началамъ, какъ во Французской Республикѣ). Во всемъ сочиненіи господствуетъ религіозное чувство, которое придаетъ ему еще болѣе достоинства.

Versuch die Staatswissenschaft auf eine unwandelbare Grundlage festzustellen, von einem Staatsmanne, Wien 1835. (Политика, утвержденная на незыблемомъ основаніи, соч. одного государственнаго человѣка). Имя Автора многознаменательнаго сочиненія не обнародовано; но произведеніе его обличаетъ обширныя свѣдѣнія въ теоріи Наукъ Политическихъ, глубокое знаніе фактовъ жизни общественной, и долговременный опытъ въ дѣлѣ управленія. По его мнѣнію, Политика, какъ Наука, не есть одно простое изложеніе разныхъ формъ, въ которыхъ являлися Государства, и правительственныхъ дѣйствій: она не можетъ существовать безъ познанія человѣка, Природы и Бога. Сообразно тому, сочинитель раздѣляетъ

на пять книгъ. Первая содержитъ въ себѣ философскій взглядъ на природу человѣка, на различныя его способности и на земное его назначеніе; во второй говорится о человѣческомъ обществѣ и элементахъ, его составляющихъ; въ третьей изслѣдываются различные законы Природы и мѣсто, занимаемое человѣкомъ во вселенной; предметъ четвертой — правила Христіанства и вліяніе ихъ на людей въ отдѣльности и на народы; наконецъ пятая книга заключаетъ въ себѣ общія правила Политики, происходящія изъ Христіанскаго начала. Авторъ доказываетъ, что Государство есть только большое общество изъ семейства, составляющееся постепенно при размноженіи человѣческаго рода; что Государство происходитъ изъ самой природы человѣческой, и служитъ средствомъ для достиженія цѣли человѣчества; что взятая отдѣльно цѣль этого общества семейства есть цѣль каждаго особаго семейства, входящаго въ составъ его, каждаго особнаго гражданина, живущаго въ немъ, каждаго особнаго человѣка (какъ существа разумнаго), именно: нравственное благосостояніе, приготовленіе къ будущей жизни, — и что слѣдовательно цѣль человѣчества есть также и цѣль Государства.

Послѣдуемъ далѣе за Авторомъ въ логическомъ развитіи его мыслей.

И такъ цѣль человѣчества заключается въ благосостояніи нравственномъ; нравственное благосостояніе въ послѣдованіи Божественному закону; Божественный законъ въ духѣ любви; духъ любви въ Христіанствѣ; если же духъ любви основывается на вѣчности и неизмѣнимости слова Божія, то весьма естественно, что незыблемое основаніе Политики заключается въ началѣ Христіанства.

Авторъ утверждаетъ на этомъ основаніи семь предложеній и главныхъ правилъ Науки. Вотъ они:

1) Не форма политическая, но духъ внутренней жизни Государства доставляетъ ему прочное благоденствіе.

2) Религіозный духъ долженъ быть покровительствуемъ и приводимъ въ дѣятельность всѣми возможными способами, сообразными всегда съ закономъ любви.

3) Источники безнравственности должны быть закрыты; нравственность должна быть распространяема преподаваніемъ, примѣрами и закономъ.

4) Просвѣщеніе должно быть разлито по всѣмъ классамъ общества.

5) Не самопроизвольность, но правосудіе должно владычествовать въ Государствѣ (Justitia regnorum fundamentum).

6) Полезная дѣятельность гражданъ, промышленость должна быть поощряема и распространяема способами сообразными съ естественнымъ развитіемъ народа.

7) Все прекрасное, пріятное и доброе, если не противорѣчитъ высшимъ цѣлямъ Государства, должно быть покровительствуемо и поощряемо.

Сіи семь главныхъ правилъ, развитыхъ въ упомянутомъ сочиненіи и примѣненныхъ къ жизни Государствъ, подведены подъ три основные пункта Христіанства: простоту, любовь и мудрость.

Планъ этого сочиненія совершенно новый; это не искусственная какая-нибудь теорія, но раціональный выводъ законовъ, управляющихъ вселенною и примѣненныхъ къ Политикѣ. Вотъ почему изложеніе этихъ законовъ, изслѣдованія человѣка, Природы и Христіанскаго Откровенія занимаютъ двѣ трети книги.

Die philosophie des Rechts nach geschichtlicher Ansicht (Философія Права, разсматриваемая со стороны исторической) соч. Сталя. — Между тѣмъ какъ въ сочиненіи, о которомъ мы говорили теперь, принимаются Христіанскія правила основаніемъ Политики, Г. Сталь

дѣлаетъ то же самое относительно Философіи Права. Сочиненіе это высокой важности и производитъ много шума. Первый томъ его вышелъ пять лѣтъ тому назадъ, второй только что объявленъ и еще не конченъ совершенно. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ продолженія.

Замѣшательство и недоумѣніе, господствовавшія съ послѣдняго столѣтія въ Философіи Права, произвольное основаніе, даваемое понятію о справедливомъ и несправедливомъ сообразно вліянію разныхъ Философскихъ Системъ, слѣдовавшихъ одна за другою, побудили Г-на Сталя отыскивать настоящія правила Науки. Время было благопріятно. Историческая метода открывала новые пути; новѣйшіе труды Нѣмецкой Философіи открывали новыя точки зрѣнія. Г. Сталь воспользовался всѣмъ этимъ. Вотъ что онъ самъ говоритъ: «Возвращеніе къ Вѣрѣ обнаруживается во всѣхъ отрасляхъ Науки. Теперь всѣ вообще убѣждены *въ ничтожествѣ такъ называемой Естественной или Раціональной Религіи*, равно какъ и *въ ничтожествѣ Естественнаго Права* или Права Разума. Сама Философія начинаетъ познавать, что предѣлъ Науки — Божественное Откровеніе. И потому всѣ требуютъ теперь, относительно Права и Политики, преподаванія *положительнаго, историческаго*, т. е. *Христіанскаго*. Еще болѣе, начала такого преподаванія уже даны, и нуждаются только въ томъ, чтобы развить ихъ съ обдуманною ясностію и скромною изыскательностію.» Это мнѣніе Профессора Правъ весьма замѣчательно и тѣмъ болѣе важно, что Г. Сталь Протестантъ. Приведенныя выше немногія строки сокращенно представляютъ все стремленіе первѣйшихъ умовъ Германіи и бросаютъ свѣтъ на будущую судьбу Науки и человѣчества. Отрицаніемъ мечтательной Естественной Религіи заглушается деизмъ и атеизмъ Науки. Освобожденіемъ отъ выдумокъ

Естественнаго Права засыпается бездна политических революцій.

Первый томъ содержитъ въ себѣ обозрѣніе древнихъ и новыхъ Системъ Философіи Права. Авторъ не ограничивается изложеніемъ въ исторической последовательности мнѣній, господствовавшихъ въ этой Наукѣ; но болѣе всего старается открыть подлинное ихъ происхожденіе, внутренній составъ и причины, породившія ихъ въ умѣ человѣческомъ. Отъ того онъ и называетъ первую часть своего произведенія Книгою Бытія Нынѣшней Философіи Права. Онъ изслѣдываетъ Идеальную и Эмпирическую Школы (Платона и Аристотеля), отвлеченную Философію Права (Право Естественное, Раціонализмъ, Канта и Фихте), Школы Макіавеля и Монтескьё, и заключаетъ Критикою Философіи Права Шеллинга и Гёгеля, которые привели связь умствованій въ этой Наукѣ къ исторической точкѣ зрѣнія. Показавъ такимъ образомъ всѣ различныя измѣненія, подъ которыми воспроизводилось понятіе о Правѣ въ продолженіе вѣковъ, Сталь выводитъ слѣдствіе, что одна Христіанская Философія можетъ отнынѣ быть основаніемъ Философіи Права, сообразно съ потребностями нашего времени, съ историческимъ развитіемъ человѣчества, находящейся въ соотношеніи со всѣми элементами человѣческой природы и утвержденной на вѣчной истинѣ.

Во второмъ томѣ Г. Сталь старается пересоздать Философію Права, и называетъ ее Христіанскимъ изученіемъ Права и Политики. Этотъ томъ раздѣляется на четыре книги, имѣющія предметомъ: философическія основанія Науки, Право въ обширнѣйшемъ смыслѣ, Право Частное и Право Публичное. Послѣдняя книга еще не кончена. Въ первой книгѣ говорится о *Богѣ, какъ началѣ вселенной и Науки*. Начинать такимъ образомъ значитъ стать въ средоточіи истины и из-

бѣгнуть всѣхъ заблужденій раціонализма и пантеизма, которыми мы окружены теперь со всѣхъ сторонъ.

Останавливаясь здѣсь въ нашемъ отчетѣ о замѣчательнѣйшихъ произведеніяхъ Германской Литературы, сожалѣемъ, что не могли сдѣлать его болѣе обширнымъ. Но это переходило бы за предѣлы журнальнаго извѣстія и заставило бы насъ войти въ слишкомъ большія подробности. Мы остановили вниманіе особенно на политическихъ сочиненіяхъ, потому что въ нихъ преимущественно обнаруживается нынѣшнее направленіе Германской Философіи и благотворное ея вліяніе на Науки, имѣющія ближайшую связь съ порядкомъ общественнымъ. Разборъ, который мы сдѣлали этимъ произведеніямъ, не смотря на всю его недостаточность, можетъ однакожь обозначить этотъ выводъ. Во множествѣ книгъ, производимыхъ ежедневно трудолюбивою Германіею, есть нѣсколько хорошихъ сочиненій, о которыхъ здѣсь вовсе не упомянуто; но мы по крайней мѣрѣ увѣрены, что не рекомендовали ни одного произведенія посредственнаго.

2) *Иноземная Литература Славянскихъ нарѣчій.*

Выписки изъ писемъ къ Редактору.

I.

Вѣна, 28 *Октября н. с.* 1835.

Во время моего странствія по Германіи я не забывалъ данныхъ вамъ въ С. Петербургѣ обѣщаній, и частехонько заглядывалъ въ сообщенную вами мнѣ при отъѣздѣ программу; она же была мнѣ самому полезна, какъ нить для наблюденій. Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Былъ въ Прагѣ, теперь живу въ Вѣнѣ, познакомился съ учеными Славянофилами, и могу, хотя вкратцѣ, хотя бѣгло, но по крайней мѣрѣ кое-что передать вамъ о томъ, что творится здѣсь по части Славянизма.

Въ Прагѣ *Шафарикъ* копитъ матеріалы для трудовъ истинно колоссальныхъ; ближайшимъ изъ нихъ явится въ будущемъ году первобытная Исторія Славянъ вообще, отъ древнѣйшихъ временъ до введенія между ими Христіанства. Книга выйдетъ на Чешскомъ языкѣ; но онъ намѣренъ почти въ одно время изготовить изданіе и въ Нѣмецкомъ переводѣ. — Старикъ *Юнгманъ*, сверстникъ Добровскаго, продолжаетъ издавать свой огромный Сравнительно-Этимологическій Словарь нарѣчій Славянскихъ; вышла уже литера К. Это пятая часть цѣлаго; но въ рукописи весь трудъ конченъ и лежитъ у него въ кабинетѣ.—*Палацкій*, издатель Оцѣнки

Чешскихъ Лѣтописцевъ и Историковъ, занятъ по порученію Богемскихъ Чиновъ сочиненіемъ полной Исторіи Богемскаго Королевства; она выдетъ по Нѣмецки.— Поэтъ *Челяковскій* развлечепъ своею газетой, однако копитъ новыя Пѣсни, и сверхъ того думаетъ издать собраніе Чешскихъ народныхъ пословицъ въ дополненіе къ Пѣснямъ.—*Ганка*, Хранитель народнаго Музея въ Прагѣ, только что кончилъ новое изданіе Краледворской рукописи и краткую Чешскую Граммашику (Prawopis Cesky).—Поэта *Коллара* я не видалъ, и не знаю, пишетъ ли онъ теперь что-либо: ибо недавно женился; но его Slawy Cera (Дщерь Славы), Поэма въ Сонетахъ, имѣла успѣхъ и расходъ неимовѣрный въ Богеміи и Венгріи.

Общая жалоба всѣхъ этихъ господъ — на затруднительность и почти можно сказать невозможность порядочныхъ сношеній съ Россіею, которой Литература ихъ крайне интересуетъ. Вы едва повѣрите, что Юнгманъ нѣсколько лѣтъ не могъ добиться 12-го Тома Исторіи Карамзина и наконецъ пріобрѣлъ его за 70 рублей слишкомъ на наши деньги. Челяковскій что-то похожее заплатилъ за мелкія Стихотворенія Пушкина. Главное же средство знакомить не только Прагу и Вѣну, но и всю Германію съ произведеніями нашей Словесности, было бы завести въ Лейпцигѣ Русскую книжную лавку (Filial-Buchhandlung), подобно тому, какъ есть уже тамъ Французская, Англійская и т. д.; ибо въ Лейпцигъ являются къ Пасхѣ всѣ главные книгопродавцы или ихъ агенты, и книга, туда пришедшая, расходится удобно и дешево во всѣ концы Германіи. — Согласенъ: намъ Русскимъ можно желать этого, когда у насъ будутъ печатать побольше истинно полезнаго; но какъ спекуляція, эта мысль и теперь заслуживала бы вниманіе нашихъ книгопродавцевъ, Смирдина и другихъ. Кстати, у насъ есть въ Лейпцигѣ и Генеральное Консульство.

Въ Вѣнѣ я нашелъ *Вука Стефановича* и *Копитара*. Послѣдній съ восторгомъ говоритъ о своемъ новомъ трудѣ, который на дняхъ выйдетъ: Glagolita Kloziauus; это — прекрасно сохранившійся отрывокъ изъ древняго Славянскаго Молитвенника, писаннаго Глаголитскими буквами, около XI вѣка, хранившійся на островѣ Веліи (близъ Тріеста), въ семействѣ Венеціянскихъ Патриціевъ Франчапани, а позднѣе перешедшій въ Тироль къ какому-то Графу Клоцу, въ честь коего и книга названа будетъ такимъ именемъ. Въ Комментаріяхъ къ этой рукописи Копитаръ снова будетъ доказывать, что Глаголитскія письмена гораздо древнѣе Кирилловскихъ; что онѣ были первоначальною, еще варварскою Азбукой Славянскаго народа, а Кириллъ и Меѳодій ввели свою въ Панноніи вмѣстѣ съ переводомъ Священныхъ книгъ и отстояли у Папы противъ Зальцбургской Католической Епархіи, отъ которой не хотѣли быть въ зависимости. Теперь, кто правъ, Добровскій или Копитаръ? Не знаю. Во всякомъ случаѣ прочесть любопытно. — Вукъ не давно воротился съ путешествія въ Черную Гору, собралъ множество новыхъ словъ и народныхъ Пѣсней, и думаетъ издать 5-й Томъ своего собранія Пѣсней Сербскихъ, а также и описаніе народныхъ обрядовъ и обычаевъ. Вообще надобно сказать, что между Южными Славянами господствуетъ довольно живая, хотя и мелкая книгопечатная дѣятельность. Считаютъ, что въ Австрійскихъ владѣніяхъ и Бѣлградѣ выйдетъ къ Новому Году до 10 Забавниковъ, т. е. Альманаховъ на Сербскомъ, Словакскомъ, Хорватскомъ и Краинскомъ нарѣчіи. Книги и Календари печатаются въ Вѣнѣ, Офенѣ, Карлштадтѣ, Лайбахѣ, Себеницѣ и пр. Изъ Петербурга, какъ вы знаете, привезли типографію и въ Черную Гору; тамошній Владыка прошлаго года напечаталъ собраніе Стихотвореній, которое для любопытства прилагаю, хотя почти увѣ-

ренъ, что оно есть въ Петербургѣ. Хотѣлъ-было послать вамъ и *Данницу*, Вуковъ Альманахъ, издаваемый въ Вѣнѣ уже нѣсколько лѣтъ сряду; но слишкомъ будетъ громозно; кажется онъ издастъ ее и къ будущему Новому Году.

В. Т.

II.

Москва, 27 *Ноября* 1835.

Посылаю вамъ отрывокъ изъ письма, полученнаго мною изъ Львова о тамошнихъ новостяхъ.— Иванъ Непомукъ Каминскій, издатель Польской Лембергской Газеты и выходящаго при ней журнала Rozmaitości, переводчикъ многихъ Шиллеровыхъ твореній и Сочинитель второй части Польской Драмы: Krakowiacy i Górale, и весьма замѣчательнаго Разсужденія о *Философіи Польскаго языка*, занимается съ нѣкотораго времени составленіемъ Психологіи. Друзья Каминскаго ожидаютъ весьма многаго отъ этого труда, перваго оригинальнаго сочиненія въ такомъ родѣ на Польскомъ языкѣ. — Адамъ *Росциніевскій*, ревностный любитель Славянской Литтературы, уговариваетъ Пражскаго Библіотекаря Ганку къ изданію Поэмы *Либуши*, вмѣстѣ съ переводомъ на Новочешскій и на всѣ прочія Славянскія нарѣчія. *Лопатынскій*, молодой Малороссіянинъ, перевелъ ее на языкъ Церковно-Славянскій, а *Вайглевичъ*, также Малороссіянинъ, на Малороссійскій, прибавивъ еще *Судъ Либуши*. Этотъ же Вайглевичъ немного прежде перевелъ на Малороссійскій *Слово о полку Игоревѣ*. — Недавно вышло здѣсь небольшое сочиненіе Казимира Туровскаго: Uwagi nad niektóremi pieśniami

poetow ludu (Замѣчанія на нѣкоторыя Пѣсни Поэтовъ простонародныхъ) и нѣсколько послѣ въ Перемышлѣ: Ruskoje Wesile opysanoje czerez J. Lozińskoho; w Peremyszły, w Typografii Władycznój, 1835, напечатанное Латинскими буквами. Авторъ этого сочиненія въ особенномъ Разсужденія, помѣщенномъ въ Лембергскомъ журналѣ, старался доказать, что Малороссіянамъ удобнѣе было бы употребленіе Латинскихъ буквъ, нежели Славянскихъ; но доказательства его не имѣютъ большаго вѣсу, потому что онъ ограничивается въ выводахъ своихъ нарѣчіемъ, употребительнымъ въ окрестностяхъ Перемышля, гдѣ болѣе всего отразилось вліяніе Польскаго языка. *Левицкій*, издатель Малороссійской Грамматики, защищаетъ мнѣніе противное, — и я съ ними совершенно согласенъ: всѣмъ Славянамъ надо бы хлопотать теперь о томъ, чтобъ писать одними буквами, употреблять одну Азбуку, а Г. Лозинскій думаетъ заводить новый расколъ. Самая полная, удобная Азбука есть Кирилловская, принадлежащая по преимуществу всѣмъ Славянамъ вмѣстѣ, и никому въ особенности, — чего же лучше? Эта Азбука принята Русскими, Сербами, Булгарами; остаются Славяне Западные. Впрочемъ это только pia desideria; введеніе Кирилловой Азбуки у нихъ найдетъ препятствія непреодолимыя. Будемъ ждать временъ образованнѣйшихъ, т. е. предоставимъ это нашимъ внукамъ. . .

М. Погодинъ.

3.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

Письмо Ординарнаго Профессора Московскаго Университета Погодина къ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія, изъ Германіи, отъ [illegible] Сентября 1835 года.

Продолжаю доносить Вашему Превосходительству о своемъ путешествіи, или, вѣрнѣе сказать, прогулкѣ по Германіи.

Въ Боннѣ познакомился я съ Профессоромъ *Гюльманомъ*, однимъ изъ ветерановъ Исторіи, который написалъ столько важныхъ сочиненій объ Исторіи Среднихъ Вѣковъ, какъ напр. Städtewesen des Mittelalters, Geschichte des Ursprungs der Stände in Deutschland, и проч. — На вопросъ мой, можемъ ли мы надѣяться получить отъ него что-либо полное объ этомъ темномъ еще періодѣ Исторіи, для котораго онъ сдѣлалъ уже столько пріуготовленій, роясь въ городскихъ Архивахъ: «я оставилъ ее», — отвѣчалъ онъ — «и занимаюсь теперь Римскою Исторіею.» — Вы хотите изложить её всю? «Нѣтъ, мнѣ хочется объяснить только origines Romanas. Нибуръ, Нибуръ обращалъ вниманіе болѣе всего на Политику, а я, я изслѣдую Религію — здѣсь-то открывается преимущественно сродство Рима съ Греціею, которое мало оцѣнено Нибуромъ.» И почтенный старецъ съ такимъ участіемъ, съ такою таинственностію говорилъ о Dii majorum gentium, какъ будто бы отъ нихъ зависѣла судьба

человѣчества въ настоящую минуту. О, Нѣмецкіе Ученые такъ погружены въ свои предметы, что для нихъ исчезаетъ все окружающее, однакожь кромѣ титуловъ. Разумѣется, это имѣетъ свою хорошую и дурную сторону. Гюльману не чужды и Варяги наши, потому что онъ началъ свое поприще Разсужденіемъ о Византійской торговлѣ.

Въ Боннѣ преподаетъ также Г. *Штраль*, страстный охотникъ до Русской Исторіи. Мнѣ не случилось еще просмотрѣть его сочиненія объ ней въ большомъ собраніи Герена и Уккерта; но его рвеніе къ распространенію свѣдѣній о Россіи въ Германіи заслуживаетъ всякую благодарность съ нашей стороны и ободреніе Правительства. Онъ перевелъ Словарь Митрополита Евгенія и издалъ Церковную нашу Исторію. Вторая Часть его Русской Исторіи задержана тѣмъ, что онъ не имѣетъ рѣшительно никакихъ пособій, не получая новыхъ книгъ изъ Россіи. Я обѣщался прислать ему, и буду просить содѣйствія Вашего Превосходительства. Штраль перевелъ также Несторову лѣтопись, сколько издано Тимковскимъ, и объяснилъ своими примѣчаніями. Надѣюсь, что тамъ есть много дѣльнаго и поучительнаго. Онъ находится въ связи со многими Нѣмецкими Учеными, на пр. издателями Византійскихъ Лѣтописателей, и обладаетъ богатыми источниками въ здѣшней Библіотекѣ.

Въ Боннѣ живетъ еще знаменитый Августъ *Шлегель*, но я столько слышалъ о его ребяческой суетности, что не рѣшился свидѣтельствовать ему своего почтенія.

О собраніяхъ Естествоиспытателей въ Боннѣ, на коихъ я присутствовалъ, доставитъ вѣроятно Вашему Превосходительству подробнѣйшее свѣдѣніе нашъ Докторъ Армфельдъ, котораго я здѣсь встрѣтилъ, и который неутомимо занимается своею Физіологіею.

Я не понимаю, почему Историки не задумают подобныхъ собраній. Для Исторіи онѣ, кажется, еще необходимѣе въ наше время. Не пора ли пересмотрѣть всѣ были (факты), взятыя въ Исторію первыми воздѣлывателями, повторяемыя послѣдующими, однимъ послѣ другаго, и переходящія изъ книги въ книгу? Не пора ли провѣрить ихъ съ источниками? Опыты Тьери надъ Французскою Исторіею, Нибура надъ Римскою, показываютъ достаточно, какъ ветхо все историческое зданіе? А Исторія Восточная, Славянская? Такимъ ли представляется Иннокентій III послѣ изслѣдованій Гуртера, или Вальдштейнъ (котораго Шиллеръ переименоваль Валленштейномъ) послѣ Форстера? Надо ввести въ Исторію раздѣленіе труда, но раздѣленіе систематическое; а для этого нужны собранія. Притомъ сколько есть промежутковъ въ Исторіи: какъ мало извѣстенъ Востокъ! какъ необработана Исторія Государствъ Славянскихъ! какой хаосъ въ началѣ новой Исторіи! Наконецъ— въ самыхъ обработанныхъ Исторіяхъ, какая часть (до сихъ поръ) находится на нѣкоторой степени совершенства? Одна политическая, наружная, Исторія формы. — И я мечталъ о первомъ собраніи Европейскихъ Историковъ въ Петербургѣ! . .

Въ залѣ Боннскаго Университета пишутся теперь на стѣнахъ изображенія четырехъ Факультетовъ, Богословскаго, Философскаго, Юридическаго и Медицинскаго, картины въ родѣ Аѳинской Школы Рафаэля. Первыя совершенно готовы; вотъ ихъ описаніе:

Богословскій Факультетъ. «Аллегорическая фигура Богословія находится въ срединѣ; рука ея покоится на Священномъ Писаніи, коего истолкованія одинъ изъ двухъ мальчиковъ, кажется, ожидаетъ съ вѣрою, въ то время, какъ другой устремляетъ испытующій взоръ на книгу; около ея престола стоятъ достославные свя-

дѣтели и Проповѣдники Христіанской Религіи: на право Апостолъ *Петръ*, Евангелисты *Іоаннъ* и *Лука*, — на лѣво *Матоей*, *Марко* и *Павелъ*. Къ нимъ съ обѣихъ сторонъ примыкаются знаменитые Учители Церкви изъ первыхъ столѣтій, какъ представители богословскихъ направленій. Во-первыхъ, на право *Левъ Великій* и *Григорій Великій*, равно знаменитые, достопамятные, какъ владыки и какъ учители. За Львомъ *Аоанасій*, неустрашимый воитель съ ересью; далѣе образецъ Христіанскаго Краснорѣчія *Златоустъ*; *Іеронимъ*, отецъ Экзегетики, и *Августинъ*, котораго ученіе имѣло рѣшительное вліяніе на всѣ Средніе Вѣка; потому же, для означенія перехода къ новому времени, у ногъ его сидитъ благочестивый *Оома Кемпійскій*, и, въ духѣ простоты, собираетъ его великія аскетическія мысли въ свою книжечку для всѣхъ временъ. Точно также на лѣвой сторонѣ Историческая Богословія имѣетъ своего представителя въ *Евсевіи*, Догматика въ *Василіи Великомъ*, Апологетика въ пламенномъ, непреклонномъ *Тертулліанѣ*, Христіанская Мистика въ *Оригенѣ* и *Амвросіи*. Разнообразныя стремленія Среднихъ Вѣковъ представлены на правой сторонѣ, по срединѣ и въ глуби; по срединѣ сидитъ властвуя *Григорій VII* на Папскомъ престолѣ, предъ нимъ преклоненный Епископъ, изображая противоборствовавшее Духовенство; непосредственно за нимъ виденъ *Дантъ* — піитическое отраженіе политическихъ и богословскихъ интересовъ своего времени; вблизи на одной сторонѣ основатели Схоластики: *Албертъ Великій*, *Оома Аквинскій* и *Бонавентура*; на другой основатели важнѣйшихъ Орденовъ: *Францискъ*, *Бенедиктъ*, *Норбертъ*, и знаменитѣйшій въ новѣйшее время *Игнатій Лойола*. Для означенія сектъ, внѣ Церкви бывшихъ до XVI столѣтія, находится въ глуби группа (*Арій*, *Манихей* и проч.), кои однако же почти совсѣмъ закрываются выдающеюся фигурою *Иннокентія*

III. Впереди на правой сторонѣ стоятъ *Бернардъ* и противникъ его *Абелардъ* съ *Петромъ Клюнійскимъ*; двѣ лежащія фигуры къ срединѣ: старикъ вѣрующій, и юноша, начинающій, кажется, испытывать — представляютъ новѣйшую Богословію Католической Церкви. Соотвѣтствующая группа на другой сторонѣ (старикъ погруженный въ размышленіе, и юноша начинающій вѣрить), изображаетъ болѣе пытливое направленіе Евангелической Церкви, которой преимущественно принадлежитъ эта часть картины, что замѣтно и по очеркамъ Виттенберга и Эйзенаха въ глуби, противоположно съ Римомъ на другой сторонѣ. Непосредственно къ Павлу, Апостолу народовъ, примыкаются основатели Христіанства между Нѣмецкими племенами: *Ульфила*, переводчикъ Библіи, *Колумбанъ*, возобновитель Франкской Церкви, *Бонифацій* и *Виллибродъ*. Средоточіе на этой сторонѣ, соотвѣтственно Григорію VII на другой, составляетъ *Лютеръ*; подлѣ него *Меланхтонъ*, какъ бы успокоивая его; между ими *Кальвинъ*, ниже *Цвинглій*, съ ревностію изучающій Библію. Сзади, первые возбудители и предшественники Реформаціи: *Петръ Вальдъ*, *Виклефъ* и *Гусъ*; между лежащею группою и Реформаторами изображены важнѣйшіе мужи Протестантской Церкви: *Спенеръ*, *Калинктъ* и *Томазій*.»

Мысль прекрасная! Но мнѣ не нравится аллегорическое изображеніе Богословія въ видѣ женщины: кстати ли здѣсь аллегорія? И какъ можно аллегорической фигурѣ дать въ руки Священное Писаніе! что за противорѣчіе! Вмѣсто этой фигуры я поставилъ бы въ срединѣ просто Престолъ, и на немъ Евангеліе.

Далѣе — можно ли оставить Восточную Церковь безъ представленія? Забвеніе непростительное! и между тѣмъ изображены еретики! Наконецъ, здѣсь не достаетъ распространителей Христіанской Вѣры между пле-

менами Славянскими, которые занимаютъ однакожь, въ чемъ должны признаться Нѣмцы, большую половину Европы. За Кирилла и Меѳодія я жаловался Г. Попечителю.

Философическій Факультетъ изображенъ слѣдующимъ образомъ: «Истина (также въ видѣ женщины), держитъ въ лѣвой рукѣ книгу, запечатанную седмью печатями, а правою отбрасываетъ звѣздчатое покрывало съ своего лица. Вокругъ нѣсколько аллегорическихъ изображеній, и наконецъ на правой сторонѣ Аполлонъ, на лѣвой Минерва. На Аполлоновой сторонѣ вдали напоминаніе объ Индійскихъ мудрецахъ и благоразумныхъ Китайцахъ. Близъ него стоятъ *Гомеръ* и *Софоклъ;* у ихъ ногъ страстная *Сафо*, которая чрезъ плечо Гомерово смотритъ на *Аристофана*. Подлѣ Беотійскіе Стихотворцы: важный *Пиндаръ*, разумный *Гезіодъ*. Во второй группѣ Пѣвцы Италіи: *Горацій* и *Виргилій*, который ведетъ за собою *Данта*, идущаго твердо и спокойно. Подъ ними уединенный Миннезингеръ. Подъ Гомеромъ стоитъ облокотившись *Шекспиръ*, весь погруженный въ свое сочиненіе; подлѣ него *Палестрина*; ниже Шекспира сидитъ *Гёте*, твердою рукою держа лавровый вѣнецъ, опираясь на богато-украшенную лиру; за нимъ стоитъ *Шиллеръ*, размышляющій съ пінтическою честностію, и ясный *Лессингъ*, съ проницательностію озирающійся вокругъ. Далѣе, за Эпическими Стихотворцами, много-странствовавшій *Геродотъ*, который смотритъ вдаль, но, разумѣется, не можетъ видѣть, за Дорійскими столпами ни Китайцевъ, ни Индійцевъ. За нимъ глубокомысленный *Ѳукидидъ*, разсматривающій близкое. Позади, въ срединѣ группа Римскихъ Историковъ, *Цезарь*, *Маркъ-Аврелій*, *Ливій* и *Тацитъ*. Надъ ними изъ-за колоннады *Демосѳенъ* съ лампадою труда, а на краю *Цицеронъ* въ кругу слушателей, между которыми замѣтны *Брутъ* и *Аттикъ*; у ногъ Цицерона возстановитель почтенія къ нему въ

новѣйшее время *Нибуръ*, потомъ *Іоаннъ Миллеръ*, а подъ ногами Римлянъ *Бентлей* и *Скалигеръ*; напереди же, примыкаясь къ группѣ Поэтовъ, подъ *Лессингомъ*, близъ Гёте, *Фридр. Ав. Вольфъ*, многообъемлющій Герменевтикъ и творчески сильный Критикъ. На сторонѣ Минервы, подъ ногами коей видна толпа Персовъ свидѣтельствуютъ о Греческомъ Искусствѣ, подъ покровительствомъ богини, *Полигнотъ* и *Фидій*, работающій надъ Олимпійскимъ Зевесомъ. Чрезъ колоннаду открывается видъ на зданія Египта, предъ коими стоитъ *Пиѳагоръ*, въ кругу Дорянъ, членовъ своего тайнаго политическаго союза, и указываетъ на сіи колоссальныя творенія древняго познанія чиселъ; у ногъ Фидія, мѣряющій среди учениковъ *Архимедъ*, у котораго воинъ проситъ совѣта и помощи, и *Птолемей*, размышляющій надъ глобусомъ; еще далѣе Перипатетикъ *Ѳеофрастъ* съ своими учениками. Въ самой колоннадѣ, лицемъ къ Персамъ, но погруженный въ себя, тоскуетъ глубокомысленный *Гераклитъ*; близъ него *Сократъ* въ бесѣдѣ съ Главами двухъ постороннихъ Школъ, происшедшихъ отъ него, *Антисѳеномъ* и *Эпикуромъ*. Всѣхъ болѣе приблизился къ истинѣ *Платонъ*, указующій на нее пальцемъ; подлѣ него *Аристотель*, нашедшій на землѣ твердую точку для своихъ глубокихъ изслѣдованій. Далѣе, какъ свидѣтели Христіански-вѣрующей Философіи, *Оригенъ*, созерцательный воздѣлыватель языческой мудрости, Христіанскій Гностикъ, и учитель милости, діалектическій *Августинъ*, съ своимъ преемникомъ въ умозрѣніи, учредителемъ онтологическаго доказательства, *Ансельмомъ Кантербурійскимъ*. За ними схоластическій Этикъ и Метафизикъ *Ѳома Аквинскій*, и въ одиночествѣ размышляющій *Джіордано Бруно*, остроумный фантастическій Пантеистъ, отъ котораго оборотясь, лицемъ къ Художникамъ, подъ великимъ Отцемъ Церкви, *Эрвинъ фонъ Штейнбахъ* съ

своею видимою Церковью. Подлѣ Джіордано Бруно, который знаменитъ и по энтузіасму и по діалектикѣ въ исторіи новаго мышленія, стоятъ близко другъ подлѣ друга, но каждый размышляя про себя, внутренно-богатый *Лейбницъ*, методически наблюдательный *Баконъ* и сильный критикою *Кантъ*. Праздныхъ креселъ передъ ними Художникъ не смѣлъ занять никѣмъ. Далѣе къ краю, изслѣдующій *Спиноза*, и у ногъ Естествоиспытателя Ѳеофраста его новые братья *Невтонъ*, между *Кеплеромъ* и *Лавуазье*. Средину картины между Палестриною и Эрвиномъ Мастеры Живописи *Албрехтъ Дюреръ* и *Рафаэль*, тотъ съ картиною размышленія, а этотъ съ картиною Философіи, которую объясняетъ имъ *Винкельманъ*, указывая на отдаленные памятники Искусства Древняго.»

Въ этой картинѣ выборъ еще хуже: не странно ли, что не видать здѣсь подлѣ Бакона—Декарта! Мистики не имѣютъ никакого представителя, хотя бы Іакова Бема, или Шведенборга. Какъ не поставить Клопштока и Мильтона между Эпическими Поэтами, или въ другой группѣ Байрона и Валтеръ-Скотта.— Но болѣе всѣхъ обижены Историки: вы не видите ни Шлёцера (котораго, скажу мимоходомъ, Нѣмцы цѣнить не умѣютъ, потому, вѣрно, что онъ написалъ маленькую книжку, а не нѣсколько томовъ, и отрывками, а не въ связи, но который однакожь прежде всѣхъ въ Германіи понялъ Исторію), ни Гердера, ни Вико, ни Гиббона. И кто же поставленъ представителемъ? Нибуръ, важный только какъ Критикъ, и Критикъ частный. Самъ Іоаннъ Миллеръ знаменитъ, незабвененъ только своимъ предчувствіемъ объ Исторіи.

Изъ Бонна я отправлюсь въ Гейдельбергъ, откуда буду имѣть честь писать опять къ Вашему Превосходительству.

4.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Московская Практическая Коммерческая Академия. — 17 Декабря прошлаго 1835 года праздновавъ 25-тилѣтній юбилей Московской Практической Коммерческой Академіи. Первое основаніе этого Заведенія положено въ 1810 году Дѣйств. Тайнымъ Совѣтникомъ П. С. Валуевымъ, который поднесъ въ Бозѣ почивающему Государю Императору Александру I Уставъ Академіи и удостоился получить утвержденіе Устава и милостивое одобреніе Его Величества, изображенныя въ Высочайшемъ на имя его Рескриптѣ отъ 17 Декабря того же года. Назначенный въ томъ же Рескриптѣ Попечителемъ Академіи, П. С. Валуевъ побудилъ нѣсколькихъ благомыслящихъ гражданъ пожертвовать для этого Заведенія капиталы, и устроить при самой Академіи Общество Любителей Коммерческихъ Знаній, каждый Дѣйствующій Членъ котораго обязанъ былъ вносить ежегодно въ пользу Академіи по 100 рублей. Это было основнымъ источникомъ ея доходовъ. — Сверхъ того разныя частныя лица, ревнуя къ отечественному просвѣщенію, начали дѣлать нѣкоторыя пожертвованія; — въ продолженіе двухъ лѣтъ собрано 40,150 руб.; а С. Петербургской купецъ, Г. Зимняковъ, пожертвовалъ въ пользу ея до 3,000 книгъ на разныхъ языкахъ.

1812 годъ, горестный и вмѣстѣ торжественный для Россіи, лишилъ Академію всего имущества; не смотря на то, она была первымъ въ Москвѣ Учебнымъ

Заведеніемъ, въ которомъ открылось ученіе по изгнаніи непріятеля изъ Столицы (11 Ноября 1812 г.). — Въ 1814 г., лишившись незабвеннаго Попечителя своего, Д. Т. С. Валуева, она пріобрѣла себѣ новаго Попечителя въ особѣ бывшаго тогда Московскимъ Военнымъ Генералъ-Губернаторомъ, Графа А. П. Тормасова. — 5 Генваря 1818 г. Императоръ Александръ I даровалъ Чинамъ Академіи мундиръ Московскаго Учебнаго Округа. — Въ 1819 г. Академія пріобрѣла покупкою нынѣ занимаемый ею домъ, за 60,000 р., и для удобнѣйшаго помѣщенія перестроила его; онъ обошелся Академіи въ 115,371 р. 54 к.; такой значительной расходъ вовлекъ ее въ долги и служилъ нѣкоторымъ образомъ къ ея упадку, продолжавшемуся до 1825 года.— Въ теченіе этихъ тринадцати лѣтъ въ пользу ея пожертвовано разными особами 42,964 руб. 99 к. и на 1,170 р. вещами (Всего же, съ начала существованія Академіи, до исхода 1835 года пожертвовано 250,265 р. 80 к. деньгами и на 37,835 р. 55 к. вещами). — По случаю кончины, въ 1820 г., втораго ея Попечителя, Графа А. П. Тормасова, Высочайше утвержденъ, по просьбѣ Совѣта Академіи, въ эту должность Московскій Военный Генералъ-Губернаторъ Князь Д. В. Голицынъ. Ему-то обязана Академія нынѣшнимъ ея совершеннымъ преобразованіемъ. Замѣтивъ, что она клонилась къ упадку всего болѣе отъ накопившихся на ней значительныхъ долговъ, Попечитель учредилъ въ 1825 г. должность Директора Академіи и пригласилъ занять ее Курскаго Губернскаго Директора Училищъ Г. Шредера, поручивъ ему же исправлять должность Главнаго Смотрителя по учебной части. — 31 Декабря 1831 года, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ Чинамъ Академіи носить мундиръ, установленный Указомъ 14 Февраля 1819 г. для Министерства Финансовъ; 29-го же Генваря 1835 г. Высочайше утверждено Положе-

ніе Комитета Гг. Министровъ о назначеніи новыхъ разрядовъ мундировъ Чинамъ Академіи, противъ Высочайше утвержденныхъ 8 Октября 1834 г. для Императорскаго Царскосельскаго Лицея: при чемъ Академія признана Учебнымъ Заведеніемъ, высшимъ Гимназій. — Кромѣ того, 20 Сентября 1835 года, Его Императорское Величество Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) Воспитанниковъ Академіи изъ свободнаго состоянія, кончившихъ съ отличными успѣхами курсъ наукъ, награждать званіемъ Почетнаго Личнаго Гражданства; 2) тѣхъ же, которые уже пользуются этимъ званіемъ потомственно, награждать однихъ — малыми золотыми медалями для ношенія въ петлицѣ на Аннинской лентѣ, а другихъ — большими и малыми серебряными медалями, по усмотрѣнію Академіи.

Состоящее при Академіи Общество Любителей Коммерческихъ Знаній составляютъ нынѣ 60 Почетныхъ Членовъ и 87 Дѣйствующихъ. Въ числѣ послѣднихъ 64 Московскихъ купцевъ и фабрикантовъ и 23 иногородныхъ.

Академія управляется Совѣтомъ, который, подъ предсѣдательствомъ Попечителя, состоитъ изъ Директора и четырехъ Дѣйствующихъ Членовъ. Служба эта зачитается имъ за городскую.

Въ Академіи, имѣющей цѣлію доставить купеческому сословію новыя средства къ образованію дѣтей своихъ согласно съ ихъ предопредѣленіемъ, преподаются: Законъ Божій и Священная Исторія, Коммерческая Наука, Бухгалтерія, Техническая Механика, Естественная Исторія, Химія, Физика и Технологія, Историческія Науки и Статистика, Алгебра и Геометрія, Купеческая Ариѳметика, Россійская Словесность; языки: Французскій, Нѣмецкій, Англійскій, Ново-Греческій и Латинскій; Искусства: Церковное Пѣніе, Каллиграфія, Рисованіе и Танцованіе.

При Академіи есть Библіотека, Физическій Кабинетъ, Лабораторія; для класса Коммерческой Науки устроенъ Товарный Кабинетъ, а для Технической Механики — Кабинетъ теоретическихъ моделей и нѣкоторыхъ практическихъ машинъ.

Учителей состоитъ при Академіи 16; Надзирателей 4; сверхъ того Медикъ, Секретарь, Бухгалтеръ и Письмоводитель.

Воспитанниковъ Академіи въ концѣ 1810 г. было всего 80; въ прошломъ же году — 102, въ числѣ которыхъ 13 сиротъ.

Капиталъ Академіи нынѣ состоитъ изъ 116,612 р. 75 коп.; и сверхъ того претензій на полученіе капиталовъ съ процентами — 11,668 р. 63 к.

Древнія извѣстія объ Аннѣ Ярославовнѣ и Славянское Евангеліе въ Реймсѣ. — Одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ, пребывающихъ во Франціи, уводомляетъ своихъ корреспондентовъ, что въ Реймсѣ найдено въ промежуткахъ строкъ одной церковной рукописи доселѣ неизвѣстное свѣдѣніе объ Аннѣ Ярославовнѣ, супругѣ Генриха I.: оно очень важно по древности своей, и его не было въ книжкѣ изданной Княземъ Лобановымъ въ Парижѣ объ этой Государынѣ.

Сверхъ того онъ же доставилъ снимокъ съ первой страницы древняго Славянскаго Евангелія, писаннаго на пергаментѣ двумя азбуками: Кирилловскою и Глаголитскою. Надъ симъ Евангеліемъ присягали въ Реймсѣ Французскіе Короли во время коронованія своего, думая, что оно древнѣе Греческое. Петръ Великій, въ проѣздъ свой черезъ Реймсъ, осматривая соборныя рѣдкости, призналъ его Славянскимъ. Добровскій и другіе считали эту рукопись занимательною. Часть ея, писанная Глаголитическими буквами, есть продолженіе Кирилловской и [illegible] позже, хотя обѣ онѣ въ одномъ переплетѣ; съ

котораго, во время Революціи, содраны драгоцѣнные камни, золото и серебро.

О выходѣ въ свѣтъ первыхъ томовъ собранія матеріаловъ для французской исторіи. — Министръ Народнаго Просвѣщенія во Франціи Г. Гизо представилъ Королю первые четыре тома *Собранія неизданныхъ матеріаловъ для Французской Исторіи*, на которое обѣ Палаты назначили суммы въ бюджетахъ 1835 и 1836 годовъ, и которое, въ продолженіе двухъ лѣтъ, составляетъ предметъ трудовъ неусыпныхъ. Вышедшіе томы суть:

1) *Переговоры, относящіеся къ Испанскому Наслѣдству, въ царствованіе Людовика XIV*, или переписки, мемуары и дипломатическіе акты о домогательствахъ и восшествіи Дома Бурбоновъ на Испанскій престолъ. Къ этому приложены историческій текстъ и Введеніе, сочиненное Г-мъ Минье, Членомъ Института, Статскимъ Совѣтникомъ и Хранителемъ Архивовъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ; 2 части, in-4°.

2) *Журналъ Государственныхъ Чиновъ Франціи, собранныхъ въ 1484 г. въ Турѣ*, въ царствованіе Карла VIII, веденный на Латинскомъ языкѣ Жеганомъ Масселеномъ, Депутатомъ Руанскаго Округа; изданный и переведенный въ первый разъ съ неизданныхъ рукописей Королевской Библіотеки А. Бернье, Адвокатомъ Парижскаго Королевскаго Суда. 1 Т. in-4°.

3) *Военныя Записки, относящіяся къ Испанскому Наслѣдству, въ царствованіе Людовика XIV*, извлеченныя изъ переписки Двора и Генераловъ Г-мъ Генералъ-Лейтенантомъ Дево (Devault), просмотрѣнныя и изданныя Г-мъ Генералъ-Лейтенантомъ Барономъ Пеле (Pelet), Директоромъ Военнаго Депо. 1 Т. in-4°.

Въ началѣ всего этого приложено въ видѣ предисловія собраніе актовъ, заключающее въ себѣ всѣ доне-

сенія Королю, рѣшенія, инструкціи и пр., предметомъ которыхъ было это изданіе. — Многіе изъ слѣдующихъ томовъ находятся уже въ печати, и въ продолженіе зимы выйдутъ въ свѣтъ. Исправность и изящество изданія достойны своего предмета и дѣлаютъ честь Королевской Типографіи.

КАРТИНА, ПРИПИСЫВАЕМАЯ РУБЕНСУ. — Въ Валенціи, въ одномъ картинномъ магазинѣ, показываютъ прекрасную картину, приписываемую кисти Рубенса; по крайней мѣрѣ, она принадлежитъ къ его Школѣ. На ней изображена Святая Фамилія, отдыхающая въ саду, похожемъ на Голландскій: Св. Іосифъ сидитъ подъ деревомъ; Богоматерь держитъ Спасителя на колѣняхъ; къ ней пришли двѣ жены, изъ которыхъ въ одной, одѣтой въ черное платье Фламандскаго покроя, находятъ сходство съ одной изъ женъ Рубенса. Св. Маврикій, вооруженный въ бронѣ, попираетъ ногами дракона: надъ Богородицею летаютъ Ангелы; Св. Іоаннъ играетъ съ ягненкомъ и нѣсколькими дѣтьми одного съ нимъ возраста. Эта картина, еслибъ была доказана ея оригинальность, составила бы важное для Художествъ открытіе. Она привезена изъ Бельгіи, гдѣ находилась у какого-то стараго любителя Искусствъ, который недавно умеръ.

НОВОЕ ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ ВЪ ПАРИЖѢ. — Въ Парижѣ появилось новое ежемѣсячное изданіе, подъ названіемъ: «La morale en action du Christianisme,» замѣчательное по господствующему въ немъ прекрасному направленію и по дарованіямъ участвующихъ въ немъ лицъ. — Оно заслужило уже во Франціи самыя лестныя одобренія: ибо въ немъ подъ литературною и художническою формою излагаются возвышеннѣйшія истины Религіи. Въ первомъ его нумерѣ находятся весьма за-

мѣчательныя статьи и между прочимъ статьи К. Нодье, Юлія Сен-Феликса и Эмиля Дешанъ (Deschamps).

ВОТЪ НѢКОТОРЫЯ НОВОСТИ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. — Шатобріанъ скоро издастъ Мильтона въ четырехъ томахъ: изъ нихъ два будутъ содержать въ себѣ Исторію Англійской Литературы, а другіе два — текстъ Автора съ Французскимъ переводомъ въ прозѣ. Сверхъ того онъ полагаетъ издать и Résumé своихъ Записокъ, предоставляя самыя Записки наслѣдникамъ издать по смерти его...

— Францискъ Мишель сдѣлалъ важныя открытія въ Англійскихъ и Бельгійскихъ библіотекахъ по части древней Исторической Поэзіи и самой Исторіи, и печатаетъ свои труды о Французской Исторіи въ Англіи, также въ Руанѣ, въ Гаврѣ и въ Парижѣ.

НОВОСТИ ГРЕЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. — Греческая Литература, пребывавшая столько времени въ усыпленіи, начинаетъ теперь обнаруживать въ себѣ признаки жизни. Г. Питтакисъ издалъ сочиненіе, подъ названіемъ: *Древнія Аѳины, или описаніе Аѳинскихъ древностей.*

(Изъ Коммерч. Газеты, Journ. des Déb., Journ. de St. Pétersb. и St. Petersb. Zeit. и изъ писемъ корреспондентовъ).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.
1836.
№ II. Февраль.

I.

1. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

(За Генварь мѣсяцъ 1836 года).

1. (Генваря 2) *Положеніе и Штатъ о преподаваніи въ Первой Казанской Гимназіи Восточныхъ языковъ.*

Указъ Правительствующему Сенату.

По разсмотрѣніи въ Государственномъ Совѣтѣ представленнаго Министромъ Народнаго Просвѣщенія проекта Положенія и Штата для преподаванія въ Первой Казанской Гимназіи Восточныхъ языковъ, утвердивъ оные сего числа и препровождая при

семъ, повелѣваемъ Правительствующему Сенату привести ихъ въ дѣйствіе съ тѣмъ, чтобы требующаяся по Штату сумма, на 1836 годъ, принята была на счетъ суммы, на чрезвычайные расходы по Министерству Народнаго Просвѣщенія назначенной, а на будущее время отпускалась изъ Государственнаго Казначейства.

На подлинномъ собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

НИКОЛАЙ.

С. Петербургъ,
2-го Генваря 1836 года.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Быть по сему.

Въ С. Петербургѣ,
2-го Генваря 1836 года.

ПОЛОЖЕНІЕ

о преподаваніи въ Первой Казанской Гимназіи Восточныхъ языковъ.

1) Въ Первой Казанской Гимназіи назначается преподавать, сверхъ предметовъ, положенныхъ по Уставу Учебныхъ Заведеній 1828 года, языки: 1) Арабскій, 2) Персидскій, 3) Турецко-Татарскій и 4) Монгольскій.

2) Изученіе Восточныхъ языковъ имѣетъ цѣлію приготовлять Чиновниковъ, основательно знающихъ сіи языки, для опредѣленія: 1) по Министерству

Народнаго Просвѣщенія, въ качествѣ Преподавателей Восточныхъ языковъ; 2) по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ, въ званіяхъ Переводчиковъ и Драгомановъ; 3) по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, при Начальникахъ Губерній и Областей, лежащихъ по Азіатской границѣ, при Ханахъ и Султанахъ, въ подданствѣ Россіи находящихся, также при Управляющихъ Иновѣрцами, въ качествѣ Переводчиковъ, Приставовъ и другихъ пограничныхъ Чиновниковъ; 4) по Министерству Финансовъ, при Начальникахъ Таможенъ, учрежденныхъ по протяженію Восточной границы Россіи, и въ Казенныхъ Палатахъ Губерній, сопредѣльныхъ съ Азіатскими Областями.

3) Преподаваніе языковъ Восточныхъ въ Казанской Гимназіи раздѣляется на три разряда: въ 1-мъ преподаются языки: Арабскій и Персидскій; во 2-мъ Турецко-Татарскій и Персидскій; въ 3-мъ Монгольскій и Турецко-Татарскій.

4) Воспитанники поступаютъ по своему избранію въ одинъ изъ сихъ трехъ разрядовъ и обучаются исключительно языкамъ, назначеннымъ въ ономъ.

5) Воспитанники всѣхъ трехъ разрядовъ освобождаются отъ изученія языковъ: Греческаго, Славянскаго и Нѣмецкаго, Высшей Математики, Физики, Черченія и Рисованія. При поступленіи въ Университетъ, знаніе сихъ предметовъ отъ нихъ не требуется.

6) Воспитанники сіи обязаны учиться языку Французскому, а по собственному своему желанію могутъ обучаться и Нѣмецкому.

7) Воспитанники каждаго разряда, въ отношеніи къ Восточнымъ языкамъ, дѣлятся на три класса.

8) Для Арабскаго языка назначается въ недѣлю 9 уроковъ, или по три урока въ классѣ; для Персидскаго, Турецко-Татарскаго и Монгольскаго, для каждаго по 12 уроковъ, или по четыре урока въ классѣ.

9) Подробное распредѣленіе преподаванія Восточныхъ языковъ предоставляется сдѣлать Профессорамъ и Преподавателямъ оныхъ въ Университетѣ, съ утвержденія Попечителя Учебнаго Округа.

10) Для каждаго изъ вышеозначенныхъ четырехъ Восточныхъ языковъ, назначается особенный Учитель. Они называются Старшими и пользуются правами, съ симъ званіемъ сопряженными.

11) Изъ числа 80, состоящихъ при Казанской Гимназіи Казеннокоштныхъ Воспитанниковъ, 14 обучаются Восточнымъ языкамъ, а именно: 4 языкамъ Арабскому и Персидскому; 6 Арабскому, Турецко-Татарскому и Персидскому; 4 Монгольскому и Турецко-Татарскому.

12) По окончаніи Гимназическаго курса, отличнѣйшіе изъ сихъ Воспитанниковъ поступаютъ Студентами въ Университетъ, на казенное содержаніе, для дальнѣйшаго усовершенствованія въ языкахъ Восточныхъ.

13) Въ число Казеннокоштныхъ Воспитанниковъ Казанской Гимназіи по Восточнымъ языкамъ, могутъ приниматься Иновѣрцы, какъ-то: Татары, Буряты и другіе, но не иначе, какъ съ разрѣшенія Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа.

14) Восточнымъ языкамъ обучаются въ Гимназіи, наравнѣ съ Казеннокоштными Воспитанниками, всѣ тѣ своекоштные какъ Русскіе, такъ и Иновѣрцы, которые изъявятъ на сіе желаніе.

15) Воспитанники, кончившіе съ успѣхомъ курсъ въ Казанской Гимназіи по одному изъ разрядовъ Восточныхъ языковъ и удостоенные при выпускѣ похвальныхъ аттестатовъ, если не поступятъ въ Студенты Университета, опредѣляются въ гражданскую службу съ 14 классомъ, и получаютъ соотвѣтствующія оному мѣста по тѣмъ Вѣдомствамъ, гдѣ они могутъ быть употреблены сообразно познаніемъ своимъ. Опредѣляясь по другимъ Вѣдомствамъ, они лишаются сего права.

16) Воспитанники сіи, кончившіе курсъ на казенномъ содержаніи, назначаются на службу, согласно съ ихъ желаніемъ и возможностію, по Министерствамъ: Народнаго Просвѣщенія, Финансовъ, Иностранныхъ и Внутреннихъ Дѣлъ, и обязаны прослужить по назначенію Начальства 6 лѣтъ.

17) Для практическаго изученія языковъ: Персидскаго, Турецкаго, Татарскаго и Монгольскаго, дозволяется Казанской Гимназіи, въ званіи Надзирателей имѣть при Воспитанникахъ иновѣрцевъ, свободно объясняющихся на сихъ языкахъ. Жалованье имъ назначается изъ суммы, по Штату опредѣленной, съ утвержденія Попечителя Учебнаго Округа.

18) Надзиратели изъ иновѣрцевъ пользуются на службѣ правами и преимуществами, присвоенными сему званію Уставомъ Учебныхъ Заведеній 8-го Декабря 1828 года и Высочайше утверж-

деннымъ 30 Генваря 1835 года Мнѣніемъ Государственнаго Совѣта.

Подлинное подписалъ: *Предсѣдатель Государственнаго Совѣта Графъ Новосильцовъ.*

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Быть по сему.

Въ С. Петербургѣ,
2 Генваря 1836 года.

ШТАТЪ

для преподаванія въ Первой Казанской Гимназіи Восточныхъ языковъ.

	Рублей.	
	Одному.	Всѣмъ.
Четыремъ Старшимъ Учителямъ языковъ; Арабскаго, Персидскаго, Турецко-Татарскаго и Монгольскаго.	1,375	5,500
На покупку Восточныхъ книгъ.	—	500
Для практическаго обученія Воспитанниковъ Восточнымъ языкамъ, четыремъ Надзирателямъ изъ иновѣрцевъ . . .	—	3,200
Итого	—	9,200

Предсѣдатель Государственнаго Совѣта
Графъ Новосильцовъ.

2. (Генваря 8) *Уставъ и Штатъ Императорской С. Петербургской Академіи Наукъ.*

Указъ Правительствующему Сенату.

Признавъ за благо даровать ИМПЕРАТОРСКОЙ Нашей Академіи Наукъ образованіе и средства, настоящимъ потребностямъ и состоянію сего ученаго сословія соотвѣтственныя, и утвердивъ въ слѣдствіе того разсмотрѣнные въ Государственномъ Совѣтѣ проекты Устава и Штата, при семъ препровождаемые, повелѣваемъ Правительствующему Сенату привести оные въ дѣйствіе съ тѣмъ, чтобы отпускъ суммъ, назначаемыхъ въ добавокъ къ прежнему Штату, начатъ былъ по предварительному соглашенію Министра Народнаго Просвѣщенія съ Министромъ Финансовъ.

На подлинномъ собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

НИКОЛАЙ.

С. Петербургъ,
8 Генваря 1836 года.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Быть по сему

НИКОЛАЙ.

Въ С. Петербургѣ,
8 Генваря 1836 года.

УСТАВЪ

ИМПЕРАТОРСКОЙ

САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Гл. I. — *Положенія общія.*

§ 1. Академія Наукъ есть первенствующее ученое сословіе въ Россійской Имперіи.

§ 2. Обязанности Академіи Наукъ относятся вообще къ слѣдующимъ главнѣйшимъ предметамъ.

а) Она старается расширять предѣлы всякаго рода полезныхъ человѣчеству знаній, совершенствуя и обогащая оныя новыми открытіями.

б) Она имѣетъ попеченіе о распространеніи просвѣщенія вообще и о направленіи онаго ко благу общему.

в) Она старается приспособлять полезныя теоріи и слѣдствія опытовъ и ученыхъ наблюденій къ практическому употребленію.

§ 3. Академіи предлежитъ обращать труды свои непосредственно въ пользу Россіи, распространяя познанія о естественныхъ произведеніяхъ Имперіи, изыскивая средства къ умноженію такихъ, кои составляютъ предметъ народной промышленности и торговли, и къ усовершенствованію фаб-

рикъ, мануфактуръ, ремеслъ и художествъ, какъ источниковъ богатства и силы Государствъ.

§ 4. Науки, усовершенствованіемъ коихъ Академія должна заниматься, суть слѣдующія: Чистая и Прикладная Математика; Астрономія; Географія и Мореплаваніе; Физика; Химія; Технологія; Минералогія; Ботаника; Зоологія; Сравнительная Анатомія и Физіологія; Исторія, наипаче Отечественная; Греческая и Римская Словесность и Древности; Восточная Словесность и Древности; Статистика и Политическая Экономія.

§ 5. Академія состоитъ изъ 21-го Ординарныхъ Академиковъ и 10-ти Адъюнктовъ. Послѣдніе могутъ быть Экстраординарными Академиками, число коихъ не опредѣляется. Сіи три класса *Дѣйствительныхъ Членовъ* составляютъ Академическое Собраніе, или Конференцію. Академія имѣетъ своего Президента, Вице-Президента, Непремѣннаго Секретаря, и Комитетъ Правленія. Сверхъ Дѣйствительныхъ Членовъ, она избираетъ еще Членовъ Почетныхъ и Корреспондентовъ.

§ 6. Академія, какъ первое ученое сословіе въ Имперіи, разрѣшаетъ ученые споры и сомнѣнія, а также вопросы мѣстъ и лицъ, которымъ нужно будетъ ея мнѣніе. Она разсматриваетъ всѣ машины и открытія, представляемыя и присылаемыя ей для изслѣдованія.

§ 7. Академія обязана доводить до свѣдѣнія Правительства всякое сдѣланное ея Членомъ или иностраннымъ Ученымъ открытіе, коего приспособленіе къ практикѣ можетъ съ какой либо стороны быть полезно, или для сохраненія здоровья

жителей, или для усовершенствованія промышлености, искусствъ, фабрикъ, мануфактуръ, торговли, мореплаванія и проч. Въ подобныхъ случаяхъ она обращается прямо въ то мѣсто, которое можетъ непосредственно сдѣлать употребленіе изъ таковаго открытія.

§ 8. Академія можетъ входить во все, касающееся до просвѣщенія. На сей конецъ она должна быть въ сношеніи со всѣми Университетами въ Имперіи для полученія нужныхъ свѣдѣній о естественныхъ предметахъ ихъ Округовъ и проч.; Университеты же съ своей стороны относятся къ ней во всѣхъ случаяхъ, гдѣ можетъ быть полезно ея содѣйствіе или совѣтъ.

§ 9. Академія продолжаетъ издавать труды своихъ Членовъ, именно мелкія сочиненія въ совокупности, подъ заглавіемъ: Записокъ (Mémoires) Императорской Академіи Наукъ; а большія сочиненія отдѣльно, стараясь сколь можно болѣе распространять ихъ какъ въ чужихъ краяхъ, такъ и въ Имперіи.

§ 10. Академія старается не только сохранять существующія между ею и другими Академіями и Учеными Обществами въ Европѣ связи, посредствомъ исправныхъ и безпрерывныхъ сношеній, но и заводить новыя.

§ 11. Какъ усовершенствованіе Географіи и Физическаго познанія Имперіи должно быть однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ вниманія Академіи, то она, по временамъ, должна отправлять Астрономовъ и Натуралистовъ для путешествія по тѣмъ Губерніямъ, коихъ географическое положеніе

и естественныя произведенія не довольно еще извѣстны, или не описаны подробно.

§ 12. Академія, по примѣру другихъ Ученыхъ Обществъ, ежегодно обнародываетъ программу, которою будутъ приглашаемы Ученые всѣхъ Государствъ къ рѣшенію предлагаемыхъ ею задачъ. Для сего назначаются предметы новые и полезные, относящіеся къ Наукамъ, коими она занимается. Академія старается такъ располагать сіи предметы, чтобы каждая Наука имѣла свою очередь, и чтобы всѣ онѣ участвовали въ тѣхъ выгодахъ, какихъ можно ожидать отъ сей мѣры. Награды назначаются соразмѣрно способамъ Академіи и важности или трудности задачи, изъ экономическихъ ея суммъ.

Гл. II. — *О правахъ Академіи.*

§ 13. Академія Наукъ и всѣ Члены ея состоятъ подъ особеннымъ Высочайшимъ покровительствомъ, оставаясь въ вѣдѣніи Министра Народнаго Просвѣщенія, чрезъ котораго восходятъ къ Его Императорскому Величеству всѣ дѣла Академіи, требующія Высочайшаго разрѣшенія.

§ 14. Сумма, Всемилостивѣйше опредѣленная на содержаніе Академіи, также доходы, получаемые ею съ Типографіи, отъ изданія вѣдомостей и продажи книгъ, и составляющіе экономическую ея сумму, особую отъ штатной, предоставляются собственному ея распоряженію и управленію и составляютъ неприкосновенную ея собственность. Въ концѣ каждаго года она представляетъ чрезъ

Министра Народного Просвѣщенія всеподданнѣйшій въ употребленіи сихъ суммъ отчетъ.

§ 15. Порядокъ и внутреннее благоустройство Академіи поручаются собственному ея наблюденію. Если внѣ Академіи какой либо Чиновникъ, отъ нея зависящій будетъ замѣшанъ въ важномъ преступленіи и взятъ подъ арестъ, то Академія немедленно должна быть о томъ извѣщена; въ случаяхъ же маловажныхъ, арестованный препровождается въ Академію. Комитетъ Правленія изслѣдываетъ всякій проступокъ, учиненный Академическимъ Чиновникомъ внутри Академіи, и если онъ заключаетъ въ себѣ особенную важность, то виновный отсылается куда слѣдуетъ.

§ 16. Святѣйшій Синодъ и Правительствующій Сенатъ посылаютъ Академіи Указы; но всѣ прочія Присутственныя Мѣста, Министерства, Департаменты и Начальствующія лица сносятся съ нею сообщеніями, и во всѣхъ случаяхъ, въ коихъ Академія будетъ требовать ихъ содѣйствія, или помощи, отвѣчаютъ ей безъ замедленія.

§ 17. Всѣ посылаемыя изъ Академіи за ея печатью внутрь Имперіи, также присылаемыя на ея имя письма, пакеты и посылки, послѣднія до пуда вѣсомъ, принимаются въ Почтамтахъ безъ платежа вѣсовыхъ денегъ.

§ 18. Запрещается всѣмъ Типографіямъ въ Имперіи перепечатывать, безъ особеннаго позволенія Академіи, книги, ею изданныя, подъ опасеніемъ конфискаціи въ ея пользу.

§ 19. Ученыя сочиненія, одобряемыя Академіею не подлежатъ Цензурѣ, а отмѣчается лишь на оныхъ,

за подписаніемъ Непремѣннаго Секретаря, что онѣ издаются съ одобренія Академіи.

§ 20. Подтверждается, въ настоящихъ предѣлахъ, исключительное право Академіи печатать на Русскомъ, Нѣмецкомъ и Французскомъ языкахъ Календари, также С. Петербургскія Политическія Вѣдомости съ Прибавленіями, содержащими въ себѣ разныя казенныя и частныя объявленія, вызовы къ торгамъ и тому подобное. Взносы за припечатаніе таковыхъ объявленій взимаются по особой, утверждаемой Министромъ Народнаго Просвѣщенія таксѣ.

§ 21. Для укомплектованія Библіотеки Академіи произведеніями туземныхъ Писателей, поступающій по Ценсурному Уставу 22 Апрѣля 1828 года въ Главное Управленіе Ценсуры экземпляръ каждой печатаемой внутри Имперіи книги, по миновавіи въ немъ надобности, передается въ Библіотеку Академіи.

§ 22. Каждый Ординарный Академикъ, прослужившій въ семъ званіи 20 лѣтъ, считая съ того дня, когда имъ полученъ на оное дипломъ, имѣетъ право испрашивать прибавки къ своему жалованью тысячи рублей, которые производятся ему изъ суммы, въ Штатѣ на то опредѣленной.

§ 23. Каждому Члену Конференціи, который, прослуживъ отлично 10-ть лѣтъ и болѣе, по неизлечимой болѣзни, содѣлывающей его неспособнымъ къ продолженію службы, будетъ просить отставки, обращается въ пенсію третья часть его жалованья. При тѣхъ же обстоятельствахъ, за свыше 20-лѣтнюю службу, назначается въ пенсію

половина жалованья. Наконецъ за 25-лѣтнюю въ семъ званіи службу, при отставкѣ, обращается въ пенсію полное жалованье. По смерти таковаго пенсіонера, вдовѣ и малолѣтнымъ дѣтямъ его производится въ пенсію половина той, которую получалъ умершій.

§ 24. Вдовѣ, также малолѣтнымъ дѣтямъ Дѣйствительнаго Члена, умершаго на службѣ и прослужившаго въ семъ званіи съ полученія диплома 25 лѣтъ, назначается — сверхъ единовременной выдачи полнаго жалованья, какое получалъ умершій — въ пенсію половина онаго. Вдовѣ и дѣтямъ прослужившаго 20 лѣтъ, обращается въ пенсію — сверхъ единовременной выдачи жалованья — третья часть онаго. Вдовѣ и дѣтямъ прослужившаго 10 лѣтъ, назначается въ пенсію — также сверхъ единовременной выдачи жалованья — четвертая часть онаго. Вдовы и дѣти служившихъ менѣе 10 лѣтъ получаютъ, по смерти ихъ, единовременно годовое жалованье умершихъ.

§ 25. Всѣ вообще пенсіи и единовременныя выдачи назначаются нераздѣльно. Вдовы пользуются пенсіями по смерть, или до вступленія въ другое замужство; дѣти же до совершеннолѣтія, то есть до достиженія ими двадцати одного года, развѣ прежде вступленія въ совершенный возрастъ сыновья опредѣлены будутъ въ службу, или въ Учебное Заведеніе на казенной счетъ, а дочери вступятъ въ замужство: въ сихъ случаяхъ выдача пенсіи прекращается. Впрочемъ, если вдова умретъ, или вступитъ въ новый бракъ прежде совершеннолѣтія дѣтей своихъ, то сіи послѣдніи сохраняютъ всю

пенсію, которая равнымъ образомъ остается вдовѣ, если дѣти, при жизни ея, лишатся права на оную. Время службы считается со дня полученія диплома, дающего право называться Дѣйствительнымъ Членомъ Академіи и присутствовать въ ея собраніяхъ.

§ 26. Прибавочные оклады за свыше 20-лѣтнюю службу въ званіи Ординарнаго Академика, равно и по званію Непремѣннаго Секретаря и Библіотекаря (буде сей послѣдній изъ Дѣйствительныхъ Членовъ Академіи) принимаются въ расчетъ при назначеніи пенсій; но по двумъ послѣднимъ должностямъ не иначе, какъ когда пользовавшіяся оными лица не менѣе 20 лѣтъ прослужили въ которой либо изъ сихъ должностей и состояли въ оной до увольненія или до смерти.

§ 27. Упомянутыя въ предъидущихъ §§ пенсіи и единовременныя выдачи имѣютъ быть ассигнуемы изъ Государственнаго Казначейства. Получающій отъ Академіи пенсію можетъ пользоваться оною и внѣ Государства.

§ 28. Всѣ прочіе, не по ученой части состоящіе при Академіи Чиновники, пользуются пенсіями и единовременными пособіями на основаніи общаго Устава о пенсіяхъ.

§ 29. Ординарные Академики состоятъ въ 6-мъ, Экстраординарные въ 7-мъ, Адъюнкты въ 8 классахъ, если выше чиновъ не имѣютъ.

§ 30. Академіи предоставляется право избранія на открывающіяся мѣста Академиковъ и Адъюнктовъ. При равныхъ достоинствахъ Ученый Русскій предпочитается иноземцу.

§ 31. Выписываемый изъ чужихъ краевъ къ занятію мѣста Академика, или Адъюнкта, имѣетъ право, безъ платежа пошлинъ, привезти съ собою, или выписать, по пріѣздѣ своемъ, вещей — по количеству причитающихся за нихъ пошлинъ, полагая за позволенныя по дѣйствующему Тарифу, а за запрещенныя по Тарифу 1819 года — на сумму пошлины до трехъ тысячь рублей ассигнаціями, не включая пошлины съ такихъ, привезенныхъ самими Академиками и Адъюнктами вещей, которыя подлежатъ безпошлинному пропуску при пріѣзжающихъ въ Россію пассажирахъ.

§ 32. Выписываемый изъ чужихъ краевъ, или изъ отдаленнаго города внутри Имперіи, Ученый, получаетъ, по усмотрѣнію Конференціи, соразмѣрное разстоянію и другимъ обстоятельствамъ вознагражденіе путевыхъ издержекъ, изъ экономическихъ суммъ.

§ 33. Академіи дозволяется выписывать изъ чужихъ краевъ книги, инструменты и всякаго рода вещи и пособія, къ ученымъ предметамъ относящіяся, безъ платежа таможенныхъ пошлинъ. Ученыя книги и журналы, выписываемые Академіею или кѣмъ либо изъ Дѣйствительныхъ ея Членовъ, чрезъ книгопродавцевъ или по почтѣ, не подлежатъ разсмотрѣнію Ценсуры.

§ 34. Если Академія будетъ имѣть случай принять въ свои сотрудники Ученаго, отличными достоинствами пріобрѣтшаго особенную славу, въ такомъ случаѣ позволяется избрать его Ординарнымъ Академикомъ, хотя бы и не было вакансіи. Равнымъ образомъ дозволяется ей принимать въ

число Ординарныхъ Членовъ какого либо извѣстнаго Ученаго, упражняющагося въ Наукѣ, въ § 4 неозначенной, если найдетъ она выгоднымъ присоединеніе сей Науки къ предметамъ обыкновенныхъ ея занятій. Въ первомъ и другомъ случаѣ жалованье назначается изъ экономической суммы.

§ 35. Избранные въ Ординарные и Экстраординарные Академики и Адъюнкты представляются Министромъ Народнаго Просвѣщенія на Высочайшее утвержденіе: послѣ чего получаютъ изъ Герольдіи патенты на соотвѣтствующіе классамъ ихъ чины.

Гл. III. — *О Президентѣ и Вице-Президентѣ.*

§ 36. Президентъ Академіи избирается и опредѣляется непосредственно Его Императорскимъ Величествомъ изъ особъ первыхъ четырехъ классовъ.

§ 37. Президентъ наблюдаетъ, чтобы всѣ статьи сего Устава были исполняемы въ точности. Онъ есть охранитель правъ Академіи и блюститель за исполненіемъ ея обязанностей.

§ 38. Президентъ предсѣдательствуетъ въ Академическихъ собраніяхъ и наблюдаетъ въ оныхъ за порядкомъ сужденій; онъ предсѣдательствуетъ также въ Комитетѣ Правленія Академіи, и печется въ семъ качествѣ о соблюденіи добраго порядка въ Академіи и употребленіи суммъ ея съ пользою и бережливостію.

§ 39. Президентъ предлагаетъ Комитету Правленія о принятіи въ службу по Академіи Чи-

новниковъ, коихъ должности относятся къ хозяйственной части и не зависятъ отъ выбора Академическаго Собранія.

§ 40. Президентъ представляетъ чрезъ Министра Народнаго Просвѣщенія на Высочайшее усмотрѣніе донесенія о состояніи Академіи, о важнѣйшихъ трудахъ ея Членовъ, о новыхъ выборахъ, о предпринимаемыхъ ученыхъ путешествіяхъ и вообще о всѣхъ дѣлахъ, которыя требуютъ утвержденія Его Императорскаго Величества.

§ 41. Президентъ доноситъ, чрезъ Министра, о Членахъ Академіи, которые важными трудами, знаніемъ, ревностію и дѣятельностію заслуживаютъ отличія и награжденія, а равно и о такихъ, кои небрегутъ исполненіемъ своихъ должностей.

§ 42. Въ разсужденіи награды или исключенія изъ Академіи прочихъ чиновъ, служащихъ при оной, Президентъ поступаетъ по узаконенному порядку.

§ 43. Въ случаѣ нарушенія порядка и внутренняго устройства, Президенту предоставляется, для возстановленія порядка и наказанія виновныхъ, брать мѣры, соотвѣтственныя законамъ, важности самаго случая и обстоятельствамъ.

§ 44. Президентъ одинъ имѣетъ право созывать въ важныхъ случаяхъ чрезвычайныя Академическія Собранія.

§ 45. Президентъ одинъ имѣетъ право дѣлать въ Собраніи предложенія касательно управленія Академіи.

§ 46. Президентъ, какъ въ Конференціи, такъ и въ Комитетѣ Правленія, имѣетъ два голоса.

§ 47. Въ случаѣ отсутствія или болѣзни Президента, Вице-Президентъ исправляетъ его должность и пользуется всѣми правами, ему присвоенными.

Гл. IV. — *О Непремѣнномъ Секретарѣ.*

§ 48. Непремѣнный Секретарь ведетъ надлежащую переписку съ Академіями и Учеными Обществами въ Европѣ и съ иностранными Членами.

§ 49. Непремѣнный Секретарь избирается всегда изъ числа Академиковъ. При открывшейся вакансіи, избраніе сіе производится въ полномъ Академическомъ Собраніи, по большинству голосовъ. Избранный въ Секретари утверждается въ семъ званіи Его Императорскимъ Величествомъ.

§ 50. Непремѣнный Секретарь, какъ Членъ Академическаго Собранія, имѣетъ въ ономъ мѣсто подлѣ Президента и во всѣхъ сужденіяхъ и выборахъ подаетъ голосъ, какъ и другіе Академики.

§ 51. Непремѣнный Секретарь назначаетъ порядокъ чтеній въ Академическихъ засѣданіяхъ и ведетъ журналъ симъ послѣднимъ. Онъ распечатываетъ всѣ поступающія на имя Академіи бумаги; докладываетъ Собранію о полученныхъ имъ предложеніяхъ Президента, выпискахъ изъ журналовъ Комитета Правленія и отношеніяхъ разныхъ Мѣстъ и лицъ; вноситъ доставленныя къ нему для представленія Академіи книги и проч.; читаетъ письма и сообщенія, полученныя имъ о предметахъ ученыхъ, или вообще сужденію Академіи подлежащихъ, а въ случаяхъ важныхъ, и отвѣты на оныя,

или представленія, учиненныя имъ въ слѣдствіе опредѣленія Академическаго Собранія. Каждый Академикъ и Адъюнктъ, желающій сообщить что либо Собранію, письменно или изустно, предваряетъ о томъ Непремѣннаго Секретаря предъ начатіемъ засѣданія.

§ 52. Непремѣнный Секретарь имѣетъ смотрѣніе за печатаніемъ Академическихъ Записокъ и прочихъ сочиненій, ею издаваемыхъ, и составляетъ годовые отчеты объ ученыхъ занятіяхъ Академіи. Экземпляры Записокъ посылаются имъ, отъ имени Академіи, во всѣ Ученыя Общества, съ коими она имѣетъ сношеніе, если таковыя взаимно сіе наблюдаютъ. Онъ подписываетъ всѣ, отъ имени Академіи исходящія бумаги; заготовляетъ, по опредѣленію Академіи, свидѣтельства и выписки изъ протоколовъ; также составляетъ и контрасигнуетъ Дипломы Академія, которой большая и малая печати находятся въ его храненіи.

§ 53. Непремѣнный Секретарь имѣетъ въ вѣдѣніи своемъ Академическій Архивъ и смотритъ, чтобы въ немъ наблюдаемъ былъ надлежащій порядокъ. Онъ не можетъ ничего выдавать изъ онаго безъ росписокъ, даже самимъ Академикамъ.

§ 54. Онъ имѣетъ при себѣ Архиваріуса, Переводчика и двухъ Письмоводителей: первые два по избранію его утверждаются Академическимъ Собраніемъ, а Письмоводители назначаются имъ самимъ.

Гл. V. — *Объ Академикахъ.*

§ 55. Раздѣленіе Академиковъ учреждается на слѣдующемъ основаніи: а) *По Математическимъ и Физическимъ Наукамъ;* для Чистой Математики два Академика; для Прикладной одинъ, для Астрономіи два, для Географіи и Навигаціи одинъ, для Физики два, для Общей Химіи одинъ, и для Технологіи и Химіи, приспособленной къ Искусствамъ и ремесламъ, одинъ. б) *По Естественнымъ Наукамъ:* для Минералогіи одинъ Академикъ, для Ботаники одинъ, для Зоологіи два, и для Сравнительной Анатоміи и Физіологіи одинъ; в) *По Историческимъ и Политическимъ Наукамъ:* для Политической Экономіи и Статистики одинъ Академикъ, для Исторіи и Древностей Россійскихъ одинъ; для Греческихъ и Римскихъ Древностей два, и для Исторіи и Словесности Азіатскихъ народовъ два.

§ 56. Главная обязанность Академика состоитъ въ томъ, чтобы употреблять всѣ силы къ усовершенствованію своей Науки, къ обогащенію ея новыми открытіями и къ умноженію, такимъ образомъ, человѣческихъ познаній.

§ 57. Каждый Академикъ обязанъ ежегодно представить по крайней мѣрѣ двѣ диссертаціи, для помѣщенія въ Запискахъ, Академіею издаваемыхъ.

§ 58. Каждый Академикъ, сдѣлавшій какое нибудь открытіе, опытъ или полезное наблюденіе, обязанъ сперва объявить оные Академіи и потомъ объяснить въ диссертаціи, которая печатается въ Запискахъ, или особо, по усмотрѣнію Конфе-

ренціи. По исполненіи сей обязанности, позволяется ему публиковать такое открытіе въ иностранныхъ журналахъ и чрезъ переписку.

§ 59. Академикъ обязанъ равнымъ образомъ представлять на разсмотрѣніе Академическаго Собранія всякое сочиненіе, имъ написанное, или переведенное, кромѣ отвѣтовъ на предложенныя Обществами задачи. Если Собраніе признаетъ удобнымъ напечатать сочиненіе, или переводъ его, въ пользу Академіи, то Автору или переводчику назначается соразмѣрное важности труда награжденіе деньгами или экземплярами; въ противномъ же случаѣ сочиненіе возвращается ему для напечатанія гдѣ онъ самъ пожелаетъ.

§ 60. Если Президентъ и Собраніе найдутъ за нужное возложить на Академика новой либо трудъ, соотвѣтственный его упражненіямъ, то онъ не можетъ отказаться отъ сего порученія безъ важныхъ причинъ, которыя долженъ немедленно объявить Президенту и Собранію, для разсмотрѣнія дѣйствительности оныхъ.

§ 61. Если Академикъ, исполняя всѣ свои обязанности въ разсужденіи Академіи, имѣетъ свободное время и для другихъ упражненій, соотвѣтственныхъ его званію: то ему не возбраняется заниматься оными, съ тѣмъ однако, чтобы постороннія сіи занятія не препятствовали ему въ исполненіи Академическихъ должностей.

§ 62. Если Академикъ вознамѣрится оставить Академію, то онъ за шесть мѣсяцовъ долженъ предварить о томъ Президента.

§ 63. Въ шакомъ случаѣ, равно какъ и въ случаѣ смерти Академика, Президентъ извѣщаетъ Конференцію и опредѣляетъ по крайней мѣрѣ шестимѣсячный срокъ, для составленія списка Кандидатовъ; назначая для сего Коммиссію изъ всѣхъ Членовъ того класса или отдѣленія, къ коему принадлежитъ ваканшное мѣсто.

§ 64. По истеченіи срока, Коммиссія представляетъ Конференціи составленный ею списокъ, подписанный всѣми Членами, съ изложеніемъ заслугъ каждаго Кандидата порознь и съ письменнымъ удостовѣреніемъ готовности его къ принятію предложеннаго мѣста.

§ 65. Запрещается вносить въ списокъ Кандидатовъ людей неизвѣстныхъ и посредственныхъ. Ученый, ищущій чести быть Академикомъ, или по крайней мѣрѣ Кандидатомъ, долженъ быть извѣстенъ въ ученомъ свѣтѣ сочиненіями или полезными открытіями.

§ 66. Спустя не болѣе шести недѣль по представленіи списка Кандидатовъ, Собраніе производитъ выборъ балотировкою. Число избирательныхъ голосовъ должно быть не менѣе двухъ третей всего числа Академиковъ, находящихся въ С. Петербургѣ на лицо.

§ 67. Выбранный такимъ образомъ провозглашается, по утвержденіи Президентомъ, который поручаетъ Непремѣнному Секретарю извѣстить о томъ новаго Академика.

§ 68. Въ случаѣ препятствій, не позволяющихъ избранному принять предложеніе Академіи, Секретарь извѣщаетъ о томъ Президента и Собраніе,

которое на томъ же основаніи приступаетъ къ новому выбору, сокращая впрочемъ, по усмотрѣнію, срокъ, на составленіе списка Кандидатовъ положенный.

§ 69. Еслибы, паче чаянія, Академикъ, или Адъюнктъ, поведеніемъ своимъ оказался недостойнымъ носить сіе званіе, то Президентъ имѣетъ право представить объ исключеніи его, когда представленіе сіе въ Академическомъ Собраніи будетъ подтверждено большинствомъ голосовъ, и по крайней мѣрѣ двумя третями всего числа Академиковъ.

Гл. VI. — *Объ Экстраординарномъ Академикахъ и Адъюнктахъ.*

§ 70. Разряды Наукъ для Адъюнктовъ предварительно не назначаются. Академія, соображая обстоятельства и надобность, избираетъ ихъ для тѣхъ частей, по коимъ признаетъ сіе необходимымъ и полезнымъ.

§ 71. Къ Степени Адъюнктовъ удостоиваются молодые Ученые (наипаче туземные), неуспѣвшіе еще пріобрѣсти себѣ извѣстности, требуемой для Академика. Но Ученый, ищущій сей Степени, долженъ быть извѣстенъ Академіи отличными познаніями и какимъ либо полезнымъ открытіемъ въ обработываемой имъ Наукѣ; потому и обязанность Адъюнктовъ есть одинаковая съ обязанностію Академиковъ. Независимо отъ сихъ послѣднихъ, они занимаются усовершенствованіемъ своей Науки и исполняютъ порученія, отъ Академіи на нихъ возлагаемыя.

§ 72. Каждый Адъюнктъ обязанъ ежегодно представить по крайней мѣрѣ одно разсужденіе, достойное быть помѣщеннымъ въ Запискахъ, Академіею издаваемыхъ.

§ 73. Адъюнкты имѣютъ право присутствовать въ Академическихъ Собраніяхъ и подавать голосъ, какъ въ ученыхъ сужденіяхъ, такъ и при выборахъ.

§ 74. Когда откроется ваканція Адъюнкта, то Академія открываетъ конкурсъ объявленіемъ въ вѣдомостяхъ, чтобы всякой изъ Русскихъ Ученыхъ, чувствующій себя къ тому способнымъ, въ продолженіе шести мѣсяцевъ прислалъ въ доказательство своихъ знаній, или напечатанную книгу, или диссертацію, имъ сочиненную.

§ 75. Сіи сочиненія разсматриваются Академиками, и, по окончаніи срока, производится выборъ на томъ же основаніи, какъ сказано въ предъидущей Главѣ объ Ординарныхъ Академикахъ.

§ 76. Если по истеченіи положеннаго для конкурса срока никто къ соисканію не явился, или, если изъ соискателей, по мнѣнію Конференціи, никто не окажется достойнымъ избранія: то Академія предоставляется приглашать Ученыхъ для замѣщенія Адъюнктскихъ вакансій изъ чужихъ краевъ.

§ 77. Каждый Адъюнктъ, по засвидѣтельствованію Академіи отлично прослужившій шесть лѣтъ въ семъ званіи, имѣетъ право просить достоинства и выгодъ Экстраординарнаго Академика. Онъ избирается въ сіе званіе Академическимъ Собраніемъ, по большинству голосовъ.

§ 78. Сія Степень Экстраординарныхъ Академиковъ опредѣляется единственно для открытія дальнѣйшаго пути Адъюнктамъ: но ваканцнаго мѣста сего рода ни въ какомъ случаѣ не бываетъ; число Экстраординарныхъ Академиковъ зависитъ отъ числа Адъюнктовъ, заслужившихъ особенное одобреніе Академиковъ того класса, къ коему они принадлежатъ.

§ 79. Должность Экстраординарныхъ Академиковъ ни чѣмъ не различествуетъ отъ должности Адъюнктовъ. Посему мѣсто Адъюнкта, занятое Экстраординарнымъ Академикомъ, не прежде почитается ваканцнымъ, какъ по производствѣ его въ Академики Ординарные.

§ 80. Экстраординарные Академики получаютъ прибавку жалованья, означенную въ Штатѣ, и чинъ, присвоенный ихъ званію на основаніи сего Устава.

Гл. VII. — *О Почетныхъ Членахъ и Корреспондентахъ.*

§ 81. Почетные Члены Академіи Наукъ могутъ быть Русскіе и иностранные.

§ 82. Первые въ неопредѣленномъ числѣ избираются изъ знаменитыхъ особъ, извѣстныхъ своими познаніями и любовію къ Наукамъ, и изъ Русскихъ Ученыхъ, пріобрѣтшихъ особенную славу сочиненіями, относящимися къ какой нибудь изъ Наукъ, коими Академія занимается.

§ 83. Вторые состоятъ изъ извѣстнѣйшихъ ученостію иностранцевъ; присоединеніемъ которыхъ къ числу своихъ Членовъ Академія кромѣ

славы, можетъ доставить себѣ некоторое содѣйствіе, хотя посредствомъ переписки. Число ихъ не должно превышать пятидесяти.

§ 84. Принятіе въ сіи Члены производится въ Академическомъ Собраніи большинствомъ голосовъ, по предложенію Президента, или трехъ Дѣйствительныхъ Членовъ, которые, предувѣдомивъ о томъ Президента, подаютъ предложеніе за своимъ подписаніемъ.

§ 85. Академія не возлагаетъ никакихъ обязанностей на Почетныхъ Членовъ; но если кто нибудь изъ нихъ представитъ диссертацію, то таковая можетъ быть читана въ Собраніи и помѣщена въ Запискахъ Академіи, буде Академія признаетъ сіе полезнымъ.

§ 86. Если Академія заблагоразсудитъ присоединить къ себѣ ученаго Русскаго или иностранца, который не столько еще извѣстенъ, чтобъ могъ требовать чести быть Почетнымъ Членомъ, но своими полезными сочиненіями, или познаніями, или же ревностію и стараніемъ, оказавъ полезныя Академіи услуги, обратилъ на себя отличное вниманіе, то она принимаетъ его въ Корреспонденты, которые также раздѣляются на Русскихъ и иностранныхъ.

§ 87. Число Корреспондентовъ не опредѣляется. Принятіе ихъ производится по большинству голосовъ въ Академическомъ Собраніи, или по предложенію Президента, или, съ его позволенія, по представленію одного изъ Дѣйствительныхъ Членовъ.

§ 88. Въ публичныхъ или общихъ Собраніяхъ, Почетные Члены и Корреспонденты, пребывающіе

въ С. Петербургѣ, засѣдаютъ вмѣстѣ съ Дѣйствительными Членами.

§ 89. Почетный Членъ, или Корреспондентъ, имѣя сообщить Академіи какой либо новый опытъ, или повторить его, или читать ей какое либо разсужденіе, испрашиваетъ позволеніе у Президента, который назначаетъ для сего день Академическаго Собранія.

Гл. VIII. — *О Собраніяхъ.*

§ 90. Академическія Собранія суть трехъ родовъ: Торжественныя, Экстраординарныя и обыкновенныя.

§ 91. Торжественныя Собранія имѣютъ быть ежегодно въ день празднованія Академіею пятидесятаго и столѣтняго ея Юбилея, то есть въ 29 день Декабря. Академія извѣщаетъ о томъ въ вѣдомостяхъ и приглашаетъ въ Торжественное свое Собраніе не только Почетныхъ Членовъ и Корреспондентовъ, но и другихъ Ученыхъ и любителей Наукъ.

§ 92. Президентъ, или Непремѣнный Секретарь, открываетъ Собраніе приличною рѣчью. Послѣдній излагаетъ въ отчетѣ труды Академіи за прошедшій годъ, объявляетъ имена Ученыхъ, получившихъ награды, и предлагаетъ сокращеніе изъ диссертацій, ими представленныхъ и одобренныхъ Академіею. Онъ также читаетъ новыя задачи, предложенныя Академіею на слѣдующій годъ, и объявляетъ имена Ученыхъ, вновь принятыхъ въ Члены Академіи, присоединяя къ тому біографи-

ческія свѣдѣнія о Членахъ въ теченіе года умершихъ.

§ 93. Собранія, или Конференція Экстраординарныя бываютъ только въ необходимыхъ случаяхъ, требующихъ скораго рѣшенія. Президентъ извѣщаетъ объ оныхъ чрезъ Непремѣннаго Секретаря, посредствомъ циркулярнаго письма, въ коемъ кратко означается причина Собранія.

§ 94. Обыкновенныя Собранія бываютъ одинъ разъ въ недѣлю.

§ 95. Засѣданія сіи предназначаются единственно для чтенія разсужденій Академиковъ и Адъюнктовъ, а также внутренней и внѣшней корреспонденціи, для разсмотрѣнія сочиненій, машинъ и изобрѣтеній, предложенныхъ на заключеніе Академія, и для другихъ ученыхъ совѣщаній. Въ частныхъ случаяхъ, требующихъ соединенія многихъ Академиковъ, Президентъ назначаетъ Коммиссію.

§ 96. Академія можетъ, буде сочтетъ полезнымъ, приглашать по нѣскольку разъ въ годъ къ участію въ обыкновенныхъ ея Собраніяхъ, Почетныхъ Членовъ и Корреспондентовъ. Такія обыкновенныя Собранія именуются *Общими*.

§ 97. Собраніе не должно быть отвлекаемо отъ ученыхъ занятій предметами, относящимися до управленія и экономія; но если позволитъ время, и если Президентъ найдетъ за нужное потребовать мнѣнія Конференціи о сихъ предметахъ, то Собраніе разсуждаетъ и о дѣлахъ, по сей части ему предлагаемыхъ. Никто изъ Академиковъ не въ правѣ представлять что либо Конференціи по дѣламъ управленія безъ согласія на то Президента.

Впрочемъ, если предложеніе сего рода, сдѣланное Академикомъ Президенту или Комитету Правленія, остается безъ дѣйствія, то онъ можетъ сообщить копію съ онаго къ дѣламъ.

§ 98. Президентъ, или Вице-Президентъ, а въ отсутствіи ихъ Непремѣнный Секретарь, наблюдаетъ, чтобы въ Собраніяхъ никто не присвоивалъ себѣ непринадлежащихъ правъ и чтобы сужденія происходили съ приличіемъ, соотвѣтственнымъ достоинству мѣста и Членовъ. Въ случаѣ разногласія Президентъ, или Вице-Президентъ, а въ отсутствіи ихъ Непремѣнный Секретарь, или обращаетъ дѣло въ вопросъ, и тогда предметъ спора рѣшится по большинству голосовъ, или закрываетъ засѣданіе и отлагаетъ сужденіе до слѣдующаго Собранія.

§ 99. Время Академическихъ вакацій, въ продолженіе которыхъ не бываетъ засѣданія, начинается съ 10 Іюля и продолжается до 10 Августа.

Гл. IX. — *О ученыхъ принадлежностяхъ Академіи.*

§ 100. Академія имѣетъ Типографію, Словолитную Палату, также, по усмотрѣнію надобности, Печатную Палату для гравировальныхъ досокъ и Литографію. Сверхъ того охраненію и управленію Академіи ввѣряются слѣдующія заведенія и ученыя принадлежности: Кабинетъ Петра Великаго, Библіотека, Главная и малая Астрономическія и Магнетическая Обсерваторія, Физическій Кабинетъ, Инструментальная мастерская, Химическая Лабо-

раторія, Музеи: Минералогическій, Ботаническій, Зоологическій и Зоотомическій съ ихъ Лабораторіями, Ботаническій садъ, Нумизматическій Кабинетъ, Собранія Азіатскихъ и Египетскихъ Древностей и Этнографическій Кабинетъ.

§ 101. Типографія, съ ея принадлежностями, равно какъ и Чиновники и рабочіе люди, при оной состоящіе, содержатся на счетъ экономической суммы. На прочія же ученыя заведенія и принадлежности назначается въ Штатѣ сумма, которая, въ случаѣ недостатка, пополняется по мѣрѣ возможности, изъ экономической суммы. Главная Обсерваторія имѣетъ особый Штатъ, независимо отъ Штата Академіи.

§ 102. Типографія, съ ея принадлежностями, состоитъ въ непосредственномъ вѣдѣніи Комитета Правленія Академіи, который принимаетъ приличныя мѣры къ приведенію оной въ цвѣтущее состояніе, и въ особенности старается облегчать Коммисіонерамъ, коимъ поручена продажа книгъ, сношенія ихъ съ иностранными книгопродавцами.

§ 103. Библіотека, раздѣленная на два отдѣленія: 1) для книгъ на Русскомъ языкѣ и другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ; 2) для книгъ на всѣхъ прочихъ языкахъ въ совокупности, — состоитъ подъ управленіемъ двухъ Библіотекарей, назначаемыхъ Президентомъ съ утвержденія Министра, изъ Членовъ Академіи, или постороннихъ лицъ. Каждое изъ прочихъ ученыхъ заведеній, или принадлежностей Академіи, состоитъ подъ управленіемъ одного Академика, именуемаго Директоромъ и избираемаго Конференціею съ утвержденія Президен-

та. — Академія опредѣляетъ сверхъ сего, по усмотрѣнію надобности и по мѣрѣ средствъ, нужное число лицъ, для управленія и содержанія въ порядкѣ сихъ заведеній, какъ-то Помощниковъ, Лабораторовъ, Хранителей, Смотрителей, Препараторовъ, писцовъ и прислужниковъ. Всѣ сіи лица, за исключеніемъ писцовъ и прислужниковъ, избираются Директоромъ и утверждаются Конференціею.

§ 104. Какъ управленіе сими заведеніями всегда поручается тѣмъ Академикамъ, до Науки коихъ оныя относятся, то особеннаго жалованья за то не полагается, за исключеніемъ Директора Главной Обсерваторіи, имѣющаго особое содержаніе по Штату оной, и Библіотекарей, коимъ, буде они изъ числа Дѣйствительныхъ Членовъ Академіи, назначается за сей трудъ прибавка къ жалованью Академика или Адъюнкта по тысячѣ рублей въ годъ.

§ 105. Библіотекари и Директоры Коллекцій отвѣчаютъ за цѣлость Собраній, попеченію ихъ ввѣренныхъ. Они не могутъ по своей волѣ дѣлать никакой важной перемѣны въ сихъ Отдѣленіяхъ, но имѣя въ виду улучшеніе оныхъ, или умноженіе, дѣлаютъ представленіе Конференціи, которая, если найдетъ оное выгоднымъ, доноситъ о томъ, съ одобреніемъ своимъ, Президенту. Всякій Академикъ имѣетъ право дѣлать Конференціи представленія относительно сихъ Коллекцій.

§ 106. Президентъ назначаетъ два дня въ недѣлю для входа въ Библіотеку и въ Музеи, всѣмъ желающимъ видѣть оныя. Комитетъ Правленія, по совѣщанію съ Директорами, дѣлаетъ нужныя въ

семъ случаѣ распоряженія, для охраненія принадлежностей Академіи.

§ 107. Суммы, назначенныя на содержаніе каждой коллекціи въ особенности, хранятся въ Комитетѣ Правленія. Выдачи изъ оныхъ на мелкіе расходы до 200 руб. производятся непосредственно по требованіямъ Директоровъ, которые въ употребленіи сихъ денегъ даютъ отчетъ Комитету Правленія. Значительныя выдачи производятся не иначе, какъ по выпискамъ изъ журналовъ Конференціи. Остатки сихъ суммъ не обращаются въ экономическую сумму, а хранятся въ Комитетѣ, для обогащенія Коллекцій. Въ Комитетѣ ведутся объ оныхъ особыя книги. Въ концѣ года каждый Директоръ представляетъ на усмотрѣніе Конференціи подробную опись всѣмъ, пріобрѣтеннымъ въ теченіе того года новымъ предметамъ, съ показаніемъ цѣнъ; опись сія въ копіи сообщается для свѣдѣнія и Комитету Правленія.

Гл. X. — *О суммахъ Академическихъ.*

§ 108. На содержаніе Академіи отпускается изъ Главнаго Казначейства ежегодно по двѣсти тридцати девяти тысячь четыресто рублей Государственными ассигнаціями, по прилагаемому при семъ Штату.

§ 109. Жалованье Чиновникамъ, состоящимъ при Академіи, въ Штатѣ не означенное, равно какъ и прибавка Ординарнымъ Академикамъ, прослужившимъ въ семъ званіи 20 лѣтъ, или Адъюнктамъ, получившимъ званіе Экстраординарныхъ

Академиковъ, если первыхъ будетъ свыше шести, а послѣднихъ свыше трехъ, отпускаются изъ экономической суммы.

§ 110. Экономическая сумма составляется: 1) отъ сбора при подпискѣ на газеты и за припечатаніе къ онымъ объявленій Казенныхъ Мѣстъ и частныхъ лицъ; отъ продажи календарей и книгъ, издаваемыхъ Академіею, и отъ тисненія книгъ печатаемыхъ въ Типографіи Академіи на счетъ издателей; 2) отъ остатковъ штатной суммы; 3) отъ отдачи въ наемъ такихъ помѣщеній въ домахъ Академіи, которыя для собственнаго ея употребленія не нужны.

§ 111. Экономическая сумма употребляется: 1) на содержаніе и починку домовъ и на внѣшнее обзаведеніе Музеевъ; 2) на содержаніе Типографіи и Словолитни; 3) на покупку бумаги для печатанія вѣдомостей, календарей и проч.; 4) на ученыя преміи; 5) на добавки къ необходимымъ расходамъ, на которые ассигнованные по Штату суммы недостаточны, какъ-то: на отопленіе домовъ и проч.; 6) на полицейскіе расходы, по содержанію служительской команды, госпиталя, пожарныхъ орудій, на освѣщеніе и т. п.; 7) на жалованье сверхштатнымъ Чиновникамъ какъ при Конференціи, такъ и при Музеяхъ, Комитетѣ и Редакціи вѣдомостей и календарей; 8) на квартирныя деньги для Чиновниковъ, не пользующихся казенными квартирами, но имѣющихъ право на оныя; 9) на ученыя путешествія; 10) на вознагражденія путевыхъ издержекъ Ученымъ, выписываемымъ изъ чужихъ краевъ или отдаленныхъ городовъ Имперіи.

§ 112. Остатки за удовлетвореніемъ всѣхъ сихъ расходовъ могутъ быть обращаемы въ пользу ученыхъ заведеній и на труды Академиковъ, требующіе экстренныхъ расходовъ, на построеніе новыхъ зданій, или распространеніе старыхъ, дабы со временемъ могли помѣщаться въ нихъ всѣ Академики, въ особенности же тѣ, кои, по должности своей, обязаны находиться вблизи какого-либо Академическаго заведенія.

Гл. XI. — *О Комитетѣ Правленія.*

§ 113. Комитетъ Правленія составляютъ Президентъ, Вице-Президентъ, два Ординарные Академика и два Совѣтника, свѣдущіе въ законахъ и порядкѣ дѣлопроизводства.

§ 114. Два Академика, засѣдающіе въ Комитетѣ, избираются Собраніемъ по большинству голосовъ, на два года, но такъ, чтобы ежегодно одинъ смѣнялся. Выборъ новаго Члена Комитета дѣлается всегда въ первомъ засѣданіи послѣ лѣтнихъ вакацій.

§ 115. Комитетъ наблюдаетъ, подъ собственною отвѣтственностію, за порядкомъ во всѣхъ Отдѣленіяхъ Академіи, за сохранностію и цѣлостію всякой ея собственности, денежной казны и ученыхъ Коллекцій, за безопасностію зданій, за починкою ихъ, украшеніемъ и распространеніемъ.

§ 116. Комитетъ распоряжаетъ приходомъ и расходомъ, повѣряетъ счеты и наблюдаетъ, чтобы Академическія суммы употребляемы были сообразно Уставу и Штату.

§ 117. Комитетъ сносится съ Присутственными Мѣстами по всѣмъ дѣламъ, до него относящимся, на основаніи § 16; но не вмѣшивается въ дѣла зависящія отъ Конференціи.

§ 118. Комитетъ представляетъ отчетъ въ дѣлахъ своихъ Министру Народнаго Просвѣщенія.

§ 119. Комитетъ засѣдаетъ дважды въ недѣлю, по Вторникамъ и Пятницамъ, отъ 9 часовъ утра до двѣнадцати, исключая случая, если въ одинъ изъ сихъ дней Президентъ назначитъ чрезвычайное Собраніе Академіи: тогда засѣданіе Комитета отлагается до другаго дня.

§ 120. Комитетъ имѣетъ Секретаря, двухъ Столоначальниковъ, Протоколиста-Переводчика, Кассира, Контролера, Архиваріуса, Врача, Архитектора и нужное число Канцелярскихъ Служителей, а также Чиновниковъ при Академическихъ заведеніяхъ.

§ 121. Дѣламъ Комитета ведется журналъ, и изъ онаго кому слѣдуетъ сообщаются, за скрѣпою Секретаря, выписки для исполненія; приходы же и расходы, остатокъ денежной кассы, бумага разнаго званія, печатныя книги, матеріалы, инструменты и вещи записываются въ шнуровыя книги.

§ 122. Если въ Комитетѣ Правленія по какому-либо предмету мнѣніе Предсѣдательствующаго не будетъ согласно съ большинствомъ голосовъ, въ такомъ случаѣ голоса записываются въ журналъ и представляются на разрѣшеніе Министра.

§ 123. Комитетъ опредѣляетъ и увольняетъ нижнихъ служителей, при Академіи употребляемыхъ.

§ 124. Комитетъ и Конференція сносятся между собою выписками изъ журналовъ; подобнымъ же образомъ извѣщается каждый Академикъ въ особенности объ опредѣленіяхъ, къ нему относящихся.

§ 125. Дабы всякій, исполняя въ точности свои обязанности, могъ наблюдать въ то же время, не вкрались ли какія упущенія по части ученой или хозяйственной, Уставъ сей имѣетъ быть читанъ какъ въ Конференціи, такъ и въ Комитетѣ Правленія, въ первомъ засѣданіи каждаго года.

Подлинный подписалъ: *Предсѣдатель Государственнаго Совѣта Графъ Новосильцовъ.*

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Быть по сему.

Въ С. Петербургѣ,
8 Генваря 1836.

ШТАТЪ

ИМПЕРАТОРСКОЙ

САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

	Число Чиновъ.	Имъ въ годъ жалованья.	
		Одному.	Всѣмъ.
		Рубли.	Рубли.
Президентъ . .	1	Жалованье назначается по особому Высочайш. Указу.	
Вице-Президентъ . . .	1		
Ординарныхъ Академиковъ . . .	21	5,000	105,000
Прибавки прослужившимъ болѣе 20 лѣтъ . . .	6	1,000	6,000
Адъюнктовъ	10	2,500	25,000
Прибавки получившимъ Степень Экстраординарныхъ Академиковъ	5	1,000	3,000
Непремѣнному Секретарю, прибавки къ жалованью Академика . .	1	2,000	2,000
Архиваріусъ } При Непремѣнномъ Секретарѣ	1	1,000	1,000
Переводчикъ } При Непремѣнномъ Секретарѣ	1	1,000	1,000
Письмоводителей } При Непремѣнномъ Секретарѣ . . .	2	1,000	2,000
На иностранную переписку и другіе мелкіе расходы .	—	—	1,000
На содержаніе:			
I. Библіотеки . .	—	—	12,000

	Число Чиновъ	Имъ въ годъ жалованья. Одному. Рубли.	Имъ въ годъ жалованья. Всѣмъ. Рубли.
II. Малой Астрономической Обсерваторіи (*) . . .	—	—	1,000
III. Физическаго Кабинета и на опыты Физиковъ	—	—	3,500
IV. Химической Лабораторіи и на опыты Химиковъ . .	—	—	2,000
V. Минеральнаго Кабинета . .	—	—	1,000
VI. Гербаріевъ и на разведеніе живыхъ растеній	—	—	3,500
VII. Зоологическаго и Зоотомическаго Музея, и на работы Академиковъ	—	—	4,000
VIII. Зоологической и Зоотомической Лабораторіи и учениковъ.	—	—	3,000
IX. Азіатскаго Музея . . .	—	—	2,000
X. Нумисматическаго Музея	—	—	500
XI. Египетскаго Музея . . .	—	—	500
XII. Этнографическаго Музея . .	—	—	700
На рисованіе, гравированіе, литографированіе и раскрашиваніе чертежей къ издаваемымъ Академіею сочиненіямъ .	—	—	3,000
На жалованье Чиновникамъ при ученыхъ заведеніяхъ:			
Библіотекарямъ прибавки къ жалованью Академика или Адъюнкта	2	1,000	2,000
(Если они изъ постороннихъ лицъ, то оклады сіи могутъ быть увеличены, по усмотрѣнію, изъ экономической суммы).			
Двумъ Старшимъ Помощникамъ.	2	1,200	2,400
Двумъ Младшимъ Помощникамъ .	2	800	1,600
Лаборатору по Физикѣ	1	1,000	1,000

(*) Главная Обсерваторія имѣетъ особый Штатъ.

	Число Чиновъ.	Имъ въ годъ жалованья. Одному. Рубли.	Всѣмъ. Рубли.
Механику . . .	1	1,500	1,500
Лаборатору по Химіи .	1	1,000	1,000
Хранителямъ:			
Минеральнаго Кабинета .	1	1,200	1,200
Травниковъ. . . .	1	2,000	2,000
Зоологическаго и Зоотомическ. Музея (они же и Препараторы)	2	2,500	5,000
Азіатскаго Музея	1	1,000	1,000
Нумисматическаго и Египетскаго Музея	1	1,000	1,000
Смотрителю Кабинета Петра I, Этнографическаго Музея и Кабинета искусственныхъ вещей	1	1,000	1,000
На содержаніе прислужниковъ при Музеяхъ . .	20	240	4,800
Совѣтниковъ	2	2,500	5,000
Секретаря . . .	1	1,500	1,500
Столоначальниковъ .	2	1,000	2,000
Кассиръ	1	1,200	1,200
Протоколистъ-Переводчикъ .	1	500	500
Контролеръ . .	1	1,800	1,800
Архиваріусъ . .	1	600	600
Канцелярскихъ Служителей:			
Высшаго оклада	2	600	1,200
Средняго оклада	4	350	1,400
Имъ на паекъ и обмундировку	—	100	400
Низшаго оклада	5	250	1,250
Имъ на паекъ и обмундировку	—	100	500
На канцелярскіе расходы . .	—	—	1,250
Секретарь при Президентѣ .	1	1,000	1,000
Лекарь. . . . . . : .	1	600	600
Архитекторъ	1	1,000	1,000
На дрова	—	—	10,000
И того . .	—	—	239,400

Примѣчанія:

1) Изъ суммы, опредѣленной на содержаніе Физическаго Кабинета, содержатся и нехранящіеся въ семъ Кабинетѣ магнетическіе и метеорологическіе снаряды.

2) Изъ суммы, назначенной на опыты Химиковъ, удовлетворяются и потребности Технолога.

3) Сумма положенная на разведеніе живыхъ растеній, накопляется впредь до пріобрѣтенія Академіею хотя небольшаго ботаническаго сада.

4) Изъ суммъ на обогащеніе Коллекцій Естественныхъ предметовъ и Азіатскаго Музея, могутъ быть ассигнуемы, по усмотрѣнію, небольшіе временные оклады такимъ путешественникамъ или собирателямъ, которые въ теченіе извѣстнаго времени постоянно и усердно занимаются собираніемъ предметовъ, до сихъ Коллекцій относящихся, и доставляютъ оные въ Академію.

5) Изъ суммы на составленіе чертежей къ трудамъ Академіи, могутъ, по усмотрѣнію назначаемы быть и постоянные оклады такимъ Художникамъ которыхъ признано будетъ полезнымъ принять въ дѣйствительную службу.

6) Въ случаѣ недостатка Канцелярскихъ Служителей, дозволяется увеличивать число ихъ, съ производствомъ добавочнымъ содержанія изъ экономическихъ суммъ Академіи, изъ которыхъ пополняется, по мѣрѣ надобности, и сумма на канцелярскіе расходы.

Подлинный подписалъ: *Предсѣдатель Государственнаго Совѣта Графъ Новосильцовъ.*

3. (Того же числа) *О правахъ Контролера и Столоначальника Академіи Наукъ въ отношеніи къ пенсіи, мундиру и классу гражданской службы.*

Въ дополненіе къ Уставу и Штату Императорской С. Петербургской Академіи Наукъ, Государственный Совѣтъ, согласно представленію Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, положилъ: помѣщенныхъ въ Штатѣ Академіи Контролера и Столоначальниковъ считать: по росписанію о классахъ, перваго въ IX, а послѣднихъ въ X; по окладамъ пенсіи, обѣ сіи должности въ 8; а въ отношеніи мундировъ Контролера въ IX, а Столоначальниковъ въ X разрядѣ: каковое Положеніе по меморіи Государственнаго Совѣта удостоено Высочайшаго утвержденія.

4. (Генваря 20) *О порядкѣ утвержденія Инспекторовъ Гимназій въ чинѣ 8 класса.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее Мнѣніе въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта о порядкѣ утвержденія Инспекторовъ Гимназій въ чинѣ 8 класса, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

За Предсѣдателя Государственнаго Совѣта

Графъ Литта.

20 Генваря 1836.

Мнѣніе Государственнаго Совѣта.

Государственный Совѣтъ въ Департаментѣ Законовъ и въ Общемъ Собраніи, разсмотрѣвъ

представленіе Министра Народнаго Просвѣщенія объ утвержденіи Инспекторовъ Гимназій, по выслугѣ въ сей должности 4 лѣтъ, въ чинѣ 8 класса, и находя заключеніе Министра правильнымъ и согласнымъ съ постановленіями, въ свое время уже принятыми, положилъ: предоставить ему, въ представленіяхъ о утвержденіи Инспекторовъ Гимназій, какъ донынѣ уже опредѣленныхъ, такъ и впредь въ должность сію поступить имѣющихъ, въ присвоенномъ должности ихъ классѣ, руководствоваться 382, 383 и 390 статьями Свода Уставовъ о гражданской службѣ.

5. (Того же числа) *Объ отправленіи въ чужіе краи Студентовъ Главнаго Педагогическаго Института.*

По случаю выпуска Воспитанниковъ изъ Главнаго Педагогическаго Института и на основаніи Устава сего Учебнаго Заведенія, Начальство было избрало одиннадцать изъ нихъ къ дальнѣйшему ихъ усовершенствованію въ чужихъ краяхъ. Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія представлялъ о семъ на усмотрѣніе Государя Императора, и Его Императорское Величество въ 20 день Генваря Высочайше соизволилъ на отправленіе ихъ за границу. Вслѣдствіе того назначены къ отправленію въ Берлинъ: Студенты Философско-Юридическаго Факультета — *Юшковъ*, *Ивашковъ*, *Пальмбецкій*, *Михайловъ*; Историко-Филологическаго — *Касторскій*, *Менщиковъ*, *Лукашевичъ*; а въ Кенигсбергъ: Физико-Математическаго — *Воскресенскій*, *Спасскій*, *Соколовъ* и *Т[illegible]-*

дришскій; Студентовъ отправляемыхъ въ Берлинъ положено ввѣрить руководству тамошнихъ Профессоровъ Савиньи (по части Юридической) и Бека (по части Филологической), а отправляемыхъ въ Кенигсбергъ (по части Физико-Математической) подъ руководство Профессора Якоби. Общее за всѣми ими наблюденіе поручено Генералъ-Адъютанту Мансурову въ Берлинѣ.

6. (Генваря 28) *Объ изъятіи Воспитанниковъ Благороднаго Пансіона при Тифлисской Гимназіи отъ обязанности прослужить шесть лѣтъ за Кавказомъ.*

Въ уваженіе объясненныхъ Г. Главноуправляющимъ Грузіею, Кавказскою и Закавказскими Областями мѣстныхъ обстоятельствъ и соображаясь съ Высочайше утвержденнымъ 12 Мая минувшаго 1835 года Положеніемъ о Закавказскихъ Училищахъ, Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія входилъ съ представленіемъ въ Комитетъ Гг. Министровъ объ исходатайствованіи Высочайшаго Его Императорскаго Величества Повелѣнія: первую статью Высочайше утвержденнаго 27 Августа 1834 года Положенія Комитета Гг. Министровъ, коею всѣмъ Воспитанникамъ Благородныхъ Пансіоновъ при Гимназіяхъ, которые содержатся на счетъ Государственнаго Казначейства, если они не перейдутъ въ Университетъ для дальнѣйшаго образованія, поставлено въ обязанность, чтобы они прослужили шесть лѣтъ по гражданской части въ той самой Губерніи, гдѣ находится Гимназія, не распространять на таковыхъ Воспитанниковъ Бла-

городнаго Пансіона при Тифлисской Гимназіи учрежденнаго. Состоявшееся, согласно сему мнѣнію, Положеніе Комитета Гг. Министровъ ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ въ 28 день Генваря Высочайше изволилъ утвердить.

7. (Генваря 29) *О прекращеніи преподаванія Польскаго языка въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ.*

Въ 1833 году въ слѣдствіе представленія Начальства Бѣлорусскаго Учебнаго Округа о необходимости, чтобы назначаемые въ Западныя Губерніи Русскіе Преподаватели имѣли нѣкоторое свѣдѣніе въ Польскомъ языкѣ для лучшаго объясненія своего предмета ученикамъ, послѣдовало Высочайшее соизволеніе на преподаваніе сего языка въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ, изъ котораго предполагалось доставить въ Бѣлорусскій Учебный Округъ значительное число Учителей.

Между тѣмъ быстрое распространеніе Русскаго языка въ Училищахъ Западныхъ Губерній и неожиданные успѣхи въ ономъ даже въ Заведеніяхъ Начальныхъ, устраняя замѣченное прежде затрудненіе, содѣлали дальнѣйшее преподаваніе въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ Польскаго языка уже излишнимъ.

По сей причинѣ Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія всеподданнѣйше представлялъ о прекращеніи помянутаго преподаванія: на что ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО въ 29 день Генваря изъявилъ Высочайшее Свое соизволеніе.

Награжденія, опредѣленія и увольненія.

Опредѣлены:

Уволенный отъ службы Титулярный Совѣтникъ, въ званіи Каммеръ-Юнкера, *Графъ Болеславъ Потоцкій* опредѣленъ вновь на службу, съ причисленіемъ къ Министерству Народнаго Просвѣщенія (11 Генваря).

По Императорской Академіи Наукъ.

Докторъ *Робертъ Ленцъ* — Адъюнктомъ Академіи (17 Генваря).

По Учебнымъ Округамъ.

Отставной Полковникъ Каммергеръ *Аадомірскій* — Почетнымъ Попечителемъ Новгород-Сѣверской Гимназіи (21 Генв.); Надворный Совѣтникъ *Иваненко* — Почетнымъ Попечителемъ Екатеринославской Гимназіи (28 Генв.).

Уволенъ:

По Главному Педагогическому Институту.

Преподаватель Польскаго языка Тит. Сов. *Курганович*, за упраздненіемъ сей должности въ Институтѣ и съ назначеніемъ поступить ему въ Бѣлорусскій Учебный Округъ (29 Генв.).

Награждены:

Чиновники и Преподаватели Главнаго Педагогическаго Института (16 Генваря):

a) *Чинами:*

Статскаго Совѣтника: Орднн. Профессоръ Академикъ *Остроградскій.*

Коллежскаго Асессора: Старшій Надзиратель *Зенгбушъ.*

b) *Орденами:*

Св. Станислава 2-й степени: Орд. Профессоръ Академикъ *Грефе.*

Св. Анны 2-й степени: Орд. Профессоръ *Баронъ Врангель.*

Того же Ордена 3-й степени: Орд. Профессоры: *Жилле*, Академикъ *Купферъ*, *Штёкгардтъ*, *Лоренцъ*, *Бессеръ*, *Фишеръ* и *Гриммъ;* Э. Орд. Профессоры: Законоучитель Протоіерей *Бажановъ* и *Мидлендорфъ;* Адъюнктъ *Соколовъ.*

Св. Станислава 4-й степени: Адъюнктъ *Майеръ* и Секретарь Правленія *Свистовскій.*

c) *Подарками:*

Инспекторъ *Буссе;* Орд. Профессоры: Академикъ *Гессъ* и *Плетневъ;* Адъюнктъ *Устряловъ.*

d) *Деньгами:*

Изъ Государ. Казначейства: Директоръ Института Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Миддендорфъ.*

Изъ хозяйственныхъ суммъ Института: Адъюнкты *Гаффнеръ* и *Жибертъ;* Учитель Рисованія и Черченія *Иверсенъ;* Бухгалтеръ *Данилевскій;* Комнатные Надзиратели: *Катуринъ*, *Коллинсъ*, *Янкевичъ*, Исправляющій должность Комнатнаго Надзирателя *Лебуржуа* и Канцелярскій Чиновникъ Губ. Секр. *Рыковъ.*

Объявлено Директору Училищъ Рижской Дирекціи *Напирскому*, Профессору Виленской Медико-Хирургической Академіи *Эйхвальду* и Французскому подданному *Соссероту* о благосклонномъ принятіи Государемъ Императоромъ изданныхъ ими сочиненій: 1) втораго тома Собранія документовъ, относящихся къ Исторіи Лифляндской, Эстляндской и Курляндской; 2) Описанія путешествія по Каспійскому Морю и Кавказскимъ горамъ, и 3) Elémens d'Histoire naturelle.

2. МИНИСТЕРСКІЯ

РАСПОРЯЖЕНІЯ.

(За Генварь мѣсяцъ 1836 года).

1. (9 Генваря) *О разрѣшеніи ввести въ Бобровскомъ Уѣздномъ Училищѣ обученіе Латинскому и Нѣмецкому языкамъ.*

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія изъявилъ согласіе на представленіе Попечителя Харьковскаго Учебнаго Округа о введеніи преподаванія Латинскаго и Нѣмецкаго языковъ въ Бобровское Уѣздное Училище, возложивъ означенное преподаваніе на Законоучителя онаго Училища Священника Турбина, вызвавшагося обучать безмездно языку Латинскому; а преподаваніе Нѣмецкаго языка поручивъ одному изъ Учителей Наукъ.

2. (Генваря 11) *Объ оставленіи дополнительнаго класса при 2-й С. Петербургской Гимназіи.*

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, въ слѣдствіе представленія Г. Попечителя С. Петербургскаго Учебнаго Округа, изъявилъ согласіе на оставленіе дополнительнаго класса при 2-й С. Петербургской Гимназіи для Воспитанниковъ бывшаго Высшаго Училища и на закрытіе таковаго при 1-й Гимназіи, предоставивъ находящимся въ сей послѣдней Воспитанникамъ бывшаго Благороднаго

Пансіона, по волѣ ихъ родителей или родственниковъ, оканчивать свой курсъ въ дополнительномъ классѣ 2-й Гимназіи и по экзамену получить права, сему Пансіону присвоенныя.

3. (Генваря 16) *Объ опредѣленіи третьяго Комнатнаго Надзирателя при Благородномъ Пансіонѣ Вологодской Гимназіи.*

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, въ слѣдствіе представленія Г. Попечителя С. Петербургскаго Учебнаго Округа, разрѣшилъ опредѣлить третьяго Комнатнаго Надзирателя къ Воспитанникамъ Благороднаго Пансіона при Вологодской Гимназіи съ платою по 500 рублей въ годъ изъ суммы собираемой съ Пансіонеровъ.

4. (Генваря 17) *О переименованіи Слободско-Украинской Гимназіи и Дирекціи Училищъ Харьковскими.*

Въ слѣдствіе Высочайшаго Указа, даннаго Правительствующему Сенату въ 5 день Декабря прошлаго 1835 года, коимъ повелѣно Губернію Слободско-Украинскую именовать отнынѣ Харьковскою, Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія сдѣлалъ съ своей стороны распоряженіе, чтобы и Слободско-Украинская Гимназія и Дирекція Училищъ именовались также Харьковскими.

5. (30 Генваря) *О дозволеніи ученикамъ 1-ой Кіевской Гимназіи имѣть особыя собранія для упражненія въ Русской Словесности.*

Г. Попечитель Кіевскаго Учебнаго Округа входилъ съ представленіемъ къ Г. Министру Народ-

наго Просвѣщенія о дозволеніи ученикамъ 1-й Кіевской Гимназіи, кромѣ упражненій въ Русской Словесности въ классахъ, заниматься ею особо, предлагая для того слѣдующія основанія.

1) Число сотрудниковъ сего предпріятія ограничивается 20; оно можетъ увеличиться присоединеніемъ новыхъ сотрудниковъ изъ учениковъ Кіевской Гимназіи, но не иначе, какъ съ согласія большинства голосовъ и съ утвержденія Директора Гимназіи.

2) Всякій изъ сотрудниковъ обязанъ каждыя три недѣли представить не менѣе одной большой статьи, и не представившій безъ основательныхъ причинъ подвергается исключенію изъ числа сотрудниковъ. Сему же подвергается тотъ, чьи сочиненія имѣли бы безнравственное направленіе и кто бы замѣченъ былъ въ худомъ поведеніи. Исключеніе кого-либо изъ числа сотрудниковъ должно быть утверждено Директоромъ Гимназіи.

3) Написанныя сочиненія и переводы принимаетъ одинъ изъ сотрудниковъ, къ тому назначенный, всѣ безъ исключенія, и отмѣчая время доставленія и имя сочинителя или переводчика въ особой тетради, представляетъ ихъ Директору Гимназіи.

4) Возвращенныя Директоромъ статьи съ неодобрительною помѣткою, возвращаются за роспискою представившимъ оныя, съ тѣмъ, чтобы онѣ оставались въ неизвѣстности, развѣ бы были вновь и въ исправленномъ видѣ вторично представлены.

5) Одобренныя Директоромъ статьи, бывъ возвращены предоставителю оныхъ, разсматриваются по содержанію, тѣми изъ сотрудниковъ, кои въ числѣ 7 избраны для прочтенія и оцѣнки статей въ литературномъ отношеніи. Каждую Среду послѣ утреннихъ классовъ, въ одномъ изъ классовъ Гимназіи собираются поименованные здѣсь 7 сотрудниковъ для прочтенія и оцѣнки розданныхъ имъ сочиненій и по порядку объявляютъ свое мнѣніе, подкрѣпляя оное, въ случаѣ нужды, подробными отчетами о достоинствѣ или недостаткахъ сочиненія въ отношеніи къ мысли, расположенію и вообще исполненію. По большинству голосовъ назначаются одобренныя сочиненія къ прочтенію всѣмъ сотрудникамъ; другія статьи хранятся не переписанными, или возвращаются для исправленія. При разсмотрѣніи сочиненій должно наблюдать слѣдующее: 1) чтобы ни въ какомъ сочиненіи не было личностей, противъ кого бы то ни было; 2) чтобы представляемые кѣмъ либо критическіе разборы были вѣжливы; 3) чтобы не было двусмысленностей и вообще неумѣстныхъ выраженій; 4) чтобы одинъ и тотъ же сотрудникъ не подавалъ двухъ повѣстей въ два или три мѣсяца; 5) чтобы не были подаваемы воспитанниками статьи имъ не принадлежащія. 6) Каждыя двѣ недѣли собираются всѣ сотрудники въ одинъ изъ классовъ къ тому отведенный въ Гимназіи и въ присутствіи ихъ читаются сочиненія и переводы къ чтенію назначенные въ предварительномъ собраніи, о которомъ говорилось въ § 5. Нѣтъ необходимости, чтобы сочинитель или переводчикъ

самъ читатель статьи; чтеніе можетъ быть поручено лучшему чтецу, который долженъ быть предварительно увѣдомленъ. По прочтеніи каждаго чтенія въ той статьѣ объявляется, кто изъ сотрудниковъ въ долгу сочиненіемъ, и что при дальнѣйшемъ неисполненіи обязанностей будетъ онъ представленъ къ исключенію. Въ семъ же собраніи можно, чье сочиненіе не назначено къ чтенію и не внесено въ общую тетрадь трудовъ, можетъ спросить о побудительной къ тому причинѣ; но выслушавъ отчетливое объясненіе отъ тѣхъ, кои его цѣнили, не имѣетъ права дѣлать на оное возраженія, хотя бы въ несправедливости оцѣнки о своемъ трудѣ былъ внутренно убѣжденъ. 7) Поелику можетъ случиться, что методическія занятія сотрудниковъ не дозволятъ оставаться имъ въ собраніи такъ долго, чтобы даже назначенныя къ прочтенію сочиненія были прочтены, то въ такомъ случаѣ читаются занимательнѣйшія и болѣе выигрывающія отъ декламаціи, прочія же объявляются только по заглавіямъ. Для прочтенія нечитанныхъ статей, чтобы не давать самой тетради, дозволяется снимать копіи, такъ, чтобы все назначенное къ прочтенію въ одно двунедѣльное собраніе заключалось въ одной тетради подъ названіемъ: «Опыты литературные учениковъ Первой Кіевской Гимназіи, одобренные къ чтенію въ такомъ-то собраніи и утвержденные Директоромъ Гимназіи.» 8) Въ собраніяхъ какъ частныхъ, такъ и общихъ, не должно быть ничего говорено и писано, кромѣ относящагося къ занятіямъ въ вышеписанныхъ

пунктахъ опредѣленнымъ: слѣдовательно, никакія складки денегъ или возложеніе новыхъ обязательствъ или порученій ни подъ какимъ видомъ не должны имѣть мѣста. 9) Никто изъ постороннихъ, кромѣ Директора и Гг. другихъ начальствующихъ, не долженъ находиться въ собраніи. 10) Употребленіе названій Общества, Членовъ, Предсѣдателя, Секретаря и всякихъ другихъ званій Общества, Правительствомъ присвояемыхъ, строжайше воспрещается, во-первыхъ какъ противозаконное, во-вторыхъ какъ дѣтское подражаніе, дающее видъ забавы серьезному и благонамѣренному занятію въ Русской Словесности, коему Гимназическое Начальство будетъ оказывать свое покровительство.

Сіи правила заслужили полное одобреніе Г. Министра, который предписалъ при томъ Г. Попечителю принять такое занятіе Воспитанниковъ въ особенное свое наблюденіе.

Опредѣленія и увольненія.

По Департаменту Народнаго Просвѣщенія.

Опредѣленъ на вакансію Младшаго Помощника Начальника Хозяйственнаго Стола по III Отдѣленію отст. Флота Лейтенантъ *Балясогло* (22 Генв.); назначенъ Чиновникомъ особыхъ порученій при Департаментѣ Надв. Сов. *Струйскій* (17 Генв.).

По Университетамъ.

По С. Петербургскому: оставлены, по случаю преобразованія С. Петербургскаго Университета, Лекторами языковъ: Нѣмецкаго *Свенске*, Французскаго *Сенъ-Жульенъ*, Италіянскаго *Манцини* и Англійскаго *Варендъ* и Учитель Рисованія *Иверсенъ* (16 Генв.); поручено временно исправлять должность Архитектора при Университетѣ, впредь до опредѣленія Преподавателя по каѳедрѣ Архитектуры, Профессору Академіи Художествъ *Щедрину* (22 Генв.).

По Московскому: утвержденъ бывшій Профессоръ сего Университета *Страховъ* Ординарнымъ Профессоромъ по каѳедрѣ Ветеринарной Науки (22 Генв.).

По Университету Св. Владиміра: утвержденъ Ординарнымъ Профессоромъ Энциклопедіи Правъ и Учрежденій Россійской Имперіи Докторъ Правъ *Неволинъ* (30 Генв.).

По Дерптскому: утвержденъ въ званіи Заслуженнаго Профессора Ордин. Проф. *Ледебуръ* и уволенъ отъ Профессорской должности съ полнымъ пансіономъ (25 Генв.).

По Главному Педагогическому Институту.

Утверждены въ званіи Ординарныхъ Профессоровъ Экстраордин. Профессоры *Зембницкій* и *Ободовскій*, и въ званіи Экстраордин. Профессора Адъюнктъ *Постельсъ* (18 Генв.).

По Учебнымъ Округамъ.

По Московскому: уволенъ отъ званія Чиновника особыхъ порученій при Попечителѣ Кол. Ассес. *Князь Голицынъ* и утвержденъ Почетнымъ Смотрителемъ Можайскаго Уѣзднаго Училища (22 Генв.). Утвержденъ Инспекторомъ Казенныхъ Училищъ Инспекторъ Московской Губернской Гимназіи Надв. Сов. *Бѣляковъ* (20 Генв.).

По Казанскому: перемѣщенъ Почетный Смотритель Кунгурскаго Уѣзднаго Училища *Шестаковъ* къ таковой же должности въ Пермское Уѣздное Училище (6 Генв.).

По Харьковскому утверждены Почетными Смотрителями Окружныхъ Училищъ — перваго Донскаго Войсковой Старшина *Кузнецовъ*, Усть-Медвѣдицкаго отст. Штабъ-Ротмистръ *Серебряковъ*, Хоперскаго отст. Поручикъ *Красновъ* и Донецкаго отст. Есаулъ *Сарыновъ* (26 Генв.).

По Кіевскому: утвержденъ Директоромъ 2-й Кіевской Гимназіи Учитель Историческихъ Наукъ при Московскомъ Училищѣ Ордена Св. Екатерины и Москов. Воспит. Дома Надв. Сов. *Милашевичь* (6 Генв.).

По Бѣлорусскому: опредѣленъ Исправляющимъ должность Директора Училищъ Бѣлостокской Области отст. Подполковникъ *Устиновъ* (16 Генв.).

Объявлена признательность Министра Народнаго Просвѣщенія:

Помѣщику Минской Губерніи Г. *Костровицкому* за пожертвованіе въ пользу Дисненскаго Приходскаго Училища всей классной мебели (25 Генв.); Издателю Греко-Россійскаго Словаря Профес. Ивашковскаго Г-ну *Зосимѣ*, за принятіе на себя издержекъ потребныхъ на напечатаніе недостающихъ листовъ (31 Генв.); Почетному Попечителю Харьковской Гимназіи *Графу Гендрикову* за пожертвованіе для предполагаемаго при сей Гимназіи Благороднаго Пансіона разныхъ хозяйственныхъ и другихъ вещей, на сумму 1138 р. 50 к.; Статскому Совѣтнику *Соцу* за пожертвованіе въ пользу Учебныхъ Заведеній 40 экз. изданной имъ въ 1826 г. книги: Опытъ библіотеки для военныхъ людей (16 Генв.); Стороннему Ценсору Надв. Сов. *Семенову* за пожертвованіе въ пользу Губернскихъ Публичныхъ Библіотекъ 52 экземпляровъ переведенной имъ съ Нѣмецкаго Драмы, соч. Раупаха: Земная ночь (27 Генв.).

II.

НАУКИ И СЛОВЕСНОСТЬ.

1.

О РУССКОЙ РИТОРИКѢ XI ВѢКА.

ЗАПИСКА,

читанная Высокопреосвященнымъ Митрополитомъ Московскимъ и Коломенскимъ Филаретомъ, въ засѣданіи ИМПЕРАТОРСКОЙ Россійской Академіи, 18 Генваря 1836 года.

Можетъ быть, не нелюбопытно будетъ Россійской Академіи бросить взглядъ на Русскую Риторику одиннадцатаго вѣка.

Для сего представляется отрывокъ изъ рукописи 1073 года, писанной для Великаго Князя Святослава, хранящейся нынѣ въ Московской Синодальной Библіотекѣ.

Рукопись называется *Изборникъ*, то есть, извлеченіе избранныхъ мѣстъ изъ разныхъ Писателей.

Она содержитъ наиболѣе предметы, относящіеся до Христіанскаго ученія, но частію и метафизическіе по разуму того вѣка, на примѣръ, *о естествѣ, о собствѣ, о лицѣ, о различіи, о случаѣхъ, о супротивныхъ, о оглаголемыхъ.*

На листѣ 237, на оборотѣ, начинается 1я статья Книги, которая говоритъ о тропахъ и фигурахъ. Вотъ ея начало.

«Георьгия Хоуровьска о образѣхъ. Творьчьстии образи сѫтъ кз҃.

1) инословие.
2) прѣводъ (метафора).
3) напотребие.
4) приятие.
5) прѣходьное.
6) възвратъ.
7) съприятие.
8) сънятие.
9) именотворие (onomatopeia).
10) сътворение.
11) въименомѣстьство.
12) отъимение (metonymia).
13) въспятословие.
14) окроугословие.
15) неспятъкъ.
16) надредние.
17) лихорѣчые.
18) притъча.
19) приклядъ.
20) отъдание.
21) лицетворые (олицетвореніе).

22) сълогъ.
23) пороуганіе (ironia).
24) видъ.
25) послѣдословіе.

«Инословіе оубо іесть ино нѣчто глаголюще, а инъ разоумъ оуказаіюще, яко же іесть іе речено отъ Бга къ змии: проклята ты и отъ всѣхъ звѣрей: слово бо аще змии іесть, а диавола же ино рѣчение являіетъ нарицаіема разоумѣваіемъ.»

Далѣе слѣдуютъ подобныя сему опредѣленія и прочихъ вышеисчисленныхъ наименованій, но не всѣ довольно понятныя для читателя, можетъ быть и потому, что недостаточно понимаемы были предметы составителемъ или переводчикомъ, — издателемъ Русской Энциклопедіи одиннадцатаго вѣка.

2.

ОЧЕРКЪ ПЕДАГОГИЧЕСКИХЪ НАЧАЛЪ.

Педагогія, въ обширномъ своемъ значеніи, имѣетъ цѣлью воспитаніе всего человѣка, въ его умственномъ, нравственномъ и физическомъ отношеніи. Всякій наставникъ, дѣйствуя для блага общественнаго, непремѣнно долженъ имѣть въ виду два первыя условія воспитанія, и всякое Училище, будучи школою ума, вмѣстѣ съ тѣмъ должно быть и школою нравственности. Обыкновенно утверждаютъ, что это возможно только въ тѣхъ Учебныхъ Заведеніяхъ, гдѣ воспитанники и живутъ и учатся, но тамъ, куда приходятъ они на нѣсколько часовъ въ день для слушанія уроковъ, это исполнимо только отчасти. Между тѣмъ ученикъ, посѣщающій какое-нибудь Учебное Заведеніе, проводитъ въ классѣ отъ 5 до 6 часовъ въ день. Если принять въ соображеніе все время, необходимое для повторенія уроковъ дома, то едва ли останется воспитаннику болѣе 3 часовъ въ день быть на свободѣ съ своими домашними: слѣдственно большую и лучшую часть дня проводитъ онъ въ бесѣдѣ съ учителями. А сколько средствъ имѣетъ наставникъ внушить отроку или юношѣ правила чистѣйшей нравственности, такъ, чтобы и Наука ничего не утратила отъ этого во времени! Признаемся

лучше, что мы, наставники, поступаемъ, по большей части, эгоистически, заботясь преимущественно объ умственномъ воспитаніи, а въ нравственномъ отношеніи ограничиваемся только тѣмъ, чтобы ученики скромно вели себя въ классѣ. — Отъ Педагога — говорилъ Шпиллеръ въ своей книгѣ: das Ganze der Erziehung — требуется то же, что и отъ Оратора, по выраженію Цицерона: онъ долженъ быть, въ строгомъ значеніи слова, vir bonus, мужъ добрый, и вполнѣ обладать тѣми Науками, которыя преподаетъ. Отъ его благодушія много зависитъ и самый успѣхъ ученія. Воспитанники, любя наставника, съ любовью занимаются и предметомъ преподаванія. А гдѣ есть любовь, эта крѣпкая основа всякаго благоденствія, въ высшемъ значеніи своемъ заповѣданная намъ Божественнымъ ученіемъ Вѣры Христіанской, тамъ уничтожаются всѣ трудности. Желательно, чтобы принимающіе на себя важную обязанность наставниковъ, побуждаемы были къ этому внутреннимъ призваніемъ, а не посторонними выгодами; чтобы молодые люди, намѣревающіеся посвятить себя образованію юношества, съ благоговѣніемъ помышляли о важности долга, возлагаемаго на воспитателей, и заботились объ усовершенствованіи себя въ нравственномъ отношеніи столько же, сколько и въ умственномъ. — И такъ Педагогія, въ обширномъ смыслѣ, бываетъ: 1) Дидактическая или учебная, 2) Нравственная или назидательная и 3) Физическая, имѣющая предметомъ укрѣпленіе тѣла, что также весьма важно по вліянію на умъ и нравственность. Но здѣсь, въ краткомъ очеркѣ педаго-

гическихъ началъ, мы исключительно займемся дидактическою частію.

Самая природа ума человѣческаго служитъ намъ образцомъ въ преподаваніи. Слѣдя всѣ дѣйствія мыслящей способности нашей, мы замѣчаемъ въ ней два способа пріобрѣтать познанія: первый, которымъ обыкновенно начинаемъ, *синтетическій*; вторымъ способомъ доходимъ мы до втораго, *аналитическаго*. Синтезисъ путемъ опыта ведетъ насъ отъ частнаго къ общему, отъ видимаго къ отвлеченному; слѣдственно, всякая отвлеченность предполагаетъ уже извѣстную видимость. Безъ опыта умъ человѣческій не можетъ дѣйствовать, какъ огонь не можетъ горѣть безъ матеріи, какъ свѣтъ не можетъ свѣтить безъ отраженія. И потому наши знанія происходятъ собственно a posteriori. Знанія a priori пріобрѣтаемъ мы внутреннимъ откровеніемъ: таковы понятія относительно высшихъ предметовъ размышленія. Эти понятія не составляются силлогистическимъ умствованіемъ, но открываются намъ внезапно, вдохновительнымъ голосомъ сердца, которое можетъ удостоиться быть престоломъ Всевышняго. Священныя сказанія Моисея доказываютъ намъ, что человѣкъ, умомъ своимъ проникая многія сокровеннѣйшія тайны въ Природѣ, до истиннаго Богопознанія не иначе могъ возвыситься, какъ посредствомъ откровенія. Знанія a priori бываютъ и не одни высшія: они могутъ быть и низшаго достоинства: таковы суть поэтическія. Геніальные Поэты, въ афористическихъ выраженіяхъ своихъ, скрываютъ много истинъ относительно нравственной природы человѣка.

Намъ остается только развивать эти истины, какъ полнозначительныя идеи, вдохновенныя Поэту его геніемъ въ часы благоговѣйнаго творчества; — говорю: благоговѣйнаго, потому что истинный Поэтъ не иначе, какъ съ благоговѣніемъ долженъ приступать къ выраженію сердечныхъ думъ своихъ. Такъ поступалъ Гёте въ лѣтахъ зрѣлаго мужества: онъ глубоко постигалъ всю важность поэтическихъ сказаній, все ихъ вліяніе на общество.

Сообразно съ природою мыслящей способности нашей, и Педагогія принимаетъ основаніемъ началъ своихъ два способа преподаванія: 1) *синтетическій* ведущій отъ частнаго къ общему, и 2) *аналитическій* — отъ общаго къ частному. Эти два способа должны быть не разлучны при объясненіи всякаго знанія; но Языкоученіе, Исторія, Географія и Естественныя Науки, по сущности своей, требуютъ, чтобы перевѣсъ былъ на сторонѣ синтезиса. Педагогія преимущественно должна обращать вниманіе на первоначальное ученіе, потому что отъ успѣшнаго преподаванія въ низшихъ классахъ (*) зависятъ успѣхи и въ высшихъ. Наставнику предстоитъ важная обязанность — нисходить до степени понятія отроковъ, съ тѣмъ чтобы въ послѣдствіи, съ самою строгою постепенностью, возвести ихъ до той степени зрѣнія, на которой находится самъ преподаватель. Онъ обязанъ съ точнѣйшею наблюдательностью слѣдить направленіе мыслящей способности дѣтей и сообразоваться съ этимъ

(*) Говоря о низшихъ, среднихъ и высшихъ классахъ, я разумѣю Гимназіи.

направленіемъ во всѣхъ пріемахъ своего преподаванія. Слѣдственно, всякій Педагогъ долженъ основательно изучить Логику, Этику и Эстетику; но постояннымъ, всего болѣе соотвѣтствующимъ его назначенію предметомъ наблюденій должна быть Эмпирическая Психологія. Въ низшихъ классахъ преподаваніе требуетъ несравненно болѣе усилій со стороны наставника, нежели въ высшихъ. Учитель, хорошо знающій свой предметъ и владѣющій даромъ слова, легко можетъ передать свои мысли юношѣ, который, по степени умственнаго развитія, близко уже подходитъ къ своему наставнику, тогда какъ въ низшихъ классахъ знаніе предмета и даръ слова не могутъ еще служить условіями успѣховъ, если преподаватель не умѣетъ нисходить до степени понятій, на которой находится умъ отрока. Такъ какъ ученіе въ низшихъ классахъ есть не иное что, какъ приготовленіе къ разнаго рода знаніямъ, слѣдуетъ доводить его до послѣдней степени видимости, Veranschaulichung, такъ чтобы учащійся, при самомъ началѣ, очертательно могъ видѣть предлагаемый ему предметъ знанія. Всякая Наука, въ основаніяхъ своихъ, чрезвычайно проста: надобно только умѣть представить эту простоту въ ощутительныхъ формахъ. Начиная съ низшаго класса, преподаватели обязаны внушать сію истину учащимся, требуя отъ нихъ не усилій ума, потому что всякое усиліе въ Наукѣ вредно — оно истощаетъ умственныя силы, но постояннаго вниманія и прилежанія, какъ непремѣнныхъ условій всякаго успѣха при самыхъ посредственныхъ дарованіяхъ. Отвлеченный языкъ опредѣленій пагубенъ для ума отроческаго, потому

что всякое опредѣленіе есть результатъ точныхъ наблюденій и зрѣлой обдуманности. Начинать преподаваніе, на примѣръ, Грамматики, заставляя воспитанника учить наизусть опредѣленіе самой Науки и всѣхъ частей ея, тогда какъ у него въ головѣ нѣтъ еще никакихъ данныхъ для разумѣнія этихъ опредѣленій — значитъ давать уму его такую пищу, которой онъ переварить не въ состояніи. Но пусть напишетъ онъ на доскѣ нѣсколько словъ, имъ же самимъ придуманныхъ: заставьте его съ разстановкою произнести каждое слово, обратите его вниманіе на число звуковъ въ каждомъ словѣ, и онъ самъ собою дойдетъ до понятія о слогахъ, о гласныхъ и согласныхъ буквахъ. Такимъ же точно образомъ поступайте и при дальнѣйшемъ объясненіи Грамматики, заставляя ученика, подъ искуснымъ руководствомъ вашимъ, писать примѣры, изъ которыхъ онъ, такъ сказать, картинно могъ бы видѣть требованія Науки, и вы удивитесь, съ какою простотою выскажетъ онъ вамъ, разумѣется, по своему, отрывисто, тѣ же отвлеченныя опредѣленія, которыми угрожаютъ учащимся въ книгахъ, писанныхъ языкомъ совсѣмъ не дѣтскимъ. Понятіе о такъ называемыхъ у насъ залогахъ глагола слишкомъ отвлеченно для отроческаго ума: объяснять 10 или 11-тилѣтнему воспитаннику различіе между дѣйствительнымъ, среднимъ и прочими глаголами, значитъ обременять незрѣлый умъ его стремленіемъ къ такой цѣли, до которой онъ съ большимъ усиліемъ едва ли можетъ достигнуть. Дидактическая Педагогія должна полагать непремѣннымъ условіемъ — тогда только

приступать къ объясненію какого-нибудь правила, когда ученикъ имѣетъ въ головѣ достаточный запасъ данныхъ для разумѣнія этого правила. Иначе, онъ утомится, и вмѣсто любви, если не получитъ отвращенія отъ Науки, то сдѣлается къ ней равнодушенъ и холоденъ. И потому послѣдовательное преподаваніе Синтаксиса въ низшихъ классахъ не соотвѣтствуетъ своей цѣли. Развѣ только нѣкоторыя самыя необходимыя правила изъ Синтаксиса согласованія (Syntaxis concordiae) могутъ имѣть мѣсто въ сихъ классахъ. Здѣсь надобно занимать учащихся преимущественно по синтетическому способу, упражнять всего болѣе память, какъ способность почти механическую, которая преобладаетъ въ дѣтяхъ, потому что высшія умственныя способности развиваются позднѣе, съ лѣтами; надобно заставлять воспитанниковъ учить наизусть или продиктованные имъ, не превышающіе ихъ понятій стихи и даже прозу, выбирая занимательные для нихъ отрывки и стараясь разнообразить эти статьи, какъ по содержанію, такъ и по наружной формѣ, или раздавать имъ составленныя для этого книжки. Правописаніе, по своей формальности, очевидно, относится къ сему же курсу грамматическаго ученія. Учители низшихъ классовъ, постоянно имѣя въ виду, что ихъ преподаваніе есть только приготовленіе къ дальнѣйшему ученію, должны принять за основное правило не обременять воспитанниковъ уроками: всегда лучше предлагать имъ для соображенія, или выученія наизусть менѣе, чѣмъ болѣе, съ тѣмъ только, чтобы и это немногое они совершенно усвоили себѣ. Пространное изло-

женіе. Синтаксиса надобно отнести къ среднимъ классамъ, когда ученики обогатятся хорошимъ запасомъ всякаго рода оборотовъ. Опыты въ сочиненіяхъ на языкѣ Отечественномъ слѣдуетъ начинать также въ среднихъ классахъ, гдѣ воспитанники, владѣя бо́льшею силою ума, могутъ съ пользою трудиться въ этомъ отношеніи: потому что 10 или 11-лѣтніе отроки не способны еще къ той послѣдовательности изложенія, которая требуется отъ всякаго письменнаго упражненія, какъ бы просто оно ни было. Сначала эти опыты могутъ быть или сокращеніемъ прочитаннаго, или прозаическимъ перифразисомъ краткаго стихотворенія, или повтореніемъ того, что̀ разсказано преподавателемъ. Въ полномъ смыслѣ сочиненія на языкѣ Отечественномъ надобно предоставить высшимъ классамъ. Здѣсь можно предлагать ученикамъ распространеніе въ прозѣ и объясненіе разнаго рода стихотвореній, и сверхъ того занимать ихъ разсужденіями о предметахъ нравственности и практической жизни, наблюдая однако же, чтобы эти предметы, простотою своихъ отношеній, соотвѣтствовали умственнымъ силамъ юношества. Преподающій Россійскую Словесность въ высшихъ классахъ благоразумнымъ руководствомъ своимъ обязанъ содѣйствовать развитію поэтическаго таланта, какъ скоро замѣтитъ его въ комъ-нибудь изъ учащихся.

Въ преподаваніи не только новѣйшихъ, но и древнихъ языковъ должень господствовать почти тотъ же синтетическій способъ, какъ и въ преподаваніи языка Отечественнаго. У насъ, къ не-

счастію, укоренился предразсудокъ, что знаніе древнихъ языковъ пріобрѣтается кровавымъ потомъ. Конечно, Словесность Греческая и Римская, будучи выраженіемъ инаго вѣка, иной Религіи, слѣдственно инаго способа воззрѣнія на предметы, какъ по внѣшнимъ формамъ, такъ и по внутреннему содержанію, представляетъ учащемуся болѣе трудностей, нежели какая-нибудь новѣйшая Литература, во всѣхъ отношеніяхъ къ намъ близкая. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы знаніе древнихъ языковъ пріобрѣталось кровавымъ потомъ. Взгляните съ этой стороны на Нѣмцевъ. Они, вступая въ Училище, вовсе уже не думаютъ о трудностяхъ понимать Грековъ и Римлянъ; а такъ какъ стремленіе къ ученію у нихъ доходитъ иногда до non plus ultra, то большая часть заботится о преодолѣніи другаго рода затрудненій относительно физическаго существованія, потому что въ Германіи воспитанники почти всегда обязаны, и въ самыхъ Учебныхъ Заведеніяхъ, платить деньгами за свое умственное воспитаніе: въ чемъ мы, къ счастію, не имѣемъ нужды. По единогласному отзыву многихъ Нѣмецкихъ Педагоговъ, ни одно изъ Учебныхъ Заведеній въ Германіи не обезпечено со стороны Правительства такъ, какъ въ Россіи. Дѣло въ томъ, что у насъ, даже въ первоначальномъ преподаваніи, господствуетъ аналитическій способъ, дѣйствительно утомительный не только для отроковъ, но и для юношей. Когда ученики будутъ знать главныя этимологическія правила, то не утомляйте ихъ вниманія послѣдовательнымъ объясненіемъ Синтаксиса, а тотчасъ займите ихъ

переводить легкихъ *Латинскихъ* Авторовъ, преимущественно Историковъ, и въ продолженіе нѣсколькихъ уроковъ помогайте имъ письменно, сколько можно ближе къ оригиналу, переводить съ *Латинскаго* на языкъ Отечественный, сопровождая переводы одними только самыми необходимыми синтаксическими объясненіями. Потомъ, при повтореніи уроковъ дома, велите имъ, или по немногу учить наизусть, или по нѣскольку разъ и попремѣнно вслухъ прочитывать подлинникъ, имѣя передъ глазами Русскій переводъ, составленный ими подъ вашимъ руководствомъ. Ученіе наизусть или частое повтореніе прекращается тогда только, когда ученики довольно уже свободно, разумѣется, при помощи *Лексикона*, [illegible] сами собою понимать легкихъ Авторовъ; но и тогда слѣдуетъ имъ продолжать чтеніе вслухъ. Подробное объясненіе Синтаксиса и постоянное упражненіе въ письменныхъ переводахъ съ Русскаго на *Латинскій* надобно предоставить 5-му и 6-му классамъ, гдѣ ученики должны имѣть въ памяти достаточный запасъ всякаго рода оборотовъ, съ тѣмъ чтобы здѣсь окончательно пройти всѣ синтаксическія правила. Въ 3-мъ и 4-мъ классахъ учитель можетъ ограничиться самыми краткими переводами съ Русскаго на доскѣ, во время преподаванія. Есть два способа читать въ классѣ Авторовъ: 1) бѣглый (cursorische Lesung), когда учитель не останавливаетъ ученика для анализированія словъ, и 2) остановочный (statarische Lesung), когда преподаватель, по окончаніи каждаго періода, заставляетъ учениковъ этимологически и синтаксически обозрѣ-

вать всѣ части рѣчи. Благоразумное преподаваніе требуетъ соединенія этихъ двухъ способовъ, но такъ, чтобы не утомлять учащихся слишкомъ подробнымъ и продолжительнымъ разборомъ словъ, особенно въ низшихъ классахъ, гдѣ перевѣсъ долженъ быть на сторонѣ бѣглаго чтенія. Въ среднихъ подобно соблюдать болѣе равновѣсія въ этомъ отношеніи, и, при синтетическомъ способѣ ученія, можно довести воспитанниковъ до того, что въ 7-мъ классѣ они вовсе не будутъ имѣть нужды въ этимологическомъ чтеніи. Германскіе преподаватели, всегда строго соединявшіе синтетическую методу съ аналитическою, по большей части слѣдуютъ теперь вышеизложенному правилу въ преподаваніи древнихъ языковъ. Распредѣленіе, какихъ Авторовъ читать въ каждомъ классѣ, требуетъ довольно строгой постепенности: въ этомъ случаѣ Германцы, какъ опытнѣйшіе Педагоги, могутъ служить образцами. Нѣмецкія Гимназіи раздѣляются по большей части на пять классовъ: 1-й, высшій, соотвѣтствуетъ нашему 7-му, и т. д. Вотъ порядокъ, въ какомъ преподается тамъ языкъ Латинскій. Въ 5-мъ, низшемъ классѣ, проходятъ одну только Этимологію, по Брёдеру или Цумпту. Въ 4-мъ изучаютъ главныя синтаксическія правила, читаютъ Якобсову Хрестоматію и Басни Федра. Въ 3-мъ съ большею точностію упражняютъ учениковъ въ Грамматикѣ и заставляютъ письменно переводить съ Нѣмецкаго по извѣстнымъ синтаксическимъ правиламъ; читаютъ Цезаря, Непота и Овидія по учебной книгѣ: Chrestomathia Ovidiana. Въ 1-мъ ученики, занимаясь сочиненіями на языкѣ Латин-

словъ, уже безъ примѣненія къ Синтаксису, изучаютъ Горація и Тацита, сверхъ того, по большей части, бѣгло (cursorisch) читаютъ котораго-нибудь изъ назначенныхъ для 2-го класса Прозаиковъ. Упражненія въ Латинскомъ слогѣ усилены здѣсь до того, что преподаватели заставляютъ иногда воспитанниковъ сочинять стихи, обыкновенно гекзаметрическіе. Въ преподаваніи Греческаго языка, который въ Училищахъ всегда слѣдуетъ послѣ Латинскаго, соблюдая вышеприведенное для сего послѣдняго педагогическое правило; надобно еще болѣе усилить синтезисъ, какъ по богатству формъ Греческихъ, такъ и потому, что учащійся, привыкнувъ нѣсколько къ оборотамъ Латинскимъ и невольно руководствуясь аналогіею между обоими языками, легче и скорѣе обогатитъ память свою всякаго рода выраженіями. Въ Нѣмецкихъ Гимназіяхъ ученіе Греческому языку начинается въ 4-мъ классѣ и продолжается съ тою же постепенностью, какъ и ученіе языку Латинскому. Слѣдственно, Гимназисты 1-го класса, въ разсужденіи Греческой Грамматики, занимаются тѣмъ же, чѣмъ занимались они во 2-мъ, относительно теоріи языка Латинскаго. Въ 3-мъ классѣ читаютъ послѣднія статьи 1-й и 2-й Частей (Attica) Якобсовой Греческой Хрестоматіи. Во 2-мъ, не оставляя учебной книги Якобса, читаютъ Гомера (обыкновенно по Коховой книжкѣ: Sechs Bücher der Odyssee), Ксенофонта (*Κύρου παιδεία*, *Κύρου ἀνάβασις*) и Геродота. Въ 1-мъ, продолжая чтеніе Гомера въ полныхъ изданіяхъ, приступаютъ къ изученію одного изъ Трагиковъ, обыкновенно Софокла или Эврипида, а изъ Прозаиковъ

читаютъ Плутарха, Фукидида и Платона. Письменные переводы на Греческій, съ приложеніемъ къ Синтаксису, начинаются въ 3-мъ и продолжаются во 2-мъ и 1-мъ классахъ.

Самымъ лучшимъ оправданіемъ синтетическаго способа служитъ метода Жакото: онъ не открылъ ничего новаго, но только усилилъ тѣ пріемы въ преподаванія, которыми и до него пользовались многіе наставники. Впрочемъ его метода требуетъ ограниченія, особенно по части древнихъ языковъ и относительно ученія въ многочисленныхъ классахъ. Съ 1824 года, кончивъ курсъ Филологическихъ Наукъ въ Университетѣ, я преподавалъ между прочими предметами, и Латинскій языкъ, слѣдуя вышеприведенному правилу, и ученики, съ хорошими способностями, въ 7 или 8 мѣсяцевъ достигали до той степени знанія, до которой, другіе, съ такими же дарованіями, учась по аналитическому способу, не могутъ достигнуть въ столь короткое время. Всякій языкъ, какъ бы ни былъ богатъ формами, столь вѣренъ своимъ началамъ, что учащійся, начиная довольно легко понимать Авторовъ, пріобрѣтаетъ уже извѣстный навыкъ, руководствующій его въ преодолѣніи такъ называемыхъ трудностей, которыя состоятъ какъ бы въ прихотяхъ, капризахъ каждаго языка. Занимаясь, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, преподаваніемъ Россійской Словесности въ Ревельскомъ Домскомъ Дворянскомъ Училищѣ; собственнымъ опытомъ ежедневно убѣждался я въ истинѣ этой мысли. На примѣръ: не обременяя учащихся неудовлетворительнымъ и въ нашемъ богатомъ форма-

ми языкѣ, едва ли возможнымъ раздѣленіемъ глаголовъ на извѣстное число спряженій (*), но предлагая однѣ только главныя для этого схемы, при остановочномъ чтеніи я руководствовалъ ихъ въ умѣніи различать виды глагола, и учащіеся весьма легко привыкали, по какому-то сближенію, узнавать сіи виды въ неокончательныхъ наклоненіяхъ, и уже отъ сихъ послѣднихъ производить всѣ времена: слѣдственно преодолѣвали одну изъ главныхъ трудностей нашего языка.

Преимущество синтетическаго способа ученія передъ аналитическимъ состоитъ въ томъ, что учащійся, при содѣйствіи наставника, самъ собою, положительно доходитъ до законовъ анали-

(*) Раздѣленіе глаголовъ на извѣстное число спряженій возможно тогда только, когда оно допускается опредѣленностію видоизмѣненій; на примѣръ, въ Латинской и Французской Грамматикахъ. Если уже Русскій языкъ до такой степени изобилуетъ формами, что всякій опытъ подвести наши глаголы, по примѣру Латинскихъ или Французскихъ, подъ опредѣленное число спряженій непремѣнно предполагаетъ множество исключеній, и учащійся, скорѣе по собственному навыку, нежели по предложеннымъ ему неточнымъ правиламъ, узнаетъ видоизмѣненія сей части рѣчи: то нѣтъ сомнѣнія, что теорія нашихъ глаголовъ, во многихъ отношеніяхъ, требуетъ иныхъ условій, нежели какія приняты были до сихъ поръ. Языкъ Латинскій, по своей опредѣленности, съ немногими исключеніями, допускаетъ строгую точность въ раздѣленіи глаголовъ на спряженія. Греческій языкъ, по богатству формъ, не подчиняется подобной точности: то же самое можно сказать и о Русскомъ языкѣ. Извѣстно, что отличительное свойство нашихъ глаголовъ, такъ же какъ, вѣроятно, и въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, по крайней мѣрѣ въ Польскомъ, имѣетъ основаніемъ краткость дѣйствія. Съ этой точки и разсматриваются глаголы въ нашихъ Грамматикахъ; но результаты, отсюда выводимые, не вполнѣ соотвѣтствуютъ своей цѣли.

зиса, этой высшей цѣли всякаго знанія, которая заключается въ приведеніи всѣхъ однородныхъ опытовъ къ единству началъ. Юноша или отрокъ, собственнымъ наблюденіемъ слѣдя подробности изучаемаго предмета, легко выводитъ изъ нихъ заключенія, и видя успѣхъ въ своихъ занятіяхъ, тѣмъ съ большею охотою предается Наукѣ. Здѣсь обязанность наставника состоитъ въ томъ, чтобы, руководствуя ученика, начинать съ легчайшаго и простѣйшаго, и постепенно доходить до труднѣйшаго и многосложнѣйшаго.

Преподаваніе Исторіи въ низшихъ классахъ составляетъ одну изъ труднѣйшихъ задачъ Педагогіи. Здѣсь надобно занимать воспитанниковъ преимущественно такими предметами, которые заключаютъ въ себѣ много механическаго, на примѣръ, Языкоученіемъ, Географіею. Въ Исторіи же, кромѣ собственныхъ именъ, весьма мало, или лучше сказать, нѣтъ механическаго, потому что всякій историческій фактъ, какъ бы простъ онъ ни былъ, есть уже или результатъ предыдущаго, или причина послѣдующаго, да и самая Хронологія, вмѣстѣ съ собственными именами, удерживается въ памяти по соображенію послѣдовательности событій. Понятіе о теченіи историческаго времени слишкомъ отвлеченно для нѣжнаго отроческаго возраста: одиннадцатилѣтній, хорошими способностями одаренный воспитанникъ не только не можетъ перенестись мыслію за нѣсколько тысящелѣтій, онъ не въ состояніи даже надлежащимъ образомъ постигнуть послѣдовательности нѣсколькихъ столѣтій въ приложеніи къ событіямъ. Не надоб-

но приводить въ примѣръ одиннадцатилѣтнихъ отроковъ, которые, по отличнымъ дарованіямъ или по раннему развитію ума, выходятъ изъ обыкновеннаго круга. По большей части, ученики этого возраста, удерживая въ памяти годы отдаленныхъ событій и не имѣя должнаго понятія о значеніи времени, отвѣчаютъ механически относительно такого предмета, который въ самомъ механизмѣ своемъ требуетъ довольно отвлеченнаго соображенія. Противъ всего этого обыкновенно возражаютъ: «хотя ученики и не вполнѣ понимаютъ то, что удерживаютъ въ памяти; но они поймутъ и разовьютъ это въ послѣдствіи.» Подобное возраженіе можно допустить въ разсужденіи тѣхъ знаній, гдѣ результаты ощутительно, такъ сказать, картинно выходятъ изъ предыдущаго; но можно ли допустить его въ Исторіи? Не ослабляется ли умственная сила отроковъ устремленіемъ вниманія на предметъ для нихъ слишкомъ отвлеченный, слѣдственно не возбуждающій въ нихъ участія; или, по крайней мѣрѣ, не притупляется ли самая память повтореніемъ того, что не имѣетъ еще значенія для познающей силы ума, и въ послѣдствіи не внушаетъ ли это воспитанникамъ равнодушія къ предмету изученія? Не смѣю принимать на себя рѣшеніе этой важной педагогической задачи, но полагаю, что преподаваніе Исторіи, сообразно съ требованіями сей Науки, слѣдовало бы начинать не ранѣе четырнадцатилѣтняго возраста; говорю приблизительно, разумѣя то время, когда учащіеся, не ослабляя еще памяти умственною дѣятельностью, пріобрѣтаютъ большую

способность отвлекаться. Такъ какъ самая Педагогія незабвенными, на истинной любви къ юношеству основанными наблюденіями Песталоцци, Нимейера и другихъ достойныхъ мужей, возведена теперь на степень положительной Науки, что дальнѣйшіе опыты послужатъ намъ лучшимъ рѣшеніемъ сей задачи. Между тѣмъ въ Гимназіяхъ, не исключая и Германскихъ, преподаваніе Всеобщей Исторіи начинается въ одномъ изъ низшихъ классовъ, у Нѣмцевъ въ 5-мъ соотвѣтствующемъ нашему 3-му; впрочемъ не вездѣ: въ нѣкоторыхъ Нѣмецкихъ Гимназіяхъ ученики этого класса занимаются только Священною Исторіею, которая, по своему единству и патріархальной простотѣ, болѣе доступна нѣжному отроческому возрасту, нежели Всеобщая Исторія; въ такомъ случаѣ сія послѣдняя начинается въ 4-мъ классѣ, гдѣ объемъ ея обыкновенно не выходитъ изъ предѣловъ, принятыхъ Бредовымъ въ его учебной книжкѣ: Merkwürdige Begebenheiten aus der allgemeinen Weltgeschichte. Здѣсь долженъ преобладать этнографическій способъ изложенія: это оправдывается самою природою умственныхъ способностей отрока, въ которомъ всегда господствуетъ воображеніе: потому-что и надобно постоянно имѣть въ виду дѣйствовать на сію господствующую силу ума сколько можно болѣе не многосложнымъ, но простымъ, очевиднымъ представленіемъ главнѣйшихъ событій, соблюдая въ преподаваніи хронологическую послѣдовательность и обращая на нее вниманіе учащихся. Этнографизмъ, безъ сомнѣнія, требуетъ синхронистическихъ сближеній, и потому, при самомъ началѣ

ученія, современныя историческія таблицы, по своей картинности, весьма полезны для учащихся. Строгій синхронистическій способъ изложенія не можетъ имѣть надлежащаго успѣха въ низшихъ классахъ: своею многосложностью, которая предполагаетъ уже способность сосредоточивать пріобрѣтенныя познанія, онъ только перемѣшаетъ событія въ памяти воспитанниковъ, и безъ того склонныхъ къ развлеченію. Этотъ способъ преподаванія болѣе свойственъ среднимъ и преимущественно высшимъ классамъ, гдѣ Исторія получаетъ уже достоинство Науки и гдѣ учащіеся, находясь на высшей степени умственнаго развитія, съ пользою могутъ слѣдить современную совокупность событій и выводить изъ нея историческіе результаты. Довольно уже, если четырнадцатилѣтній отрокъ, переходя изъ низшаго класса въ средній, удержитъ въ памяти главнѣйшіе факты, которые, какъ свѣтлыя точки, послужатъ путеводителями къ пріобрѣтенію дальнѣйшихъ свѣдѣній, такъ что ему останется только дополнять пространства между этими точками. Раздѣленіе Исторіи на періоды можетъ быть предложено и въ низшихъ классахъ; но всего приличнѣе показать послѣдовательность Періодовъ тогда уже, когда учащіеся будутъ имѣть необходимыя данныя для разумѣнія этой дѣлимости: слѣдственно и до сей цѣли надобно довести ихъ синтетически.

География, какъ вспомогательная Наука Исторіи, должна ей предшествовать, и потомъ соединиться съ нею. Несомнѣнность этого правила очевидна. Заключая въ себѣ много механическаго

для памяти, Географія непремѣнно должна быть преподаваема дѣтямъ. Учащіеся въ низшихъ классахъ могутъ получать нѣкоторымъ образомъ удовлетворительное понятіе о видѣ Земнаго Шара, о кругахъ и точкахъ, представляемыхъ на земной поверхности, какъ о непремѣнныхъ условіяхъ всякой Географической Карты; но понятіе о положеніи и движеніи земли слишкомъ отвлеченно для отроческаго возраста. Безъ глобуса не слѣдуетъ начинать и преподаванія, основываясь на томъ, что картинное, до послѣдней степени видимости доведенное представленіе всякаго описываемаго предмета необходимо и для зрѣлаго возраста, тѣмъ болѣе для отроческаго. Въ Географіи надобно всегда принимать какую-нибудь опредѣленную систему для представленія подробностей, такъ чтобы память, которая здѣсь преимущественно упражняется, имѣла извѣстную опору для соображенія и сближенія отдѣльностей. Чтобы твердо удержать въ памяти положеніе, на примѣръ, Европейскихъ Государствъ, надобно прежде запомнить положеніе морей, направленіе разныхъ горныхъ хребтовъ и теченіе нѣкоторыхъ главныхъ рѣкъ, и по этимъ уже, такъ сказать, опорамъ распредѣлить Европейскія земли. Такой же системѣ можно слѣдовать и при обозрѣніи каждаго Государства. Въ Россіи, на примѣръ, лучшими опорами для удержанія въ памяти мѣстоположенія каждой Губерніи и достопримѣчательныхъ городовъ служатъ рѣки и моря. Системы рѣкъ вообще должно признать самыми лучшими условіями для сближенія географическихъ подробностей.

Относительно формы преподаванія, употре-

блюдися при извѣстныя методы: 1) *діалогическая*, когда учитель объясняетъ свой предметъ посредствомъ разговора съ учениками; 2) *эротематическая*, когда онъ предлагаетъ имъ вопросы, такъ чтобы ученики сами могли объяснять подробности Науки, и 3) *акроаматическая*, требующая только вниманія и молчанія со стороны учениковъ и предоставляющая всѣ объясненія учителю. Эти три методы должны быть болѣе или менѣе соединяемы; но въ низшихъ классахъ, гдѣ наставникъ обязанъ безпрестанно удостовѣряться, дѣйствительно ли воспитанники поняли то, что сказано или прочитано, надобно давать преимущество двумъ первымъ методамъ, а въ высшихъ, гдѣ учащіеся находятся на довольно значительной степени умственнаго развитія, перевѣсъ остается на сторонѣ акроаматизма.

Распредѣленіе предметовъ преподаванія между учителями и перемѣщеніе учениковъ изъ низшаго класса въ высшій имѣютъ основаніемъ двѣ системы. 1) Обыкновенная и древнѣйшая система состоитъ въ томъ, когда каждый учитель занимается во всѣхъ классахъ (низшихъ или высшихъ) однимъ только предметомъ; а ученики въ одномъ и томъ же классѣ учатся всѣмъ Наукамъ, какія преподаются въ Гимназіи; и переводятся въ высшій классъ не иначе, какъ по всѣмъ предметамъ, и потому ученіе по сей системѣ называется генеральнымъ. 2) Въ послѣдствіи уже принятая система состоитъ въ томъ, что каждый учитель преподаетъ два, три предмета, или болѣе въ нѣсколькихъ классахъ; а ученики, по окончаніи

полугодичнаго или годичнаго курса, смотря по успѣхамъ, могутъ быть переводимы, въ одномъ только или нѣсколькихъ предметахъ, изъ низшаго класса въ высшій. Ученіе по этой системѣ называется параллельнымъ, потому что во всѣхъ классахъ, въ одинъ и тотъ же часъ, преподается одинъ и тотъ же предметъ. Здѣсь размѣщеніе учениковъ по классамъ, въ нѣкоторыхъ Наукахъ, требуетъ иногда отступленія отъ общей параллельности: впрочемъ, и это отступленіе допускается только въ послѣдніе, утренніе или послѣобѣденные часы; но частная параллельность, то есть, между высшими или низшими классами, всегда соблюдается. Одно изъ непремѣнныхъ условій этой системы состоитъ въ томъ, чтобы ученикъ, успѣвающій въ нѣкоторыхъ только предметахъ, переводимъ былъ не болѣе, какъ черезъ одинъ, или уже много черезъ два класса, и чтобы воспитанникъ, приближающійся къ окончанію Гимназическаго ученія, въ продолженіе одного годичнаго курса, по всѣмъ предметамъ находился въ высшемъ классѣ. Преимущество параллельныхъ классовъ передъ генеральными оправдывается самою природою умственныхъ способностей. Такъ какъ рѣдко случается, чтобы ученикъ оказывалъ равные успѣхи во всѣхъ Наукахъ, то параллельные классы представляютъ ему возможность заниматься всѣми предметами ученія сообразно съ своими дарованіями: здѣсь онъ находитъ постоянное поощреніе не отставать отъ товарищей и въ другихъ Наукахъ. Сверхъ того учащійся, постепенно занимаясь однимъ предметомъ у разныхъ преподавателей, пріучается со многихъ сто-

ронъ обозрѣвать оный, и слѣдственно глубже вникаетъ въ его значеніе. Въ Гимназіяхъ, гдѣ введена сія система, число преподавателей бываетъ точно такое же, какъ и въ Гимназіяхъ, организованныхъ по системѣ генеральнаго ученія. Наставникъ, занимающійся преподаваніемъ двухъ или трехъ Наукъ, поддерживаетъ собственныя свои многосторонніи знанія, и находя болѣе средствъ наблюдать надъ различными пріемами преподаванія, обогащаетъ Педагогію новыми опытами.

Въ этомъ очеркѣ старался я показать начала Дидактической Педагогіи съ одной изъ важнѣйшихъ сторонъ ея — относительно преподаванія Наукъ въ Гимназіяхъ. Подробнѣйшее, болѣе практическое приложеніе педагогическихъ началъ къ преподаванію Наукъ въ разнаго рода Училищахъ должно уже служить содержаніемъ для другихъ отдѣльныхъ статей. Педагогія, какъ и всякая Наука, имѣетъ свою Исторію и Литературу. Представить въ надлежащей связи историческій ходъ педагогическихъ основаній; показать, какимъ образомъ сіи основанія болѣе или менѣе соотвѣтствовали существеннымъ требованіямъ гражданскихъ обществъ въ каждомъ періодѣ времени, и наконецъ разсмотрѣть, до какой степени гармонируетъ организація современныхъ Училищъ съ направленіемъ и мѣстными отношеніями каждаго народа, — было бы весьма поучительно для Педагогіи.

Иванъ Бесомыкинъ.

3.

БЛАГОРОДНОЕ ДВОРЯНСТВО (Nobili) ПРИБРЕЖНЫХЪ ГОРОДОВЪ И ОСТРОВОВЪ ДАЛМАЦІИ ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКА.

Городскія общины (civitas commune) вдоль всего берега и на островахъ Далмаціи, владѣли въ Средніе Вѣка округами (districtus) различной величины, коихъ жители, равно какъ и низшіе классы городскихъ гражданъ, были ихъ подданными. Политическая судьба страны сей преобразовала постепенно эти приморскіе города въ малыя Аристократическія Республики, болѣе или менѣе не зависимыя отъ другихъ Государствъ, и повела ихъ къ той формѣ правленія, которая съ тѣхъ поръ оставалась отличительнымъ ихъ характеромъ.

Такъ характеръ почти всякаго Государства образуется народностію, мѣстностію и политическими его отношеніями. Въ Соединенныхъ Штатахъ на примѣръ самобытные владѣльцы земель (Freeholds), состоящіе на равныхъ правахъ, собираются въ общины; изъ нѣсколькихъ общинъ составляютъ Графства; а изъ сихъ послѣднихъ самостоятельное Государство, и вводятъ нѣкое демократическое равенство гражданскихъ правъ. — Въ нашихъ же прибрежныхъ городахъ соединялись между

собор дворянскія фамиліи города и исключительно сами управляли его жителями и ему подвластными землями, признавали надъ собою, вмѣстѣ съ другими подобно устроенными городами, верховную власть то Венеціи, то Венгріи, и образовали такимъ образомъ чисто аристократическую форму правленія городскаго Дворянства.

Рѣзкая исключительность этого сословія препятствовала однакожь развитію народныхъ силъ и общаго духа, и самое это отношеніе къ народу сдѣлало Дворянство слабымъ, неспособнымъ на долго удержать въ рукахъ своихъ полное господство. Возлѣ главнаго города не льзя было образоваться другому, а могли только быть подвѣдомственныя деревни, дворы, домы (villaggi, ville, casali), потому что новый городъ захотѣлъ бы отдѣлиться отъ главнаго, потребовалъ бы независимости, какъ то обыкновенно случалось при новыхъ городахъ, основанныхъ богатствомъ жителей и мѣстными удобствами. Достаточно будетъ примѣра острова Паго (Pago), который, посредствомъ переворотовъ, разрушившихъ надъ нимъ владычество города Цары (Zara), постепенно приходилъ въ устройство, и наконецъ отвергъ подданство, когда Цара снова объявила свои притязанія на господство. Согласно съ понятіями того времени о правѣ рѣшенія такихъ споровъ, Собраніе Патриціевъ, составленное изъ Дворянъ разныхъ городовъ Далмаціи и для совѣщанія объ этомъ дѣлѣ имѣвшее засѣданія свои въ Нонѣ (Nona) рѣшило противъ Цары, чтобы городъ Паго получилъ, наравнѣ съ другими городами Далмаціи, свободное и неза-

висимое управленіе (1). Вѣроятно, что и другія городскія общины образовались отложеніемъ отъ главнаго города; несомнѣнно то, что такимъ образомъ произошли города, прилежащіе Катарскому Каналу, на разстояніи какихъ-нибудь 1000 шаговъ одинъ отъ другаго. Они понынѣ еще, при общемъ и безусловномъ подданствѣ своемъ Австріи, остаются другъ отъ друга совершенно отдѣленными.

Мѣстность опредѣляла образъ жизни въ городахъ Далмаціи. Ограниченность владѣній на крутыхъ, скудно и только мѣстами растительною землею покрытыхъ возвышенностяхъ давала, какъ на прим. въ Рагузѣ, перевѣсъ городской жизни: въ другихъ же городахъ, особенно на островахъ, большее пространство земель допускало хлѣбопашество, винодѣліе, садоводство, и скотоводство на горныхъ пастбищахъ. Каждый гражданинъ по закону могъ владѣть землею, но земельная собственность преимущественно была въ рукахъ почетнѣйшихъ жителей, особенно же дворянскихъ родовъ. Если не смотря на это, городская жизнь вездѣ получила перевѣсъ, то это объясняется столько тѣмъ, что земледѣліе, на скудной каменистой почвѣ вообще неуспѣшное, имѣло мало привлекательности, столько и выгодами торговли, къ которой естественно поощряла береговая страна, гдѣ гавани и бухты граничатъ однѣ съ другими. По этой причинѣ Дворяне здѣсь преимущественно городскіе жители и участники въ торговлѣ.

(1) Въ концѣ XLV страницы: Kreglianovich, Memorie per la Storia della Dalmazia Zara 1809.

Въ этихъ городахъ находимъ три сословія: Дворянъ (nobiles, nobili, Слав.: gospoda), мѣщанъ (populares, popularis) и поселянъ (districtuales, la plebe или populus) Послѣдніе два класса, болѣе по занятіямъ и образу жизни, чѣмъ по правамъ различные, сливаются между собою, такъ что нѣкоторые Писатели признаютъ только два сословія: Дворянъ и народъ (1). Напротивъ Серафино Радзи (Razzi), Историкъ XVI столѣтія (2) гораздо обстоятельнѣе говоритъ о различіи трехъ сословій и ихъ образѣ жизни въ Рагузѣ (Мнѣ кажется, что по сравненію можно вывести такое же заключеніе и о другихъ одноплеменныхъ городахъ, хотя у Радзи, въ отношеніи къ Рагузѣ, основанія его должно искать отчасти въ многосторонней жизни и сношеніяхъ этого большаго торговаго города).

По показаніямъ того же Историка, съ раннихъ временъ (предположительно съ 744 года по Р. Х.) Благородные отдѣлялись отъ народа. Это подтверждается свидѣтельствами разнаго рода, доказывающими прежнее существованіе демократическихъ формъ правленія, воспоминаніе о которыхъ благоразумно старались изгладить изъ народной памяти. Чтобы отдѣлиться отъ народа происхожденіемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ начало правъ своихъ перенести въ отдаленнѣйшее прошедшее, гордое городское Дворянство (пренебрегая собственнымъ племенемъ) хвалилось Римскимъ происхожденіемъ и училось

---

(1) Ciccorelli Osservazioni sull' isola della Bruzza e sopra quella nobiltà Venezia MDCCCII, p. 69, § 30.

(2) Serafino Razzi. La Storia di Raugia. Lucca. 1595.

Италіянскому языку и Литературѣ (1). Для обученія дѣтей этому прекрасному языку держало оно учителей, а Италіянскіе Духовные приходили читать молитвы, которыхъ ни дѣти, ни Славянскіе домочадцы не понимали. Не смотря на то, природный Славянскій языкъ восторжествовалъ и остался господствующимъ въ самой Рагузѣ, гдѣ преимущественно получилъ свою образованность, такъ что и теперь еще имѣетъ онъ національную самобытность (2). Къ преданію о Римскомъ происхожденіи присоединялись еще другія сказанія, которыя Дворянство бережливо сохраняло, какъ на примѣръ сказаніе о томъ «что Салонскіе (Salona) «Дворяне, при побѣгѣ, ихъ вмѣстѣ съ народомъ на «островъ Брадцу (Brazze) въ половинѣ VII столѣ«тія, именно удержали за собою права своего со«словія, такимъ образомъ что кто въ Салонѣ былъ «Благороднымъ (nobilis), или изъ народа (popularis), «тѣмъ же и въ Брадцѣ долженъ былъ оставаться: «чѣмъ доказывается, что дворянскія привилле«легіи на островѣ Брадцѣ существуютъ съ весьма «давняго времени» (3).

Это упрямое храненіе старинныхъ правъ могло казаться невѣроятнымъ особенно въ бѣдныхъ изгнанникахъ, ищущихъ новаго поселенія, гдѣ взаимная помощь и равенство правъ дѣлаются обыкновенно необходимо-нужнымъ правиломъ; однако то несомнѣнно, что въ этихъ разрушенныхъ и вновь

(1) Razzi тамъ же.
(2) Рагуза имѣла Литературу и Славянскихъ Поэтовъ.
(3) Ciccorelli, 1. c. p. 38.

построенныхъ прибрежныхъ городахъ весьма рано возродилась идея преимущества рожденія. До нашествія Аваровъ и Славянъ, классъ Благородныхъ былъ уже признанъ, вѣроятно въ слѣдствіе правовъ и постановленій Римскихъ (1). Славяне, приходившіе селиться между ими, еще болѣе способствовали основанію Дворянства, примѣромъ своего обычнаго права неограниченной семейственной власти въ домѣ и преимуществъ, которыми пользовались въ племени старшины и начальники родовъ. Эти преимущества, смѣшавшись съ Римскими понятіями родоваго Дворянства, образовали привиллегированный классъ родоначальниковъ, которые, какъ основатели города, управляли имъ и всѣми своими подчиненными. Долгое время классъ этотъ для утвержденія возникающей общины принималъ въ свой совѣтъ и общество уважаемыхъ людей и достаточныхъ отцевъ семейства изъ сосѣдства, допуская ихъ участвовать въ управленіи и пользоваться собственностями и выгодами общины, пока съ увеличившимся народонаселеніемъ надобность въ этомъ умноженіи не исчезла. Съ тѣхъ поръ главные роды отдѣлились отъ прочихъ и никого не принимали болѣе въ участники своихъ правъ и власти. Вѣрное свѣдѣніе объ умножившемся числѣ Дворянъ доставляютъ между прочимъ шабля-

(1) Ср. письмо Папы Григорія къ Архіепископу Салонскому (596 года) «Gregorius dilectissimis filiis, Clero et Nobilibus Salonae consistentibus, — Gregorius, Presbyteris, Diaconibus et Clero Nobilibus ac Populo Jaderae consistentibus et militibus etc. Farlati, Tom. II, p. 263 — 64. Porphyr. c. 30. Salonam magnates incolebant et magna populi multitudo.

цы умершихъ въ Рагузѣ во время чумы, бывшей въ 1348 году (1). Болѣзнь похитила 173 человѣка изъ Дворянъ и 300 человѣкъ изъ народа; слѣдовательно тѣхъ и другихъ почти въ отношеніи 1½ къ 2-мъ. Спустя 52 года (въ 1400 году) умерло 160 дворянъ, 207 мѣщанъ (populares), изъ простаго же народа (plebs) около 4,000 человѣкъ. Изъ этого видно, что Дворянство было сильно и многочисленно и едва ли нуждалось въ умноженіи.

Не ранѣе какъ въ половинѣ XV столѣтія было постановлено Муниципальными Статутами Цары (2), что только тотъ Дворянинъ (nobilis), чей отецъ и дѣдъ принадлежали къ Совѣту. Въ Курзулѣ (3) достаточно было для того присутствіе отца въ Совѣтѣ (4); потомъ же строго было запрещено предлагать впредь недворянина къ принятію въ Совѣтъ. Вѣроятно, что прежде другихъ отдѣлились Дворяне въ Каттаро (5), потому что тамъ уже въ 1361 году было положено тѣхъ только причислять къ Совѣту, чьи отцы и предки мужеской линіи въ немъ засѣдали.

Не вездѣ легко было представить доказательства о древности Дворянства, потому что утвержденіе его грамотами послѣдовало поздно: отъ того и Дворяне острова Брацы были въ затруднительномъ положеніи, когда народъ въ смутахъ XVII вѣка потребовалъ отъ нихъ доказательствъ дворянства

(1) Seraphino Razzi etc.
(2) Zara: Statuta Reformatio 17.
(3) Curzula: Stat. Reform. 6.
(4) Тамъ же, стр. 90.
(5) Cattaro: Stat. c. 55.

и льготъ, которыми они пользовались (1). Они ссылались только на всегдашнее обладаніе правами и ихъ наслѣдственность, потому что протоколы засѣданій Совѣта не заключали въ себѣ всѣхъ именъ тогдашнихъ Дворянъ.

Позже, когда Дворянство уже совершенно отдѣлилось, нѣкоторые аристократическіе обычаи получили законную силу, какъ на примѣръ: при бракѣ требованіе равнаго происхожденія и рожденія отъ законныхъ родителей. Послѣдняго впрочемъ сначала не такъ строго требовали, потому что Славяне въ отношеніи къ правамъ вообще не столько держались этого понятія, какъ Германскія племена, у которыхъ иногда для полученія правъ мастера какого-нибудь ремесла, требовалось законное рожденіе отъ Нѣмецкихъ родителей и т. п. У Славянъ участіе незаконнорожденныхъ въ общихъ правахъ дѣтей, основанное многоженствомъ язычества, надолго оставалось и въ Христіанскія времена. Въ Далматскомъ Правѣ также замѣтны эти слѣды, и еще въ 1657 году Дворяне острова Брадцы, представляя Венеціи списокъ Дворянскихъ фамилій, сочли нужнымъ упомянуть, что отъ нихъ есть многія другія отрасли, которыя впрочемъ, какъ незаконнорожденныя (naturales), не пользуются преимуществами Совѣта, а потому и причтены къ народу (2). Въ Трау только съ XVI столѣтія (со времени владычества Венеціи) находимъ законъ, исключающій изъ Дворянства рожденныхъ до бра-

(1) Ciccarelli l. c. p. 244.

(2) Ciccarelli, l. c. p. 246.

ка (1). Въ Царѣ и Себенико бракосочетаніе, совершившееся послѣ рожденія ребенка, было достаточно къ признанію его законнымъ. Идея о равномъ происхожденіи супруговъ также поздно развертывается. Въ Трау, въ XVI столѣтіи, законъ, порицая неравные браки, требуетъ, чтобы мать была благородная, или по крайней мѣрѣ уважаемая мѣщанка (cittadina honorata) (2). Въ Царѣ требовалось только, чтобъ супруги были свободнаго и независимаго состоянія (3). Напротивъ, въ 1412, въ Катаро очень жаловались на то, что Дворяне изъ любостяжанія оскорбляютъ свое достоинство союзами съ неблагородными, и тогда же было строго запрещено признавать Дворянами дѣтей отъ неровныхъ браковъ и принимать ихъ въ Дворянскія должности (4). Эту перемѣну въ правахъ можно, кажется, приписать скорѣе вліянію Венеціи и Италіянскому образу мыслей, чѣмъ чисто Славянскому. Извѣстно, что съ возрастающею торговлею и богатствомъ этихъ городовъ рано поселялись въ нихъ Италіянскія семейства (нерѣдко изъ Тосканы) и задолго до Венеціянскаго владычества пріобрѣли своимъ богатствомъ и образованіемъ вліяніе и политическія права (на примѣръ фамиліи: Borelli, Cipriani, Cippico, Cindro, Vetturi etc.). Множество Италіянскихъ именъ свидѣтельствуетъ о сношеніяхъ съ Италіею и о ея выходцахъ, которыхъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ было, можетъ быть, еще болѣе, чѣмъ прежде. Въ

(1) Trau: Statuta Reform. lib. II, 85, 86.
(2) Тамъ же.
(3) Stat. lib. III, p. 102.
(4) Cattaro Statuta c. 394.

чистю Славянскихъ сельскихъ общинахъ Морлаковъ, между которыми и теперь существуетъ не одинъ старинный Славянскій родъ, не находимъ почти никакого слѣда понятія о неравномъ бракѣ. Богатый горный Морлакъ часто отдаетъ дочь свою вѣрному работнику (которые всѣ свободны) или поселенцу, и сами Дворяне Полицы (Poglizza), родомъ изъ Венгріи или Босніи, искони жившіе отдѣльными сословіями, давно связались узами брака другъ съ другомъ и съ своими поселенцами. Изъ народныхъ Пѣсней и настоящаго образа жизни видно, правда, что горный Влахъ (Морлакъ) считаетъ лестнымъ родство съ нѣкоторыми, по дѣламъ своимъ знаменитыми родами, но чрезъ это менѣе славные ничего не теряютъ въ его уваженіи. Общее равенство облагородило храбрость! Въ городахъ же неравный бракъ былъ невыгоднымъ и въ политическомъ отношеніи, вводя въ родство съ плебеями. Радзи говоритъ странно о нравахъ благородныхъ Рагузянъ. На пр., въ образѣ жизни и обращеніи они были очень горды, почти надменны, особенно ихъ молодые, живые, не обузданные сыновья, которые считали себя равными Князьямъ (Кнезовы— названіе высшаго Дворянства, по Италіянски Conte) и били плебеянъ на площадяхъ. Эти безчинства, при смиренномъ духѣ народа, не производили въ немъ никакого шума. Для прогулокъ своихъ брали они безъ платы лучшую ладью въ гавани и хозяинъ ставилъ себѣ въ честь такой выборъ, и т. д. Тотъ же Писатель прибавляетъ впрочемъ, что плебеяне потихоньку, иногда жестоко мстили молодымъ Дворянамъ за ихъ дерзости, но что эти

расправы никогда не имѣли послѣдствій, потому что касались только дѣтей.

Молодыхъ плебеянъ описываетъ онъ весьма смиренными, но вмѣстѣ съ тѣмъ пылкими и способными; изъ нравовъ обоихъ сословій образовалась слѣдующая пословица: «избави насъ Господь Богъ отъ мухъ Цары и мальчишекъ Рагузы (1).»

Безъ сомнѣнія, богатство и политическая независимость могли увеличивать надменность благородныхъ Рагузянъ; но эта наклонность вообще проявляется въ постановленіяхъ и въ народномъ характерѣ Далматскихъ городовъ и нигдѣ яснѣе не высказывается, какъ въ письмѣ Проведитора Спалатрскаго Барбаро, писанномъ отъ 18 Мая 1670 года, въ которомъ слѣдующими словами признается самимъ Провидѣніемъ установленное право и законность Дворянскихъ родовъ: «Сословію благородныхъ господъ области неотъемлемо должно сохраниться отличіе дарованное ему отъ рожденія Богомъ, природою и державнымъ и милостивымъ признаніемъ Свѣтлѣйшаго Князя, Венеціянскаго Дожа (2).»

Но именно принятіе новыхъ фамилій въ число этихъ избранныхъ, какъ бы ни казалось намъ необходимою примѣсью новыхъ элементовъ, было однако ошибкою противъ основнаго начала и должно было

---

(1) Dalle mosche di Zara e dai putti di Ragusa libera ci il Signore (Razzi).

(2) Che alla condizione de'Signori nobili della provincia. — Sia conservata indelebile quella marca, che nel nascimento li fu impressa da Dio, dalla natura e dalla sovrana e graziosa approvazione del principe Serenissimo (Ciccorelli l. c. p. 227).

только унизить родовое Дворянство, не удовлетворивъ возрастающаго честолюбія народнаго, потому что преимущества Дворянъ (при увеличившихся притязаніяхъ народа), сдѣлавшись разительнѣе, потеряли и самый видъ права и справедливости, съ тѣхъ поръ какъ нѣкоторымъ частнымъ лицамъ удалось пріобрѣсть права, къ которымъ отъ рожденія они не были призваны Провидѣніемъ.

Рагузяне думали однажды основать личное Дворянство; но богатый и уважаемый мѣщанинъ (popularis) Скочибука (Scoccibuca) съ острова Жупана (Giuppana) не принялъ предложеннаго ему отъ Совѣта достоинства: что доказываетъ, въ какой мѣрѣ усилился уже тогда духъ оппозиціи (1).

Высокое значеніе Дворянъ, имѣя корень свой въ правахъ, оставалось до тѣхъ поръ неоспоримымъ правомъ, пока они обладали бо́льшими вещественными и духовными средствами, чѣмъ другіе классы, и своимъ образованіемъ и богатствомъ составляли оживляющее начало города. Такъ хозяинъ фабрики или купеческаго дома всегда имѣетъ власть и вліяніе надъ помощниками и работниками своими. Дворяне Рагузы болѣе другихъ были въ такомъ положеніи. Ихъ прекрасныя виллы, ихъ роскошная жизнь и изнѣженность свидѣтельствуютъ о ихъ богатствѣ. Они поощряли Художества и Науки, хотя сами и не занимались ими; капиталы свои употребляли на постройку кораблей, заведеніе шелковыхъ и шерстяныхъ фабрикъ, особенно же на веденіе всей внѣшней торговли съ Константи-

(1) Razzi, тамъ же.

нополемъ, Александріею и проч.; словомъ они были душею торговаго Государства, управляемаго ими (1).

Разумѣется, иначе было тамъ, гдѣ земледѣліе имѣло преимущество предъ торговлею, гдѣ богатства были незначительны, гдѣ земли, по Славянскому правилу наслѣдственнаго права, раздѣлены были на мелкіе участки, и гдѣ владѣльцы бѣднѣли. Такое Дворянство, хотя оно и отличалось иногда высшею степенью нравственнаго и умственнаго образованія, долженствовало быть въ тягость обществу по причинѣ своихъ преимуществъ и льготъ. Эти обстоятельства произвели соревнованіе и борьбу между Дворянами и другими классами народа. Въ 1510 году, по словамъ одного Писателя (2), на островѣ Лезинѣ (Lesina), народъ, предводительствуемый Священникомъ, умертвивъ большую часть Дворянъ (3), возмутился; съ того года безпорядки распространялись и достигли острова Брацы. «Въ народѣ, до тѣхъ поръ покорномъ и довольномъ, «родилась ненависть къ Дворянству и сомнѣніе въ «законности его правъ, дарованныхъ ему, какъ «увѣряли, самимъ Богомъ.» Но въ Далмаціи эта борьба и ея причины существовали гораздо ранѣе; мы узнаемъ, что уже въ началѣ XV столѣтія Дворяне Рагузы оказали помощь Дворянамъ въ Спаллатро, преслѣдуемымъ народомъ (4) и въ Себенико (Sebenico) народу однажды удалось выгнать изъ горо-

(1) Razzi, тамъ же.
(2) Ciccorelli l. c. t. 65.
(3) Farlati, Tom. IV, p. 267, 70.
(4) Razzi, тамъ же.

да всѣхъ Дворянъ, послѣ чего онъ нѣкоторое время самъ собою управлялся. Эти и подобныя происшествія преданы забвенію; но вообще Историкъ долженъ внимательно слѣдовать за распространеніемъ идей, господствовавшихъ въ разныя эпохи и получившихъ значеніе въ Исторіи всего человѣчества. Правда, не льзя слѣдовать за ходомъ и успѣхомъ этихъ идей, шагъ за шагомъ; но онѣ замѣтны въ результатахъ своихъ.

Такого рода была борьба между городскою аристократіею и мѣщанствомъ и проч., которая въ послѣднюю эпоху Среднихъ Вѣковъ и позже являла свои потрясающія дѣйствія какъ въ Сѣверной Европѣ, такъ и на берегахъ Адріатическаго Моря. Не излишно въ этомъ смыслѣ вспомнить, какъ траги-комическое добавленіе къ всемірнымъ событіямъ, революцію на островѣ Врадцѣ. Въ продолженіе 3 дней съ 27 до 30 Іюня 1791 года, Дворяне острова должны были отречься отъ своихъ титловъ и преимуществъ и признать равенство всѣхъ граждань. Однако, по приказанію И. К. Генералъ-Маіора Рукавина (Rucawina), всѣ документы этой перемѣны были изодраны, объявлены какъ бы не существующими и прежній порядокъ временъ Венеціянской Аристократіи былъ вполнѣ возстановленъ (1).

Весьма бы любопытно было имѣть изображеніе нравовъ и образованія этой городской Аристократіи, полнѣе того, которое представляютъ немногія извѣстія, оставшіяся намъ отъ совре-

(1) Ciccorelli, l. c. 292.

менниковъ. Въ этомъ Дворянствѣ и теперь видимъ мы тонкость и пріятность въ обхожденіи, достоинство и разнаго рода познанія, которыя тѣмъ удивительнѣе, что отечество ихъ всегда терпѣло отъ сосѣдства Турецкихъ владѣній, и съ упадкомъ Венеціи необходимо должно было много потерять въ сношеніяхъ своихъ съ Европою. Затруднительное положеніе Аристократіи въ отношеніи къ народу было поводомъ ея ранняго образованія и умной политики, тѣмъ болѣе что ей не хотѣлось держать народъ въ повиновеніи военною силою Венеціи или Венгріи, потому что занятіе города войскомъ угрожало ея собственной независимости.

Историки (1) хвалятъ умѣренное правленіе Рагузской Аристократіи; говорятъ, что съ подданными своими обходилась она какъ съ братьями и никогда не обременяла ихъ налогами; финансовая система по нуждѣ сообразовалась съ политическою. Дворяне были весьма справедливы. Въ уголовныхъ дѣлахъ никогда не щадили себѣ равныхъ, хотя въ гражданскихъ были къ нимъ болѣе снисходительными. При всей умѣренности этого Правительства, проявляющейся и въ Законодательствѣ городовъ Далмаціи, Совѣтъ не могъ имѣть довѣренности къ народу; отсюда произошла общая обязанность Дворянъ составлять ночную стражу вмѣстѣ съ другими гражданами. Въ Рагузѣ при каждомъ пожарѣ или шумѣ «ближайшимъ монастырямъ и конвен«тамъ выдавали изъ Сената оружіе и поручали «стражу воротъ для того, чтобы Дворяне, такимъ

---

(1) Razzi.

«образомъ обезпеченные, свободно могли распоря-«жаться внутри города.» Въ Себенико Дворянинъ за неявку въ ночной караулъ платилъ 12 сольди пени, недворянинъ же 8 сольди въ пользу общей кассы (1). Только періоды всеобщаго спокойствія и увѣренности въ безопасности были въ состояніи ослабить мѣры предосторожности: такъ въ Рагузѣ съ 1368 года, ночной караулъ, подъ начальствомъ трехъ Дворянъ былъ отмѣненъ, потому что изнѣженное Дворянство предпочло ввѣрить охраненіе общаго спокойствія наемной Венгерской стражѣ; а въ добавокъ такую же обязанность возложило на оба низшіе класса (2). Въ другихъ городахъ было оно къ себѣ строже.

Дворяне Далматскихъ городовъ, собранные въ Совѣтъ, сами составляли Республику и высочайшую власть Государства, пока оно оставалось самобытнымъ и независимымъ.

При подчиненіи же другому Государству, отношеніе къ нему было всякой разъ опредѣлено капитуляціею. За исключеніемъ правительственной власти, преимущества Дворянъ были слѣдующія:

1) Дворянство имѣло исключительное право на опредѣленіе къ большей части государственныхъ должностей: Сила его чрезъ это значительно увеличилась. Обладая законодательною властію, оно надѣляло людей своего же сословія властію исполнительною и судебною. Низшія должности

(1) Sebenico Statut. Reform. 1402, p. 112.

(2) Razzi.

Дворяне предоставляли иногда людямъ другихъ званій, преимущественно же тѣ, съ которыми сопряжены были притѣсненія исполнительныхъ мѣръ, для того, чтобы устранить отъ себя все ненавистное и посредствомъ другихъ угнетать безопаснѣе. Такъ же оставляли они народу выборъ смотрителей надъ ремеслами, сборщиковъ нѣкоторыхъ податей и т. д. Дворянство оставляло себѣ только мѣста въ Судахъ и управленіи, значительныя по своему вліянію; отъ того-то и упоминается объ избраніи Дворянъ только въ эти должности (1). «Добрые люди» т. е. недворяне выбирались въ другія мѣста (2). Отдать въ руки Дворянъ не только судъ, но и вообще защиту правъ, т. е. адвокатуру, было правиломъ тонкой политики (3). Дворяне приговаривали народъ къ наказаніямъ; но они же защищали его права и не смѣли отказываться отъ этой обязанности; еще и теперь въ Далмаціи Адвокаты часто бываютъ изъ знатныхъ фамилій. Само собою разумѣется, что такимъ образомъ защита въ Судахъ оставалась всегда въ границахъ законныхъ, между тѣмъ какъ весьма вѣроятно, что вышедшіе изъ народа Адвокаты подали бы поводъ къ преніямъ, исполненнымъ страстей. Дѣйствительно такъ и было позже, въ XVII вѣкѣ, предъ судилищемъ Венеціи, по случаю разногласія и раздоровъ, бывшихъ между Дворянами и народомъ, когда народныя общины уже имѣли право

---

(1) Brazza Stat. lib. 1, 8. Cattaro Stat. l. 2. «Nobiles Justiciarii» c. 112. «Nobiles consiliarii» — nobiles judices.

(2) Cattaro Stat. l. 8, 17. «Aestimatores» — comites Slavorum.

(3) Cattaro Stat. l. 14. — Trau. Stat. Reform. 24, 26.

посылать повѣренныхъ своихъ или избранныхъ Прокураторовъ, которые нерѣдко были изъ Духовнаго званія.

Эти распри впрочемъ не были противны Венеціянской политикѣ, потому что ея вліяніе возрастало съ упадкомъ Аристократіи Совѣта въ мнѣніи народномъ. Народные Прокураторы, тотчасъ послѣ своего учрежденія, объявили уже притязанія на представленіе третьей власти, т. е: народа, въ торжественныхъ случаяхъ соединявшихъ Дворянъ, Судей и другія начальства. Установленіе такого порядка въ 1650 году въ церкви острова Брацы 10-ю Духовными свидѣтелями, было отвергнуто, именно какъ нововведеніе (1). Между прочимъ имена этихъ Духовныхъ принадлежатъ извѣстнымъ Дворянскимъ фамиліямъ (н. п. Ivellio, или по Славянски Ivelich, de Dominis Vragnizan, Giaxich, Nadali Vuscosich, Tomasich etc) и объясняютъ наклонность Духовенства вообще къ сохраненію правъ Дворянскихъ, свидѣтельствуя, что въ Католической Далмаціи, какъ и въ Италіи, существовалъ обычай младшихъ сыновей и родныхъ изъ Дворянъ съ дѣтства посвящать Духовному званію.

2) Другое преимущество Дворянства состояло въ освобожденіи отъ личныхъ службъ и работъ, которыя съ давняго времени исправлялъ одинъ народъ, прямо, какъ личную повинность, или подъ видомъ налога на его собственность, какъ въ Трау, гдѣ каждый жилой домъ долженъ былъ представить мущину и женщину для чистки гавани т. е. хозяинъ

---

(1) Ciccorelli, l. c. p. 302 etc.

дома принужденъ былъ ихъ нанимать (1). Укрѣпленіе городовъ, постройки публичныхъ зданій производились обыкновенно тяглою работою подданныхъ, на увеличеніе которой они впрочемъ не легко соглашались. Чѣмъ менѣе въ послѣдствіи Дворяне состояніемъ и занятіями своими отличались отъ низшихъ классовъ (что должно было произойти отъ дробленія земель) и чѣмъ многочисленнѣе они становились, тѣмъ тягостнѣе и несправедливѣе казались народу ихъ преимущества. Уже въ XV столѣтіи оба сословія въ Венеціи вели о томъ споръ: «можно ли Дворянъ живущихъ въ селахъ, какъ крестьянъ, принудить работать при построеніи городской стѣны.»

Рѣшеніе Венеціи, разумѣется въ пользу Дворянства, было слѣдующее: «Дворяне, несчастіемъ принужденные заниматься хлѣбопашествомъ, нисколько чрезъ то не теряютъ ни дворянства, ни своихъ преимуществъ (2).» Еще прежде (въ 1443 году) не касаясь сначала правъ Дворянства, народъ острова Брацы предъявилъ отвѣтъ (Responsum) Дожа Фоскари, въ которомъ сказано: «что всѣ тѣ, которые не участвуютъ въ Совѣтѣ, обязаны наравнѣ съ народомъ исправлять общественныя работы.» Весьма вѣроятно, что новопринятые иностранные Дворяне и можетъ быть даже самые незаконорожденныя дѣти Дворянъ протестовали противъ такого положенія. Однако позже и тамъ начались ссоры между обоими сословіями,

(1) Trau Stat. lib. I, 18.
(2) Curzola Stat. Reform. 1482 года.

именно когда отъ Венеціи было повелѣно снаряжать галеры. Народъ большей части Далмаціи чрезъ посланныхъ своихъ жаловался (въ 1481 году) Дожу Моцениго (Mocenigo), «что онъ слишкомъ удрученъ тяжелыми повинностями, которыя каждому слѣдовало бы нести по состоянію своему; что иначе всѣ будутъ разорены, и тѣмъ скорѣе, что кромѣ того потерпѣли отъ войны и проч. и проч. (1).

Дворяне напротивъ упорно ссылались на дарованныя имъ преимущества и наслѣдственныя льготы, которыя не должно, говорили они, уничтожать нововведеніями. Послѣ долгаго совѣщанія и повѣрки обоюдныхъ документовъ и грамотъ, Совѣтъ Мудрыхъ (Consilium Rogatorum) рѣшилъ: « что въ Далмаціи давнишніе обычаи должны остаться безъ всякаго измѣненія.» Тогда же предложено было сдѣлать нѣкоторыя вознагражденія за снаряженія галеръ, за службу при нихъ, и т. д. Обѣ стороны могли въ пользу свою сказать — Дворяне, что сами они никогда не обременяли народъ такими налогами, какіе на немъ лежатъ со времени владычества Венеціи, народъ же, что отъ того именно и должны были Дворяне его защищать отъ повышенія налоговъ, въ противномъ случаѣ нести повинности вмѣстѣ съ нимъ.» Изъ поданнаго объясненія повѣренными народа, 50 лѣтъ спустя (въ 1538 г.), явствуетъ, что они совершенно и смиренно отказались отъ всякаго возраженія противъ правъ стариннаго Дворянства, но протестовали только противъ тѣхъ лицъ, которыя въ послѣдніе 50 лѣтъ были

(1) Ciccorelli, l. c. p. 176 etc.

возведены въ званіе Дворянъ (1); также и то видно, что наконецъ они, признавая и этихъ и чужихъ въ ихъ отечество переселившихся Дворянъ, не признавали только тѣхъ, которые возведены въ это званіе Совѣтомъ въ самое послѣднее время, и смотрѣли на нихъ, какъ на людей, принадлежащихъ къ сословію народа. Въ позднѣйшую эпоху снисхожденіе это исчезло и сильныя возмущенія угрожали уничтоженіемъ всѣхъ преимуществъ сословій.

Должно замѣтить, что со времени Венеціянскаго владычества, съ положеніемъ Дворянства измѣнились и его отношенія. Дворянство не только обѣднѣло, умножилось, и за исключеніемъ нѣкоторыхъ новыхъ фамилій, упало въ своемъ образованіи и образѣ жизни, но главное,—оно потеряло верховную власть. Венеціянская политика не довольствовалась тѣмъ, что имѣла въ Далмаціи высшую власть, основанную на договорахъ и ими ограниченную, а постепенно устраняя всѣ капитуляціи и документы, стремилась къ неограниченному господству. Въ Истріи удалось ей рано исполнить эти намѣренія: на пр. въ 1394 г. Посланники города Капо д'Истріи просили только о томъ, чтобы въ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ ихъ судили и управляли ими по ихъ старымъ статутамъ; имъ отвѣчали, «что «такую просьбу можно исполнить имъ въ угод«ность и въ уваженіе того, что всѣ области «Истріи управлялись собственными статутами; «но что тѣ мѣста статутовъ должны терять

(1) Тамъ же, р. 178.

«свою силу, въ коихъ значится, что Подеста «(Podestà) въ дѣйствіяхъ своихъ зависитъ отъ «согласія выборныхъ должностныхъ, и что какъ «первый, такъ и послѣдніе будутъ назначаемы со-«віпомъ. Напротивъ, Подеста не перемѣняется и «одинъ имѣетъ полную власть» и пр. (1). Пока Венеція не удалось сокрушить духъ свободы и силу гражданъ Цары, ей не разъ приходилось выдерживать противъ нихъ кровавую борьбу за подобное нарушеніе имъ обѣщанныхъ правъ. Другіе города были терпѣливѣе. Рагуза до конца оставалась независимою. Лишь только Дворянство утратило значеніе свое въ Совѣтѣ и наравнѣ съ народомъ сдѣлалось подданнымъ Венеціи, оно потеряло и уваженіе народа, обратившееся къ сильнѣйшей власти города Лагунъ. Дворянство само старалось снискать благосклонность Провидиторовъ (Providitori) и Конти (Conti), посылаемыхъ Венеціею; ѣздило туда искать счастія, и такимъ образомъ покинуло народъ, не уступивъ впрочемъ ничего изъ своихъ привиллегій; напротивъ, употребляя могущество Венеціи для достиженія частныхъ выгодъ своихъ. Отъ этого возрасла ненависть народа. Сама Венеція была въ послѣдствіи слишкомъ обезсилена и испорчена, такъ что не могла съ твердостію и честію управлять единственно по внушенію справедливости. — Она только поддерживала внутренніе раздоры Далматскихъ городовъ, но не разрѣшала ихъ, потому что въ такомъ состояніи ей казалось легче

---

(1) Justinopolis Statuta, lib. V. Неограниченная власть Венеціи въ Истріи существовала уже передъ тѣмъ.

держать ихъ въ повиновеніи. Нобили или Дворяне города Лагунъ стремились къ деспотической власти; но къ достиженію ея недоставало имъ силы и смѣлости. Поведеніе Венгерскихъ Королей относительно обоихъ сословій Далмаціи было большею частію достойнѣе и справедливѣе; но за то Венгрія составляла сильное и почтенное Королевство, гдѣ права всѣхъ сословій были ограждены самымъ государственнымъ учрежденіемъ, не смотря на грубость Среднихъ Вѣковъ.

3) Наконецъ Дворянство пользовалось еще извѣстными почестями и отличіями, которыя были необходимы для явнаго различія состояній, тѣмъ болѣе, что при личной свободѣ всѣхъ и при равныхъ правахъ на торговлю и владѣніе землею, Дворянинъ и недворянинъ равно могли пріобрѣтать и обогащаться. Такъ на пр. въ Рагузѣ, Ректоръ (Глава Республики) обязанъ былъ въ черной епанчѣ (toga) вести погребальное шествіе каждаго умершаго Дворянина (1). Въ Царѣ званіе Дворянина было почтено страннымъ образомъ: тогда какъ несостоятельный мѣщанинъ безъ дальнихъ околичностей отводился въ тюрьму (castellum), Дворянинъ долженъ былъ представить поручительство, что онъ подъ лозіею (lozia) будетъ стоять день и ночь, тамъ же спать и ѣсть, пока не уплатитъ долга своего (2). (Лозія есть съ боковъ и спереди открытое каменное строеніе, гдѣ производятся разные акты управленія и правосудія, требующіе публич-

(1) Razzi.

(2) Zara Stat. lib. I, 67.

ности: потому-что во всѣхъ прибрежныхъ городахъ Далмаціи лозія строится на большихъ площадяхъ).

Въ самыхъ наказаніяхъ не было равенства. Дворянинъ платилъ большую пеню, чѣмъ простой мѣщанинъ. Кто изъ граждань въ Трау, на примѣръ, воспрепятствуетъ жалобѣ или объявленію о противозаконномъ поступкѣ, платитъ 10 лиръ (Lira) пени; Благородный же изъ Совѣта болѣе чѣмъ вдвое (25 лиръ) (1). Въ смертной казни была та разница, что Дворянину отрубали голову, а простолюдина вѣшали (2). Со стороны Дворянъ было благоразумно преступленія свои наказывать строже, нежели преступленія простолюдиновъ, или, какъ говоритъ Радзи, вовсе себя не щадить въ уголовныхъ дѣлахъ, потому что законъ долженъ быть строже къ человѣку образованному, совершившему злодѣяніе съ сознаніемъ и съ меньшею опасностію для себя, нежели къ грубому и не имѣющему покровительства преступнику изъ простаго народа.

Ординарный Профессоръ Дерптскаго Университета

Александръ фонъ-Рейцъ.

---

(1) Tragu. Statuta Reform. lib. I, 9.
(2) Lesina Stat. lib. III, 61, Curzola Stat. lib. I.

4.

О НАЗВАНІИ И МѢСТОПОЛОЖЕНІИ САРКЕЛА ИЛИ БѢЛОЙ ВЕЖИ.

Саркелъ, называемый также *Бѣлою Вежею*, былъ городомъ того народа, коего имя неизгладимыми буквами вписано въ Лѣтописи Среднихъ Вѣковъ. Не смотря однакожъ на важность *Козарскаго* Государства, заключавшаго въ предѣлахъ своихъ обширныя страны со множествомъ отдѣльныхъ владѣльцевъ, Исторія его остается покрытою мракомъ неизвѣстности. Съ одной стороны важность Козаръ для Средней Европейской Исторіи вообще, а съ другой — для древнѣйшихъ временъ Исторіи Отечественной, побуждала многихъ Критиковъ заниматься изслѣдованіями того: 1) на какомъ языкѣ *Саркелъ* выражалъ *Бѣлую Вежу*, 2) гдѣ именно былъ онъ построенъ?

Простое упоминаніе Русскаго Лѣтописца объ одержанной Святославомъ побѣдѣ надъ Козарами и о взятіи у нихъ Бѣлой Вежи не могло само по себѣ доставить изыскателямъ всѣхъ данныхъ, нужныхъ для удовлетворительнаго разрѣшенія упомянутыхъ вопросовъ. Сіе-то самое и было причиною, что многіе отличные ученые мужи, занимаясь объясненіемъ столь темнаго предмета, показали чрезвычайную разность въ выводимыхъ ими результа-

шелъ. Такъ же пр. *Делиль*, принявши въ основаніе сходство одного имени, почелъ *Кафскій Бѣлгородъ* представителемъ *Саркела*, который, по дѣлаемому *Константиномъ Багрянороднымъ* переводу съ Козарскаго языка, означалъ *бѣлую гостинницу*, или *бѣлое жилище* (1) а по косвенному объясненію *Байера — бѣлый городъ* (2). То же самое основаніе заставило *Болтина* и *Татищева* искать Козарскую Бѣлую Вежу въ *Бѣлобережьѣ*, находящемся при устьѣ рѣки Днѣпра (3); а *Шлецера* и другихъ — послѣдовать Делилю (4).

Всѣ приведенные Писатели, выдававшіе мнѣнія свои безъ достаточныхъ основаній, долженствовали пополнять открывавшіеся недостатки произвольными сужденіями, которыя иногда совершенно не согласовались съ существенными обстоятельствами разсматриваемаго предмета. Въ подобныхъ случаяхъ Писатели, вмѣсто признанія недостаточности своихъ мнѣній, прибѣгаютъ обыкновенно къ поправкамъ текста, изъ коего заимствуютъ свѣдѣнія. Такимъ образомъ Делиль съ своими послѣдователями превращаютъ *Донъ* Константина въ *Донецъ*, а плаваніе вверхъ по Дону — къ верховьямъ его. Послѣдняя искаженность текста подала случай къ постороннему сужденію, имѣющему въ предметѣ отыскиваніе упомянутой крѣпости (Саркела) въ тѣхъ мѣстахъ, о коихъ въ Констан-

(1) Memor. Popul. T. III, p. 567.

(2) Geograph. Russ. ex Const. Porphirog. въ Коммент. Академіи Наукъ. Т. IX, стр. 399.

(3) Ист. Госуд. Рос. Т. I, стр. 428, въ 387 Примѣч.

(4) См. въ перев. его Нестора. Ч. III, стр. 487, 488.

тиновомъ текстѣ вовсе не упоминается. Таковое обращеніе съ фундаментальными Писателями порождаетъ всегда одну запутанность, нисколько не объясняя предмета.

Ближайшій къ нашему времени Писатель, Академикъ Лербергъ, кажется, постигалъ сію истину и смотрѣлъ на Саркель болѣе критически, нежели его предшественники, стараясь по видимому сообразить всѣ обстоятельства, къ предмету сему относящіяся, которыя дѣлаются явственными, какъ изъ Русскихъ лѣтописей, такъ и изъ Византійцевъ. Но розысканія его, показывающія очень много критическаго достоинства, не привели его къ желаемой цѣли. Увлеченный распространившимся мнѣніемъ относительно *Турецкаго происхожденія Козаръ*, онъ старался всѣми силами изыскать соотвѣтственныя Саркелу слова въ языкѣ Турецкомъ. Отъ сего составилось у него рѣченіе *Сары Кала*, что означаетъ не бѣлое жилище, а *желтую крѣпость* (1).

Но подобное объясненіе слову Саркель находилось въ явномъ противорѣчіи съ тѣмъ переводомъ, который ему сдѣлалъ Константинъ Багрянородный, заслуживающій полное довѣріе со стороны читателей, какъ по своей современности, такъ и по изобилію въ средствахъ получать вѣрнѣйшія извѣстія о странахъ, приближенныхъ къ его Государству. Въ отношеніи къ назначенію мѣста, гдѣ былъ построенъ Саркель, труды Лерберга также

(1) См. его Изслѣдованія, служащія къ объясненію Древней Русской Исторіи, перев. съ Нѣм. in-4. С. П. Б. 1819 г. стр. 368, [illegible].

не были увѣнчаны желаемымъ успѣхомъ. Единственное достоинство оныхъ заключается въ опроверженіи мнѣнія тѣхъ Писателей, которые назначали Саркелу мѣсто у *Донца*, близъ вышепомянутаго *Бѣлгорода*. Что жъ касается до помѣщенія имъ сей Козарской крѣпости на рѣкѣ Донѣ, верстахъ въ 60 выше города Азова, то съ нимъ едва ли можно въ томъ согласиться. Противъ изложеннаго имъ въ семъ случаѣ умозрѣнія можетъ быть поставлено сильнѣйшее, что приближенныя къ Кавказу страны долженствовали находиться у Козаръ въ большей зависимости, нежели отдаленныя къ Сѣверу: ибо какъ *Самандаръ*, такъ и *Ателъ* (Итиль), объявляемыя отъ Восточныхъ Писателей столицами сего Государства, находились не очень далеко отъ Кавказскихъ Горъ (1).

Естьли къ тому присовокупить Константиномъ Багрянороднымъ переданныя извѣстія о распространившемся, около половины X вѣка по Р. Х., владычествѣ Козаръ, на Кавказскій Перешеекъ, Крымъ (за исключеніемъ приморскихъ городовъ) и страны между Азовскимъ Моремъ, Дономъ, Окою и Днѣпромъ до устья Ингульца (2), на безыменную Босфорскую крѣпость, о коей упоминается при описаніи похода Русскихъ въ Берду (3), также принять въ разсужденіе многочисленность владѣній, входившихъ въ общій составъ Козарскаго

---

(1) D'Ohsson, des peuples du Caucase, in-8. Paris. 1828. p. 20.

(2) Стриттер. Т. III, стр. 573 и проч.; срав. Густ. Эверса, Предвар. Критич. изслѣдованія для Россійской Исторіи, стр. 172.

(3) D'Ohsson, des peuples du Caucase p. 105, 106.

Государства (1): то мнимая Нижне-Придонская крѣпость Саркелъ можетъ показаться не столь нужною для Козаръ, какъ полагалъ Лербергъ.

Эверсъ, видѣвшій ясно недостаточность Делилемъ и Байеромъ распространенныхъ, и по большей части принимаемыхъ положеній о Саркелѣ, сдѣлалъ на оныя свои краткія возраженія. Въ заключеніе ихъ говоритъ: «Я не знаю, гдѣ былъ Саркелъ. Можетъ быть, на томъ мѣстѣ при Донѣ, до котораго сія рѣка была судоходна» (2). Мнѣніе сіе, вѣрное въ основаніи своемъ, легко можетъ быть согласовано съ тѣмъ предположеніемъ, которое я сдѣлалъ въ умѣ своемъ и которое намѣренъ изложить здѣсь.

Какъ всякое умозрѣніе, не имѣющее для своего подкрѣпленія положительныхъ данныхъ, основанное при одномъ правдоподобіи: то для большей очевидности нужнымъ считаю обратиться вновь къ пересмотру, соображенію и объясненію главнѣйшихъ извѣстій о Саркелѣ, находящихся отчасти въ сочиненіи Константина Багрянороднаго, отчасти же въ Писателяхъ Отечественныхъ и Восточныхъ.

Переданное намъ о семъ предметѣ вѣнценоснымъ Писателемъ Греціи заключается въ слѣдующемъ: «Отъ нижнихъ частей Дуная, противъ Днепры, начинаются Печенѣжскія владѣнія, кои простираются до Саркела, крѣпости Козарской, въ коей гарнизонъ смѣняется время отъ времени. У нихъ *Саркелъ* означаетъ *бѣлую гостинницу*. Обита-

(1) *Эверса*, Предвар. критич. изслѣдованія для Русской Ист., стр. 169; срав. D'Ohsson des peupl. du Cauc. p. 40, 41.

(2) *Эверса*, вышеприведенн. сочиненіе, стр. 180 и 181.

лище сіе было построено Спафаро-Кандидатомъ Петрономъ, по прозванію Каматеромъ: ибо Казары просили Императора Ѳеофила (между 829 и 842 г.) о построеніи для нихъ сей крѣпости. Хаканъ и Бекъ Козаріи отправляли къ Императору пословъ съ просьбою о построеніи имъ крѣпости Саркела. Императоръ, снисходя на ихъ просьбу, послалъ Спафаро-Кандидата Петрону, какъ выше упомянуто, съ Императорскими Хеландіями, съ которыми приказалъ соединиться и Хеландіямъ Пафлагонскаго правителя. Петрона, прибывъ въ Херсонъ, гдѣ нашелъ упомянутыя Хеландіи, велѣлъ посадить людей на перевозныя суда и отправился по Дону въ то мѣсто, гдѣ слѣдовало строить крѣпость. Но какъ тамъ не было камней, нужныхъ для строенія, то велѣлъ сдѣлать горны для обжигу кирпичей, изъ которыхъ и сложилъ крѣпость. Что жъ касается до извести, то онъ приготовилъ ее изъ мелкихъ рѣчныхъ камней. Окончивши постройку Саркела, онъ возвратился ко Императору. Отъ Дуная отстоитъ Саркелъ на 60 дней пути и пр.» (1).

Изъ сего простаго, краткаго и яснаго повѣствованія Константина можно видѣть, что построенная Петроною крѣпость дѣйствительно была на Дону и примыкала къ владѣніямъ Печенѣговъ, производившихъ въ то время сосѣдамъ ихъ великія безпокойства. Въ доказательство послѣдняго обстоятельства можетъ быть приведено сдѣланное ими на Кіевъ нападеніе въ то время, когда Святославъ

(1) Здѣсь я послѣдовалъ переводу, помѣщенному въ сочиненіи: Mémoires relatifs à l'Asie, par Klaproth, p. 146, 144.

предпринималъ первый походъ въ Дунайскую Болгарію. Сверхъ того и дѣлаемый Константиномъ отзывъ о важности сего народа для Руси и Греціи (1) заставляетъ думать, что Саркелъ долженствовалъ охранять Козарскія владѣнія отъ Печенѣжскихъ нападеній, а не отъ Яссовъ и Касоговъ, какъ полагалъ Клапротъ (2). Послѣдніе, упоминаемые Русскими Лѣтописцами при описаніи воинскихъ походовъ Святослава, могли находиться въ числѣ подданныхъ Козаръ и дѣйствовать съ ихъ стороны отдѣльнымъ отрядомъ.

Изъ совершеннаго въ 913 или 914 г. Руссами похода, описаннаго Массуди, видно, что странствователи сіи, для прохода вверхъ по Дону, испросили дозволеніе у Государя Козарскаго. Слѣдовательно, нижнія части рѣки сей находились во власти Козаръ, такъ что плаваніе по онымъ зависѣло совершенно отъ ихъ воли. Какъ далеко простиралось владычество народа сего вверхъ по Дону, о томъ у Константина не упоминается. По крайней мѣрѣ съ увѣренностію можно полагать, что оное простиралось гораздо далѣе назначаемаго Лербергомъ мѣста для Бѣлой Вежи. Это слѣдуетъ заключить изъ дальнѣйшаго по Дону плаванія тѣхъ же Русскихъ, не просившихъ для себя позволенія ни у кого, кромѣ Козаръ. Сіи же послѣдніе не могли дѣлать распоряженій въ чужихъ владѣніяхъ. И такъ Русскіе поднимались по рѣкѣ Дону въ Козарскихъ

(1) См. приводимое мѣсто въ Байеровой Росс. Географіи, перев. на Рос. языкъ, in-8. С. П. Б. 1767, стр. 85.
(2) *Klaproth*, Mémoires relatifs à l'Asie etc. in-8. Paris. 1826, p. 146.

областяхъ до самаго того пункта, гдѣ можно было имъ сдѣлать переходъ на рѣку Волгу, открывавшую возможность къ проходу въ Каспійское Море, а потомъ въ устьѣ Куры и вверхъ по оному до *Берды*.

Молчаніе Массуди о семъ пунктѣ заставляетъ, для отысканія его, прибѣгнуть къ соображенію мѣстностей съ повѣствуемымъ. Извѣстно, что рѣка Донъ отъ устья своего уклоняется безпрестанно на Востокъ, сближая такимъ образомъ воды свои съ Волгою. Самое приближенное теченіе Дона къ Волгѣ находится у *Качалинской Станицы*, противоположной съ *Дубовскимъ Посадомъ*, стоящимъ на берегу рѣки Волги. Здѣсь рѣка Донъ, изгибаясь въ видѣ полукружія, образуетъ на правомъ берегу родъ полуострова, очень удобнаго для крѣпости, а впадающая въ Донъ съ лѣвой стороны рѣчка *Тишана* представляетъ на лѣвомъ берегу подобное же мѣстоположеніе. Выше сего мѣста теченіе Дона уклоняется къ Западу. Слѣдовательно, далѣе поворота сего искать Саркела, кажется, не слѣдуетъ.

На помянутомъ разстояніи, между Качалинской Станицей и Дубовкою, заключающемъ въ себѣ до шестидесяти верстъ, легкіе суда Руссовъ могли быть перетащены сухопутно, что въ древности считалось очень обыкновеннымъ дѣломъ. Въ подтвержденіе сего нѣтъ нужды приводить много доказательствъ послѣ представленныхъ почтеннымъ Академикомъ Кругомъ (1), послѣ оставшихся названій *во-*

---

(1) Критическія разысканія о древнихъ Русскихъ монетахъ, in-8. С. П. Б. 1807, стр. 96 — 107.

лотовъ и свидѣтельства Митрополита Пимена, что, во время его поѣздки, въ 1389 году, въ Грецію, послѣ плаванія по Окѣ, ѣхали они сухопутно до Дона, а за ними везли на колесахъ три струга съ большою лодкою, которые опять спущены были на рѣку Донъ (1).

Вѣроятно, слѣдуя древнему обыкновенію, и въ нынѣшнее время перевозятъ въ здѣшнихъ мѣстахъ изъ Волги въ Донъ сухопутно даже значительной величины барки, при помощи катковъ, сдѣланныхъ въ видѣ колесъ. Въ проѣздъ мой въ Астрахань удалось мнѣ видѣть приготовленія къ подобной, очень простой операціи. Сообразно величинѣ барокъ увеличивается, или уменьшается, число воловъ, преимущественно употребляемыхъ для перевозки тяжестей съ Волги въ Донъ и обратно.

Изъ старыхъ дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ Астраханскаго Губернскаго Правленія, видно, что *Донскіе Казаки*, приходившіе для грабительства на рѣку Волгу, перевозили изъ Дона свои суда сухопутно. При бѣгломъ обзорѣ помянутыхъ дѣлъ встрѣтилъ я упоминаніе о подобной Казацкой экспедиціи подъ 1667 годомъ. Мѣсто переѣзда ихъ означено иначе между Качалинской Станицей и Дубовкою.

Перевѣсъ сношеній Дубовскаго Посада съ Дономъ предъ сношеніями близъ лежащаго города Царицына даетъ уразумѣть, что и въ древности именно здѣсь пролегалъ главный путь для сообщенія Приволжскихъ странъ съ Донскими. Можетъ быть,

---

(1) И. Г. Р. Томъ V, стр. 114, 115.

здѣсь перешедшіе Волгу и Донъ Печенѣги не переставали дѣлать временныхъ сношеній съ мѣстами прежняго своего жительства. На сей-то, такъ сказать, пробитой пути Козарамъ нужно было имѣть крѣпость, какъ для обезпеченія себя со стороны Печенѣговъ, такъ и для прекращенія сообщенія между Волгою и Дономъ. Мѣра сія должна быть почтена очень важною въ политическомъ и торговомъ отношеніяхъ.

Таковое предположеніе совершенно согласуется съ повѣствованіемъ Массуди, знающаго о склоненіи теченія Дона къ Волгѣ. Почиталъ ли онъ Донъ рукавомъ Волги, сего не можно видѣть изъ переводовъ его повѣствованія. У Д'Оссона встрѣчаю я только, что Русы, получивши отъ Козаръ дозволеніе на проѣздъ чрезъ ихъ владѣнія, вошли въ Азовское Море, въ устье рѣки Дона и, поднявшись по оному до Волги (т. е. до приближеннѣйшаго мѣста къ Волгѣ), спустились потомъ Волгою, чрезъ городъ Атель (Итиль) въ Каспійское Море (1).

При описаніи обратнаго пути Русовъ не упоминается уже о Донѣ, а говорится между тѣмъ, что оставшіеся послѣ пораженія Русы плыли вверхъ по Волгѣ до земель Буртасовъ и Болгаръ, гдѣ, для дальнѣйшаго отступленія, вышли на берегъ и были побиты отъ жителей (2). Для чего бы имъ подвергать себя опасности и не продолжать пути на судахъ, когда бы не было для нихъ нужды

(1) D'Ohsson, des peuples du Caucase, pag. 100.

(2) Ibid. pag. 102.

въ сухопутномъ переходѣ до рѣки *Дона*, или какой другой, въ оный впадающей, какова на пр. Иловля и т. п. Надобно полагать, что сухопутные переходы отъ одной рѣки до другой столько были обыкновенны, что Авторъ не считалъ даже нужнымъ объяснять того.

Между тѣмъ далекое углубленіе Руссовъ на Сѣверъ показываетъ, что мѣсто волока ихъ отстояло на значительное разстояніе отъ устья рѣки Волги. Да и изъ выраженія Константинова, въ другомъ мѣстѣ употребленнаго (1), что Донъ идетъ отъ Саркела, заключать можно о возвышеніи сей крѣпости по теченію рѣки на значительное пространство. Встрѣченная мною на пути въ Астрахань, между Саратовымъ и Камышинымъ колонія *Россошь*, и около Царицына, вправо отъ предлежавшаго мнѣ тракта, рѣчка *Россошь* или *Россошка*, впадающая въ рѣку *Карповку*, которая течетъ съ лѣвой стороны въ рѣку Донъ, могутъ свидѣтельствовать о дѣйствительности совершеннаго симъ путемъ похода Руссовъ въ Берду, описаннаго у Массуди.

Но самое важное извѣстіе, относительно опредѣленія мѣста, гдѣ находился Саркелъ, содержится въ вышеприведенномъ описаніи путешествія Митрополита Пимена въ Грецію (1389 г.), въ коемъ между прочимъ сказано: «Въ Недѣлю жъ пятую минухомъ рѣку Медвѣдицу, и горы высокія рѣку, и Бѣлый Яръ рѣку: въ Понедѣльникъ же горы каменныя красныя; во Вторникъ же *Серклію* (иначе Терклію)

(1) См. мѣсто, приводимое Лербергомъ въ его Изслѣдов., служащихъ къ объясненію Древней Русской Исторіи, стр. 526.

градъ минухомъ плѡвуще: не градъ же убо, но точію городище, то же и перевозъ минухомъ и проч.» (1).

Изъ сего положительно уже видно, что развалины Саркела находились не очень далеко ниже устья рѣки Медвѣдицы; каковое указаніе совпадаетъ съ пунктомъ, мною прежде означеннымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и перевозъ, упоминаемый Митрополитомъ въ слѣдъ за Серкліею, должно почесть здѣсь весьма важнымъ, какъ бы опредѣляющимъ главный трактъ издревле обычнаго сообщенія въ здѣшнихъ мѣстахъ, какъ мною и было выше предположено. Иначе едва ли могъ бы онъ сдѣлаться признакомъ, выражающимъ постепенность въ плаваніи. Обыкновенныхъ перевозовъ могло встрѣчаться много; но объ нихъ не упоминается. Если сей перевозъ находился не при самомъ городищѣ, то вѣрно не въ дальнемъ отъ онаго разстояніи: ибо мимо обѣихъ сихъ мѣстъ проѣздъ былъ совершенъ въ одинъ и тотъ же день.

Сія очень правдоподобная приближенность Бѣлой Вежи къ главному пути можетъ объяснить причину, по коей Константинъ Багрянородный въ переводѣ своемъ даетъ Саркелу названіе *бѣлой гостинницы*. При семъ случаѣ нужно только предположить Славено-Русса, объяснявшаго Цареградскому Автору подлинный смыслъ *Саркела*. Ибо несомнѣнныя находятся доказательства тому, что Славяне подъ словомъ *гостинница* разумѣли большую дорогу. Подъ сею формою встрѣчается она въ

(1) И. Г. Р. Т. V, стр. 449, въ Примѣч. 163.

Русской Правдѣ (Гл. XII. ст. 2) (1). Въ Смоленской Губерніи доселѣ извѣстно таковое значеніе слова. Кромѣ того слова: гость, гостьба, гостить, гостинницы, погостъ и проч. остаются свидѣтелями всеобщаго нѣкогда употребленія у Славянъ рѣченія сего вмѣсто дороги. Слѣдовательно крѣпость, поддерживавшая свободу сообщенія главнаго тракта Козаръ, могла быть наименована *бѣлою гостинницею.*

Всякъ, занимающійся Исторіею, долженъ сожалѣть, что здѣшнія мѣстности, не смотря на ихъ классицизмъ, доселѣ нигдѣ не были внимательно разсмотрѣны и изображены [illegible] фактами. Для Натуралистовъ, неотъемлемо дѣятельно производить свои изысканія, Природа въ своихъ предметахъ остается наконецъ; а для Историка есть предѣлъ, далѣе котораго исчезаетъ возможность къ изслѣдованіямъ. Драгоцѣнный памятникъ, увезенный съ роднаго ему мѣста, и невѣдомо употребленный въ цѣломъ или искаженномъ видѣ для самыхъ обыкновенныхъ предметовъ, гибнетъ для изслѣдователя безвозвратно. Если же онъ случайно и открывается иногда не на своемъ мѣстѣ, то сколько тогда предоставляется споровъ для вѣрныхъ умствованій! Но въ нынѣшнее время, отъ внимательнаго Учебнаго Начальства, попечителя о преуспѣяніи вообще всѣхъ отраслей Наукъ, можно ожидать всякаго рода вспомоществованій, и [illegible] подвизающимся на поприщѣ историческомъ

(1) Правда Русская и проч., изданная Любителями Отечественной Исторіи, in-4. 1792, стр. 78. Срав. Словарь Академ. II, 758.

изслѣдованій. Пособія, оказанныя между прочими лицами и Профессору Дерптскаго Университета Ф. Крузе, ясно это доказываютъ. Любителямъ Исторіи остается ожидать важныхъ результатовъ отъ ученаго сего путешествія. До того же времени въ необходимости находимся оставаться при прежнихъ скудныхъ свѣдѣніяхъ.

Впрочемъ, обращая должное вниманіе на одну наружность мѣстностей, можно иногда находить въ нихъ черты, открывающія связь ихъ съ событіями прежнихъ временъ. Такъ на пр.: въ названіяхъ рѣчекъ *Царицы*, города *Царицына*, рѣки *Сарпы* открывается явственно имя Саркела, а въ имени *Бѣлхеся* переводъ сего слова (Бѣлой Вежи) (1).

Обозрѣвая всѣ обстоятельства, относящіяся къ мѣстоположенію Саркела, слѣдуетъ обратиться къ самому наименованію онаго. Здѣсь представляются намъ для рѣшенія три слѣдующіе вопроса: 1) на какомъ языкѣ дано было сей Козарской крѣпости упомянутое названіе; 2) почему могла получить она имя Бѣлой Вежи, и 3) имѣетъ ли необходимую связь съ прочими мѣстами, которыхъ названія выражаютъ подобный смыслъ, или можетъ разсматриваемо быть и независимо отъ оныхъ?

При началѣ сей статьи уже было мною сказано, что Лербергъ, уничтоживъ систему Турецкаго происхожденія Козаръ, удаляется отъ надлежащаго предмета; и вмѣсто изъясненія Константинова Саркела занялся составленіемъ подобнаго Саркелу

(1) Атласъ Россійскій, изданный Императорскою Академіею Наукъ, in-fol. С. П. Б. 1745 г.

слова на языкѣ Турецкомъ, въ чемъ не было никакой нужды. Потому у сего Писателя не могу я искать для себя никакого пособія въ предстоящихъ розысканіяхъ. И такъ слѣдуетъ обратиться къ Писателю, отличившему себя особеннымъ усердіемъ на поприщѣ лингвистическаго ученія, Ю. Клапроту. Въ его краткой Запискѣ о Козарахъ находится рѣшеніе на первый изъ моихъ вопросовъ, которое заключается въ слѣдующемъ: «Въ нарѣчіяхъ *Вогуловъ* Западной Сибири слова: *Саръ*, *Сарки*, *Сорни* и *Серанъ* означаютъ *бѣлый*. Корень оныхъ есть *с—р* со вставляемою между ними гласною буквою. Въ томъ же самомъ значеніи находится онъ у многихъ племенъ Самоѣдскихъ въ словахъ: *Сиръ*, *Сирръ* и *Сири*. Домъ или обиталище называется въ разныхъ нарѣчіяхъ Вогуловъ: *Келлъ*, *Килла*, *Куелъ*, *Куалъ* и *Коль*, а на языкѣ Чувашскомъ — *Килъ*.» Вогулы принадлежатъ къ племени Восточныхъ Финновъ и однородны съ *Венграми* нынѣшнихъ временъ. Козары слѣдовательно принадлежали къ тому же самому поколѣнію: ибо языкъ ихъ одинаковъ съ *Вогульскимъ* (1).»

Слова: *Саръ* и *Келлъ*, сочетаваясь здѣсь весьма натуральнымъ образомъ, объясняютъ имя *Саркела* совершенно согласно переводу, дѣлаемому Константиномъ Багрянороднымъ. По видимому, слѣдовало мнѣ остановиться на семъ и приступить къ разсмотрѣнію двухъ прочихъ вопросовъ. Но какъ я предположилъ простирать изысканія свои далѣе предшествовавшихъ мнѣ Критиковъ, то да

(1) Mémoires relatifs à l'Asie etc. in-8. Paris. 1824, p. 155.

не оскорбится тѣнь знаменитаго мужа моею попыткою присовокупить къ рѣшенію его нѣсколько собственныхъ усмотрѣній, кои необходимыми кажутся для рѣшенія двухъ остающихся проблеммъ, никѣмъ еще доселѣ не разсматриванныхъ

По жительству моему на Востокѣ, не пропускалъ я представлявшихся мнѣ случаевъ освѣдомляться обо всемъ касающемся до окрестныхъ мѣстъ и находящихся въ нихъ жителей. Занятія сіи познакомили меня нѣсколько съ тѣми словами *Чувашъ* и *Черемисъ*, которыя находилъ я нужными для предположенныхъ мною разысканій. Симъ путемъ дознала я, что на Черемисскомъ языкѣ словомъ *саръ* выражается *война*. Ежели присовокупишь къ тому названіе дома (*келъ* или *килъ*), поставляемое на видъ Клапротомъ, или слово *Килъ-етъ*, употребляемое Черемисами для наименованія ихъ *кладовой* (перешедшее и въ Русской языкъ подъ названіемъ *клѣти*), тогда окажется весьма явственною причина, по которой сооруженная и снабженная гарнизономъ крѣпость была названа *Сар-кел*. Смѣшенное обитаніе и совокупное господство разныхъ *Арскихъ* племенъ надъ Козаріей въ обширномъ смыслѣ ни сколько не противорѣчитъ совокупленію приведенныхъ мною частей.

Съ перваго взгляда можетъ представиться, что я, дѣлая Саркелу новое изъясненіе, подобно Лербергу удаляюсь отъ настоящаго предмета, и нахожусь въ явномъ противорѣчіи съ Константиномъ, единственнымъ путеводителемъ въ семъ случаѣ. Но пускай въ защиту мою говорятъ: 1) истинное предназначеніе упомянутаго строенія; 2) отраженіе

воинственнаго свойства крѣпости на вышеприведенныя уже мѣстности (рѣчки Царицы, городъ Царицынъ, рѣка Сарпа): не безъ причины въ соотвѣтственныхъ сему важному пункту мѣстахъ и Русское Правительство имѣло укрѣпленную *Царицынскую* линію; 3) подобіе названій другихъ мѣстъ, раздѣленныхъ между собою большимъ пространствомъ, но соединенныхъ одинаковостію предназначенія. Сюда могутъ быть отнесены: *Сар-ай*, *Сар-айчикъ*, острова *Сар-а*, *Сар-анскъ*, *Ин-сар-а*, *Сар-атовъ*, *Чебок-сары*, *Сар-апулъ*, и т. п.

Въ мѣстахъ, приближенныхъ къ кореннымъ областямъ Козаріи, до новѣйшихъ временъ сохранился обычай называть пѣхотныхъ воиновъ *Сар-вазами* (1), а военачальниковъ *Сар-дарями* (2).

Такимъ образомъ изъясняемое слово Саркелъ пріобрѣтаетъ совершенную ясность, и безъ малѣйшей натяжки разрѣшаетъ первый изъ моихъ вопросовъ. Послѣ того могутъ однакожъ возразить мнѣ: отъ чего же Константинъ Багрянородный перевелъ Саркелъ не *военнымъ обиталищемъ*, а *бѣлымъ?*

Дабы устранить и сіе недоумѣніе, нужно нѣсколько распространиться. *Война* съ древнѣйшихъ временъ дѣлила обитателей Земнаго Шара на властелиновъ и подчиненныхъ. Посредствомъ ея же послѣдніе заступали иногда мѣсто первыхъ, или

(1) Спасскаго., описаніе Нахичеванской Провинціи, in-8. С. П. Б. 1833 г. стр. 59.

(2) *Mouraviev*, Voyage en Turcomanie et à Khiva etc. in-8. Paris. 1823, p. 35.

дѣлались отъ нихъ только независимыми, т. е. *свободными*. Отъ сего натуральнымъ образомъ долженствовало родиться высокое уваженіе къ людямъ, занимавшимся сохраненіемъ внѣшней безопасности. Особа, составлявшая, такъ сказать, душу войны, могла отъ сего быть названа *Цар-тамъ*, *Сар-даремъ*, *Сары-авманомъ* и т. п. (1). Да и войска, съ нимъ въ дѣйствія участвовавшія, какъ благодѣтели общества, пользовались также отличнымъ уваженіемъ. Въ дальнѣйшемъ ходѣ общая характеристика приспособлялась и къ частностямъ. Очень легко могло случиться, что и *воинскій городъ* могъ получать важныя выгоды предъ прочими, освобождаясь отъ многихъ тягостей. Такимъ образомъ вышеприведенные *Сарвазы* были освобождаемы отъ личныхъ податей и повинностей (2). Это представляетъ первую точку воззрѣнія. Во вторыхъ, подобный городъ могъ быть по торговымъ дѣламъ освобожденъ отъ взиманія пошлинъ съ привозимыхъ въ оный товаровъ, равно какъ съ назначаемыхъ къ вывозу. Въ третьихъ, личная свобода находившихся въ крѣпостяхъ жителей обезопасена была лучше прочихъ мѣстъ отъ вредоносныхъ нападеній чуждыхъ народовъ. Чрезъ сіе избѣгали они отъ воинскаго плѣна, слѣдствіемъ котораго, по тогдашнему образу мыслей, было необходимое, законное рабство. И такъ все сосредоточивалось въ свободѣ. Отъ того и самые даже обладатели Государствъ, за честь себѣ поставляли означать

---

(1) И. Г. Р. Т. VIII, стр. 158.

(2) Стат. Опис. Нахичев. Провинціи, стр. 59.

въ своихъ титулахъ право свое на независимость отъ прочихъ. Въ доказательство сего можно привести очень много примѣровъ. Но въ настоящемъ случаѣ я ограничусь указаніемъ на тѣ, кои встрѣчаются въ Исторіи Отечественной. Отправленный (1509) Василіемъ Іоанновичемъ къ Крымскому Хану Посломъ Морозовъ употреблялъ, при отношеніяхъ своихъ къ лицу Хана, какъ весьма почетное выраженіе: *Царь вольный человѣкъ* (1). Подобное выраженіе находится и въ Казанской лѣтописи, когда идетъ разсказъ о выдачѣ Казанцами Рускимъ Царицы Сумбеки. Воевода, предъ нею предстоявшій, говоритъ: «поймана еси, *вольная Царица* и проч. (2). Іоаннъ Васильевичь III, *или* Великій, писавши въ 1492 году дружественную грамоту къ Турецкому Султану Баязету, *для* выраженія къ нему особеннаго съ своей стороны уваженія, начинаетъ её слѣдующими словами: «Султану, *вольному Царю* Государей Турскихъ и Азіятскихъ, земли и моря, Баязету и проч. (3).

Все это ясно доказываетъ высокость мыслей, совокуплявшуюся съ независимостію, которая пріобрѣтаема или поддерживаема быть могла только воинскою силою. Отъ сего-то и укрѣпленныя мѣста, снабженныя сею силою, называемы были *вольными мѣстами*, что надѣюсь въ слѣдъ за симъ доказать несомнѣнно.

Извѣстно, что Восточные народы, по необыкновенному расположенію къ употребленію фигурнаго

(1) Ист. Госуд. Росс. Т. VII, стр. 27 и 28.
(2) Тамъ же, Т. VIII, стр. 546.
(3) Тамъ же, Т. VI, стр. 220.

языка, обозначая *свободу человѣка*, или счастливое его состоянiе *бѣлымъ цвѣтомъ*.

Фишеръ въ § 10 своей Сибирской Исторiи говоритъ: «Всѣ завоеванныя Западными Китайцами земли отъ Турфана и Кашкара, даже до рѣкъ Оби, Иртыша, Гигона и Сигоно, назывались прежде сего *Кара Китай*; имя Китай получили оныя отъ побѣдителей своихъ, а Кара—не такъ для черноты старинныхъ жителей, какъ наипаче, что они, яко побѣжденные, должны были платить нѣкоторую дань своимъ побѣдителямъ.» А въ § 45 дополняетъ: «Въ Россiйскихъ приказныхъ дѣлахъ называются они (Телеуты) *Бѣлыми Калмаками*, для различiя, какъ сказываютъ, отъ Контайшевыхъ Калмаковъ, которыхъ именуютъ иногда *Черными*. Выше уже мною сказано, что Восточные народы соединяютъ съ именами цвѣтовъ разныя понятiя: *бѣлый*, на пр. значитъ между прочимъ никому неподвластнаго, свободнаго отъ должности и податей, также нѣчто радостное, счастiе приносящее и проч., какъ, напротивъ того, *черный* изъявляетъ подданство, рабство, также и нѣчто печальное. Россiяне приняли сiи же знаменованiя, и даже до нынѣ удержали ихъ въ разныхъ случаяхъ.» Въ сдѣланномъ къ послѣднему параграфу примѣчанiи сказано: «*Бѣлая земля* называется мѣсто подъ дворъ, которое свободно отъ податей; *черная земля* значитъ мѣсто, съ котораго поземельныя деньги платить должно (1).»

---

(1) Сибирск. Исторiя, перев. на Росс. языкъ, in-4. С. П. Б. 1774 г. стр. 11 и 62.

Достовѣрность его словъ доказывать могутъ не только приводимые имъ въ примѣръ *Бѣломѣстные Казаки*, получившіе по завоеваніи Сибири, вмѣсто жалованья, земли, безъ всякой платы съ нихъ податей въ Казну и проч. (1); но также *Бѣлопомѣстные поселяне*, кои владѣли наслѣдственно землями, не платя никакихъ податей, а отправляя воинскую службу (2); такъ называемые *Бѣлопашцы*, за какіе либо важныя услуги освобождаемые отъ государственныхъ податей (3), и названія: *Бѣлый Царь*, *Бѣлая Россія* и проч. (4).

Все здѣсь изложенное совершенно согласуется съ существомъ трактуемаго мною предмета и несомнѣнно доказываетъ, что Русскіе, въ древнія времена тѣсно соединенные политическимъ своимъ бытіемъ съ Азіатскими народами, въ подражаніе имъ также употребляли слово *бѣлый* въ переносномъ его значеніи, для выраженія *свободы* не только *людей*, но и самыхъ *земель*. Такимъ образомъ и *Саркелъ*, будучи крѣпостью, свободною отъ набѣговъ грабителей и проч., названъ былъ *военнымъ* обиталищемъ въ прямомъ, а *бѣлымъ* въ переносномъ значеніи, что по тогдашнимъ обстоятельствамъ могло приводить къ тождественности въ выраженіяхъ.

---

(1) Сибирская Исторія и проч. стр. 398.

(2) *Успенскаго*, Опытъ повѣствованія о Древностяхъ Русскихъ. Изд. 2-е. Ч. I, in-8. Харьковъ, 1818 г. стр. 189.

(3) *Орлова*, Памятникъ Событій въ Церкви и Отечествѣ и проч. Ч. I, стр. 337, in-8. С. П. Б. 1816.

(4) Ист. Гос. Росс. Т. VI, стр. 332; срав. Фишера Сиб. Исторія, стр. 52.

Въ описаніи путешествія, совершеннаго Г-мъ Муравьевымъ (1819 и 1820 г.) въ Туркоманію и Хиву, нахожу я упоминаніе о крѣпости *Ак-Сараи*, которая означаетъ такъ же, какъ Саркелъ, *бѣлый замокъ* (1).

Изъ сего уже смѣло можно сдѣлать заключеніе, что подобные случаи называнія воинскихъ укрѣпленныхъ мѣстъ *бѣлыми* были нѣкогда слишкомъ обыкновенны. Не странно нисколько послѣ того подвести подъ сію же категорію и часть первопрестольнаго нашего града, извѣстную подъ названіемъ *Бѣлаго Города*. Именованіе въ древности сей укрѣпленной части *Царь-городомъ* явственно беретъ свое начало отъ вышеизъясненнаго слова *Сарь*, которое съ теченіемъ времени перешло въ народное употребленіе только въ иносказательномъ переводѣ. Слѣдовательно отъ забытія подлиннаго смысла рѣченія *Сарь*, а не отъ окраски переложенныхъ стѣнъ бѣлою краскою, какъ объясняетъ Г. Берхъ (2), начали называть его *Бѣлгородомъ*.

Самое *Бѣлобережье*, о которомъ упоминается въ договорѣ, заключенномъ Игоремъ съ Греками, было, кажется, мѣстомъ свободнымъ, никому исключительно непринадлежавшимъ. Иначе къ чему бы вводить въ договоръ особую статью о томъ мѣстѣ, которое, находясь при устьѣ рѣки Днѣпра, удалено было отъ Россіи и раздѣлено отъ нея владѣніями Печенѣговъ. Между тѣмъ въ IX ст. договора изложено слѣдующее: «Русскіе да не тво-

(1) Voyage en Turcomanie etc. p. 107, срав. съ симъ стр. 130.
(2) Царствованіе Царя Ѳеодора Алексѣевича и проч. in-8. С. П. Б 1835. Ч. I, стр. 68.

›ять никакого зла Херсонцамъ, ловящимъ рыбу ›ри устьѣ Днѣпра, и не имѣютъ власти зимовать ›амъ, ни въ Бѣлобережьѣ, ни у Св. Еѳерія; но при ›аступленіи осени да идутъ въ домы свои, въ Русскую землю (1).

Допустивъ сіе, можно будетъ уразумѣть и причину, по которой Великій Князь Святославъ, послѣ неудачнаго своего похода въ Дунайскую Болгарію, возвращаясь, могъ остаться зимовать въ Бѣлобережьѣ.

И такъ въ обычности употребленія слова *Бѣлый*, которымъ, какъ видно изъ предыдущаго, выражалась въ переносномъ значеніи независимость разнаго рода, содержится весьма удовлетворительный отвѣтъ на вторый изъ предположенныхъ мною къ разрѣшенію вопросовъ. — Предлежащій къ разсмотрѣнію послѣдній вопросъ не представляетъ уже въ своемъ рѣшеніи ни малѣйшаго затрудненія.

Читатели легко себѣ представятъ многоразличность обстоятельствъ, имѣющихъ отношеніе къ свободѣ какъ человѣка, такъ и земли и какихъ-нибудь предметовъ, особенное вниманіе заслуживающихъ. Отъ того всякій изъ нихъ допуститъ различные оттѣнки въ употребленіи рѣченія *бѣлый*. *Бѣлая Вежа*, *Бѣлый Царь* и *Бѣлобережье* выражаютъ независимость предметовъ, совершенно между собою различныхъ. Посему могло находиться по нѣскольку и Бѣлгородовъ, (2) Бѣлыхъ Вежъ (3),

(1) Ист. Госуд. Росс. Т. I, стр. 155.

(2) Срав. Шлецер. Нест. Ч. III, стр. 158, 159, Изъ изслѣдов. Лерберга, стр. 251, 366, 367, 337, 342, 561.

(3) Изслѣдованія Лерберга, стр. 522 — 362, 365, 364, 365.

и Бѣлыхъ Рѣкъ (1), и Бѣлобережьевъ (2), и т. п.

Къ чему же связывать въ разысканіяхъ о Козарской Бѣлой Вежѣ, находившейся несомнѣнно на Дону, имя *Бѣлой Вежи*, отыскиваемой усильно Лербергомъ въ верхнихъ частяхъ рѣки Остера, близъ *Екатеринополя* (3). Это почти то же значитъ, что искать напрасной связи между всѣми вышеупомянутыми, совершенно разнородными предметами, облеченными только въ иносказательную бѣлизну, которая впрочемъ могла иногда брать начало свое и отъ естественныхъ качествъ.

Чтобы показать, къ какимъ несогласнымъ съ существомъ дѣла заключеніямъ вести могутъ подобнаго рода умствованія, приведу здѣсь слѣдующее мѣсто изъ разсужденія о Тмуторакани, помѣщеннаго въ Трудахъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей: «Бѣлою Вежею называли въ старину шатеръ кочующаго Царя, и потому городъ сего имени (разумѣя Козарскій Саркелъ) долженъ быть столицею (4).» Прочитавши сіе не могу отыскать причины, по которой можно бы было, во-первыхъ, допустить сближеніе сихъ вѣками и пространствомъ земель раздѣленныхъ между собою предметовъ, а во-вторыхъ, изъ совершенно неопредѣленнаго употребленія выраженія Бѣлой Вежи сдѣлать

(1) Тамъ же, стр. 373. Срав. Зябловск. Землеописаніе Росс. Имперіи. Т. I, стр. 9; III, стр. 351, 352; V, стр. 300 и проч.

(2) Изслѣд. Лерберга, стр. 371, 376. Срав. Шлец. Нест. Т. III, стр. 159 и Полеваго И. Р. Н. Т. I, стр. 187.

(3) Изслѣдов. Лерберга, стр. 383 и слѣд.

(4) Труды Общества Исторіи и Древн. Росс. М. in-8. 1828. Ч. IV, кн. I, стр. 83, 84.

заключеніе о бытіи *Козарской Бѣлой Вежи* столицею Государства. Прямѣе бы казалось сдѣлать выводъ, что и во время Татарскаго владычества Русскіе не переставали употреблять названія бѣлой вежи, и даже имѣли къ оному какое-то уваженіе, такъ что шатеръ Царя носилъ подобное наименованіе, или заключить, что Саркелъ не былъ городъ, а станъ Козарскаго кочующаго Правителя. Но неумѣстность вывода въ обоихъ случаяхъ была бы очень явственною: ибо въ приведенномъ выше текстѣ Константина Багрянороднаго ясно говорится, что Козарскій Царь и Правитель просили Греческаго Императора о построеніи для нихъ крѣпости на Дону; что она была на ономъ дѣйствительно построена Петроною; что въ ней находился гарнизонъ, по временамъ смѣнявшійся, и что крѣпость сія была называема Саркеломъ, что означаетъ на Козарскомъ языкѣ бѣлую гостинницу. Здѣсь нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія о томъ, чтобы Саркелъ былъ столицею Козаріи. Изъ вышеприведенныхъ же показаній Восточныхъ Писателей видно, что столицами оной были сначала *Самандеръ* (1), а послѣ — *Атель* (Итиль), изъ коихъ послѣдней дѣлаютъ даже весьма обстоятельное описаніе (2). Какъ послѣ всего этого перемѣстить Саркелъ съ Дона на Волгу и даже смѣшать его съ *Баланжаръ — Атолемъ* (Балангаромъ или Атолемъ), совершенно непонятно! — Слѣдовательно заклю-

---

(1) *D'Ohsson*, des peuples du Caucase etc. p. 20.

(2) Тамъ же, Стр. 51 и 52; срав. Эверса Критич. Изслѣд. для Росс. Исторіи; стр. 169.

ченіе Автора, что Саркелъ долженъ быть столицею Государства, безъ всякой нужды поставляетъ его въ сугубое противорѣчіе какъ съ Константиномъ, такъ и съ Восточными Писателями, знавшими весьма обстоятельно столицу Козаръ, и лично даже въ ней бывшими (1). Между тѣмъ оно не приводитъ совершенно ни къ какому результату, полезному или для Науки, или для трактуемаго Авторомъ предмета.

Къ сему же классу умствованій отнести можно и слѣдующее мѣсто, находящееся въ статьѣ: О слѣдахъ древняго Греческаго города Херсона, донынѣ видимыхъ въ Крыму: «Первый изъ нихъ (воеводъ, поставляемыхъ Греческимъ Императоромъ для управленія Херсонскою Провинціей), коего опредѣлилъ помянутый Императоръ (Феофилъ въ 835 г.), назывался Цетронось, и онъ тотъ самый, который незадолго предъ тѣмъ посылаемъ былъ для вспомоществованія Козарамъ въ построеніи на Донцѣ крѣпости *Саркеля* или *Бѣлой Вежи*, противъ Россіянъ.» (2).

Безъ должной критики принявши неправильное заключеніе о положеніи Саркела близъ Бѣлгорода, Авторъ легко уже могъ вовлеченъ быть въ послѣднюю ошибку — признать оный оплотомъ Козаріи противу враждебнаго дѣйствія Русскихъ. Здѣсь также примѣтнымъ дѣлается, что перомъ Автора

(1) Тамъ же, стр. 90. Ср. Эверса, Крит. Изслѣд. для Росс. Ист. с. 169 и D'Ohsson etc. pag. 184.

(2) Труды Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, учрежденнаго при Московскомъ Университетѣ. Ч. IV, кн. I, in-8. М. 1828, стр. 105.

водилъ произволъ, изгнавшій изъ виду дѣлаемое Константиномъ прямое указаніе на рѣку *Донъ* и *смѣжность* построенной на оной Петроною крѣпости Саркела съ *Печенѣжскими*, а не *Русскими* областями.

Посему я полагаю, что Козарскій Саркелъ долженъ быть разсматриваемъ со всѣхъ сторонъ сначала совершенно отдѣльно отъ прочихъ, съ нимъ соименныхъ мѣстъ. Читатели примѣтятъ изъ сего трактата, что я старался придерживаться сего правила, и въ Авторахъ, бывшихъ у меня подъ руками, бралъ въ разсмотрѣніе одно только то, что имѣетъ прямое отношеніе къ обозрѣваемому предмету. Все постороннее, или косвенную связь съ онымъ имѣвшее, оставлялъ и безъ упоминанія, дабы не затмить чрезъ то главной матеріи и не распространить излишно статьи. — Надѣюсь, что особы, отличившіяся въ ученомъ свѣтѣ археологическими своими трудами, не оскорбятся тѣми изъ моихъ предположеній, которыя не согласны съ ихъ общепріемлемыми мнѣніями. Пусть пламенное мое усердіе — быть сколько могу полезнымъ, пріобрѣтетъ у нихъ для моихъ мыслей благосклонный пріемъ и снисхожденіе къ тѣмъ недостаткамъ, которые не разлучны бываютъ съ скудостію въ средствахъ и съ темнотою столь отдаленныхъ отъ насъ предметовъ, какъ здѣсь мною разсмотрѣнный.

Ординарный Профессоръ Казанскаго Университета

Владиміръ Булыгинъ.

5.

СТАТЬИ ИЗЪ РУССКАГО МАТЕМАТИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ (*),

СОСТАВЛЯЕМАГО ЭКСТРАОРДИНАРНЫМЪ АКАДЕМИКОМЪ В. БУНЯКОВСКИМЪ.

Alternée (*fonction*) (Анал.). Знакоперемѣнною *функціею* нѣсколькихъ количествъ называется такое выраженіе, которое, при перемѣнѣ одного изъ сихъ самыхъ количествъ на другое, перемѣняетъ только знакъ, но не измѣняется въ своей величинѣ. Для примѣра знакоперемѣнныхъ функцій съ двумя количествами можно привести слѣдующія выраженія:

$$x - y,\ (x^3 - y^3)\ (x + y - 1),\ log.\ \left(\frac{x}{y}\right), \ldots\ldots$$

а произведеніе

$$(x - y)\ (y - z)\ (z - x), \ldots$$

есть знакоперемѣнная функція съ тремя количествами, и такъ далѣе.

(*) Редакція помѣщаетъ здѣсь сіи статьи, дабы ознакомить ученую Публику съ трудомъ достойнымъ ея вниманія и въ особенности важнымъ потому, что въ немъ предлагаются Русскія названія для такихъ словъ, которыхъ доселѣ не было въ Русской Математической терминологіи.

Коль скоро извѣстна одна знакоперемѣнная функція, то очень легко вывести и общій видъ этого рода выраженій. Дѣйствительно, такъ какъ $x - y$ принадлежитъ къ числу знакоперемѣнныхъ функцій, то, изобразивъ чрезъ $\varphi(x, y)$ ихъ общій видъ, легко усмотрѣть, что отношеніе $\frac{\varphi(x,y)}{x-y}$ должно быть симметрическою функціею измѣняемыхъ x и y. Слѣдовательно выраженіе

$$\varphi(x, y) = (x - y) f(x, y),$$

гдѣ $f(x, y)$ означаетъ произвольную симметрическую функцію, есть общій видъ знакоперемѣнныхъ функцій съ двумя величинами. Замѣтимъ, что вторую часть предыдущаго уравненія можно замѣнить разностію $F(x, y) - F(y, x)$, разумѣя уже подъ F совершенно произвольную функцію.

Точно такимъ образомъ докажемъ, что знакоперемѣнная функція съ тремя измѣняемыми выражается общимъ видомъ

$$\varphi(x, y, z) = (x - y)(y - z)(z - x) f(x, y, z),$$

гдѣ $f(x, y, z)$, какъ и выше, изображаетъ симметрическую функцію перемѣнныхъ x, y, z.

Разсматриваніе знакоперемѣнныхъ функцій бываетъ иногда полезно: въ Алгебрѣ, напримѣръ, уравненія первой степени со многими неизвѣстными рѣшаются весьма просто при пособіи этого рода выраженій.

Congru. (Теор. чис.) Равноостаточный. Когда разность двухъ цѣлыхъ чиселъ b и c (положительныхъ или отрицательныхъ) дѣлится на-цѣло на

другое цѣлое a, то числа b и c называются *равноостаточными* относительно a. Въ противномъ случаѣ, они именуются *разноостаточными* (*incongrus*). Число a принимаетъ названіе *модуля* (*module*). И такъ $+ 12$ и $+ 5$ *равноостаточны* относительно модуля 7. Равнымъ образомъ $+ 32$ и $- 12$ *равноостаточны* по модулю 11, а *разноостаточны* въ отношеніи къ модулю 7.

Равноостаточность изображается знакомъ $\equiv$, послѣ котораго пишется модуль заключенный въ скобкахъ; напримѣръ, $12 \equiv 5$ (mod. 7) или $12 - 5 \equiv 0$ (mod. 7). Такого рода уравненіе именуется *равноостаточностію*, *остаточнымъ сравненіемъ*, или просто *сравненіемъ* (*congruance*). Читается оно слѣдующимъ образомъ: 12 *равноостаточно съ* 5 *по модулю* 7.

Приведенное здѣсь знакоположеніе было употреблено знаменитымъ *Гауссомъ* (*Gauss*) въ его сочиненіи: *Disquisitiones arithmeticae*, и принято нынѣ многими Математиками.

Congruance. (Теор. чис.) Равноостаточность, остаточное сравненіе. Равенство между остатками. Смот. *Congru.—Congruance du premier degré*, *равноостаточность*, *остаточное сравненіе*, *сравненіе первой степени*; напримѣръ $5x \equiv 3$ (mod. 7), и вообще $ax \equiv c$ (mod. b), гдѣ a, b, c изображаютъ цѣлыя числа. Послѣднее сравненіе равнозначаще съ неопредѣленнымъ уравненіемъ первой степени $ax \pm by = c$. Относительно же его разрѣшенія, смот. *Continue* (*fraction*). *Congruance du second de-*

gré, *равноостаточность второй степени*; таковы напримѣръ слѣдующія: $5x^2 \equiv 3$ (mod. 7), $ax^2 \equiv b$ (mod. c), $ax^2 + by^2 \equiv 0$ (mod. c) и проч. См. статьи *Residu*, *Reste*, *Racine primitive*.

Géométrie. Геометрія. Наука, имѣющая предметомъ измѣреніе и изслѣдованіе различныхъ свойствъ протяженія. Геометрію производятъ отъ Греческихъ словъ *γαία*, *земля*, и *μέτρον*, *мѣра*. Начало этой Науки теряется въ отдаленности временъ. Нѣкоторые Писатели почитаютъ Индію ея колыбелью; но бо́льшая часть изъ нихъ полагаетъ, что Геометрія, подобно всѣмъ почти человѣческимъ знаніямъ, получила свое начало въ Египтѣ, гдѣ первоначальнымъ ея назначеніемъ было измѣреніе полей. По крайней мѣрѣ такъ надобно думать, основываясь на Греческой этимологіи. Но здѣсь представляется вопросъ: въ то время, когда Геометрія перешла изъ Египта въ Грецію, состояла ли она единственно изъ правилъ, относящихся къ измѣренію полей, или уже заключала въ себѣ другія истины о свойствахъ протяженія? Приведенная этимологія не можетъ рѣшить этотъ вопросъ: ибо Греки могли перевести названіе Науки, не заботясь о томъ, въ полной ли мѣрѣ это названіе выражаетъ всѣ предметы, заключающіеся въ ней.

Въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ бывъ предметомъ глубокомысленныхъ изслѣдованій Греческихъ Философовъ, Геометрія получила значительныя приращенія; можно даже сказать, что элементарная ея часть доведена ими до такой степени совер-

шенства, что и въ наши времена не могли прибавить къ ней ничего существеннаго. Предѣлы этого сочиненія позволяютъ намъ только указать на нѣкоторыхъ Философовъ, прославившихся въ Греціи, и наиболѣе ознаменовавшихъ себя открытіями на поприщѣ Геометріи. Приводимъ ихъ имена въ хронологическомъ порядкѣ: *Ѳалесъ Милетскій*; *Пиѳагоръ* (Смот. *Hypothénuse*) *Анаксагоръ Клазоменскій*, *Гиппократъ Хіосскій* (Смот. *Lunules d'Hyppocrate*); *Диностратъ* (Смот. *Quadratrice*); *Платонъ*, изобрѣтатель инструмента для удвоенія куба; *Эвклидъ*, знаменитый своимъ сочиненіемъ о *началахъ Геометріи*, *Архимедъ*, величайшій Геометръ древности; *Аполлоній* (Смот. *Apollonien*), *Никомедъ* (См. *Conchoide*), *Діоклъ* (См. *Cissoide*) и многіе другіе.

Греки, по покореніи ихъ Римлянами, передали симъ послѣднимъ нѣкоторыя познанія въ Наукахъ; но Римляне, занятые исключительно воинскою славою, мало пеклись о славѣ болѣе полезной и основательной, проистекающей отъ упражненія въ Наукахъ. Успѣхи Геометріи были у нихъ почти ничтожны; едва ли, кромѣ *Витрувія*, *Менелая* (*Menelaus*) и *Птоломея*, которые впрочемъ стоятъ несравненно ниже Греческихъ Математиковъ, найдутся у Римлянъ другіе, заслуживающіе упоминанія.

По разрушеніи Имперіи варварами, Геометрія и вообще Науки были долгое время въ самомъ бѣдственномъ состояніи, въ особенности же на Западѣ. Съ XV столѣтія начинаютъ являться нѣкоторые Геометры, между которыми можно упо-

мянуть о Францисканскомъ Монахѣ *Лукѣ Пачіоли* (Lucas Paccioli, болѣе извѣстномъ подъ именемъ Lucas de Borgo), сочинившемъ нѣсколько математическихъ книгъ; онъ же исправилъ *Кампанусовъ* Латинскій переводъ *Эвклида*, и обогатилъ свое изданіе учеными примѣчаніями.

1637 годъ достопримѣчателенъ въ лѣтописяхъ Геометріи; въ этомъ году *Декартъ* издалъ свою *Геометрію*, въ которой употребилъ способъ, составляющій по своей важности новую эпоху въ сей Наукѣ; мы говоримъ о *Приложеніи Алгебры* къ *Геометріи*. Наконецъ великій *Нютонъ*, творецъ исчисленія безконечныхъ, не только обогатилъ *Чистую Геометрію*, но еще въ безсмертномъ своемъ твореніи Philosophiae naturalis principia mathematica, показалъ изящныя приложенія сей Науки къ высшей Физикѣ. Въ послѣдствіи, братья *Бернулли*, *Котезій*, *Маклоренъ*, *Клеро*, *Эйлеръ*, *Лагранжъ*, *Монжъ* и нѣкоторые другіе прибавили новыя теоріи къ Геометріи; но всѣ онѣ, можно сказать, клонились только къ развитію того, что уже было создано Нютономъ.

Геометрія разсматриваетъ свойства ограниченнаго пространства, устраняя всякое постороннее понятіе, на прим. о времени, о веществѣ. По малому числу основныхъ идей, заимствуемыхъ ею изъ наблюденій, она должна занимать въ ряду нашихъ знаній первое мѣсто послѣ *чистаго анализа*, который безъ сомнѣнія въ этомъ отношеніи стоитъ еще выше Геометріи. Въ самомъ дѣлѣ Геометрія требуетъ большаго числа существенныхъ условій, нежели математическій анализъ, ибо

онѣ зависятъ и отъ сущности пространства, и отъ нашихъ чувствъ; еслибы свойство пространства или природа человѣка измѣнились, то и самая Геометрія подверглась бы измѣненію; напримѣръ, еслибъ пространство получило четвертое измѣреніе, или еще, еслибъ человѣкъ лишился чувства осязанія, то Геометрія, въ томъ и другомъ предположеніи, сдѣлалась бы Наукою совершенно отличною отъ той, которую теперь имѣемъ, между тѣмъ какъ чистый анализъ остался бы неизмѣннымъ.

Геометрія существенно зависитъ отъ нашихъ понятій о пространствѣ, съ которыми опять тѣсно связаны свойства различныхъ протяженій, разсматриваемыхъ въ Геометріи. Протяженія можно раздѣлить на три разряда: 1) *линіи*, 2) *поверхности*, 3) *объемы*. Въ существующемъ пространствѣ нельзя вообразить другіе разряды.

Возможность вообразить эти три различныя между собою протяженія (ибо точку не льзя принимать за протяженіе) приводитъ насъ къ тому, что мы придаемъ пространству свойство, выражаемое нами, когда говоримъ (впрочемъ очень несвойственно), что *пространство имѣетъ три измѣренія*. Если бы въ пространствѣ могли вообразить четыре различныя протяженія, то оно бы имѣло четыре измѣренія.

Невозможно опредѣлить пространство: понятіе объ немъ есть понятіе первоначальное, то есть, одно изъ тѣхъ, которыя должны служить основаніемъ всѣхъ нашихъ знаній. Но допустивъ понятіе о пространствѣ, можемъ опредѣлить

объемъ частію пространства, *поверхность* предѣломъ объемовъ, *линію* предѣломъ поверхностей, и наконецъ *точку* предѣломъ линіи.

Геометрія раздѣляется различно:

1) На *Элементарную* или *Начальную* или *Основную* (*Géométrie élémentaire*) и на *Трансцендентную* (*Géométrie transcendante*).

Въ Элементарной Геометріи разсматриваются свойства прямыхъ линій, круга, прямолинейныхъ и круговыхъ фигуръ, многогранниковъ и трехъ круговыхъ тѣлъ: шара, конуса и цилиндра. Можно также отнести къ Элементарной Геометріи вопросы, коихъ рѣшеніе приводится къ уравненіямъ первой и второй степени: ибо подобные вопросы всегда рѣшаются посредствомъ прямой линіи и круга.

Элементарную Геометрію подраздѣляютъ на *Лонгиметрію* или *Эвтиметрію*, *Планиметрію* или *Эпипедометрію* и *Стереометрію*. *Лонгиметрія* имѣетъ предметомъ изслѣдованіе различныхъ свойствъ прямыхъ и круговыхъ линій; *Планиметрія* занимается свойствами фигуръ и измѣреніемъ поверхностей; наконецъ предметъ *Стереометріи* — измѣреніе объемовъ.

Въ *Трансцендентной Геометріи* предлагается изслѣдованіе свойствъ кривыхъ линій, отличныхъ отъ круговой, какъ то: *коническихъ сѣченій*, *циклоиды*, *конхоиды* и проч.; также и тѣлъ, не принадлежащихъ къ числу круговыхъ. Сюда же относятъ рѣшеніе задачъ, зависящихъ отъ уравненій третей, четвертой и высшихъ степеней. Ту часть Трансцендентной Геометріи, въ которой

употребляютъ дифференціалное и интегральное исчисленіе, нѣкоторые Математики называютъ *Высшею Геометріею* (*Géométrie Sublime*); другіе же разумѣютъ подъ симъ названіемъ приложеніе интегральнаго исчисленія къ спрямленію, къ квадратурѣ кривыхъ линій, къ опредѣленію поверхностей и объемовъ тѣлъ, и вообще къ рѣшенію задачъ геометрическихъ.

2) Геометрію раздѣляютъ также на *Древнюю* (*Géométrie ancienne*) и *новую* (*Géométrie moderne*). Подъ *Древнею Геометріею* разумѣютъ ту, въ которой не употребляютъ аналитическихъ вычисленій; иногда же такую Геометрію, въ которую не вводятъ только дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія. Подъ названіемъ *Новой Геометріи* разумѣется та, въ которой допускаютъ чистый анализъ; иногда же та только Геометрія, которая основана на дифференціальномъ и интегральномъ исчисленіи.

Géométrie des courbes или *Géométrie transcendante*, *Трансцендентная Геометрія*, занимающаяся изслѣдованіемъ кривыхъ линій при пособіи дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія.

Géométrie à deux dimmensions или *dans le plan*, *Геометрія двухъ измѣреній*, или *Геометрія въ плоскости*, занимающаяся изслѣдованіемъ плоскихъ кривыхъ линій и вообще свойствами плоскихъ фигуръ.

Géométrie à trois dimmensions или *Géométrie dans l'espace*, *Геометрія трехъ измѣреній*, или *Геометрія въ пространствѣ*, въ которой разсматриваются свойства кривыхъ двойной кривизны,

кривыхъ поверхностей, и вообще различныхъ совокупленій линій и поверхностей, незаключающихся въ одной плоскости.

Géométrie analitique. Аналитическая Геометрія. Наука, занимающаяся изслѣдованіемъ свойствъ протяженія при пособіи чистаго анализа; она имѣетъ малое число правилъ, принадлежащихъ ей исключительно. Предметъ ея — приложеніе математическаго анализа къ изслѣдованію свойствъ геометрическихъ фигуръ. Усвоенныя ей правила ограничиваются приведеніемъ геометрическихъ величинъ, то есть протяженій, къ общимъ величинамъ. По совершеніи же сего приведенія, Аналитическая Геометрія сливается съ общимъ анализомъ. Замѣтимъ однакожъ, что Аналитическая Геометрія, сообщая иногда извѣстное направленіе математическому анализу, и упрощая его дѣйствія посредствомъ изображеній, ощутительныхъ для глазъ, объясняетъ пріемы общаго анализа, и тѣмъ самымъ приноситъ ему пользу.

Application de l'Algèbre à la Géométrie. Приложеніе Алгебры къ Геометріи. Такъ называется та часть Аналитической Геометріи, которая руководствуется только пособіемъ Алгебры или элементарнаго анализа. Но намъ кажется, что это ограниченіе, сдѣланное въ то время, когда дифференціальное и интегральное исчисленія было доступно еще для немногихъ, не должно быть принято. Нынѣ, какъ высшій анализъ вошелъ почти во всеобщее употребленіе, нѣтъ надобности отдѣлять *Приложенія Алгебры къ Геометріи* отъ *Аналитической Геометріи.*

Géométrie descriptive. Начертательная Геометрія. Предметъ Начертательной Геометріи есть точное изображеніе фигуръ о трехъ измѣреніяхъ, посредствомъ данныхъ, заключающихся въ плоскости. — Начала сей Науки были извѣстны Древнимъ; но новѣйшіе Геометры, между которыми съ особенною признательностію должно упомянуть о *Клеро* и *Монжѣ*, распространили ее, и, трудами ихъ, Начертательная Геометрія сдѣлалась одною изъ плодовитѣйшихъ Наукъ по своимъ приложеніямъ къ различнымъ отраслямъ человѣческихъ знаній, Искусствъ и промышлености.

Géométrie pratique. Практическая, Прикладная Геометрія. То же, что *Геодезія* въ первомъ значеніи сего слова. См. *Géodésie.* — Въ пространномъ смыслѣ, приложеніе правилъ Геометріи къ рѣшенію всякихъ практическихъ задачъ, относящихся къ протяженію. Слѣдовательно, сюда должно отнести и Прямолинейную Тригонометрію.

Géométrie souterraine. Подземная, Горная Геометрія. Такъ называютъ приложеніе обыкновенной Геометріи къ рѣшенію задачъ, относящихся къ искусству проводить подземныя галлереи по извѣстнымъ направленіямъ, какъ въ разсужденіи однѣхъ другихъ, такъ и относительно странъ Свѣта. Наука сія болѣе относится къ Горному Искусству.

HYDROSTATIQUE. ГИДРОСТАТИКА. Отъ Греческихъ словъ *ὕδωρ вода* и *στατικὴ статика.* Наука о законахъ равновѣсія жидкихъ тѣлъ. См. *Fluide, Statique.* Гидростатику можно принимать за частный случай Статики, ибо сія послѣдняя

разсматриваетъ условія равновѣсія системъ вообще. Очевидно, что для вывода законовъ равновѣсія или движенія какой ни есть системы, сія послѣдняя должна быть въ точности опредѣлена. Система же бываетъ совершенно опредѣлена, когда извѣстны: массы элементовъ, ее составляющихъ, положеніе сихъ элементовъ и передвиженія, которымъ они могутъ быть подвержены. Когда все это будетъ извѣстно, то, для опредѣленія законовъ равновѣсія, достаточно уравнять *нулю* или принять *отрицательнымъ* полный моментъ силъ, приложенныхъ къ системѣ, для всѣхъ возможныхъ перемѣщеній, которыя допускаетъ система. Дабы представить это въ самомъ элементарномъ видѣ, надобно, чтобы Читатель принялъ въ соображеніе, что каждому возможному или только воображаемому перемѣщенію системы соотвѣтствуетъ извѣстный моментъ; если, для краткости, условимся называть *возможнымъ моментомъ* тотъ, который соотвѣтствуетъ возможному перемѣщенію системы, то очевидно получится столько возможныхъ моментовъ, сколько есть возможныхъ перемѣщеній, и, для равновѣсія системы, необходимо, чтобы ни одинъ изъ сихъ моментовъ не могъ получить положительной величины. См. *Equilibre*, *Statique*, *Virtuelles* (*Principe des vitesses*).

Дабы приложить это общее правило къ равновѣсію жидкой массы, замѣтимъ, что всѣ перемѣщенія, сопровождаемыя увеличеніемъ или сохраненіемъ ея объема, равно возможны; только тѣ перемѣщенія, при которыхъ объемъ уменьшается, не могутъ имѣть мѣста, что справедливо не

только для цѣлаго объема, но и относительно всѣхъ его частей. Для изображенія аналитическою формулою возможныхъ перемѣщеній, разсмотримъ какую ни есть часть объема. Означимъ чрезъ x, y, z перемѣнныя координаты жидкости; часть объема, о которой мы говоримъ, выразится тройнымъ интеграломъ $\int dxdydz$, взятымъ между предѣлами, зависящими отъ положенія и вида разсматриваемой части.

Предположивъ, что, въ слѣдствіе какого нибудь передвиженія, координаты x, y, z измѣнились въ $x+\delta x$, $y+\delta y$, $z+\delta z$, самый объемъ $\int dxdydz$ отъ того же передвиженія измѣнится въ $\int dxdydz + \delta\int dxdydz$; такимъ образомъ $\delta\int dxdydz$ будетъ изображать варіацію объема, соотвѣтствующую какому ни есть перемѣщенію, возможному или невозможному. Но $\delta\int dxdydz = \int\delta(dxdydz)$, и какъ сверхъ того $\delta(dxdydz) = dxdydz\left(\frac{d\delta x}{dx}+\frac{d\delta y}{dy}+\frac{d\delta z}{dz}\right)$, [см. *Variations* (*Calcul des*)], то варіація объема приметъ видъ:

$$\int\left(\frac{d\delta x}{dx}+\frac{d\delta y}{dy}+\frac{d\delta z}{dz}\right) dxdydz.$$

Сія варіація, для возможныхъ перемѣщеній, можетъ только равняться *нулю* или быть *положительною*, каковы бы ни были предѣлы интеграла, что очевидно имѣетъ мѣсто только въ томъ случаѣ, когда каждый элементъ сего интеграла будетъ или *нуль*, или *положительный*; и такъ, при какихъ ни есть величинахъ x, y, z, будетъ условіе

$$\frac{d\delta x}{dx}+\frac{d\delta y}{dy}+\frac{d\delta z}{dz} > \text{или} = 0.$$

Теперь, пусть будуть X, Y, Z составляющія ускорительной силы, приложенной къ частицѣ dm жидкости. Моментъ этой силы для частицы dm выразится чрезъ

$$(X\delta x + Y\delta y + Z\delta z)\,dm,$$

а полный моментъ будетъ

$$\int (X\delta x + Y\delta y + Z\delta z)\,dm;$$

этотъ интегралъ долженъ быть взятъ во всемъ протяженіи жидкой массы. Сей-то моментъ долженъ быть *отрицательнымъ* или *нулемъ* для всѣхъ значеній δx, δy, δz, удовлетворяющихъ условію

$$\frac{d\delta x}{dx} + \frac{d\delta y}{dy} + \frac{d\delta z}{dz} > \text{или} = 0.$$

Извѣстно же (см. *Statique*), что для удовлетворенія сего условія самымъ общимъ образомъ стоитъ только положить

$$\int \left[(X\delta x + Y\delta y + Z\delta z)dm + p\left(\frac{d\delta x}{dx} + \frac{d\delta y}{dy} + \frac{d\delta z}{dz}\right)dxdydz\right] = 0,$$

гдѣ величина p должна быть положительная. Но замѣтивъ, что

$$p\left(\frac{d\delta x}{dx} + \frac{d\delta y}{dy} + \frac{d\delta z}{dz}\right) = \frac{d.p\delta x}{dx} + \frac{d.p\delta y}{dy} + \frac{d.p\delta z}{dz}$$
$$- \left(\frac{dp}{dx}\delta x + \frac{dp}{dy}\delta y + \frac{dp}{dz}\delta z\right),$$

предыдущая формула обратится въ

$$\int \left[(X\delta x + Y\delta y + Z\delta z)dm - \left(\frac{dp}{dx}\delta x + \frac{dp}{dy}\delta y + \frac{dp}{dz}\delta z\right)dxdydz\right]$$
$$+ \int \left(\frac{d.p\delta x}{dx} + \frac{d.p\delta y}{dy} + \frac{d.p\delta z}{dz}\right)dxdydz = 0.$$

Изобразивъ чрезъ ρ плотность жидкости, будемъ $dm = \rho dxdydz$, и послѣднее уравненіе приметъ видъ:

$$\int\left[(\rho X-\frac{dp}{dx})\delta x+(\rho Y-\frac{dp}{dy})\delta y+(\rho Z-\frac{dp}{dz})\delta z\right]dx\,dy\,dz$$

$$+\int(\frac{d.p\delta x}{dx}+\frac{d.p\delta y}{dy}+\frac{d.p\delta z}{dz})dx\,dy\,dz=0.\ldots$$

Но очевидно, что выраженіе

$$(\frac{d.p\delta x}{dx}+\frac{d.p\delta y}{dy}+\frac{d.p\delta z}{dz})\,dx\,dy\,dz$$

можетъ быть одинъ разъ интегрировано, и всѣ элементы двойнаго интеграла, которые останутся послѣ сего интегрированія, будутъ относиться только къ предѣламъ жидкой массы, то есть, къ ея поверхности. И такъ, чтобы предыдущая сумма равнялась нулю, необходимо, чтобы

$$\int\left[(\rho X-\frac{dp}{dx})\delta x+(\rho Y-\frac{dp}{dy})\delta y+(\rho Z-\frac{dp}{dz})\delta z\right]dx\,dy\,dz=0;$$

откуда, по причинѣ что δx, δy, δz совершенно произвольны, получимъ уравненія

$$\frac{dp}{dx}=\rho X,$$

$$\frac{dp}{dy}=\rho Y,$$

$$\frac{dp}{dz}=\rho Z.$$

Скажемъ безъ доказательства, что уравненіе

$$\int(\frac{d.p\delta x}{dx}+\frac{d.p\delta y}{dy}+\frac{d.p\delta z}{dz})\,dx\,dy\,dz=0.$$

приводитъ къ тому слѣдствію, что $p=0$ при поверхности жидкой массы. Замѣтимъ также, что уравненіе $p=0$ не имѣетъ мѣста, когда жидкость подвержена внѣшнему давленію, или когда она заключена въ сосудѣ, развѣ только видъ его будетъ опредѣляться уравненіемъ $p=0$; но въ семъ случаѣ равновѣсіе не прекратится, хотя бы уничтожили сосудъ. Приведенныя нами условныя уравненія

равновѣсія приличествуютъ также и упругимъ жидкостямъ. Смот. *Fluide*. Величина p, входящая въ сказанныя уравненія, называется обыкновенно *давленіемъ на единичную площадь* (*pression rapportée à l'unité de surface*), или *гидростатическимъ давленіемъ* (*pression hydrostatique*). См. статьи *Pression*, *Flottants* (*équilibre des corps*), *Barométrique* (*formule*) и проч.

Первыми правилами, относящимися къ равновѣсію жидкихъ тѣлъ, обязана Наука *Архимеду*. Его трактатъ *de Insidentibus humido* не дошелъ до насъ на Греческомъ языкѣ; Латинскій переводъ раздѣленъ на двѣ книги. Въ первой предлагаются два начала, выведенныя изъ наблюденія, и на которыхъ основана вся теорія Архимедова.

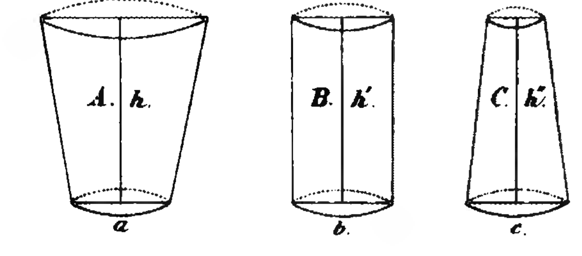
1) Свойство жидкостей таково, что частицы, претерпѣвающія меньшее давленіе, побуждаемы къ движенію тѣми, которыя болѣе давимы, и что всякая часть подвержена давленію вѣса столбца, вертикально надъ нею стоящаго.

2) Всякое тѣло, подверженное давленію снизу вверхъ, претерпѣваетъ это давленіе по направленію вертикальному, проходящему чрезъ его центръ тяжести.

Изъ перваго начала Архимедъ выводитъ, что поверхность жидкости, коей всѣ частицы тяготѣютъ къ центру земли, должна имѣть въ равновѣсномъ состояніи видъ сферическій. Изъ сего же начала онъ заключаетъ, что во-первыхъ тѣла, коихъ вѣсъ менѣе вѣса равнаго съ ними объема жидкости, будучи погружены въ нее, претерпѣваютъ отъ жидкости напоръ снизу вверхъ, и сила

№ 1.

Къ 2 книжкѣ Ж.М.Н.П. 1836.



этого напора равна избытку вѣса вымѣщенной жидкости, предъ вѣсомъ погруженнаго тѣла; во-вторыхъ, что тѣло, которое тяжелѣе жидкости, при погруженіи въ нее, теряетъ часть своего вѣса, равную вѣсу вымѣщенной жидкости.

Второе начало служитъ Архимеду для опредѣленія законовъ равновѣсія плавающихъ тѣлъ. Во второй книгѣ онъ дѣлаетъ приложенія этой теоріи къ задачамъ, въ которыхъ разсматриваетъ различныя тѣла, образуемыя вращеніемъ коническихъ кривыхъ. Эта книга, въ полной мѣрѣ свидѣтельствующая о геніи Архимеда, заключаетъ въ себѣ важную теорію устойчивости плавающихъ тѣлъ, къ которой мало прибавлено даже въ новѣйшія времена.

Въ продолжительный періодъ времени, протекшій отъ Архимеда до Фламандскаго Математика *Стевина* (Stévin), жившаго въ началѣ XVII вѣка, Гидростатика, и вообще Теорическая Механика, почти не подвинулась впередъ. Стевинъ, сверхъ изслѣдованій своихъ въ Статикѣ, занимался съ успѣхомъ и теоріею Гидростатики. Онъ первый замѣтилъ, что давленіе, претерпѣваемое дномъ сосуда, можетъ быть болѣе вѣса воды, наполняющей сосудъ. И такъ, въ трехъ сосудахъ A, B, C (черт. 1), имѣющихъ равныя основанія a, b, c и равныя высоты h, h', h'', наполненныхъ водою, давленія на основанія a, b, c будутъ равны, хотя сосуды весьма различнаго вида. На этомъ свойствѣ основанъ *гидростатическій прессъ* (Смот. *Presse Hydrostatique*). Онъ изслѣдовалъ также разные вопросы, относящіеся къ опредѣленію давленій на

наклонныя стѣны сосудовъ, наполненныхъ жидкостью. *Галилей*, знаменитый открытіемъ закона паденія тяжелыхъ тѣлъ, первый приложилъ имъ же найденное *начало возможныхъ скоростей* къ Гидростатикѣ. Однако же, въ этомъ отношеніи, его труды были не совсѣмъ удачны.

Въ послѣдствіи *Декартъ*, *Паскаль*, *Гугенсъ*, *Нютонъ*, *Бугеръ* и нѣкоторые другіе съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ занимались теоріею Гидростатики. *Клеро*, первый вывелъ общія уравненія равновѣсія жидкихъ тѣлъ, основывая доказательство ихъ на *началѣ равнаго давленія* [Смот. *Pression* (*égalité de — en tout sens*)], и руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что если жидкость будетъ въ равновѣсіи и вообразимъ внутри ея безконечно тонкую *жилу* (*filet*), сомкнутую или примыкающую къ поверхности жидкой массы, то всѣ частицы, составляющія эту жилу, будутъ также находиться въ равновѣсіи. Такимъ образомъ Клеро приводитъ разысканіе условій равновѣсія какой ни есть жидкой массы къ опредѣленію условій равновѣсія жидкости, заключающейся въ безконечно узкомъ желобкѣ, что представляло въ то время несравненно меньшее затрудненіе. Великій *Эйлеръ*, въ *Запискахъ Берлинской Академіи* за 1755 годъ, вывелъ уравненія равновѣсія жидкостей посредствомъ весьма легкаго и искуснаго анализа, который съ тѣхъ поръ перешелъ почти во всѣ трактаты о Гидростатикѣ. Способъ Эйлера состоитъ въ уравновѣшеніи силъ дѣйствующихъ на какую ни есть частицу жидкости съ давленіями, претерпѣваемыми ею отъ всѣхъ смежныхъ

частицъ; но способъ Эйлера, основанный на началѣ равнаго давленія, не заимствуется одними только *данными*, необходимыми для вывода уравненій равновѣсія и движенія системы.

Наконецъ *Лагранжъ* освободилъ Гидростатику отъ всякаго начала, основаннаго на опытѣ, отъ всякой излишней ипотезы. Онъ основалъ Науку сію на *данныхъ*, коихъ знаніе совершенно необходимо, и такихъ, что если бы онѣ не были извѣстны, то вопросъ о равновѣсіи жидкостей остался бы неопредѣленнымъ. Сіи *данныя* (о которыхъ упомянуто въ началѣ этой статьи) состоятъ въ полномъ и точномъ исчисленіи всѣхъ возможныхъ передвиженій системы. Однако же Лагранжъ, въ превосходномъ своемъ твореніи *Mécanique Analytique*, не вполнѣ исчислилъ тѣ передвиженія, которыя жидкія тѣла принять способны. Сей великій Геометръ не принялъ въ расчетъ передвиженій, сопровождаемыхъ увеличеніемъ объема, и несмотря на это ограниченіе возможныхъ перемѣщеній, говоритъ, что жидкое тѣло есть не иное что, какъ собраніе частицъ, одаренныхъ свойствомъ удобоперемѣщаемости во всѣ стороны; здѣсь видимъ явное противорѣчіе. Нашъ знаменитый Математикъ, Г. Остроградскій исправилъ анализъ Лагранжа и предложилъ настоящія средства для полученія уравненій равновѣсія жидкостей, руководствуясь при этомъ одними данными, которыя необходимы для вывода законовъ сего равновѣсія. Для бо́льшихъ подробностей по сему предмету мы отсылаемъ Читателей къ Разсужденію Г-на Остроградскаго: *Considérations générales sur les momens des*

forces (Mémoires de l'Academie Impériale des Sciences de St. Petersbourg, VI Série; Tome troisième, 1835).

Flux et Reflux, или Marée. (Мат. Физ.) Приливъ и отливъ. Періодическое движеніе моря, происходящее отъ притягательнаго дѣйствія луны и солнца на его воды.

Въ Широтахъ, не превышающихъ 65°, по обѣ стороны Экватора, замѣчено, что воды морей подымаются и упадаютъ два раза въ день. Чѣмъ ближе море къ Экватору, тѣмъ значительнѣе это дѣйствіе; напротивъ того, съ увеличивающеюся Широтою мѣста, оно становится слабѣе, и въ Широтѣ 65° (по обѣ стороны Экватора) почти совсѣмъ не ощутительно. Въ продолженіи шести часовъ воды морей постепенно возвышаются и покрываютъ берега: вотъ время *прилива* (*flux* или *flot*); время же наибольшей высоты стоянія воды, продолжающееся только нѣсколько минутъ, именуется *полною водою* или *полноводіемъ* (*haute mer*, *mer pleine*, *mer étale*). Послѣ полноводія море начинаетъ упадать, что̀ продолжается также шесть часовъ; время сего постепеннаго пониженія водъ называется *отливомъ* (*reflux*, *ebe*, *jusant*); мгновеніе же наименьшей высоты воды, то есть конецъ отлива, именуется *палою*, *низкою* или *малою водою* (*basse mer*, *basses eaux*).

Въ мѣстахъ, гдѣ движеніе водъ не встрѣчаетъ какихъ либо препятствій отъ островов, мысовъ и проч., замѣчены три періода въ приливахъ и

отливахъ, именно: *суточный*, *мѣсячный* и *годовой*.

Суточный періодъ состоитъ изъ 24 час. 50 мин.; въ продолженіи сего времени приливъ бываетъ два раза и отливъ также два раза; и такъ, каждый день, приливъ и отливъ приходятъ 50 минутъ позже, чѣмъ наканунѣ. Если не будемъ принимать въ соображеніе неравностей луны, то этотъ промежутокъ 24 ч. 50 м. есть время, протекающее отъ прохожденія луны чрезъ Меридіанъ, до возвращенія сего свѣтила на томъ же Меридіанъ. Но въ сизигіяхъ, вмѣсто 50 м., опаздываніе приливовъ и отливовъ простирается только до 39, а въ квадратурахъ, до 75 минутъ.

Мѣсячный періодъ состоитъ въ томъ, что приливы и отливы бываютъ больше обыкновенныхъ (т. е. возвышеніе и пониженіе водъ бываетъ наибольшее) два раза въ мѣсяцъ, именно: въ новолуніи и полнолуніи, или справедливѣе, 1½ день спустя, а меньше обыкновенныхъ, около квадратуръ, также два раза въ мѣсяцъ. Въ промежутокъ времени между сизигіями и квадратурами приливы постепенно уменьшаются, а отъ квадратуръ къ сизигіямъ, напротивъ того, увеличиваются.

Въ годовомъ періодѣ, по общепринятому мнѣнію, приливы и отливы, во время равноденствій, бываютъ наибольшіе около сизигій, а во время квадратуръ больше, нежели въ другіе синодическіе мѣсяцы. Напротивъ того, во время солнцестояній, сизигійные приливы и отливы бываютъ меньше, нежели во всякое другое время.

Изъ сего изложенія, хотя краткаго, видимъ, что приливы и отливы имѣютъ тѣсную связь съ движеніемъ луны, и даже, хотя въ меньшей степени, съ движеніемъ солнца. И такъ, можемъ заключить, что луна и солнце, преимущественно же луна, суть главныя причины сего явленія.

Приливъ и отливъ составляютъ одно изъ примѣчательнѣйшихъ явленій въ ряду тѣхъ, которыя зависятъ отъ всеобщаго тяготѣнія. Оно было предметомъ изслѣдованій многихъ глубокомысленныхъ Геометровъ и искусныхъ наблюдателей. Изъ числа первыхъ должно упомянуть о *Кеплерѣ*, *Нютонѣ*, *Маклоренѣ*, *Эйлерѣ*, а въ особенности о *Даніилѣ Беркулли* и *Лапласѣ*. Однакожъ, не смотря на труды сихъ знаменитыхъ мужей, важное обстоятельство въ сей теоріи осталось доныне безъ надлежащаго объясненія, именно: *опаздываніе однимъ днемъ съ половиною наибольшаго полноводія и наименьшей низкой воды въ отношеніи времени сизигій и квадратуръ*. С. Петербургская Академія Наукъ, 29 Декабря 1831 года предложила задачу, имѣющую предметомъ *теорію прилива и отлива*, и въ частности, объясненіе приведеннаго сей-часъ случая.

Явленіе приливовъ и отливовъ представляетъ одно изъ сильнѣйшихъ доказательствъ закона всеобщаго тяготѣнія. Если бы мы могли довести наблюденія надъ высотами воды до степени точности астрономическихъ наблюденій, то и самое движеніе луны съ его неравностями мы были бы въ состояніи опредѣлить съ такою же точностію, какъ и помощію непосредственныхъ наблюденій.

Явленіе приливовъ и отливовъ доставляетъ также средство для опредѣленія отношенія, существующаго между притягательными дѣйствіями солнца и луны на землю. Невѣрность наблюденій надъ высотами приливовъ и отливовъ причиною, что Математики не согласны въ величинѣ содержанія сихъ двухъ силъ. И такъ, Нютонъ нашелъ, что притягательное дѣйствіе луны на землю въ четыре раза болѣе притягательнаго дѣйствія солнца, между тѣмъ какъ Даніилъ Бернулли вывелъ, что первая сила относится ко второй, какъ 5 къ 2.

6.

ИЗВѢСТІЕ ОБЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ РУКОПИСЯХЪ,

ХРАНЯЩИХСЯ ВЪ БИБЛІОТЕКѢ ИМПЕРАТОРСКАГО ЭРМИТАЖА.

Членъ Коммиссіи Высочайше учрежденной для изданія актовъ, собранныхъ Археографическою Экспедиціею, Г. Бередниковъ, былъ по сношенію Г. Министра Народнаго Просвѣщенія съ Г. Министромъ ИМПЕРАТОРСКАГО Двора, командированъ для пріисканія въ Эрмитажной Библіотекѣ матеріаловъ по части Отечественной Исторіи, которые могли бы или нынѣ же войти въ составъ печатаемыхъ Коммиссіею томовъ, или хотя со временемъ быть изданы въ свѣтъ. Мы помѣщаемъ здѣсь выписку изъ представленнаго Г. Бередниковымъ донесенія Министру Народнаго Просвѣщенія о замѣченныхъ имъ въ сей Библіотекѣ любопытныхъ рукописяхъ.

«Въ слѣдствіе приказанія Вашего Превосходительства, я немедленно приступилъ къ осмотру Библіотеки ИМПЕРАТОРСКАГО Эрмитажа. При пер-

вопачальномъ обзорѣ хранящихся тамъ историко-литературныхъ сокровищъ открылось:

1) *До* 50 *Лѣтописцевъ* (изъ нихъ нѣсколько древнихъ хорошихъ списковъ): *Новогородскій*, *Псковскій*, *Кіевскій*, *Московскій* и проч. При печатаніи лѣтописей необходимо имѣть въ виду эту отличную коллекцію.

2) *Родословныхъ Книгъ нѣсколько*, *Степенныхъ двѣ*, *Разрядныхъ шесть списковъ*, *Книга Случайная* (дѣла по Мѣстничеству) *и множество Статейныхъ Списковъ* (журналовъ посольскихъ), восходящихъ до XV вѣка: послѣдніе, однакожь, новѣйшія копіи.

3) *Бумаги изъ архива Князя Щербатова.* — Множество доставленныхъ ему оффиціальнымъ образомъ отъ Сибирскихъ Начальствъ, списанныхъ въ тамошнихъ Архивахъ Грамотъ и другихъ актовъ (неизвѣстныхъ Миллеру), послужатъ къ объясненію Исторіи Сибирской. Въ числѣ ихъ есть отписки, относящіяся ко времени Междоцарствія: онѣ драгоцѣнны рѣдкостію свѣдѣній о сей богатой фактами раздробленнаго государственнаго быта эпохѣ. — Нѣкоторыя изъ нихъ могутъ войти въ печатаемое Собраніе Актовъ Археографической Экспедиціи.

4) *Восемь писемъ* (въ копіяхъ) *Царя Алексія Михаиловича Стольнику Аѳанасію Матюшкину.* Изъ замѣтокъ на рукописи видно, что они писаны были Царемъ собственноручно и что подлинники ихъ хранились въ фамильномъ архивѣ Гг Матюшкиныхъ: примѣчательны изображеніемъ характера Царя и тогдашней Дворской жизни. Въ

собранія Археографической Экспедиціи есть нѣсколько важныхъ актовъ о томъ же: въ нихъ эти письма послужатъ прекраснымъ дополненіемъ. — Царь, въ молодости своей, былъ пристрастенъ къ соколиной охотѣ.

5) *Судебникъ и Стоглавъ* (отличные списки, необходимые для варіантовъ при исправнѣйшемъ ихъ изданіи) — коренныя законоположенія Іоанна Грознаго, стремившіяся обобщить политическую и административную систему, укрѣпившую самодержавіе.

6) *Записки Аллярта, фонъ Гюйсена,* и множество матеріаловъ для Исторіи ПЕТРА Великаго. Сюда же принадлежатъ: *Дневныя записки Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, Сенатскія меморіи, письма и ноты Пословъ и разныхъ государственныхъ мужей, проекты и проч.* (въ огромныхъ десяткахъ фоліантовъ) — относящіяся къ Царствованію ЕКАТЕРИНЫ Второй.

и 7) *Письмо Мекленбургской Герцогини Екатерины Іоанновны къ матери ея Царицѣ Параскевѣ Ѳеодоровнѣ, изъ Данцига въ* 1716 *году, о бракосочетаніи ея съ Герцогомъ Карломъ Леопольдомъ.* — ЕКАТЕРИНА была вторая Русская Княжна, изъ Царственной Фамиліи Романовыхъ, сочетавшаяся бракомъ съ чужеземнымъ Принцомъ. — Любопытна особенность взгляда ея на обычаи Двора Европейскаго!

Я не успѣлъ еще вполнѣ обозрѣть всѣхъ манускриптовъ, хранящихся въ Библіотекѣ ИМПЕРАТОРСКАГО Эрмитажа, но судя по первоначальному приступу къ дѣлу, можно заключить, что она до-

личествомъ и важностію находящихся въ ней сокровищъ не уступитъ никакой библіотекѣ въ Имперіи. Харатейныхъ книгъ древнихъ, кромѣ одного Сборника, несправедливо относимаго къ XI вѣку, не находится; по богословской части рукописей мало: характеръ коллекцій есть свѣтскій и чисто историческій, исключая манускриптовъ новѣйшихъ, въ которыхъ есть многое, не касающееся до Исторіи. Но огромные матеріалы XVIII вѣка драгоцѣнны. По тщательномъ обозрѣніи сего богатаго книгохранилища, я буду имѣть счастіе представить Вашему Превосходительству подробный отчетъ, и займусь снятіемъ списковъ съ важнѣйшихъ историко-юридическихъ актовъ: что будетъ служить продолженіемъ археографическихъ работъ, подъ покровомъ Вашимъ, на обширномъ пространствѣ Россійской Имперіи, предпринятыхъ и съ успѣхомъ совершаемыхъ.

Подлинный подписалъ: *Членъ Высочайше учрежденной Коммиссіи для изданія собранныхъ Археографическою Экспедиціею актовъ, и Библіотекарь Академіи Наукъ.*

Яковъ Бередниковъ.

7.

ОБЪЯСНЕНІЕ ЧЕРНИГОВСКОЙ МЕДАЛИ

ПО ДВУМЪ НАДПИСЯМЪ,

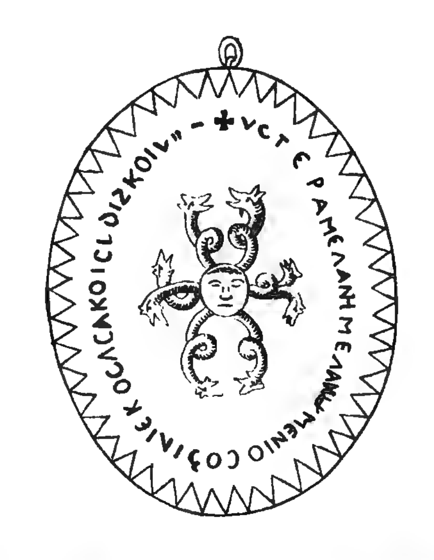
вновь найденнымъ въ Готѣ и по другимъ известнымъ до сего времени и относящимся къ тому же роду.

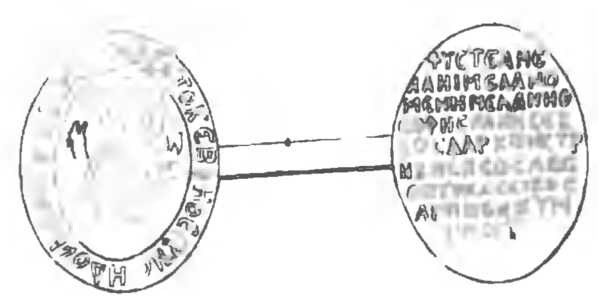
(Сочиненіе Ординарнаго Профессора Дерптскаго Университета Крузе).

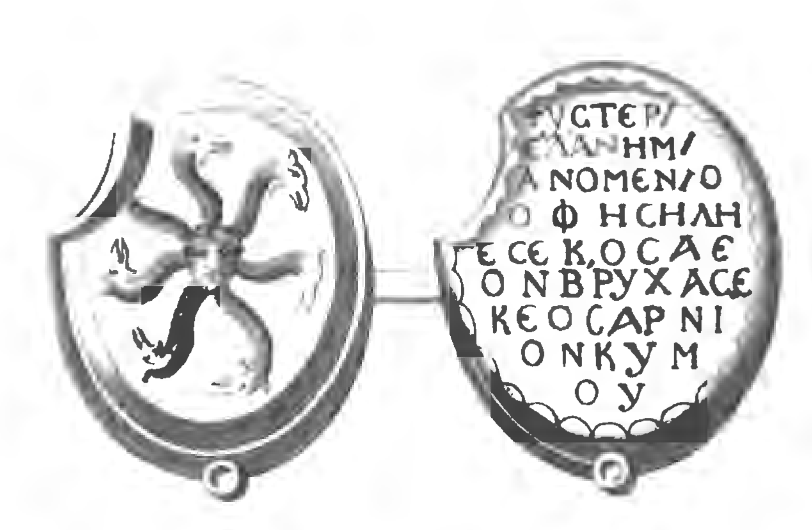
Въ Маѣ 1821 года найдена близъ Чернигова (1) въ одномъ саду при Сеннѣ большая золотая медаль, которая въ разныхъ отношеніяхъ возбудила вниманіе Ученыхъ и была поводомъ ко многимъ сочиненіямъ.

Она вѣситъ не меньше 16-ти лотовъ (2), относится къ 18-й величинѣ по схемѣ Міонета и имѣетъ двойную, впрочемъ отломленную ручку: изъ чего видно, что это собственно была не монета, но медаль, которую надѣвали на ленту или цѣпочку и носили на шеѣ.

Ее нашла сельская дѣвушка и, по незнанію, продала вмѣсто мѣдной монеты; послѣ того, переходя изъ рукъ въ руки, она привезена была въ С. Петербургъ и поступила въ Императорскій






ΥCΤΕΡ/
ΕΛΑΝΗΜ/
ΑΝΟΜΕΝ/Ο
Ο Φ ΗCΗΛΗ
ΓΕCΕΚ,ΟCΑΕ
ΟΝΒΡΥΧΑCΕ
ΚΕΟCΑΡΝΙ
ΟΝΚΥΜ
ΟΥ

Минцъ-Кабинетъ въ Эрмитажѣ, гдѣ и доселѣ хранится.

На лицевой ея сторонѣ въ срединѣ изображенъ въ стоячемъ положеніи Архангелъ Михаилъ съ двумя большими крылами. Онъ облеченъ въ длинное до пятъ ниспускающееся платье (Talaren) (Dalmatica), сверхъ коего надѣта стола; въ правой его рукѣ хоругвь, а въ лѣвой держава, и съ правой стороны стоятъ буквы МХ, а съ лѣвой НДѢ одна надъ другою. Глава Архангела окружена была по видимому сіяніемъ, которое, впрочемъ, съ трудомъ можно примѣтить. Вокругъ сего изображенія надпись:

† АГІОО АГІОО АГІОО КО ОАБАОѲ ПАІРоО ОУVАNОСКІГІ (3).

и около этой надписи кругъ изъ листочковъ.

На оборотѣ въ срединѣ находится человѣческая голова, изъ которой вверху и внизу выходятъ два змѣиныя туловища, оканчивающіяся послѣ различныхъ изгибовъ десятью головами. Вокругъ сего изображенія Славянская надпись:

† ГИ ПОМОЗИ РАБОУ СВОІЕМУ БАСИЛИГА АМИN (4),

а около нее опять Греческая, которая также начинается крестомъ. Эту надпись не вездѣ можно разобрать: отъ чего при объясненіи ея встрѣчается много затрудненій и потому прежде нежели я приведу ее здѣсь, считаю нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія.

Первое извѣстіе объ этой любопытной медали сообщилъ ученому свѣту Г. Анастасевичь въ журналѣ Г. Свиньина «Отечественныя Записки» (5) за 1821 годъ; потомъ писалъ о ней Каченовскій въ Вѣстникѣ Европы за 1822 годъ (6); послѣ того Моргенштернъ въ Латинскомъ Каталогѣ Дерптскаго Университета (Sem. I и II, 1824 (7); за нимъ Франке въ Новомъ Раупаховомъ Дерптскомъ Музеѣ за 1824 годъ и отдѣльно. Объясненіе Моргенштерна сдѣлалъ извѣстнымъ въ Россіи Де-Санглепъ, помѣстивъ его въ Трудахъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей въ третьемъ Томѣ. За тѣмъ Моргенштернъ оспоривалъ мнѣніе Каченовскаго въ томъ же Дерптскомъ Латинскомъ Каталогѣ за 1826 годъ, и Каченовскій отвѣчалъ ему въ Вѣстникѣ Европы за 1829 годъ.

Наконецъ ученый Кіевскій Митрополитъ Евгеній объявилъ свое мнѣніе объ этомъ предметѣ въ Трудахъ Московскаго Историческаго Общества (Часть V, 1833 г.); впрочемъ онъ съ своей стороны не сообщилъ никакого новаго объясненія надписи.

Всѣ эти изслѣдованія недовольно объяснили надпись на оборотѣ монеты, такъ что не видно даже было и того, дѣйствительно ли она Греческая. Объясненія нашихъ лучшихъ Филологовъ такъ были разногласны, что одну и ту же надпись принималъ Моргенштернъ за: *ὑμᾶς ἱερᾶν ἐλαίαν ἔλαβον ἐν υἱοῖς ἰσραὴλ ἱερεῖος, Δράκων Ἐρασι. σκαιὸς ἀρνύω κυρίῳ ἡ νίκη καὶ τιμή.*

Франке за:

Χριςοῦ ἱερὰ ἡ ἕδρα ἐν ᾗ ἐλαλήθη ἐν τῷ σήματι ἕως ῥαχθῇ οὐρανὸς ὡς ἡ γῆ καὶ ἕως παρῇ Ἰησοῦς Κύριος ἡμῶν υἱὸς Χριςοῦ.

А Каченовскій даже говоритъ (Вѣстникъ Европы 1822 г. Т. IV, стр. 189), что сію надпись можетъ прочесть развѣ тотъ, кто посвященъ въ таинства Магіи.»

Только два слова *ΔΡΗΙΟΝ* и *ΔΡΑΚΟΝ* Моргенштернъ признавалъ *несомнѣнно* Греческими; но и въ нихъ, какъ видно изъ вышеприведеннаго изъясненія, Франке находилъ совершенно иное, нежели Моргенштернъ. Что же теперь долженъ былъ подумать о такой надписи человѣкъ, незнакомый съ древностями? Могъ ли онъ хотя мало вѣрить какому-либо изъ сихъ двухъ объясненій?

Ученое путешествіе въ Германію, которое предпринималъ я съ Высочайшаго соизволенія въ 1834 году, и которое конечно главнымъ образомъ имѣло другія ученыя цѣли, доставило мнѣ пріятную возможность рѣшить между прочимъ и этотъ пунктъ посредствомъ двухъ ониксовъ въ родѣ intaglio, найденныхъ мною въ Готѣ. На первомъониксѣ есть та же самая надпись, какая и на нашей Черниговской медали, только яснѣе и полнѣе. Другой ониксъ также можетъ способствовать къ объясненію нашей надписи, хотя содержитъ только нѣкоторые изъ нее отрывки. Оба эти оникса куплены Герцогомъ Готскимъ, Фридрихомъ II, въ Арнштадтѣ, изъ коллекціи Шварцбургскаго Князя Гюнтера и присоединены къ Готскому Собранію Древностей.

Первый ониксъ (8) имѣетъ овальную форму, въ оправѣ, и употреблялся для привѣски. Самый большой его діаметръ въ 1¼, а самой меньшій въ 1 вершокъ. На передней сторонѣ, такъ же какъ и на Черниговской медали, изображена голова, окруженная змѣями; только здѣсь ихъ 7, а не 10, какъ на Черниговской медали.

При семъ изображеніи надпись:

ΘEυToKE BoHΘEIT (9), *HCHΔOΛΛHMƷPHƷƷM*

Θεοτόκε βοήθει τῇ σῇ δύλῃ Μαρίᾳ. ἀμ (ὴν).

Богородица помоги рабѣ твоей Маріи. Аминь.

Здѣсь же видно замѣчательное сходство съ Черниговскою медалью, которая въ своей Славянской надписи содержитъ почти то же самое:

† ГИ ПОМОЗИ РАБОУ СВОІЕМУ ВАСИЛИГА АМИN

† Господи помози рабу своему Василію. Аминь.

Только въ разсужденіи формы буквъ можно сдѣлать нѣкоторое возраженіе, что впрочемъ по отношенію къ дѣлу вовсе не важно. Тамъ неизвѣстная Марія велѣла обдѣлать себѣ камень вѣроятно для ношенія на груди и проситъ покровительства Божіей Матери: точно такъ же и здѣсь нѣкто Василій взываетъ къ самому Господу о защитѣ его отъ навѣтовъ діавола, символомъ коего служитъ въ срединѣ изображенная голова со ... Славянскія буквы на Черниговской медали ... мѣ совершенно сходны съ буквами Ос... Евангелія, и отступая отъ поздн... скихъ письменъ, ближе подходитъ къ ...

Такъ Греческая *Н* (Латинское I) совершенно тоже, что Славянское Н, которое въ послѣдствіи стали произносить какъ N, а I начали выражать чрезъ И. Буква ГѦ есть позднѣйшее Ю, которое въ Остромировомъ Евангеліи изображено ІѦ (10); равнымъ образомъ въ Остромировомъ Евангеліи находится и *ȣ* вмѣсто *ου* и уже въ послѣдствіи оно перемѣнилось на *у*, которое и доселѣ выговаривается какъ Латинское *u* (11). Только Г отступаетъ отъ Славянскаго Б, Греческаго *В*.

Другая надпись Черниговской медали совершенно сходна съ надписью на обратной сторонѣ Готскаго оникса № 120: только послѣдняя гораздо яснѣе и полнѣе первой; но прежде, нежели что нибудь сообщу о ней, скажу нѣсколько словъ о надписи другаго intaglio.

Этотъ второй ониксъ (12) имѣетъ также овальную форму, но больше перваго: ибо въ длиннѣйшемъ его разрѣзѣ содержится 2¼ вершка, а въ кратчайшемъ 1¾. Въ срединѣ его равнымъ образомъ представлена человѣческая голова, окруженная змѣями; только здѣсь ихъ восемь и всѣ выходятъ изъ головы, по двѣ, сверху, снизу и по сторонамъ; вокругъ сего изображенія есть часть надписи, которая на оборотѣ перваго оникса находится въ полнѣйшемъ видѣ.

Кромѣ сихъ трехъ экземпляровъ болѣе или менѣе полной надписи, есть еще, сколько извѣстно, двѣ надписи того же рода. Одна находится на медали, принадлежавшей коллекціи Г. Вебера въ Венеціи и помѣщенной Ринкомъ въ изданномъ имъ

Посланія Коринѳянъ къ Апостолу Павлу (Гейдельбергъ, 1823 г.); другая на intaglio, о которомъ говорили уже Хифлетъ, Горлей и Монфоконъ, потомъ Мортенштернъ въ своемъ вышеупомянутомъ сочиненіи и еще прежде Каченовскій (13). Чтобы изъ всѣхъ пяти экземпляровъ, содержащихъ въ себѣ очевидно одну и ту же надпись, вывести правильное чтеніе, я помѣщу эти надписи одна подъ другою такимъ образомъ, что болѣе короткіе изъ нихъ и неполные расположены будутъ подъ соотвѣтственными мѣстами полной Готской надписи. Отсюда объяснится, что дѣлатели сихъ надписей, иногда по недостатку мѣста, не заботясь о смыслѣ, опускали самое начало словъ и отъ того-то оставались тщетными всѣ усилія ученыхъ Филологовъ найти смыслъ, соотвѣтствующій содержанію.

Также найдется, что букву H Черниговской медали надобно будетъ принимать то за гласную И, то за согласную N или M (14): чего до сихъ поръ не льзя было узнать. И такъ мы помѣщаемъ здѣсь подъ

№ I. Надпись съ intaglio № 120 Готской коллекціи,

№ II. Надпись съ intaglio № 119 оттуда же,

№ III. Монфоконову надпись (Ant. Expl. p. II. T. II, 119),

№ IV. Венеціанскую, сообщенную Рингомъ,

№ V. Надпись Черниговской медали по Мортенштерну,

№ VI. Надпись Черниговской медали, пополненную мною,

№ VII. Мое объяснение Черниговской медали.

№ I. *+ΥCTEAMEΛANI MEΛANOMENHME ΛANH O COΦHCHΛHHCEKE*

№ II. *+ΤCTEPAMEΛANH MEΛANΟΜΕΝΙ... O. OΦ... IΛI.. EKE*

№ III. *+ΤCTEPI (15) EΛANHMI (15) ANOMENI.. O (15) OΦHCIΛI E CEKI*

№ IV. *+ΤO.. MEΛAHHMEΛEIONOMENH.. O COΦHCHΛHEE KE*

№ V. *+ΤOCTEPAHEΛAIII HEΛAHOHEHI.. OI CI.. IΛI. E. IE*

№ VI. *+ΤCTEPAHEΛANI HEΛAHOHEHI με- λάνη OC OΦIςIΛIησEKE*

№ VII. *Ὑςέρα μέλανι μελανομένη μελάνη ὡς ὄφις εἰλυησε καὶ*

№ I. *OC ΔAPKON ΓΤPHZHCKEOC ΛEOΥO BΤPXACE IKOC APNHON KΤMHHHT*

№ II. *OC ΔCAKΓIIΓUDIZ.. KIIIᴸ Ƴııı*

№ III. *OC.............. ΛEON BPΤXACEKE OC APNIONKΤMOΤ*

№ IV. *OC............. ΛEON BPΤXECEKE OC APN OC KΤMEICE*

№ V. *OC ΔAPKONOΤPUƷHCKE OC......... APNIOKΤHIHTI*

№ VI. *OCΔPAKONCΤPUƷHCKE OC........ APNIO KΤHIHTI*

№ VII. *ὡς δράκων συρίζησ(ε) και ὡς (λέων βρυχησε καὶ ὡς) ἀρνίον κυμνήνατο.*

Здѣсь надобно замѣтить, что пробѣлы, встрѣчающіеся въ надписахъ II, III, IV и V не суть въ самомъ дѣлѣ пробѣлы, но что дѣлатель надписей только опустилъ эти мѣста и буквы, и пропусковъ своихъ ничѣмъ не означилъ. Надписи отъ II до V всѣ идутъ непрерывно.

Судя по сему, смыслъ всѣхъ этихъ надписей долженъ быть слѣдующій: «Черная родильница очернила себя зломъ (или, лучше, яростію), пресмыкалась въ прахѣ какъ змія, и шипѣла какъ драконъ, и рычала какъ левъ, и была въ ужасѣ какъ агненокъ», когда побѣдилъ ее Архангелъ Михаилъ.

На лицевой сторонѣ Архангелъ Михаилъ представленъ Архистратигомъ и побѣдителемъ змія: потому эта надпись здѣсь весьма кстати, равно и на оборотѣ въ кругу надписи изображеніе головы со зміями, представляющей, по точнѣйшему изслѣдованію Моргенштерна, не иное что, какъ діавола, указываетъ на нее же.

При объясненіи этой надписи, какъ она есть, надобно будетъ очень немногое замѣтить: ибо почти всѣ буквы остаются безъ перемѣны, но въ слѣдствіе итакизма, вошедшаго въ употребленіе въ Средніе Вѣка, принимаютъ иногда другое значеніе. Впрочемъ это такъ извѣстно, что не считаю нужнымъ и говорить о томъ; замѣчу только 1) что Готскіе intaglio я не только срисовалъ въ увеличительное стекло, но даже оттиснулъ на бумагу, такъ что теперь, обратясь къ настоящимъ моимъ занятіямъ, могъ еще разъ на досугѣ пересмотрѣть форму литеръ тоже съ помощію увеличительнаго стекла; 2) что φ въ

ὄφις собственно написано Ɑ (№ 119), последнее *Р* тамъ же Ɔ и *О* въ *μελανομένη* ; вѣроятно все это сдѣлано по трудности вырѣзывать на твердомъ ониксѣ буквы такого рода (но думать, что буквы стерлись, невозможно: ибо ониксъ совершенно гладокъ и твердъ); 3) что въ главной надписи (№ 120) на концѣ въ *КТМННИТ* средняя *Н* написана не совсѣмъ ясно. Собственно ея форма *Ƞ*, т. е. вторая черта нѣсколько короче. Если я отсюда сдѣлалъ *κυμῆνατο*, то прибавленіе послѣдняго *о* оправдываю тѣмъ, что на Черниговской медали послѣ *Т* слѣдуетъ еще буква, впрочемъ безъ сомнѣнія *I*. Не знаю, что еще можно изъ него сдѣлать; даже и этимъ объясненіемъ его конца, равно и словъ *εἰλύησε* и *συρίζησε*, которыя прежде принималъ за *ἰλύησε* и вмѣстѣ съ Моргенштерномъ за *ὤρυσε*, обязанъ Г-ну Доктору Нейкирху, которому и сообщилъ доведенное до конца мое объясненіе и размѣщеніе буквъ. Онъ въ послѣдствіи перемѣнилъ свое мнѣніе объ этомъ предметѣ и всю надпись объясняетъ слѣдующимъ образомъ, однакожъ большею частію согласно со мною:

ὑςέρα μέλανι μελανομένη ὡς ὄφις εἰλύησε καὶ ὡς δράκων συρίζησε καὶ ὡς λέων βρύχασεν, а конецъ принимаетъ за *ὡς ἀρνίον κυήθη* (когда Христосъ зачатъ былъ). Но такъ какъ на лицевой сторонѣ изображенъ Архистратигъ Михаилъ, то гораздо справедливѣе думать о борьбѣ и слѣдствіяхъ оной, чѣмъ о зачатіи. При всемъ томъ я уступаю охотно, что объясненіе послѣдняго слова сомнительно. Можетъ быть, оно, какъ думаетъ Мор-

генштернъ, составлено изъ сокращеній; но на Готскомъ ониксѣ № 119 въ концѣ оставлено еще мѣсто для нѣсколькихъ буквъ, цѣлое оканчивается буквою *Т*, которая безъ сомнѣнія не есть конечная. Глаголы *συρίζησε* и *εἰλίησε*, сформованные по образцу глаголовъ на *εω* и не имѣющіе приращенія, равно какъ и поставленный безъ приращенія глаголъ *βρύχασε*, на мѣсто котораго въ № IV справедливѣе стоитъ *βρύχεσε* (чит. *βρύχησε*), дѣлаютъ незначительное уклоненіе отъ прежняго Греческаго правописанія. Сіи формы нерѣдко (особенно безъ приращенія) встрѣчаются и на монетахъ, напр. въ извѣстныхъ словахъ *ΧΡΙΣΤΟΣ, ΝΙΚΑ*.

Что вся надпись указываетъ на побѣду Архангела Михаила надъ зміемъ (надъ язычествомъ) и именно въ томъ видѣ, какъ она изображена въ Апокалипсисѣ XII, 7 — 12, это достаточно доказалъ Моргенштернъ (Отд. I, стр. XII). Сравненіе съ зміемъ и дракономъ мы находимъ также въ Гл. XX, ст. 2: «И (Ангелъ) взялъ змія, змія «древняго, который есть діаволъ и сатана, и «связалъ его на тысячу лѣтъ, (ст. 3) и низвергъ «его въ бездну и заперъ его и приложилъ печать, «дабы не прельщалъ уже народы, доколѣ не окон«чится тысяча лѣтъ; послѣ же того ему должно «быть освобожденну на малое время. (Ст. 7) Когда «же окончится тысяча лѣтъ, сатана будетъ осво«божденъ изъ темницы своей, (ст. 8) и выдетъ «обольщать народы, на четырехъ углахъ земли, «Гога и Магога, и собирать ихъ на брань: число «ихъ какъ песокъ морской. (Ст. 9) И вышли на

«широту земли и окружили станъ Святыхъ и городъ «возлюбленный; и ниспалъ огонь съ неба отъ Бога «и пожралъ ихъ. (Ст. 10) И діаволъ, прельщавшій «ихъ, ввёрженъ будетъ въ озеро огненное и сѣрное, «гдѣ звѣрь и лжепророкъ; и будутъ мучиться «день и ночь, во вѣки вѣковъ.»

Но въ Гл. XII, ст. 3, драконъ, побѣжденный Архангеломъ Михаиломъ, изображается съ 7 головами (какъ и на Готскомъ ониксѣ № 119) и съ 10-ю рогами (на Черниговской медали змій, окружающій человѣческую голову, представленъ съ 10-ю головами) и на каждой головѣ по коронѣ. (Подобныя же короны находятся и на змѣиныхъ головахъ Готскаго оникса).

Точно въ такомъ же видѣ борьба Архангела Михаила съ діаволомъ представлена у Даніила X, 21: «Но да возвѣщу тй вчиненое въ писаніи истины, и нѣсть ни единаго помогающаго со мною о сихъ: но точію Михаилъ Князь вашъ.» Здѣсь говорится «о Царѣ сѣверскомъ», который (Дан. XI, 13) собираетъ множество людей «и съ великою силою и со имѣніемъ многимъ» идетъ противъ Царя Греческаго (יון Иаванъ), и все это Царь Персидскій (Дан. XI, 2) воздвигаетъ на Грековъ. Гл. XI, 40: «И на конецъ времене сразится ратію съ Царемъ южнымъ: и соберется на него Царь сѣверскій съ колесницами и съ конники и съ корабли многими и внидетъ въ землю и сокрушитъ и мимоидетъ.» Дан. XII, 1: «И во время оно востанетъ Михаилъ, Князь великій, стояй о сынѣхъ людей твоихъ, и спасутся людіе твои вси.» Впрочемъ Даніилъ самъ объясняетъ, что (VII, 24)

десять роговъ звѣря есть десять Царей, которые востанутъ на Царя южнаго.

Изъ всѣхъ этихъ мѣстъ, кажется, ясно видно, что Черниговская медаль указываетъ на брань Христіанъ съ язычниками, и именно на ту побѣдоносную брань Христіанъ, подъ предводительствомъ Михаила, во время которой языческіе народы (16), предводимые многими Царями, потерявъ всѣ свои корабли и войска, угрожавшія прежде самой столицѣ. Трисвятое вокругъ Михаила на лицевой сторонѣ надписи:

АГІОС АГІОС АГІОС КС САВАОΘ ПΛΙΡΙС
ἅγιος, ἅγιος, ἅγιος κ(υριο)ς Σαβαὼθ πλήρεις
ОΥРАNОС КΙΓΙ
ὁ οὐρανὸς καὶ ἡ γῆ.

въ которомъ недостаетъ только конца (иначе бы оно совершенно сходно было съ третьимъ стихомъ Исаіи VI, 3: «Святъ, Святъ, Святъ Господь Саваоѳъ, исполнь вся земля славы Его,» что поютъ Серафимы съ Архангеломъ Михаиломъ), указываетъ также на побѣду, одержанную Михаиломъ надъ врагами, и слѣдовательно Христіанствомъ надъ язычниками.

Вотъ почему я не могъ отнести сей медали ко временамъ Василія II, и увѣренъ, что она принадлежитъ Василію Македонскому, который хотѣлъ означить ею побѣду предшественника своего Михаила надъ Оскольдомъ и Диромъ, и послѣдовавшее за тѣмъ введеніе Христіанства въ Кіевѣ. Римскіе Императоры въ память каждой значительной побѣды приказывали выбивать монету или

медаль: Византійскіе Императоры память своихъ побѣдъ увѣковѣчивали крестомъ, главою Спасителя, хоругвію и особенно надписями: VICTORIA IVSTA, VICTORIA ANG; IHS. REX REGNANTIVM; IHSVS XPISTVS NIKA и пр.; также: DEVS ADIVTA ROMANIS (Геракл.), *CVRIE BONΘEI. TΩ ΣΩ ΔOYΛΩ* (Θеофилъ), *EN TOYTΦΩ NIKATE* (Василій II) просили помощи Всевышняго. Такимъ образомъ и эта медаль сдѣлана по тому же случаю.

Но Архангелъ Михаилъ въ далматикѣ, съ шаромъ, на поверхности котораго изображенъ крестъ: съ чѣмъ обыкновенно изображались Императоры на Византійскихъ монетахъ; равно хоругвь въ правой рукѣ, въ первой разъ (17) выбитая около 811 г. на монетѣ Михаиломъ I и потомъ (18) Θеофиломъ, наконецъ имя Василія, которой въ Славянской надписи проситъ Бога о помощи, — все это даетъ поводъ думать, что эти монеты чеканены по повелѣнію того самаго Василія, который непосредственно слѣдовалъ за Императоромъ Михаиломъ III, и это былъ Василій I Македонскій.

Къ тому же Василій Македонскій, умертвивъ Михаила и завладѣвъ его престоломъ, имѣлъ достаточную причину выбить такую медаль въ честь своего предшественника: потому что сдѣлавшись Императоромъ, онъ раскаявался въ своемъ злодѣяніи, по крайней мѣрѣ по наружности и, по извѣстію Византійцевъ, построилъ даже много церквей во имя Св. Михаила, чтобы примириться съ тѣнію умерщвленнаго имъ Императора (*πολλαχȣ̃*

τῶν πόλεων τῷ ἀρχιστρατήγῳ Μιχαὴλ ναοὺς ἐδείματο ἐκ καινῆς οἷον ἐξιλασκόμενος τὸν Θεόν) (19).

И Луитпрандъ повѣствуетъ, что Василій I построилъ въ Константинополѣ церковь Св. Михаила, ибо ему явился во снѣ Христосъ, вмѣстѣ съ Михаиломъ, и сказалъ: «За чѣмъ ты умертвилъ Царя, твоего владыку и Императора?» (20) Такимъ образомъ въ лицѣ Архангела Михаила онъ почтилъ умерщвленнаго имъ Императора, и чѣмъ лучше могъ почтить его, какъ не изображеніемъ на монетѣ въ видѣ побѣдителя язычниковъ, упоминаемаго Даніиломъ Гл. X, 21 и въ Апокалипсисѣ Гл. XII, 7—12 и XX, 2, 3, 8, 10?

Дѣйствительно, по благости Божіей, Императоръ Михаилъ III былъ побѣдителемъ сѣверныхъ Царей, которые, окруживъ столицу своими судами, грабили окрестныя ея страны; но Богъ повелѣлъ, чтобы тихое дотолѣ море взволновалось и разрушило суда невѣрныхъ Руссовъ (21): такъ и сдѣлалось. Если вѣрить не одному Нестору, но и Византійскимъ Писателямъ, то онъ же первый ввелъ Христіанскую Вѣру и въ Кіевѣ (22), такъ что Патріархъ Фотій (866, или въ началѣ 867 г.), уже при немъ могъ похвалиться Русскими, что они, прежде народъ дикій и кровожадный, теперь были ревностные Христіане (23). То же самое, для чего онъ построилъ церковь Св. Михаила, заставило его поставить церковь во имя Пророка Иліи, дабы на колесницѣ сего праведнаго мужа подняться на небо, и тогда какъ Несторъ еще ничего не говоритъ о введеніи Христіанской Вѣры

въ Россіи, мы уже видимъ, что въ Кіевѣ въ 944 году та же самая церковь является первою.

Что къ нему же относится и Славянская надпись: *Господи, помози рабу твоему Василію*, это легко можно объяснить тѣмъ, что Василій Македонскій, родившійся въ Македоніи, былъ Славянинъ (25), хотя Моргенштернъ и другаго держится сказанія (26), и что Кириллъ, Апостолъ Славянъ, выучившись (27) Славянскому языку въ Хозаріи (Кіевской области) и возвратившись при Императорѣ Михаилѣ въ Византію, изобрѣлъ Славянскій Алфавитъ (28), который въ послѣдствіи и послужилъ ему для перевода книгъ.

Но появленіе сихъ медалей въ Россіи при Василіи Македонскомъ весьма легко можно объяснить тѣмъ, что сей Государь, желая въ Русскихъ имѣть себѣ союзниковъ (29), дѣлалъ имъ, при ихъ крещеніи въ Христіанскую Вѣру въ Кіевѣ (30) 822 года, богатые подарки золотомъ, серебромъ и шелковыми одеждами. Collare signum divinae crucis, какъ извѣстно, было одно; сей знакъ носилъ также и Король Булгарскій Богорисъ (31) по принятіи имъ Христіанской Вѣры.

Примѣчанія:

(1) См. въ Новомъ (Раупаховомъ) Музеумѣ Остъ-Зейскихъ Губерній донесеніе о гривнѣ, отданной въ С. Петербургскій Эрмитажъ (Т. I, Часть I, стр. XLVII), гдѣ сказано о крестьянской дѣвушкѣ, нашедшей ее близъ одной деревни въ 17 верстахъ отъ Чернигова.

(2) По Отечественнымъ Запискамъ (XX, 427) она вѣситъ 48 драхмъ и 34 грана, а по Соревнователю Просв. и Бл. (1822 г. I, 116) 42¼ золотника.

(3) *Ἅγιος, ἅγιος, ἅγιος, Κύριος Σαβαὼθ πλήρεις ὁ ὀρανὸς καὶ ἡ γῆ.* Святъ, Святъ, Святъ Господь Саваоѳъ, исполнь небо и земля (славы твоея). У Исаіи VI, 13 стоитъ: «Святъ, Святъ, Святъ Господь Саваоѳъ, исполнь вся земля славы Его.» Кажется, буква ρ въ словѣ ὀρανὸς также потеряна, какъ и на Готскомъ intaglio N° 119 та же самая буква г.

(4) Господи, помоги рабу твоему Василію.

(5) Отечеств. Записки. Томъ VIII, N° 20 за 1821 годъ.

(6) Вѣстникъ Европы 1822 года, Часть CXXII.

(7) Car. Morgensternii Commentatio de numismate Basilii Tschernigoviae nuper effosso. Dorp. Progr 1824.

(8) Въ Готскомъ Музеумѣ Древностей N° 120.

(9) Запятая стоитъ тамъ ясно, но во всякомъ случаѣ она произошла единственно отъ недосмотра Художника.

(10) У Моргенштерна на Зенфовомъ изображеніи медали поставлено Г Ѧ, но это все равно, что ГѦ, только съ знакомъ вверху для показанія, что здѣсь оно сокращено.

(11) Сравни Кеппена: Собраніе Славянскихъ памятниковъ, находящихся внѣ Россіи. С. Петербургъ, 1827, стр. XXXII.

(12) N° 119 Готской Коллекціи Древностей.

(13) Снимокъ помѣщенъ Каченовскимъ въ концѣ VI Тома Вѣстника Европы за 1822 годъ. Но объясненіе сего снимка помѣщено имъ въ IV Томѣ, въ N° за Августъ мѣсяцъ 1822 г. Этотъ intaglio почти такой же величины и формы, какъ и Готской N° 119; только на верхней его выпуклости съ лѣвой стороны нѣсколько

поврежденъ, такъ что здѣсь отломлены двѣ буквы и одна изъ змѣиныхъ головъ.

(14) Чтобы узнать, дѣйствительно ли эти буквы нисколько не отличаются отъ буквъ Черниговской медали, для сего нужно точнѣе разсмотрѣть самую Черниговскую медаль. Я усматриваю изъ Зеетценовыхъ надписей, что въ это время M и N часто изображались такъ, что легко могли быть замѣняемы буквою H.

(15) Эти буквы отломлены вмѣстѣ съ частію самаго камня; на трехъ показанныхъ мѣстахъ безспорно стояли сперва *M*, потомъ *Д*, а на послѣднемъ мѣстѣ *C*. Впрочемъ эта надпись у Монфокона не повреждена.

(16) Не нужно разумѣть именно 10 Царей, такъ какъ и вообще не льзя думать, что всѣ слова Пророчества совершенно уже сбылись, хотя въ Византіи въ это время ожидали исполненія всего того, что сказано у Пророковъ и въ Апокалипсисѣ словами часто темными и многозначущими.

(17) Eckhel. Doctr. num. VIII, стр. 238.

(18) Тамъ же, стр. 240.

(19) Zonara lib. XVI, c. X, p. 173 ed. Ven., 135 ed. Par.

(20) Luitprand, Hist. lib. I, c. 2, pag. 426, in Muratori Rerum Italic. Script.— Если Арх. Михаилъ и почитается Кіевскимъ Заступникомъ, и ликъ его находится въ городовомъ гербѣ, то ни сколько не льзя этому удивляться: потому что Византійскіе Духовные обращали Русскихъ въ Христіанскую Вѣру въ то самое время, когда Михаилъ пользовался въ Византіи величайшими почестями. Михаилъ былъ изображаемъ 1517 г. также и на Тверскомъ гербѣ. Качен. Вѣстн. Европы за 1822 годъ, Томъ IV, стр. 186.

(21) Несторъ въ 866 году.

(22) Подробныя извѣстія объ этомъ сообщу въ другое время и въ другомъ мѣстѣ.

(23) Фотій въ окружномъ посланіи къ Епископамъ Восточныхъ Христіанъ. См. его послан. изд. Рих. Монтакуціемъ, стр. 58.

(24) Несторъ въ 944 году.

(25) Гамза, Персидскій Писатель. Ср. Круг. Хронол. Визант. стр. 167.

(26) Онъ говоритъ, что Василій происходитъ отъ Арсакидовъ. Morgenst. l. c. Prs. III, S. X.

(27) Vita Cyrilli et Method. a Bollando ad d. IX, Mart.

(28) Подробное изложеніе сего предмета оставляю также до будущаго времени.

(29) Конст. Порф. о Васил. Макед. стр. 211, изд. въ Пар.

(30) Pagi Critica ad Bar. ann. III, pag. 651.

(31) Въ 861 году. Pagi Crit. T. III. adh. a.

Перев. съ Нѣмец. Студентъ Главн. Пед. Института

И. Ставровскій.

8.

ОПИСАНІЕ И ОБЪЯСНЕНІЕ ДРЕВНЕЙ МЕДАЛИ.

Соч. Г. Наперскаго.

(Изъ Dorpater Jahrbüch. 1835, № 8).

Поданная медаль, съ которой прилагается здѣсь вѣрный оттискъ, вылита изъ металлической композиціи, не принимающей никакой позолоты, и въ ней не льзя замѣтить никакихъ слѣдовъ переработки. Она принадлежитъ Черниговскому помѣщику, Артиллеріи Капитану Ѳедору Искрицкому, который получилъ ее въ подарокъ отъ одного Офицера во время Польской кампаніи, а сему послѣднему досталась она отъ больнаго солдата изъ Тульской Губерніи, который передъ смертію своею отдалъ ему ее, какъ свою собственность, съ слѣдующими словами: «этою святынею благословила меня мать, а найдена она однимъ изъ моихъ предковъ на Куликовскомъ полѣ, гдѣ было нѣкогда большое сраженіе.» Подъ этимъ сраженіемъ должно разумѣть битву Великаго Князя Димитрія Іоанновича Донскаго съ Мамаемъ, въ 1380 году. Такъ какъ нѣтъ никакихъ причинъ сомнѣваться въ достовѣрности этого преданія, то мы должны отнести сію медаль къ временамъ, предшествовавшимъ 1380 году, къ ан-

шикамъ, для коихъ принимается границею 1400 годъ, и почесть мѣстомъ ея происхожденія Константинополь или Грецію, или коммерческій городъ Тавриды — Херсонъ. По видимому она была носима на шнуркѣ или цѣпочкѣ, украшала шею или грудь и употреблялась вмѣсто креста, который, какъ извѣстно, всѣ послѣдователи Греческой Церкви получаютъ при крещеніи и всегда носятъ на груди. Въ этомъ удостовѣряетъ слѣдующая надпись, находящаяся на лицевой сторонѣ медали: *ΘΕΟΤωΚΕϹΚΕΠΕΚΕΒΟΗΘΗΤωΝΕΧωΝΤΑϹΕ ΑΜ* или *ΑΡΗ*, которую я читаю такимъ образомъ: *Θεότοκε, σκέπε καὶ βοήθη τὸν ἔχοντά σε, ἀμήν* или *ἄμνόν* или *ἄρνόν* или *ἄρνίον*, т. е. Сыне Божій (*), спаси и сохрани Тебя носящаго (имѣющаго), аминь; или — Тебя носящаго Агнца (т. е. Агнца Божія, Христа); или сохрани овцу, Тебя носящую (т. е. сохрани вѣрующаго, который носитъ Твое изображеніе). Здѣсь должно замѣтить, что грамматически небрежныя формы *σκέπε* (вмѣсто *σκέπα* отъ *σκεπάω*) и *βοήθη* (вмѣсто *βοήθει* отъ *βοηθέω*) *κε* вмѣсто *καὶ* (которое на иныхъ мѣстахъ выражается просто *κ*) и безпрерывное употребленіе *ω* вмѣсто *ο*, которое также здѣсь встрѣчается (но въ древнихъ рукописяхъ обѣ эти буквы часто употребляются одна вмѣсто другой) должно приписать эпохѣ, въ которую языкъ Гре-

(*) Если въ этомъ словѣ перемѣнить удареніе и читать *Θεοτόκε*, то это будетъ значить «Богородице!» И если молитва обращена была къ Пресвятой Дѣвѣ, то послѣднее слово должно быть не *ἀμνόν* или *ἀρνόν*, а *ἀμήν*, и подъ словами *τὸν ἔχοντά σε* должно разумѣть Христа Спасителя. Къ кому собственно обращена эта молитва, — трудно рѣшить.

ческій много уже утратилъ изъ прежней чистоты своей, или мѣсту чеканенія, въ коемъ, можетъ быть, не совсѣмъ хорошо были знакомы съ этимъ языкомъ. Послѣднія буквы въ надписи не ясны, такъ что не льзя точно опредѣлить *И.* ли то, или *PN*: отъ чего слово можетъ быть толковано различнымъ образомъ, какъ замѣчено выше. Буквы *H* или *N* (И, Н) различаются только по направленію средней черты. И такъ эта надпись содержитъ молитву того лица, кому принадлежала святыня; на другой же сторонѣ ея находится доксологія (славословіе) слѣдующаго содержанія: ✝ *АГІОСАFІОСІСОТСАВАQѲОПАНРНС* ЪРАНОС; что должно читать: ἅγιος, ἅγιος Κύριος Σαβαὼθ, οὗ πλήρης οὐρανός, т. е. святъ, святъ Господь Саваоѳъ, коего полны небеса. Это извѣстное славословіе (Исаія, VI, 3); здѣсь сокращено по причинѣ тѣснотымѣста, а именно: недостаетъ третьяго ἅγιος, которое почиталось бы необходимымъ, если бы *F* во второмъ ἅγιος или перпендикулярная черта слѣдующая за нимъ не означали повторительнаго знака. Впрочемъ эту черту я отношу къ слѣдующей за ней согнутой чертѣ *C*, съ коею она должна составлять букву *K*. Конечно, сокращеніе κου вмѣсто κύριος, замѣняемое иногда словами *KC*, нѣсколько странно; но здѣсь не льзя предполагать какого-нибудь другаго слова. Букву *O*, слѣдующую за словомъ σαβαώθ, признаю за οὗ или ȣ̃, потому что въ подлинной медали, кажется, замѣтны надъ нею двѣ черточки, которыя къ концу примыкающей къ нимъ кривой линіи какъ бы расходятся; да и по смыслу здѣсь скорѣе дол-

жно быть *ὂν* нежели *ὁ*.— Слова *καὶ ἡ γῆ*, долженствующія слѣдовать за словомъ *οὐρανός*, опущены по недостатку мѣста. Въ этой надписи буква *A*, имѣющая на оборотѣ медали настоящую свою форму, выгравирована какъ *A* или какъ *Λ*.

Разсматривая находящіяся на сей медали фигуры, мы увидимъ, что лицевая ея сторона представляетъ Пречистую Дѣву съ Младенцемъ Іисусомъ въ лѣвой рукѣ, Который положилъ правую свою руку на лѣвое плечо Матери. Главы Ихъ окружены вѣнцами, а по бокамъ находятся буквы:

МР	Θ
IC XC	C

т. е. *μήτηρ θεοῦ* и *ἰησοῦς χριστός*. На оборотѣ изображена человѣческая голова съ длинными волосами, окруженная змѣями или драконами, у коихъ до 12 головъ. Это изображеніе еще болѣе возвышаетъ достопримѣчательность медали: ибо оно совершенно сходно съ тѣмъ, какое находится на Василіевой медали (Goldmünze des Basilius), найденной въ 1821 году въ Черниговской Губерніи и хранящейся въ С. Петербургѣ въ Императорскомъ Минц-Кабинетѣ, которую подробно и основательно разбирали многіе Ученые, какъ-то: Профессоръ Качѣновскій (Вѣстн. Европы Часть CXXII, стр. 285—289, Ч. CXXIII, стр. 45—51, 118—128, Ч. CXXV, стр. 181—195), Г. Кеппенъ (Ueber Alterthum und Kunst in Russland. Вѣна 1822, стр. 15), Г. Моргенштернъ (въ четырехъ писанныхъ по Латыни программахъ лекцій въ Дерптскомъ Университетѣ, съ 1824 по 1826), покойный Профессоръ Франке

(Объясненіе Василіевой медали, что въ С. Петербургѣ. Прибавленіе къ Новому Музею Нѣмецко-Русскихъ провинцій. Дерптъ 1824. 8.) и, если я не ошибаюсь, то и Академикъ Г. Грефе занимался ея объясненіемъ (*). Думаютъ, что это изображеніе представляетъ язычество, побѣжденное Христіанствомъ (т. е. введеніе Христіанской Вѣры) или побѣду Христа Спасителя надъ сатаною или надъ зломъ.— Это объясненіе удобно можно примѣнить и къ прилагаемой здѣсь медали.— И такъ мы можемъ по крайней мѣрѣ принять за несомнѣнное, что медали сего рода, изъ различнаго металла и различной формы, употреблялись въ Древней Россіи, какъ святыня, охраняющая носящаго ее отъ бѣдствій.

(*) Къ сему числу должно присовокупить и Г-на Крузе, статью котораго мы помѣстили передъ этою статьею.

Ред.

4.

ОБЪЯСНЕНІЕ ЕЩЕ ОДНОЙ ДРЕВНЕЙ МЕДАЛИ.

(Письмо Ординарнаго Профессора Казанскаго Университета Эрдмана къ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія).

Будучи твердо увѣренъ, что розысканія и открытія всякаго рода, въ особенности касающіяся Исторіи и древностей Россійскихъ, удостоиваются лестнаго одобренія Вашего Превосходительства, я беру смѣлость обратить Ваше вниманіе на любопытную медаль, хранящуюся въ Минцъ-Кабинетѣ ИМПЕРАТОРСКАГО Казанскаго Университета. Считая совершенно излишнимъ повторять Вамъ, какъ знатоку, тѣ мнѣнія и разсужденія, которыя о Черниговской золотой медали излагали Гг. Свиньинъ (1), Каченовскій (2), Моргенштернъ (3) и Франкъ (4), и тѣмъ болѣе полагая неумѣстнымъ приводить здѣсь то, что въ 1835 году Гг. Напирскій (5) и Крузе (6) довели до свѣдѣнія ученаго свѣта

(1) Отечественныя Записки 1821 года. Томъ VIII, стр. 20.

(2) Вѣстникъ Европы. Москва 1822, Ч. CXXII, Февр. стр. 285 и слѣд.; Мартъ и Апрѣль стр. 44 и слѣд., 116 и слѣд.; Іюль и Августъ, стр. 181 и слѣд.

(3) Commentario de numismate Basilii Tschernigoviae nuper effosso. Dorpati 1824—1826.

(4) Neues Museum der teutschen Provinzen Russlands. Dorpat 1824, Bd. I, Heft. 1, Anhang, pag. 1 flgde.

(5) Dorpater Jahrbücher der Litteratur 1835, Bd. V St. 3, pag. 251 flgde.

(6) Ibidem 1835, 188. Bd. V, St. 4, pag. 350 flgde.

№:4

Къ 2 книжкѣ Ж.М.Н.П.1858.

Æ

о этой же медали и еще другой, найденной на славномъ Куликовскомъ полѣ, я могу по крайней мѣрѣ надѣяться, что, описывая прилагаемую при семъ въ снимкѣ медаль, я не только дополню и исправлю соображенія, прежде объ ней или подобныхъ ей существовавшія, но и возвращу Россіи славу, безпрекословно принадлежащую ей въ этомъ отношеніи. Я не могу скрыть также, приступая къ настоящему толкованію, что по моему мнѣнію дальнѣйшимъ развитіемъ чего-либо уже извѣстнаго не только не уменьшается занимательность предмета, но напротивъ того еще болѣе оживляется и усиливается вниманіе читателя, принимающаго участіе въ подобныхъ изслѣдованіяхъ.

Сторона I: Священной ликъ Архистратига Михаила, стоящаго въ стихарѣ съ ораремъ, съ большими опущенными крыльями, и держащаго въ правой рукѣ длинный жезлъ.

Въ самомъ щиткѣ, заключающемъ въ себѣ это изображеніе, съ правой стороны: МI, съ лѣвой: ХЛ, т. е. *Михаилъ*.

Кругомъ слова: *ХАГIОСАГIОСАГIОСАНАОН ПАIРIСУРАНОКСГIСТIСАОZIС*

т. е. ἅγιος ἅγιος ἅγιο(ς) Σαβαὼθ πλήρης ὐρανὸ(ς) κ(αὶ) (τῆ)ς γῆς τῆς δόξης.

т. е. Святъ Святъ Святъ Саваоѳъ, исполнь небо и земля славы Его.

Сторона II: Въ срединѣ человѣческая голова съ распущенными волосами, изъ коей выходятъ семь змѣй большихъ, и сзади ихъ опять семь змѣй маленькихъ. Вокругъ головы между

концами большихъ змѣй расположены Греческія буквы: *Φ*, *Ρ*, *Ο*, *С*, *Υ*, *Η*, *Ε*, составляющія слово: *φροσύνη*.

Кругомъ на краю: *ΥCTEPAMEΛAMHEΛAHO ΡΕΝΙΟCΨ†ΙΛΙΕΒΕΟΛΕΟΡΥΧΛCΕΟCAPHII*

т. е. *ὑςέρα μέλανε μελανομένη ὡς ὄφ(ις) εἰλύεσαι ὡ(ς) λέω(ν) (β)ρύχασαι ὡς ἀρνί(ον)*

т. е. сдавайся (уступи) очерненная чернотою; какъ змѣя ты будешь извиваться, какъ левъ ревѣть, какъ агнецъ (трепетать).

Сравнивая теперь эту медаль съ упомянутою, такъ называемою Черниговскою, мы увидимъ, что въ ней нѣтъ неумѣстнаго шара въ другой совсѣмъ невидной рукѣ Архистратига. Слово МІХА ясно доказываетъ древность ея, между тѣмъ какъ изображеніе, приданное той медали, должно приписать позднѣйшимъ временамъ. Надпись круга содержитъ въ себѣ и послѣднія слова напѣва: *τῆς δόξης*, которыхъ нѣтъ на другой; за то ошибкою написано: *τῆς γῆς* вмѣсто *ἡ γῆ*. Вторая сторона отличается въ особенности остроумными изображеніями. Голова съ распущенными волосами болѣе отвѣтствуетъ цѣли всего представленія и прибавленной къ нему (неполной) надписи, нежели гладкая голова Черниговской медали. Въ количествѣ змѣй *дважды семерыхъ* соблюдено святое число, о которомъ я нѣкогда имѣлъ случай подробнѣе распространиться (1). Наконецъ обветшалое слово

(1) См. De expeditione Russorum Berdaam versus, auctore imprimis Nisamio, disseruit. Casani 1826. Pars II, pg. 207, sqq.

φροσυνη, составленное также изъ *семи буквъ*, можетъ быть, существовало прежде, какъ то по видимому доказываютъ употребляемыя нынѣ производныя: *ἀφροσύνη*, *Εὐφροσύνη*, *σωφροσύνη*, и принималось въ значеніи: *умствованіе*, *вымыселъ*(1). Надпись круга прекрасно утверждаетъ то, что предложилъ ученый Крузе (2), для лучшаго достиженія смысла.

Не присовокупляя ничего болѣе послѣ разсужденія покойнаго Франка на счетъ орѳографіи, я считаю себя въ правѣ заключить, что описываемая мною медаль по всѣмъ отношеніямъ есть подлинникъ и истинный образецъ обѣихъ намъ еще извѣстныхъ; что изъ сихъ послѣднихъ, доказывающихъ уже новый стиль, первая, или Черниговская, была вылита по случаю рожденія Василія Втораго или котораго-нибудь другаго Царя того же имени съ прибавленіями, перемѣнами и украшеніями, казавшимися нужными и приличными Художнику этого времени, непостигавшему первобытнаго смысла изображенія; а вторая, найденная на Куликовскомъ полѣ и являющаяся также изобрѣтеніемъ утончившагося вкуса, была вылита для общаго употребленія въ родѣ ладанки; и что наконецъ главная мысль перваго изобрѣтателя состояла: *въ побѣдѣ истинной Вѣры Христовой надъ всѣми прочими* (ложными) *умствованіями*.

---

(1) Ср. Homeri Iliad. I, 322; XIII, 227. Odyss. IX, 428.
(2) Dorpater Jahrbücher der Litteratur. 1835. Bd. V. St. 4, pg. 254, 258.

III.

ИЗВѢСТІЯ

О

УЧЕНЫХЪ И УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ ВЪ РОССІИ.

1.

ПОСѢЩЕНІЕ ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

Въ истекшемъ 1835 году 18 Октября, Государь Императоръ осчастливилъ посѣщеніемъ Своимъ Полтавскую Гимназію.

При обозрѣніи Гимназіи, Его Величество изволилъ спрашивать у Директора о числѣ учащихся, их занятіяхъ, успѣхахъ и поведеніи; а нѣкоторыхъ учениковъ осчастливилъ Монаршимъ Своимъ одобреніемъ. Разсматривая опыты учащихся въ Черченіи и въ Рисованіи, Государь обратилъ Свое вниманіе на планы старой и новой Полтавы, и въ особенности на планъ Полтавской битвы, и изволилъ объяснять его Генералу Королевско-

Прусской службы Графу Цитшену, а послѣ того предложилъ ему всѣ три въ память пребыванія его въ Полтавѣ. За симъ Его Величество изволилъ осматривать комнаты Воспитанниковъ Приказа, помѣщаемыхъ въ зданіяхъ Гимназіи; потомъ же, возвратясь въ классы, и снова привѣтствуя дѣтей словами: «Учитесь прилежно, ведите себя хорошо и постарайтесь оправдать выгодное о васъ мнѣніе Начальства,» изволилъ оставить Гимназію.

---

8 Генваря сего 1836 года, въ два часа по полудни, Государь Императоръ осчастливилъ Своимъ посѣщеніемъ 1-ю С. Петербургскую Гимназію, и по осмотрѣ всѣхъ ея отдѣленій, изъявилъ Свое удовольствіе.

2.

ВЫПИСКА

ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ЗАСѢДАНІЙ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Засѣданіе 6 Декабря.

Г. Академикъ *Греффе* читалъ Разсужденіе:

Ueber die Einheit der Sanscrit-Declination mit der Griechischen und Lateinischen,

и изъявилъ желаніе, чтобы сія Диссертація, равно какъ и читанная 24 Апрѣля, были помѣщены въ Актахъ Академіи: на что и было дано согласіе.— Г. Академикъ *Купферъ* составилъ опись довольно любопытнымъ ископаемымъ, найденнымъ Хранителемъ Минералогическаго Музея Г-мъ Постельсомъ у одного здѣшняго продавца минераловъ. Конференція опредѣлила купить ихъ. — Г. Академикъ *Брандтъ* представилъ для годоваго отчета вѣдомость объ обогащеніяхъ, устройствѣ и нынѣшнемъ состояніи Зоологическаго Музея. — Г. Академикъ *Беръ* донесъ, что онъ выбралъ себѣ предметомъ для чтенія въ предстоящее публичное засѣданіе: взглядъ на Исторію развитія Наукъ вообще. — Г. Академикъ *Френъ* предложилъ на званіе Корреспондентовъ Академіи кандидатами: Г-на Статскаго Совѣтника *Дорна*, бывшаго Профессоромъ Восточныхъ языковъ при Харьковскомъ Университетѣ, и *Мирзу Казембека*, Адъюнктъ-Профессора Восточныхъ языковъ при Казанскомъ Университетѣ.

Засѣданіе 11 Декабря.

Г. Академикъ *Триніусъ* читалъ:

Graminum in Actis Academiae a se editorum generibus ac speciebus supplementa addit C. B. Trinius.

— Г. Академикъ *Загорскій* представилъ для годоваго отчета вѣдомость о состояніи ввѣреннаго его попеченію, Анатомическаго Музея. — Г. Академикъ *Парротъ* представилъ нѣсколько образчиковъ превосходной коллекціи лавъ и другихъ волканическихъ произведеній Этны, собранныхъ знаменитымъ Исторіографомъ сего волкана Г-мъ Джемелларо и приносимыхъ въ даръ Академіи симъ отличнымъ Ученымъ. — Конференція поручила Г-ну Парроту изъявить Г-ну Джемелларо, отъ ея имени благодарность. — Читано письмо изъ Москвы отъ 6 Декабря, коимъ Г. Академикъ *Гамель* даетъ Академіи отчетъ о своихъ занятіяхъ въ Архивахъ древней Столицы, открытыхъ ему по Высочайшему Повелѣнію, и обѣщаетъ вскорѣ сообщить полнѣйшее обозрѣніе успѣховъ своихъ изысканій.— Дерптскій Профессоръ Г. Гебель, при письмѣ отъ 7 Декабря, посылаетъ рукопись:

Microchemische Ausmittelung metallischer Gifte (съ рисункомъ).

Разсмотрѣніе сего труда возложено на Г-на Академика Гесса. — Отъ Директора Училищъ Таврической Губерніи Г-на Заставскаго получены метеорологическія наблюденія, произведенныя въ Симферополѣ отъ Марта до Августа сего года Г-мъ Дединымъ. Г. Вице-Президентъ Академіи и Гг. Академики: *Захаровъ*, *Кругъ* и *Фуссъ*, съ согласія Г-на Президента, предложили избрать на мѣсто покойнаго Г. Шторха Ординарнымъ Академикомъ по части Статистики и Политической

Экономіи Г. Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Германна, во уваженіе полезныхъ трудовъ его по части Статистики Россіи и теоріи сей Науки вообще. По произведеніи балотировки, Г. Германнъ оказался избраннымъ единогласно. Опредѣлено просить Г-на Министра о исходатайствованіи сему выбору Высочайшаго утвержденія. По предложенію своихъ Членовъ, Конференція допустила къ конкурсу на званіе Почетныхъ Членовъ Его Свѣтлость Принца Максимиліана Видъ-Нейвидскаго, Г. Меллони (въ Пармѣ) и Г-на Профессора Декандоля (въ Женевѣ), а на званіе Члена-Корреспондента Г-на Профессора Бессера (въ Кіевѣ) и Г. Джемелларо (въ Катарѣ).

Засѣданіе 18 *Декабря.*

Г. Академикъ *Парротъ* читалъ:

Mèmoire sur l'oxidation de la surface intérieure des tuyaux de fer fondu dans les conduites d'eau et sur les tuyaux de fer comparés aux tuyaux de bois.

Непремѣнный Секретарь представилъ два Разсужденія, одно отъ имени Г-на Академика *Струве*, подъ заглавіемъ:

Ueber die auf der Dorpater Sternwarte angestellten Beobachtungen des Halley'schen Cometen,

а другое отъ Члена-Корреспондента Академіи Г-на Статскаго Совѣтника *Геблера*, изъ Барнаула, подъ заглавіемъ:

Uebersicht des Katunschen Gebirges, der Höchsten Kette des Russischen Altai.

Конференція опредѣлила пригласить Г-на Струве прочесть первое изъ сихъ Разсужденій въ публичномъ засѣданіи 29 Декабря, а для разсмотрѣнія втораго назначила Коммиссарами Гг. Академиковъ Брандта и Бэра.

Отъ имени Коммиссіи, коей препоручено было Академіею разсмотрѣть письмо Бреславскаго Профессора Глогера, Г. Академикъ Триніусъ донесъ, что задача, разрѣшенная будто бы симъ Ученымъ, а именно: пріисканіе основнаго и абсолютнаго начала истинной Системы Природы, заслуживаетъ въ высочайшей степени вниманіе Академіи, и что требованія и условія, которымъ онъ предполагаетъ удовлетворить своимъ открытіемъ, не только совершенно соотвѣтствуютъ отличительному характеру истинной Системы Природы, но и вполнѣ объемлютъ всѣ ея части, такъ что не льзя ничего присовокупить къ нимъ ни въ отношеніи къ строгости началъ, ни въ отношеніи къ полнотѣ Системы. Но какъ безъ познанія самого начала, служащаго основаніемъ новой Системѣ и ея приноровленіямъ, не возможно произнести объ ней надлежащаго сужденія, то Коммиссія считаетъ приличнымъ дождаться выхода въ свѣтъ всего творенія Г-на Глогера, а между тѣмъ съ благодарностію принимаетъ предложеніе его сообщить Академіи нѣсколько образчиковъ новой его классификаціи.— Гг. Академики *Ленцъ* и *Парротъ* представили написанный послѣднимъ изъ нихъ весьма благопріятный отзывъ о поднесенномъ Академіи Маршаломъ Герцогомъ Рагузскимъ описаніи путешествія его по Австріи, Южной Россіи, Европейской Турціи, Сиріи и Египту. Описаніе это ограничивается одними только физическими наблюденіями, а именно: объ атмосферѣ, высотахъ горъ и земномъ магнетизмѣ, ибо знаменитый Авторъ предполагаетъ издать въ особомъ сочиненіи свои наблюденія о предметахъ политическихъ, нравственныхъ и промышленыхъ. — Читано письмо отъ Г. Заставскаго, Директора Училищъ Таврической Губерніи, къ коему приложены метеорологическія наблюденія, дѣланныя Г-мъ Дядинымъ въ Симферополѣ, въ теченіе Сентября, Октября и Ноября сего года. Они отданы

на соображеніе Г-ну Купферу. Въ заключеніе сего засѣданія, изъ числа предложенныхъ предъ симъ кандидатовъ, избраны въ *Почетные Члены:* Принцъ Максимиліанъ Видъ-Нейвидскій и Профессоры Декандоль, Сфарпій (въ Женевѣ) и Риттеръ (въ Берлинѣ); въ *Корреспонденты:* Докторъ Лихтенштедтъ и Профессоръ Дорнъ (въ С. Петербургѣ), Профессоры Бессеръ (въ Кіевѣ) и Мирза Александръ Казембекъ (въ Казани), Швейнгейль (въ Мюнхенѣ), Августъ Сентъ-Илеръ и Міонненъ (въ Парижѣ).

Торжественное и публичное засѣданіе 29 Декабря, въ память учрежденія Императорской Академіи Наукъ.

Засѣданіе сіе происходило слѣдующимъ образомъ. Въ 12 часовъ утра собралось въ большомъ Академическомъ залѣ необыкновенно многочисленное и блестящее общество посѣтителей, въ числѣ коихъ находились Почетные Члены: Его Свѣтлость Принцъ *Петръ Ольденбургскій*, Адмиралъ А. С. *Грейгъ*, Министръ Статсъ-Секретарь Финляндскихъ Дѣлъ Графъ *Ребиндеръ*, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ А. Н. *Оленинъ* и Попечитель Московскаго Учебнаго Округа Графъ С. Г. *Строгановъ;* кромѣ того удостоили также посѣщеніемъ своимъ торжество сіе Гг. Министры Дворовъ: Шведскаго, Саксонскаго и Королевства Обѣихъ Сицилій, и равнымъ образомъ многія другія знатныя и почетныя особы. Мѣсто Президента Академіи занималъ, за болѣзнію Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, Г. Вице-Президентъ, Князь М. А. *Дондуковъ-Корсаковъ*.

Непремѣнный Секретарь открылъ засѣданіе Рѣчью, въ которой, почтивъ память скончавшагося 1. Ноября (1835 г.) Перваго Вице-Президента Академіи, Дѣйствительнаго Академика по части Государственнаго Хозяй-

ства и Статистики, Тайнаго Совѣтника *Шторха*, обращилъ преимущественно вниманіе посѣтителей на ученые труды достойнаго своего Сочлена, способствовавшіе къ распространенію точнѣйшихъ понятій объ Отечествѣ нашемъ въ чужихъ краяхъ, и разсматривая ученыя заслуги его въ двоякомъ отношеніи, т. е. по части Статистики и по части Государственнаго Хозяйства, замѣтилъ, что перваго рода труды его относятся къ тому времени, когда онъ не былъ еще Членомъ Академіи, а втораго къ тому времени, когда уже принадлежалъ къ этому сословію. При исчисленіи разысканій Г. *Шторха* по части Государственнаго Хозяйства, Г. *Фусъ* особенно старался обратить вниманіе слушателей на то, что сей Ученый разсматривалъ Науку Государственнаго Хозяйства совершенно съ новой точки зрѣнія и во многихъ отношеніяхъ обогатилъ ее. — Потомъ читанъ былъ Отчетъ Академіи за 1835 годъ. По окончаніи чтенія Отчета (*), Г. Академикъ *Беръ* читалъ *Историческое обозрѣніе постепеннаго развитія Наукъ* (Ueber die Entwikelungsgeschichte der Wissenschaft), въ которомъ, упомянувъ о настоящемъ торжественномъ собраніи Академіи, перешелъ къ основанію перваго Заведенія сего рода въ Александріи и въ краткихъ очеркахъ описалъ распространеніе области Наукъ съ того времени донынѣ: послѣ чего старался доказать, что Науки одолжены происхожденіемъ своимъ не убѣжденію въ пользѣ оныхъ, но единственно врожденному человѣку стремленію къ любознанію. На семъ основаніи, онъ старался показать, что человѣкъ отличается по природѣ своей отъ животныхъ четырьмя различнаго рода способностями и именно: чувствомъ къ священному (вѣрою), потребно-

(*) Который будетъ напечатанъ въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ нашего Журнала.

стію исполнять свои обязанности (совѣстію), стремленіемъ къ любознанію и чувствомъ изящнаго, и что сіи-то четыре способности, которыя возвысили человѣка надъ животными, должны постепенно въ немъ, въ теченіе временъ, развиваться и одерживать верхъ надъ животною его природою. Онъ заключилъ чтеніе свое замѣчаніемъ, что памятники Наукъ суть самые прочные. — За симъ, Г. Академикъ *Струве* представилъ Академіи отчетъ о сдѣланныхъ имъ на Дерптской Обсерваторіи наблюденіяхъ надъ Галлеевою кометою; а такъ какъ Г. *Струве*, съ помощію отличныхъ своихъ астрономическихъ орудій, открылъ комету сію ранѣе и имѣлъ возможность наблюдать оную долѣе, нежели большая часть другихъ Астрономовъ: то наблюденія его весьма важны для исторіи этого достопримѣчательнаго небеснаго тѣла. Главное же обстоятельство, которое заставило упомянуть объ этихъ наблюденіяхъ Г. *Струве* въ настоящемъ собраніи, было то, что на Дерптской Обсерваторіи было обращаемо особенное вниманіе на физическія свойства этой кометы, что и составляетъ главный предметъ сочиненія Г. *Струве*. — Почетный Членъ Академіи и Президентъ Императорской Академіи Художествъ А. Н. *Оленинъ* представилъ изданное имъ сочиненіе подъ заглавіемъ:

Lettre à un dilletante sur l'ouvrage intitulé : Real Museo Borbonico. St. Pétersbourg. 1835. in-4°.

Въ заключеніе засѣданія Непремѣнный Секретарь провозгласилъ имена особъ, избранныхъ по случаю настоящаго торжества, въ Академическія званія, въ засѣданіи 18 Декабря, и утвержденныхъ Г-мъ Министромъ и Президентомъ Академіи предложеніемъ отъ 25 числа того же мѣсяца.

3.

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ СОБРАНІЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССІЙСКОЙ АКАДЕМІИ, 18 Генваря 1836 года.

Императорская Россійская Академія въ засѣданіи 11 Генваря сего года, избрала почетнымъ Членомъ своимъ Его Свѣтлость Принца Петра Ольденбургскаго 18 Генваря. Правнукъ Екатерины Великой почтилъ присутствіемъ своимъ собраніе Академіи, Ею основанной.

Въ собраніи семъ присутствовали одни только Дѣйствительные и Почетные Члены Россійской Академіи. Между ими находились: Президентъ Академіи Адмиралъ А. С. Шишковъ, Высокопреосвященный Филаретъ Митрополитъ Московскій, Преосвященный Григорій Архіепископъ Тверскій, Предсѣдатель Государственнаго Совѣта Графъ Н. Н. Новосильцевъ, Адмиралъ Графъ Н. С. Мордвиновъ, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Д. Н. Блудовъ, Президентъ Императорской Академіи Художествъ Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ А. Н. Оленинъ, Генералъ отъ Инфантеріи И. А. Вельяминовъ, Генералъ-Лейтенантъ Л. Л. Карбоньеръ, Директоръ Департамента Иностранныхъ сношеній Тайный Совѣтникъ В. А. Полѣновъ; Вице-Адмиралъ И. Ѳ. Крузенштернъ; Сенаторы, Тайные Совѣтники: А. М. Безобразовъ и К. М. Бороздинъ; Управляющій Департаментомъ Народнаго Просвѣщенія Князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ; Дѣйст. Стат. Совѣтники: Князь А. А. Шаховскій, П. А. Загорскій, П. П. Фонъ-Гецъ и Непремѣнный Секретарь Императорской Россійской Академіи Д. И. Языковъ,

Директоръ Канцеляріи Министра Императорскаго Двора В. И. Панаевъ, знаменитый нашъ Баснописецъ И. А. Крыловъ, извѣстные Литераторы М. Е. Лобановъ, А. Х. Востоковъ, и другіе изъ Гг. Членовъ Академіи. — Изъ Бѣлаго Духовенства находились Члены Академіи Протоіереи А. И. Маловъ, І. С. Кочетовъ и П. Г. Мысловскій.

Засѣданіе открылъ Непремѣнный Секретарь Россійской Академіи чтеніемъ краткаго обозрѣнія дѣйствій ея со времени ея учрежденія. Упоминая о трудахъ Вѣнценосной Основательницы Академіи, онъ между прочимъ обратилъ особенное вниманіе на помѣщенные въ Собесѣдникѣ Любителей Русскаго Слова отвѣты на вопросы фонъ-Визина отъ имени Сочинителя Былей и Небылицъ, которыя, какъ извѣстно, были произведеніемъ остроумнаго пера Императрицы. Отчетъ о дѣйствіяхъ Академіи заключился краткимъ извѣстіемъ о учрежденныхъ въ ней трехъ Комитетахъ: 1) для новаго изданія по азбучному порядку Академическаго Словаря, 2) для разсмотрѣнія присылаемыхъ въ Академію разныхъ сочиненій, и 3) для изданія литографированныхъ портретовъ и жизнеописаній тѣхъ изъ Членовъ Академіи, которые уже свершили свое земное поприще. За симъ Дѣйствительный Членъ Академіи Высокопреосвященный Митрополитъ Московскій Филаретъ читалъ весьма любопытное извѣстіе о *Русской Риторикѣ* XI вѣка, съ краткимъ извлеченіемъ изъ сей драгоцѣнной рукописи, свидѣтельствующей, что и въ XI вѣкѣ предки наши находились на нѣкоторой степени образованности и не чуждались Наукъ, тогда какъ многія Европейскія Государства еще не могли тѣмъ похвалиться (*). Послѣ сего Непремѣнный Секретарь читалъ изъ 2-й Главы

(*) Это извѣстіе помѣщено въ сей Февральской книжкѣ нашего Журнала, См. выше, стр. 255.

Академическаго Устава статьи о должностяхъ и обязанностяхъ Академіи: что служило предварительнымъ вступленіемъ къ разсужденію о духѣ и направленіи Русской и иностранной Словесности, читанному Дѣйствительнымъ Членомъ М. Е. Лобановымъ. Сія краснорѣчивая статья, исполненная истины, достойна особеннаго вниманія. Дѣйствительный Членъ В. А. Полѣновъ читалъ сочиненное имъ *Жизнеописаніе И. И. Лепехина*, Члена и перваго Непремѣннаго Секретаря Россійской Академіи, весьма замѣчательное по разнымъ подробностямъ о жизни сего ученаго мужа, а по достоинству изложенія могущее служить образцемъ статьямъ сего рода, приготовляемымъ для собранія Портретовъ, издаваемыхъ Академіею (*). Наконецъ читали Стихотворенія: М. Е. Лобановъ — въ лирическомъ родѣ *Къ отсутствующему Монарху*; Князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ — военную пѣснь Россіянъ, въ которой пѣвецъ отечественной славы былъ вдохновенъ восторженнымъ чувствомъ духовнаго торжества, выразившимся въ пѣсни: *съ нами Богъ; разумѣйте языцы и покаряйтеся, яко съ нами Богъ;* Б. М. Ѳедоровъ — стихи свои: *Буря на Черномъ Морѣ* во время плаванія Государя Императора Николая Павловича на кораблѣ Императрица Марія (4 Окт. 1828 г.). За симъ по порученію Президента Академіи Князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ читалъ статью А. С. Шишкова: *нѣчто о Карамзинѣ*, въ которой достопочтенный Президентъ Академіи отдавая справедливую похвалу безсмертнымъ заслугамъ Карамзина, коснулся покровительства оказаннаго Исторіографу незабвенною по славѣ

(*) Изъ числа сихъ портретовъ нѣсколько изготовлено литографированіемъ: въ Академію уже представлены портреты И. И. Шувалова, Д. И. Фонъ-Визина, И. И. Лепехина, Княгини Е. Р. Дашковой, Митрополита Самуила Миславскаго, и другихъ лицъ. Собраніе сихъ портретовъ, по изготовленіи жизнеописаній, будетъ издаваться по тетрадямъ.

ума и добродѣтелей, въ Бозѣ почивающею Великою Княгинею Екатериною Павловною, и возбудилъ благодарное о Ней воспоминаніе. — Наконецъ читано было Непремѣннымъ Секретаремъ предложеніе Г. Президента Академіи о награжденіи Госпожи *Ярцовой* за сочиненное ею: *Полезное чтеніе для дѣтей*, котораго напечатано *пять частей*. Трудъ Г-жи Ярцовой показывая совершенное знаніе отечественнаго языка, свѣдѣнія во многихъ Наукахъ и весьма рѣдкую способность излагать избранный ею предметъ слогомъ чистымъ, пріятнымъ и приспособленнымъ къ понятію ея читателей, представляетъ драгоцѣнный подарокъ юношеству и можетъ служить украшеніемъ Русской Словесности. Убѣждаясь симъ, Члены Академіи изъявили подписаніемъ своимъ согласіе на вознагражденіе Сочинительницы *Полезнаго чтенія* среднею золотою медалью.

4.

ИЗВѢСТІЕ О РАЗНЫХЪ ТРУДАХЪ ПРОФЕССОРОВЪ И ПРОЧИХЪ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВЪ РУССКИХЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ,

ПОЧЕРПНУТОЕ ИЗЪ ОТЧЕТОВЪ ЗА 1834 ГОДЪ.

Въ С. Петербургскомъ Университетѣ.

Законоучитель Священникъ Магистръ *Бажановъ*, по порученію Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, составлялъ *Нравоучительныя Повѣсти* для Гимназій.

Орд. Проф. *Соловьевъ* доставляетъ статьи для Энциклопедическаго Лексикона.

Орд. Проф. *Чижовъ* представилъ *Начальныя основанія Чистой Математики*, составленныя подъ его руководствомъ Гг. Киндеревымъ и Кушакевичемъ.

Орд. Проф. *Соколовъ* перевелъ и сочинилъ въ теченіе года нѣсколько статей по Горной Части, которыя и напечатаны въ Горномъ Журналѣ; приготовлялъ къ изданію свои лекціи по части Геогнозіи, и занимался составленіемъ *Руководства къ преподаванію сей Науки.*

Орд. Проф. *Сенковскій* посвящалъ свои труды Русской Словесности и другимъ Наукамъ.

Орд. Проф. *Бонгардъ* печаталъ свои *наблюденія* по части *Ботаники* въ Запискахъ Академіи Наукъ; занимался составленіемъ *С. Петербургской Флоры* для руководства Студентамъ, и былъ сотрудникомъ въ изданіи Энциклопедическаго Лексикона.

Орд. Проф. *Бутырскій* составлялъ *Указатель Словесности*; обрабатывалъ *Политическую Экономію*, и, въ часы досуга, занимался Русскою Поэзію, опыты которой помѣщены имъ въ журналахъ: Сынъ Отечества и Библіотека для Чтенія.

Орд. Проф. *Плетневъ* издалъ сочиненіе *О Народности въ Литературѣ* (которое напечатано и въ Ж. М. Н. Пр. 1834 въ Генв. книжкѣ).

Орд. Проф. *Шульгинъ*, по порученію Начальства, занимался разсмотрѣніемъ разныхъ новыхъ книгъ по части Исторіи, и составилъ *подробный* планъ преподаванія Всеобщей и Россійской Исторіи для всѣхъ Военно-Учебныхъ Заведеній. Планъ этотъ, по Высочайшему Повелѣнію, принятъ уже за руководство. Сверхъ того продолжалъ сочинять: *Изображеніе характера и содержанія первыхъ десяти вѣковъ Новой Исторіи*, и разныя статьи для Энциклопедическаго Лексикона.

Орд. Проф. *Крыловъ* приготовилъ къ изданію нѣсколько своихъ уроковъ по части *Русской Статистики*.

Э. Орд. Проф. *Поповъ* продолжалъ издавать *Греческую Грамматику* и приготовлялся къ изданію *Латинской*.

Э. Орд. Проф. *Зембницкій* участвовалъ въ изданіи Трудовъ С. Петербургскаго Минералогическаго Общества, которое сверхъ того особо издало сочиненіе его *Объ употребленіи гранита въ С. Петербургѣ*. Онъ же намѣренъ, вмѣстѣ съ Штабсъ-Капитаномъ Киріянскимъ, издать *Таблицу животнаго царства, по системѣ Кювье*; и занимался *Описаніемъ раковинъ и животныхъ, производящихъ оныя*, въ намѣреніи, составить этимъ описаніемъ вторую Часть *Конхиліологіи*, первая Часть которой издана въ 1831 году.

Э. Орд. Проф. *Устряловъ* издалъ 4 и 5 Части *Сказаній современниковъ о Димитріи Самозванцѣ*, написалъ Разсужденіе *О состояніи современной Исторической кри-*

тики въ Россіи, и занимался сочиненіемъ *Руководства къ Русской Исторіи.*

Докт. *Куторга* издалъ: 1) *Отрывки изъ путешествія своего въ Крымъ въ 1835 г.;* 2) *Описаніе нѣсколькихъ новыхъ видовъ окаменѣлостей изъ долины Селигера при Симферополѣ;* 3) *Scolopendrae morsitantis anatome observationibus zoologicis atque physiologicis illustratae.*

Ад. *Джафаръ Топчибашевъ* написалъ на Персидскомъ языкѣ двѣ Поэмы: *Подвиги въ Бозѣ почивающаго Государя Императора Александра I*, и *Описаніе торжественнаго открытія воздвигнутой въ честь Ему колонны;* помѣщалъ статьи свои по части критики въ журналъ *Телескопъ*, и занимался историческимъ сочиненіемъ *О событіяхъ Грузіи, Ширвана и Дагестана отъ кончины Шахъ-Надира до нашихъ временъ.*

Ад. *Брутъ*, по порученію Начальства, занимался составленіемъ *Начертанія Физической Географіи* и исправленіемъ своего же *Начертанія Латинскаго Языкоученія.*

Ад. *Щегловъ* издалъ *Ариометику* и *Начальныя основанія Физики.*

Ад. *Рождественскій* занимался сочиненіемъ: *Изъ какихъ источниковъ почерпнуты церковные, гражданскіе и уголовные законы, заключающіеся въ Кормчей Книгѣ?* кончилъ другое сочиненіе: *Сравненіе гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, заключающихся въ Ручной Книгѣ Законовъ, или такъ называемомъ Шестикнижіи Константина Арменопула, съ гражданскими законами, заключающимися въ 48 Главѣ Кормчей Книги.*

Ад. *Соколовъ* наблюдалъ за печатаніемъ 2-й Части изданнаго имъ *Руководства къ переводамъ съ Русскаго языка на Греческій*, и составлялъ *Сравнительную Греческую Грамматику съ постояннымъ примѣненіемъ ея къ Русской.*

Ад. *Постельсъ* занимался продолженіемъ изданія *Путешествія своего вокругъ Свѣта на шлюпѣ Сенявинѣ.*

Ад. *Гоголь-Яновскій* предпринялъ написать *Исторію Среднихъ Вѣковъ*, и намѣренъ издать изъ оной *Краткое извлеченіе;* также готовилъ къ печатанію: *О духѣ и характерѣ народной Поэзіи Славянскихъ народовъ,* и занимался розысканіями для *Исторіи Малороссіи;* издалъ небольшіе отрывки подъ названіемъ: *Арабески.*

Лект. *Свенске* приноровилъ изданную на Нѣмецкомъ языкѣ *Монгольскую Грамматику Шмидта* къ Русскому языку; присоединилъ къ *Монгольско-Нѣмецкому Словарю* того же Автора Русскій текстъ, и занимался редакціею исторической и статистической части издаваемаго Академіею Наукъ С. Петербургскаго Мѣсяцеслова.

Лект. *Варендъ* издалъ: 1) *Книгу для переводовъ съ Французскаго языка на Англійскій*, вмѣстѣ съ *Грамматикою*, и 2) *Собраніе избранныхъ піесъ для чтенія;* и занимался *Исторіею Англійской Литературы*, которая уже печатается для употребленія Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича.

Стар. Уч. Канд. *Иващенко* перевелъ съ Французскаго языка на Русскій *Дополнительный курсъ Алгебры Леоребюро де Фурса.*

Канд. *Чижовъ* участвовалъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія по части обозрѣнія математическихъ статей въ Русскихъ повременныхъ изданіяхъ.

Въ Московскомъ Университетѣ.

Орд. Проф. *Каченовскій* печаталъ сочиненныя имъ два *Изслѣдованія по части Древностей Россійскихъ*: 1) *О кожаныхъ деньгахъ;* 2) *О Русской Правдѣ;* сверхъ того приготовилъ къ печатанію: *Руководство къ статистическому познанію Россійскаго Государства.*

Орд. Проф. *Давыдовъ* занимался составленіемъ *Курса Теоріи Словесности*.

Орд. Проф. *Павловъ* приготовлялъ вторую Часть своей *Физики*.

Орд. Проф. *Перевощиковъ* издалъ: 1) *Ручной Математической Энциклопедіи Кн. II: Геометрію*, вторымъ тисненіемъ, исправленнымъ и дополненнымъ, 2) *Ручной Математической Энциклопедіи Кн. IX: Динамику*, 3) *Прямолинейную и Сферическую Тригонометрію и Приложеніе Алгебры къ Геометріи*, соч. Лакруа, перев. съ Франц.; въ концѣ года приступилъ къ печатанію: 1) *Ручной Математической Энциклопедіи Кн. III. Алгебры*, изданіемъ вторымъ, измѣненнымъ и въ расположеніи и въ подробностяхъ, 2) *Начальныхъ Основаній Геометріи*, соч. Лакруа, перев. съ Франц.; сверхъ того занимался приготовленіемъ новаго изданія *Руководства къ Астрономіи*.

Орд. Проф. *Надеждинъ* продолжалъ издавать: *Телескопъ*, журналъ современнаго просвѣщенія.

Орд. Проф. *Погодинъ* печаталъ: 1) *Исторію Русскую для юношества*; 2) *Лекціи свои по Геерену о политической связи и торговлѣ Древнихъ Народовъ*; приготовлялъ къ печатанію: 1) *Историко-критическое Изслѣдованіе о началѣ Русскихъ лѣтописей*, 2) *Исторію въ лицахъ о Димитріи Самозванцѣ*, отрывокъ изъ сочиняемой имъ *Исторіи Россіи въ лицахъ отъ кончины Іоанна Грознаго до вступленія на престолъ Фамиліи Романовыхъ*.

Орд. Проф. *Страховъ* издалъ: *Краткое руководство къ выгоднѣйшему куренію вина изъ картофеля*.

Э. Орд. Проф. *Эйнбродтъ* — на Латинскомъ языкѣ, для руководства своихъ слушателей: *Конспектъ Анатоміи тѣла человѣческаго*.

Ад. А. *Іовскій* — *Руководство къ познанію ядовъ и противоядій*, на Русскомъ языкѣ.

Ад. *Щуровскій* — *Органологію животныхъ*, для руководства слушателей.

Ад. *Морошкинъ* занимался составленіемъ *Исторіи Россійскаго Законодательства*.

Ад. *Шевыревъ* приготовилъ къ печатанію лекціи свои объ *Исторіи Словесности Древнихъ Народовъ*.

Ад. *Протасовъ* занимался двумя сочиненіями: 1) *De cura ægrotorum*, 2) *О клиническомъ леченіи*.

Лект. *Герингъ* издалъ двѣ Части *Нѣмецкой Хрестоматіи* для руководства слушателей.

Сверхъ того Ординарные Проф. *Надеждинъ* и *Погодинъ* издавали составленные подъ ихъ надзоромъ переводы Студентовъ и Кандидатовъ, вышедшихъ изъ Университета: 1) *Древнюю Исторію Геерена*; 2) *Среднюю Исторію Мишеле*; 3) *Исторію Франціи Гизо*; 4) *Географію Бальби*.

Кромѣ означенныхъ отдѣльныхъ трудовъ, доставляли статьи свои въ *Ученыя Записки:* Засл. Проф. *Цвѣтаевъ*, Ординарные Проф. *Каченовскій*, *Давыдовъ*, *Перевощиковъ*, *Снѣгиревъ*, *Ловецкій*, *Двдьковскій*, *Надеждинъ*, *Гейманъ*, *Погодинъ*, *Страховъ*; Э. Ординарные Проф. *Эйнбродтъ* и *Брашманъ*; Адъюнкты *А. Іовскій*, *Н.* и *К. Лебедевы*, *Щуровскій*, *Морошкинъ*, *Шевыревъ*, *Зерновъ*, *Гавриловъ*; Лекторы *Коркуновъ* и *Коноплёвъ*.

Въ Харьковскомъ Университетѣ.

Орд. Проф. *Кронебергъ* занимался изготовленіемъ матеріаловъ для сочиненія подъ названіемъ: *Минерва*.

Орд. Проф. *Сухомлиновъ* — собираніемъ матеріаловъ для составленія *Руководства къ Технологіи* и

пересматриванiемъ составленнаго имъ прежде *Руководства къ Химiи.*

Орд. Проф. *Коммишинскiй* — пересмотромъ составленнаго имъ *Руководства къ Общей и Прикладной Физикѣ.*

Орд. Проф. *Громовъ* предложилъ *новое раздѣленiе лекарствъ,* сообразно практическому ихъ употребленiю, изложенное въ Рѣчи, произнесенной имъ публично 30 Августа 1834 г.; сверхъ того занимался составленiемъ *Обозрѣнiя Медицинскихъ Системъ.*

Орд. Проф. *Блументаль* издалъ сочиненiе подъ заглавiемъ *Pyretologia Systematica etc.;* участвовалъ въ двухъ журналахъ: Evangelische Blätter и Wochenschrift für die gesammte Heilkunde; сверхъ того занимался переводомъ *Общей Терапiи,* соч. Конради, съ Нѣмецкаго на Латинскій языкъ.

Орд. Проф. *Будковскiй* издалъ сочиненiе подъ названiемъ *Душевныя болѣзни,* и занимался составленiемъ *Хирургическихъ лекцiй* для печати, и *Этико-психiатрическимъ разсужденiемъ о молитвѣ.*

Орд. Проф. *Степановъ* занимался сочиненiемъ разныхъ статей по предметамъ, которые преподаетъ, и печаталъ ихъ въ журналѣ *Сынъ Отечества;* сверхъ того обработывалъ полное свое сочиненiе: *О Политической Экономiи.*

Орд. Проф. *Черняевъ* собиралъ матерiалы для изданiя *Украинской Флоры.*

Орд. Проф. *Мауреръ* изготовилъ *четыре таблицы Латинской Грамматики* и *Сочиненiя Луцiана съ примѣчанiями.*

Орд. Проф. *Ганъ* занимался сочиненiемъ *Учебной книги о дѣтскихъ болѣзняхъ.*

Орд. Проф. *Артемовскiй-Гулакъ* — переводомъ *Всеобщей Исторiи Миллера.*

Э. Орд. Проф. *Криницкій* напечаталъ практикъ подъ названіемъ: *Novae species aut minus cognitae e Chondri, Bulimi, Peristomae, etc.*

Э. Орд. Проф. *Сокальскій* занимался изданіемъ *Федра* для Училищъ.

Ад. *Правицкій* — собираніемъ матеріаловъ для *Руководства къ Общей Физикѣ.*

Ад. *Гордеенковъ* приготовилъ къ изданію: *Введеніе въ Науку Россійскаго Законовѣдѣнія*, и окончилъ сочиненіе *Общей части Уголовнаго Права.*

Лект. *Каменщенко* занимался составленіемъ статей по части *Ботаники* и *Медицины*, которыя были напечатаны въ Ученыхъ Запискахъ Московскаго Университета и въ Журналѣ Московскаго Общества Испытателей Природы; сверхъ того приготовлялъ матеріалы для изданія въ свѣтъ *Врачебной Естественной Исторіи* и кончилъ Разсужденіе: *De structura vegetabilium organica.*

Учит. Рисовальнаго Искусства *Рѣпнинъ* написалъ двѣ оригинальныя картины: 1) *Начало Живописи* и 2) *Тезей, освобождаемый Аріадною изъ Лабиринта.*

Въ Казанскомъ Университетѣ.

Орд. Проф. *Сергѣевъ* приготовлялъ къ изданію сочиненіе подъ названіемъ: *Камеральное Право Россійской Имперіи.*

Орд. Проф. *Винтеръ* занимался сочиненіями: 1) *Lehrbuch der theoretischen und praktischen Staatswissenschaft;* 2) *Lehrbuch der Diplomatie;* 3) *Lehrbuch des allgemeinen positiven Europäischen Staatsrechts.*

Орд. Проф. *Кнорръ* занимался исчисленіями метеорологическихъ наблюденій съ 1828 года; составлялъ *Курсъ Физики* для своихъ слушателей, и собиралъ матеріалы для изданія *Руководства къ Физикѣ.*

Ректоръ Орд. Проф. *Лобачевскій* издалъ *Алгебру или вычисленіе конечныхъ*, Въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Университета помѣщены его статьи: 1) *О пониженіи степени въ двучленныхъ уравненіяхъ, когда показатель безъ единицы дѣлится на 8*; 2) *Объ исчезаніи тригонометрическихъ строкъ*; 3) *Предисловіе къ первой книжкѣ Ученыхъ Записокъ Казанскаго Университета*. Онъ же послалъ въ Берлинъ къ Г. Креллю, для напечатанія въ журналѣ, статью подъ названіемъ: *Géometrie imaginaire*; въ Москву, для напечатанія въ Ученыхъ Запискахъ, статьи: *Условныя уравненія для движенія и положенія главныхъ осей обращенія въ твердой системѣ*.

Орд. Проф. *Симоновъ* постоянно занимался магнитными наблюденіями и составленіемъ второй Части *Руководства къ Умозрительной Астрономіи*; приводилъ къ окончанію *Вычисленіе барометрическихъ своихъ наблюденій для опредѣленія высоты нѣкоторыхъ изъ Приволжскихъ мѣстъ*. Сверхъ того были напечатаны его статьи: 1) *Общій взглядъ на Исторію Механики*, въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія; 2) *Древность Астрономіи*, тамъ же; 3) *Употребленіе соотвѣтствующихъ высотъ для опредѣленія Долготы Географической на морѣ*, въ Ученыхъ Запискахъ Московскаго Университета; 4) *Опредѣленіе географическихъ положеній нѣкоторыхъ мѣстъ Казанской, Симбирской и Оренбургской Губерній*, въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Университета; 5) тамъ же *Новое доказательство параллелограмма силъ*.

Орд. Проф. *Эверсманъ* напечаталъ свои сочиненія: 1) *Adversaria in Lichenem osculantem Pallasii et species consimiles*; 2) *Lacertae Imperii Rossici variis in itineribus observatae*; сочинялъ *Addenda ad celeberrimi Pallasii Zoographiam Rossoasiaticam*; и на Нѣмецкомъ языкѣ — путешествіе свое къ Кавказскимъ водамъ.

Орд. Проф. *Берви* сочинялъ *Руководство къ преподаванію Физіологіи.*

Орд. Проф. *Лудвигъ Фогель* написалъ статью для напечатанія въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Университета: *Welches sind die Ursachen der unnatürlichen Sterblichkeit unter den Kindern in ihrem ersten Lebensjahre, und durch welche Mittel könnte diesem Uebel vorgebeugt und abgeholfen werden.*

Орд. Проф. *Суровцевъ* составлялъ *Словарь по Латинскому Алфавиту для объясненія Миѳологіи, Исторіи и Географіи Древнихъ и Среднихъ Временъ*, по образцу Дюканжа, Морери, и другихъ.

Орд. Проф. *Мистаки* занимался составленіемъ *Словаря для Греческой Хрестоматіи*, имъ же написанной.

Орд. Проф. *Булыгинъ* помѣстилъ въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Университета статью свою: *О происхожденіи слова «Князь»*, а въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія — *О происхожденіи слова «Бояринъ.»*

Орд. Проф. *Эрдманнъ* издалъ первую часть описанія монетъ въ Минцъ-Кабинетѣ Казанскаго Университета подъ заглавіемъ: *Numi Asiatici Musei Universitatis Caesareae Litterarum Casanensis, quos recensuit et illustravit.* Сверхъ того напечатаны статьи его сочиненія: 1) *Ueber die in öffentlichen oder Privatbibliotheken vorhandenen Sammlungen Asiatischer Handschriften;* 2) *Oeffentliche und Privatbibliotheken in Kasan;* 3) *Geschichtlicher Ueberblick der Asiatischen Münzkunde in Russland zugewandten Bemühungen;* всѣ эти статьи помѣщены въ журналѣ *Dorpater Jahrbücher* и въ *Iter Rossicum.* Занимался составленіемъ второй Части *Numi Asiatici;* готовится издать: 1) *Монографію династіи Бувейгидовъ*, по Восточнымъ и Западнымъ Авторамъ, или критическое изложеніе Исторіи сей династіи; 2) *Искендера Мунши*

описаніе жизни и дѣяній Персидскаго Государя Аббаса Великаго, съ критико-филологическими замѣчаніями.

Орд. Проф. *Грацинскій* составилъ *Словосочиненіе Греческаго языка* и *Словарь для Хрестоматіи Якобса*.

Э. Орд. Проф. *Бунге* — первую Часть *Основаній Ботаники*; сочинилъ *Enumeratio plantarum Altaicarum*, для помѣщенія въ Запискахъ С. Петербургской Академіи Наукъ; для напечатанія въ Dorpater Jahrbücher написалъ статью: *Brüchstücken aus einer Reise von Pekin nach Zaghan-Bulghassu*.

Ад. *Климовъ* занимался составленіемъ, 1) вѣдомостей *о состояніи Учебныхъ Заведеній Казанскаго Округа*; 2) *Общей статистической таблицы за 1833 г. объ Учебныхъ Заведеніяхъ того же Округа*. Сверхъ того готовилъ трактатъ о томъ, *какая главнѣйшая проблемма занимала Философовъ, и какимъ образомъ изъ различнаго рѣшенія проблеммы сей произошли всѣ извѣстныя философскія секты и всѣ представляющіеся нынѣ намъ виды системъ*.

Ад. *Густавъ Фогель* написалъ сочиненіе: *Ueber die sittliche und bürgerliche Besserung der Verbrecher*, и составлялъ *Обозрѣніе Правъ*.

Ад. *Мирза Казембекъ* писалъ на Англійскомъ языкѣ извлеченіе *изъ Исторіи Семи Планетъ*, напечатанной въ Казани.

Ад. *Рыбушкинъ* издалъ двѣ части *Исторіи Казани*; издавалъ журналъ *Заволжскій Муравей* и *Прибавленія къ Казанскому Вѣстнику*; и занимался сочиненіемъ книги: *Указатель достопримѣчательностей Казанской Губерніи* и *Статистическое описаніе Казанской Губерніи*.

Ад. *Полиновскій*, вмѣстѣ съ Ад. Рыбушкинымъ, издавалъ журналъ *Заволжскій Муравей*.

Ад. *Ковалевскій* составилъ Каталогъ Санскритскимъ, Тибетскимъ, Монгольскимъ, Манджурскимъ, Китайскимъ книгамъ и рукописямъ Библіотеки Казанскаго Университета. Въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Уни-

верситета напечатаны статьи его сочиненія: 1) *Содержаніе Монгольской книги подъ заглавіемъ: Море притчъ*, и 2) *Замѣчанія на Монгольскій переводъ Ветхаго Завѣта, издаваемый Англійскими Миссіонерами*; написалъ статью *о Китайскомъ Календарѣ*; въ С. Петербургской Тыгодникъ доставилъ нѣсколько статей *о Забайкальскихъ Бурятахъ, о движеніи и переселеніи народовъ Средней и Восточной Азіи; объясненіе на слово «Икранъ-Мурэнъ», въ Географіи Востока употребляемое*; приготовилъ къ печатанію 1) *Краткую Грамматику письменнаго Монгольскаго языка*, 2) *Монгольскую Хрестоматію*, и 3) *о Буддійской Космологіи*; перевелъ *Буддійскій Катихизисъ*; занимался *присоединеніемъ рѣченій къ Монгольско-Русскому Лексикону*, приготовленіемъ *Обзора матеріаловъ для Исторіи Буддизма*, и приводилъ въ порядокъ *Дневникъ своего путешествія къ Бурятамъ и чрезъ Монголію въ Китай.*

Канд. *Зининъ* занимался, вмѣстѣ съ Орд. Проф. Симоновымъ, магнитными наблюденіями.

Въ Университетѣ Св. Владиміра.

Орд. Проф. Протоіерей *Скворцовъ* обработывалъ *Краткое начертаніе Церковной Исторіи.*

Орд. Проф. *Максимовичъ* собиралъ *Народныя Украинскія Пѣсни* и составлялъ *Лексиконъ* и *Грамматику Малороссійскаго языка.*

Орд. Проф. *Якубовичъ* сочинялъ на Латинскомъ языкѣ: *Litteraturae Antiquae, hoc est Graecorum et Romanorum interioris, ejusque causarum et vicissitudinum enarratio*; сверхъ того занимался просматриваніемъ прежнихъ своихъ сочиненій: 1) *M. T. Ciceronis Cato Major sive de senectute secundum textum Gornhardi V. C. edidit et commentario perpetuo illustravit M. J.*; 2) *M. T. Ciceronis*

Academica secundum recensionem Goerensii V. C. edidit et commentario perpetuo illustravit M. J.

Орд. Проф. *Цыхъ* занимался составленіемъ полнаго курса *Всеобщей Исторіи*.

Орд. Проф. *Бессеръ* — *Монографіею Artemisiæ;* также включеніемъ въ систему и опредѣленіемъ новыхъ видовъ и разностей растеній; въ особенности же занимался курсомъ *Ботаники*.

Орд. Проф. *Зеновичъ* — окончаніемъ сочиненія *О необходимости измѣнить общія основанія Химіи, ея теоріи и порядка преподаванія*.

Орд. Проф. *Абламовичъ* собиралъ матеріалы къ дополненію курса *Физики* изъ лучшихъ новѣйшихъ Писателей.

Орд. Проф. *Мѣховичъ* преподавалъ Воспитанникамъ Школы Землемѣровъ Архитектуру, и занимался переводомъ на Русскій языкъ *Начертательной Геометріи, соч. Валле*, и черченіемъ въ большомъ масштабѣ *эторовъ*.

Орд. Проф. *Выжевскій* обработывалъ сочиненную имъ *Аналитическую Геометрію*.

Ад. *Гречина* составилъ на Польскомъ языкѣ изложеніе Лапласовой Теоріи *явленій волосяныхъ* (*капиллярныхъ*) *трубокъ* и занимался дополненіемъ по нѣкоторымъ статьямъ и переводомъ на Русскій языкъ изданной имъ же самимъ на Польскомъ языкѣ *Алгебры*.

Ад. *Андреевскій* въ лѣтнее время собиралъ въ окрестностяхъ Кіева растенія, насѣкомыхъ и раковины; приготовилъ на Латинскомъ языкѣ трактатъ по части Ботаники *de Brassiceis*, и обработывалъ на Русскомъ отчетъ о путешествіи своемъ около устья Днѣпра и по его теченію черезъ пороги, или общія примѣчанія объ окрестностяхъ Наддиѣпровскихъ по части Естественной Исторіи.

Лект. *Андль* занимался переводомъ изданной имъ *Нѣмецкой Грамматики*, которая была принята за эле-

ментарную для Учебныхъ Заведеній бывшаго Виленскаго Округа; приготовлялъ къ печати второе изданіе исправленной и пополненной имъ *Хрестоматіи*, и составлялъ полный *Нѣмецко-Польскій Лексиконъ*.

Лект. *Плансонъ* приготовилъ къ изданію сочиненіе: *Manuel de la langue française ou dialogues français, russes et polonais*.

Въ Дерптскомъ Университетѣ.

Профессоры Богословскаго Факультета издали слѣдующія сочиненія:

Профессоръ *Бушъ* напечаталъ Рѣчь, произнесенную имъ въ торжественномъ собраніи Университета по случаю торжества Восшествія на Престолъ благополучно царствующаго Государя Императора: «Die heiligen Zeiten Christlicher Unterthanen» (*Святыя времена Христіанскихъ подданныхъ*), и занимался редакціею издаваемой имъ Дерптской Евангелической Газеты, въ коей помѣстилъ статью, подъ заглавіемъ: *Богословскія отношенія въ Евангелической Церкви XVI, XVII и XVIII столѣтій* (Theologische Verhältnisse in der Evangelischen Kirche), которая представляетъ матеріалы для Исторіи нравовъ и Литературы этихъ вѣковъ, почерпнутыя изъ хранящагося въ Дерптской Библіотекѣ ненапечатаннаго собранія писемъ въ оригиналѣ.

Профессоръ *Сарторіусъ* напечаталъ второе изданіе своей книги: *Ученіе о лицѣ и дѣяніяхъ Христа Спасителя*, изложенное въ популярныхъ урокахъ (*Die Lehre von Christi Person und Werk*). *Гамбургъ* 1835.

Профессоръ *Вальтеръ* занимался составленіемъ статьи объ отношеніи знанія къ вѣрѣ въ Новѣйшемъ Богословіи. Статья эта предназначалась для третьяго тома издаваемаго Дерптскимъ Богословскимъ Факультетомъ сочиненія Beiträge zu den theologischen Wissen-

schaften, появленіе коего остановлено было болѣзнію и смертію Профессора Вальтера, послѣдовавшею 14 Декабря 1834 года.

Частный Преподаватель въ Богословскомъ Факультетѣ Докторъ *Кейль* издалъ свое библейско-археологическое изслѣдованіе *О мореплаваніи во времена Хирама и Соломона въ Офиръ и Ѳарсисъ.* (Ueber die Hiram-Salomonische Schiffahrt nach Ophir und Tarsis) *Дерптъ*, 1834, in-8°.

Члены Юридическаго Факультета напечатали слѣдующія сочиненія:

Профессоръ *Рейцъ* помѣстилъ въ Генварской и Февральской книжкахъ Дерптскихъ Лѣтописей статью объ Эймундовой Сагѣ, а въ Іюльской книжкѣ того же журнала рецензію на книгу: Опытъ Государственнаго Права Россійской Имперіи.

Профессоръ *Клоссіусъ* написалъ статью о Библіотекѣ Великаго Князя Василія II Іоанновича и Царя Іоанна Василіевича, которая была напечатана въ Журналѣ Министерства Народн. Просвѣщенія и въ Дерптскихъ Лѣтописяхъ въ Октябрской книжкѣ 1834. Онъ же написалъ Рѣчь о жизни и дѣяніяхъ Юстиніана, которая помѣщена въ сочиненіи: Торжество по случаю наступленія XIV вѣка существованія Институцій и Пандектовъ (Gedächtnissfeyer der 1300-jährigen Dauer der Gesetzeskraft der Institutionen und Pandecten).

Профессоръ *Брёкеръ*, кромѣ мелкихъ статей, помѣщенныхъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, написалъ Рѣчь о практической важности перевода на Нѣмецкій языкъ Свода Гражданскаго Права (Corpus Juris Civilis), помѣщенную къ вышеупомянутомъ сочиненіи: Торжество по случаю и проч.

Профессоръ *Бунге* написалъ пригласительную Рѣчь (Einladungsschrift) къ бывшему въ Дерптскомъ Универси-

шетѣ торжеству по случаю совершенія XIII вѣковъ Юстиніанову Кодексу. Эта Рѣчь имѣетъ предметомъ Римское Право въ Ост-Зейскихъ Губерніяхъ. Онъ помѣстилъ также слѣдующія статьи въ Дерптскихъ Лѣтописяхъ: 1) *Извѣстіе объ Историческомъ Введеніи въ Сводъ Законовъ Россійской Имперіи*, и 2) *Извѣстіе объ обоихъ Алфавитахъ къ Своду Россійскихъ Законовъ*. — Кромѣ того онъ постоянно занимался въ упомянутомъ журналѣ обзоромъ выходящихъ въ Россіи періодическихъ изданій, составлялъ литературно-статистическія статьи для Смѣси и помѣщалъ библіографическія извѣстія въ Дерптскихъ Лѣтописяхъ, коихъ былъ главнымъ Редакторомъ.

Профессоръ *Отто* описалъ торжество, бывшее въ Дерптскомъ Университетѣ въ память 1300-лѣтняго существованія Юстиніановыхъ Институцій. Это описаніе и застольная Рѣчь сего Профессора на Латинскомъ языкѣ, посвященная воспоминанію о знаменитѣйшихъ Писателяхъ по части Римскаго Права, помѣщены въ упомянутомъ сочиненіи: Gedächtnissfeyer der 1300-jährigen Dauer etc.

Члены Философскаго Факультета напечатали слѣдующія сочиненія:

Профессоръ *Замен* помѣстилъ въ V томѣ издаваемаго въ С. Петербургѣ Обществомъ Практическихъ Врачей сочиненія, двѣ статьи своего сочиненія: 1) *О состояніи погоды въ Дерптѣ съ 1828 по 1832*, составленную имъ вмѣстѣ съ Г-мъ Парротомъ, и 2) Ueber den Intestinaltyphus, и двѣ статьи въ Дерптскихъ Лѣтописяхъ: *О Медицинской Литературѣ въ Россіи* и *Извѣстіе о сочиненіи Доктора Тилинга* Ueber Syphilis und Syphiloid.

Профессоръ *Ратке* помѣстилъ слѣдующія статьи въ Запискахъ Императорской Академіи Наукъ: 1) *О сія-*

нія Чернаго Моря и о Блуменбаховой Океаніи (Oceania Blumenbachii); 2) *О находимыхъ на полуостровѣ Таманѣ окаменѣлыхъ* (fossile) *остаткахъ сосцепитающихся животныхъ;* въ Дерптскихъ Лѣтописяхъ: статью о Макрокефалахъ близъ Керчи и рецензію на книгу Профессора Куторги: Anatomia Scolopendrae morsitantis, на изданное Гг. Брандтомъ и Рацебургомъ сочиненіе о врачебныхъ животныхъ, и часть рецензіи на III-ю Часть Записокъ Общества Московскихъ Натуралистовъ.

Профессоръ *Гуэкъ* издалъ вторую Часть сочиняемой имъ учебной книги подъ названіемъ: «*Анатомія человѣка*» и помѣстилъ въ Дерптскихъ Лѣтописяхъ рецензію на сочиненіе Г-на Бартельса: Beitrag zur Physiologie des Gesichtssinnes (*Пособіе для Физіологіи зрѣнія*).

Кромѣ того должно замѣтить о слѣдующихъ особныхъ трудахъ Членовъ сего Факультета.

Профессоръ *Ратке* окончилъ третью Часть сочиняемой имъ Исторіи развитія человѣка и животныхъ, а равно и вторую тетрадь издаваемой имъ Miscellanea anatomicophysiologica, и теперь обработываетъ описаніе найденныхъ имъ въ Крыму животныхъ, которое будетъ издано С. Петербургскою Императорскою Академіею Наукъ. Сей же Профессоръ занимается большимъ сочиненіемъ о Сравнительной Анатоміи.

Профессоръ *Гуэкъ*, съ помощію обучающихся здѣсь Русскихъ Студентовъ, занимается переводомъ на Русскій языкъ составленной имъ учебной книги Анатоміи.

Профессоры *Мойеръ*, *Эрдманнъ*, *Замекъ* и *Вальтеръ* занимаются врачебными изслѣдованіями и совѣщаніями о мѣстныхъ и стороннихъ больныхъ; Профессоръ Эрдманнъ принялъ на себя дирекцію Библіотеки Казенныхъ Студентовъ (Kronsstipendiaten) и размѣщеніе Фарма-

кологическаго Музея, для коего по сіе время прибыло изъ С. Петербурга 11 ящиковъ съ 792 нумерами (вещами) и теперь можно надѣяться, что это собраніе будетъ въ полномъ видѣ въ 1835 году.

Профессоры и Преподаватели Философскаго Факультета напечатали слѣдующія сочиненія:

Профессоръ *Парротъ*: *Путешествіе на Араратъ Докт. Фридриха Паррота, совершенное въ сопровожденіи Кандидатовъ Макс. Бегагеля, Адлерсона, Юлія Гана и Карла Шиманна. Двѣ Части. Берлинъ*, 1834 г. Кромѣ того сей же Профессоръ помѣстилъ двѣ статьи въ Дерптскихъ Ученыхъ Лѣтописяхъ.

Профессоръ *Блумъ* помѣщалъ статьи: въ Журналѣ М. Н. П. — *Сказаніе о Семирамидѣ*, и въ Дерптскихъ Лѣтописяхъ — *Разборъ книги Брауншвейга: Очеркъ Всеобщей Исторіи Народовъ*, и статью подъ заглавіемъ: *Къ Сѣвернымъ Антикваріямъ* (An die Alterthumsforscher des Nordens).

Профессоръ *Моргенштернъ* издалъ Scholae semestres etc. Inest Caroli Morgensternii prolusio, continens recensionem numorum Imperatorium aeneorum a Nerva usque ad Fausti, num majorem, qui in Museo Academico servantur; и кромѣ того помѣстилъ двѣ статьи въ Дерптскихъ Лѣтописяхъ: 1) *Художественныя извѣстія изъ С. Петербурга* и 2) *Дерптскій Музей, дополненіе къ общему отчету Дерптскаго Университета за 1833 годъ*.

Профессоръ *Ледебуръ* издалъ Icones plantarum, floram Rossicam imprimis Altaicam illustrantes. Centuria V.

Профессоръ *Струве* помѣстилъ нѣсколько статей въ издаваемыхъ Шумахеромъ Астрономическихъ Извѣстіяхъ.

Профессоръ *Крузе* выпустилъ въ свѣтъ новое изданіе *Атласа для Древней Исторіи Европейскихъ Государствъ, сочин. Проф. Крузе, Галле* 1834. При семъ

помѣщалъ статьи въ Журн. М. Н. Пр. и въ Дерптскихъ Лѣтописяхъ.

Профессоръ *Гёбель* помѣщалъ статьи въ Ж. М. Н. Пр. и въ Дерптскихъ Лѣтописяхъ.

Профессоръ *Фридлендеръ* напечаталъ статью въ Дерптскихъ Лѣтописяхъ и въ Foreign Quarterly Review.

Профессоръ *Шмальцъ* помѣстилъ нѣсколько статей въ Земледѣльческой Газетѣ, издаваемой отъ Министерства Финансовъ.

Профессоръ *Нейе* помѣщалъ статьи по части критики въ Дерптскихъ Лѣтописяхъ.

Частный Преподаватель *Траутфеттеръ* помѣстилъ въ Дерптскихъ Лѣтописяхъ рецензію на три сочиненія по части Ботаники.

О прочихъ особенныхъ трудахъ Преподавателей сего Факультета должно замѣтить слѣдующее.

Профессоръ *Блумъ* въ 1834 году занимался преимущественно окончаніемъ большаго сочиненія о Геродотѣ и Ктезіи, первѣйшихъ Историкахъ Востока, и обработалъ нѣкоторыя еще не напечатанныя статьи для Дерптскихъ Лѣтописей.

Профессоръ *Парротъ* зимою 1834 года читалъ нѣсколько времени приватныя лекціи Физики для просвѣщенной публики.

Профессоръ *Ледебуръ* продолжалъ заниматься упомянутымъ въ отчетѣ за 1833 годъ изданіемъ: Nomenclatura Florae Sibiricae ab F. G. et S. G. Gmelino editae.

Профессоръ *Бартельсъ* занимается очисткою матеріаловъ для втораго и третьяго томовъ печатаемыхъ имъ лекцій своихъ о математическомъ анализѣ.

Профессоръ *Шмальцъ* управлялъ Земледѣльческою Школою, учрежденною въ Альтъ-Кустгофѣ.

Профессоръ *Нейе* продолжалъ заниматься собраніемъ оставшихся отъ Греческихъ Лириковъ сочиненій (Sammlung der Ueberreste der Griechischen Lyriker).

Частный Преподаватель *Траутфеттеръ* занимался изслѣдованіемъ семействъ растенія der Pinien и составилъ о томъ статью, которая уже была изготовлена къ печатанію.

Докторъ *Гофманнъ* продолжалъ начатый имъ анализъ многихъ родовъ минеральнаго царства, а Частный Преподаватель Докторъ *Моръ* занимался составленіемъ полнаго указателя къ Горацію и сочиненіемъ Гораціанской Грамматики.

IV.

ИЗВѢСТІЯ

ОБЪ

ИНОСТРАННЫХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ.

СОСТОЯНІЕ УЧЕБНОЙ ЧАСТИ ВЪ ВИРТЕМБЕРГСКОМЪ КОРОЛЕВСТВѢ.

О всеобщихъ постановленіяхъ относительно народнаго образованія и Народныхъ Школъ.

Постановленія, опредѣляющія учрежденіе и устройство народныхъ Школъ, а также и ходъ народнаго образованія вообще, можно соединить подъ слѣдующими тремя вопросами:

1) На кого возложено попеченіе о народномъ образованіи?

2) Гдѣ и какъ заведены и устроены школы?

3) Какія родятся изъ сего обязанности для родителей и дѣтей?

Сими вопросами опредѣляется содержаніе настоящей статьи.

ГЛАВА I.

О Правительственныхъ Мѣстахъ, завѣдывающихъ народнымъ образованіемъ, и лицахъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ Народнымъ Школамъ.

Образованіе народа въ Виртембергѣ тѣсно соединено съ Религіею, а посему и Нѣмецкія, т. е. Народныя Училища находятся въ тѣсной связи съ Церковію. Какъ въ Церкви, такъ и въ Народныхъ Школахъ Христіанская Религія должна быть главнымъ, необходимымъ, важнѣйшимъ предметомъ. «Школы должны служить не только приготовленіемъ къ гражданской жизни, но и быть жилищами или нивами и (Werustälten) Святаго Духа, обителями, въ которыхъ дѣти настављаются и возрастаютъ въ страхѣ Господнемъ, преддверіемъ святилища, т. е. Церкви, разсадниками всякаго блага, родящагося для Церкви, вмѣстѣ съ возрастающимъ поколѣніемъ. Значительная часть ученія состоитъ въ приготовленіи къ общественному Богослуженію въ Церкви, а также и Богослуженіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ состоитъ собственно въ обученіи дѣтей.

Посему тѣ же Правительственныя Мѣста, которымъ ввѣрено управленіе церковными дѣлъ, завѣдываютъ и Народными Школами; а также и лица дѣйствующія, надзирающія и проч. въ Училищахъ почти всегда имѣютъ соотвѣтственное служеніе въ Церкви.

Главное управленіе Нѣмецкихъ или Народныхъ Школъ, равно какъ и всѣхъ прочихъ Учебныхъ Заведеній, принадлежитъ Министерству Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія. Сіе Министерство соединено съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ.

Отъ него зависитъ по Протестантской части

Евангелическая Консисторія, состоящая изъ одного Директора, 5-хъ свѣтскихъ и 3-хъ Духовныхъ Совѣтниковъ, одного свѣтскаго и одного Духовнаго Ассессора, 2-хъ Секретарей, одного Регистратора, одного Ревизора и 3-хъ Канцеляристовъ. Сія Консисторія непосредственно завѣдываетъ Нѣмецкими Евангелическими Школами.

Предметы ея дѣйствованія суть: правленіе Церкви и Училищъ вообще, въ частности же храненіе ученія Церкви, Богослуженія, церковныхъ обрядовъ и постановленій, испытаніе Духовныхъ (Пасторовъ) и народныхъ Учителей; замѣщеніе праздныхъ мѣстъ при церквахъ и Школахъ посредствомъ представленія, назначенія или утвержденія кандидатовъ; надзираніе надъ служеніемъ и поведеніемъ Духовныхъ и Учителей, попеченіе о храненіи строеній, т. е. церквей, Пасторскихъ домовъ и Школъ, надзираніе надъ Учительскими Семинаріями и другими Учебными Заведеніями.

Осенью каждаго года собираются въ Штутгартѣ 6 Генералъ-Суперинтендентовъ или Прелатовъ Виртембергскаго Королевства, и соединясь съ Консисторіею, составляютъ Евангелическій Синодъ, который, разсматривая присланныя отъ Декановъ и сопровождаемыя ихъ замѣчаніями донесенія Духовныхъ, также рапорты Директоровъ Учительскихъ конференцій разсуждаетъ о состояніи Церквей и Училищъ, ихъ потребностяхъ и недостаткахъ, и о средствахъ къ удовлетворенію первыхъ и устраненію послѣднихъ. Предъ закрытіемъ засѣданій Синодъ предлагаетъ свои опредѣленія чрезъ Министерство на утвержденіе Королю, а потомъ разсылаетъ ихъ для всеобщаго наблюденія и исполненія.

Изъ сихъ двухъ Мѣстъ, т. е. Консисторіи и Синода выходятъ всѣ постановленія и учрежденія для Народныхъ Школъ Евангелическаго Исповѣданія.

Католическія Народныя Училища подлежатъ вѣдѣнію Католическаго Верховнаго Церковнаго Совѣта (Oberkirchenrath), который составленъ почти точно также, и находится въ такомъ же отношеніи къ Министерству Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, какъ и Евангелическая Консисторія.

Сиротскіе Домы, а также Институты Слѣпыхъ и Глухонѣмыхъ подчинены особенной Коммиссіи Воспитательныхъ Домовъ, зависящей непосредственно отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и состоящей изъ одного Предсѣдателя, 3-хъ Постоянныхъ (Ординарныхъ) и одного Чрезвычайнаго Члена. Школы рукодѣлія для обоего пола состоятъ подъ главнымъ вѣдѣніемъ благотворительнаго Общества, учрежденнаго въ 1817 году, по плану, начертанному блаженной памяти Королевою Екатериною Павловною. Школы Реальныя и Ремесленническія подлежатъ Королевскому Училищному Совѣту (Studienrath).

Здѣсь не безполезно ближе познакомиться съ лицами и собраніями, имѣющими непосредственное отношеніе къ Училищамъ.

1) Прежде всего здѣсь представляется *Учитель*. Въ отличіе отъ Учителей въ другихъ высшихъ Заведеніяхъ (Praeceptores, Professores) онъ называется Школьнымъ Учителемъ (Schullehrer, Schulmeister). Его названіе показываетъ уже его должность. Но кромѣ того съ званіемъ Учителя Народной Школы почти всегда соединена должность органиста или кантора въ церкви. Гдѣ же сіи двѣ должности раздѣлены; тамъ на мѣста органистовъ или канторовъ опредѣляются почти всегда лица, по своему воспитанію приготовившіяся въ учительской должности. Такимъ образомъ Учитель Школы участвуетъ въ семъ отношеніи въ исправленіи Богослуженія. Бо́льшая часть учительскихъ

ність соединены еще съ должностію церковнослужителя (Меßner): Въ семъ качествѣ Учитель Народной Школы обязанъ пещись о церкви и о томъ, что принадлежитъ къ Богослуженію, сопровождать Духовнаго при его требахъ, смотрѣть за чистотою въ церкви и благочиніемъ во время Богослуженія. Учитель можетъ иногда и самъ исправлять Богослуженіе, исключая совершеніе Таинствъ. Сіе доказывается слѣдующимъ древнимъ предписаніемъ: Обыкновенные молитвенные часы въ главныхъ церквахъ прихода должны быть исправляемы не Учителями или церковнослужителями, но самими Духовными. Напротивъ въ деревняхъ, принадлежащихъ къ главному селенію въ приходѣ (Filialörte) Учители могутъ отправлять, сообразно обыкновенію, еженедѣльные молитвенные часы, а частію и вечернія чтенія; въ семъ случаѣ они должны стоять не на каѳедрѣ, но или позади олтаря, или у органа, а также не отступать отъ Литургіи (отъ того, что написано въ служебникахъ, тогда какъ Пасторы могутъ дѣлать различныя отступленія и перемѣны, судя по обстоятельствамъ).

Во многихъ Школахъ Учители имѣютъ помощниковъ, которые называются Провизорами.

2) *Мѣстный Духовный* или *Пасторъ* есть ближайшій, и такъ сказать, естественный надзиратель Училищъ въ своемъ приходѣ. Обученіе дѣтей въ Религіи, и вообще ихъ нравственное и Христіанское образованіе составляетъ особенную и важнѣйшую часть его служенія. Посему онъ долженъ самъ преподавать Катихизисъ и на сіе посвящать нѣсколько часовъ въ недѣлю. Въ Евангелическихъ приходахъ приготовленіе дѣтей къ конфирмаціи, т. е. подробнѣйшее наставленіе старшихъ дѣтей въ ученіи и Законѣ Христіанскомъ, исключительно лежитъ на Духовныхъ и совершается въ Школѣ, въ которую они для сего въ теченіи нѣ-

сколькихъ мѣсяцевъ ходятъ по два или по три раза въ недѣлю. Но и кромѣ уроковъ, Духовный обязанъ посѣщать Школу каждую недѣлю по крайней мѣрѣ два раза; при чемъ Правительство ожидаетъ отъ собственной ревности Духовныхъ, что они не удовольствуются двумя посѣщеніями въ недѣлю, но будутъ ходить въ Школу столь часто, какъ только сіе совмѣстно съ ихъ прочими занятіями. При сихъ посѣщеніяхъ они имѣютъ предметомъ смотрѣть за ходомъ ученія и учебнымъ благочиніемъ, открывать недостатки и потребности Школы, и вообще стараться о исправности и усовершеніи оной. Сюда принадлежитъ надзираніе надъ Учителями и ихъ методою. Духовный смотритъ, точно ли они слѣдуютъ предписанному плану уроковъ; помогаетъ имъ совѣтами и наставленіями, ободреніемъ и содѣйствіемъ; онъ избираетъ приличныя матеріи для упражненій въ письмѣ, также приличнѣйшія мѣста изъ Библіи для чтенія (въ Евангелическихъ Школахъ), побуждаетъ дѣтей къ прилежанію и внимательности, повторяетъ и изъясняетъ выученное и испытываетъ ихъ. Особливо же Духовный обращаетъ вниманіе на небрежныхъ учениковъ и смотритъ за опущеніями и отлучками, чтобы изъ соображенія частныхъ случаевъ тѣмъ удобнѣе найти надлежащія мѣры къ ихъ пресѣченію. Кромѣ сего, Духовные обязаны смотрѣть за частнымъ поведеніемъ Учителей, стараться о ихъ дальнѣйшемъ образованіи и вящшей исправности въ прохожденіи должности.

3) *Церковное Собраніе*. Родители, коихъ дѣти находятся въ Школѣ, а потому и самые приходы, не могутъ быть равнодушны къ ней. Ибо правственное, а посему и внѣшнее благосостояніе приходовъ весьма много зависитъ отъ воспитанія и образованія возрастающаго поколѣнія. Вотъ почему и самый міръ или приходъ имѣетъ и право и обязанность надзиранія надъ

Школою, тѣмъ паче, что Духовный непосредственно занимается только учебною и нравственною частію, а въ полицейскомъ и экономическомъ отношеніи не можетъ дѣйствовать на оную самъ по себѣ. Участіе приходовъ въ надзираніи надъ Школами сосредоточивается въ такъ называемомъ *Церковномъ Собраніи* (Kirchen-Convent), составленномъ изъ мѣстныхъ Духовныхъ, если находятся многіе, Начальника селенія или города, и нѣсколькихъ Членовъ Мірскаго Совѣта (Gemeinde-Rath). Церковное Собраніе имѣетъ цѣлію вообще соблюденіе нравственнаго, церковнаго и училищнаго благочинія въ своемъ селеніи или городѣ; особливо же по отношенію къ Школѣ обязано смотрѣть, чтобы всѣ дѣти въ назначенномъ возрастѣ поступали, и потомъ неупустительно ходили въ нее; смотрѣть за исполненіемъ предписаній, касающихся Школы, открывать недостатки и внѣшнія препятствія къ исправности оной, и предпринимать мѣры къ ихъ устраненію; помогать прилежнымъ и искуснымъ Учителямъ и ободрять ихъ, слабыхъ же и недѣятельныхъ побуждать къ исполненію своего долга.

Въ Католическихъ мѣстахъ имѣются особенныя *Училищныя Коммиссіи*, точно такимъ же образомъ составленныя, какъ и Церковныя Собранія, но занимающіяся только одними Школами.

4. *Деканъ*, Смотритель благочинія по Духовной части въ своемъ городѣ и округѣ есть высшій надзиратель Народныхъ Школъ въ ономъ. Посѣщая каждую церковь черезъ два года, онъ долженъ вмѣстѣ внимательнѣйшимъ образомъ осматривать и Училища во всякомъ селеніи и на сіе употреблять по крайней мѣрѣ 3—4 часа послѣ обѣда. Предметы, на которые онъ долженъ обращать вниманіе, суть: 1) Личность Учителей, ихъ дарованія и познанія, дѣятельность и точность въ прохожденіи должности, стараніе о дальнѣй-

шемъ образованія; метода и дисциплина, поведеніе въ отношеніи къ Духовнымъ, начальникамъ и жителямъ селенія, и вообще ихъ жизнь. Для сего Деканъ спрашиваетъ начальниковъ селеній и выборныхъ, довольны ли они поведеніемъ и службою Учителя. 2) Число учащихся, ихъ успѣхи. 3) Состояніе Школы, ея улучшеніе или пониженіе въ послѣдніе два года, и какіе предметы преподаются съ хорошимъ, какіе съ слабымъ успѣхомъ. 4) Опущеніе уроковъ или отлучки учениковъ; какія средства мѣстное Правительство употребляетъ противъ оныхъ. 5) Попеченіе Пастора о исправности Школы; его надзоръ, число уроковъ въ Религіи, данныхъ имъ, а также число еженедѣльныхъ посѣщеній въ теченіи двухъ лѣтъ. 6) Исполненіе всеобщихъ постановленій и частныхъ предписаній относительно Училищъ. 7) Состояніе Школы Трудолюбія, есть ли таковая имѣется при Нѣмецкой Школѣ. 8) Состояніе училищной кассы и ея употребленіе. 9) Особенныя предложенія, желанія или жалобы касательно учрежденій, построекъ въ Школѣ, покупокъ для оной, пособія бѣднымъ ученикамъ и проч.— Но и кромѣ сихъ посѣщеній, Деканъ обращаетъ вниманіе на всѣ Школы своего округа, освѣдомляется объ оныхъ отъ мѣстныхъ Пасторовъ, помогаетъ симъ, гдѣ требуется, совѣтами, содѣйствіемъ, распоряженіями; доноситъ ежегодно Генералъ-Суперинтенденту или прямо въ Консисторію о состояніи каждой Школы, также о Пасторахъ и Учителяхъ, именно ихъ усердіи и дѣятельности по отношенію къ Школѣ.

Въ Католической части Деканы при посѣщеніи церквей посѣщаютъ и Школы, и спрашиваютъ мѣстныхъ Пасторовъ обо всемъ касающемся до оныхъ; отъ завѣдыванія же Школами уволены, а на мѣсто ихъ опредѣлены для сего особенные *Инспекторы Народныхъ Школъ* изъ отличнѣйшихъ Пасторовъ. Кругъ дѣйство-

ванія сихъ Инспекторовъ есть тотъ же, что и Евангелическихъ Декановъ по отношенію къ Школамъ, съ тѣмъ различіемъ, что они обязаны посѣщать каждую Школу ежегодно, по крайней мѣрѣ одинъ разъ. Рапорты свои они отправляютъ въ Католическій Церковный Совѣтъ. Сіе учрежденіе предпочитается Евангелическому, потому что рѣдко одно лице совмѣщаетъ въ себѣ всѣ качества, потребныя въ различныхъ и отчасти разнородныхъ частяхъ службы; Деканы имѣютъ много дѣла, всякой по своему приходу; кромѣ того, они должны заниматься дѣлами собственно Духовными своего округа; а посему можетъ случиться, что отправленіе третьей и важной должности надзирателя надъ Училищами сопряжено будетъ съ неисправностію въ той или другой части служенія.

Правда, и для Евангелическихъ Школъ имѣются особенные Инспекторы; именно сіе бываетъ только въ городахъ. Но таковые Инспекторы замѣняютъ не Декановъ, а Пасторовъ, и назначаются какъ въ облегченіе сихъ, такъ и потому, что въ городахъ иногда не льзя опредѣлить, какая Школа принадлежитъ къ тому или другому приходу.

5. Здѣсь должно также упомянуть о *Директорахъ Учительскихъ Конференцій*. Для дальнѣйшаго образованія Учителей и Провизоровъ предписано, чтобы всѣ Учители одного округа собирались вмѣстѣ четыре раза въ годъ. Для управленія занятіями въ сихъ собраніяхъ избираются и утверждаются искуснѣйшіе и опытнѣйшіе въ педагогической части Пасторы, которыхъ можетъ быть 1—4 въ округѣ, судя по величинѣ онаго. Они-то называются Директорами Учительскихъ Конференцій. О занятіяхъ ихъ подробнѣе послѣ.

ГЛАВА II.

О учрежденіи и устроеніи Школъ.

Когда дѣло идетъ о образованіи народа, то первѣйшею потребностію представляется учрежденіе общественныхъ школъ. Оно составляетъ и первую трудность, послѣ которой все прочее сдѣлается удобнѣе.

Въ Виртембергѣ сія трудность давно побѣждена. Уже прошли столѣтія съ тѣхъ поръ, какъ заведены школы. Теперь нѣтъ ни одного церковнаго прихода безъ Училища. Но сего не довольно. Требуется, чтобы во всякомъ мѣстѣ была устроена особенная школа, гдѣ только находится значительное число гражданъ, и гдѣ міръ или всѣ обыватели имѣютъ достаточныя средства къ построенію и содержанію оной. Посему не только селенія, составляющія особливые приходы и также главныя въ приходахъ, состоящихъ изъ многихъ деревень (Mutterorte), но и деревни, приписанныя въ приходъ къ другимъ селеніямъ (Filialien), должны имѣть особенную школу, если имѣются къ тому средства. Деревни, которыя не могутъ содержать отдѣльной школы, имѣютъ общую съ другими ближайшими деревнями. Если и сіе невозможно, то онѣ должны имѣть по крайней мѣрѣ общаго Учителя, или постояннаго помощника (Provisor) сосѣдственнаго Учителя. Сей Учитель или помощникъ ходитъ въ каждую изъ онымъ деревень по два или по три раза въ недѣлю для обученія тамошнихъ дѣтей.

Въ городахъ и многолюдныхъ селеніяхъ имѣются, судя по числу дѣтей, многія школы и большею частію такъ, что нѣкоторыя назначены для мальчиковъ, другія для дѣвицъ особенно.

Заведеніе школъ, ихъ содержаніе и отопленіе и пр. падаетъ на мірскій счетъ. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ Правительство дѣлаетъ нужное вспоможеніе, особливо на построеніе оныхъ; отопленіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по особеннымъ причинамъ бываетъ со стороны Учителя.

Положеніе училищныхъ домовъ, ихъ величина и внутреннее расположеніе различны по различію мѣстныхъ обстоятельствъ. Впрочемъ вездѣ обращается вниманіе на удобность для ученія и здоровья учащихъ и учащихся. Естьли училищный домъ или училищныя комнаты тѣсны, темны, не здоровы или ветхи, то мѣстный Пасторъ, Церковное Собраніе или Коммиссія Училищная и далѣе Деканъ или Инспекторъ Школъ, по снесеніи со свѣтскимъ Начальствомъ, обязаны приложить дѣятельное стараніе о починкѣ; и если требуется большая постройка, доносить о томъ далѣе съ приложеніемъ плана и смѣты.

Естьли въ одной школѣ находятся многіе Учители, то для каждаго изъ нихъ, а также естьли можно и для каждаго пола, должна быть отведена особенная комната, ни къ чему другому не назначенная, кромѣ ученія. Гдѣ же сіе невозможно, тамъ по крайней мѣрѣ уроки разныхъ Учителей не должны быть въ одно время, напротивъ должно раздѣлить учениковъ на классы, и тогда каждый Учитель учитъ отдѣльно.

Обыкновенно сіе бываетъ такъ, что ежели Учитель школы имѣетъ одного или многихъ Провизоровъ: то они дѣлятъ учениковъ по классамъ и возрасту; при чемъ дѣти мужескаго и женскаго пола равнаго возраста находятся въ одной комнатѣ, только сидятъ на разныхъ сторонахъ.

Училищные домы построены большею частію такъ, что они содержатъ вмѣстѣ и жилища для Учителей съ ихъ семействами и Провизорами.

Чтобы дать ясное понятіе о внутреннемъ устроенія учебныхъ комнатъ, не безполезно исчислить всѣ предметы, представляющіеся при входѣ въ оныя:

1) Мѣста для учащихся. Они составляютъ двѣ колонны длинныхъ столовъ съ принадлежащими къ нимъ скамьями, поставленныхъ въ нѣсколько рядовъ одинъ за другимъ. На одной сторонѣ сидятъ мальчики, на другой дѣвицы; между сими двумя сторонами или колоннами находится пустое пространство для прохода. Столы поставлены одинъ въ такомъ разстояніи, чтобы и ученики могли безъ помѣхи другимъ сзади пройти на свое мѣсто и Учителю удобно было подойти къ каждому изъ нихъ. Длина столовъ такова, что 5—6 учениковъ безъ тѣсноты могутъ рядомъ помѣститься и писать. Ихъ поверхность была прежде горизонтальная, но съ 1811 года предписаны и заведены письменные столы (subsellia) въ видѣ продолговатыхъ налоевъ, съ отлогою для письма доскою и полкою внизу для тетрадей, книгъ и другихъ вещей, съ которыми ученики должны приходить въ школу. На высшей части доски сдѣланы два или три прорѣза для чернильницъ.

Впрочемъ должно замѣтить, что размѣщеніе столовъ не всегда бываетъ одинаково. Иногда вмѣсто двухъ колоннъ находятся три, т. е. одна большая въ срединѣ, напр. для дѣвицъ, а мальчики сидятъ на двухъ меньшихъ, по сторонамъ у стѣнъ. Иногда не всѣ столы переднею стороною обращены въ ту же сторону, но нѣкоторые у стѣнъ поставлены фронтомъ, въ бокъ среднимъ.

2) Столъ и стулъ для Учителя на нѣкоторомъ возвышеніи, или каѳедра. Мѣсто для оной избирается такое, чтобы Учитель имѣлъ предъ глазами всѣхъ учениковъ своихъ.

3) Шкафъ для книгъ и прочихъ вещей, принадлежащихъ Школѣ. Иногда мѣсто для Учителя такъ

устроено, что какъ столъ, такъ и скамья, на которой онъ сидитъ, имѣютъ шкафы.

4) Черныя доски на стѣнѣ или станкахъ. Одна изъ нихъ служитъ при обученіи письму. На сей конецъ проведены на оной красною краскою линіи, означающія строки и границы строкъ, точно такъ же, какъ линуютъ на бумагѣ для начинающихъ учиться писать. Другая служитъ при обученіи пѣнію. На оной проведено также красною краскою нѣсколько графъ или нотныхъ систем (portée), для писанія нотъ. Заднія стороны обѣихъ досокъ для ариѳметическихъ упражненій и другихъ примѣровъ всѣ черныя.

5) Таблицы, повѣшенныя или прибитыя на стѣнахъ въ разныхъ мѣстахъ, какъ-то: училищные законы, стѣнные буквари, планъ уроковъ, а иногда также ландкарты.

Учебныя книги, также и другія вещи нужныя Учителю при обученіи, доставляются въ школу на счетъ мѣстныхъ суммъ. Точно также учебныя книги, аспидныя доски и пр. для бѣдныхъ учениковъ. Суммы сіи суть: 1) мірская или общественная казна, 2) касса благотворительныхъ подаяній (pium corpus). Обыкновеніе дѣлать подаянія и завѣщанія для Богоугодныхъ цѣлей, ведетъ свое начало отъ Католическихъ временъ, и доселѣ сохраняется. При всякомъ приходѣ имѣются большія или меньшія суммы, составленныя изъ таковыхъ пожертвованій, и называются *святыя суммы* (Heiligen-Fonds). Храненіе оныхъ препоручено особенному Смотрителю (Heiligen-Pfleger). Проценты изъ оныхъ употребляются, во-первыхъ, на церковныя издержки, во-вторыхъ, на вспоможеніе бѣднымъ въ приходѣ, и также для школы. 3) Кромѣ сего, во всякомъ приходѣ или селеніи заведена *мѣстная училищная казна*. Оная употребляется на покупку учебныхъ книгъ и другихъ вещей, въ награду прилежнымъ и благонравнымъ ученикамъ, на заведеніе Библіотекъ въ пользу учащихъ, учащихся и

всего селенія, на вспоможеніе бѣднымъ Учителямъ, и если можно, и на другія училищныя потребности. Сія сумма составляется: a) изъ частныхъ пожертвованій для школы; b) изъ денежныхъ пеней за опущеніе уроковъ; c) всякой ученикъ, выходящій изъ Первоначальной Школы, исключая бѣдныхъ, за коихъ училищныя деньги вносятся изъ общественной казны, вноситъ въ оную 30 крейцеровъ, и наконецъ d) въ Евангелическихъ селеніяхъ существовало прежде годичное испытаніе конфирмованнаго, но еще не вступившаго въ бракъ юношества обоего пола, около Троицына дня: причемъ испытываемые получали награжденія. Сіе испытаніе оставлено, а издержки за оное вносятся ежегодно изъ мѣстной казны въ училищную кассу. Управленіе сею кассою и ея употребленіе предоставлено вѣдѣнію Пастора, который даетъ о томъ отчеты Декану или Инспектору Школъ.

ГЛАВА III.

О обязанностяхъ родителей и дѣтей по отношенію къ школѣ.

Каждое дитя мужескаго и женскаго пола, достигшее опредѣленнаго законами возраста, должно поступать въ общественную школу въ своемъ селеніи. Если нѣкоторые родители хотятъ, чтобы ихъ дѣти были обучаемы въ ихъ домѣ Частными Учителями, и не ходили въ общественную школу: то сіе не воспрещается; только о семъ должно напередъ объявить Пастору. Между тѣмъ въ Частные Учители принимаются только такія лица, которыя испытаны вышедшимъ Училищнымъ Начальствомъ и признаны отъ него способными къ обученію. Сіи Учители должны быть подъ надзоромъ Декановъ или Инспекторовъ Учи-

лицъ, да и дѣти, ими обучаемыя, когда кончатъ ученіе или хотятъ поступить въ другія Училища, должны являться къ лицамъ, завѣдывающимъ мѣстною общественною школою.

Возрастъ, опредѣленный законами для поступленія въ школу, есть шестилѣтній. Впрочемъ для порядка и единства въ обученіи требуется, чтобы дѣти принимаемы были въ школу не порознь и въ разныя времена, а всѣ вмѣстѣ и въ одно время. Въ Евангелическихъ селеніяхъ сіе бываетъ весною, въ Георгіевъ день, а въ Католическихъ осенью 1 Ноября. Посему и въ законномъ возрастѣ считаются не только дѣти, коимъ уже минуло, но и тѣ, которымъ въ томъ же году исполнится шесть лѣтъ.

Принятіе новыхъ учениковъ сопровождается въ Католическихъ мѣстахъ слѣдующими обрядами: отецъ, или мать, или опекунъ приводятъ дитя въ школу и представляютъ его Пастору и Учителю, которые уже ихъ ожидаютъ въ оной. Пасторъ дѣлаетъ краткое привѣтствіе какъ дитяти, такъ и приведшимъ его; и когда всѣ дѣти будутъ представлены, все собраніе идетъ въ церковь и послѣ Богослуженія опять возвращается въ школу. Тогда Учитель прочитываетъ училищные законы о поведеніи учениковъ, а Пасторъ дѣлаетъ краткія замѣчанія на оные, и послѣ отпускаетъ собраніе.

Родители, не брегущіе о должномъ воспитаніи дѣтей своихъ, могли бы иногда извиняться незнаніемъ, что ихъ дѣти уже достигли возраста, назначеннаго для поступленія въ школу. Чтобы отнять у нихъ сіе извиненіе, Духовные обязаны составлять по приходскимъ книгамъ о родившихся списокъ всѣмъ дѣтямъ, которымъ или уже минуло или скоро совершится 6 лѣтъ. Сей списокъ прочитывается въ церкви съ каѳедры послѣ проповѣди, въ послѣднее Воскресенье, передъ днемъ

пріема новыхъ учениковъ. Если бы послѣ сего нѣкоторые родители воспротивились и не хотѣли отдавать дѣтей своихъ въ школу: то, въ случаѣ нужды, должно ихъ принуждать къ тому противъ ихъ воли. Впрочемъ не извѣстно, чтобы таковое принужденіе нынѣ гдѣ нибудь дѣйствительно требовалось.

Здѣсь не должно опустить безъ вниманія предписанія Правительства, чтобы предъ принятіемъ въ школу каждаго дитяти представлено было свидѣтельство законнаго Врача о томъ, что оно уже имѣло или естественную или коровью оспу.

Долгъ обученія дѣтей лежитъ на родителяхъ точно такъ же, какъ и долгъ тѣлеснаго воспитанія и воскормленія. Посему, съ обязанностію отдавать дѣтей въ школу, родители, кромѣ необходимости доставлять имъ книги, бумагу и проч., также обязаны платить за ученіе и школу (Schulgeld). Въ Католическихъ Школахъ за каждое дитя должно платить зимою два крейцера, а лѣтомъ одинъ кр. въ недѣлю; гдѣ прежде платили болѣе, тамъ сіе остается по прежнему. Для Евангелическихъ Школъ нѣтъ постояннаго и общаго предписанія касательно сей платы: посему она въ различныхъ селеніяхъ и школахъ различна. Мѣстное Начальство можетъ, въ случаѣ нужды, возвысить оную по своему усмотрѣнію, испросивъ и получивъ на то позволеніе отъ Консисторіи. Изъ сравненія разныхъ школъ открывается, что самою высокою платою можно положить 1 гульденъ, а меньшею 11 крейц. за одно дитя въ годъ. Сіи деньги принадлежатъ Учителю и составляютъ часть его жалованья. Поелику собираніе оныхъ можетъ быть сопряжено съ непріятностями для Учителей, то Евангелическая Консисторія предписала, чтобы оныя были собираемы, отъ кого слѣдуетъ, Бургомистрами и выдаваемы Учителямъ каждую четверть года непремѣнно. При семъ замѣчает-

ся, что опущенія и отлучки не освобождаютъ отъ платежа сихъ денегъ. За бѣдныхъ дѣтей оныя вносятся изъ суммы Богоугодныхъ подаяній или изъ мірской казны.

Въ Католическихъ мѣстахъ сіи деньги не собираются порознь отъ родителей, но какъ мірская обязанность переведены на весь приходъ. Многіе желаютъ, чтобы то же самое было введено и въ Евангелическихъ селеніяхъ. Хорошее состояніе школъ и содержаніе исправныхъ Учителей посредственнымъ или непосредственнымъ образомъ полезно для всего прихода; вообще школы суть такія Заведенія, которыми всѣ люди въ приходѣ пользуются или дѣйствительно, или въ последствіи отъ одного поколѣнія къ другому; несправедливо, чтобы весь платежъ за ученье падалъ только на родителей, имѣющихъ много дѣтей, и которые по сей самой причинѣ обыкновенно скуднѣе прочихъ; люди бездѣтные, и потому болѣе зажиточные, должны также участвовать въ платежѣ за школу, потому что отъ сего нѣтъ для нихъ большаго отягощенія, а напротивъ и для нихъ полезно, когда дѣти бѣдныя образуются.

Дѣти, поступившія въ школу обучаются во весь годъ, впрочемъ такъ, что зимою употребляется на то болѣе времени, нежели лѣтомъ, потому что въ сіе время года они должны помогать своимъ родителямъ въ полевыхъ работахъ. Посему Народныя Школы раздѣляются на Зимнія и Лѣтнія.

Зимнее ученіе начинается 11 (у Католиковъ 3) Ноября и продолжается до Георгіева дня. Открытіе онаго объявляется въ Лютеранскихъ селеніяхъ за недѣлю, въ церкви, съ каѳедры: при чемъ убѣдительно внушается родителямъ исправно посылать дѣтей въ оную. Исключая Воскресные и праздничные дни, дѣти ежедневно обучаются какъ до обѣда, такъ и послѣ обѣда; только въ Среду и Субботу послѣ обѣда бываетъ вакація, а также иногда послѣ обѣда наканунѣ большихъ Праздниковъ.

Учебныхъ часовъ назначено 5 въ день; именно по утру отъ 8-ми до 11-ти, и послѣ обѣда отъ 12-ти до 3-хъ часовъ; у Католиковъ положено 6 часовъ, 3 до обѣда вмѣстѣ съ церковію, въ которую дѣти въ нѣкоторыхъ мѣстахъ должны ходить каждый день, и 3 послѣ обѣда.

Лѣтомъ напротивъ ученіе бываетъ у Католиковъ по крайней мѣрѣ три раза въ недѣлю: въ Понедѣльникъ, Среду и Пятницу; и притомъ, если можно, всегда по утру. Ученіе начинается въ 6 часовъ для старшихъ дѣтей, и продолжается до 8-ми; тогда сіи дѣти отпускаются, другіе, младшіе, приходятъ и обучаются отъ 9 до 11-ти часовъ. А гдѣ прежде вмѣсто 3-хъ разъ ходили въ школу 4 раза въ недѣлю, тамъ должно оставаться при прежнемъ. При семъ предоставлено сужденію Пасторовъ и Училищныхъ Инспекторовъ, не лучше ли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ходить въ школу не по утру, а послѣ обѣда, или одному классу прежде, другому послѣ обѣда, только бы число часовъ при семъ не было уменьшено.

Въ Евангелическихъ селеніяхъ предписано лѣтомъ употреблять вообще 4 часа въ день на ученіе, также по отдѣленіямъ, такъ чтобы каждое отдѣленіе училось по крайней мѣрѣ два часа, и сіе должно быть по утру. Ученіе бываетъ ежедневно, если полевыя работы позволяютъ; гдѣ же, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, не льзя имѣть ежедневнаго ученія, тамъ Деканы и мѣстные Пасторы должны такъ устроить, чтобы по крайней 4 раза въ недѣлю дѣти учились, каждый разъ положенное число часовъ.

Кромѣ сего, имѣются двѣ вакаціи: лѣтомъ во время жатвы и осенью во время собиранія винограда. Каждая вакація продолжается двѣ недѣли. Да и въ другія времена, какъ-то въ сѣнокосъ, не бываетъ ученія до тѣхъ поръ, пока кончатся работы. Если же въ сіе время

наступившая погода, препятствующая полевымъ работамъ: то и вакацiя кончится.

Поступившiя съ 6-ти лѣтъ въ Первоначальную Школу, дѣти остаются въ оной до 14-го года, а на семь году выпускающiеся изъ нея. У Католиковъ сiе бываетъ послѣ полугодичнаго испытанiя, весною или осенью, а у Лютеранъ послѣ конфирмацiи, или послѣ основательнаго наставленiя въ Христiанскихъ догматахъ. Выпускъ изъ Первоначальной Школы есть въ то же время поступленiе въ Школу Воскресную.

Впрочемъ выпускъ зависитъ не только отъ возраста: Если окажется, что кто нибудь изъ учащихся не имѣетъ достаточныхъ свѣдѣнiй въ учебныхъ предметахъ, то онъ изъ Школы Первоначальной не выпускается, и слѣдственно и не конфирмуется, хотя бы ему было уже 14 лѣтъ, но оставляется въ ней еще на полгода или цѣлый годъ.

Поставляя въ необходимую обязанность для родителей отдавать дѣтей своихъ въ Первоначальныя Школы, Правительство обращаетъ вниманiе и на тѣ случаи, которые могутъ показаться препятствiями къ поступленiю въ оныя, а также и на постоянное и неупустительное посѣщенiе оныхъ.

Между препятствiями къ поступленiю въ школу можно поставить, во-первыхъ, различiе Вѣроисповѣданiй и толковъ. Въ Виртембергѣ существуетъ три Христiанскiя Вѣроисповѣданiя, имѣющiя равныя права: Лютеранское, Реформатское и Католическое, или по соединенiи Лютеранъ и Реформатовъ въ одни и тѣ же приходы, два: Евангелическое и Католическое. Часто случается, что въ селенiяхъ собственно Католическихъ находятся жители Протестантскаго Вѣроисповѣданiя, и обратно. Если таковые жители не имѣютъ собственной церкви, а потому и особенной школы въ

оныхъ селеніяхъ: то родится отсюда затрудненіе касательно обученія дѣтей.

Предписанія Правительства о семъ предметѣ сообразуются съ мѣстными обстоятельствами селеній, гдѣ таковые разномыслящіе находятся, и съ ихъ отдѣленіемъ отъ церкви и школы ихъ Вѣроисповѣданія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ оставляется на произволъ родителей, въ Католическую или Протестантскую Школу посылать имъ дѣтей своихъ; въ другихъ само по себѣ открывается, что они должны посылать ихъ въ школу своего Вѣроисповѣданія; наконецъ въ случаѣ большаго разстоянія между ихъ мѣстопребываніемъ и школою ихъ Вѣроисповѣданія, ихъ дѣти должны ходить въ школу того селенія, гдѣ они живутъ; а на Катихизисъ и въ Воскресные Школы, если только возрастъ и разстояніе позволяютъ, въ тѣ селенія въ коихъ они записаны въ приходъ; во всякомъ случаѣ Пасторъ того прихода, къ которому приписаны таковые разномыслящіе, вноситъ ихъ дѣтей въ списокъ имѣющихъ поступить въ школу, и если избраніе оной зависитъ отъ ихъ воли, спрашиваетъ ихъ, куда они хотятъ посылать дѣтей своихъ, въ школу ли своего Вѣроисповѣданія и прихода, хотя и въ другомъ селеніи, или въ школу своего селенія, но другаго Вѣроисповѣданія. Въ послѣднемъ случаѣ онъ сообщаетъ мѣстному Пастору того селенія списокъ таковыхъ дѣтей, и послѣ сего обязанъ посѣщать въ извѣстныя времена оную школу, смотрѣть за тѣми дѣтьми, наставлять ихъ въ Религіи, а также и родителямъ ихъ внушать, чтобы они дома старались замѣнить недостатокъ общественнаго наставленія дѣтей своихъ въ Религіи. Посему онъ участвуетъ нѣкоторымъ образомъ въ надзираніи надъ тою школою, хотя и не имѣетъ права входить въ управленіе оною. Деньги за школу принадлежатъ въ семъ случаѣ тому Учителю, у котораго дѣти дѣйствительно учатся.

Со всѣмъ различны предписанія о дѣтяхъ Сепаратистовъ въ Протестантской Церкви. Школы суть не столько церковныя, сколько гражданскія заведенія для образованія людей и гражданъ. Если родители небрегутъ о воспитаніи дѣтей своихъ, то праведно, чтобы Государство приняло ихъ подъ свое покровительство и не попускало возрастать имъ въ грубости и невѣжествѣ. Посему не только не оставляется на произволъ Сепаратистовъ посылать или не посылать дѣтей своихъ въ общественную школу; но даже, если они съ намѣреніемъ удерживаютъ ихъ отъ оной, полагается на нихъ двойная пеня за опущеніе уроковъ; въ случаѣ же дальнѣйшаго сопротивленія, дѣти ихъ насильно приводятся въ школу земскимъ сторожемъ, который за свои труды получаетъ награжденіе на ихъ же счетъ. Если же и сіи средства не дѣйствуютъ противъ упорства Сепаратистовъ: то берутъ у нихъ дѣтей и за соразмѣрную цѣну помѣщаютъ въ Сиротскомъ Домѣ въ Стутгартѣ, а чтобы они послѣ конфирмаціи не возвратились къ своимъ родителямъ, отдаютъ мальчиковъ въ науку ремесленникамъ, а дѣвицъ въ услуженіе въ частные домы.— Далѣе, поелику преподаваніе Религіи тѣсно соединено съ прочими учебными предметами и не можетъ быть отдѣлено отъ нихъ безъ нарушенія всего учебнаго плана: то не дозволяется, чтобы дѣти Сепаратистовъ въ семъ отношеніи были обучаемы иначе, какъ прочіе, тѣмъ болѣе, что Сепаратисты въ догматахъ не разногласятъ съ ученіемъ Протестантской Церкви.

Что касается до конфирмаціи и приготовленія къ ней, поелику оба сіи дѣйствія суть чисто религіозныя и церковныя: то не позволяется вынуждать у Сепаратистовъ согласіе на конфирмованіе ихъ дѣтей; а также и самихъ дѣтей когда имъ только 14 годъ, спрашивать, не желаютъ ли они быть конфир-

мованы противъ воли своихъ родителей, было бы противно естественной власти родителей и внутреннему порядку въ семействахъ. Напротивъ когда имъ уже достигнетъ надлежащей зрѣлости, и они сами могутъ отвѣчать за свой образъ мыслей; тогда ихъ о томъ спрашиваютъ, именно дѣвицъ на 18, а юношей на 20 году.

Вторымъ препятствіемъ къ поступленію въ школу представляется бѣдность. Иногда родители по бѣдности не могутъ сами содержать дѣтей своихъ, а должны отдавать ихъ учиться ремеслу, или въ услуженіе въ другія селенія. Сіе не воспрещается, но въ такомъ случаѣ дѣти должны, сколько можно чаще, ходить въ школу того селенія, куда они поступаютъ. На сей конецъ они получаютъ отъ своего Учителя свидѣтельство о успѣхахъ и нравственности за подписаніемъ Пастора. Кромѣ того ихъ мѣстный Пасторъ не только приглашаетъ Пастора въ ихъ будущемъ мѣстопребываніи побуждать ихъ ходить въ школу такъ исправно, какъ сіе только возможно въ ихъ обстоятельствахъ, но и съ тѣхъ лицъ, къ которымъ таковыя дѣти поступаютъ, беретъ обязательство, что они будутъ посылать ихъ въ школу по крайней мѣрѣ 3 раза въ недѣлю.

Заботясь о просвѣщеніи Христіанскаго юношества, Виртембергское Правительство печется и о дѣтяхъ Евреевъ, живущихъ въ Виртембергѣ. Ихъ образованіе подлежитъ общественному надзиранію и сколько возможно, должно стоять на равной степени съ образованіемъ Христіанскаго юношества; а посему въ той же мѣрѣ препоручено вѣдѣнію Евангелической Консисторіи въ мѣстахъ Евангелическихъ, а въ мѣстахъ Католическихъ вѣдѣнію Католическаго Церковнаго Совѣта.

Если Евреи не имѣютъ особенной школы, то ихъ дѣти обоего пола должны ходить въ общественную

школу своего селенія точно такъ же, какъ и Христіанскія дѣти. Впрочемъ въ сихъ школахъ назначаются особенные часы для Христіанской Религіи; ибо Еврейскія дѣти не могутъ участвовать въ семъ ученіи. При томъ Учители должны смотрѣть, что бы Еврейскимъ дѣтямъ не было причиняемо никакого оскорбленія за ихъ Религію.

Евреямъ позволено заводить и собственныя Первоначальныя Школы, если они берутъ на себя построеніе и отопленіе оныхъ, содержаніе Учителей, а также и доставленіе прочихъ потребностей. Но ближайшій надзоръ надъ сими школами, завѣдываніе оными и посѣщеніе оныхъ во назначенныя времена принадлежитъ Христіанскимъ Пасторамъ, Деканамъ и Инспекторамъ. Раввины не имѣютъ никакого участія въ управленіи оными, развѣ только могутъ взять на себя преподаваніе своей Религіи въ особенные часы. Учители въ оныхъ Школахъ должны быть опытные люди, которыхъ Училищное Начальство по прежнимъ испытаніямъ найдетъ къ тому способными. И если есть туземные кандидаты учительской должности Іудейской Вѣры, то они предпочитаются иностранцамъ.

Училищные законы и планъ уроковъ опредѣляются Христіанскимъ Училищнымъ Начальствомъ. При семъ преимущественно должно смотрѣть на правильное изученіе Нѣмецкаго языка, какъ лучшаго средства къ образованію; Еврейскій языкъ не исключается изъ учебныхъ предметовъ, если сами Евреи того требуютъ, однако считается предметомъ постороннимъ. Учебныя книги должны быть одобрены также Христіанскимъ Училищнымъ Правленіемъ. Пѣніе входитъ въ составъ ученія.

Другой предметъ, заслуживающій еще большее вниманіе, нежели самое поступленіе въ школу, есть исправное и неупустительное посѣщеніе оной. Отдавать дѣтей въ школу сдѣлалось наконецъ обыкновеніемъ; но

не всѣ дѣти исправно ходятъ въ нее. Часто они бѣгаютъ школы по своевольству, лѣности и праздностолюбію, а также и для того, чтобы ходить помiру и сбирать деньги на лакомства, игрушки и пр., такъ что они при семъ и родителей и Учителей обманываютъ. Часто и родители не только небрегутъ о исправномъ хожденіи дѣтей ихъ въ школу, но и сами удерживаютъ ихъ отъ того. И такъ должно предписать и употреблять мѣры противъ сихъ упущеній.

Мѣры сіи суть, во-первыхъ, увѣщанія и выговоры со стороны Пасторовъ и Декановъ. Посѣщая школу, Духовный преимущественно смотритъ, нѣтъ ли упущеній; прилежные и внимательные ученики принимаютъ его внушенія, а также и лѣнивые не могутъ быть нечувствительны къ его выговорамъ. Кромѣ сего, Духовный призываетъ чрезъ деревенскаго сторожа родителей и даетъ имъ чувствовать свою виновность небреженія о воспитаніи дѣтей. То же самое дѣлаютъ Деканы и Инспекторы, посѣщая школы.

Второе средство состоитъ въ томъ, что Учитель каждый разъ до обѣда и послѣ обѣда, а также и въ Воскресной Школѣ, замѣчаетъ всѣхъ отсутствующихъ безъ различія, послѣ спрашиваетъ о причинахъ отсутствія, и ежемѣсячно подаетъ Пастору списокъ всѣхъ отсутствовавшихъ. Пасторъ представляетъ списокъ въ Церковное Собраніе или Училищную Коммиссію; а здѣсь за всякое опущеніе урока, не имѣющее уважительной причины, назначается денежная пеня, именно: за опущеніе въ Первоначальной Школѣ 2, а въ Воскресной 4 крейцера. У Католиковъ за обѣ Школы по 3 крейцера. Если отлучки долгое время повторяются, то можно увеличить и пеню. Выше замѣчено, что Сепаратисты платятъ вдвое. — Сіи деньги поступаютъ въ Училищную кассу; о собраніи оныхъ печется Церковное Собраніе или

Училищная Коммиссія, прибѣгая въ случаѣ нужды къ содѣйствію Уѣзднаго Суда (Oberamts).

И такъ наказанію за опущенія уроковъ падаетъ ближайшимъ образомъ на родителей. Если они не могутъ заплатить денежныхъ пеней, то сіи перемѣняются на соразмѣрное заключеніе въ темницу. Особливо сіе бываетъ съ тѣми родителями, которые получаютъ милостыню или вспоможеніе изъ общей деревенской казны. Если заключеніе въ темницу не дѣйствуетъ, то съ онымъ соединяется и денежная пеня, которая тогда вычитается изъ ихъ милостыни, съ угрозою совершенно отнять ее: что и бываетъ въ случаѣ ихъ дальнѣйшаго сопротивленія или небреженія. — Если родители приписываютъ отлучки лѣности или упорству своихъ дѣтей, и ихъ показаніе не подлежитъ сомнѣнію: то дѣти подвергаются тѣлесному наказанію съ должною осторожностію; однако сіе наказаніе дѣтей не освобождаетъ родителей отъ пени, если и они не правы.

При семъ Пасторъ и мѣстное Начальство должны смотрѣть, чтобы Учитель всѣ опущенія показывалъ вѣрно и безпристрастно, и въ семъ случаѣ защищать его отъ оскорбленій и непріятностей со стороны родителей.

Кромѣ сихъ показаній, употребляется и исполняется угроза, что дѣти, часто отлучающіяся отъ школы, и по прошествіи лѣтъ ученія не будутъ выпущены изъ оной, ни допущены къ конфирмаціи. Сіе наказаніе дѣйствительнѣе всѣхъ прочихъ: ибо и родители и дѣти наконецъ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ исполненія учебныхъ лѣтъ и совершеннаго увольненія отъ Первоначальной Школы.

При семъ Правительство смотритъ и на то, чтобы пресѣчь случаи къ опущеніямъ. Во многихъ мѣстахъ отцы посылали дѣтей своихъ лѣтомъ пасти скотъ;

Уѣзднымъ Правленіямъ предписано или уничтожить сіе обыкновеніе, или по крайней мѣрѣ ограничить и перемѣнить оное такъ, чтобы дѣти не всѣ и не всегда были отвлечены отъ школы. Для нищихъ назначены въ недѣлю два дня, въ которые они могутъ собирать милостыню, именно Среда и Суббота, по окончаніи школы. Не смотря на все сіе, отсутствіе отъ школы часто бываетъ неизбѣжно по причинѣ великой бѣдности или другихъ семейственныхъ обстоятельствъ. Въ таковыхъ случаяхъ можно уволить одно дитя два или три раза въ недѣлю. Позволеніе отлучиться отъ школы даетъ Пасторъ, а въ его отсутствіе, или по особенному порученію, и также въ деревняхъ, гдѣ нѣтъ Пастора, Учитель. Посему въ спискахъ объ отсутствующихъ показывается, сколько разъ тотъ или другой ученикъ былъ уволенъ отъ школы. Всѣ прочія отлучки и упущенія, исключая болѣзнь и другіе чрезвычайные случаи, считаются противозаконными.

Священникъ Грекороссійской въ Ротембергѣ церкви

Іоаннъ Пѣтницкій.

V.

НОВОСТИ И СМѢСЬ.

1.

НОВЫЯ ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ.

Литература Славянскихъ народовъ.

(Письмо къ Редактору Журнала).

Съ великимъ удовольствіемъ готовъ я сообщать вамъ М. Г. для Журнала М. Н. Пр. получаемыя мною по временамъ извѣстія о Литературѣ разныхъ Словенскихъ народовъ. Требованіе ваше меня весьма порадовало, ибо оно доказываетъ, что начатое мною въ Библіографическихъ листахъ дѣло, признается небезполезнымъ и нашими соотечественниками. Тогда, (въ 1825 г.) мнѣ нѣкоторымъ образомъ удалось сосредоточить здѣсь въ С. Петербургѣ свѣдѣнія о трудахъ разныхъ Словенскихъ Литтераторовъ. Мнѣ къ тому подали руку помощи Ученые изъ Краинцевъ, Сербовъ, Богемцевъ, Словаковъ, Русниковъ и Поляковъ. Изданіе мое, какъ вамъ извѣстно, продолжалось до Іюня мѣсяца 1826 года. Но и послѣ онаго времени мои иноземные Корреспонденты не переставали сообщать мнѣ извѣстія

о томъ, что по части Наукъ и Словесности дѣлается въ ихъ отечествѣ. *Копитаръ*, одинъ изъ первыхъ Грамматиковъ нашего времени, и *Вукъ Стефановичь Караджичь*, извѣстный вамъ Сербскій Лексикографъ и собиратель народныхъ пѣсней, *Ганка*, открывшій Краледворскую рукопись и усердный ревнитель Чешской (Богемской) Словесности; *Юнгманъ*, Пражскій Лексикографъ и сочинитель Исторіи Чешской Литературы, *Челаковскій* и *Колларъ*, собиратели и издатели народныхъ пѣсней, наконецъ *П. Шаффарикъ*, которому мы обязаны Исторіею Словенскаго языка и Литературы онаго по всѣмъ нарѣчіямъ,— вотъ тѣ почтенные мужи, съ коими я сносился и послѣ прекращенія Библіографическихъ Листовъ. Уваженіе мое къ нимъ я раздѣляю конечно со многими друзьями Словенскихъ народовъ, ихъ Исторіи, ихъ языка, ихъ Словесности — словомъ всего быта народнаго.

Не стало уже двухъ изъ почтеннѣйшихъ моихъ Корреспондентовъ: въ числѣ ихъ не стало Главы въ кругу Словенскихъ Литтераторовъ: *Добровскаго!* Мужъ около 50-ти лѣтъ обработывавшій одно и то же поле — могъ ли не знать своего дѣла? Добровскій для тѣхъ, которые умѣли его читать, есть человѣкъ незабвенный. Спросите каждаго изъ его учениковъ, что значитъ Добровскій? спросите даже тѣхъ, которые съ нимъ не во всемъ были согласны, и они вамъ будутъ отвѣтствовать, что Добровскій воскресилъ бытъ Словенскій въ Европѣ и связалъ всѣ единоплеменные народы узами самыми неразрывными. Сѣмя. имъ посѣянное не погибнетъ! — Другой изъ моихъ учителей, котораго я лишился, есть извѣстный Краковскій Ученый *Бандтке*. Но его творенія не отказываютъ мнѣ въ пособіи, которымъ онъ самъ уже не въ состояніи меня поддерживать.

Наименовавъ главныхъ моихъ Корреспондентовъ, я охотно готовъ сообщать вамъ все то, что въ послѣдствіи времени я самъ узнаю, доколѣ свободное отъ должностныхъ занятій время дозволитъ мнѣ быть вашимъ, М. Г., сотрудникомъ. Если же я сверхъ чаянія замолчу, то прошу въ томъ меня не винить. Все *Словенское* всегда меня занимало, и я охотно посвящалъ ему свои досуги. У меня и теперь еще много припасено разныхъ матеріаловъ по части иноземныхъ Словенскихъ памятниковъ, коихъ, какъ вы изволите знать, вышла одна только книжка. Съ незабвеннымъ для Россіи *Румянцовымъ* (я говорю о бывшемъ Государственномъ Канцлерѣ) я лишился надежды издать продолженіе сего Собранія, для котораго впрочемъ уже изготовлено было опять нѣсколько мѣдныхъ досокъ. По крайней мѣрѣ, мнѣ удалось познакомить Филологовъ съ древнѣйшими изъ дошедшихъ до насъ памятниками Словенской письменности, какъ Латинскими, такъ и Кирилловскими буквами, а въ Библіографическихъ *Листахъ* я исчислилъ первопечатныя книги по всѣмъ Словенскимъ нарѣчіямъ. Благодарю Провидѣніе и за то, что оно сподобило меня собрать и издать сіи матеріалы, при содѣйствіи ревнителей по сей части *Востокова*, *Строева*, покойнаго *Калайдовича* и другихъ незабвенныхъ для меня Ученыхъ.

Позвольте мнѣ здѣсь въ краткихъ словахъ, на первый случай, познакомить васъ, М. Г., съ тѣмъ, что въ послѣднее время было предметомъ занятій разныхъ Словенскихъ Литтераторовъ, и что у насъ въ Россіи не было доводимо до общаго свѣдѣнія. Быть можетъ, что наши Ученые въ сихъ строкахъ найдутъ хотя что либо достойное ихъ вниманія.

Начну съ *Вука Стефановича Караджича*. Этотъ необыкновенный человѣкъ, который изъ пастушескаго состоянія поступилъ въ кругъ Литтераторовъ, при помощи Копитара издалъ въ Вѣнѣ *Сербскій Рѣчникъ* (Словарь, въ 1818 г.), побывалъ въ Россіи и въ С. Петербургѣ, и потомъ въ Вѣнѣ же, въ 1822 году, напечаталъ Додатокъ къ Сравнительнымъ Словарямъ Екатерины II, и при немъ первыя свѣдѣнія о грамматическихъ формахъ *Бугарскаго* (нынѣшняго Болгарскаго) языка. Издавши и *Собраніе Сербскихъ народныхъ Пѣсней* (въ Лейпцигѣ въ 1823 и 1824 годахъ, III Ч. въ 8.), Караджичь возвратился было въ свое отечество, и при Князѣ Милошѣ, въ Крагуевацѣ, два года участвовалъ въ трудахъ Законодательной Сербской Коммиссіи, а потомъ годъ провелъ въ Бѣлградѣ, въ качествѣ Предсѣдателя тамошняго Уѣзднаго и Городскаго Магистрата. Но, пристрастившись къ Литтературѣ, онъ не могъ уже жить безъ оной. На досугѣ онъ собралъ еще столько геройскихъ (юнацкихъ) стихотвореній, что въ 1833 году издалъ въ Вѣнѣ четвертую Часть своего Собранія народныхъ Сербскихъ Пѣсней. Уже въ концѣ 1831 года Г. Караджичь писалъ ко мнѣ, что имъ собрано много *пословицъ* и до двухъ тысячь словъ, не вошедшихъ въ составъ его Сербскаго Словаря. Въ Вѣнѣ онъ предполагалъ продолжать изданіе Альманаха *Даница* (Денница), котораго вышли 3 книги (на 1826, 27 и 28 г.). Въ 1834 г. Г. Караджичь отправился къ Черногорцамъ и другимъ Южнымъ Словенамъ, намѣреваясь собирать Сербскія народныя пѣсни, народныя пословицы и загадки, сказки и рѣченія для дополненія Словаря, изслѣдовать разныя нарѣчія Сербскаго языка, описать народные обычаи, отыскивать древнія рукописи и проч.

Г. Шаффарикъ, напечатавшій въ 1833 г. разсужденіе о *Старо-Сербскомъ* нарѣчіи (über den altserbischen Dialekt, въ Serbische Lesekörner, Ofen, 8), при-

готовилъ къ печати сочиненіе и о *Старо-Болгарскомъ* нарѣчіи (Ueber den altbulgarischen Dialekt), для изданія коего онъ ждетъ только нѣкоторыхъ свѣдѣній отъ нашего А. Х. Востокова. Нынѣ онъ занимается сочиненіемъ о Словенскихъ древностяхъ: Slowanske Starožitnosti, которое, по его предположенію, составитъ двѣ Части. Исторія и разысканія о обычаяхъ древнихъ идолопоклонническихъ Словенъ будутъ тутъ простираться до X или XI вѣка. Первая Часть, долженствующая выйти въ семъ году, будетъ содержать изслѣдованія историческія и географическія; годомъ позже издастся и вторая Часть. Сочиненіе это пишется на Чешскомъ языкѣ, но вѣроятно будетъ переведено и на Нѣмецкій языкъ. Только по довершеніи сего труда, Г. Шаффарикъ надѣется возвратиться къ Исторіи Литературы Словенскихъ народовъ и Сербскимъ памятникамъ (письменности?). Отнынѣ онъ, кажется, болѣе прежняго будетъ въ состояніи посвятить время свое Словенскимъ древностямъ, ибо издававшійся въ Прагѣ Pfennig-Magazin, который выходилъ подъ его надзоромъ, долженъ былъ прекратиться съ концемъ 1835 года. — Г. Шаффарикъ весьма сожалѣетъ, что онъ и другіе любители Русской Словесности не имѣютъ возможности пріобрѣтать въ чужихъ краяхъ произведенія нашей Литературы. Нѣтъ сомнѣнія, что для нихъ всего занимательнѣе книги историческія и археологическія, но сихъ-то и у насъ издается не слишкомъ много. — Выписывая Русскія книги — которыя вообще могутъ продаваться не по сходнымъ цѣнамъ, ибо печатаются большею частію не въ значительномъ числѣ экземпляровъ — иностранные Ученые должны платить за оныя въ тридорога: такъ пишутъ ко мнѣ изъ Праги; въ Вѣнѣ же за Русскій рубль книгопродавцы берутъ по гульдену серебромъ (2 р. 50 к.).

Г. Юнгманъ издалъ первую Часть новаго Чешскаго

Словаря, содержащую буквы А до I (*). Остаются не изданными еще четыре части, коихъ каждогодно будетъ выходить одна. Весьма желательно, чтобы многолѣтній трудъ сего основательнаго Ученаго былъ награжденъ успѣхомъ и удостоенъ заслуженныхъ наградъ. Первые сто листовъ уже получены здѣсь въ С. Петербургѣ.

Г. Ярникъ (Jarnik), въ Каринтіи или Карантаніи, готовитъ пространный Виндскій (Хорутанскій) Словарь.

Г. Палацкій пишетъ Исторію Богеміи.

Г. Челаковскій нынѣ издаетъ Пражскія Вѣдомости.

Г. Колларъ, живущій въ Пестѣ, издалъ богатое собраніе Словацкихъ народныхъ Пѣсней, Zpiewanky Slowenské (которое напечатано въ двухъ большихъ частяхъ въ Офенѣ, 1835, 8). Извѣстно, что онъ же въ 1827 году издалъ вторую книжку Словацкихъ народныхъ Пѣсней, которыя вышли въ Пестѣ подъ заглавіемъ: Pjsně swětské Lidu Slowenského w Uhrjch. На заглавіи первой книжки сего собранія, вышедшей въ Пестѣ же, въ 1823 г., сказано было: Sebrané a wydané od Pawla Jozefa Sfaffařjka, Jana Blahoflawa u giných.

Г. Ганка (W. Hanka), который въ полной мѣрѣ чтитъ память своего учителя Добровскаго, намѣревался-было издать полное собраніе писемъ сего Ученаго, почему и приглашалъ всѣхъ его корреспондентовъ къ сообщенію ему съ оныхъ копій. Многіе ли изъ послѣднихъ исполнили его желаніе, мнѣ не извѣстно; знаю только, что къ числу худыхъ исполнителей сего требованія принадлежу я самъ: ибо не успѣлъ списать копій съ писемъ ко мнѣ покойнаго Добровскаго. Впрочемъ, если предположеніе Г. Ганки сбудется, то я конечно не откажусь сообщить ему сіи списки. — Между тѣмъ Г. Ганка въ 1834 г. издалъ въ Прагѣ новое ис-

(*) Slownjk Česko-Německý, Josefa Jungmanna, Doktora filosofie etc. (4 связки, каждая по 200 страницъ).

правленное и дополненное изданіе «*Славина*,» собраніе разныхъ свѣдѣній о языкѣ, Литературѣ и древностяхъ Словенскихъ, которое за 28 лѣтъ предъ симъ (въ 1808 г.) составлено и напечатано Добровскимъ. Будетъ ли издана вторично и Slovanka (т. е. вышедшія въ 1814 и 1815 годахъ двѣ книжки такихъ же свѣдѣній, какъ и въ Славинѣ), мнѣ не извѣстно.

О трудахъ *Г. Копитара* и о томъ, что онъ говоритъ въ отношеніи къ изданной *Дунинымъ-Борковскимъ* въ 1834 г. Польской части древней трехязычной Псалтири, я сообщу вамъ, буде угодно, особую статью для Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Куда дѣвался трудолюбивый знатокъ Польской Литературы *Хлендовскій*, мнѣ не извѣстно. Мнѣ сказывали, что онъ изъ Варшавы переѣхалъ въ Львовъ (Лемберґъ), но не ручаюсь за справедливость этого извѣстія.

Упомянувъ о Львовѣ, я долженъ здѣсь обратить еще ваше вниманіе на изданныя тамъ въ 1833 году народныя Пѣсни: Pieśni ludu Polskiego i Ruskiego w Galicyi, zebrane przez Wacława z Oleska, we Lwowie, 1833.

Въ заключеніе не могу не упомянуть о неудачномъ предпріятіи В. Г. *Дундера*, прикащика вдовы Венедиктовой, имѣющей книжную лавку въ Вѣнѣ.—Его не должно смѣшивать съ другимъ Дундромъ (Al. Dundr), Учителемъ, который издалъ разныя небольшія книги, какъ-то: Землеописаніе Богеміи, Подарокъ добрымъ дѣтямъ и проч.— Дундеръ въ 1834 г. объявилъ, что во всѣхъ *Европейскихъ* книжныхъ лавкахъ принимается подписка на слѣдующее сочиненіе, коего изданіе долженствовало начаться съ 1835 года: Lexicon Universale *librorum Slavicorum* qui inde ab anno MCDLXXV usque ad annum MDCCCXXXIV in Bohemia, Moravia, Ungaria, Russia, Serbia, Slavonia, Dalmatia, Croatia, Illiria, Polonia, Silesia etc. et in terris confinibus prodierunt (Vollständiges und allgemeines Slawisches Bücher-Lexikon aller seit 1475 bis zum

Schlusse 1834 in Böhmen, Mähren, Ungarn, Russland, Serbien, Slavonien, Dalmatien, Kroatien, Illirien, Polen, Schlesien etc. und in den benachbarten Ländern erschienenen Slawischen Werke, in alphabetischer Folge. Nach allen Mundarten), т. е. «Полная и всеобщая *Словенская Библіографія*, содержащая въ себѣ описаніе всѣхъ Словенскихъ книгъ съ 1475 до конца 1834 года, изданныхъ въ Богеміи, Моравіи, Венгріи, Россіи, Сербіи, Славоніи, Далмаціи, Кроаціи, Иллиріи, Польшѣ, Силезіи и пр., и въ соприкосновенныхъ странахъ; съ показаніемъ всѣхъ Авторовъ, безыменныхъ и псевдонимовъ, также времени рожденія и кончины ихъ и состоянія (des Standes); съ исчисленіемъ и сочиненій, писанныхъ ими на другихъ (не Словенскихъ) языкахъ, равно съ означеніемъ, какія при книгахъ изданы приложенія, какъ-то: карты, рисунки и т. п., также разныхъ изданій, формата, мѣста печати, издателей (Verleger u. Herausgeber), переводчиковъ, цѣнъ (у книгопродавцевъ и Антикваріевъ), извѣстныхъ рукописей и проч.» Къ сему Дундеръ обѣщался присовокупить еще много другихъ библіографическихъ замѣчаній, ссылокъ (Citate) и пр. пр. на языкахъ Словенскихъ, Нѣмецкомъ, Французскомъ, Англійскомъ и Латинскомъ, и исчислить всѣ на иностранныхъ языкахъ вышедшія книги о Словенской Литературѣ, языкѣ, Исторіи и т. д.

Это, по предположенію Г-на Вячеслава Георгія Дундера, должно было составить отъ 500 до 550 листовъ лексиконнаго (?) формата. Всѣ матеріалы онъ хотѣлъ распредѣлить слѣдующимъ образомъ:

Часть 1 и 2: *Богемская или Чешская Литература* (Böhmisch, Mährisch, Slowakisch, Hanakisch etc.), отъ 50 до 60 листовъ.

Часть 3 и 4: *Русская и Древне-Словенская (Церковно-Словенская) Литература* (Grossrussisch, Klein-

russisch, Russniakisch, Ruthenisch, Weissrussisch, altslavisch, etc.).

Часть 5 и 6: *Польская Литература* (Grosspolnisch, Kleinpolnisch, Schlesisch, etc.)

Часть 7 и 8: *Сербская и Иллирійская Литература* (Serbisch, Bulgarisch, Dalmatinisch, Bosnisch, Croatisch, Slawonisch, Windisch, Ober- und Unter-Krainisch, Illirisch, etc.).

Не правда ли, что это и громко и желательно? Но сбыточно ли,— это дѣло другое. Получивъ въ концѣ 1834 года Дундерово объявленіе, я, признаюсь, тогда же усомнился въ успѣхѣ сего дѣла. Стоило только взглянуть на планъ Г. Дундера, чтобы дать мѣсто недовѣрчивости. Обратимся къ тому, что для насъ ближе всякаго другаго: къ Русской Словесности. О полнотѣ въ отношеніи къ Русской Библіографіи и говорить нечего; полнота могла быть только относительная: ибо мы сами не все еще знаемъ, что было печатано на языкѣ Русскомъ и Церковно-Словенскомъ. Уже Сопиковъ исчислилъ слишкомъ 13,000 разныхъ сочиненій, а Библіографія его продолжается только по 1813 годъ (и если въ послѣдней части встрѣчаются книги 1817 и 1818 годовъ, то онѣ здѣсь пристроены не къ мѣсту). Между тѣмъ Россія съ 1813 года живетъ новую жизнь. Положимъ, что съ онаго времени по 1835 г. выходило ежегодно среднимъ числомъ не болѣе 500 книгъ. Это въ 21 годъ опять составило бы 10,500 нумеровъ,—а всего около 24,000, которыхъ заглавія, равно какъ имена, чины, время рожденія и кончины Авторовъ, должны бы составить не болѣе 2-хъ Частей! И гдѣ бы Г. Дундеръ почерпнулъ свѣдѣнія о книгахъ, изданныхъ послѣ 1832 года, когда мы сами не имѣемъ полныхъ систематическихъ росписей онымъ? — Далѣе, что это за нарѣчіе Русскаго языка, которое Г. Дундеръ именуетъ *Рувенскимъ* (Ruthenisch)? — Но намѣреніе Г. Дундера было похвально— ни слова!

наша Россійская Академія наградила его за то серебряною медалью. Такое поощреніе, можетъ быть, побудитъ Г. Дундера приняться за дѣло съ бо́льшею предусмотрительностію, выучиться основательно какому либо Словенскому нарѣчію, и тогда, руководствуясь примѣромъ Добровскаго и другихъ достопочтенныхъ Словенскихъ Филологовъ, посвятить себя начатому дѣлу, собирая безъ огласки матеріалы, которые, въ теченіе одного или двухъ десятковъ лѣтъ, можно бы привести въ порядокъ и издать съ пользою для другихъ, — а можетъ быть и для себя.

Но не стану утомлять васъ дальнѣйшими разсказами о трудахъ нашихъ Славянофиловъ. На сей разъ и этого конечно уже слишкомъ много! . .

П. Кеппенъ.

Французская Литература.

1) Mélanges historiques et littéraires, par M. le Baron de Barante (*Собраніе историческихъ и политическихъ статей, соч. Барона Баранта*). Paris, 3 vol. 1835.

Эта книга, вышедшая изъ-подъ пера знаменитѣйшаго Историческаго Писателя, Оратора и государственнаго человѣка Франціи, обращаетъ на себя вниманіе какъ въ литературномъ, такъ и политическомъ отношеніяхъ. — Г. Барантъ живо чувствовалъ то неестественное, странное положеніе Французской Литературы, въ коемъ она находилась въ послѣдніе пять лѣтъ. Голосъ его сильно раздавался противъ ея заблужденій. Наконецъ, когда Правительство, внимая общему гласу, возстало противъ злоупотребленій слова, обращавшаго свободу мысли въ неистовое буйство партій и страстей, когда наложена узда на своеволіе Юной Словесности, Франція ожидала новыхъ литературныхъ явленій, которыя проложили бы новые пути уму и чувству и согласовались бы съ дѣйствительною

потребностію общества, — и вотъ явилась книга Г. Баранта, заключающая въ одной рамѣ, но въ различныхъ родахъ и формахъ, образцы вкуса, забытаго современными Французскими Писателями.

Когда образовалась новая Школа, подвергшая разсмотрѣнію правила Аристотеля и возставшая противъ трехъ единствъ, Школа, старавшаяся проложить во Францію путь литературнымъ идеямъ Англіи и Германіи, то Г. Барантъ со славою явился впереди этихъ нововводителей и былъ ревностнымъ поборникомъ такъ называемаго романтизма. Но этотъ Писатель никогда не впадалъ въ излишества, затемнявшія новѣйшую Школу, и читая послѣднее его произведеніе, удивляешься классическимъ красотамъ, съ перваго взгляда въ немъ встрѣчающимся; наслаждаешься этимъ слогомъ, который только что прикрываетъ мысль, овеществляетъ ее, а не подавляетъ массою украшеній; удивляешься естественности, ясности, краснорѣчивой простотѣ, которыя придаютъ истинѣ какое-то очарованіе свѣжести и новости. Эта истина въ чувствахъ, во взглядѣ и въ самыхъ даже формахъ невольно увлекаетъ читателя и заставляетъ его полюбить легкое и свободное перо Г. Баранта. Знаменитѣйшіе Писатели Франціи оставили въ слогѣ своемъ слѣды политическихъ переворотовъ: читая ихъ сочиненія, видишь, что они принимали дѣятельное участіе во всѣхъ государственныхъ переворотахъ. Г. Барантъ представляетъ въ этомъ случаѣ исключеніе: языкъ, коимъ онъ говоритъ намъ, кажется заимствованнымъ у другаго вѣка. Извѣстно, что онъ началъ литературное свое поприще картиною Французской Словесности въ XVIII вѣкѣ; онъ изучилъ всѣ ея тайны — и умѣлъ сохранить то, что было въ ней прекраснаго.

Но важнѣйшее достоинство его сочиненій — и въ особенности того, о которомъ говоримъ теперь —

заключается въ вѣрномъ, глубокомъ познаніи современной эпохи. Этотъ характеръ, съ равною силою напечатлѣнный на столь различныхъ статьяхъ послѣдняго его сочиненія, даетъ имъ прелесть единства. Отдаленный отъ современныхъ бурь въ слогѣ своемъ, Г. Барантъ отдаляется отъ нихъ и въ мысли, и смотритъ на событія какъ посторонній свидѣтель, какъ Критикъ, совершенно безпристрастный. Эта черта тѣмъ еще болѣе замѣчательна, что Авторъ почти около тридцати лѣтъ былъ дѣйствующимъ лицемъ на политическомъ поприщѣ и среди разнообразныхъ перемѣнъ умѣлъ сохранить свѣтлый, чистый взглядъ, спокойное размышленіе и безпристрастіе.

Эта ровность взгляда и вкуса доставляютъ литературное и политическое единство разнообразнымъ статьямъ, наполняющимъ три тома новаго сочиненія Г. Баранта, изъ коихъ въ первомъ заключаются отдѣльныя статьи о различныхъ эпохахъ Французской Исторіи или объ извѣстныхъ сочиненіяхъ, къ ней относящихся. Эти статьи, расположенныя въ хронологическомъ порядкѣ, и соединенныя единствомъ взгляда, образуютъ полное сочиненіе, напоминающее отчасти сочиненія Туре и Мальби, т. е. нѣчто въ родѣ комментаріевъ на Исторію Франціи, но комментаріевъ освѣщенныхъ здравою критикою, коей недоставало Мальби, и безпристрастіемъ, не встрѣчаемымъ у Туре. Г. Барантъ раскрываетъ картину законопостановленій, нравовъ, различныхъ направленій духа и потребностей Франціи.

Особенно замѣчательно здѣсь ученое и глубокое изслѣдованіе объ историческомъ искусствѣ, равно какъ біографическая галлерея, въ коей мы встрѣчаемъ жизнеописанія извѣстнѣйшихъ Историковъ Древней и Новой Франціи, какъ-то: Григорія Турскаго, Фруассара, Коммина, Брантома, Паскье, Верто

и Боссюэта. Говоря о лицахъ столь извѣстныхъ и разбирая ихъ сочиненія, Авторъ всегда находитъ что нибудь сказать о нихъ новое, занимательное. Но особенное обращаетъ на себя вниманіе та часть этой галлереи, гдѣ онъ изображаетъ знаменитѣйшихъ людей, занимавшихъ важныя роли въ новѣйшихъ событіяхъ Франціи, какъ-то: Кателино, Боншана, Лескюра, д'Эльбе, Ларошжаклена, Шаррета и прочія лица, ознаменовавшія себя въ войнѣ Вандейской.

Третій томъ имѣетъ чисто литтературный характеръ и состоитъ изъ многихъ остроумныхъ и блистательныхъ статей. Изъ нихъ мы особенно замѣтимъ «Жизнь Шиллера», заслуживающую вниманіе по критическимъ идеямъ Автора и по ясному понятію о Германской Литтературѣ. Кромѣ того, не льзя пропустить безъ вниманія прекрасныхъ статей о Лессингѣ, Отвэѣ (Othway), Шекспирѣ и о Шатобріанѣ. Г. Барантъ разсыпаетъ въ нихъ новыя соображенія, находитъ новыя, не замѣченныя черты, и все это сопровождаетъ сужденіями глубокими, замѣчаніями не ожиданными, яркими и украшаетъ своимъ свѣтлымъ и блестящимъ слогомъ.

2) Histoire des Francs, par M. le Comte Peyronnet (*Исторія Франковъ. Соч. Графа Пейронне*). Paris. 1834 in-8°.

Графъ Пейронне сочинилъ книгу истинно новую о такомъ предметѣ, надъ которымъ трудились уже многіе Писатели, новую по формѣ и подробностямъ, важнымъ для уразумѣнія хода дѣлъ во Французской Монархіи. Не частными Исторіями Королевствъ Парижскаго, Мецскаго, Орлеанскаго и Суассонскаго хотѣлъ онъ подарить насъ, а Всеобщую Исторіею Франковъ. Вотъ почему, для обозначенія великихъ людей въ первые вѣка Франціи, исчисленіе преемниковъ Королей, бывшаго только второстепен-

нымъ событіемъ въ порядкѣ общественномъ, замѣнилъ онъ изображеніемъ общихъ преобразованій въ политической организаціи Франціи. Въ подобномъ планѣ всѣ дѣленія естественно были указаны раздѣлами и соединеніемъ частей, проистекавшими изъ порядка наслѣдованія въ Королевской династіи. Такъ предметъ первой книги есть завоеванія и царствованіе великаго Кловиса; предметъ второй — происшествія, слѣдовавшія за первымъ раздѣломъ между дѣтьми Короля, завоевателя и основателя Монархіи; предметъ третьей — первое соединеніе при Клотаріи I. Такимъ образомъ каждая книга объемлетъ цѣлый періодъ Всеобщей Исторіи Королевства.

Способъ Графа Пейронне имѣетъ много преимуществъ предъ тѣмъ, который употреблялся до него. Въ Исторіи перваго поколѣнія возстановляетъ онъ единство, а съ тѣмъ вмѣстѣ и простоту, вѣрность, ясность. Возвращая событіямъ свойственный имъ характеръ, даетъ ближе уразумѣть ихъ важность и то вліяніе, которое имѣли они на цѣлость и паденіе перваго Государства Франковъ. При его помощи легко слѣдовать за непрерывной нитью фактовъ, обезсилившихъ, унизившихъ могущество Королей, породившихъ столь противное здравой политикѣ усиленіе власти Палатныхъ Меровъ (Maires du palais) и неправое преобладаніе перваго изъ Карловинговъ. Этотъ способъ былъ конечно плодомъ великой мысли политической: ибо Исторія при немъ становится уже не простымъ воспоминаніемъ прошедшаго, но источникомъ обильнымъ въ благотворныхъ поученіяхъ для народовъ и Царей. Съ его помощію дѣйствія выводятся прямо изъ своихъ причинъ, такъ что слѣдуя въ непрерывной связи за временемъ, видишь, что все тѣсно связано, все слито въ одно цѣлое. Ошибки перваго раздѣленія Государства, междоусобія и войны, тѣмъ навлеченныя,

а еще болѣе бѣдствія втораго раздѣленія, заставляютъ уже предугадывать, что нѣкогда наступитъ конечное соединеніе, однакожь не иначе, какъ подъ владычествомъ другой династіи. Очевидно, что левдамъ (leudes) Королевствъ Бургундіи и Австразіи Клотарій II сдѣлаетъ уступки въ ущербъ собственной власти, и что если однажды сдѣланъ шагъ къ упадку, то не останется другой надежды къ обновленію, кромѣ новаго Короля, долженствующаго воскресить во всемъ величіи власть Королевскую. Замѣтимъ, что причины, вознесшія могущество Палатныхъ Меровъ надъ Королевскою властію при первомъ поколѣніи, суть тѣ же самыя, отъ которыхъ при второмъ проистекъ феодализмъ. Повинуясь своему ненасытному властолюбію, Карлъ Лысый точно такъ же поставилъ себя въ зависимость отъ вельможъ, какъ Клотарій II. Можно сказать, что феодализмъ не утвердился бы при Карлѣ Лысомъ, еслибъ былъ при немъ Палатный Меръ; равнымъ образомъ смуты, предшествовавшія злополучному царствованію Клотарія II, отъ того только не привлекли за собою феодальнаго правленія, что тому противились выгоды и власть Палатныхъ Меровъ. И такъ разделы были гибельны для двухъ первыхъ поколѣній: ибо то несомнѣнно, что отъ одинакихъ причинъ всегда бываютъ одни и тѣ же послѣдствія, съ тою лишь разницею, что сіи послѣдствія измѣняютъ видъ свой сообразно обстоятельствамъ, изъ среды которыхъ возникаютъ.

Нѣкоторые Историки хотѣли-было дать своимъ повѣствованіямъ характеръ единства, который одинъ только можетъ уничтожить темноту. Но всѣ они погрѣшали въ томъ, что искали его не въ единствѣ Государства. Они не видали, что раздѣлы были только временными преобразованіями, послѣ которыхъ Королевство вскорѣ соединялось подъ владычество одного

лица. Единство страны, при раздѣлахъ перваго и втораго поколѣнія, столь же мало уважалось, какъ и феодализмъ при третьемъ поколѣніи; это были одни только случайности въ жизни великаго народа; Бургундія и Австразія, не смотря на кратковременное могущество Королей своихъ, не переставали быть частями Государства Франковъ точно такъ же, какъ Нормандія и Поату, при всей феодальной независимости своихъ Герцоговъ или Графовъ, никогда не отдѣлялись отъ Королевства Франціи.

Способъ Графа Пейронне есть лучшій; скажемъ болѣе: онъ одинъ только хорошъ, ибо одинъ истиненъ, удовлетворителенъ для ума, удобопонятенъ. Съ нимъ исчезаетъ вся запутанность въ Исторіи перваго поколѣнія, которой изученіе доселѣ было столь тягостно и скучно, и которой событія такъ трудно было понимать. Дѣла Государей относятся къ важнѣйшимъ эпохамъ, и это много выясняетъ ихъ. Жизнь каждаго Короля есть эпизодъ болѣе или менѣе значительный, болѣе или менѣе занимательный, но вовсе не главный предметъ. Да и возможно ли иначе, когда въ Исторіи едва сохранились самыя имена нѣкоторыхъ Королей? Можно ли принять эпохами въ лѣтописяхъ Франціи восшествіе или паденіе тѣхъ безпечныхъ Вѣнценосцевъ, которыхъ Эброинъ, Пепинъ д'Эристаль или Карлъ Мартель сажали на престолъ изъ монастыря, или съ престола сводили въ монастырь? Пока длилось первое поколѣніе, Государство, разсматриваемое въ своей общности, постоянно подвергалось двоякому стремленію — къ раздѣлу и къ сліянію частей: вотъ фактъ самый замѣчательный, важнѣйшій въ этой части Исторіи Франціи, слѣдовательно, около чего надлежало ставить и всѣ прочіе. Съ сей только точки зрѣнія можно усмотрѣть единство въ столь сложныхъ частныхъ случаяхъ при Короляхъ перваго поколѣ-

нія: ставъ на нее, Графъ Пейронне успѣлъ обнять предметъ свой во всей его обширности, успѣлъ распутать тотъ хаосъ, въ которомъ терялись его предшественники.

Нужно ли послѣ этого говорить, что Графъ Пейронне писалъ не подъ вліяніемъ какой нибудь заранѣе составленной мысли, покоряя событія внушеніямъ прихоти, словомъ, что у него не было системы? Самый способъ его, столь простой и естественный, не исключаетъ ли уже всякое систематическое направленіе? Знаменитый Писатель не вымышлялъ Исторія, а только повѣствовалъ ее (такъ отзывается о книгѣ Гр. Пейронне газета *le Renovateur*, изъ которой заимствована эта рецензія). Происшествія имъ не выдуманы, а только приняты. Весь трудъ его состоялъ въ томъ, что онъ ихъ распредѣлилъ, связалъ посредствомъ естественныхъ переходовъ, для большаго убѣжденія въ истинѣ, и оцѣнилъ современныя свидѣтельства; наконецъ изъ вѣрнаго сцѣпленія фактовъ, изъ ихъ причинъ и дѣйствій, извлекъ высокіе и спасительные уроки для тѣхъ, на комъ лежитъ бремя правленія народовъ. Онъ хотѣлъ, чтобы подъ перомъ его Исторія предрекала будущее; а потому всего болѣе остерегался представить ее иначе, нежели какова она дѣйствительно. Въ наше время эта вѣрность историческаго разсказа — великое достоинство. Злобныя страсти овладѣли Исторіею, какъ бы своимъ достояніемъ, и, для выгодъ крамолы, обезобразили ее ложью и оуемудріемъ. Повѣрять ли этому? Въ завоеваніи Кловиса одинъ Писатель нашелъ причину и извиненіе великому перевороту послѣдняго вѣка! Мы не станемъ хвалить Графа Пейронне за то, что онъ не впалъ въ это смѣшное заблужденіе; но отдадимъ ему въ семъ отношеніи справедливость: потому что такое удостовѣреніе въ наше время стало необходимымъ.

Для нѣкоторыхъ, можетъ быть, желательно знать, какому правописанію слѣдовалъ Графъ Пейронне въ именахъ Меровингов? Писалъ ли онъ: Merowings, Chlodowig и Karle? или: Merovée, Clovis, Charles? На это отвѣчаемъ, что онъ слѣдовалъ употребленію, верховному владыкѣ, утверждающему право и законъ (arbitrium et jus). Это дѣлалъ онъ не потому однакожь, чтобы не умѣлъ цѣнить изысканій одного молодаго весьма замѣчательнаго Ученаго. Но книга его принадлежитъ Исторіи, а не Исторической Критикѣ; и онъ обращается не къ знатокамъ древности, а къ юношамъ, нуждающимся въ наученіи; онъ искалъ истины, и мало занимался ученою точностію словъ, желая быть для всѣхъ понятнымъ; языкъ, имъ употребленный, есть языкъ Французскій; что же касается до Тевтонскаго, то онъ предоставилъ его спорамъ Ученыхъ. По нашему мнѣнію, не должно выказывать неумѣстное языкознаніе, ко вреду ясности историческаго разсказа.

Нѣмецкая Литература.

1) Nachlese zu Friedr. von Schillers sämmtlichen Werken. Besorgt von Dr. G. Döring. (*Дополненіе къ полнымъ сочиненіямъ Шиллера, изданное Г. Дерингомъ*). Zeitz, 1835. XVI и 604 стр. in-8°.

Г. Дерингъ съ особенною любовію и успѣхомъ занимается объясненіемъ и собраніемъ произведеній великаго Генія Германіи: онъ уже извѣстенъ Біографіею Шиллера и хотя мы не можемъ ожидать чего либо важнаго отъ издаваемыхъ теперь сочиненій, спустя столь долгое время по смерти Автора являющихся; но такіе люди, какъ Шиллеръ, заслуживаютъ, чтобы ни одна строка ихъ не погибла для потомства: ибо если не всѣ, какъ то естественно и должно быть, произве-

денія ихъ носятъ одинаковую печать красоты и совершенства, то по крайней мѣрѣ показываютъ намъ путь, по которому восходитъ Геній, до высоты имъ занимаемой. Смотря съ этой точки на изданіе сочиненій, отвергнутыхъ самимъ Авторомъ, Германія не можетъ остаться неблагодарною Г. Дерингу за трудъ его. Большая часть этихъ сочиненій относятся къ раннему періоду поэтической дѣятельности Шиллера, и въ совокупности составляютъ 24 прозаическія статьи и 28 стихотвореній. Первыя состоятъ изъ посвященій, предисловій и нѣсколькихъ историческихъ статей о Филиппѣ II, Эгмонтѣ и заговорѣ Маркиза Бедемара; особенно же замѣчательны: статья о связи животной природы человѣка съ духовною; критика, написанная самимъ Шиллеромъ на Трагедію свою *Разбойники*, статьи о Донъ Карлосѣ, о *Высокомъ* (изъ Альманаха Новая Талія) и наконецъ нѣкоторыя письма Шиллера. Стихотворенія по большой части взяты изъ Швабскаго Магазина и Сибирской Антологіи, въ коихъ они были напечатаны 1782 года.

Здѣсь кстати замѣтимъ, что нѣкто Г. Гейнеманнъ издалъ Словарь къ сочиненіямъ Шиллера или подробное объясненіе всѣхъ встрѣчающихся у сего Поэта именъ и выраженій, заимствованныхъ изъ Миѳологіи или относящихся къ Древней и Новой Исторіи и Географіи. Сочиненіе само по себѣ ничтожное и не заслуживающее вниманія, но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимое въ Германіи; гдѣ земледѣлецъ и ремесленникъ читаютъ творенія безсмертнаго Поэта и имѣютъ надобность въ объясненіи предметовъ, хотя нѣсколько превышающихъ сферу обыкновенныхъ свѣдѣній.

2) Flandrische Staats- und Rechts-Geschichte bis zum Jahre 1305. Von Leopold August Warnkönig. Erster Band mit einer Karte von Flandern aus dem XIV Jahrhundert

und einem Facsimile (*Исторія Фландріи и ея правъ, до 1305 года. Сочиненіе Леоп. Авгус. Варнкёнига. Томъ I, съ Картою Фландріи, составленною въ XIV вѣкѣ и съ снимкомъ съ почерка Автора*) Tübingen 1835. S. XXVI, 102.

Между различными сборниками всякой старины и многочисленными монографіями, изъ коихъ состоитъ нынѣшняя Историческая Литература Германіи, книга Г. Варнкёнига составляетъ явленіе, заслуживающее вниманіе. Авторъ пользовался источниками, кои прежде были вовсе не извѣстны или не обращали на себя вниманія Ученыхъ, обработывавшихъ Исторію этой страны, и, какъ замѣчаютъ Нѣмецкіе Критики, онъ превосходно употребилъ въ пользу богатства, доставленныя ему случаемъ и его любознательностію. Достоинства этого ученаго труда еще болѣе возвышаются скудостію основательныхъ свѣдѣній о состояніи Фландріи въ первыя вѣка Среднихъ Временъ.

Авторъ, приступая къ изложенію историческихъ фактовъ, далъ полный отчетъ въ источникахъ, коими пользовался, и въ сочиненіяхъ, имѣвшихъ предметомъ Исторію сихъ провинцій. Это составляетъ предметъ введенія. Далѣе начинается самый текстъ, первая Глава коего посвящена обзору страны, ея положенія, свойствъ и разысканіямъ о происхожденіи ея названія. Оно впервые встрѣчается у Св. Андоэна (Andoënus), около 678 года написавшаго житіе Св. Элигія. Въ этой біографіи говорится, что Св. Элигій проповѣдывалъ въ in municipio Flandrensi т. е. Brugensi: слѣдовательно, Brugensi здѣсь поставлено какъ переводъ слова Flandrensi; а такъ какъ Vlander или Vlonder на Древне-Фламандскомъ языкѣ значитъ «*мостъ*», то замѣчаніе или поясненіе Св. Андоэна, поставившаго при словѣ Flandrensi другое: Brugensi, совершенно справедливо. Фландрія могла называться

страною мостовъ по причинѣ болотистой своей почвы, на коей не возможно было имѣть сообщенія безъ нихъ. Далѣе слѣдуютъ извѣстія о происхожденіи Фламандцевъ, коихъ Авторъ производитъ отъ Менаписковъ (Menapier), племени Германскаго, Мориннеровъ (Moriner) и Атребатензеровъ (Atrebatensier), племенъ Галльскихъ, которыя поселились здѣсь въ V вѣкѣ, какъ колонисты между облатинившимися туземцами. За тѣмъ Авторъ разсказываетъ о введеніи Христіанской Вѣры, которая распространилась во Фландріи еще въ IV вѣкѣ. Фландрія управляема была Графами и другими Королевскими Сановниками, пока не возвысилась въ ней фамилія Лидериховъ, потомокъ коихъ Балдуинъ I, или Желѣзная Рука, былъ первымъ Маркграфомъ Фландрскимъ, получивъ это достоинство по браку съ дочерью Карла Лысаго, Юдиѳью, въ половинѣ IX столѣтія. Отсюда начинается достовѣрная Исторія Фландріи въ непрерывномъ порядкѣ, и доводится Авторомъ до означеннаго въ заглавіи времени.

Особенно любопытна вторая Часть этого сочиненія, въ коей Авторъ изображаетъ гражданское устройство Фландріи въ XIII вѣкѣ. Каждый желающій изучать Правовѣдѣніе Германіи долженъ ознакомиться съ книгою Г. Варнкёнига: ибо она бросаетъ ясный свѣтъ на эпоху и на отношенія Фландріи къ сосѣднимъ народамъ, а потомъ можетъ быть необходимымъ пособіемъ для Историка, который захотѣлъ бы представить намъ событія того времени.

3) Geschichte der poetischen National-Litteratur der Deutschen, von Dr. G. G. Gervinus. I Theil. Von den ersten Spuren der deutschen Dichtung bis gegen das Ende des XIII Jahrhunderts. (*Исторія Германской народной Поэзіи, соч. Г. Гервина. Томъ I. Отъ первоначальнаго появленія Германскихъ стихотворныхъ про-*

изведеній до XIII столѣтія). Leipzig. 1835. VIII и 476 S. 8°.

Нынѣшнее столѣтіе ознаменовано въ Исторіи Нѣмецкой Литтературы всеобщимъ стремленіемъ къ изысканію древнихъ произведеній Германской Музы. Въ теченіе послѣднихъ 40 или 50 лѣтъ издано, изучено и изслѣдовано было все, что осталось отъ древнихъ Поэтовъ Германіи — и вотъ явилась книга, въ коей всѣ эти явленія поэтическаго генія Германцевъ представлены въ одной, общей, живой картинѣ.

Книга Г. Гервина не есть ученое изысканіе, но художественное изложеніе характера Германской Поэзіи, картина ея рожденія и развитія. Во всѣхъ случаяхъ, требующихъ изложенія матеріаловъ, свѣдѣній библіографическихъ и филологическихъ, Авторъ указываетъ только на результаты, предлагая любознательности читателя обратиться къ приводимымъ имъ источникамъ; но мысль его постоянно устремлена на то *цѣлое*, которое должно быть и существуетъ въ Поэзіи каждаго народа. Это цѣлое, эту мысль народа онъ преслѣдуетъ въ его произведеніяхъ и разлагаетъ на ея составныя части, показываетъ сродство между различными явленіями, и прекрасно живописуетъ нѣкоторыя замѣчательныя лица, являвшіяся на литтературномъ поприщѣ того времени. Конечно, строгая критика найдетъ здѣсь еще много неяснаго, много смѣлаго, гадательнаго; но должно припомнить, что матеріалы, при коихъ построено это зданіе, еще свѣжи и юны, еще не оцѣнены вполнѣ критикою филологическою; а потому не возможно предполагать, чтобъ дальнѣйшія изысканія не представили въ новомъ видѣ нѣкоторыхъ положеній Г. Гервина; но главное — мысль, характеръ Поэзіи, развитіе ея, вліяніе на умы, безъ сомнѣнія будутъ оправданы всѣми Критиками: ибо основаны на глубокомъ вникновеніи въ характеръ народа и Исторію его,

равно какъ и въ духъ поэтическихъ его произведеній. Неправильно означенное имя Автора какой нибудь Поэмы, время его рожденія или смерти, правильное или неправильное чтеніе нѣкоторыхъ мѣстъ Г. Гервановъ не могутъ поколебать основательности его выводовъ.

Чтобъ дать болѣе ясное понятіе о книгѣ, укажемъ на ея содержаніе. Въ началѣ Авторъ отыскиваетъ первые слѣды стихотворства въ Германіи, опредѣляетъ вліяніе переселенія народовъ на національную пѣснь Германскую, и находитъ здѣсь первые слѣды романтизма, который съ большею силою развился во время Крестовыхъ Походовъ; потомъ показываетъ отношеніе пѣсней Духовныхъ къ Поэзіи народа, которая во времена Оттоновъ сосредоточилась въ рукахъ Духовенства—и потомъ, при содѣйствіи Крестовыхъ Походовъ, расширившихъ умственную сферу народа и разгорячившихъ его фантазію, перешла въ Поэзію рыцарскую, въ полномъ блескѣ расцвѣтшую въ періодѣ Гогенштауфеновъ. Вслѣдъ за тѣмъ Авторъ живописуетъ эпоху безпорядковъ и неустройствъ, извѣстную въ Исторіи подъ названіемъ Междоцарствія, и показываетъ, какое мѣсто занимала Поэзія въ этомъ хаосѣ, заглушившемъ слабый ея голосъ. Reinhart-Fuchs' представляетъ Автору обширный предметъ для его наблюдательности и эстетическаго критицизма. Германская Поэзія находилась въ связи съ развитіемъ поэтическаго генія Франціи и Англіи, а потому Авторъ касается странъ сихъ, показываетъ происхожденіе, характеръ и форму ихъ Поэзіи, и потомъ вліяніе ея на древнюю Германскую Поэзію послѣ Крестовыхъ Походовъ, сблизившихъ всѣ народы Европы въ одну общую семью. Перерожденіе Германскаго Эпоса въ Nibelungenlied и происхожденіе Поэзіи искусственной, въ отличіе отъ народной, послѣдовало послѣ эпохи Крестовыхъ Походовъ, и Авторъ знакомитъ читателей съ Миннезингерами и разбираетъ замѣчательнѣйшія произ-

веденія Парсиваля и Тристана съ особенною основательностію и остроуміемъ. Это самыя блестящія страницы въ его книгѣ, исполненной ума, наблюдательности и основательныхъ соображеній. Сочиненіе это не кончено и вѣроятно будетъ продолжаться.

2.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Одесское городское дѣвичье училище. — Высочайше конфирмованнымъ 23 Ноября 1835 года Положеніемъ учреждается въ Одессѣ, для доставленія первоначальнаго воспитанія дочерямъ недостаточныхъ Дворянъ, Чиновниковъ, купцовъ и мѣщанъ и другихъ свободнаго состоянія жителей сего города, *Городское Дѣвичье Училище* (§ 1 Устава). Оно подчиняется Совѣту Одесскаго Института Благородныхъ Дѣвицъ, и поступаетъ подъ Высочайшее покровительство Ея Величества Государыни Императрицы (§ 2). Непосредственное управленіе учебною и хозяйственною частію Училища возлагается на Инспектора того же Института (§ 3). Ученицы не живутъ въ домѣ Училища, а приходятъ въ оное ежедневно для ученія (§ 6). На содержаніе Училища отпускается ежегодно по 10,000 р. асс. изъ Одесской Градской Думы (§ 7). Предметы ученія: a) чтеніе Русскаго языка и Церковно-Славянскаго нарѣчія, b) Законъ Божій и Священная Исторія, c) Россійская Грамматика, d) Ариѳметика, e) Начальныя основанія Всеобщей Географіи и Географіи Государства Россійскаго, f) обозрѣніе Всеобщей Исторіи и краткая Исторія Государства Россійскаго. g) Чистописаніе и Рисованіе, h) женскія рукодѣлья (§ 8). Курсъ ученія раздѣляется на четыре класса: приготовительный, первый, вторый и третій; для каждаго полагается по одному году (§ 9). Въ Училище прини-

маются дѣвицы не моложе 8 и не старѣе 12 лѣтъ (§ 10). За ученіе не полагается никакой платы, и всѣ учебныя пособія доставляются родителями. Но для снабженія учениць перьями и чернилами, вносится за каждую единовременно, при вступленіи въ Училище, 10 р. асс. (§ 11). Всѣ нужные для женскихъ рукодѣлій матеріалы доставляются также родителями, почему и работы учениць отдаются родителямъ же; если же матеріалы для работъ куплены на экономическія суммы Училища, то по окончаніи учебнаго года работы сіи продаются или разыгрываются въ лотерею (§ 12). Дозволяется учредить особый классъ для танцованія, если будетъ двѣнадцать учениць, за которыхъ родители или родственники согласны вносить по 50 р. въ годъ за каждую (§ 13). По окончаніи каждаго учебнаго года, въ первыхъ числахъ Іюля, производится годичное испытаніе; при лучшія ученицы каждаго класса награждаются похвальными листами; кончившимъ же курсъ выдается о томъ свидѣтельство (§ 17). Въ то же время Инспекторъ представляетъ Совѣту Одесскаго Института Благородныхъ Дѣвицъ отчетъ по учебной части Училища и отмѣтки, заслуженныя ученицами на испытаніяхъ; этотъ отчетъ и отмѣтки, вмѣстѣ съ отчетомъ по хозяйственной части, въ Генварѣ каждаго года поступаетъ отъ Совѣта къ Генералъ-Губернатору и подносится Ея Императорскому Величеству (§ 24). Учители и Смотрительница Училища опредѣляются и увольняются Генералъ-Губернаторомъ по представленію Совѣта; они по правамъ своимъ въ Государственной службѣ сравниваются съ Учителями Уѣздныхъ Училищъ, кромѣ Учителя Рисованія и Танцованія, которые привиллегій по службѣ въ этомъ Училищѣ не имѣютъ (§ 27). Сверхъ того при Училищѣ назначаются Надзирательницы, которыя опредѣляются и увольняются Совѣтомъ (§ 30). Лица, служащія при Город-

скомъ Дѣвичьемъ Училищѣ, долговременною усердною службою пріобрѣтаютъ право на пенсію (§ 31).

ПРИМИРЕНІЕ АББАТА БОТЕНА И ПРИВЕРЖЕНЦЕВЪ ЕГО СЪ СТРАСБУРГСКИМЪ ЕПИСКОПОМЪ. — Аббатъ *Ботенъ*, котораго Философская Система въ основныхъ чертахъ была изложена въ нашемъ Журналѣ (Мартъ 1834, стр. 316—377), преподавая Философію въ Страсбургскомъ Факультетѣ Словесныхъ Наукъ, возбудилъ противъ себя негодованіе Страсбургскаго Епископа, почитавшаго ученіе его вреднымъ для Христіанской Вѣры, потому что оно отвергаетъ путь разума для убѣжденія въ божественности Откровенія и признаетъ напротивъ того, что само Откровеніе должно быть основаніемъ для дѣйствій ума въ области Наукъ Философскихъ. Это несогласіе прекратилось въ исходѣ прошлаго года удовлетворительнымъ, со стороны Ботена, объясненіемъ. Епископъ Страсбургскій разослалъ по сему случаю во всѣ мѣста своей Епархіи слѣдующій циркуляръ, приложивъ къ нему и объявленіе, сдѣланное Ботеномъ и его послѣдователями.

Возлюбленные братья!

«Съ удовольствіемъ извѣщаемъ васъ, что непріятности, столь долго бывшія между нѣкоторыми Священниками и свѣтскими людьми сей Епархіи и нами, наконецъ прекратились. Г. Ботенъ и его приверженцы подобно намъ восчувствовали (какъ и слѣдовало сынамъ покорнымъ и почтительнымъ), что давно уже пора положить конецъ весьма важному несогласію относительно Вѣроученія и открыто соединиться сердцемъ и умомъ у средоточія единства, предъ главнымъ Начальникомъ сей Епархіи и подвергнуться въ его отеческія объятія, которыя не могли долѣе оставаться вотще отверстыми.

«Богъ да благословитъ и утвердитъ святую, мужественную рѣшимость, теперь ихъ одушевляющую! Католики примутъ это съ чувствомъ живѣйшаго удовольствія и принесутъ вмѣстѣ съ нами благодареніе Промыслу за сіе счастливое событіе.

Дано въ нашей резиденціи Страсбургѣ, 19 Ноября 1835.

Ж. Ф. М. Епископъ Страсбургскій.»

Объявленіе.

Мы нижеподписавшіеся Священники Страсбургской Епархіи, желая дать точные отвѣты на шесть вопросовъ, предложенныхъ Епископомъ Страсбургскимъ въ письмѣ отъ 30 Апрѣля 1834 года, и повторенныхъ въ его увѣщаніи отъ 15 Сентября того же года, объявляемъ, что принимаемъ слѣдующія шесть предложеній, отвергая все, что противно имъ, и обязуясь не проповѣдывать ни изустно, ни письменно ничего, что съ ними не согласно:

1) Разумъ можетъ утвердительно съ достовѣрностію доказать бытіе Божіе. Вѣра, даръ небесный, слѣдовали за Откровеніемъ: потому она не можетъ быть успѣшнымъ образомъ предложена атеисту, какъ доказательство бытія Божія.

2) Откровеніе, данное Моисею, достовѣрно [illegible]зывается преданіемъ изустнымъ и письме[illegible] [illegible]гоги и Христіанства.

3) Доказательство Христіанскаго [illegible] утверждаемое на чудесахъ Спасителя, [illegible] для очевидцевъ, не потеряло своей силы и [illegible] послѣдующихъ поколѣній. Мы находимъ [illegible]
ство въ изустномъ и письменномъ [illegible]
стіанъ. Посредствомъ этого двоя[illegible]
жны представлять его какъ тѣм[illegible]

гаютъ, такъ и тѣмъ, которые, еще не признавая его, желаютъ въ немъ убѣдиться.

4) Никто не имѣетъ права требовать отъ невѣрующаго, чтобы онъ признавалъ воскресеніе нашего Божественнаго Спасителя, прежде нежели представятся ему точныя доказательства, которыя извлекаются изъ того же преданія посредствомъ размышленія.

5) Употребленіе разума предшествуетъ вѣрѣ, и ведетъ къ ней человѣка чрезъ Откровеніе и благодать.

6) Разумъ можетъ съ точностію доказать достовѣрность Откровенія, даннаго Іудеямъ чрезъ Моисея, и Христіанамъ чрезъ Іисуса Христа.

Страсбургъ, 18 Ноября, 1835.

Подписали: Л. Ботенъ, К. А. Карль, Исид. Гошлеръ, Теод. Ратисбоннъ, де Реньи, Г. де Боннтозъ, Ж. Мерсіанъ, Алф. Гратри, Ж. Левель и Н. Левель.

Мнѣніе С. Маркъ-Жирардена о религіозной реакціи.— С. Маркъ-Жирарденъ, преподающій въ Парижскомъ Факультетѣ Словесныхъ Наукъ Исторію Французской Литературы, недавно обратилъ всеобщее вниманіе на лекціи свои о Литературѣ и Философіи XVIII вѣка. По поводу этого, въ Journal des Débats (2 Дек.) помѣщено изложеніе его лекціи о религіозной реакціи, вмѣстѣ съ сужденіями о нынѣшнемъ состояніи религіознаго духа во Франціи. Все это показалось намъ такъ любопытно, что мы рѣшились представить здѣсь Читателямъ нашимъ вполнѣ статью Французской газеты.

«Извѣстно, что предметъ курса С. Маркъ-Жирардена есть Исторія Литературы и Философіи XVIII вѣка. Въ предшествовавшихъ годахъ онъ уже разсмотрѣлъ первую половину этого великаго вѣка, — эпоху, когда

еще блистало нѣкоторое отраженіе литературнаго и религіознаго духа временъ Лудовика XIV; когда самый Вольтеръ почелъ бы себя счастливымъ, если бы дали ему хотя второе мѣсто послѣ Корнеля и Расина; когда Философія, дерзкая и вольнодумная, публично въ гостиныхъ нападала на Религію не иначе, какъ прикрываясь всѣми формулами уваженія и смиренія. Со всею своею славою Вольтеръ еще боялся Бастиліи, — страхъ, который впрочемъ не оставлялъ въ немъ до самой смерти, хотя въ послѣдніе годы жизни, по видимому, онъ былъ ближе къ престолу, нежели къ темницѣ. При всякомъ новомъ опасеніи Вольтеръ кидалъ въ свѣтъ новую Трагедію. Чтобы оправдаться въ неуваженіи къ Католицизму, Философія заимствовала изъ Религіи по крайней мѣрѣ высшія идеи о бытіи Божіемъ и безсмертіи души; даже осмѣливалась говорить, что очищая эти идеи отъ всякой примѣси суевѣрія, она даетъ имъ новую силу, и такимъ образомъ составитъ изъ нихъ Религію для просвѣщенныхъ людей.

«Во второй половинѣ XVIII вѣка все перемѣнилось. Вольтеръ, упоенный гордостью и отвязавшійся отъ литературной добросовѣстности, извиняетъ дурной вкусъ, если этотъ вкусъ ставитъ его выше великихъ Поэтовъ вѣка Лудовика XIV, Корнеля, Расина, Буало. Религія побѣждена; она, по тогдашнимъ понятіямъ, не имѣетъ болѣе никакой власти, кромѣ власти тѣни всеугнетающею, между тѣмъ какъ она сама въ угнетеніи. Всѣ дарованія переходятъ на сторону Философіи, а вмѣстѣ съ ними и привязанность народная. Богъ и безсмертіе имѣютъ только самыхъ робкихъ защитниковъ, за исключеніемъ Руссо. XVIII вѣкъ простодушно удивляется самому себѣ; эта жизнь, эта смѣсь Философіи и удовольствій, дерзостей литературныхъ и спокойствія политическаго кажется ему высочайшимъ наслажденіемъ; онъ не видитъ конца этого насла-

жденія. „Невѣріе имѣетъ жаръ и увлекательность новаго вѣрованія. Всякой размышляетъ, какъ хочетъ, дѣлаетъ и пишетъ, что хочетъ, и съ восторгомъ погружается въ удовольствія совершенной независимости идей и поступковъ. Сохранилось чрезвычайно любопытное письмо Вольтера, писанное, кажется, къ Кондорсету, гдѣ Вольтеръ смѣется надъ нѣкоторыми людьми, которыя вмѣсто того, чтобы усматривать въ концѣ всего этого золотой вѣкъ, предвидятъ только политическую революцію и страшныя ея послѣдствія.

XVIII вѣкъ наслаждался удовольствіемъ невѣрія: мы скучаемся имъ, мы чувствуемъ всю пустоту его. Положимъ, что для Философіи, какъ и для Политики самое лучшее время тогда, когда всѣ находятся на сторонѣ оппозиціи. Тогда всякой пускается по общему стремленію; всякой живетъ, не чувствуя тяжести жизни; всякой находитъ кругомъ себя только людей, которые удивляются ему, которые ободряютъ его, и которые сами пользуются уваженіемъ; тогда всякой любитъ всѣхъ и любимъ всѣми. Тогда есть даже добрая слава и для умовъ посредственныхъ, для самыхъ неизвѣстныхъ служителей господствующаго мнѣнія. Общій духъ составляетъ духъ каждаго. Надобно только знать пароль; если знаете его, васъ честятъ, ласкаютъ, боготворятъ; съ нимъ вы одарены талантами, вы добродѣтельны; общее мнѣніе обожаемо въ лицѣ самыхъ ничтожныхъ его представителей. Все это прекрасно! но пробужденіе! О, бойтесь пробужденія; оно ужасно! Пробужденіе есть то время, когда не на что уже нападать, нечего разрушать; когда въ Философіи и Политикѣ переходятъ отъ оппозиціи къ Правительству, отъ слова къ дѣлу; когда надобно расчитываться съ самимъ собою и посмотрѣть, куда зашли мы съ своими идеями, во что мы еще вѣруемъ и чему уже перестали вѣрить; время, когда, къ удивленію своему, вы начинае-

те замѣчать, что въ себѣ самомъ и кругомъ себя произвели ужасную пустоту, и что, думая обогащаться новыми мыслями, вы изгоняли только идеи, уже пріобрѣтенныя вами. Это время пробужденія—наше время.

«Во что мы вѣримъ? Чего хотимъ? Вотъ вопросы, которые задаютъ себѣ нынѣ всѣ мыслящіе люди, и которые смущаютъ ихъ. Посредствомъ естественнаго обращенія на самого себя, Г. С. Маркъ-Жирарденъ, начиная разбирать вторую половину XVIII вѣка, ужаснѣйшую эпоху невѣрія въ вѣкѣ невѣрія, задалъ себѣ также эти два вопроса; онъ хотѣлъ разсмотрѣть, гдѣ мы стоимъ, относительно этого вѣка, мы (*)—дѣти XIX столѣтія, если справедливо, что утомленные сомнѣніемъ и невѣріемъ, мы возвратились къ вѣрѣ; и потому онъ глубоко погрузилъ взглядъ свой въ такъ называемую нынѣ религіозную реакцію. Вспомоществуемый своимъ здравымъ смысломъ и проницательностію, Г. С. Маркъ-Жирарденъ отличилъ истинное чувство, существующее во глубинѣ почти каждаго сердца, отъ призраковъ воображенія. Истинное чувство есть сознаніе внутренней своей пустоты, безпокойное желаніе вѣрованія, родъ удивленія и ужаса при видѣ того одиночества, въ которое Философія XVIII вѣка поставила человѣка и общество: человѣка въ борьбѣ съ собственными страстями безъ правилъ, которыя могли бы повелѣвать ими, или въ борьбѣ съ превратностями жизни, безъ опоры, безъ свѣтильника, который бы озарялъ темноту ея; общество—въ борьбѣ съ революціями, безъ общественной вѣры, которая бы укрощала ихъ, и которая привела бы ихъ къ какимъ нибудь неколебимымъ правиламъ. Мы чувствуемъ, наше сердце блуждаетъ, подобно пустой колесницѣ, готовой ринуться въ бездну. Это невѣріе,

(*) Не должно забывать, что это говоритъ Французъ. *Ред.*

съ которымъ XVIII вѣкъ шелъ такъ тихо, полный увѣренности и безумной радости, для насъ—тяжкое бремя; мы поднимаемъ взоры къ небу, ищемъ тамъ угасшаго свѣтила; плачемъ, видя, что оно не блистаетъ для насъ болѣе; вотъ истинное чувство!

• Но какъ далеко еще отъ него до истиннаго возвращенія къ вѣрованію! Эта такъ называемая религіозная реакція всего болѣе могла бы привести въ отчаяніе относительно будущей участи Религіи, если бы рука Господня не поддерживала сію послѣднюю. Г. С. Маркъ-Жирарденъ изобразилъ черты этой реакціи, призраки ея и тщеславія, съ необыкновенною силою и истиной. — Религіозная реакція заключаетъ въ себѣ все, кромѣ самой Религіи. Вамъ нравится готическій стиль нашихъ древнихъ соборовъ? Ихъ раскрашенныя стекла, ихъ полусвѣтъ, ихъ холодный полъ, сырой воздухъ, которымъ дышишь въ нихъ, неподвижныя изображенія Святыхъ, поставленныя въ нишахъ, наполняютъ душу вашу какимъ-то неопредѣленнымъ чувствомъ благоговѣнія и покорности? Больше ничего и не нужно; вы истинный Католикъ — и довольно! Вотъ вамъ религіозная реакція. Религія (верхъ униженія!) повсюду имѣетъ только второе мѣсто и нигдѣ перваго; она — орудіе для Политиковъ, лира для Поэтовъ, символъ для Философовъ, умѣнье жить для порядочныхъ людей, не противорѣчащее ни приличію, ни честности. Этотъ чистый, строгій законъ Христіанскій превратился теперь въ законъ любви и удовольствій, любви обыкновенной! Этотъ непоколебимый законъ, побѣждавшій мудрецовъ и обезоруживавшій сильныхъ земли, теперь поправляется, приводится въ порядокъ, примѣняется къ обычаямъ и прихотямъ вѣка. Этотъ законъ покорности и смиренія превращается въ законъ мятежа и гордости. И есть люди, которые имѣютъ столько простодушія, что видятъ въ этихъ фантазіяхъ Поэтовъ и Филосо-

фовъ возвращеніе къ Вѣрѣ! Такъ называемая религіозная реакція имѣетъ такую же обширность и важность, какъ нашъ вкусъ къ старымъ мебелямъ, къ обычаямъ прошлаго времени. Ихъ очищаютъ, покрываютъ лакомъ, забавляются ими, но не пользуются. Никогда слово «республика» не было такъ часто произносимо, какъ въ то время, когда Римъ лишился безвозвратно своей свободы. Плиній Младшій не помнитъ себя отъ радости, разсказывая, что Сенатъ собирался три дни сряду для произнесенія суда надъ какимъ-то Проконсуломъ грабителемъ. Онъ находитъ это прекраснымъ и древнимъ: *pulchrum et antiquum!* Религіозная реакція — столько же Католическая, сколько Римлянинъ былъ республиканцемъ во времена Плинія Младшаго.

«Если мы должны возвратиться къ Вѣрѣ, то конечно не тѣмъ путемъ, который приняла религіозная реакція. Судя по обыкновеннымъ правиламъ человѣческой мудрости, эта реакція есть послѣдній признакъ умирающей, умершей Религіи. Не должно думать, что чувствовать нужду въ Вѣрѣ и вѣровать— одно и то же. Говорить о Религіи не значитъ еще быть религіознымъ. Бываютъ времена, когда все превращается въ слово и Литтературу; это именно тѣ времена, когда нѣтъ вѣры. Воображеніе идетъ своимъ путемъ, сердце своимъ. Сочиняются прекрасныя фразы противъ Философовъ XVIII вѣка, а между тѣмъ всѣ живутъ подобно этимъ Философамъ. Если есть разница, то развѣ въ томъ, что нынѣ менѣе знаютъ Религію въ основаніи, чѣмъ въ то время, и менѣе заботятся о ней. Прежде часто случалось, что невѣріе было на языкѣ, а вѣра въ сердцѣ; нынѣ же вѣра на языкѣ, невѣріе въ сердцѣ. Нынѣ не вѣруютъ, даже и не замѣчая того. Необходимость въ Религіи, всѣми чувствуемую, удовлетворяютъ системами, нѣкоторыми мнѣніями, благочестивыми опытками. Идутъ слушать проповѣдь, когда проповѣдникъ самъ — Философъ,

забавляющій слушателей разными духовными преніями, который вмѣсто того, чтобъ провозглашать власть Религіи, довольствуется ея толкованіемъ и присуждаетъ ей достовѣрность Философской Системы. Ни проповѣдникъ, ни слушатели не замѣчаютъ, что если бы Философія была въ силахъ растолковать Религію, Религія была бы самымъ безполезнымъ предметомъ въ мірѣ. Къ чему останавливаться на вѣрѣ, если Философія можетъ итти прямо къ истинѣ? Я ни сколько не хочу смѣяться надъ усиліями стольких умныхъ и честныхъ людей, старающихся отыскать гдѣ-нибудь немного вѣры, что-нибудь къ родѣ Религіи! Я думаю, вмѣстѣ съ Г. С. Маркъ-Жирарденомъ, что Опера и Полиція не составляютъ всего въ мірѣ, и что общество не здорово, когда оно только силою удерживаетъ людей неблагонамѣренныхъ, и только посредствомъ танцовщицъ увеселяетъ сердце добрыхъ гражданъ. Скептицизмъ въ обществѣ самый вѣрный признакъ болѣзни. Не удивляюсь, видя, что больной мечется на постелѣ; но думаю также, что призраки ни къ чему не служатъ, и что воображать себя вѣрующимъ, не будучи имъ, значитъ поставлять себѣ величайшее препятствіе быть имъ когда либо. Прежде всего надобно быть добросовѣстну съ самимъ собою!

«Лекарство, предложенное Г. С. Маркъ-Жирарденомъ слушателямъ, состоитъ въ томъ, чтобы обратиться къ изученію самихъ себя, и оставить пока общія идеи о мірѣ и человѣчествѣ, а заняться собственнымъ сердцемъ. Обобщая, споря, составляя софизмы, мы забываемъ, что мы такое, трудимся надъ словами, не имѣющими соотвѣтствія ни въ чемъ существенномъ, живемъ въ фантастическомъ мірѣ. Едва вышедъ изъ школы, мы уже хотимъ знать великіе законы человѣчества, и не знаемъ самыхъ простыхъ законовъ міра, въ насъ существующихъ, законовъ своего сердца.

Мы всѣ восхищаемся мыслію объ усовершаемости рода человѣческаго, а никто не думаетъ позаботиться объ усовершенствованіи самого себя. Мы превосходно знаемъ механизмъ обществъ и Правительствъ, или по крайней мѣрѣ думаемъ, что знаемъ; а пружины нашихъ страстей, а правительство нашего сердца для насъ совершенная загадка. Ни одного взора на самихъ себя; только одни идеи общихъ идей. Между тѣмъ человѣчество только въ насъ живетъ своею дѣйствительною жизнію. Мы носимъ въ самихъ себѣ его вѣрный образъ. Въ себѣ самихъ мы должны изучать его. Будьте увѣрены, только глубокимъ изученіемъ самихъ себя и своего сердца образовались великіе Поэты, великіе Ораторы, великіе Философы, великіе Политики. Если Религія имѣетъ какое либо прочное основаніе, то въ нашемъ только сердцѣ мы можемъ надѣяться найти его. Тамъ только, во глубинѣ насъ самихъ, должны существовать ея нетлѣнные корни. Только изучая самихъ себя, только пріучаясь познавать себя, мы зажжемъ снова погасшій свѣтильникъ нашего вѣрованія.

«Нѣтъ другаго способа, кромѣ этого. Не ищите Религіи ни въ Исторіи, ни въ Философіи; ея нѣтъ тамъ; она или въ сердцѣ вашемъ, или нигдѣ нѣтъ ея. Изучая все, кромѣ себя самого, человѣкъ научается только сомнѣваться; онъ сомнѣвается въ своей свободѣ, сомнѣвается въ своей духовности, сомнѣвается въ бытіи Божіемъ, сомнѣвается въ бытіи міра. Все загадка для него, даже самое его существованіе. Только въ познаніи самого себя обрѣтаетъ онъ Бога, міръ, жизнь. Сколько истинъ, кажущихся неясными уму разсуждающему, проясняются самопознаніемъ въ тѣ мгновенія, когда мы бываемъ съ собою! Будьте же столько сильны, сорвите съ себя эту театральную маску, которую мы всѣ почти носимъ. Сколько сомнѣній исчезнетъ, сколько истинъ загорится своимъ свѣтомъ!

«Словомъ, надобно возвратиться къ правилу древней мудрости: познай себя самого! Но что же выйдетъ изъ этого изученія самихъ себя? Возродится ли вѣра? Вѣкъ скептицизма превратится ли въ вѣкъ вѣрованія, или не достанутся ли на нашу долю только труды и заботы преобразованія, а плодами воспользуются потомки наши?» Этотъ вопросъ, который задалъ себѣ Г. С. Маркъ-Жирарденъ, я думаю, многіе изъ слушателей намѣревались предложить ему. Для меня вопросъ этотъ кажется весьма простъ. Что нужды? Будемъ дѣлать то, что должны, примиримся съ самими собою, и все остальное предоставимъ Богу. Еслибъ мы и научились только умѣрять свои собственныя желанія, господствовать надъ собою, то будто бы этого мало? Я вспомнилъ при этомъ случаѣ анекдотъ, въ которомъ всегда видѣлъ глубокій смыслъ. Въ одинъ изъ походовъ Халифа Омара, военачальники его разсуждали между собою о могуществѣ Бога и свободной воли человѣка. Наконецъ обратились они къ Халифу и просили разрѣшить имъ эту ужасную загадку, которая вѣчно будетъ мучить Философовъ и Богослововъ. «Это глубокая бездна» — отвѣчалъ Омаръ — «это море безбрежное.» Когда же военачальники стали приставать къ нему съ большею настойчивостію, онъ сказалъ: «Кто хочетъ заслужить полную довѣренность друга и быть повѣреннымъ всѣхъ его тайнъ, тотъ долженъ прежде всего доказать ему свою вѣрность и преданность. Служите Богу вѣрою и правдою въ этой жизни, въ будущей Онъ откроетъ вамъ Свои тайны.» — Заключеніе мое вовсе не мистическое. Чтобы свергнуть съ себя это сомнѣніе, насъ бременящее, станемъ трудиться безъ усталости, приблизимся къ самому основанію нашихъ вѣрованій, къ собственному сердцу; обработывая поле, оплодотворимъ его. Если нашъ вѣкъ есть вѣкъ изысканій, станемъ изыскивать. У

нашихъ предковъ были свои заботы, у насъ свои. Когда бы, говоритъ Г. С.-Маркъ-Жирарденъ, намъ сказали, что черезъ сто лѣтъ Франція должна быть порабощена, если мы нынѣ же не согласимся спасти ее отъ этого своею кровію: поколебались ли бы мы въ такомъ случаѣ, хотя угрожающее несчастіе не падетъ ни на одного изъ насъ, а только на дѣтей нашихъ? Рѣдко вѣкъ трудится для себя самого.

«Заключеніе это, отчасти скептическое, не покажется, можетъ быть, всѣмъ удовлетворительно. Г. С.-Маркъ-Жирарденъ чувствовалъ это и отвѣчалъ весьма умно на упрекъ, который могли бы ему сдѣлать въ томъ, что онъ не вывелъ заключенія. Онъ вывелъ заключеніе, какое только можно было вывести въ наше время, когда стараются говорить только то, что думаютъ, когда не вѣрятъ притворнымъ фразамъ и убѣжденіямъ, когда не доводятъ уже каждое утро ума своего до энтузіазма, чтобы запастись этимъ энтузіазмомъ на цѣлый день. Величайшее достоинство ученія Г. С.-Маркъ-Жирардена состоитъ въ томъ, что оно—ученіе важное и истинное; оно не поддѣлывается подъ мнѣнія слушателей, а предлагается имъ въ томъ видѣ, какъ есть. Выраженія его не натянуты; они просты, естественны, живы, какъ мысли его. Эта добросовѣстность преподаванія, если можно такъ выразиться, дѣлаетъ честь Профессору, дѣлаетъ также честь и слушателямъ, по моему мнѣнію.»

А мы только замѣтимъ съ своей стороны, что умный Профессоръ, если бы захотѣлъ, могъ бы для указанія пути къ вѣрѣ найти убѣдительныя мнѣнія въ нѣдрахъ самой Церкви; но, видно, состояніе слушателей его требовало, чтобы онъ скорѣе прибѣгнулъ къ изреченіямъ языческихъ и даже Магометанскихъ мудрецовъ, изреченіямъ, въ коихъ только отразился тотъ Свѣтъ, котораго тьма объятъ не въ силахъ.

НОВАЯ СЛАВЯНСКАЯ И ГРЕЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА. — Въ Пресбургѣ, въ книжной лавкѣ Игнатія Адольфа Шайбы, принимается подписка на Латинское сочиненіе: Matris Slavicæ filia erudita vulgo lingua græca, seu Grammatica cunctarum Slavicarum et Græcarum dialectorum in suis primitivis elementis et inde conflatis organicis formis exhibita, Gallicæ, Italicæ et Latinæ linguæ habita ratione. Auctore Gregorio Dankowsky, litterarum Græcarum in Regia Academia Posonensi Professore (Грамматика всѣхъ Славянскихъ и Греческихъ нарѣчій въ ихъ первообразныхъ элементахъ и происшедшихъ изъ того формахъ, соображенная съ языками Французскимъ, Италіянскимъ и Латинскимъ. Сочин. Григорія Данковскаго, Профессора Греческой Словесности въ Королев. Пресбургской Академіи). Посредствомъ этой Грамматики, сказано въ Аугсбургской Всеобщей Газетѣ, Славяне и Греки, по истеченіи стольких вѣковъ, должны узнать происхожденіе и истинное знаменованіе формъ ихъ языка, и Славяне станутъ справедливо гордиться тѣмъ, что Литература Греческая принадлежитъ къ богатству ихъ слова и что языкъ Гомера, Платона, Златоустаго доселѣ существуетъ и процвѣтаетъ отъ Невы и отъ горъ Кавказскихъ до Моря Адріатическаго и до верховьевъ Дуная.

ХАЛКОГРАФИЧЕСКІЕ ТРУДЫ Ж. Б. И ФР. ПИРАНЕЗИ. — Это любопытное и рѣдкое произведеніе знаменитаго Художника, содержащее въ себѣ прекрасныя и вѣрныя изображенія достопримѣчательныхъ памятниковъ Древняго и Новаго Рима, недавно куплено братьями Дидо (Didot), которые намѣреваются сдѣлать новое ему изданіе, присоединивъ нѣкоторыя доселѣ еще неизданныя гравюры. Оно состоитъ изъ 16 томовъ и болѣе нежели изъ 2000 гравюръ, въ большой листъ; одно гравированіе ихъ стоило болѣе милліона франковъ. Кромѣ отличнаго

исполненія, это произведеніе замѣчательно еще тѣмъ, что большая часть изображаемыхъ въ немъ памятниковъ находилась гораздо въ лучшемъ состояніи во времена Пиранези, нежели теперь. Когда смерть застигла Старшаго Пиранези, въ 1778 году, въ Римѣ, то сынъ его продолжалъ это изданіе. Папа оказывалъ ему покровительство, а Шведскій Король Густавъ III сдѣлалъ его своимъ Повѣреннымъ въ дѣлахъ при Римскомъ Дворѣ. Фр. Пиранези былъ посыланъ въ Парижъ, въ 1798 году, въ качествѣ Министра Римской Республики, и послѣ, по политическимъ обстоятельствамъ, долженъ былъ съ изданіемъ своимъ удалиться изъ Рима въ Неаполь, гдѣ взятъ былъ подъ арестъ и освобожденъ по ходатайству Бонапарта. Наполеонъ, сдѣлавшись первымъ Консуломъ, пригласилъ Пиранези во Францію, и онъ охотно на то согласился. Принадлежавшее ему собраніе гравюръ, медалей и монетъ, во время перевоза на кораблѣ изъ Италіи во Францію, досталось въ руки Англичанъ, которые однако изъ уваженія къ дарованіямъ и знаменитости Художника, возвратили все ему принадлежащее.—Наполеонъ далъ ему всѣ средства для продолженія полезнаго труда. Опредѣлено было купить на счетъ Государственныхъ суммъ учрежденное Пиранезіемъ заведеніе и для сего назначено 800,000 франковъ и 12,000 годоваго, пожизненнаго пенсіона Художнику — но паденіе Наполеона остановило исполненіе этого опредѣленія. Теперь его труды въ рукахъ братьевъ Дидо, и явятся свѣту въ полномъ, великолѣпномъ изданіи.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.
1836.
№ III. МАРТЪ.

I.

1. ВЫСОЧАЙШІЯ
ПОВѢЛѢНІЯ.

(За Февраль мѣсяцъ).

8. (Февраля 11) *О числѣ Чиновниковъ особыхъ порученій при Министрѣ, Исправляющемъ должность его Товарища и Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія.*

По Высочайше утвержденному въ 20 день Ноября 1835 года Мнѣнію Государственнаго Совѣта, въ которомъ между прочимъ изъяснено, чтобы Министры и Главноуправляющіе отдѣльными частями представляли на Высочайшее благоусмотрѣніе чрезъ Комитетъ Министровъ предположенія свои о числѣ Чиновниковъ особыхъ порученій

каждаго класса, которое, по количеству и роду дѣлъ и предметовъ, необходимо нужно по вѣдомству ихъ, Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія входилъ съ представленіемъ въ Комитетъ Гг. Министровъ объ исходатайствованіи Высочайшаго Повелѣнія:

1) При Министрѣ Народнаго Просвѣщенія состоять пятерымъ Чиновникамъ особыхъ порученій, каковое число и нынѣ находится, отнеся по росписанію должностей гражданской службы одного изъ нихъ къ V, а прочихъ четырехъ къ VI классу, не назначая впрочемъ имъ никакихъ постоянныхъ окладовъ и продолжая производить жалованье, откуда опредѣлено оно, лично только тѣмъ, кои получаютъ оное согласно съ особыми Высочайшими Повелѣніями.

2) При Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія оставить опредѣленныхъ временнымъ онаго учрежденіемъ, составленнымъ на основаніи Высочайше утвержденнаго 31 Мая 1835 года Мнѣнія Государственнаго Совѣта, четырехъ Чиновниковъ особыхъ порученій, безъ жалованья, съ отнесеніемъ ихъ по росписанію должностей гражданской службы къ VIII классу.

3) Сверхъ того для письмоводства при Исправляющемъ должность Товарища Министра Народнаго Просвѣщенія опредѣлить Чиновника особыхъ порученій съ жалованьемъ по 1500 рублей въ годъ изъ хозяйственныхъ суммъ Департамента Народнаго Просвѣщенія и съ присвоеніемъ сему званію въ порядкѣ росписанія должностей гражданской службы VIII класса.

Сіе представленіе, согласно Положенію Комитета Гг. Министровъ, въ 11 день Февраля удостоилось Высочайшаго утвержденія.

9. (Февраля 12) *О преимуществахъ службы для Училищныхъ Чиновниковъ въ Сибири, Грузіи, Кавказской и Закавказскихъ Областяхъ.*

Указъ Правительствующему Сенату.

Въ 26 день Мая минувшаго 1835 года утверждено Нами Положеніе о преимуществахъ службы въ Губерніяхъ и Областяхъ Сибирскихъ, въ Грузіи и Областяхъ Кавказской и Закавказскихъ.

Въ Указѣ Нашемъ, Правительствующему Сенату того же числа данномъ, изъяснено, что учебная служба во всѣхъ вышеозначенныхъ мѣстахъ остается на особенномъ ея Положеніи.

Но какъ прежнія преимущества Училищныхъ Чиновниковъ въ Сибири, Грузіи, Кавказской и Закавказскихъ Областяхъ при дѣйствіи Положенія о порядкѣ производства въ чины, въ 25 день Іюня 1834 года Нами утвержденнаго, не могутъ болѣе имѣть мѣста, то, согласно представленію Министра Народнаго Просвѣщенія, въ Государственномъ Совѣтѣ разсмотрѣнному, повелѣваемъ: новое Положеніе о преимуществахъ службы въ вышеозначенныхъ отдаленныхъ мѣстахъ 26 Мая 1835 года распространить какъ на Училищныхъ Чиновниковъ, такъ и на Учителей, въ тѣхъ мѣстахъ служащихъ, съ измѣненіемъ въономъ, сообразно существующимъ по учебной части Постановленіямъ, статей 4, 9, 10, 11 и 14, въ слѣдующемъ видѣ:

8) Учители и классные Училищные и другіе по учебному вѣдомству Чиновники, служащіе въ Сибири, Грузіи, Кавказской и Закавказскихъ Областяхъ, производятся въ слѣдующіе чины на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и лица, занимающія таковыя же должности въ Учебныхъ Заведеніяхъ внутреннихъ Губерній.

9) При увольненіи вовсе отъ службы, Директоры, Инспекторы, Учители и Надзиратели Гимназій, также Штатные Смотрители и Учители Уѣздныхъ Училищъ, равно семейства всѣхъ сихъ Чиновниковъ, получаютъ пенсіи и единовременныя пособія по правиламъ, предписаннымъ въ Постановленіяхъ по учебной части, съ тѣмъ, что прослужившимъ въ означенныхъ отдаленныхъ мѣстахъ десять лѣтъ, сроки къ полученію пенсій, сими Постановленіями назначенные, сокращаются пятью годами: при чемъ однакожь не должны входить въ расчетъ прибавки, полагаемыя къ штатнымъ окладамъ. Прочія же, состоящія по учебному вѣдомству лица не въ Учительскихъ и Училищныхъ должностяхъ, за исключеніемъ Канцелярскихъ Чиновниковъ, прослужившіе въ Сибири, Грузіи, Кавказской и Закавказскихъ Областяхъ 15 лѣтъ, начиная съ опредѣленія въ сіи должности, или, если перешли изъ другихъ вѣдомствъ, съ званія Начальника Стола, получаютъ одну треть окладовъ, присвоенныхъ имъ по разрядамъ должностей общаго Устава о пенсіяхъ, прослужившіе 20 лѣтъ — половину того оклада, а прослужившіе 30 лѣтъ — полную по разрядамъ пенсію.

10) Время служенія сихъ послѣднихъ, какъ и

означенныхъ отдаленныхъ мѣстахъ, по учебному вѣдомству въ званіи Канцелярскихъ Чиновниковъ, а внѣ онаго, до званія Начальника Стола, такъ и внутри Россіи, для полученія пенсіи слагается вмѣстѣ, считая каждые 7 лѣтъ за 5.

13) Пенсія семействамъ таковыхъ Чиновниковъ, умершихъ на службѣ, или въ отставкѣ съ пенсіею, назначаются на основаніи общаго Устава; но если по оному они не могутъ воспользоваться пенсіею, а мужъ или отецъ умеръ на службѣ, то получаютъ единовременно годовой окладъ его жалованья.

14) Учители и другіе состоящіе по учебному вѣдомству Чиновники, за исключеніемъ Канцелярскихъ Служителей, прослужившіе въ Сибири, Грузіи, Кавказской и Закавказскихъ Областяхъ 10 лѣтъ, начиная съ опредѣленія ихъ по учебному вѣдомству, а при переходѣ въ оное изъ другихъ вѣдомствъ, съ званія Начальника Стола,—могутъ, по удостоенію Начальства, получать въ награду участки изъ пустопорожнихъ земель. Мѣра сихъ участковъ и прибавка къ онымъ, по соображенію заслугъ, опредѣлена будетъ особеннымъ для каждаго края Положеніемъ.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ сдѣлать къ исполненію сего надлежащаго распоряженія.

На подлинномъ собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

НИКОЛАЙ.

С. Петербургъ,
12 Февраля 1836 года.

Награжденія, определенія и увольненія.

По Департаменту Народнаго Просвещенія.

Правитель Канцеляріи Департамента Титулярный Советникъ *Бланкъ* награжденъ за отличіе по службе чиномъ Коллежскаго Ассессора (18 Февраля).

Состоявшіе по Министерству Народнаго Просвещенія, Учители Его Императорскаго Высочества Государя Наследника и Цесаревича, Надворный Советникъ *Жилль*, и Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича Титулярный Советникъ *Гриммъ*, перечислены въ ведомство Министерства Императорскаго Двора (4 Февраля).

По Императорской Академіи Наукъ.

Экстраординарный Академикъ Действ. Статскій Советникъ *Германъ* утвержденъ Ординарнымъ Академикомъ по части Политической Экономіи и Статистики (31 Генваря).

По Университетамъ.

Утверждены на четыре года Ректорами Университетовъ: С. Петербургскаго— Ордин. Профессоръ Коллежскій Советникъ *Шульгинъ* (7 Февр.): при чемъ онъ же произведенъ въ следующій чинъ Статскаго Советника, со старшинствомъ со дня выслуги въ прежнемъ узаконеннаго срока; Московскаго — Ордин. Профессоръ Статскій Советникъ *Болдыревъ* (11 Февр.).

По Учебнымъ Округамъ.

Утверждены Почетными Попечителями Гимназій: С. Петербургской — Генералъ отъ Инфантеріи *Довре* (28 Февр.); Рязанской — Коллежскій Совѣтникъ *Рюминъ* (4 Февр.); Второй Кіевской — Полковникъ *Монтрезоръ* (4 Февр.); Орловской — Штабсъ-Капитанъ *Бурнашевъ* (18 Февр.); Оренбургской — Поручикъ *Пальчиковъ* (11 Февр.).

Почетный Смотритель Александрійскаго Уѣзднаго Училища, Штабсъ-Ротмистръ *Фугаровъ* награжденъ брилліантовымъ перстнемъ съ вензеловымъ изображеніемъ Имени Его Императорскаго Величества — за отлично-ревностную службу и значительныя пожертвованія въ пользу учащихся (7 Февр.).

Директору Павловскаго Сада Коллежскому Секретарю *Вейнману* пожалованъ брилліантовый перстень за поднесеніе Государю Императору сочиненной имъ Монографіи всѣхъ дикорастущихъ въ Россіи грибовъ (3 Февр.).

Объявлено Высочайшее благоволеніе: Академику Императорской Академіи Наукъ *Шмидту*, Статскому Совѣтнику *Петрушевскому* и Протоіерею *Бажанову* за поднесеніе Его Величеству изданныхъ имъ книгъ: 1) Исторіи Гессерхана на Монгольскомъ языкѣ; 2) Эвклидовыхъ Началъ трехъ книгъ, содержащихъ въ себѣ теорію чиселъ древнихъ Геометровъ, и 3) Нравоучительныхъ Повѣстей.

---

2. МИНИСТЕРСКІЯ

РАСПОРЯЖЕНІЯ.

(За Февраль мѣсяцъ).

6. (6 Февраля) Циркулярное предложеніе Попечителямъ Учебныхъ Округовъ и прочимъ, непосредственно отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія зависящимъ Начальствамъ, *о воспрещеніи людямъ несвободнаго состоянія посѣщать дополнительные курсы въ Уѣздныхъ Училищахъ.*

Высочайшимъ Рескриптомъ, послѣдовавшимъ въ 19 день Августа 1827 г. на имя бывшаго Г. Министра Народнаго Просвѣщенія Адмирала Шишкова, дозволено помѣщичьимъ крѣпостнымъ поселянамъ и дворовымъ людямъ обучаться въ Заведеніяхъ, въ коихъ предметы ученія не выше тѣхъ, какіе преподаются въ Училищахъ Уѣздныхъ.

По § 58 Устава Учебныхъ Заведеній 8 Декабря 1828 года могутъ быть открываемы при Уѣздныхъ Училищахъ, смотря по мѣстнымъ потребностямъ, съ разрѣшенія Министра Народнаго Просвѣщенія, особые дополнительные курсы, для обученія тѣмъ Искусствамъ и Наукамъ, коихъ знаніе наиболѣе способствуетъ успѣхамъ въ оборотахъ торговли и въ трудахъ промышлености.

Главное Правленіе Училищъ, обращая вниманіе съ одной стороны на пользу, которой ожидать

можно отъ учрежденія при Уѣздныхъ Училищахъ дополнительныхъ курсовъ, а съ другой на изъясненныя въ Высочайшемъ Рескриптѣ 19 Августа 1827 года правила, мнѣніемъ положило, чтобы въ Уѣздныхъ Училищахъ, при коихъ открыты дополнительные курсы, люди несвободнаго состоянія допускаемы были къ слушанію тѣхъ только предметовъ, кои входятъ въ обыкновенный курсъ Уѣздныхъ Училищъ, а не дополнительныхъ курсовъ, посѣщеніе коихъ, на основаніи помянутаго Рескрипта, должно быть имъ рѣшительно воспрещено.

Соглашаясь съ таковымъ положеніемъ Главнаго Правленія Училищъ, имѣю честь сообщить о семъ къ надлежащему исполненію.

7. (6 Февраля) *О введеніи во Владимірскомъ Уѣздномъ Училищѣ, въ видѣ дополнительныхъ курсовъ, преподаванія Латинскаго и Нѣмецкаго языковъ.*

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, въ слѣдствіе представленія Г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа, согласился на введеніе во Владимірскомъ Уѣздномъ Училищѣ, въ видѣ дополнительныхъ курсовъ, преподаванія Латинскаго и Нѣмецкаго языковъ, которое принимаетъ на себя Священникъ Сервитскій безъ всякой платы, съ тѣмъ, чтобы онымъ обучались только желающіе изъ учащихся и въ томъ пространствѣ, въ какомъ проходятъ ихъ въ первыхъ трехъ классахъ Гимназій.

8. (22 Февраля) *Объ опредѣленіи Бухгалтера въ Смоленской Дирекціи Училищъ.*

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, въ слѣдствіе представленія Г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа, изъявилъ согласіе на опредѣленіе особаго Бухгалтера въ Смоленскую Дирекцію Училищъ, съ жалованьемъ по пяписотъ рублей въ годъ изъ экономическихъ суммъ тамошней Гимназіи.

9. (22 Февраля) *Штатъ Типографіи Университета Св. Владиміра.*

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, по представленію Г. Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа, утверждая Штатъ Типографіи Университета Св. Владиміра, разрѣшилъ, чтобы исчисленный по оному въ ежегодный расходъ 6010 р. ас., впредь до открытія возможности содержать типографію изъ собственныхъ ея доходовъ, относимы были на счетъ экономическихъ суммъ Университета, и чтобы сей Штатъ былъ приведенъ въ дѣйствіе съ того времени, когда отойдутъ отъ типографіи прикомандированные къ ней отъ военнаго вѣдомства рабочіе люди; а до того типографія руководствовалась представленнымъ Г. Попечителемъ расчетомъ, по которому полагается на содержаніе ея въ годъ 5794 р., съ замѣною же письмоводителя Канцелярскимъ Служителемъ, только 5194 р.

ШТАТЪ

Типографіи Университета Св. Владиміра.

	Одному.	Всѣмъ.
	Рубли.	Ассигн.
Управляющему Типографіею, завѣдывающему и Литографіей, съ помѣщеніемъ въ казенной квартирѣ при сихъ Заведеніяхъ, жалованья . . .	—	1500
Канцелярскому Служителю жалованья.	—	600
Тремъ наборщикамъ	300	900
Тремъ печатникамъ. .	250	750
Тремъ батырщикамъ.	180	540
Переплетчику (онъ же и подъемщикъ)		400
Двумъ сторожамъ.	160	320
На бумагу, чернила, литеры, починку инструментовъ и проч. . .	—	1000
Итого. .	—	6010

10. (29 Февраля) *Объ учрежденіи при Университетѣ Св. Владиміра Римскокатолической каплицы.*

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, въ слѣдствіе представленія Г. Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа отъ 3 минувшаго Генваря, согласился на учрежденіе въ зданіяхъ Университета Св. Владиміра Римскокатолической каплицы, съ тѣмъ, чтобы въ ней совершалось богослуженіе

только для Чиновниковъ и Воспитанниковъ Римскокатолическаго Исповѣданія назначенными для того Священниками и не были допускаемы къ тому посторонніе или безмѣстные Духовные, и чтобы въ ней не были употребляемы Воспитанниками и люди другихъ Исповѣданій.

Опредѣленія, перемѣщенія и увольненія.

По Департаменту Народнаго Просвѣщенія.

Опредѣлены: Бывшій при Смоленской Духовной Семинаріи Магистръ Богословія *Гальковскій* — на вакансію Младшаго Помощника Начальника 2 Стола I-го Отдѣленія (27 Февр.); служащій въ Комитетѣ Цензуры Иностранной Кол. Ассес. *Романовъ* — Чиновникомъ особыхъ порученій при Департаментѣ, съ оставленіемъ при настоящей должности (19 Февр.).

По Университетамъ.

По С. Петербургскому: утверждены Деканами Факультетовъ: Философскаго I-го Отдѣленія — Орд. Проф. *Грефе*, II-го Отдѣленія — Орд. Проф. *Чижовъ*, Юридическаго — Орд. Проф. *Баронъ Врангель* (1 Февр.); Орд. Проф. Богословія и Церковной Исторіи Магистръ Священникъ *Бажановъ* уволенъ по прошенію отъ настоящей должности; а на его мѣсто опредѣленъ Священникъ *Райковскій*.

По Московскому утверждены: Проректоромъ Орд. Проф. *Бунге* (27 Февр.); Деканами Факультетовъ: Философскаго I-го Отдѣленія — Заслуж. Проф. *Каченовскій*, II-го Отдѣленія — Орд. Проф. *Перевощиковъ*; Медицинскаго — Орд. Проф. *Альфонскій*, и Юридическаго — Орд. Проф. *Васильевъ* (22 Февр.); оставлены

при Университетѣ по случаю преобразованія онаго: преподающій Богословіе Орд. Проф. Священникъ *Терновскій*, Лекторами языковъ — Французскаго *Декамъ*, Нѣмецкаго *Герингъ*, Италіанскаго *Рубини*, Англійскаго *Гарве*, Прозекторомъ Медико-Хирургъ *Шмидтъ*, Помощникомъ его Лекарь I Отдѣленія *Басовъ*, и вторымъ Лекторомъ Французскаго языка *Куртенеръ* (8 Февр.).

По Харьковскому: Лекарь *Калениченко* утвержденъ въ званіи Адъюнкта (25 Февр.).

По Дерптскому: Профессоръ Кенигсбергскаго Университета Докторъ *Ратке* утвержденъ Профессоромъ Физіологіи, Патологіи и Семіотики (27 Февр.).

По Учебнымъ Округамъ.

По Московскому: Кол. Сов. *Олсуфьевъ* уволенъ по прошенію отъ должности Почетн. Смотр. Звенигородскаго Уѣзднаго Училища (6 Февр.).

По Казанскому: уволены по прошенію вовсе отъ службы: Директоръ Симбирскихъ Училищъ Ст. Сов. *Гавриловъ* (18 Февр.) и Директоръ Училищъ Нижегородской Губерніи Кол. Ассес. *Никольскій* (12 Февр.).

По Харьковскому: утверждены Почетными Смотрителями Уѣздныхъ Училищъ: Шт. Капит. *Вердеревскій*— Липецкаго (20 Февр.); Кол. Ассес. *Сухинъ*— Кобелякскаго (12 Февр.).

По Кіевскому: Ст. Сов. *Левицкій* уволенъ по прошенію отъ должности Директора Училищъ Черниговской Губерніи (22 Февр.); Инспекторъ Первой Кіевской Гимназіи Тит. Сов. *Фишеръ* опредѣленъ

Исправляющимъ должность Директора Училищъ Черниговской Губерніи (22 Февр.).

По Бѣлорусскому утверждены: Старшій Учитель при Витебской Гимназіи 9-го класса *Чистяковъ* Инспекторомъ той же Гимназіи (1 Февр.); Кол. Рег. *Хлюдзинскій* Почетнымъ Смотр. Мстиславскихъ Училищъ (19 Февр.); уволенъ по прошенію Надв. Сов. *Монюшко* отъ должности Почетн. Смотр. Училищъ Игуменскаго Уѣзда (19 Февр.).

По Одесскому: Надв. Сов. *Телешевъ* уволенъ отъ должности Директора Бессарабскихъ Училищъ (20 Февр.).

По Иркутской Дирекціи Училищъ: Почет. Смотр. Киренскаго Уѣзднаго Училища Кол. Секр. *Томашевскій* уволенъ по прошенію отъ сей должности (19 Февр.).

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія изъявлялъ свою признательность:

Протоіерею Петропавловскаго Собора *Кочетову* за принесеніе въ даръ для Учебныхъ Заведеній вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія книги, подъ заглавіемъ: *Начертаніе Христіанскихъ обязанностей по ученію Православной Греко-Россійской Церкви* (6 Февр.); Учителю Рисованія при Второй Виленской Гимназіи Кандидату *Смоковскому* за принесеніе въ даръ для Благороднаго Пансіона при Виленской Гимназіи портрета Государя Императора (6 Февр.); Почетному Смотрителю Лихвинскаго Уѣзднаго Училища Надв. Сов. *Палтову* за принятіе имъ на себя обязан-

носшія вносить въ сіе Училище на уплату за наемъ для онаго квартиры всю слѣдующую сумму 302 руб. 95 коп. (22 Февр.).

Курскій 2-й гильдіи купецъ *Ѳедоръ Силинъ* наименованъ Почетнымъ Благотворителемъ Ланкастерской Школы въ городѣ Курскѣ, за устройство оной собственнымъ своимъ иждивеніемъ, съ издержкою на то 2662 руб. (5 Февр.).

II.

НАУКИ И СЛОВЕСНОСТЬ.

1.

ЛАТИНСКАЯ СИНОНИМИКА ВЪ ГЕРМАНІИ.

Въ Германіи въ одно и то же время два знаменитые Филолога *Дедерлейнъ* и *Рамсгорнъ* издали плоды многолѣтнихъ занятій и глубокихъ свѣдѣній своихъ въ Латинскомъ языкѣ — *Латинскіе Синонимы*, кои до сихъ поръ не имѣли столь искусныхъ воздѣлывателей, и не были изложены въ такомъ объемѣ. Какъ оба творенія сіи заслуживаютъ особенное вниманіе, то и мы постараемся нѣсколько познакомить читателей нашихъ съ цѣлію и средствами сихъ Сочинителей и съ содержаніемъ ихъ сочиненій, необходимыхъ для совершеннаго изученія Латинскаго языка и Словесности.

Синонимика, имѣя предметомъ своимъ изслѣдованіе подобозначащихъ словъ, составляетъ важнѣйшую часть Лексикографіи, и потому не что иное есть, какъ Сравнительный Лексиконъ, въ коемъ должны заключаться слова не однозначенательныя, но подобозначащія.

Лексикологія въ обширномъ смыслѣ содержитъ въ себѣ Словопроизводство и Синонимику, въ тѣсномъ же Этимологія служитъ ей основаніемъ, а Синонимика дополненіемъ. Употребленіе даетъ законы для Синонимики. При разборѣ синонимовъ должно принимать въ разсмотрѣніе словопроизводство, которое часто открываетъ намъ первоначальное значеніе словъ. Впрочемъ не всегда можно полагаться на сіи этимологико-синонимическія изслѣдованія: ибо языкъ въ потокѣ вѣковъ удаляется отъ первобытной простоты своей въ различныхъ отношеніяхъ, и мало по малу умножаетъ свои богатства, которыя доставляютъ ему время отъ времени увеличивающіяся потребности чувственныя и духовныя, для удовлетворенія коихъ люди принуждены прибирать новыя названія, сообразно съ духомъ своего языка. Чтожъ касается особенно до изслѣдованія подобозначащихъ словъ Латинскаго языка: то должно сличать и опредѣлять значенія синонимовъ исторически и по различнымъ эпохамъ, такъ какъ и во всякомъ мертвомъ языкѣ, на что еще мало обращаемо было вниманія. Здѣсь не льзя не пожалѣть о той невознаградимой утратѣ, какую потерпѣла Латинская Синонимика отъ потери памятниковъ Древне-Римскаго и Древне-Италіянскихъ языковъ, въ коихъ должны заключаться корни многихъ словъ Латинскихъ (*). Чтобы узнать, въ какомъ когда смыслѣ принимали слово различные Писатели, необходимо проводить значеніе онаго

(*) *Ausonii Popmae* de usu antiquae locutionis, ed. 2. Marpurg, 1652, in-12.

чрезъ всѣ періоды; такъ слово elegantia, выражавщее средину между щегольствомъ и неопрятностію, при Катонѣ употреблялось въ дурномъ, а при Цицеронѣ и Квинтиліанѣ въ хорошемъ смыслѣ (*Auli Gellii* N. A. XI. 2); *dominus* въ республиканскомъ правленіи говорилось о господинѣ въ отношеніи къ рабамъ, а при Императорахъ въ отношеніи Государя къ подданнымъ, къ нему раболѣпнымъ. Такъ же измѣнялся смыслъ словъ: regius, facetus, obsequium и п. д. Сколь важно и необходимо сіе условіе для синонимическихъ изслѣдованій, тому служитъ убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ, что нерѣдко въ учебныхъ книгахъ сего рода выдаются за синонимы такія слова, кои отнюдь не подобозначащія въ отношеніи ко времени ихъ употребленія: потому что когда одно вошло въ обращеніе, тогда другое съ нимъ сходное давно уже предано было забвенію и нерѣдко одно слово разные имѣетъ синонимы въ собственномъ и переносномъ значеніи; на пр.: acer и acutus, acer и vehemens. Въ Латинскомъ, какъ и въ Русскомъ, встрѣчаются также и синонимы для высокаго слога, на пр: bos, вм. taurus, materia вм. lignum, detrahere сильнѣе, чѣмъ adimere, stertere ниже, чѣмъ dormire. У Римскихъ Писателей, какъ, на пр., у Саллустія, иногда слова древнія обветшалыя (antiquata) бываютъ синонимами употребительныхъ.

Въ живыхъ языкахъ несравненно удобнѣе можно находить различія словъ подобозначащихъ, чѣмъ въ мертвыхъ: потому что различіе такихъ словъ узнается изъ общаго употребленія, значенія коренныхъ словъ во многихъ случаяхъ легко могутъ быть

угадываемы, самыя тончайшія сопряженія понятій легче и яснѣе открываются. Напротивъ того, въ мертвомъ языкѣ должно объяснять опредѣленія синонимовъ посредствомъ сравненія многихъ съ трудомъ собранныхъ и часто еще не повѣренныхъ мѣстъ изъ различныхъ Писателей, и не рѣдко извлекать корни словъ изъ другихъ древнихъ языкахъ, съ нимъ сродственныхъ. Сверхъ того затрудняетъ множество разнообразныхъ и не опредѣленныхъ формъ и отысканіе корня словъ, если утратилось первоначальное ихъ значеніе: ибо постепенное развитіе языка изъ самого себя есть столь же неразрѣшимая задача, какъ и развитіе языка одного народа изъ языка другаго народа. Что въ живомъ языкѣ можно открыть посредствомъ ежедневнаго обращенія, то въ мертвомъ должно отыскивать посредствомъ основательнаго и глубокаго изученія онаго, чрезъ короткое знакомство съ духомъ его Писателей, съ Исторіею, характеромъ, нравами и обычаями, съ религіозною, гражданскою и семейною жизнію того народа, въ устахъ коего жилъ языкъ. Важность живаго познанія синонимической связи словъ для изученія и ученаго обработыванія языка понимали сами Римскіе Писатели, которые оставали намъ опыты своихъ изслѣдованій этимологико-синонимическихъ: Т. Варронъ, Цицеронъ, Сенека, Квинтиліанъ и древніе Грамматики.

Въ Синонимическихъ своихъ твореніяхъ Фронтонъ, Іоаннъ de Garlandia, современникъ Гаральда въ Англіи, Попма и другіе не обратили должнаго вниманія на Этимологію. Всѣ почти опредѣленія

синонимовъ у Древнихъ имѣютъ только философское, а не историческое значеніе: потому что историческое языкоизслѣдованіе есть такое знаніе, въ коемъ Древніе, особливо Римляне, показали весьма мало способности и искусства. Самый великій знатокъ Латинскаго языка Цицеронъ не всегда бываетъ правдивымъ судьею въ этомъ дѣлѣ, хотя встрѣчающіяся у него въ рѣчи синонимическія опредѣленія и объясненія противоположными словами достойны особеннаго вниманія и соображенія. При многихъ опытахъ, достойныхъ уваженія, еще доселѣ Синонимики не употребили должнаго труда на собраніе рѣшительныхъ и важнѣйшихъ мѣстъ изъ Писателей для истиннаго различенія сослововъ.

Основываясь на Авзоніи Попмѣ, *Гарденъ Дюмениль* издалъ 1777 г. въ Парижѣ Synonymes Latins et leurs différentes significations. *Н. Ашентръ* въ 1829 г. тамъ же напечаталъ оныя съ своими дополненіями. Онъ болѣе основывается на Стихотворцахъ, у которыхъ встрѣчаются особые синонимы, чѣмъ на Прозаикахъ, нерѣдко только доказывая, что слово въ такомъ же употреблено значеніи у Поэтовъ, въ какомъ оно обыкновенно принимается; часто представляетъ мнимые синонимы и пропускаетъ различія въ частицахъ подобозначащихъ. Твореніе Дюмениля издано было съ Нѣмецкимъ переводомъ Лейпцигскимъ Профессоромъ І. Х. *Эрнести* 1799—800, въ 3 т. in-8, подъ заглавіемъ: Versuch eines allgem. latein. Synonymik, in einem Handwört. der synon. Wörter der klass. lat. Sprache. Но издатель не исправилъ

ошибокъ Сочинителя, не дополнилъ его пропусковъ. Глубокій знатокъ Латинскаго языка, Сочинитель новой и отчетливой Грамматики онаго *Л. Рамсгорнъ* съ великимъ тщаніемъ и искусствомъ обработавъ и усовершенствовавъ Дюмениле́въ трудъ, издалъ въ Лейпцигѣ 1831 г. подъ заглавіемъ: Lateinische Synonymik, 2 Th.

Такъ какъ окончанія придаютъ коренному слову опредѣленное значеніе, то Рамсгорнъ начинаетъ свои синонимы Латинскими формами окончаній существительныхъ, прилагательныхъ, глаголовъ и нарѣчій. Основываясь на странствованіяхъ и сближеніи народовъ въ предъисторическія времена и на истинномъ и мнимомъ сродствѣ Латинскаго языка съ Греческимъ, особливо Эолическимъ и Дорическимъ нарѣчіями и другими языками, онъ далеко раздвинулъ предѣлы своихъ этимологическихъ изслѣдованій для опредѣленія значенія словъ Латинскихъ, коихъ корни находитъ онъ не только въ Греческомъ, но и въ Санскритскомъ языкѣ, и въ Тевтонскихъ нарѣчіяхъ. Поставляя цѣлію Этимологіи изслѣдованіе производства слова и открытіе изъ его стихій главнаго понятія, Рамсгорнъ старался съ точностію опредѣлить форму слова, общую съ другими, или отдѣлить отъ него главное понятіе кореннаго слова. Онъ первый изъ Европейскихъ Филологовъ употребилъ Славяно-Русскій языкъ для объясненія Латинской Этимологіи столько, сколько позволяли ему недостаточные источники и его знаніе: ибо сходство онаго языка съ Греко-Римскимъ служитъ доказательствомъ древняго сосѣдства и соприкосновенія Сла-

вянъ съ классическими народами (*). Сему Филологу извѣстенъ былъ единственный и великій трудъ Великой Екатерины: Словарь е. Linguarum totius orbis vocabularia comparativa, изъ коего Д. Клюберъ сдѣлалъ извлеченіе въ 1827 г., подъ заглавіемъ: Ueber den Ursprung und die verschiedenartige Verwandschaft des Europaischen Sprachen nach Anleitung des russischen allgemeinen vergleichenden Wörterbuchs. Изъ словъ Латинскихъ, сравненныхъ съ Восточными и Скандинавскими, замѣтимъ приведенныя Г. Рамсторфомъ слѣдующія Русскія:

os, кость,
juvenis, старин. junis, юный.
pastor, пастырь,
cadus, кадь, кадка, *κάδος*,
tepere, тепло,
bidere, пити, пію, *πίειν*,
secare, сѣкати,
nox, ночь,
sol, солнце,
sal, соль,
collis, холмъ,
villus, Wolle, волосъ,
vesper, вечеръ,
vinum, вино,
cudo, кую,
cortex, кора,
guttur, горло,
micare, мигать,

(*) Умозрит. и опытн. основанія Словесности Глаголева, въ IV Ч. С. Петербургъ, 1834.

fur, φώρ, фин. wora, воръ,
vetus, ветхій,
hospes, hostis, гость,
flamma, пламя,
uvida, uda, вода; отсюда utigo, по изъясненію Сервія Грамм. naturalis humor terræ, ex ea nunquam recedens. Слово сіе созвучно съ *влага*, *Волга*.

Производя слово gleba отъ Шведскаго klibba и Греч. *γλία*, Г. Рамсгорнъ не указываетъ на сродное оному Русское *глыба*, такъ равно въ словахъ: *clib*anus (*κλίβανος*) хлѣбная почка, *vertumnus* богъ *верто*градовъ, *satu*ra или *saty*ra, на Славянскія слова *хлѣбъ*, по Малорос. *хлибъ*, на Польскомъ по Варшавскому и Краковскому произношенію *хлибъ*, а по Литовскому *хлѣбъ* (chlėb), *вертъ* садъ и жито (*σῖτον*) и т. д. Сюда же можно бы было отнести: lux лучь, par пара, jugum иго, arca рака, ostium устье, coitio соитіе, сходка, clino клоню, semina сѣмена, læva лѣва, nova нова, trepidare трепетать, terere, тереть, vertere вертѣть, и т. д. Согласно съ Присціаномъ, Рамсгорнъ производитъ coelebs отъ coelestium vitam ducens, когда къ нему ближе Русское *цѣлый*; такъ равно coelum болѣе по видимому однородно съ Лат. celare или Итал. celo чело, начало, nubes, коего коренный слогъ neb, nub мрачный, темный, и nebula сродно съ *небомъ*. Сходно также съ Латинскимъ словомъ parma Славянское *бармы*; о первомъ С. Климентъ Александрійскій въ Strom. говоритъ слѣд.: *Θρᾶκες πρῶτοι τὴν καλουμένην πάρμην εὗρον* и проч. Сіи весьма немногіе примѣры довольно убѣждаютъ въ необходимости Славяно-Русскаго языка

для объясненія Латинскаго и на оборотъ: въ чемъ бы болѣе удостовѣрялся и Филологъ нашъ, еслибъ короче узналъ Славяно-Русскій языкъ и глубже вникнулъ въ его стихія, переносящія насъ въ міръ Греко-Римскій; тогда бы онъ увидѣлъ, что сходство и сродство Русскаго языка съ Латинскимъ и Греческимъ основывается не только на звукахъ, но и на измѣненіи ихъ по родамъ, числамъ, склоненіямъ и спряженіямъ, что намъ доказали Гг. Грефъ, Экономидъ и Глаголевъ. Но какъ не всѣ выводы этимологическіе у Рамсгорна основаны на историческихъ доказательствахъ и многіе изъ нихъ подвержены еще сомнѣнію: то здѣсь не льзя не припомнить справедливаго мнѣнія Бл. Іеронима: Magnarum virium est posse diversarum vocabula nationum transferre sub etymologiis suis.

Основывая Синонимику свою на Этимологіи, Рамсгорнъ дополнилъ Дюженилевъ и Эрнестіевъ трудъ разборомъ частицъ, удовлетворительнымъ объясненіемъ значенія словъ текстами болѣе изъ Прозаиковъ, чѣмъ изъ Стихотворцевъ Латинскихъ съ указаніемъ книгъ и Главъ въ текстахъ для легчайшаго пріисканія и повѣрки. У Эрнести не рѣдко неправильно означены тексты и Писатели, что исправлено Рамсгорномъ, на пр.: въ синонимахъ: accessus, accessio, incrementum, слова: omnia incrementa sua sibi debuit приписаны Цицерону, тогда какъ они сказаны о Цицеронѣ *Веллеемъ Патеркуломъ* 2, 34: Cicero omnia incrementa sua sibi debuit. Хотя числомъ синонимическихъ объясненій у Рамсгорна, по видимому, менѣе, чѣмъ у Эрнести, ибо у перваго 1387 номеровъ, а у другаго 2538;

но онъ часто въ одномъ N° соединитъ раздѣленныя у Эрнести въ разныхъ. На пр.: у Эрнести N° 4, abdere, condere, abscondere, recondere, occulere, occultare; у Рамсгорна, кромѣ сихъ означенныхъ, присоединены abstrudere, retrudere. *Abdere* (ab-do, dere, Англ. do дѣлать) отдалять, скрывать: Reliqui fugæ sese mandarunt atque in proximas silvas abdiderunt. *Cæs.* 1. 12. Abdere se totum in literas et literis. *Cic.* Fam. 7. 33. Arch. 6. 12. — *Condere* (con-do), складывать, содержать, хранить, condere pecuniam. *Cic.* Cluen. 26, 72. Agr. 2, 26. — Fructus, frumentum. *C.* N. D. 2, 68. aliquem in carcerem. *C.* Verr. 5, 25. Quas (testudo) quum abdidisset cornea corpus domo, nec ullo pacto lædi posset condita. *Phæd.* 2, 6, 5. *Abscondere* (abs-con-do) отдалять и оберегать, скрывать: secundum ipsam aram aurum abscondidi. *Plaut.* apud. Prisc. X, 4. Erant fortasse gladii, sed absconditi. *C. Phil.* 2, 42. Въ переносномъ значеніи: Nihil de abscondito jure pontificum dicam. C. Dom. 54. Obscurum est, quod difficile invenitur; absconditum, quod penitus ignoratur. *Ascon.* ad. *Cic.* Verr. A. 1, 11. *Recondere* (re—con—do) опять назадъ прятать, тщательно хранить и скрывать: Caupo gladium cruentatum in vaginam recondidit. *Cic.* Inv. 2, 4. Angulum mihi aliquem eligas provinciæ reconditum ac derelictum. C. Verr. 3, 84. Nummos aurumque recondidit. *Horat.* S. 2, 3, 109. Quintius natura tristi ac recondita fuit. *C.* Quin. 18. Скрытнаго характера. Erant in L. Torquato plurimæ literæ, nec eæ vulgares, sed interiores quædam et reconditæ. Cic. Brut. 76. Ceterarum artium studia fere recon-

ditis atque abditis e fontibus hauriuntur: dicendi autem omnis ratio in medio posita. *Cic.* Or. 1, 3. *Occulere* (ob—colo) держать что предъ кѣмъ, заслонять, скрывать, закрывать что либо отъ глазъ, прикрывать. Quæcunque premes virgulta per agros — multa memor occule terra. *Virg.* 9. 2, 346. Istæ vetulæ vitia corporis fuco occulunt. *Plaut.* Most. 1, 3, 118. Feminæ in urbibus parietum umbris occuluntur. *C.* Tusc. 2, 15. Appii vulnera apparent, nec occuli possunt. *C.* Att. 5, 15. Puncta argumentorum occulas. *Cic.* Or. 2, 41. *Occultare* скрывать, прятать, — съ усиленіемъ, учащаніемъ. Marius senile corpus paludibus occultavit demersum. C. Sext. 22. Est quiddam, quod occultatur. Quod quo studiosius opprimitur et absconditur, eo magis eminet et apparet. *C.* S. Rosc. 41. Tenuitas hominis ejusmodi est, ut dissimulari non queat atque eo magis eluceat, quo magis occultatur. — *Abstrudere* (abs—trudo) толкать, сильно гнать, съ глазъ сгонять другихъ, глубоко скрывать. In hac solitudine careo omnium colloquio; quumque mane me in sylvam abstrusi densam et asperam, non exeo inde ante vesperum. *C.* Att. 12, 15. Isti penitus abstrusas insidias se posuisse arbitrantur contra C. Pompeii dignitatem *Cic.* Agr. 2, 18. Спрятанный, сокровенный. Natura in profundo veritatem penitus abstrusit. *C.* Acad. 2, 10. Disputatio abstrusior, разсужденіе глубокомысленное, требующее глубочайшаго изслѣдованія. — *Retrudere* отталкивать; retrusus весьма отдаленный, сокровенный: Hæc sunt penitus in media philosophia retrusa atque abdita. *C.* Orat. 1, 19.

Л. Дедерлейнъ въ своей книгѣ: Lateinische Synonymik und Etymologien (въ 4 Ч. Лейпцигъ 1826 —1831) представляетъ намъ прекраснѣйшій опытъ Синонимики Латинской, основанной на словопроизводствѣ; примѣры для опредѣленія понятій онъ заимствовалъ изъ различныхъ прозаическихъ Писателей, и особенно изъ Авторовъ главныхъ періодовъ Латинскаго языка. Синонимическими объясненіями ограничиваетъ онъ болѣе извѣстныя семейства словъ, а кругъ этимологическихъ изслѣдованій только классическими языками, между собою столь сродственными, не почитая соотвѣтственнымъ цѣли обширнѣйшее изъясненіе словъ Латинскихъ изъ многихъ языковъ; и часто тѣ самыя слова, кои Рамсгорнъ и другіе Филологи производятъ отъ Санскриптскихъ, онъ находитъ въ Греческомъ или Латинскомъ прямо отъ Латинскихъ корней, на пр. luna, lucna, отъ lucina и lucere, какъ соотвѣтствующее аналогіи Латинскаго языка, scindo отъ caedo, а не отъ σχίζω. Держась болѣе или менѣе Психологической Синонимики, Дедерлейнъ предоставляетъ Римскимъ Древностямъ Историческую Синонимику, и только мимоходомъ касается оной.

Для объясненія различія между подобозначащими словами, употребляя или логическое описаніе, или опредѣленіе, онъ, сколько и гдѣ возможно, при сравненіи синонимовъ, сосредоточивалъ въ одномъ словѣ точное ихъ различіе. Для представленія сего различія ощутительнымъ, онъ сближаетъ слова, кои выражаютъ два понятія, содержащіяся одно къ другому такъ, какъ внутреннее состояніе къ

обнаруживанію онаго словомъ или дѣломъ: meminisse помнить и memorare упоминать, misereri чувствовать, miserari обнаруживать сострадание, или gratias habere и gratias agere и т. д. Если возмемъ для сличенія объясненіе синонимовъ, Рамсгорново и Дедерлейново, мы увидимъ у послѣдняго болѣе отчетливости, основательности и остроумія въ опредѣленіи, чѣмъ у перваго. Рамсгорнъ не отступилъ отъ своего образца, Дюмениля, объясняя silere словами: «ничего не говорить, безмолствовать», а tacere: «молчать, когда бы можно или должно говорить.» Но Дедерлейнъ выводитъ различіе обоихъ словъ изъ сравненія silere съ σιωπᾶν, а tacere съ σιγᾶν, изъ противоположенія первому strepere, fremere, а другому loqui, даетъ silere болѣе обширности: потому что оно начинается буквою s (ссъ!) выражающею молчаніе и опредѣляетъ сей глаголъ: «не издавать звука, не дѣлать шуму, безмолвствовать»; а tacere: «не говорить ни слова, умалчивать.» Объясненіе свое подкрѣпляетъ Г. Дедерлейнъ прочными доказательствами.

Впрочемъ иногда Г. Дедерлейнъ смѣшиваетъ истинные синонимы съ мнимыми, и не вездѣ у него вѣрны выводы и основанія; на пр. 1, стр. 178, выдавая слово solidus особеннымъ эпитетомъ земли, онъ подтверждаетъ это слѣдующимъ стихомъ Овидія Fast. VI 404. Nunc *solida* est tellus, quæ lacus ante fuit. Et *solidam* longo carmine findit humum. Am. 1, 8, 18. Но стихіи сіи сего не подтверждаютъ, потому что въ одномъ стихѣ слово solidus противополагается землѣ и озеру, увеличиваетъ силу прорѣзыванія земли. Также неправильно, ка-

жется, чтеніе приведеннаго имъ въ доказательство слѣдующаго стиха изъ Виргиліевой Энеиды, IX, 214: Mandet humo *solida*, aut si qua fortuna vetabit. Вѣрнѣе чтеніе: solito, т. е. solito more, ex solito. Такъ Проперцій, I 17.;

Nec mihi Cassiope solito visura carinam.

Сколько можно усмотрѣть изъ перваго чтенія сей книги, еще встрѣчаются нѣкоторыя несообразности текстовъ, кои извиняетъ огромность и новость труда; мы также не осмѣлимся поставить ученѣйшему Сочинителю въ ошибки неизбѣжныхъ опечатокъ, на пр. въ 3 Ч. на стр. 117. pauper и medicus вмѣсто mendicus и проч.

Часто въ описаніи и опредѣленіи различія словъ Г. Дедерлейнъ вдается въ подробности, какихъ избѣгалъ Рамсгорнъ, слишкомъ краткій въ томъ и другомъ.

Оба сіи важные и полезные труда, посвященные Латинской Синонимикѣ, имѣя различную цѣль, еще не вполнѣ достигли оной, какъ сами Сочинители сознаются и что доказываютъ собственныя ихъ дополненія и поправки при концѣ книгъ; но оба, имѣя великія достоинства, необходимы для любителей Латинской Словесности. Еще предлежитъ имъ новый подвигъ къ разработкѣ сей богатой руды слова, сроднившагося со всѣми языками Европейскими. Такъ какъ подобное сочиненіе имѣетъ въ виду употребленіе онаго въ Училищахъ, или удовлетвореніе требованію Науки: то они сами обѣщаются издать по другому плану учебную книгу Латинской Синонимики.

Дедерлейнъ самъ признается, что ему не всѣ были извѣстны пособія по сему предмету, и между прочимъ: J. *Hill's* The synonymen of the latin language with critical disputations. Edinburg. 1804. 4.

Обращая должное вниманіе на сіи ученыя творенія обоихъ Германскихъ Филологовъ, не можемъ при семъ случаѣ не пожалѣть, что мы Русскіе не имѣемъ своего Синонимическаго Словаря, какъ средства воспользоваться ихъ Латинскими Синонимами, и не можемъ не пожелать, чтобы сія сокровищница Отечественнаго слова была раскрыта искусною и тщательною рукою для общаго употребленія.

И. Снегиревъ.

2.

КРАТКІЙ ВЗГЛЯДЪ

НА НАУКУ ДИПЛОМАТІИ ВООБЩЕ.

(*Пробная лекція, читанная Докторомъ Правъ И. Ивановскимъ* 1835 *года, Августа* 2 *дня*).

Inter causas malorum nostrorum est, quod vivimus ad exempla, nec ratione componimur, sed consuetudine adducimur.

Seneca, Epist. CXXIV.

Дипломатія можетъ быть понимаема въ двоякомъ смыслѣ: или какъ совокупность Наукъ необходимыхъ для образованія Дипломата, или какъ Наука отдѣльная, имѣющая свое положительное основаніе и свои точныя границы. Подъ именемъ Дипломата, въ самомъ обширномъ смыслѣ, разумѣемъ каждаго человѣка способнаго къ занятію или дѣйствительно занимающаго какое либо мѣсто въ публичной администраціи, коей ввѣрены управленіе и устроеніе внѣшнихъ сношеній между народами. Посему, разсматривая Дипломатію, какъ Науку отдѣльную, можно назвать ее Наукою внѣшнихъ между народами сношеній. Многіе назначаютъ Дипломатіи еще тѣснѣйшіе предѣлы, именуя оную только пріобрѣтеніемъ опытности вести между народами переговоры и утверждая, что она то же

въ отношеніи къ самостоятельнымъ народамъ, что судопроизводство къ частнымъ лицамъ. Но такое опредѣленіе Дипломатіи, не возвышая ея на достоинство Науки, унижаетъ до степени простой техники. Правда, что пріобрѣтеніе практической опытности вести переговоры составляетъ часть дипломатической дѣятельности; но оно еще не есть Дипломатія. Однакожъ оставимъ опредѣленія: ибо самое справедливѣйшее изъ нихъ не можетъ еще выразить существа самой вещи; разсмотримъ кратко, какія Науки составляютъ кругъ дипломатическаго курса, и въ особенности остановимся на Правѣ Народовъ, какъ на главномъ источникѣ Дипломатіи, надъ измѣненіями, кои претерпѣла сія Наука, и взглянемъ на Науки Вспомогательныя. Разборъ сей укажетъ намъ важность Дипломатіи и методу ея изученія.

Мы сказали, что назначеніе Дипломата состоитъ въ управленіи внѣшними сношеніями независимыхъ Государствъ. Но внѣшняя дѣятельность народовъ и появленіе ихъ въ политической системѣ болѣе всего зависятъ отъ внутренней ихъ жизни. И слѣдовательно, знать отношенія Государства значитъ знать его жизнь внутреннюю и внѣшнюю. — Посмотримъ, какіе органы сей жизни. — Человѣкъ находится въ отношеніи къ самому себѣ, къ себѣ подобнымъ и къ внѣшнему міру; человѣкъ чувствуетъ свое бытіе индивидуальное, отдѣльное отъ бытія другихъ людей и другихъ вещей, и, какъ существо разумное и нравственное, онъ призванъ къ дѣятельности разумной и нравственной. Отношеніе человѣка къ самому себѣ проявляется

въ обязанности безпрерывнаго усовершенствованія; его отношеніе къ другимъ людямъ обнаруживается въ томъ, что права и обязанности каждаго человѣка порознь суть естественные предѣлы правъ и обязанностей другихъ людей; а его связь съ внѣшними вещами состоитъ не только по праву, но даже и по обязанности въ употребленіи оныхъ вещей какъ средствъ къ достиженію разумомъ назначенной цѣли. Но осуществленіе сихъ отношеній можетъ происходить только подъ властію правъ: ибо въ безпрерывной войнѣ страстей, въ постоянномъ бореніи разнородныхъ, часто даже противоположныхъ интересовъ тамъ только можно надѣяться соединенія частныхъ цѣлей съ общею цѣлію, гдѣ царствуетъ законъ; царство же закона можетъ быть осуществлено только въ Государствѣ. Три элемента составляютъ Государство: власть верховная, народъ и территоріумъ. Но сіи три элемента составляютъ не мертвое цѣлое. Государство, подобно тѣламъ органическимъ, одарено жизнію: и потому, дабы узнать, что̀ есть Государство и въ чемъ состоитъ главное его предназначеніе, надобно постигнуть, такъ сказать, анатомію и физіологію сихъ трехъ элементовъ, взаимное ихъ соединеніе и взаимное ихъ вліяніе другъ на друга. Тѣ Науки, коихъ главною основою, главнымъ, такъ сказать, фокусомъ, въ которомъ сосредоточиваются всѣ розысканія, есть идея Государства, называются Политическими Науками; а разныя точки зрѣнія, съ коихъ можемъ разсматривать Государство, составляютъ разныя ихъ вѣтви. И такъ, Науки Политическія, руководствуя къ

познанію внутреннихъ и внѣшнихъ отношеній Государства, составляютъ главнѣйшую часть дипломатическаго курса. Однѣ изъ нихъ насъ учатъ, какимъ образомъ можно и должно достигать цѣли Государства, и сіи Науки суть Науки Политическія-Философическія; другія, какимъ образомъ цѣль Государства уже дѣйствительно достигнута, или бываетъ достигаема, или почему сія цѣль не была достигнута, и сіи Науки суть Науки Политическія-Историческія, или Положительныя. Со всѣмъ тѣмъ общее сіе раздѣленіе Политическихъ Наукъ вовсе не достаточно для полнаго ихъ объема: ибо между ними есть такія, которыя соединяютъ въ себѣ оба элемента, историческій-положительный и философическій-умозрительный. Безъ перваго эти Науки были бы только сплетеніемъ различныхъ теорій, игрою фантазіи, безъ твердой основы, безъ всякаго примѣненія къ дѣйствительному міру и практической жизни; безъ втораго онѣ были бы бездушною массою, мертвымъ остовомъ, безъ всякой общей опоры. Безъ историческаго элемента мы бы блуждали въ странѣ воображенія; въ отсутствіи философическаго, хотя бы и узнали мы всѣ части, всѣ колеса огромной сей машины, но двигающая пружина осталась бы на всегда для насъ скрытою. Въ первомъ случаѣ мы имѣли бы утопію, а во второмъ сухой реестръ матеріаловъ. И потому, слѣдующій за Наукою Дипломатіи, если желаетъ достойно соотвѣтствовать своему назначенію, долженъ непремѣнно заняться сими двумя элементами. Ибо безъ историческаго элемента

онъ былъ бы не иное что, какъ Романистъ, а безъ элемента философическаго простой слѣдователь. И такъ окинемъ быстрымъ взглядомъ Науки, которыя изучающему Дипломатію доставляютъ свѣдѣнія положительныя и приводятъ его къ возможному ихъ соображенію. А какъ Государство можетъ быть разсматриваемо въ особенности въ трехъ отношеніяхъ, то есть: историко-статистическомъ, экономическомъ и юридическомъ: то и Науки, долженствующія раскрыть намъ знаніе Государствъ въ ихъ внутреннемъ развитіи и внѣшней дѣятельности, могутъ отнестись къ симъ тремъ раздѣламъ.

Исторія, сей путеводитель всѣхъ Наукъ, занимаетъ первое и главное мѣсто въ дипломатическомъ курсѣ. Общее мнѣніе есть, что для упражняющагося въ Дипломатіи Новѣйшая Исторія гораздо важнѣе, нежели Исторія Древняя и Среднихъ Вѣковъ. Но я не раздѣляю вовсе сего мнѣнія: ибо не столько эпоха, къ которой относятся наши историческія изысканія, сколько самая ихъ натура и точка зрѣнія, съ которой мы смотримъ на нихъ, имѣетъ вліяніе на меньшую или большую важность сихъ изысканій. Дѣйствительно, Дипломатія болѣе развилась въ новѣйшія времена; но это вовсе не доказываетъ преимущества Новѣйшей Исторіи. Мы слѣдуемъ въ Исторіи за успѣхами человѣчества. Великія происшествія не суть случайныя приключенія; въ мірѣ нравственномъ и политическомъ, равно какъ и въ физическомъ, не можетъ быть игры случая, но все имѣетъ свою необходимость нравственную: ибо однажды рожден-

ная идея уже не умираетъ. Поколѣнія смѣняются, одни народы исчезаютъ съ поприща политическаго, новые вступаютъ на оное; но идеи, вызывающія и людей и событія, живутъ вѣчно, и только однѣ сливаются съ другими. Не Магометъ создалъ Исламизмъ, но скопившійся на Востокѣ запасъ идей, требовавшихъ новой вѣры, вызвалъ Магомета. И такъ въ Исторіи мы именно доискиваемся того, какимъ образомъ осуществлялись идеи въ установленіяхъ общественныхъ и политическихъ. Только съ сей философско-политической точки разсматриваемая Исторія важна для Дипломата, который, по своему назначенію, долженъ всего болѣе заниматься Исторіею Системъ Политическихъ. Да не упуститъ онъ однакожь изъ виду Философіи Исторіи и Исторіи Человѣчества, такъ какъ ее понималъ Гердеръ.

Статистика, долженствующая указать физическія и нравственныя силы Государства, есть вторая главная Наука дипломатическаго курса. Ни одна изъ Политическихъ Наукъ не подверглась такой перемѣнѣ судьбы, какъ Статистика. То ее превозносили до небесъ, то опять вѣрованіе въ сію Науку совершенно упадало. Даже самое понятіе о силахъ Государства, объ источникахъ ихъ и о средствахъ пользоваться ими, самая цѣль Статистики и предѣлы ея были и суть различно понимаемы, сообразно различію теорій. И сколько, отъ Ахенваля до нашихъ временъ, мы имѣемъ общихъ и частныхъ статистическихъ сочиненій? Много было накоплено цифръ ложныхъ и истинныхъ, но рѣдко кто-нибудь, руководствуясь осно-

ваніями Политической Экономіи, умѣлъ изъ мертвыхъ цифръ выводить нѣчто общее. Такія статистическія творенія, каковы, на примѣръ, *Карла Дюпена* о Франціи и Англіи, розысканія *Бальби*, Сравнительная Статистика *Малхуса*, — еще весьма рѣдки. Но уже и то, что мы имѣемъ, довольно доставитъ матеріаловъ и ободренія для собственныхъ разысканій. Если же Всеобщая Исторія и Всеобщая Статистика важны для Дипломата, тѣмъ еще важнѣе для него Исторія и Статистика Отечества и странъ сосѣднихъ, а въ особенности того края, въ который онъ призванъ къ исполненію дипломатическихъ обязанностей.

Географія, *Этнографія* и *Хронологія*, уже какъ Вспомогательныя Науки Исторіи и Статистики, должны составлять часть дипломатическаго курса. Въ наше время, *Риттеръ* въ особенности вознесъ Географію на степень Науки, давъ ей твердую основу и назначивъ тѣснѣйшіе предѣлы; а *Малхусъ*, взирая на нее съ другой, новой точки, обработалъ одну вѣтвь сей Науки, весьма важную для Дипломата — *Географію Военную*.

Есть еще двѣ Вспомогательныя Науки Исторіи, которыя и въ другомъ отношеніи не могутъ быть чужды Дипломату, а именно: *Генеалогія Царствующихъ Особъ* и *Дипломатика* съ *Геральдикою*. — Самое существо Наукъ, равно какъ и дипломатическихъ занятій, ясно показываютъ необходимость ознакомиться съ Исторіею Царствующихъ Фамилій, тѣмъ болѣе, что сіи Фамиліи посредствомъ супружествъ сдѣлались почти одною

сейственой. — *Дипломатика* отлична отъ Дипломатіи; она происходитъ отъ Греческаго слова *διπλωμα*, означающаго дупликатъ, то есть копію какой либо Государственной Грамоты, или самый подлинникъ, сложенный вдвое. Дипломатика есть Наука чтенія и оцѣниванія эпохи и подлинности старыхъ документовъ, старыхъ Государственныхъ Грамотъ или Дипломовъ. Уже въ половинѣ XVII столѣтія пренія о границахъ имуществъ дали почувствовать, въ особенности въ Германіи, необходимость оцѣнять подлинность Грамотъ и Дипломовъ, между коими много было подложныхъ. Тогда явились первые опыты *Лейбера*, *Црилезіуса*, *Конринга* и другихъ. Антверпенскій Іезуитъ *Папебрухъ*, жившій во второй половинѣ XVII вѣка, предлагалъ очень строгія правила для оцѣниванія Дипломовъ и требовалъ точнѣйшихъ доказательствъ ихъ подлинности. Это вызвало на литературную полемику Ордены Бенедиктинцевъ и Кармелитовъ, которые, по случаю изданія сочиненія *Папебруха*, были угрожаемы во владѣніи монастырскихъ имѣній, основанномъ на сомнительныхъ Грамотахъ. Изъ среды ихъ, сперва *Мабиліонъ*, а спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ, *Тустенъ* и *Тассенъ*, были первые которые привели Дипломатику въ систему Науки. Усовершенствованіемъ ея мы обязаны *Гаттереру*, который училъ оцѣнять Дипломы: 1) *графически*, то есть по виду и цвѣту письма; 2) *семіотически*, по знакамъ и матеріаламъ; 3) *формально*, по соблюдаемымъ въ началѣ текста и на концѣ формамъ, и 4) *исторически* по лицамъ и происшествіямъ.

Преемники его, *Оберлинъ*, *Швабе*, *Швартнеръ*, *Меро*, самъ даже *Шенеманъ*, способствовали успѣху Дипломатики, хотя главной системы вовсе не измѣнили.— Геральдика, то есть Наука о гербахъ и печатяхъ, есть также важная отрасль Дипломатики.

Но ни Исторія, ни Статистика не даютъ еще сами собою яснаго понятія о Государствѣ; чтобы достичь онаго, намъ необходима Наука, которую Сэй справедливо именуетъ Физіологіею Общественною, то есть *Экономія Политическая*. Показываетъ ли она извлеченныя изъ существа и опытомъ упроченныя начала, по которымъ въ народѣ производятся богатства вещественныя и невещественныя, накопляются, раздѣляются между разными классами и потребляются (*Хозяйство Народное*); или показываетъ, какимъ образомъ Правительство можетъ съ большею пользою имѣть вліяніе на это произведеніе, накопленіе, раздѣлъ и потребленіе богатствъ и какими способами можетъ оно обезпечить неприкосновенность и благоденствіе всѣхъ вообще и каждаго порознь (*Наука Государственнаго Управленія и Полиціи*); или же, наконецъ, разсматриваетъ матеріальныя нужды Государства и открываетъ источники и выгоднѣйшія средства къ удовлетворенію оныхъ (*Наука Финансовъ*): во всѣхъ сихъ различныхъ своихъ вѣтвяхъ Политическая Экономія раскрываетъ намъ жизненныя силы, коими живетъ Государство. — Историческія и Статистическія факты суть только матеріалы для сооруженія; сами же по себѣ они не иное что, какъ мертвыя стихіи,

и только тогда оживотворяются, когда Политическая Экономія освѣжитъ ихъ своею творческою силою. Но и Политическая Экономія не живетъ въ облакахъ; она не есть собраніе отвлеченныхъ понятій: яснѣе чѣмъ въ другихъ, мы видимъ въ сей Наукѣ связь элемента философическаго съ историческимъ. Политическая Экономія основывается на фактахъ, на опытѣ, и въ томъ только уступаетъ Точнымъ Наукамъ, что не всегда можетъ повторять свои опыты, и по большей части должна довольствоваться аналогіею. Впрочемъ Политическая Экономія, даже въ практическомъ отношеніи, весьма важна для Дипломата: ибо, напримѣръ, будучи призванъ къ заключенію торговыхъ договоровъ, могъ ли бы онъ сіе исполнить, не зная Политической Экономіи?

Наконецъ Науки, которыя служатъ Дипломату къ познанію юридическихъ отношеній Государствъ, и которыя, по сей причинѣ, мы причисляемъ къ дипломатическому курсу, почитая оныя отчасти главными, отчасти же вспомогательными, суть слѣдующія:

Юридическая Энциклопедія внѣшняя, и въ особенности внутренняя, показываетъ весь кругъ Наукъ Юридическихъ, ихъ существо, раздѣленіе, предѣлы, сходство и различіе, источники и взаимныя ихъ отношенія.

Такъ называемое *Естественное Право*, или, какъ справедливѣе слѣдовало бы назвать, *Философическія Начала Правовѣдѣнія*, сія важнѣйшая отрасль Практической Философіи, представитъ высочайшую идею права, высочайшую идею

обязанностей. Сія идея, основанная на непреложныхъ законахъ разума, послужитъ къ выводу духа правъ и къ созданію такимъ образомъ Философіи Права.

Законодательство каждаго народа есть вѣрнѣйшее выраженіе прошедшаго и настоящаго его бытія. Здѣсь, какъ въ зеркалѣ, отражаются всѣ тѣни гражданственности и всѣ переходы благоденствія и бѣдствій, кои испыталъ народъ. Это красноречивѣйшая Исторія народа. И потому весьма важно въ Наукѣ Дипломатіи познаніе положительныхъ законовъ. А какъ отъ одного индивидуума не льзя почти ожидать основательнаго знанія Законодательства, хотя бы только большей части народовъ, то посвящающій себя Дипломатіи долженъ будетъ довольствоваться знаніемъ законовъ своего отечества и той страны, куда будетъ призванъ къ занятіямъ дипломатическимъ, ограничась впрочемъ энциклопедическимъ знаніемъ законовъ прочихъ Государствъ. Разсматривая дипломатическое назначеніе со стороны практической, еще вѣрнѣе убѣдимся, что для Дипломата необходимо знаніе всѣхъ отраслей Положительнаго Законодательства. Онъ защитникъ всѣхъ подданныхъ своего Государства предъ чуждымъ Правительствомъ, гдѣ онъ уполномоченъ; иногда даже самъ является въ качествѣ судьи, или по крайней мѣрѣ имѣетъ власть. Полицейскія, административныя и финансовыя постановленія должны ему быть знакомы. Отношенія торговыя ввѣряются ему, а чаще Консуламъ. И хотя Консулы не принадлежатъ къ числу Дипломатовъ, исключая развѣ Европейскихъ Консуловъ у

Варварійцевъ и въ Левантѣ: но Дипломатическое образованіе не должно терять изъ виду и обязанностей Консула. Посему изъ числа Наукъ Законодательства Положительнаго причислимъ къ дипломатическому курсу *Права Гражданское* и *Уголовное*, *Административное*, о *Финансахъ* и *Полиціи*, наконецъ *Частное Морское Право*, *Торговое* и *Вексельное*.

Одна изъ главныхъ Юридическихъ необходимыхъ для Дипломата Наукъ есть *Право Политическое Положительное* (*Positives Staatsrecht*), или Наука объ устройствѣ и администраціи Государствъ. Простое возрѣніе на существо Дипломатическихъ Наукъ и на назначеніе дипломатическое видимо насъ удостовѣряетъ въ томъ, какъ важно, какъ необходимо для Дипломата познаніе взаимныхъ отношеній между верховною властію и народомъ, то есть: какъ и гдѣ понимается цѣль Государства, и какіе употребляются способы къ ея достиженію. Посему желательно, чтобы Наука Государственнаго Устройства необходимо соединялась съ Наукою Администраціи. Одно безъ другаго представляло бы намъ только неполное и одностороннее понятіе о Государствѣ.

Теперь приступаемъ къ Наукѣ самой важной въ дипломатическомъ курсѣ, именно: къ *Праву Народовъ*. Оно, во-первыхъ, можетъ быть понимаемо какъ собраніе взаимныхъ правъ и обязанностей между народами независимыми, разсматриваемыми какъ нравственныя лица; или, во-вторыхъ какъ систематическое изложеніе тѣхъ же правъ и обязанностей. Первое изъ сихъ опредѣленій Права

Народовъ есть практическое, второе дидактическое. — Слово *народъ* имѣетъ тройкое значеніе, Въ этнографическомъ смыслѣ оно означаетъ вѣтвь человѣческаго рода, отличную отъ прочихъ происхожденіемъ, нарѣчіемъ, а иногда и нравами и обычаями; такъ, на примѣръ, говоримъ: *народы Славянскіе, народы Германскіе.* Въ духѣ Права Публичнаго, *народъ*, какъ уже мы видѣли выше, есть одинъ изъ элементовъ, составляющихъ Государство, и, въ этомъ смыслѣ, обнимаетъ всю массу подданныхъ, зависящихъ отъ одной и той же власти верховной, безъ отношенія къ этнографической равности. Такъ, на примѣръ: жители Австрійской Имперіи въ отношеніи къ своей верховной власти, не взирая на различіе происхожденія, составляютъ одинъ народъ. Наконецъ въ Правѣ Народовъ, *народъ* значитъ независимое Государство. И въ семъ только послѣднемъ отношеніи будемъ здѣсь употреблять это слово. Отсюда Право Народовъ можно бы было назвать Правомъ Государствъ. За всѣмъ тѣмъ, для избѣжанія нововведеній, удержимъ давно уже принятое выраженіе: *Право Народовъ.*

Взаимныя права и обязанности между народами различны, сообразно тому отношенію, въ какомъ народы независимые могутъ находиться между собою. Народы же, или вовсе не имѣютъ между собою сношеній, или же находятся въ отношеніяхъ дружескихъ, или непріятельскихъ. Въ первомъ случаѣ взаимныя права и обязанности между народами, происходятъ единственно только по праву индивидуальнаго, равнаго и независимаго ихъ со-бытія. Государства и потому уже имѣютъ права и обя-

занности, что они не зависимы и что существуютъ въ силу этого. Во второмъ случаѣ взаимныя двухъ народовъ права и обязанности зависятъ отъ внѣшняго проявленія воли, отъ какого либо внѣшняго дѣйствія обоихъ народовъ, или, по крайней мѣрѣ, одного изъ двухъ.

Взаимныя между народами права и обязанности суть или такія, кои, имѣя свое начало въ самой натурѣ народовъ и въ натурѣ ихъ отношеній, проистекаютъ изъ законовъ разума, и сіе составляетъ *Естественное Право Народовъ* (Jus gentium naturale seu necessarium); или же основываются на явномъ условіи, то есть трактатахъ, или на обыкновеніяхъ и аналогіи, и сіе именно составляетъ *Положительное*, или лучше сказать *Практическое Право Народовъ* (*Jus gentium positivum, seu practium, seu voluntarium, id est, pactitium et consuetudinarium*).

Нѣкоторые Публицисты не признаютъ существованія Естественнаго Права Народовъ, называя оное единственно пустымъ вымысломъ воображенія, безъ всякаго положительнаго основанія. Но не признавать существованія Естественнаго Права Народовъ значило бы не допускать существованія разума, по коему народы, какъ нравственныя лица, во взаимныхъ отношеніяхъ между собою должны признавать нѣкоторыя права и обязанности. Иначе, если бы между народами не было владычества права, то каждый народъ былъ бы для другихъ народовъ препятствіемъ къ достиженію назначенной разумомъ цѣли. Иные опять не признаютъ существованія Положительнаго Права Народовъ, и

особенно упрекаютъ оное въ слѣдующемъ: во-первыхъ, что все то, что носитъ на себѣ отпечатокъ Права Положительнаго, необходимо должно истекать отъ верховной власти и имѣть законное утвержденіе (*sanctio legalis*); независимое же Государство въ отношеніи къ другимъ Государствамъ не признаетъ никакой надъ собою верховной власти, а въ случаѣ могущаго быть спора, бываетъ въ одно и то же время стороною, судьею и исполнителемъ собственнаго приговора: а потому здѣсь царствуетъ не законное утвержденіе (*sanctio*), а внѣшняя сила. Во-вторыхъ, упрекаютъ, что Государства не признали и, по всей вѣроятности, никогда не признаютъ какого либо *Codex Juris Gentium*, даже не согласятся на какое-нибудь общее судилище (*tribunal commun*), разрѣшающее споры, кои бы могли между ими случиться. Въ-третьихъ, говорятъ, что ни положительныя между двумя или нѣсколькими Государствами постановленія, ни обыкновенія, принятыя ими *tacito consensu*, не обязываютъ прочихъ народовъ. Въ-четвертыхъ что договоры не могутъ быть почитаемы за источникъ Права Народовъ: ибо, по мнѣнію ихъ, договоры суть то же, въ отношеніи къ народамъ независимымъ, что обыкновенные контракты въ отношеніи къ частнымъ лицамъ. А какъ контракты не суть источникъ законовъ, но заключаются только на основаніи уже существовавшаго закона, по которому и имѣютъ единственно обязательную силу: то и договоры заключаются на основаніи существующаго уже, изъ природы вещей и правилъ разума извлеченнаго Права

Народовъ, и въ немъ только находятъ свою опору и силу. Договоры, равно какъ и контракты, могутъ быть или сходны съ закономъ, или противны оному; Исторія ясно показываетъ намъ непостоянство договоровъ. Изъ сего противники Положительнаго Права Народовъ выводятъ слѣдующее заключеніе: что хотя договоры свято и ненарушимо должны быть сохраняемы, но эта святость не дѣлаетъ ихъ нисколько источникомъ Права Народовъ, ибо сама она зависитъ отъ верховнаго закона, уже до заключенія договоровъ существовавшаго. Наконецъ, въ-пятыхъ: еще менѣе, нежели договоры, противники Права Народовъ соглашались признать обыкновенія источникомъ онаго, ибо обыкновенія, основываясь всего чаще на одинхъ предлогахъ, подвержены безпрестанной перемѣнѣ.

На сіе отвѣчаемъ слѣдующее. Правда, что независимое Государство не можетъ надъ собою признать верховной власти другаго Государства безъ потери независимости. Но сіе обстоятельство вовсе не доказываетъ отсутствія утвержденія законнаго въ томъ, что имѣетъ быть правомъ между народами. Утвержденіе это (*sanatio*) находимъ въ верховной власти каждаго Государства, которое и даетъ у себя Праву Народовъ свойство закона положительнаго. Безспорно и то, что народы не могутъ быть разсматриваемы какъ составляющіе одно большое Государство, и что то, на что согласились два народа, или болѣе, не обязываетъ вовсе другихъ. Но сіе доказываетъ только то, что нѣтъ всеобщаго Права Народовъ. Однакожъ народы Европейскіе, исключая Турцію, и

большая часть Американскихъ согласились между собою на нѣкоторыя права, и должны, если хорошо понимаютъ собственную выгоду, согласиться на оныя. Договоры же и обыкновенія только тогда пріобрѣтаютъ силу закона, когда верховная власть какого либо Государства признаетъ ихъ обязывающими оное. Посему не льзя сомнѣваться въ существованіи Положительнаго Права Народовъ, хотя сіе Право безъ помощи Естественнаго Права Народовъ съ трудомъ могло бы представить систему Науки. Не подлежитъ сомнѣнію, что Право Народовъ Положительное болѣе основывается на условіи подразумѣваемомъ, то есть на обыкновеніяхъ, нежели на договорахъ явныхъ. Но и во всякомъ иномъ Законодательствѣ обыкновенія, вѣками принятыя, часто перешедшія въ послѣдствіи времени въ законъ писанный (*lex scripta*), составляютъ часть самую важную. Если бы могъ существовать Законодатель, который бы писалъ для народовъ права, то первая идея устройства взаимныхъ отношеній между народами чрезъ Посольства не могла бы родиться въ его головѣ, точно такъ, какъ первая идея векселей вовсе не есть изобрѣтеніе того, кто первый писалъ Вексельное Право. Ибо какъ векселя существовали уже и были въ употребленіи прежде, чѣмъ объ нихъ писаны были постановленія: такъ равно сначала нужда, а потомъ уже и обыкновенія ввели въ употребленіе Посольства и относящіяся къ сему права прежде описанія оныхъ. Правда, что обыкновенія измѣняются, хотя изъ нихъ нѣкоторыя постояннѣе самихъ договоровъ; но сіе измѣненіе есть по

большей части слѣдствіемъ успѣха просвѣщенія и доказываетъ постепенное усовершенствованіе Права Народовъ. Впрочемъ мы не будемъ спорить о названіи сей Науки. Достаточно для насъ, что она существуетъ какъ Естественное Право Народовъ и какъ Право Народовъ Положительное. Посмотримъ теперь, какіе съ нею случились перевороты, и присоединимъ къ сему тѣ обстоятельства, кои имѣли вліяніе на практическое понятіе и образованіе Права Народовъ и Дипломатіи.

Дипломатія существуетъ столь же давно, какъ и сношенія между народами; но ея дѣйствія и ихъ формы не всегда были одинаковы. Будучи въ началѣ проста, какъ первобытные обычаи и нравы, Дипломатія потомъ болѣе и болѣе дѣлалась сложною и занимала постепенно важнѣйшія мѣста по мѣрѣ того, какъ успѣхи просвѣщенія, Наукъ и торговли тѣснѣе между собою соединяли народы, разлученные доселѣ невѣжествомъ и предубѣжденіями.

Древніе народы вели войны, посылали посольства, заключали договоры и перемирія; но мы бы тщетно искали въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ постоянныхъ и одинаковыхъ правилъ, хотя нѣкоторые начатки Права Народовъ видны уже и у Древнихъ. Жестоко было обхожденіе Израильтянъ съ побѣжденными народами и чужеземцами; но Моисей воспретилъ убивать военноплѣнныхъ, запретилъ брать города на приступъ, не предложивъ имъ прежде капитуляціи и, взявъ приступомъ оные, запрещалъ умерщвлять женъ и дѣтей. Наконецъ воспрещалъ Израильтянамъ безчеловѣчное обхожде-

ніе съ чужеземцами, напоминая имъ, что и они въ Египтѣ были чужеземцы.

Въ мирѣ и въ войнѣ Греки жесточе поступали съ народами не Греческаго происхожденія, нежели съ тѣми, съ коими ихъ соединяло одинаковое Вѣроисповѣданіе, языкъ и обычаи, общія игры, а всего болѣе Судилище Амфиктіоновъ. Особа Посла вездѣ была священна.

И Римляне были снисходительнѣе къ народамъ Италіи и Греціи, нежели къ другимъ. Установленное со временъ древнѣйшихъ *Collegium Fecialium* сохраняло законныя формы для объявленія войны и заключенія мира. Но въ существѣ Римская Дипломатія была, въ отношеніи къ прочимъ народамъ, коварна и обманчива. «*Divide et impera*» — вотъ ея главнѣйшее правило. Во времена Республики Римляне поддерживались всегда новыми завоеваніями, и всякій разъ болѣе и болѣе распространяли границы. Римскіе Императоры напротивъ почувствовали бремя обширныхъ провинцій и приняли уже не систему новыхъ пріобрѣтеній, но систему сосредоточенія власти. Прежняя упругость правленія безпрестанно ослабѣвала, нравы портились; низшіе въ просвѣщеніи, но исполненные жизни и силы народы призваны были всемогуществомъ Божіимъ къ оживленію обветшалаго міра. Римъ палъ, одержавъ надъ своими врагами ту жалкую побѣду, что не оставилъ имъ никакой славы за свое порабощеніе.

Въ такомъ положеніи Наука Права Народовъ не могла развиться у Древнихъ. И хотя Аристотель и Платонъ разсматривали законныя отно-

шенія между Государствами, и Греческіе Историки и Философы и Римскіе Юрисконсульты дѣлали нѣкоторыя замѣчанія относительно Права Народовъ; но настоящаго объ ономъ понятія ни у Грековъ, ни у Римлянъ не было. Извѣстно въ Правѣ Римскомъ *jus gentium*; но это есть *jus, quod naturalis ratio inter omnes homines constituit quodque apud omnes populos peraeque custoditur*, а посему оно будетъ скорѣе Естественнымъ Правомъ, нежели Правомъ Народовъ.

Признаваемая нынѣ Европейскими и большею частію Американскихъ Государствъ система Права Народовъ есть единственное явленіе въ Исторіи. Но иначе даже не могло быть: ибо образованіе сихъ народовъ и высочайшая идея Права, которая у нихъ развилась, проистекая изъ одного источника, изъ однихъ и тѣхъ же понятій, нуждъ и отношеній, необходимо должны были одинаково развиться.

Христіанская Вѣра имѣла сильнѣйшее вліяніе на успѣхи просвѣщенія Европейскихъ народовъ. Духъ смиренія и снисхожденія сей Вѣры, предписывающій намъ любить даже враговъ нашихъ, положилъ торжественную печать на принявшихъ ее народахъ, и соединилъ ихъ между собою тѣснѣйшими узами. Вѣроисповѣданія древнихъ народовъ разлучали ихъ набожною ненавистью: Религія Христіанская считаетъ всѣхъ людей, даже не принявшихъ оной, дѣтьми одного Отца.

Римскій обрядъ далеко распространился на Западѣ и Югѣ Европы. Принявшіе оный народы приняли также, какъ послѣднее наслѣдство умираю-

щаго Рима, языкъ Латинскій, въ началѣ какъ церковный и ученый, а потомъ и какъ правительственный. Одинаковость языка еще болѣе сблизила между собою народы, тѣмъ удобнѣе, что общій Глава Церкви и частные Соборы служили общею точкою соединенія.

Большая часть народовъ, принявшихъ обряды Западной Церкви, обитали или въ Римскихъ провинціяхъ, или въ странахъ, населенныхъ разными народами Германскаго происхожденія. Римляне приспособляли свое просвѣщеніе къ мѣстнымъ обыкновеніямъ и обычаямъ; народы Германскіе приносили съ собою свои гражданскія и политическія постановленія. А гдѣ Латинизмъ встрѣчался съ Германизмомъ, тамъ они соединялись и смѣшивались. И такъ, подъ управленіемъ одной и той же Церкви, родилось соединеніе понятій Римскихъ древнихъ съ новыми Германскими. А изъ сего одинаковаго образованія и развитія идей, нуждъ и отношеній, родилось общее понятіе справедливости и права и въ отношеніяхъ гражданскихъ и въ отношеніяхъ между народами. Въ Новой Европѣ воспоминаніе Древняго Рима воскресло въ двухъ видахъ: въ видѣ Папы, Духовнаго Главы Церкви, и въ видѣ Римскаго Императора, верховнаго правителя всего Западнаго Христіанства.

И такъ подъ защитою Церкви и подъ воображаемою по крайней мѣрѣ властью Римскаго Императора, Западная Европа устроивалась одинаково. Но сіе образованіе было безсильно; общество ожидало преставленія свѣта, и между тѣмъ дремало. Новое потрясеніе было нужно, потрясеніе, кото-

рое бы, подобно электрической искрѣ, пробудило оцѣпенѣвшій родъ человѣческій и призвало оный къ новой жизни, къ новой дѣятельности.

Крестовые Походы были сею электрическою искрою. Общее святое дѣло, за которое сражались, одинъ восторгъ, одинаковое пожертвованіе сблизили между собою и Государей и частныхъ людей, рожденныхъ въ странахъ дальнихъ. На всѣхъ ступеняхъ общества, въ каждомъ состояніи родился духъ корпораціи. Явился духъ рыцарской вѣжливости. Рожденные въ дальнихъ странахъ фамиліи знакомились на турнирахъ, соединялись браками. Вводилось общее понятіе чести, тѣ же привычки, почти одни чувствованія. Греція и Востокъ распространяли познанія, рождали доселѣ неизвѣстныя нужды, придавали одинъ и тотъ же характеръ просвѣщенію, промышлености и Искусствамъ. Трубадуры, Минстрели воспѣвали вездѣ славу и любовь. — И сколько другихъ явленій, соединявшихъ между собою людей и Государства?

Народы Германскаго происхожденія принесли съ собою феодализмъ, въ послѣдствіи болѣе прочихъ, распространенный Норманцами. А хотя феодализмъ и образовался различно въ разныхъ странахъ, но главныя черты его одинаковы. Образовались майораты, и повсюду сильный Баронъ, запершись въ крѣпкомъ замкѣ своихъ предковъ, внушалъ страхъ слабымъ своимъ сосѣдямъ, и признавалъ власть своего сюзерена только условно. Но Крестовые Походы удалили на Востокъ многихъ мощныхъ Бароновъ, искавшихъ спасенія души или приключеній. Часто они, не надѣясь возвратиться,

продавали свои недвижимыя имѣнія, закладывали или дарили монастырямъ. И если сей пилигримъ, или идущій на войну, не возвращался, то оставшееся послѣ него имѣніе дѣлалось собственностію сюзерена. Кромѣ сего Крестовые Походы ознакомили Европейскіе народы съ новыми произведеніями Природы и Искусства, и родили доселѣ неизвѣстныя нужды. Возстала торговля, возвышались города; а послѣ, въ XIV столѣтіи, образовалась мощная Ганза. Явилось неизвѣстное доселѣ состояніе среднее и въ совѣтахъ Государства возсѣло возлѣ гордыхъ Бароновъ и ученаго Духовенства. Короли, находя въ городахъ и въ состояніи среднемъ денежное пособіе и равновѣсіе противъ власти Бароновъ, защищали оные всею своею властію. Тогда впервые усилилась Королевская власть, и вскорѣ Короли, имѣя уже возможность содержать постоянныя войска, посвятили большую дѣятельность внѣшней политикѣ. — Не мало также способствовало къ упроченію Королевской власти и то, что чрезмѣрный перевѣсъ Духовной власти Папъ, чрезъ собственныя ея злоупотребленія, мало по малу упадалъ въ мнѣніи народовъ.

Но приготовлялись такія происшествія, которыя должны были дать міру другой видъ. Изобрѣтеніе пороха совершенно измѣнило военную Тактику. Уже непослушный Баронъ не былъ съ тѣхъ поръ безопасенъ въ стѣнахъ своего замка. Искусство книгопечатанія призывало къ литературнымъ занятіямъ, умножало способы просвѣщенія, и съ быстротою молніи переносило новыя понятія изъ одного конца Европы въ другой. Даже самое

паденіе Константинополя было причиною разлитія просвѣщенія: ибо послѣ онаго, Греческіе Ученые, а съ ними и Науки переселились на Западъ. *Васко де Гама* объѣхалъ Мысъ Доброй Надежды: симъ измѣнились торговые пути, и торговля изъ рукъ Италіи перешла къ другимъ народамъ. И кто въ краткихъ словахъ опишетъ всѣ слѣдствія одного изъ достопримѣчательнѣйшихъ событій — открытія Америки? Неизвѣстные доселѣ плоды умножились, а съ ними и новыя нужды. Масса человѣческихъ знаній увеличилась; дорогіе металлы привозимы были въ Европу и измѣнили отношенія богатствъ. Искатели приключеній, а иногда и выходцы, открывали и пріобрѣтали для своихъ метрополій обширные края. Образовалась система колоній, но система совершенно отличная отъ древней. Европейская торговля пріобрѣтала новые товары, а ее собственные имѣла новыя требованія.

Всѣ сіи происшествія совершенно измѣнили видъ Европы. Проснулась дѣятельность Европейскихъ народовъ. Политика Италіянцевъ перешагнула Альпы. Коварная Дипломатія Фердинанда Католика, война Карла VIII и Людовика XII, а болѣе еще долгая и кровавая вражда Франциска I съ Карломъ V, подали мысль политическаго равновѣсія; и когда только перевѣсъ склонялся на сторону Карла V, Францискъ всегда находилъ союзниковъ. Союзы множились. До сего времени почти не искали союзниковъ въ народахъ отдаленныхъ, и Францискъ первый заключилъ союзъ съ невѣрнымъ Солиманомъ противъ Цесаря Католическаго. — Вскорѣ Сѣверо-Восточныя Государства Европы присоединились къ Политической ея Системѣ.

Злоупотребленія Рима и испорченность Духовной дисциплины въ Западной Церкви, и еще болѣе вновь разлитыя понятія родили реформу *Гусса*, *Лютера*, *Цвинглія* и *Кальвина*. Политика присоединилась къ Религіи; Католическая Франція посылаетъ пособія Протестантскимъ Нидерландамъ и Нѣмцамъ, заключаетъ тѣсную связь съ Протестантскою Швеціею. Вестфальскій Миръ прекратилъ войны за Вѣру. Протестанты пріобрѣли политическія права. Миръ Вестфальскій составляетъ главную эпоху въ Правѣ Народовъ и Дипломатіи. И хотя прежде сего съѣзжались публичные Министры, но это было для рѣшенія только одного какого либо случая. Въ Оснабрикѣ и Мюнстерѣ мы имѣемъ примѣръ перваго общаго конгресса, на которомъ дѣла почти всей Европы были рѣшимы. До Вестфальскаго Мира не было постоянныхъ посольствъ, кромѣ Папскихъ Нунціевъ, а со времени онаго постоянныя посольства болѣе и болѣе соединяютъ отдаленнѣйшіе народы безпрерывными сношеніями.

Царствованіе Людовика XIV внушило еще большую заботу о сохраненіи политическаго равновѣсія. Государства соединились противъ него, и онъ во второй половинѣ своего царствованія дорого заплатилъ за нарушеніе перевѣса въ первой половинѣ царствованія. Система Кольберта вызвала войны торгово-колоніальныя вмѣсто религіозно-политическихъ, и открыла новое поприще Дипломатіи и Праву Народовъ.

Измученные безпрерывнымъ бореніемъ, Западъ и Югъ Европы отдыхали съ начала XVIII столѣ-

тія, изрѣдка только показывая признаки жизни. Напротивъ Востокъ Европы выступаетъ съ новыми силами, въ новомъ значеніи, на сцену политическую.

Французская Революція, а еще болѣе ея послѣдствія, сдѣлали великую перемѣну и въ Правѣ Народовъ, и въ Дипломатіи. Наконецъ, въ 1815 году, Священный Союзъ, основавъ Дипломатію и Право на Христіанской Вѣрѣ, справедливости, взаимной любви и мирѣ, упрочилъ ихъ твердо и непоколебимо.

Такъ съ ходомъ времени развивались практически Дипломатія и Право Народовъ. Теперь обозримъ вкратцѣ тѣ переходы, какіе Наука Права Народовъ и Дипломатія совершили въ это время.

Мы видѣли выше, что у Древнихъ вовсе не было Науки Права Народовъ. Съ паденіемъ Западной Римской Имперіи исчезло и просвѣщеніе на многіе вѣка, и одно только Духовенство сохраняло кое-гдѣ священную его искру. Возрожденіе Наукъ началось съ Римскаго Права и Классическихъ Авторовъ. Но именно это одностороннее направленіе умственнаго стремленія дало исключительный перевѣсъ Римскому Праву и Философіи Схоластической, къ коимъ въ послѣдствіи присоединилось еще Право Каноническое Папское. Тогда старались разрѣшать взаимныя отношенія между народами и случавшіяся распри не на основаніи трактатовъ и существа народовъ, но на основаніи Права Римскаго или Каноническаго, а иногда даже по мнѣнію Богослововъ. И посему Наука Права Народовъ не могла никакъ образоваться. Важныя происше-

ствія второй половины XV и всего XVI въка призвали къ разсмотрѣнію политическихъ вопросовъ. Писали также и о Правѣ Народовъ *Ольдендорпъ*, *Васкіусъ*, *Альберикусъ Гентилисъ*, *Суаресъ*, *Винклеръ* и прочіе, но или не поняли существа Права Народовъ, или не умѣли изложить повятнаго. Римское Право вездѣ занимаетъ мѣсто, а *jus gentium* у нихъ то же, что *jus naturae*.

Но эти творенія, какъ ни ложны или не совершенны, побудили однакожь другихъ къ розысканіямъ. Въ 1625 году *Гуго Гроцій* написалъ сочиненіе *de Jure belli et pacis*, по тогдашнему обыкновенію исполненное излишнимъ множествомъ цитатъ и сентенцій. Оно не есть еще систематическое изложеніе цѣлой Науки Права Народовъ; но существо и предѣлы ея опредѣлены здѣсь съ точностью, такъ что *Гроцій* справедливо можетъ быть почитаемъ творцемъ Науки Права Народовъ. Однако онъ удачнѣе изложилъ Право Народовъ Естественное, нежели Положительное, хотя предлагаемыя въ его сочиненіи философскія основанія подтверждены многими примѣрами, почерпнутыми изъ Древней Исторіи.

Вестфальскій Миръ обратилъ умы къ глубочайшему соображенію Дипломатіи и Права Народовъ. Съ удовольствіемъ начали заниматься чтеніемъ прежнихъ и новѣйшихъ Записокъ государственныхъ людей и Исторіи переговоровъ. Секты религіозно-политическія Пуританъ и Индепендентовъ въ Англіи и Шотландіи родили *Гарингтона*, *Сиднея* и другихъ. Въ такой борьбѣ мнѣній Право Народовъ не было также забыто. Переводили и

пополнялъ *Гроція*, и почти въ то же время, когда *Гоббсъ* оспоривалъ существованіе Права Народовъ, *Зушеусъ* издалъ первое сочиненіе, заключающее въ себѣ всю Систему сего Права. *Баронъ Пуффендорфъ* не признавалъ существованія Положительнаго Права Народовъ, но, разсматривая Право Естественное, обогатилъ Науку о Правѣ Народовъ болѣе, нежели всѣ прочіе, доселѣ объ ней писавшіе. *Пуффендорфъ* нашелъ многихъ противниковъ и многихъ приверженцевъ; со всѣмъ тѣмъ Наука Права Народовъ необходимо должна была выиграть въ сей полемикѣ. *Рахель*, *Дюръ*, *Лудевигъ*, *Текстоpъ*, *Томазій*, *Штафъ*, *Райнгардтъ*, *Икштадтъ* и множество другихъ не безъ пользы для самой Науки писали о Правѣ Народовъ. — *Баронъ Вольфъ*, писавшій уже въ половинѣ XVIII вѣка, хотя съ ложной точки смотритъ на Право Народовъ, много однакожъ способствовалъ къ его усовершенствованію. — *Ваттель*, изъ сей же Школы, яснѣе и основательнѣе изложилъ систему Естественнаго Права Народовъ.

Еще при концѣ XVII и въ первой половинѣ XVIII столѣтія явились собранія трактатовъ *Лейбница*, *Бернарда*, *Дюмона*, *Руссета*; позднѣйшія же, продолжающіяся до нашихъ временъ, *Шмауса*, *Венка*, *Мартенса* и прочихъ, явились въ другой половинѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія. Доселѣ почти исключительно занимались Естественнымъ Правомъ Народовъ; накопленные же въ собраніяхъ трактатовъ матеріалы были подводомъ и представили возможность къ составленію болѣе важнаго въ дипломатической практи-

къ Права Народовъ Положительнаго. *Іоаннъ Яковъ Мозеръ* былъ первый, который во многихъ сочиненіяхъ разсматривалъ важнѣйшіе вопросы Положительнаго Права Народовъ, а систематическій *Гюнтеръ* подвинулъ ихъ еще далѣе. Жаль только, что сочиненіе сего послѣдняго не кончено. — Много иныхъ, какъ-то *Бюрлемаки*, *Реалъ*, *Шродтъ*, *Мальярдьеръ*, *Феликсъ*, *Нейронъ*, *Келеръ*, *Райневаль*, *Гондонъ д'Ассони*, *Эггерсъ* и другіе съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ занимались Наукою сего Права, а *Кантъ* самымъ убѣдительнѣйшимъ образомъ доказалъ существованіе и необходимость Положительнаго Права Народовъ. Нынѣшнимъ состояніемъ Науки Права Народовъ и Дипломатія мы обязаны въ особенности обоимъ *Мартенсамъ*, *Клюберу*, *Зальфельду*, *Шмельцингу*, *Шмальцу*, *Карлу Конту*, *Биньону*, *Мэкинтошу*, *Пинейро-Феррейръ* и другимъ.— Исторія и Литература Права Народовъ имѣли также своихъ обработывателей, между коими отличились *Баронъ Омптеда*, *Кампцъ*, *Вардъ*, *Клюберъ* и *Севалъ*. Впрочемъ многіе также трудились надъ отдѣльными частями Права Народовъ, какъ-то: Морскимъ Правомъ, Правомъ Неутралитета, Посольскимъ и другими.

И такъ мы обозрѣли всѣ Науки, составляющія Дипломатическій Курсъ. Однакожь опустили одну изъ нихъ, которая, по мнѣнію многихъ, составляетъ главную часть Дипломатіи. Сія опущенная нами Наука есть *Политика*. Но Политика, подвергаясь всѣмъ перемѣнамъ обстоятельствъ времени и мѣста, по своему отношенію или къ внут-

ренней администраціи, или къ внѣшнимъ дѣламъ, не можетъ подойти ни подъ какую твердую и основательную теорію. Посему мы не почитаемъ Политики за Науку отдѣльную, но скорѣе какъ плодъ соображеній всѣхъ тѣхъ Наукъ, о коихъ упоминали выше, а еще болѣе какъ плодъ собственнаго сужденія о вещахъ и людяхъ.

Наконецъ приготовляющемуся служить по дипломатической части, кромѣ всѣхъ вышеупомянутыхъ Наукъ, нужна еще практика и знаніе языковъ. Подъ названіемъ дипломатической практики понимаемъ искусство вести переговоры словесно или письменно, умѣніе составлять письма и акты дипломатическіе и умѣнье шифрировать и дешифрировать депеши. И хотя всему этому можно бы назначить нѣкоторыя правила, однакожь единственный и вѣрнѣйшій путь къ пріобрѣтенію сей практической опытности есть чтеніе Записокъ славнѣйшихъ Министровъ, каковы, напримѣръ, *Фекіера*, *Арно*, *Эстрада*, *Торсье* и другихъ, чтеніе хорошихъ примѣровъ разныхъ дипломатическихъ актовъ и собственная опытность.

Касательно же языковъ, отъ Дипломата слѣдовало бы требовать, кромѣ отечественнаго, обширнѣйшаго знанія языковъ новѣйшихъ, и въ особенности основательнаго знанія разговорнаго и письменнаго языка Французскаго, такъ какъ оный есть, съ нѣкоторыми измѣненіями, языкъ дипломатическій; также знанія языка той страны, куда онъ призванъ для исправленія дипломатической должности.

Мы видѣли, что всѣ Науки Политическія со-

ставляютъ главнѣйшую отрасль Наукъ Дипломатическаго Курса; а какъ сіи Науки имѣютъ многихъ противниковъ, то я и предпринимаю здѣсь защищать оныя.

Науки Политическія вообще и въ особенности Естественное Право, Философія Законодательства и Исторіи, Теорія Статистики, болѣе же прочихъ Политическая Экономія со всѣми ея отраслями, — всѣ сіи Науки подвержены общему упреку въ неимѣніи точной основы, представляя почти столько различныхъ теорій, сколько было Писателей, ими занимавшихся. И по сей причинѣ не рѣдко сомнѣваются даже въ дѣйствительности существованія сказанныхъ Наукъ. Но и Науки Точныя, исключая только, быть можетъ, основанныя на вычисленіяхъ, не подверглись ли равной съ ними участи? Какое различіе между ученіемъ Тихо-де-Браге и настоящимъ состояніемъ Астрономіи? Не необходимы ли были *Коперникъ* и *Ньютонъ* для того, чтобы упрочить теорію тѣлъ небесныхъ? Одними ли началами руководствовались *Линней*, *Жюссье* и *Декандоль*? и должно ли заключить изъ разности мнѣній, что Астрономія и Ботаника не суть Науки? Я здѣсь долженъ опровергнуть понятія столь ложныя и, по несчастію, столь быстро распространившіяся.

Различіе теорій не можетъ быть доказательствомъ отсутствія основныхъ началъ, и Науки Политическія, не взирая на различіе Системъ, основаны на законахъ твердыхъ и непреложныхъ. Одни лишь выводы и слѣдствія измѣняются. Правда, что сіи начала не имѣютъ всегда точности матема-

тической, то есть точности вычисленій; но ихъ очевидность не менѣе ясна и даже болѣе священна, т. е. очевидность разума; такъ что въ семъ отношеніи я не признаю ни малѣйшаго преимущества Наукъ Точныхъ предъ Политическими. Сущность относительнаго ихъ различія единственно состоитъ въ качествѣ самихъ Наукъ. Науки Точныя имѣютъ преимущественно силу интенсивную, заключающуюся въ одномъ и томъ же кругу понятій, и хотя она способна къ принятію разныхъ оттѣнковъ и оборотовъ, но движется только вокругъ одного и того же центра. Физическій міръ всегда одинъ отъ Сотворенія Міра: въ немъ можно найти, открыть и присоединить къ первымъ новыя изобрѣтенія; но сіи новыя изобрѣтенія суть непосредственное слѣдствіе уже прежде бывшихъ. Природа физическаго міра не дѣлаетъ скачковъ; напротивъ Науки Политическія имѣя экстенсивную силу, почти неограниченную, представляютъ особымъ способностямъ занимающихся ими поприще несравненно обширнѣйшее и болѣе разнообразное. Безъ сомнѣнія человѣческая природа и отношеніе человѣка къ внѣшнему міру, равно какъ и самъ сей міръ, не измѣнны; предназначеніе человѣка, то есть, его возможное развитіе, было и будетъ всегда одно и то же. Но міръ нравственный и политическій, то есть, человѣкъ, какъ членъ семейства, общества и Государства, различны по времени и мѣсту; предназначеніе человѣка было понимаемо различно, и пути къ достиженію были указываемы различно. И какой важный трудъ сообразить и согласить измѣнчивые эле-

меншь: пространства и времени съ вѣчными, непреложными правилами разума, нравственности и Закона! Таковъ неисчерпаемый источникъ различныхъ теорій въ Наукахъ Политическихъ, и вотъ причина, почему, не смотря на тожественность цѣли, не всегда бываетъ согласіе въ примѣненіи и слѣдствіяхъ. Разумъ однакожь почерпаетъ свою неизмѣнность и освѣщеніе отъ Создателя, отъ Котораго онъ проистекаетъ, и на семъ зиждется незыблемость основныхъ началъ въ Политическихъ Наукахъ. — Но умѣли ль мы понять, постигли ли законы разума, и можемъ ли надѣяться когда либо сего достигнуть? То, что мы принимаемъ закономъ разума, не представляетъ ли намъ одно только индивидуальное понятіе разсматривающаго? Всеобъемлющее совершенство не есть удѣлъ смертныхъ. Если бы человѣкъ могъ всегда руководствоваться священными законами разума, то онъ былъ бы выше самого себя. Но невозможность совершенства не должна насъ приводить въ отчаяніе; напротивъ, зная это, мы должны стараться приблизиться къ совершенству. Сама надежда утѣшаетъ уже насъ и облагороживаетъ; устремлять всѣ наши силы къ ея достиженію есть наша первая обязанность. Успѣхъ не можетъ быть сомнителенъ. Усовершенствованіе человѣчества безпрерывно и не можетъ оставаться на одной точкѣ. Человѣкъ частный, Государство, цѣлый вѣкъ, могутъ иногда находиться въ оцѣпененіи и даже итти назадъ; но человѣчество вообще всегда подвигается впередъ. Усовершенствованіе, какого бы рода оно ни было и гдѣ бъ оно ни случилось, необходи-

мо дѣлается достояніемъ всего человѣчества. Міръ Древній юнѣе Новаго. Теперь мы знаемъ болѣе, нежели Платонъ, потому что мы обладаемъ, кромѣ его знаній, ученіемъ и опытами двадцати трехъ столѣтій. И такъ, почерпая основныя начала нашей Науки въ законахъ разума, опытомъ утвержденныхъ или, такъ сказать, въ соединеніи элементовъ философическаго и историческаго, да не усомнимся въ ихъ существованіи, не взирая на различіе теорій. Иначе слѣдовало бы сознаться, что одна только физическая сторона человѣка и Природы заслуживаетъ изученіе. Дабы съ большею ясностію доказать истину нами предположеннаго, обратимъ ближайшее вниманіе на причины различія въ теоріяхъ, и разсмотримъ нашу Науку съ ея слабѣйшей стороны.

Первою и главнѣйшею причиною есть само качество изысканій въ Наукахъ Политическихъ. Искусство сихъ изысканій состоитъ въ вѣрномъ объемѣ причинъ и слѣдствій, для соединенія оныхъ въ одно цѣлое, и въ выводѣ изъ оныхъ основныхъ началъ.—Но для этого нужно, чтобы всякое слѣдствіе связывалось нераздѣльно съ своею причиною и дабы за каждою причиною слѣдовали такіе выводы, кои суть ея необходимыя слѣдствія. Всякое событіе, каждое происшествіе должно быть, съ одной стороны, понимаемо какъ слѣдствіе, какъ необходимость такого-то происшествія, такого-то предварительнаго событія, а съ другой, какъ причина послѣдовавшаго происшествія или событія. По этому каждое происшествіе въ одно время бываетъ и слѣдствіемъ предыдущаго и причи-

ною послѣдовавшаго событія, такъ что во всякомъ розысканіи существуетъ одинъ лишь переходъ отъ причинъ къ слѣдствіямъ, а изъ нихъ дѣлается выводъ тому, что будетъ слѣдовать. Однакожъ недостаточно было бы относить происшествія къ непосредственной только и ближайшей его причинѣ, равно какъ недостаточно дѣлать одни только прямые выводы. И такъ какъ всякая причина, есть слѣдствіе предшествовавшей причины, всякое же послѣдствіе можетъ быть причиною наступающихъ слѣдствій: то и должно стараться сколько можно постепенно отыскивать первоначальную причину, и извлекать изъ каждаго слѣдствія окончательное заключеніе. Сія первая причина и сіе окончательное заключеніе суть крайнія звенья сей безпрерывной цѣпи. Но происшествіе можетъ еще быть слѣдствіемъ нѣсколькихъ причинъ и взаимно можетъ быть также причиною многихъ отдѣльныхъ слѣдствій: это суть меншія звенья, кои, отдѣляясь отъ главной цѣпи, раздѣляются на безчисленныя вѣтви. И эти звенья и эти вѣтви суть столь же важны для точнаго испытателя, какъ и главная цѣпь; и не льзя пренебречь ихъ, ни потерять ихъ изъ вида безъ того, чтобъ не попасть въ величайшія погрѣшности. Но кто можетъ смѣло похвалиться, что онъ умѣлъ отнести слѣдствіе точно къ своей причинѣ; что успѣлъ найти первую причину; что онъ обнялъ всѣ проистекающія слѣдствія и разгадалъ сію тайну соображеній? И можно ли ожидать отъ людей безошибочности въ ихъ сужденіяхъ и тожества въ томъ, что только есть плодъ частныхъ усилій каждаго? Одни

приписываетъ происшествія такой причинѣ, которая ему вовсе чужда; иной выводитъ изъ причины последствія, кои вовсе не суть ея слѣдствія. «*Cum hoc ergo propter hoc.*»

Для вящшаго уразумѣнія вопроса, да будетъ мнѣ позволено привести примѣръ. Въ 1825 году ощутительно было оцѣпененіе торговли и мануфактуръ, изъ коего произошла большая потеря для купцовъ, фабрикантовъ и работающаго класса. Знаменитѣйшіе Публицисты тогдашняго времени, каковы: *Сей*, *Сисмонди*, *Рикардо* и другіе взялись отыскать причину и указать способы къ ея уенравленію. Непосредственное и ближайшее явленіе, именно: понижение цѣны товаровъ и слѣдственно невозможность сбыта было слишкомъ ощутительно, чтобы встрѣтить разность во мнѣніяхъ. Но когда нужно было начать свыше, и въ особенности когда требовалось указать на способы: тутъ уже не было согласія. Сисмонди, слѣдуя тому началу, что произведеніе тогда лишь выгодно бываетъ, когда оно есть слѣдствіе дѣйствительной предварительной потребности, горько сѣтуетъ на Ученыхъ, которые изобрѣтаютъ способы къ увеличенію произведеній по нижайшей цѣнѣ, потому, говоритъ онъ, что въ такомъ случаѣ больше находится производимаго, нежели потребляемаго. И такъ машины и другія пособія, и вообще изобрѣтенія выдуманныя къ облегченію труда и къ содѣланію онаго изобильнѣе и дешевле, суть по мнѣнію Сисмонди бѣдствія человѣчества. Сэй, напротивъ, упираясь на свою теорію произведенія, что есть, что въ свѣтѣ никогда не бываетъ излишне-

ства произведеній, и что когда произведенія сіи не имѣютъ сбыта, сіе происходитъ не потому, чтобъ не нашлось нуждающихся потребителей, но только отъ того, что они не находятся въ близи произведеній, или же не имѣютъ средствъ къ пріобрѣтенію; основываясь также на той непреложной истинѣ, что произведенія покупаются единственно другими же произведеніями, и что чѣмъ оныя дешевле, тѣмъ болѣе потребляются, — разсматривая все сіе, приписывалъ таковое оцѣпененіе торговли и мануфактуръ недостатку произведенія и препятствіямъ торговли. Онъ полагалъ, что ежели Англійскіе товары не продавались во Франціи, Германіи, въ Африкѣ, въ Новой Голландіи и въ другихъ краяхъ, то сіе происходило не отъ того, чтобъ тамъ не было въ оныхъ потребности, но только потому, что торгъ въ Германіи и Франціи былъ почти запертъ для Англіи; Африка же и Новая Голландія имѣли очень мало произведеній въ замѣну Англійскихъ товаровъ. Сисмонди порицалъ излишество произведенія: Сэй жаловался на его недостатокъ; первый смотрѣлъ на машины, какъ на несчастіе: второй видѣлъ въ нихъ способъ къ увеличенію дѣятельности и дешевизны произведеній, и слѣдственно разсматривалъ машины, какъ благой даръ для человѣчества; Сисмонди совѣтовалъ уменьшеніе произведенія и почти уничтоженіе машинъ: мнѣніе Сэя было напротивъ умножить и разнообразить произведенія, содѣлывая оныя дешевѣйшими, и облегчить торговлю отъ препятствій; Сисмонди полагалъ, что торговые и мануфактурные успѣхи прочей части Свѣта, ранъ-

ше или позже, но необходимо, повлекутъ за собою упадокъ торговли и мануфактуръ Англійскихъ: а Сэй, что успѣхи одного народа не только не находятся въ противоположности другаго, но даже способствуютъ послѣднему самымъ прямымъ путемъ. Вотъ очеркъ сравнительный, въ разсматриваемомъ нами предметѣ, мнѣній двухъ знаменитѣйшихъ Публицистовъ нашего времени. Но слѣдуетъ ли изъ сей разности во мнѣніяхъ, что Сэй или Сисмонди блуждали во тмѣ, или что Политическая Экономія не имѣетъ вовсе началъ основныхъ, твердыхъ и непоколебимыхъ? Не принимая въ общности ученія того или другаго, мы съ пользою изучаемъ обоихъ, и чрезъ такое состязаніе истина и Наука могутъ только пріобрѣсть. Самая ложная система, самая ложная теорія могутъ всегда заключать въ себѣ нѣкоторыя искры истины; а истина сама собою такъ свята и такъ сильна, что она не страшится никакого подлога лжи. Какъ ни презрительно Макіавелево ученіе; но кто однакожъ осмѣлился бы подумать, что сіе твореніе не заслуживаетъ того, чтобъ изучать его? Одинъ Монархъ-Философъ не посвятилъ ли своихъ бдѣній, чтобы опровергнуть ложь коварнаго Италіянца? Признаюсь, что въ Политическихъ Наукахъ есть много теорій и ученій ложныхъ, даже вредныхъ; но эти ложныя теоріи падаютъ сами собою, и вѣрнѣйшій способъ предостеречь себя есть изученіе Наукъ Политическихъ. Когда это знаніе разольется болѣе, когда вмѣсто блужданія въ странѣ надзвѣздной отвлеченныхъ идей, мы низойдемъ въ царство дѣйстви-

тельности, только тогда, и именно только тогда, вкусимъ всѣ плоды Наукъ Политическихъ.

Другою причиною большой разности въ мнѣніяхъ и теоріяхъ Наукъ Политическихъ есть сила примѣра. Мы живемъ во времени и пространствѣ, и не можемъ, и не должны отъ оныхъ отдѣляться. Но если это обстоятельство предохраняетъ насъ отъ излишняго стремленія къ идеямъ отвлеченнымъ и болѣе направляетъ насъ къ существенному міру: не менѣе того оно связываетъ нашъ умъ и уменьшаетъ его порывы. Мы окружены книгами, людьми, постановленіями; мы учимся, говоримъ, разсматриваемъ—и чуждое мнѣніе вливается въ насъ, безъ нашего вѣдома. И потому-то творенія даже самыхъ величайшихъ Геніевъ всегда носятъ на себѣ отпечатокъ пространства и времени, въ коихъ они жили. А какъ сей шипъ измѣнчивъ, то необходимо и мнѣнія должны также перемѣняться. Сіе обстоятельство можетъ породить Сектаторовъ и самыхъ ожесточенныхъ Доктринеровъ, которые за рубежемъ своей теоріи, не видятъ уже ни истины, ни спасенія: ибо частные виды и мнѣнія и даже предубѣжденія, или личныя или свойственныя какой либо партіи, классу или же какому бы то ни было состоянію, имѣютъ въ Наукахъ Политическихъ вліяніе гораздо большее и болѣе положительное, нежели во всякомъ иномъ знаніи.

Мы не станемъ разсматривать ни второстепенныхъ причинъ, ни софизмовъ, которые ежедневно производятъ такое множество различныхъ уче-

ній въ нравственномъ и политическомъ мірѣ. Но никакъ не можемъ умолчать объ одной изъ причинъ, самой пагубной, которая повсюду въ наше время породила и порождаетъ безпрестанно величайшія ошибки. Нравственные и политическіе вопросы, потому ли что оные имѣютъ ближайшее отношеніе къ человѣку, занимаютъ его больше другихъ. И то должно сказать, что термины Наукъ Политическихъ по большей части почерпнуты изъ обыкновеннаго языка. Такъ, напримѣръ, мы говоримъ въ сихъ Наукахъ о Государствѣ, объ обязанностяхъ человѣка и гражданина, о счастіи народа, о правахъ, торговлѣ, о промышлености, договорахъ и о прочемъ; и рѣдкій усомнится, чтобы онъ обо всѣхъ сихъ вещахъ не имѣлъ яснаго понятія. Тотъ, кто же Математикъ, конечно не станетъ разсуждать о Дифференціальномъ и Интегральномъ Исчисленіяхъ и сознается въ томъ, что, не учась симъ предметамъ, не льзя ихъ знать. Но многіе полагаютъ, что для разрѣшенія труднѣйшихъ вопросовъ въ кругу Политическихъ Наукъ, частное ихъ изученіе не есть необходимость. Такимъ образомъ накопляется нѣкоторый запасъ самыхъ ложныхъ и противорѣчащихъ мнѣній, коихъ различное направленіе, ихъ приливъ и отливъ посредствомъ тѣхъ же каналовъ къ одному и тому же источнику, раждаетъ плодъ неправильный, именуемый *мнѣніемъ общимъ* (*opinion publique*), который, по всей справедливости, слѣдовало бы назвать только *ежедневнымъ мнѣніемъ*. И чѣмъ перемѣнчивѣе сіе ежедневное мнѣніе, тѣмъ оно болѣе творитъ заблужденій; по счастію однакожъ эти

заблужденія, мгновенно смѣняясь одни другими, упрочиться не могутъ.

Я полагаю что то, на что мы лишь только могли указать по краткости времени, достаточно будетъ для апологіи Наукъ Политическихъ, составляющихъ главную отрасль Дипломатическаго Курса. Обширныхъ познаній, многосторонняго образованія требуемъ мы отъ Дипломата; но и назначеніе его есть одно изъ самыхъ важныхъ и самыхъ трудныхъ. Отъ его поведенія чаще всего зависитъ успѣхъ или неудача видовъ и предначертаній Правительства; благоразуміемъ его сохраняются спокойствіе, честь и достоинство народа. Всѣ отрасли внутренняго устройства управляются по извѣстнымъ правиламъ; здѣсь требуютъ, приказываютъ; законъ или власть говоритъ; погрѣшности отражаются только на индивидуумахъ и почти всегда легко исправляются, или по крайней мѣрѣ могутъ быть исправляемы. Но со всѣмъ иначе бываетъ въ сношеніяхъ внѣшнихъ: тутъ не льзя ничего требовать, предписывать; надобны просьбы и тайна; малѣйшее необдуманное слово можетъ оскорбить цѣлый народъ; одинъ ложный шагъ, одинъ ошибочный расчетъ, одно неполное соображеніе, одна неосторожность могутъ часто компромиттировать достоинство Главы Государства, пользу народа и репутацію человѣка, коему оные ввѣрены.

Слѣдовательно, какъ важна и какъ трудна обязанность Дипломата! Нравиться, вселять довѣріе и уваженіе; проницать, не возбудивъ подозрѣнія, въ тайну силъ, средствъ и намѣреній того Государства, куда онъ назначенъ; тѣснѣе связывать

узы союза и дружескаго согласія; видя приближеніе бури и разрыва, продлить переломъ; не допускать развитія сѣменъ раздора или причинъ неудовольствія; искусно пользоваться вліяніемъ, пріобрѣтеннымъ уваженіемъ и заслуженнымъ довѣріемъ, чтобы воскресить забытую дружбу: вотъ благо, которое творить, вотъ и зло, которое отвратить онъ можетъ. И таково главное его предназначеніе; онъ есть олицетворенный геній мира, какъ бы ниспосланный Богомъ, любящимъ человѣковъ, чтобъ противодѣйствовать генію войны и утѣшать вселенную!

3.

ВИКТОРЪ ГЮГО ВЪ 1836 ГОДУ.

(*Соч. Д. Низара*). (*)

I.

Три послѣднія произведенія Г. Виктора Гюго встревожили наилучшихъ друзей его. Тѣ, которые хвалили его до сихъ поръ съ систематическою ревностію, и которые для каждаго сочиненія его составляли особую, новую теорію, гдѣ Искусство было повергаемо къ стопамъ отважнаго нововводителя, гдѣ недостатки были истолковываемы и слѣдовательно уменьшаемы, а красоты превозносимы выше всякой мѣры,—тѣ самые начинаютъ уже говорить съ своимъ героемъ тономъ умѣреннымъ, разсчитываютъ, благоразумно ли будетъ съ ихъ стороны слѣдовать за нимъ до послѣдней край-

---

(*) Это замѣчательное сочиненіе появилось въ одно время въ Лондонѣ и въ Парижѣ. Журналъ *London Review* просилъ Г. Низара написать подобный разборъ сочиненій В. Гюго, и Г. Низаръ принимая вызовъ, выговорилъ себѣ право сообщить этотъ разборъ и въ *Revue de Paris*, изъ котораго онъ взятъ здѣсь въ переводѣ. (Rev. de Paris, 31 Janv. 1836).

ности, и должны ли будутъ они, поддерживавшіе его прежде во всѣхъ предпріятіяхъ противъ духа и языка Французскаго, раздѣлить съ нимъ горестную и послѣднюю славу кораблекрушенія. Не пользовавшись ни честію, ни невыгодами его дружбы, пишущій эту статью самъ принадлежалъ къ числу его почитателей, и теперь чувствуетъ глубокую скорбь, видя такой быстрый закатъ таланта великаго; онъ спрашиваетъ самого себя, не уже ли для Г. Виктора Гюго настало время паденія, не уже ли онъ осужденъ умереть въ полнотѣ силъ и величія, въ годы зрѣлаго возраста и старости своей, трупъ духа, нѣкогда блистательнаго, который теперь если движется впередъ, упадетъ непремѣнно, если вздумаетъ исправиться — исчезнетъ.

Изъ трехъ послѣднихъ произведеній Г. Виктора Гюго два писаны прозою, одно стихами.

Первое произведеніе въ прозѣ была брошюра, подъ заглавіемъ: *Изученіе Мирабо* (Étude sur Mirabeau). Предметъ ея щекотливъ и труденъ; но между тѣмъ никакой другой предметъ не могъ бы такъ вдохновить человѣка съ талантомъ, какъ этотъ. Для изученія великаго человѣка нужны силы; но вмѣстѣ съ тѣмъ оно само даетъ силы. Если предметъ требуетъ многаго отъ Писателя, то на оборотъ возбуждаетъ въ немъ дѣятельность, увеличиваетъ его производящую способность. Это опытъ, по которому можно вѣрно судить объ обширности дарованія. Кто въ присутствіи одного изъ этихъ исполинскихъ историческихъ образовъ, наполняющихъ собою цѣлую эпоху, останется безплоднымъ, холоднымъ, неомыслящимъ, тотъ не

созданъ для успѣха въ искусствѣ писать. Точно также невольно безпокоишься за испытаннаго уже Писателя, если при изученіи великаго таланта онъ станетъ ниже себя самого; если вмѣсто того, чтобъ открывать въ этомъ человѣкѣ тайну высшихъ характеровъ, онъ видитъ въ немъ только себя самого, собою замѣняетъ повсюду предметъ имъ изучаемый, и смотрится въ него, какъ въ зеркало, вѣрно отражающее его собственный образъ. Вотъ недостатокъ, мы должны бъ были сказать, вотъ смѣшное *Изученія Мирабо*. Вмѣсто Мирабо, глубоко изученнаго, проникнутаго и озареннаго тѣмъ новымъ свѣтомъ, который совѣстливое и высокое изслѣдованіе зажигаетъ въ предметахъ самыхъ истощенныхъ, въ характерахъ самыхъ извѣстныхъ, мы видимъ Мирабо матеріальнаго, гораздо болѣе безобразнаго, болѣе свирѣпаго и физическаго, нежели какимъ представляетъ его Исторія; Мирабо, потрясающій своею *львиною гривою*; Мирабо, который *валяетъ какъ тѣсто* (pétrissant) мраморъ трибуны; Мирабо, который *колотитъ* (cognant) враговъ своими доводами: это скорѣе снарядъ ораторскій, чѣмъ Ораторъ; скорѣе клевета, чѣмъ портретъ; болѣе каррикатура, чѣмъ изученіе. Кромѣ того краткая исторія его политической жизни сдѣлалась исторіею литературныхъ сплетней Г. Виктора Гюго. *Тридцать голосовъ*, которые Мирабо заставлялъ безмолствовать, это литературные враги Г. Виктора Гюго. Г. Викторъ Гюго видитъ себя и торжествуетъ въ лицѣ Мирабо. Посредствомъ незначительныхъ искаженій Исторіи, которыя самолюбіе всегда оправдываетъ,

Г. Викторъ Гюго, такъ сказать, оттиснулъ свою жизнь на жизни Мирабо. Тутъ та же слава, подверженная тѣмъ же испытаніямъ; тотъ же геній, язвимый тѣми же пигмеями: только имена перемѣнились. Что же касается до слога этого сочиненія, въ немъ замѣтна обыкновенная технологія, къ которой такъ пристрастенъ Г. Викторъ Гюго: слова, заимствованныя у Наукъ Спеціальныхъ, у ремеслъ механическихъ, языкъ химической лабораторіи, палатки ремесленничей, языкъ, который, стремясь все живописать, замѣняетъ дѣйствительность образами и мысли красками, языкъ пестрый, ослѣпляющій, который видишь тѣлесными глазами: скорѣе палитра, опрокинутая на полотно, чѣмъ картина.

Второе изъ произведеній, обезпокоившихъ друзей Г. Виктора Гюго, — Драма: *Анджело, тиранъ Падуанскій* (Angelo, tyran de Padoue). Еслибъ какой нибудь неизвѣстный Авторъ написалъ піесу, подобную *Анджело*, она не была бы сыграна и шести разъ. Однакожъ *Анджело* имѣлъ нѣкоторый успѣхъ. Талантъ Г-жи Марсъ, которой гибкій голосъ умѣлъ дать пріятность мѣстамъ, написаннымъ безъ вкуса и безъ истины; одушевленная игра Г-жи Дорваль, которая умѣла остаться естественною въ положеніяхъ преувеличенныхъ и произносить отъ сердца слова, написанныя изъ головы; обѣ эти актрисы, въ столь различныхъ отношеніяхъ заслуживающія удивленіе, защитили піесу; Г-жи Марсъ и Дорваль приняли на свои руки этого немощнаго, хилаго ребенка, рожденнаго истощеннымъ воображеніемъ; онѣ ввели его въ свѣтъ.

Впрочемъ публика наша уступчива; она принимаетъ все и всѣмъ довольна; любопытство заняло мѣсто сочувствія тамъ, гдѣ зрѣлище заняло мѣсто изученія характеровъ. Партеръ не заключаетъ уже никакихъ условій съ Авторами извѣстными; онъ не апплодируетъ имъ, ни свищетъ, а только терпитъ свое удовольствіе. Не смотря на то, мы повторяемъ, что прошедшимъ публика не простила Анджело Автору, и піеса его, если не была освистана, то по крайней мѣрѣ была оставлена. Тутъ вся кладовая прежней Мелодрамы: ядъ, мечи, кинжалы, потаенные ключи, двери подъ обоями, неизвѣстные входящіе всюду, чужіе, которые хозяйничаютъ у васъ болѣе васъ самихъ и знаютъ домъ вашъ лучше, нежели вы; гробы, плиты на этихъ гробахъ, и женщины подъ этими плитами; характеры поверхностные; никакого изобрѣтенія, никакого изученія сердца, никакого открытія; но вмѣсто мыслей, гулъ завыванія, весь словарь театральныхъ тирановъ; кромѣ обыкновенныхъ недостатковъ въ піесахъ этого Писателя, еще эта неумѣстная Поэзія, лирическій тонъ, принятый въ Драмѣ, Ода, въ которой слышится разговоръ, — недостатки, болѣе выдающіеся въ *Анджело*, потому что румяна, ихъ прикрывающія, кажется, уже поистерлись; притомъ же это отзывается безвкусіемъ, слабостію, холодностію; вотъ вамъ *Анджело* въ томъ видѣ, какъ единодушно изображаютъ его всѣ независимые Критики.

Сумеречныя Пѣсни (Les Chants du Crépuscule) довершили отчаяніе друзей Г. Виктора Гюго.

Поэзія совершенно описательная, совершенно матеріальная, какъ проза *Изуженія Мирабо*; безконечно-дробныя исчисленія, роскошь ложныхъ блестокъ на ткани столь чистой, и столь мало нарядной, безплодіе сердца, чувственность воображенія, замѣняющаго чувство, скептическая философія — все это не могло быть утѣшительнымъ. Вообще самый вѣрный признакъ упадка въ дѣлѣ Поэзіи — излишество описаній. Въ этомъ младенчествующая Поэзія сходствуетъ съ умирающею. Прежде появленія идей и послѣ истощенія ихъ бываетъ только описаніе. Описаніе — это лепетъ Искусства въ колыбели и бредъ Искусства при склоненіи къ гробу. Поэтъ, умѣющій только описывать, похожъ на старика, умѣющаго только вспоминать: и въ томъ и въ другомъ мысль замѣняется памятью.

Мы особенно поражены были этимъ признакомъ упадка въ новомъ произведеніи Г. Виктора Гюго. Не уже ли онъ дошелъ уже до грустныхъ и безплодныхъ внушеній памяти? Не уже ли этотъ молодой человѣкъ, родившійся вмѣстѣ съ нынѣшнимъ вѣкомъ, подававшій о себѣ такія прекрасныя надежды, возбуждавшій къ себѣ удивленіе даже въ тѣхъ, кто не любилъ его, не уже ли онъ достигъ до бреда старческаго? Не уже ли эта лазуревая Поэзія, гдѣ мысль встрѣчается такъ рѣдко, гдѣ такъ много словъ, гдѣ Г. Викторъ Гюго кажется по справедливости только компилаторомъ и обиратeлемъ прежнихъ своихъ твореній, не уже ли это послѣдняя Поэзія, на которой суждено ему остано-

виться? Статья, которую мы хотимъ посвятить ему, не уже ли будетъ его Некрологіею?

Съ сердечнымъ сокрушеніемъ предлагаемъ себѣ эти вопросы. Не мы одни, принадлежавшіе къ числу тѣхъ, которые радовались первымъ произведеніямъ Г. Виктора Гюго, и которые, не принося ему безразсудно въ жертву ни прошекшей славы, ни великихъ именъ, думали, что должно пока посторониться и не заслонять солнца отъ молодаго человѣка, обѣщавшаго намъ прекрасныя и важныя произведенія въ награду за пособіе, нами ему оказанное, — не мы одни, но весь свѣтъ долженъ съ прискорбіемъ смотрѣть на это преждевременное увяданіе, на это паденіе въ возрастѣ преспѣянія, на эту смерть въ лучшую минуту жизни. Даже второстепенные люди (къ числу которыхъ мы всегда относили и Г. Виктора Гюго, сравнивая его съ нашими великими отечественными Писателями), даже эти люди такъ рѣдки, что невольно сожалѣешь о раннемъ безсиліи, преждевременно леденящемъ перо одного изъ нихъ, и разрушающемъ одну изъ свѣтлыхъ надеждъ нашихъ. Если это безсиліе временное; если оно проистекаетъ только отъ этихъ ошибокъ «*torts*» на которыя Поэтъ намекаетъ въ единственныхъ трогательныхъ стихахъ послѣдняго своего сборника, отъ этихъ уступокъ злу «*abandonnemens au mal* (*)» отъ которыхъ усердная

(*) Celle qui, losqu'au *mal*, pensif, *je m'abandonne*,
Seule peut me punir et seule me pardonne;
Qui de mes propres *torts* me console et m'absout...

(*Les Chants du Crépuscule*, *p.* 230.)

критика до сихъ поръ старалась предостерегать публику: мы не подвергнемъ себя униженію тѣмъ, что встревожились не кстати; обличеніе такого рода можетъ быть полезно для всѣхъ, для насъ въ особенности. Если же это безсиліе окончательное, то какъ критика сотворена не для исправленія людей возвышенныхъ, на коихъ направлена, а для предупрежденія или поправленія ложныхъ о нихъ сужденій толпы: наша статья о Г. Викторѣ Гюго будетъ, къ сожалѣнію, весьма кстати: ибо разсматривая дарованіе этого пришедшаго въ упадокъ юноши, она достаточно обнаружитъ причины, приготовляющія такой конецъ для всѣхъ подобныхъ ему талантовъ, и еще болѣе для тѣхъ, которые захотятъ подражать ему.

Г. Викторъ Гюго родился 26 Февраля 1802; слѣдовательно, ему теперь 34 года. Дѣтство его было обильно опытами. Отецъ его, Полковникъ, и потомъ Генералъ, одинъ изъ лучшихъ офицеровъ Императорской арміи, въ которой было столько подобныхъ, возилъ его съ собою по разнымъ мѣстамъ, гдѣ получалъ командованіе (*). Такимъ обра-

---

(*) Я не хочу писать Біографіи Г. Виктора Гюго; а только долженъ былъ взять изъ изданныхъ до сего времени біографическихъ извѣстій (которыя, разумѣется, кромѣ мѣстъ, содержащихъ въ себѣ похвалы, написаны съ согласія Г. Виктора Гюго) три, четыре обстоятельства, относящіяся къ жизни и воспитанію его, и могущія доставить мнѣ доводы при изслѣдованіи, которое я предположилъ себѣ сдѣлать касательно свойствъ и предѣловъ его дарованія. Преимущественно я справлялся съ остроумною Біографіею, написанную Сентъ-Бёвомъ подъ названіемъ: *Викторъ Гюго въ 1831 году.* См. *Caractères et Portraits*, 1832. — *Сочинит.*

зомъ Викторъ Гюго видѣлъ о. Эльбу, Италію, Испанію, и хотя былъ еще въ то время ребенкомъ, и слѣдственно не могъ употребить этихъ путешествій съ пользою для мыслящей способности своей, однакожъ воображеніе его оцвѣчалось красками этихъ различныхъ странъ, и въ памяти его впечатлѣвались чудесныя формы, разнообразные горизонты, пейзажи. Посему воображеніе пробудилось въ немъ прежде всѣхъ способностей, и это, такъ сказать, первое воспитаніе, совершенно чувственное, не мало содѣйствовало къ развитію въ немъ наклонности овеществлять мысли самыя отвлеченныя, и вносить въ міръ идеальный всѣ краски міра вещественнаго. Сомнѣваемся, чтобъ эта скороспѣлость, которую могли произвести въ ребенкѣ перемѣна мѣстъ и путешествія, была благопріятна развитію прочихъ дарованій. Начало жизни нашихъ учителей двухъ послѣднихъ вѣковъ было гораздо ниже, и, можетъ быть, гораздо выгоднѣе. Они воспитывались дома, въ кругу степеннаго семейства; разсудокъ ихъ начиналъ развиваться нѣкоторымъ образомъ прежде воображенія, и менѣе привлекаемые внѣшними зрѣлищами, они болѣе обращались на самихъ себя. Поэтъ, еще въ дѣтствѣ брошенный передъ великолѣпныя картины внѣшней природы, слабый, выставленный на солнце, отъ котораго люди слѣпнутъ, этотъ Поэтъ подвергается опасности имѣть основаніемъ всѣхъ поэтическихъ произведеній своихъ одну память, разгоряченную привычкою къ поддѣльной работѣ.

Г. Викторъ Гюго не имѣетъ родоваго сходства

съ своими портретами. Тотъ Викторъ Гюго, котораго выставляютъ въ окнахъ на продажу и помѣщаютъ въ числѣ другихъ гравюръ въ магазинахъ, имѣетъ видъ какого-то мрачнаго генія, безпокойнаго, суроваго, погруженнаго въ мысль о мщеніи, какъ Анджело. Лобъ его, высоты преувеличенной,— какъ преувеличены всѣ лбы нашихъ знаменитыхъ людей со времени Доктора Галля, выдумавшаго измѣрять величину генія шириною этой части головы,—лобъ его, кажется, отягченъ какимъ-то туманомъ; его черные, впалые глаза плаваютъ среди міровъ; ротъ его, нѣсколько сжатый и гнѣвливый, ясно выражаетъ глубочайшее презрѣніе къ публикѣ, которая идетъ мимо и не глядитъ на него. Имя Поэта внизу рисунка, выгравированное готическими буквами, служитъ эмблемою новости его твореній. Насмѣшники говорятъ, что это критика на его творенія. Имѣвшіе честь видѣть близко самого Г. Виктора Гюго не узнаютъ его въ портретѣ, точно такъ же, какъ не узнаютъ Мирабо въ каррикатурѣ, имъ изданной. Лице Поэта красиво и открыто; лобъ, широкій дѣйствительно, показываетъ воображеніе и память. Глаза кроткіе и не такъ впалы, какъ на портретѣ. Вся верхняя часть лица выражаетъ человѣка съ высокими умственными достоинствами. Низъ лица менѣе интеллектуаленъ. Ротъ, щеки, подбородокъ и вся часть профиля, идущая отъ нижней оконечности уха до конца подбородка, по видимому, высказываютъ весьма сильныя физическія страсти и чрезмѣрную любовь къ сохраненію: что впрочемъ необходимо въ эпоху застоя, въ которую эта любовь всегда благоразуміе, а въ

нѣкоторыхъ случаяхъ, можетъ быть, и долгъ. Умственность и чувственность дѣлятъ между собою поравну это лице, впрочемъ замѣчательное; умственность занимаетъ верхнюю часть его, чувственность нижнюю. Впрочемъ лице румяное, дышащее здоровьемъ и никогда не имѣющее, въ противность увѣренію льстецовъ, той блѣдности, которую оставляетъ вдохновеніе на челѣ Поэтовъ избранныхъ; напротивъ, этотъ колоритъ, этотъ постоянный тонъ краски скорѣе могутъ внушить подозрѣніе, что мысль въ семъ знаменитомъ молодомъ человѣкѣ не изъ рода тѣхъ, которыя сокрушаютъ человѣка, и которыя Г. Шатобріанъ уподобляетъ огромнымъ рѣкамъ, гложущимъ собственные берега свои.

Г. Викторъ Гюго дебютировалъ на литературномъ поприщѣ самымъ худшимъ изъ всѣхъ ученическихъ опытовъ, сочиненіемъ для полученія Академической награды. Весьма невыгоднымъ предзнаменованіемъ бываетъ воображеніе, которымъ можно располагать когда и какъ угодно, равно какъ и эта преждевременная потребность казаться, а не быть. Въ молодомъ человѣкѣ, дѣйствительно призванномъ къ высокому назначенію въ Литературѣ, должна быть, если мы не ошибаемся, нѣкоторая цѣломудренность ума, отвергающая эти борьбы и тріумфы Академическіе. Г. Викторъ Гюго, едва достигши 15-лѣтняго возраста, уже состязался въ наградѣ по части Стихотвореній въ Французской Академіи. Онъ заслужилъ награду, говорятъ его Біографы, но не получилъ ея за два стиха, въ которыхъ говоритъ, что ему 15 лѣтъ, и которые знаменитое

сословіе сочло за обманъ. Предметомъ сочиненія была: *Польза ученія.* Умѣющіе говорить о ней въ 15 лѣтъ созданы ли для того, чтобъ понимать ее?

Съ 1818 по 1820 годъ Г. Викторъ Гюго получилъ постепенно въ Академіи Игръ Флоры (Académie des jeux floraux) три награды, изъ коихъ послѣдняя доставила ему степень Магистра Игръ Флоры (Maître des jeux floraux). Г. Шатобріанъ называлъ его геніальнымъ ребенкомъ — названіе неблагоразумное, хотя и полное доброты; оно долженствовало внушить ребенку гордость мужа и суетность Генія прежде, чѣмъ раскрылось въ немъ дарованіе. Мать юнаго Поэта должна бы была содрогнуться отъ этого названія, какъ будто слыша въ немъ горькую насмѣшку. Геніальныхъ дѣтей не бываетъ. Бываютъ дѣти, которыя послѣ дѣлаются геніальными людьми, и которыя покупаютъ это тою же цѣною, за которую дозволено человѣку достигать геніальности, т. е. живутъ долгое время жизнію всѣхъ: ибо геній есть знаніе жизни всего человѣчества. Названія этого рода гибельны. Они отуманиваютъ ребенка, которому даются; они разгорячаютъ его, внушаютъ ему притязанія на такія достоинства, которыхъ онъ вовсе не имѣетъ. Это известь, положенная у корня молодаго дерева и заставляющая его производить плоды безъ запаха. Подобные предсказанія и гороскопы преимущественно бываютъ причиною уваженія къ дѣтямъ счастливо рожденнымъ. Не будемъ внушать имъ страстей общественной жизни прежде, чѣмъ выростетъ у нихъ борода; оставимъ ихъ расти, распускаться на

свободѣ, подобно цвѣтамъ; пусть скрѣпнетъ домъ прежде, нежели будетъ жить въ немъ могучій и безпокойный хозяинъ, котораго называютъ геніемъ.

Впрочемъ никого не льзя упрекать въ первоначальномъ направленіи, данномъ уму и учебнымъ занятіямъ юнаго Поэта. По самому свойству своего дарованія— и здѣсь именно мѣсто опредѣлить его —Г. Викторъ Гюго долженъ былъ стремиться къ преждевременнымъ успѣхамъ и къ поддѣльной славѣ Академической. Онъ въ высшей степени обладалъ дарованіемъ, успѣвающимъ въ состязаніяхъ этого рода: у него была легкость въ выраженіи общихъ мѣстъ и много воображенія — двѣ способности, которыя не дожидаются зрѣлаго возраста и которыя могутъ дать видъ глубокаго мыслителя ребенку, имѣющему только счастливую память и живо помнящему все, что читалъ онъ или слышалъ. Воображеніе, обогащенное обширною памятью — вотъ весь талантъ Г. Гюго; по этому онъ дѣйствительно нововводитель въ нашемъ отечествѣ: ибо у насъ не было еще примѣра великаго Писателя, имѣющаго только воображеніе; отъ этого онъ надѣлалъ много шума, привелъ въ движеніе молодыхъ людей, стяжалъ громкую славу. Воображеніе вѣрное и богатое, безъ примѣси чувствительности и безъ противовѣсія со стороны разсудка, но умѣющее иногда играть первою, и встрѣчающееся иногда случайно съ здравыми и прямыми понятіями послѣдняго: вотъ весь Г. Викторъ Гюго.

Называя его нововводителемъ, мы нисколько не думаемъ хвалить его. Во Франціи, отечествѣ Ли-

литтературы, существенно практической и разсудительной. Писатель, обладающій только воображеніемъ, хотя бы это воображеніе было и необыкновенно, не можетъ быть великимъ Писателемъ. Слава нашихъ великихъ Писателей преимущественно основывается на томъ, что они умѣли наилучшимъ образомъ выражать истины жизни практической, создали нѣкоторымъ образомъ Поэзію разсудка. Геній во Франціи есть удивительное соединеніе всѣхъ удобствъ; это смѣсь, состоящая изъ равныхъ частицъ всѣхъ высшихъ и второстепенныхъ достоинствъ, инстинкта и опытности, воображенія и вкуса, дерзости предначертаній и благоразумія въ исполненіи, смѣлости во время приступа къ дѣлу и чрезвычайной осторожности въ окончаніи. Геніальный человѣкъ есть человѣкъ, умѣющій пользоваться попеременно высокимъ зрѣніемъ души, посредствомъ котораго проникаетъ въ сокровенныя тайны вещей, и отдѣлкою критики, посредствомъ коего исправляетъ свои произведенія отъ всѣхъ неровностей, отъ всѣхъ пропусковъ, отъ всѣхъ излишествъ перваго порыва вдохновенія. У насъ воображеніе, даже въ тѣхъ произведеніяхъ, которыя собственно называются произведеніями воображенія, есть болѣе достоинство украшательное, наряжающее сочиненія, нежели высшая способность, внушающая ихъ. Разсудокъ, т. е. это высшее чувство, посредствомъ коего мы отличаемъ истинное отъ ложнаго, общее отъ частнаго, правило отъ исключенія, вотъ владыка всѣхъ умственныхъ произведеній во Франціи; онъ одинъ сообщаетъ практическій ха-

рактеръ Французской Словесности. Въ трудѣ творчества, въ этомъ высокомъ и простомъ занятіи человѣка геніальнаго, которое такъ смѣшно усиливались окружить мракомъ и таинственностію, воображеніе, вмѣсто того, чтобъ повелѣвать, само подчиняется надзору и обузданію. Нисколько не увлекаясь имъ, Писатель не довѣряетъ ему; онъ призываетъ его себѣ на помощь всякій разъ, какъ только надобно раскрасить идею, которую разсудокъ отыскалъ и разсмотрѣлъ; всякой разъ, когда надобно глубже опустить въ умы истину, которая скользнула бы только по поверхности ихъ, еслибъ была представлена въ метафизической наготѣ своей; но отталкиваетъ его всегда, какъ только оно, пользуясь лѣностію или усталостію разсудка, захочетъ замѣнить идеи красками и существенность образами. Всѣ способности дѣйствуютъ, такъ сказать, союзно: воображеніе, разсудокъ, вкусъ, критическое чувство; всѣ повѣряютъ другъ друга, и только отъ совокупности ихъ взаимныхъ усилій проистекаютъ великія созданія, запечатлѣнныя въ высокой степени двумя признаками, которые по видимому исключаютъ другъ друга: самымъ счастливымъ инстинктомъ, и самымъ совершеннымъ искусствомъ.

При чтеніи великихъ памятниковъ Французской Литературы невольно поражаешься этимъ обнаруженіемъ и совокупнымъ дѣйствіемъ всѣхъ умственныхъ способностей. Въ нѣкоторыхъ книгахъ XVII и XVIII вѣка нѣтъ ни одной фразы, въ которой бы не представлялась какая либо изъ этихъ способностей, въ которой бы она уснула

или отреклась отъ правъ своихъ на участіе въ общемъ дѣлѣ. Въ каждой строкѣ весь человѣкъ; онъ можетъ сказать себѣ, оканчивая, что въ этомъ благородномъ дѣлѣ нисколько не погрѣшилъ своею доброю волею, а развѣ только человѣческою слабостію. Въ другихъ Литературахъ можно еще сдѣлаться замѣчательнымъ Писателемъ, свободно и лѣниво отдавая себя на волю воображенію, этой спокойной Музѣ, которая доводитъ искусство писать до высокомѣрнаго удовольствія мечтать въ слухъ. Во Франціи никто не можетъ требовать себѣ славы вѣковыхъ твореній, не подчинивъ себя всѣмъ условіямъ ихъ, не извѣдавъ всей трудности ихъ, и преимущественно трудности укрощать способности одну посредствомъ другой и умѣть сдерживать себя въ то время, когда пускаешься свободно. Высочайшую прелесть лучшихъ произведеній Древнихъ Литературъ и величайшихъ памятниковъ нашей составляетъ, можетъ быть, эта ощутительная и въ цѣломъ и въ частяхъ сила воли и сознанія, безъ которой самый счастливый инстинктъ не можетъ произвести ничего совершеннаго. Есть сцены въ Расинѣ и мѣста въ Боссюэтѣ, при которыхъ мысль о необычайныхъ усиліяхъ воли, скрытыхъ подъ легкостію и граціею инстинкта, погружаетъ въ нѣкоторый родъ благоговѣйнаго удивленія, смиряющаго нашу гордость, но не приводящаго въ отчаяніе.

Не такому чудесному соединенію всѣхъ способностей удивляются въ произведеніяхъ, впрочемъ отличныхъ, Г. Виктора Гюго. У него, повторяю, воображеніе все замѣняетъ, одно воображеніе со-

здаетъ и исполняетъ; это царь самодержавный. По свойству ума юнаго Писателя, а равно и по несчастному вліянію эпохи, неблагопріятной для твореній обдуманныхъ, разсудокъ не имѣетъ мѣста въ его сочиненіяхъ. Нѣтъ идей практическихъ и удобопримѣняемыхъ, ничего, или почти ничего взятаго изъ жизни дѣйствительной, никакой Философіи, никакой нравственности, никакой цѣли усовершенствованія, ни критики, ни сочувствія, ни сатиры; нѣтъ плана, нѣтъ рисунка, нѣтъ мнѣній: ибо мы не можемъ называть этимъ именемъ общія мѣста, составляющія канву болѣе или менѣе важную, на которой юный Писатель вышиваетъ прозу въ стихахъ; однимъ словомъ, нѣтъ ничего, имѣющаго близкое отношеніе къ разсудку въ литературныхъ произведеніяхъ. Точно также нѣтъ и вкуса, и чувства критическаго, какъ нѣтъ разсудка; кромѣ того, что Г. Викторъ Гюго, какъ намъ кажется, не одаренъ отъ Природы этими двумя способностями, необходимыми для Французскаго Писателя, онъ презрѣніе къ нимъ сдѣлалъ своею системою. Впрочемъ, это недостатокъ почти общій всѣмъ несовершеннымъ Писателямъ: когда у нихъ нѣтъ какого нибудь качества, они выдумываютъ себѣ теорію, которая избавляетъ ихъ отъ него, или которая вмѣняетъ въ важное достоинство неимѣніе этого качества. И такъ, только съ однимъ воображеніемъ, необузданнымъ, не удерживаемымъ никакою высшею властію, не повинующимъ приличій Искусства, Г. Викторъ Гюго пишетъ въ отечествѣ Литературы философической и удобопримѣняемой, пишетъ на языкѣ, болѣе всего

отличающемся способностію выражать всѣ разряды идей, соотвѣтствующихъ духу этой Литературы.

Нѣмцы выдумали раздѣлять Писателей на два класса и какъ бы на два рода. Есть Писатели *объективные*, или такіе, которые не видятъ себя въ своихъ сочиненіяхъ, которые стоятъ въ сторонѣ и болѣе кажутся безпечными зрителями собственныхъ произведеній, чѣмъ страстными актерами, пустившими на сцену, подъ видомъ отвлеченныхъ идей или подъ вымышленными лицами, свои собственныя страсти, свои собственныя предразсудки, мелочи или важныя событія своей жизни. Вашъ несравненный Шекспиръ мнѣ кажется величайшимъ и полнѣйшимъ типомъ этого класса Писателей. Вотъ почему вы и не можете составить вѣрной Біографіи этого великаго человѣка; онъ нигдѣ не означилъ слѣдовъ своей жизни; его не видно ни въ одномъ изъ его героевъ; онъ позволяетъ имъ всѣмъ жить ихъ собственною жизнію и подчиняться слѣдствіямъ, проистекающимъ изъ ихъ собственныхъ характеровъ и ошибокъ; самъ же стоитъ въ сторонѣ, и смотритъ на нихъ съ улыбкою, даже во время катастрофы, извлекающей у насъ слезы: потому что не отвѣтствуетъ за ихъ поступки. Писатель *субъективный* совершенно противоположенъ объективному. Онъ наполняетъ свои произведенія самимъ собою; выказываетъ себя въ лицѣ каждаго изъ своихъ героевъ; сообщаетъ имъ свою любовь и отвращеніе; дѣлаетъ ихъ участниками своихъ ссоръ, окупываетъ ихъ своими страстями. Сообразенъ или несообразенъ,

предметъ его съ этою полу-откровенностію, онъ всегда найдетъ уголокъ, чтобъ высказать себя; онъ заставляетъ всѣ свои идеи, такъ же какъ и всѣ дѣйствующія лица свои, разыгрывать его собственную жизнь. Наилучшій во Франціи типъ такого класса Писателей, которымъ это пристрастіе къ самимъ себѣ даетъ иногда столько силы и власти надъ современниками, есть Вольтеръ. Г. Викторъ Гюго, съ которымъ я, щадя его самолюбіе, нисколько не хочу сравнивать Вольтера, Г. Викторъ Гюго принадлежитъ къ числу этого же рода Писателей.

Когда *субъективный* Писатель человѣкъ высшаго достоинства, одаренный, подобно Вольтеру, умомъ, вкусомъ, чувствомъ критическимъ: тогда онъ въ силахъ производить сочиненія истинныя и прочныя, хотя бы они были написаны и съ безучастіемъ, съ безпристрастіемъ *объективныхъ* Писателей. Лучшія сочиненія Вольтера потому только и истинны, что онъ самъ принадлежалъ къ числу такихъ отличныхъ людей, хотя эти сочиненія и представляютъ зеркало или какъ бы эхо души только одного человѣка. Но если *субъективный* Писатель самъ принадлежитъ къ разряду людей второстепенныхъ или третьестепенныхъ, если онъ самъ *субъектъ* весьма неполный, имѣющій только немного болѣе воображенія и памяти, нежели большая часть его современниковъ: то всѣ творенія его будутъ имѣть только цѣнность исключительную, всѣ дѣйствующія лица его будутъ ексцентрическія, все сочиненіе его будетъ представлять только одно особное лице,

болѣе или менѣе отличное. Это можно сказать и о Г. Викторѣ Гюго. Дѣйствующія лица — если говорить только о драматическихъ произведеніяхъ — дѣйствующія лица Вольтера ложны въ строгомъ смыслѣ, потому что они всѣ Вольтеровскіе, но они истинны, потому что представляютъ человѣка съ умомъ. Дѣйствующія лица Г. Виктора Гюго ложны не потому только, что они маски и тѣни одного Писателя, но потому еще, что самъ Писатель этотъ, ограниченный однимъ воображеніемъ, способностію, по которой люди наиболѣе отличаются другъ отъ друга, не имѣетъ разсудка, по которому люди сходствуютъ между собою и истинны другъ для друга.

Г. Викторъ Гюго, какъ вамъ извѣстно, написалъ много Драмъ и Романовъ, кромѣ *Гана Исландскаго* и *Бюгъ-Жаргаля*; но написалъ и тѣ и другіе не столько по любви или по призванію, сколько по вліянію благородной домашней необходимости, обязывавшей его избрать родъ сочиненій болѣе прибыльной, чѣмъ стихи и Баллады. Эти Драмы и Романы представляютъ почти исключительно Г. Виктора Гюго, не какъ человѣка положительнаго, но какъ Писателя, находящагося во власти собственнаго воображенія, обладающаго чувствительностію мозга и страстями головы, раздраженнаго привычкою къ ночнымъ трудамъ, смѣющагося безъ веселья, плачущаго безъ нѣжности, выходящаго изъ себя безъ энтузіазма, роющагося не столько въ страстяхъ человѣческихъ для извлеченія изъ

нихъ тайны недовѣдомой, сколько въ языкѣ Французскомъ, чтобъ извлечь изъ него необыкновенные эффекты; заботящагося болѣе всего объ образахъ и чертахъ. Для тѣхъ, которые имѣютъ честь знать Автора, этотъ представляемый имъ въ каждомъ сочиненіи слѣпокъ съ собственнаго духа еще можетъ быть занимателенъ; но тѣ, которые вовсе не знакомы съ нимъ, — а это большинство публики, — не знаютъ, что думать о немъ. Они не находятъ ни въ собственномъ сердцѣ, ни въ опытномъ познаніи сердца другихъ людей ничего такого, что могло бы растолковать имъ странныя произведенія Поэта; они смотрятъ на нихъ съ любопытствомъ, во-первыхъ, потому что эти чудовища одарены нѣкоторою оригинальною силою; во-вторыхъ, потому что театръ, на которомъ они являются, расписанъ заново и испещренъ прикрасами (а это занимаетъ зрѣніе, пока скучаетъ умъ); въ-третьихъ, потому что, надо сказать правду, въ нихъ показывается по мѣстамъ что-то похожее на чувствительность и страсть, на смѣхъ и слезы. Можно, строго говоря, время отъ времени, замѣчать въ этихъ искаженныхъ гримасами лицахъ нѣкоторое дальнее сходство съ истиннымъ лицемъ человѣческимъ.

Воображеніе, даже и тогда, когда дѣйствуетъ одно, имѣетъ особенное свойство подражать, до обольщенія взгляда неутонченнаго, другимъ способностямъ души: чувствительности, страсти, самому разсудку. Писатель, обладающій только воображеніемъ и памятью, сочинитъ сцену довольно страстную по воспоминанію того, что чи-

щалъ, вовсе не понимая ни чужихъ страстей, ни собственныхъ. Онъ заставитъ говорить мать, любовника, любовницу языкомъ подобнымъ на тотъ, которымъ говорятъ лица въ произведеніяхъ этого рода; онъ будетъ имѣть даже нѣкоторую довольно истинную чувствительность для тѣхъ, кто не вглядится въ него ближе; онъ будетъ плакать stихами, найдетъ шутку, которую люди необразованные или равнодушные могутъ принять за комизмъ; наконецъ, выскажетъ на удачу — и это потому только, что читалъ что-то похожее — нѣсколько сообразныхъ съ разсудкомъ чувствованій, которыя же люди могутъ принять за разсудокъ. Вотъ что представляется въ драматическихъ произведеніяхъ Г. Виктора Гюго. Вся его личность въ нихъ основно не ложна и не невозможна, и мы были бы несправедливы, утверждая противное; но рѣшительно говоримъ, что ни одно изъ чувствъ, влагаемыхъ Поэтомъ въ уста дѣйствующихъ лицъ, не выходитъ изъ истиннаго источника, въ которомъ искусство великихъ Поэтовъ почерпаетъ ихъ; что чувствительность этихъ лицъ не проистекаетъ отъ сердца; что страсти ихъ не выходятъ изъ души, могущей страдать хотя мгновеніе тою скорбью, которую сообщаетъ она существамъ вымышленнымъ; что смѣхъ ихъ не идетъ отъ чувства живаго и глубоко-комическаго; что слезы ихъ не проистекаютъ отъ физическаго содроганія, ощущаемаго честнымъ и добрымъ человѣкомъ при мысли о несчастіяхъ даже выдуманныхъ; что даже самое обдуманное въ этихъ лицахъ не имѣетъ своимъ основаніемъ инстинкта,

укрѣпленнаго размышленіемъ и опытностію, и называемаго разсудкомъ.

Замѣчательнѣйшія дѣтища этого воображенія, идущаго одиноко, зажмурясь, съ неувѣренностію, но и съ отвагою существа, дѣйствующаго безъ руководства, отвагою иногда удающеюся; дѣтища этой разгоряченной памяти, умѣющей иногда принимать языкъ всѣхъ другихъ способностей, почти такъ же хорошо, какъ человѣкъ, могущій припоминать ноты арій, повторяетъ слышанное имъ пѣніе, — эти замѣчательнѣйшія дѣтища суть: *Дидье* въ *Маріонъ Делормъ*, *Гернани* въ піесѣ того же имени, и преимущественно *Эсмеральда* въ Романѣ, столь справедливо оцѣненномъ, въ *Соборѣ Парижской Богоматери* (Notre-Dàme de Paris).

Эсмеральда — милое созданіе: это цыганка, превосходящая красотою дочь царскую, разстилающая на площадяхъ древняго Парижа кусокъ оборваннаго ковра своего и прыгающая для предковъ нынѣшнихъ зѣвакъ нашихъ. У нея подруга — козочка, которую она заставляетъ писать имена подвижными буквами, и которая составляетъ все ея семейство, всю жизнь ея. Она невинна, какъ невиннѣйшая изъ нашихъ дѣвушекъ — она, представляющая всю видимую красоту свою предъ взоры толпы нечистой; она добродѣтельна, какъ навѣрно не была добродѣтельна ни одна цыганка, ни одна танцовщица публичной площади. Улыбка ея презрительна и надменна; лице ея — отпечатокъ глубокой и безпредметной меланхоліи, обычнаго признака невинности и часто отсутствія страстей. Однакожь, если она не знаетъ, что такое порокъ, то знаетъ,

чего стоитъ добродѣтель: она носитъ за поясомъ небольшой кинжалъ, которымъ поразитъ всякаго дерзкаго, покушающагося лишить ее этой добродѣтели. Она живетъ подъ открытымъ небомъ, одна, предоставленная самой себѣ, не имѣя ни совѣтника, ни руководителя, кромѣ амулетки, по которой можетъ отыскать свою мать, и которую потеряетъ она, если потеряетъ добродѣтель, защищаемая отъ всѣхъ порочныхъ покушеній, отъ всего разврата Парижа въ XV вѣкѣ одною только этою дочернею надеждою увидѣть когда нибудь свою мать и быть ею узнанной; защищаемая, можетъ быть, также и горделивымъ сознаніемъ, что она красавица въ толпѣ презрѣнныхъ своихъ товарищей по ремеслу! ибо чрезвычайная красота издавна служитъ ручательствомъ невинности.

Мы бы желали этой дѣвушкѣ, столь граціозной и невинной, одного изъ тѣхъ любовниковъ, какихъ встрѣчаешь въ вашей Англіи, знатнаго происхожденія, богатаго, которой бы извлекъ ее изъ этой грязи, запятнавшей только ея платье, и возвелъ въ достоинство своей супруги, сдѣлалъ бы ее Герцогинею. Но Г. Викторъ Гюго, которому принадлежитъ Эсмеральда по праву собственности, не согласовался съ нашими желаніями. Онъ заставилъ ее влюбиться въ Капитана Жандармовъ Людовика XI, здороваго молодца, одного изъ тѣхъ существъ, состоящихъ изъ мяса и крови, которыя хохочутъ во все горло, говорятъ громко и отрывисто, имѣютъ видъ завоевателей передъ всѣми женщинами,

думаютъ внушать любовь и внушаютъ только мечты нечистыя; въ одного изъ тѣхъ людей, которыхъ Древняя Философія вѣроятно имѣла въ виду, говоря, что человѣкъ есть животное. Этотъ Капитанъ нисколько не понимаетъ любви Эсмеральды; онъ принимаетъ добродѣтельную нерѣшимость ея за обыкновенное сопротивленіе и борется съ нею языкомъ, обыкновенно употребляемымъ въ подобныхъ случаяхъ; онъ нисколько не понимаетъ ея меланхолическихъ взоровъ, ея мечтательнаго безмолвія, ея живой радости, такъ внезапно прерываемой безпокойствомъ; не понимаетъ этихъ безчисленныхъ утонченностей молодой дѣвочки, защищающей свою стыдливость, хотя и не понимающей, какъ теряютъ ее. Онъ любитъ по-жандармски, любитъ этою грубою стереотипною любовію, которая имѣетъ успѣхъ передъ глупыми женщинами, но которой, думаю, могутъ предаться немногія изъ женщинъ, истинно заслуживающихъ быть любимыми.

Умѣющій любить Эсмеральду такъ, какъ она должна быть любима, есть бѣдный звонарь Казимодо, сирота, брошенный всѣми при самомъ рожденіи, чудовище, которое привело бы въ ужасъ самую мать свою; глухой, горбатый, кривой, живущій невидимо въ глубинѣ темнаго собора, и выросшій въ его полусвѣтѣ, сыромъ и мрачномъ. Одинъ только Казимодо умѣлъ понять Эсмеральду. Надобно видѣть, какъ заботится онъ объ этой дѣвушкѣ, съ какою осторожностію онъ носитъ ее на рукахъ своихъ, какъ умѣетъ понимать ее, когда она не говоритъ

ни слова, и повиноваться ей, когда она ничего не приказываетъ; какъ онъ боится оскорбить ее, выказавъ свою уродливость, и какъ мучится старанiемъ служить ей, не приближаясь къ ней, и наблюдать за нею, не будучи ею видимымъ. Ничего не можетъ быть трогательнѣе и милѣе сценъ между Эсмеральдою и Казимодо на площадкѣ башенъ Нотр-Дамскихъ. Непобѣдимое отвращенiе дѣвушки, побѣждаемое нѣжнымъ состраданiемъ къ бѣдному звонарю; усилiя ея привыкнуть къ этому лицу, этому неблагодарному и отвратительному зеркалу души нѣжной; тоска Казимодо, его преданность, смышленость, что-то похожее на грацiю, которую придаетъ любовь этому чудовищу, дѣлающемуся ручнымъ при взглядѣ любимой женщины; разговоръ этихъ двухъ существъ, когда Эсмеральда, сжалясь надъ бѣднымъ звонаремъ, позволила ему минуту побыть у себя; все это, конечно, взято изъ чужаго мiра, но все занимательно и трогательно; и хотя бы справедливо называли все это тяжелымъ, но такая тяжесть чрезвычайно остроумна, тяжесть невозможной въ дѣйствительномъ мiрѣ любви между безобразiемъ и красотою, старостiю и юностью, между двумя существами, изъ которыхъ одно любитъ, не будучи въ силахъ сдѣлаться любимымъ, а другое не любитъ, не имѣя силы ненавидѣть.

Воспоминанiе много содѣйствуетъ успѣхамъ Г Виктора Гюго. Я разумѣю здѣсь это отдаленное впечатлѣнiе, оставляемое въ насъ чтенiемъ; впечатлѣнiе нѣжное, прiятное, въ которомъ исчезаютъ

всѣ преувеличенія Автора, которое сглаживаетъ шероховатости, укорачиваетъ длинноты, уничтожаетъ излишества воображенія, и замѣняетъ лица, всегда нѣсколько натянутыя — даже и тогда, когда естественна основная идея ихъ — лицами истинными и натуральными. Разсматриваемые въ нѣкоторомъ отдаленіи, сквозь воспоминанія, подъ этимъ благопріятнымъ полусвѣтомъ, закрывающимъ грубость и необдуманность исполненія, Эсмеральда и Казимодо представятся двумя прекрасными романическими созданіями, конечно лучшими изо всѣхъ, произведенныхъ Г. Викторомъ Гюго, Поэтомъ Драматическимъ и Романистомъ. Но разсматриваемые близко, въ самой книгѣ, они досаждаютъ разборчивому читателю этою массою подробностей ложныхъ, преувеличенныхъ, смѣшныхъ, въ которой плаваютъ черты естественныя. Эсмеральда часто глупа въ любви своей и хочетъ только быть наивною; Казимодо иногда представляетъ изъ себя Коридона. Безобразіе его, уже столь сильное по одной чертѣ, является грудою всѣхъ возможныхъ безобразій, каррикатурою изъ всѣхъ каррикатуръ, въ слишкомъ подробной картинѣ Романиста. Вещественная часть, описанія мѣстъ и костюмовъ, преувеличенные образы закидываютъ и загашаютъ эти весьма рѣдкіе проблески вѣчной истины, которые одни являются намъ въ воспоминаніи давнишняго чтенія. Таково обыкновенно дѣйствіе сочиненій, въ коихъ воображеніе и память замѣняютъ все; таково впечатлѣніе, производимое въ насъ преимущественно

драматическими произведеніями Г. Виктора Гюго. Противное бываетъ съ тѣми книгами, которыя обезсмертилъ разсудокъ, оживленный воображеніемъ. Въ чтеніи онѣ кажутся еще прекраснѣе, нежели въ воспоминаніи; ихъ перечитываешь всегда съ новымъ любопытствомъ; всегда кажется, что еще недовольно вчитался въ нихъ, и что впечатлѣніе, ими оставленное, ниже причины, произведшей его.

II.

Только этимъ преобладаніемъ воображенія и памяти въ сочиненіяхъ Г. Виктора Гюго должно объяснять себѣ столь слабое вліяніе его на эпоху и совершенную неспособность играть какую либо роль, не смотря на видимыя старанія играть всѣ роли.

Совершенные Писатели, т. е. тѣ, которые съ основательнымъ разсудкомъ и здравымъ смысломъ соединяютъ воображеніе покорное и воздержное, такіе Писатели производятъ всегда на свое время и на отечество дѣйствіе рѣшительное. Они имѣютъ свой опредѣленный характеръ, свою отличительную физіономію, которые ихъ ставятъ выше всѣхъ. Извѣстно, что̀ они призваны дѣлать; извѣстно, что̀ представляютъ они; извѣстно, чего они хотятъ и чего не хотятъ; къ нимъ имѣютъ довѣріе, олицетворяютъ въ нихъ то или другое мнѣніе, то или другое вѣрова-

ніе; или лучше, они — передовые люди эпохи — прорицаютъ будущее, распаляютъ души возвышенными надеждами; или, стоя въ сторонѣ, вверху, глубокомысленно наблюдаютъ и иронически осмѣиваютъ направленіе эпохи; однимъ словомъ, властители душъ, любятъ ли они, или ненавидятъ, увлекаютъ ли эпоху къ какой нибудь недовѣдомой цѣли, или удерживаютъ ее и колеблютъ бездѣльно въ сомнѣніяхъ, плачутъ ли они, или смѣются: всегда впереди, никогда позади, всегда во внутренности общества, никогда на поверхности; всегда властелины, никогда рабы; всегда выше своей славы и неудачъ своихъ: ибо мыслятъ ли заодно съ эпохою, или смотрятъ и по сю и по другую сторону, они всегда на столько впереди ея, что мѣра ихъ торжествъ и пораженій не можетъ быть точною мѣрою того, чего стоятъ они.

Вашъ Байронъ и нашъ Беранже, если говорить только о Поэтахъ, принадлежатъ къ числу такихъ Писателей.

Байронъ, своею натянутою привязанностію къ безграничной свободѣ и ума, и мнѣній, и вѣрованій, и поступковъ, своимъ отчаяннымъ скептицизмомъ, своею горькою ироніею, своимъ презрѣніемъ къ добру и злу, глубоко въ основаніи подрылъ ваше общество, окованное правилами, формами и стѣснительнымъ неравенствомъ, которое прикрывается именемъ приличія. Этотъ человѣкъ не былъ умѣренъ ни въ любви къ друзьямъ, ни къ

ненависти къ врагамъ своимъ. Онъ ушелъ изъ вашего острова для того, чтобы ничѣмъ не быть для васъ, чтобы не принимать никакого участія въ судьбѣ своего отечества, и между тѣмъ былъ властителемъ его болѣе, чѣмъ тогда, когда бы провелъ всю славную и кратковременную жизнь свою въ самой срединѣ Лондона. Какъ этотъ человѣкъ, не бывшій ничѣмъ, былъ могущественъ! Съ какой стороны ни взгляните на него, какъ онъ ярко выходитъ изъ толпы всѣхъ своихъ современниковъ! Какъ хорошо всѣмъ извѣстно, за чѣмъ гнался онъ! Ребенокъ въ вашей Англіи, еслибъ понадобилось, скажетъ это.

Нашъ Беранже, также уединенный, также внѣ общества Французскаго, какъ и Лордъ Байронъ, но съ тою разницею, какая можетъ быть между бѣднымъ, незначительнымъ гражданиномъ Французскимъ и благороднымъ Лордомъ Англійскимъ, между домосѣднымъ уединеніемъ, въ маленькомъ домикѣ въ Пасси или Фонтенебло, и кочевымъ, путешественническимъ и дорого стоящимъ уединеніемъ Лорда Байрона, — нашъ Беранже имѣетъ также физіономію, ему только принадлежащую, и что̀ сказалъ я о дѣтяхъ Англіи въ отношеніи къ вашему Лорду Байрону, то же скажу, и еще съ большею вѣрностію, о дѣтяхъ нашей Франціи въ отношеніи къ Беранже. Беранже — совершеннѣйшій, остроумнѣйшій, любимѣйшій типъ нашего національнаго характера. Любовь отчасти безразсудная къ славѣ оружія и свободѣ политической; критическій умъ; удивительное знаніе прошедшаго, т. е. больше,

нежели сколько нужно для безнадежности въ свободѣ и добродѣтели; колкая сатира, соединенная съ привлекательнымъ добродушіемъ; Французъ веселый и смѣшливый, но не хохочущій во все горло; чувствительный, но не плакса, безъ злобы и ненависти, но и не безъ антипатіи: соединеніе и удивительная смѣсь всего этого, смѣсь, заставившая, на пр. Нѣмцевъ, называть насъ глубокомысленными, потому что мы нейдемъ отъ ничего къ преувеличеніямъ, — вотъ нашъ Беранже.

Мы тщетно стараемся найти, въ какомъ отношеніи Г. Викторъ Гюго имѣетъ вліяніе на свою эпоху, и возбуждаетъ ли онъ другое чувство, кромѣ любопытства. Мы не видимъ его во главѣ какого либо мнѣнія положительнаго или отрицательнаго, но находимъ, что онъ завладѣваетъ постепенно всѣми, какъ общими мѣстами, которыя могутъ дать ходъ его книжкѣ. Намъ кажется, онъ — вмѣсто того, чтобы вполнѣ господствовать надъ обществомъ, или стоя отъ него отдѣльно, или входя въ него посредствомъ дѣйствія, посредствомъ критики — только носится по поверхности общества, собирая памятью все, что говорится въ немъ и воспроизводя все это своимъ воображеніемъ; схватывая на лету, моду, прихоть, минутный вкусъ, и привязывая къ нимъ книгу, написанную стихами или прозою, которая держится столько же времени, сколько и прихоть, и мода, и вкусъ текущей минуты, — легонькіе листочки, бросаемые имъ въ ручей, образовавшійся отъ внезапнаго дождя, и не могущіе итти ни далѣе

этого ручья, ни этого дождя. Мы видимъ въ немъ невѣрное, хотя и *звучное* (какъ онъ самъ себя опредѣляетъ въ одномъ мѣстѣ) эхо того, что показывается на поверхности его эпохи, а не понятливаго наблюдателя явленій, скрывающихся въ глубинѣ ея; видимъ въ немъ управляемаго, а не правящаго, *Лавреата* то Королевской власти, то народа, но никогда *Поэта* ни той, ни другаго; а Лавреатъ и Поэтъ два лица разныя; онъ поетъ въ пользу Королевской власти, между тѣмъ какъ ему эта піеса не заказана; онъ поетъ въ пользу народа, и народъ не знаетъ, чего онъ желаетъ ему; онъ то оцѣненъ и не понятъ, то понятъ и не оцѣненъ; онъ никогда не впереди, всегда назади; никогда не творецъ и не властелинъ идеи, но всегда рабъ и глашатай идей текущей минуты. По памяти онъ знаетъ все, по воображенію можетъ принимать всѣ тоны и всѣ мнѣнія; но съ этими двумя качествами, какъ ни блистательны они, всегда можно итти только позади всѣхъ и не быть ни чьимъ властелиномъ.

Исторія сочиненій Г. Гюго есть исторія книгъ одподневныхъ, привитыхъ къ общимъ мѣстамъ текущаго дня, или составляющихъ подражаніе сходнымъ произведеніямъ, и здѣсь заслуга изобрѣтенія не принадлежитъ Г. Виктору Гюго. Я не знаю ни одного изъ его сочиненій, котораго бы мысль принадлежала ему самому, не знаю ни одного въ которомъ бы онъ первый вскрикнулъ съ высоты фокъ-мачты: Италія! Италія! Онъ иногда

пользовался сочиненіями другихъ, но самъ никогда ничего не открывалъ.

Первыя его сочиненія писаны для полученія Академической награды; онъ началъ не съ того, чтобъ искать Поэзію въ самомъ себѣ: онъ искалъ ее въ программахъ Академическихъ.

Во время Возстановленія онъ издалъ стихотворенія роялистскія. Тогда былъ въ большой модѣ роялизмъ Вандейскій, роялизмъ предшествовавшій 89 году, роялизмъ, который въ учебныхъ книжкахъ Исторіи Франціи сокращалъ сколько можно все царствованіе Наполеона и десять лѣтъ Республики. Г. Викторъ Гюго оперся на это раздраженіе умовъ, на этотъ энтузіазмъ, и бросилъ сборникъ Одъ своихъ въ этотъ потокъ преданности, которая скоро исчезла, надѣлавъ много шуму. Между этими Одами нѣкоторыя прекрасны. Но Музы Одъ не память ли и воображеніе?

Спустя нѣсколько времени послѣ моды на проклятія и гнѣвливость противореволюціонные, входятъ въ моду соборы, донжоны, развалившіяся башни, феодальные замки, которые всѣ остроумники роялизма пускаются защищать противъ *черной шайки* (bande-noire), строившей деревни изъ камней опустѣлыхъ кастелланствъ, и разводившей картофель на пользу человѣка въ прежнихъ владѣніяхъ кроликовъ и лисицъ; входятъ въ моду ночные обитатели феодальныхъ развалинъ, сильфы, гномы, домовые; является роялизмъ *живописный*, одѣтый въ платье Среднихъ Вѣковъ, съ

соколомъ на рукѣ, съ длинною шпагою на боку, въ шапкѣ, осѣненной съ боку перьями, трубящій въ рогъ передъ подъемными мостами замковъ. Г. Викторъ Гюго дѣлается ловкимъ пѣвцомъ этой феодальной реакціи противъ *черной шайки*. Онъ выпускаетъ по ночамъ домовыхъ и гномовъ, заставляетъ граціозныхъ сильфовъ жужжать въ стекла часовень кастелянскихъ; перелагаетъ въ изящные стихи общія мѣста роялизма, и дѣлается гораздо замысловатѣе, если не разумнѣе, той партіи, отъ которой получилъ этотъ толчекъ назадъ, и которой сдѣлался трубадуромъ и менестрелемъ.

Важнѣйшее изъ всѣхъ сочиненій Г. Виктора Гюго, *Соборъ Парижской Богоматери*, внушено было ему двоякимъ чуждымъ и внѣшнимъ вліяніемъ: сперва этою модою на Средніе Вѣка, потомъ повсюднымъ распространеніемъ Романовъ Вальтера Скотта. Въ сочиненіи этомъ работали только память и воображеніе. Это плодъ двоякаго подражанія, но также и плодъ вкуса высокаго и смышленаго.

Съ 1827 по 1830 годъ перемѣнились направленія. Наполеонъ дѣлается великимъ человѣкомъ и занимаетъ свое мѣсто въ книжкахъ объ Исторіи Франціи. Колонна на Вандомской Площади, вылитая изъ Австрійскихъ пушекъ, становится предметомъ поклоненій. Г. Викторъ Гюго, съ необходимыми пожертвованіями, отчаливаетъ отъ берега свою роялистскую ладью, и ставитъ ее подъ вѣтеръ идей либеральныхъ. Онъ воспѣваетъ Наполеона, воспѣ-

ваетъ Вандомскую Колонну, въ стихахъ, исполненныхъ прелести. Онъ сочиняетъ противъ смертной казни, самаго употребительнаго общаго мѣста въ то время, книжку странную, но по мѣстамъ красноречивую: *Послѣдній день приговореннаго къ смерти* (Le dernier jour d'un condamné), мечту воображенія, предполагающаго себя приговореннымъ къ смерти, и замѣняющаго красками — чувства, страданіями головы — страданія дѣйствительныя, и всею Метафизикою въ образахъ — сильный и кровавый анализъ этого возмущенія Природы противъ идеи разрушенія.

Открывается революція 1830 года; Поэты воскуряютъ өиміамъ Іюльскимъ рыцарямъ. Г. Викторъ Гюго также поетъ ихъ, и сочиняетъ скороспѣлый и пустой Гимнъ погребальной церемоніи въ Пантеонѣ.

Сужденія о правахъ и страданіяхъ бѣдныхъ классовъ привлекаютъ вниманіе и уваженіе къ нѣкоторымъ органамъ Періодической Литературы: Г. Викторъ Гюго пускается въ слѣдъ за народными Писателями, начинаетъ тяжбу въ оригинальной прозѣ за какого-то колодника, который убилъ ножницами Директора тюрьмы, и безразсудно искажаетъ дѣло Ассизнаго Суда, дѣло всѣмъ извѣстное, чтобъ обвинить общество и оправдать колодника-убійцу; потомъ начинаетъ тяжбу въ стихахъ за бѣдняковъ, скитающихся по вечерамъ вокругъ Ратуши, противъ нарядныхъ дамъ, ѣдущихъ танцовать на балъ, который такъ-называемый *городъ* даетъ тамъ Королю.

Такимъ образомъ вы всегда находите его позади всего, что успѣваетъ, всего, что въ ходу.

Въ чести ли скептицизмъ: онъ настроиваетъ лиру на унылый и безнадежный тонъ скептицизма.

Идетъ ли дѣло о возстановленіи учености, хорошенькихъ сборщицъ (quêteuses), церквей, нагрѣваемыхъ калориферомъ и украшенныхъ обоями, остроумныхъ проповѣдниковъ, возвѣщающихъ нравственность и скользящихъ по поверхности догмата, или о взаимномъ размѣнѣ украшеній между церковью и Оперою, о чемъ то въ родѣ Нео-Христіанизма, безъ свѣтской власти, безъ Священника и Папы: Г. Викторъ Гюго пишетъ и прозою и стихами Нео-Христіанскими.

Употребляютъ ли имя Божіе всуе; произносятъ ли его въ фёльетонахъ, говоря о какомъ нибудь па танцовщицы; влекутъ ли это святое имя, котораго вашъ Ньютонъ никогда не произносилъ, не снявъ шляпы, — по грязнымъ сточнымъ трубамъ литературнымъ, называемымъ любовными Романами: Г Викторъ Гюго предается этой модной *религіозности*, и освящаетъ именемъ Божіимъ и стихи свои и прозу.

Что сказать о Драмахъ его, которыя тѣмъ только превосходятъ Драмы, имъ предшествовавшія, что ревутъ тамъ, гдѣ тѣ только кричали, отравляютъ массами, когда тѣ довольствовались отравленіемъ по одиначкѣ, ставятъ все дѣйствіе въ зрѣлище, когда тѣ дѣлали изъ него двѣ почти

ваетъ Ва
ныхъ пре
казни, сам
то время, к
рѣчивую: *L*
ти (Le dern
раженія, пред
смерти, и зал
даніями голов
всею Метафи
вавый анализъ
идеи разрушен

Открываетс
куряютъ еиміам
Гюго также пое
и пустой Гимнъ
теонѣ.

Сужденія о п
классовъ привлека
которымъ органа
Г. Викторъ Гюго
ми Писателями, н
прозѣ за какого-
ножницами Дирек
искажаетъ дѣло Асс
ное, чтобъ обвини
лодника-убійцу; поп
хахъ за бѣдняковъ,
кругъ Ратуши, проп
танцовать на балъ
вородѣ даетъ тамъ

[illegible] выражаютъ и преувеличиваютъ — [illegible], изъ которыхъ одно есть по- [illegible]

[illegible] сказалъ это во Франціи [illegible] а завистникомъ. Еслибъ [illegible] руку на сердце и сталъ убѣждать въ [illegible] своемъ безкорыстіи, его оподозрили [illegible] тайному голосу [illegible] въ [illegible], составляющему предметъ его [illegible]. [illegible] были преувеличены, [illegible] слава, могущество, сила, высокое [illegible] расточаемы были предъ [illegible], что безпристрастная [illegible] должна казаться теперь оскорбительною Сатирою. Похвалы сдѣлали Критику [illegible] и почти невозможною. Теперь существуютъ [illegible] два званія относительно Писателей въ [illegible]: званіе восхищающихся и правовѣрныхъ, а [illegible] званіе судьи не допускается. [illegible] — [illegible] и Искусство погибаетъ въ Государствѣ, [illegible] талантами. Съ одной стороны, [illegible] удивленіе повергаетъ эти таланты въ бредъ, [illegible] другой, Критика, почитаемая [illegible], вооружаетъ ихъ противъ добрыхъ совѣтовъ, [illegible] въ собственныхъ недостаткахъ. Современная Критика не заслужила бы [illegible] Поэтовъ [illegible] ни одною страницею: она [illegible] заставила бы Г. Виктора Гюго [illegible] и [illegible] полусмиреніе.

Въ прекрасной піесѣ, написанной въ 1830 го- ду, и служившей Предисловіемъ къ [illegible],

шному подъ именемъ *Осеннихъ листовъ* (Feuill-d'automne), Г. Викторъ Гюго характеризуетъ слѣдующими стихами:

C'est que l'amour, la tombe, et la gloire et la vie,
de qui fuit, par l'onde incessamment suivie,
souffle, tout rayon, ou propice ou fatal,
eluire et vibrer mon ame de cristal;
me aux mille voix, que le Dieu que j'adore
centre de tout comme un écho sonore.

сомнѣнія, Поэтъ не хотѣлъ униженн
писалъ такой портретъ свой. Одна-
амъ раскритиковалъ себя, желая только
Ничто такъ не характеризуетъ его,
душа хрустальная и сотрясающая,
гучное эхо, поставленное въ средото-
бы не выдумалъ лучшей и вѣрнѣйшей
Поэта, имѣющаго только воображ-
тъ, какъ *стекло* (verre), на кото-
ажается, по которому все скользитъ,
тораго ничего не попадаетъ; какъ
ающее того, что повторяетъ, и
слова глупца такъ же вѣрно, какъ
аго. Нѣтъ анализа, который бы
въ пустоту и неосязаемость прод-
енiй Г. Виктора Гуго лучше этихъ
слава, *дыханiе*, *лучъ благодатный*
У него все, что можетъ быть ви-
и удерживаться въ памяти, все, что

равныя части, подражають и переувеличивають — два достоинства, изъ которыхъ одно есть последствіе другаго!

Если бы кто нибудь сказалъ это во Франціи, его почли бы не Критикомъ, а завистникомъ. Еслибъ онъ положилъ руку на сердце и сталъ увѣрять въ совершенномъ своемъ безкорыстіи, его оподозрили бы, что онъ повиновался тайному голосу антипатіи къ Писателю, составляющему предметъ его Критики. Похвалы такъ были преувеличенны, слова: геній, слава, могущества, сила, высокое дарованіе, такъ смѣшно расточаемы были предъ молодымъ Писателемъ, что безпристрастная оцѣнка его таланта должна казаться теперь оскорбительною Сатирою. Похвалы сдѣлали Критику во Франціи почти невозможною. Теперь существуютъ только два званія относительно Писателей въ ходу: званіе восхищающихся и правовѣрныхъ, и званіе зоиловъ; званіе судьи не допускается. Отъ того-то и Искусство погибаетъ въ Государствахъ, изобилующихъ талантами. Съ одной стороны, чрезмѣрное удивленіе повергаетъ эти таланты въ бредъ, съ другой, Критика, почитаемая скрытою завистію, вооружаетъ ихъ противъ добрыхъ совѣтовъ, и пристращаетъ къ собственнымъ недостаткамъ. Современная Критика не заслужила бы отъ нашихъ Поэтовъ пожертвованія ни одною страницею: она не заставила бы Г. Виктора Гюго пожертвовать ни однимъ полустишіемъ.

Въ прекрасной піескѣ, написанной въ 1830 году, и служившей Предисловіемъ къ сборнику, из-

пѣснопѣнію подъ именемъ *Осеннихъ листовъ* (Feuilles d'automne), Г. Викторъ Гюго характеризуетъ себя слѣдующими стихами:

C'est que l'amour, la tombe, et la gloire et la vie,
L'onde qui fuit, par l'onde incessamment suivie,
Tout souffle, tout rayon, ou propice ou fatal,
Fait reluire et vibrer mon ame de cristal;
Mon ame aux mille voix, que le Dieu que j'adore
Mit au centre de tout comme un écho sonore.

Безъ сомнѣнія, Поэтъ не хотѣлъ унижать себя, написавъ такой портретъ свой. Однакожъ онъ самъ раскритиковалъ себя, желая только похвалить. Ничто такъ не характеризуетъ его, какъ эта *душа хрустальная и сотрясающаяся*, какъ это *звучное эхо*, поставленное въ средоточіи всего. Я бы не выдумалъ лучшей и вѣрнѣйшей эмблемы для Поэта, имѣющаго только воображеніе и память, какъ *стекло* (verre), на которомъ все отражается, по которому все скользитъ, и внутрь котораго ничего не попадаетъ; какъ *эхо*, не сознающее того, что повторяетъ, и передающее слова глупца такъ же вѣрно, какъ и слова умнаго. Нѣтъ анализа, который бы могъ выразить пустоту и неосязаемость предметовъ сочиненій Г. Виктора Гуго лучше этихъ словъ: *гробъ, слава, дыханіе, лучь благодатный или роковой.* У него все, что можетъ быть видимо глазами и удерживаться въ памяти, все, что

можетъ быть облечено въ физическій образъ, все, что имѣетъ профиль, все, что издаетъ звукъ, служитъ уже предметомъ прозы для стиховъ. Проза и стихи — вотъ все, что свѣтится въ этомъ *стеклѣ* чистомъ и прозрачномъ, хотя нѣсколько грубоватомъ; все, что доходитъ до этого звучнаго *эха*, которое само не властно избирать, что повторять и о чемъ молчать.

Описаніе — вотъ гдѣ видна оригинальность Г. Виктора Гюго, описаніе — чадо памяти и воображенія, памяти, располагающей предметы по плану, и воображенія, раскрашивающаго ихъ. Это не то описаніе, которому дивимся мы въ древнихъ Эпопеяхъ, не то описаніе простое, перечневое, которое слагается изъ немногихъ чертъ и старается выказать болѣе жизнь предмета, нежели представить матеріальный, точный его образъ; не то описаніе, скорѣе философическое, чѣмъ физическое, которое болѣе заставляетъ мечтать душу, чѣмъ развиваетъ панорамы предъ воображеніемъ: это — описаніе, свойственное упадающимъ Литературамъ, болѣе физическое, чѣмъ философическое, точное, мелочное, какъ вѣдомость, и представляющее вещи не въ тѣхъ мягкихъ, расплавленныхъ формахъ, которыя имѣютъ онѣ въ Природѣ видимой, но съ тѣмъ изобиліемъ красокъ, съ тою жесткостію, угловатостію, съ тою преувеличенностію въ размѣрахъ, которые сообщаетъ имъ микроскопъ. Въ этомъ испорченномъ родѣ Г. Викторъ Гюго всегда превосходенъ. Немногіе

Поэты въ наше время и въ прошедшіе вѣка одарены были въ такой высокой степени умѣньемъ живописать и раскрашивать словами. Конечно, если всѣ красоты Г. Виктора Гюго суть красоты, порожденныя головою, то не изъ посредственной головы вышли нѣкоторыя піески въ *Восточныхъ Стихотвореніяхъ* (Orientales) и въ *Осеннихъ Листахъ*, шесть сценъ въ шести Драмахъ, потрясающія нервную систему, хотя и не говорящія ничего душѣ (*), равно какъ и нѣсколько страницъ въ *Послѣднемъ днѣ осужденнаго* и одинъ Томъ *Собора Парижской Богоматери*.

Должно быть много истины въ томъ, что сказалъ самъ Г. Викторъ Гюго о внутренней работѣ этой *головы*,

fournaise où son esprit s'allume,

которая

Jette ce vers d'airain, qui bouillonne et qui fume.

Въ самомъ дѣлѣ, есть и *кипѣніе* и *дымъ* во всемъ, что написалъ онъ; но, продолжая его же

(*) *Кромвелъ*, *Маріонъ Делормъ*, *Германи*, *Король забавляется* (le Roi s'amuse) — Драмы въ стихахъ; *Лукреція Борджіа* (Lucrèce Borgia), *Марія Тюдоръ* (Marie Tudor) — Мелодрамы въ прозѣ; седьмая театральная піеса Г. Виктора Гюго *Анджело, тиранъ Падуанскій*, имѣетъ всѣ недостатки первыхъ шести Драмъ и ни одной красоты ихъ.

Соiин.

сравненіе, если изъ этого горнила иногда выходитъ оружіе не вполнѣ, а кусками, то куски эти бываютъ крѣпки и хорошо закалены. Мы не можемъ хвалить его иначе, какъ только физическими образами; этимъ мы задѣваемъ его слабую струну и платимъ ему его же монетою. Еслибъ дѣло шло о возвышенномъ Искусствѣ Расиновъ, Корнелей, Лафонтеновъ и Моліеровъ, мы искали бы сравненій въ высшихъ странахъ нравственнаго міра.

Въ лирическомъ родѣ, который живетъ образами и смѣлыми оборотами, Г. Викторъ Гюго произвелъ нѣсколько твореній, которыя останутся надолго. Ода — эта *легкая вещь*, которая всегда состоитъ изъ обыкновенной мысли, облеченной въ изящное слово, родъ грубаго и дешеваго кокона, около котораго Поэтъ сткалъ свою богатую ткань изъ строфъ цвѣтистыхъ и гармоническихъ, — Ода удивительно прилична Поэту, не имѣющему глубокихъ основаній, Поэту болѣе декоратору, чѣмъ мыслителю. На Французскомъ языкѣ нѣтъ Одъ лучше двухъ, трехъ лучшихъ Одъ Г. Виктора Гюго. Въ нихъ-то свободно раскрываются всѣ сокровища этого таланта совершенно внѣшняго: смѣлые и точные образы, плавныя фразы, удачныя сближенія словъ, обольщающія мысль, множество *чертъ* — этой красоты, принадлежащей особенно Лирической Поэзіи, красоты плѣнительной, но двусмысленной, въ которой не знаешь, что̀ хорошо, идея ли, оборотъ ли, или остроумное сравненіе, которое нравится, но не научаетъ. Здѣсь естественное безсиліе Поэта,

ограниченнаго только воображенiемъ и памятью, наименѣе ощутительно: ибо Ода можетъ обойтись безъ глубокихъ мыслей, безъ чувствительности, безъ высшаго разсудка, безъ всего, безъ чего прочный успѣхъ не возможенъ въ другихъ родахъ, въ театрѣ преимущественно. Можно даже объяснить превосходствомъ Г. Виктора Гюго въ Одѣ плохiе успѣхи его въ Драмѣ. Вотъ почему нѣкоторые изъ друзей Г. Виктора Гюго, хваля его Драмы по долгу друзей, вѣрныхъ и въ счастiи и въ несчастiи, безпрестанно стараются возвратить его къ его лирическому призванiю, и метафорически убѣждаютъ его промѣнять кинжалъ на Лиру невинную, и не жертвовать славою своею модѣ. Но къ несчастiю Оды приносятъ немного; Лира, къ стыду нашего вѣка, не кормитъ Поэта, и Г. Викторъ Гюго не по одному только вкусу предпочитаетъ прибыльное паденiе безплодному трiумфу, и родъ, приносящiй доходъ, роду, дающему безсмертiе.

Нѣкоторые безпристрастные читатели — мы въ числѣ ихъ — предпочитаютъ прозу Г. Виктора Гюго стихамъ не столько потому, чтобъ проза его имѣла лучшее достоинство чѣмъ стихи въ разсужденiи условiй относительнаго совершенства, составляющаго необходимое качество всякаго прочнаго произведенiя на нашемъ языкѣ, сколько потому, что несовершенства Г. Виктора Гюго въ прозѣ сноснѣе, и что его рѣдкiя достоинства раскрываются въ ней свободнѣе. Французская Поэзiя — что намъ очень нравится — чрезвычайно строга; но какъ она не мѣшала созданiю изящнѣйшихъ произ-

веденій, и какъ напротивъ еще много помогала этою строгостію, убивающею Писателей посредственныхъ и предостерегающею Писателей высшаго разряда отъ лѣности: то невозможно довольствоваться несовершенными поэтическими произведеніями въ той странѣ, гдѣ бывали совершеннѣйшія, ни избавить Поэта XIX вѣка отъ условій, тяготѣвшихъ надъ Поэтами XVII-го. Въ стихотворныхъ же произведеніяхъ Г. Виктора Гюго исключая нѣсколькихъ Одъ, лучшихъ въ своемъ родѣ, красоты затемняются ошибками, хорошіе стихи подавляются дурными, мало строкъ, которыя не представляли бы этихъ угодительныхъ риѳмъ, приводящихъ съ собою окончательный стихъ, этихъ поэтическихъ вязокъ, которыя Поэзія старается скрывать и которыя Г. Викторъ Гюго выказываетъ почти во всѣхъ своихъ піесахъ и оправдываетъ во всѣхъ своихъ Предисловіяхъ; проза его нравится болѣе стиховъ, потому что проза менѣе нуждается въ словахъ вставочныхъ, доводящихъ фразу до эффекта, и потому что въ прозѣ менѣе подводныхъ камней, рѣже бываютъ кораблекрушенія. Многія страницы прозы Г. Виктора Гюго принадлежатъ къ истинной Французской Школѣ; онѣ правильны и сильны, вѣрны духу языка и запечатлѣны новостію, энергическими и смѣлыми оборотами, блестящія неподдѣльнымъ блескомъ, оригинальныя безъ странности, гармоническія безъ вялости, написанныя съ сознаніемъ формы, иногда ошибочнымъ, но всегда совѣстливымъ, дѣятельнымъ и свѣжимъ. Это самое сознаніе, эта заботливость о формѣ сохраняетъ Г.

Виктору Гюго нѣсколькихъ тайныхъ друзей, не смотря на сомнительность большей части театральныхъ его успѣховъ и на горделивыя теоріи его, чтобъ сдѣлать самые недостатки свои красотами, и свое жалкое несовершенство выставить какъ успѣхъ въ сравненіи съ Искусствомъ двухъ послѣднихъ вѣковъ. Этимъ онъ далеко превосходитъ тѣхъ изъ своихъ товарищей въ сочиненіи Мелодрамъ, въ которыхъ люди, привыкшіе къ театру, могутъ признать Драматическій инстинктъ, незамѣтный въ Г. Викторѣ Гюго, но которые не имѣютъ никакого сознанія формы и берутся за могущественное орудіе сообщенія, какое только Богъ даровалъ людямъ послѣ языковъ Греческаго и Латинскаго, нисколько не зная этого орудія. Въ описаніяхъ, въ общихъ мѣстахъ, въ лирическихъ выраженіяхъ, которыя Г. Викторъ Гюго напрасно старается выдавать намъ за сцены драматическія; въ парадоксахъ — этомъ притворномъ вдохновеніи мысли; въ надменныхъ, но одушевленныхъ оправданіяхъ, гдѣ Г. Викторъ Гюго единственно имѣетъ видъ естественный и, какъ кажется, ставитъ свои вдохновенія гораздо ниже головы; во всемъ, что составляетъ украшеніе, декорацію, пышность, проза его читается съ величайшимъ любопытствомъ даже тѣми людьми, на которыхъ *не легко угодить* (d'un goût difficile). Тамъ замѣтенъ бываетъ какой-то инстинктъ къ Французскому слову, а иногда и знаніе настоящаго вѣса словъ; все это оцѣнено строжайшими судьями юнаго Писателя гораздо лучше, нежели самыми пылкими его обожателями. Предисловіе къ Кромвелю, Древній Парижъ въ

Соборъ Парижской Богоматери, самый соборъ, физическіе портреты разныхъ лицъ и между прочимъ Людовика XI, который играетъ значительную роль въ этомъ Романѣ, — любопытное лице, которое нѣжная и плавная рука нашего Вальтеръ-Скотта, по нашему мнѣнію, не довольно хорошо изобразила, — нѣсколько картинъ въ *Послѣднемъ днѣ осужденнаго*; два или три большія описанія вещественныхъ зрѣлищъ, или чувствъ овеществленныхъ, развѣ потому только ниже Искусства XVII и XVIII вѣка, что предметы міра вещественнаго ниже предметовъ нравственнаго міра, и что Искусство, произведшее полныя, оконченныя книги, гораздо выше Искусства, породившаго только превосходные отрывки въ посредственныхъ книгахъ.

Вотъ, по совѣсти, двѣ равныя части добра и зла въ замѣчательномъ талантѣ Г. Виктора Гюго. Народность его — вещь удивительная. Онъ не Поэтъ, выражающій собою какое либо лице; онъ не представитель какой нибудь партіи, какого нибудь мнѣнія, *il ne va à personne*, какъ говорятъ во Франціи, и между тѣмъ это одно изъ самыхъ громкихъ именъ нашего времени. Отъ него ничего не ожидаютъ, ничего не требуютъ; никто не любопытствуетъ знать его мнѣніе о томъ, что занимаетъ теперь умы, — и между тѣмъ сочиненія его возбуждаютъ не малое любопытство. Ему удивляются, но не любятъ его; онъ занимаетъ своихъ современниковъ собою, и онъ одинокъ посреди ихъ: это царь безъ подданныхъ, онъ царствуетъ и не управляетъ; дѣйствуетъ въ

своей эпохи, но не имѣетъ въ ней высокой степени; и доброе имя его страдаетъ отъ этой неопредѣленности: ибо если оно и обратилось въ привычку, то съ нимъ еще не согласились. Я не говорю о двухъ, трехъ дюжинахъ молодыхъ людей, только что выпущенныхъ изъ Коллегій, которые платятъ ему дань удивленія въ первый годъ своей свободы, и приносятъ ему, какъ бывало у Римлянъ, первую свою бороду; эти молодые люди не составляютъ, а шумятъ эпохи; они едва ли не самыя забавныя и незанимательныя явленія ея — и только. Впрочемъ всѣ они, или почти всѣ, послѣ перваго изумленія и нѣсколькихъ мѣсяцевъ удивленія, въ которомъ немалѣйшую роль играетъ скука классическихъ занятій, не давно оставленныхъ, входятъ скоро, образумленные и вылечившіеся, въ массу просвѣщенной публики, которая, повторяемъ, занимается Г. Викторомъ Гюго, но не усвоиваетъ его себѣ.

Это отъ того, что онъ не представляетъ собою характера, человѣка; онъ — воображеніе, носящееся по волѣ всѣхъ вѣтровъ и окрашивающееся всѣми красками, Писатель получающій со всѣхъ сторонъ и не имѣющій ничего, собственно ему принадлежащаго. Эпоха же, въ которой, какъ бы то ни было, болѣе людей серьёзныхъ и разсудительныхъ, чѣмъ простаковъ, не можетъ быть другомъ только воображенія и памяти. Не головою, но чѣмъ-то внутреннимъ общество и знаменитѣйшіе Писатели соединяются и связуются между собою. Беранже, можетъ быть, болѣе любятъ, нежели удивляются. Вѣдь Англія боялась Лорда Байрона.

Только любовью и страхомъ, только этими двумя чувствами, весьма различными, но одинаково глубокими, эпоха предается высшему Писателю, и Писатель высшій владѣетъ и управляетъ эпохою. Кто любитъ Г. Виктора Гюго? Кто боится его, въ смыслѣ истинно литературномъ?

Мы не хотимъ исключительно принимать сторону эпохи противъ Писателя; вѣшь, мы, хотимъ извлечь изъ самаго характера этой эпохи обстоятельства ослабляющія (circonstances atténuantes), чтобъ изъяснить ими недостатки Писателя. Да, наша эпоха сурова для Поэтовъ; наше время мало благопріятствуетъ совѣстливой Поэзіи, занятію Искусствомъ XVII вѣка; мы признаемъ всѣ неудобства этой эпохи, въ которыхъ упрекаютъ ее Поэты, кромѣ неудобствъ, выдуманныхъ оскорбленнымъ ихъ тщеславіемъ; соглашаемся, что атмосфера нашего времени удушлива; что тяжело дышать въ этой пыли мнѣній и вѣрованій. . . ., но въ этой эпохѣ есть преданія для Искусства, какъ и для жизни, есть хорошія стороны, есть высокія надежды, а всего болѣе есть множество серьёзныхъ и разсудительныхъ людей, для которыхъ пишутъ знаменитые современники, Шатобріанъ, Беранже, Тьерри, Вилльменъ, Каррель, и другіе юнѣйшіе по извѣстности — умы возвышенные, умѣющіе облекать самыя разнообразныя мысли въ языкъ, однообразно запечатлѣнный истинною ученостію и разсудкомъ. Двѣ только роли можно взять на себя въ эту эпоху, столь смѣшно осуждаемую сердитыми Писателями и жестокими Поэтами: сдѣлаться понятливымъ и одушевлен-

нымъ органомъ всѣхъ добрыхъ направленій ея, или напасть на нее, поразить ее всею массою, и, какъ нѣтъ надежды ее исправить, стремить ее въ могилу, ускоряя такимъ образомъ приближеніе другой эпохи, долженствующей за нею слѣдовать. Но для обѣихъ этихъ ролей надобно имѣть самый высшій разсудокъ, хотя онъ долженъ быть и различно къ нимъ примѣняемъ; для первой роли потребенъ разсудокъ способный надѣяться и любить; для второй — разсудокъ горько ироническій, это растворительное средство, которое разрываетъ устарѣвшія общества; надобно быть или Лордомъ Байрономъ или Беранже. Съ однимъ воображеніемъ и памятью человѣкъ не призванъ ни производить сильное вліяніе, ни къ долговременному владычеству посредствомъ разсудка.

III.

Если все сказанное здѣсь справедливо, слѣдуетъ заключить, что то, чего боялись мы въ началѣ этой статьи, какъ возможнаго, должно совершиться скоро и неизбѣжно, т. е. литературная смерть Г. Виктора Гюго. Писатель можетъ оканчивать свое поприще двоякимъ образомъ: во-первыхъ, такъ какъ оканчиваютъ всѣ, когда перестаютъ въ нихъ дѣйствовать и духъ и тѣло, и въ этомъ случаѣ Писатель подвергается общей всѣмъ участи; или —вравственнымъ образомъ, когда духъ оканчиваетъ прежде тѣла внезапнымъ безплодіемъ, или безуспѣшною плодовитостію, и Писатель утрачиваетъ славу

по мѣрѣ того, какъ увеличиваетъ число своихъ произведеній. Такой конецъ — мы желали бы обмануться — предназначенъ и Г. Виктору Гюго. Въ литтературной его жизни замѣтенъ болѣзненный признакъ, безпокоющій даже самыхъ друзей его, именно, что первыя прозаическія и стихотворныя его произведенія гораздо лучше послѣднихъ, исключая нѣсколькихъ, въ которыхъ впрочемъ послѣднее ниспровергаетъ обыкновенные законы, будучи только равно первому. Изъ лучшихъ Одъ его двѣ или три написаны, когда ему было 20 лѣтъ; есть одна, за которую онъ, будучи 17 лѣтъ, получилъ Академическую награду. Въ драматическихъ его сочиненіяхъ, *Маріонъ Делормъ* и *Гернани*, два первыя произведенія—лучшія, четыре послѣднія не только ниже первыхъ, но даже замѣчательны по своему прогрессивному пониженію, и составляютъ какъ бы четыре степени паденія. Лучшія страницы въ прозѣ изъ *Собора Парижской Богоматери* не лучше предисловія къ *Кромвелю*; *Осенніе Листы* ничего не прибавляютъ къ славѣ *Восточныхъ Стихотвореній*; *Сумеречныя Пѣсни* достойны *Осеннихъ Листовъ*: всегда послѣднее худшее. Можно подумать, что Г. Викторъ Гюго дѣйствительно осужденъ быть только *геніальнымъ ребенкомъ*, какъ назвалъ его Г. Шатобріанъ. Произведенія зрѣлаго его возраста — упрекъ тому, что написалъ онъ въ дѣтствѣ.

Что будетъ теперь производить Г. Викторъ Гюго? Если сборники стиховъ, которые хуже *Сумеречныхъ Пѣсенъ*, то и послѣдніе приверженцы покинутъ его или посовѣтуютъ ему оставить

Дару и приняться за театръ; если театральныя пьесы, которыя будутъ ниже *Анджело*, *тирана Падуанскаго*, то онъ сделается въ своемъ веке чемъ-то меньше плодовитаго Водевилиста, обещаетъ быть чемъ-то выше отличнаго Прозаика и Стихотворца? Горестный упадокъ, грустный оборотъ счастія, увенчавшаго чело его преждевременною пальмою, какъ выражались Непременныя Секретари Академій въ донесеніяхъ своихъ о распределеніи наградъ. Въ то время, когда Французскій театръ былъ еще въ младенчестве, когда Жоделль и Гарди плоско и безсмысленно подражали — первый внешнимъ формамъ Греческой Трагедіи, а последній завязке и путямъ Драмы Испанской — несчастная плодовитость могла еще принести родъ славы, и Жоделль и Гарди были люди знаменитые въ свое время; но нынче, после столькихъ отличныхъ драматическихъ произведеній, могутъ ли доставить славу даже 800 піесъ Гарди, изъ которыхъ некоторыя стоили ему двухъ-утренней работы, и которыми онъ въ продолженіе тридцати летъ наводнялъ рождающійся театръ? Какой же можетъ выйти славный театръ изъ несколькихъ дюжинъ Драмъ подобныхъ *Анджело* или *Маріи Тюдоръ*? Но можетъ ли Г. Викторъ Гюго остановиться даже и въ этомъ столь незаконномъ роде? Публика его не будетъ ли толкать его впередъ? Пресыщенная кинжалами, сосудами съ ядомъ, убійствами, не потребуетъ ли она отъ него сильнейшихъ ощущеній и не принудитъ ли Автора, подъ угрозою не ходить на его піесы, сочинять, подъ видомъ Драмъ, *libretti* для балетъ

гладіаторскихъ. Не ужасенъ ли этотъ заколдованный кругъ? Почему нѣтъ у насъ Пританея, въ которомъ могли бы мы воспитывать *геніальныхъ дѣтей*, этихъ тридцатилѣтнихъ старикозъ, которые уже одряхлѣли въ такомъ возрастѣ, когда тѣ, которые должны быть геніальными людьми, считаются еще юношами, только что подающими надежду.

Дѣйствительно, какъ различна участь тѣхъ и другихъ! Геніальныхъ людей производитъ великій разсудокъ, двойной плодъ инстинкта и опытности, природной способности и труда, того, что угадано, и что изучено на самомъ дѣлѣ. Геніальныхъ дѣтей раждаетъ счастливая память и преждевременно развившееся воображеніе — дары рѣдкіе, если они, вмѣсто того, чтобъ быть тогда же и плодами, суть только еще цвѣты. Изъ этого различія въ организаціи проистекаетъ весьма замѣчательное различіе въ дальнѣйшей участи. Геніальный ребенокъ, пришедъ въ зрѣлый возрастъ, теряетъ уже первоначальную живость памяти и первоначальную свѣжесть воображенія. Дошедъ до своей роли *хрусталя* и звучнаго *эха*, какъ опредѣлилъ себя нашъ Поэтъ — не заглядывая никогда за поверхность и краски предметовъ, видя въ человѣкѣ только лице, имѣющее глубину портрета, писаннаго на холстѣ, если по семейнымъ или денежнымъ обстоятельствамъ долженъ оставаться въ одной и той же странѣ, въ одномъ и томъ же городѣ, если не можетъ обновлять свою память путешествіемъ и наполнять новыми предметами волшебный фонарь, называемый воображеніемъ,

разнообразя зрѣлища и точки зрѣнія: онъ скоро дойдетъ до того, что будетъ повторять себя, подобно старикамъ, которые будучи не въ силахъ болѣе учиться, пережевываютъ безпрестанно, какъ быки, свои давнишнія мысли. А не обнаруживается ли въ *Сумеречныхъ Пѣсняхъ* повтореніе того, что уже было сказано? Не есть ли это мѣстами Поэзія отрыгающаго жвачку? Геніальный человѣкъ, т. е. тотъ, въ которомъ разсудокъ есть даръ Природы и орудіе ежедневныхъ завоеваній и пріобрѣтеній, обновляется безпрестанно, потому что онъ безпрестанно учится, сравниваетъ, роется въ этой бездиѣ души человѣческой, которой дна, какъ глубокаго дна морскаго, не касался еще ни одинъ смертный, и въ которую цѣлыя поколѣнія геніальныхъ людей опускаютъ лотъ только нѣсколькими саженями глубже. Такимъ образомъ, не выѣзжая изъ города, не зная другаго міра, кромѣ своего горизонта, онъ ширится, увеличивается, растетъ до тѣхъ поръ, пока дѣйствительная старость не дастъ ему права успокоиться въ величественномъ бездѣйствіи. Лафонтенъ путешествовалъ только изъ Шато-Тьерри въ Парижъ, и изъ Парижа въ Шато-Тьерри. Расинъ писалъ *Гоѳолію*, будучи отдѣленъ перегородкою отъ жены и дѣтей своихъ, и въ собственномъ разсудкѣ и знаніи находилъ тайну характеровъ Рима, Аѳинъ, Іерусалима. У этихъ необыкновенныхъ людей память и воображеніе были покорными министрами разсудка; память представляла очамъ ихъ длинный рядъ ихъ опытовъ; воображеніе доставляло украшенія, придающія разсудку любезность, живость

и этотъ особенный цвѣтъ, по которому истины, извѣстныя во всѣ времена и во всѣхъ странахъ, принадлежатъ, какъ бы по праву открытія, геніальному человѣку, высказавшему ихъ.

Воображеніе скорó истощается и истощаетъ Писателя, который опирается только на его непрочныя богатства. Бюффонъ гдѣ-то сказалъ, что «душа создана не для того, чтобъ чувствовать, но чтобъ познавать» — глубокое изреченіе великаго Писателя, который по опыту зналъ, откуда получаютъ силу великіе Писатели. Отъ того, что душа создана для познаванія, знаніе, никогда неистощимое, возобновляетъ и укрѣпляетъ ее безпрестанно. Душа, ограничивающаяся одними чувствованіями, по природному своему несовершенству, увеличенному систематическими привычками, скоро должна дойти до истощенія: ибо чувствительность естественно конечна, между тѣмъ какъ знаніе безконечно. И такъ, когда у геніальнаго ребенка, достигшаго зрѣлаго возраста и пришедшаго въ полную силу жизни, здоровье укрѣпляется, а слава слабѣетъ, и въ тѣлѣ, начинающемъ тучнѣть, остается духъ, болѣе и болѣе худѣющій, — геніальный человѣкъ вступаетъ въ полноту силъ физическихъ и нравственныхъ и, среди всеобщихъ ожиданій и любви, достигаетъ до этого высокаго соединенія мужества тѣла съ мужествомъ души. Въ томъ возрастѣ, когда геніальный ребенокъ, едва касающійся старости, уже давно одряхлѣлъ духомъ и имѣетъ только память, чтобъ сѣтовать о тріумфахъ былаго времени, геніальный человѣкъ извлекаетъ изъ неистер-

ненной глубины знанія страницы, полныя ума, и свѣтящіяся тихимъ блескомъ успокоившагося воображенія. Старецъ Малербъ, бывшій только человѣкомъ съ великимъ умомъ, шестидесяти лѣтъ написалъ свою прекрасную Оду Людовику XIII и сказалъ прекраснымъ языкомъ:

Je suis vaincu du temps, je cède à ses outrages;
Mon esprit seulement, exempt de sa rigueur,
A de quoi témoigner, en ses derniers ouvrages,
Sa première vigueur.

Большая часть нашихъ великихъ Писателей произвела лучшія свои сочиненія въ зрѣломъ возрастѣ, и превосходныя творенія — при вступленіи въ старость. И не прискорбно ли и вмѣстѣ не славно ли для насъ, что этотъ самый Шатобріанъ, который привѣтствовалъ Г. Виктора Гюго именемъ геніальнаго ребенка, въ то время, когда этотъ ребенокъ, сдѣлавшись человѣкомъ, мучится подъ симъ роковымъ ороскопомъ и этимъ необдуманнымъ приговоромъ, — пишетъ въ лѣта старца Малерба и со всею живостію зрѣлаго возраста, сочиненія, можетъ быть, превосходящія то, что писалъ въ средніе годы своей жизни, очищенныя отъ всего, что дается случаемъ, прекрасные плоды знанія и чувствительности, благородные, спокойные, теплые болѣе, чѣмъ жаркіе, слегка оттѣненные болѣе, чѣмъ ослѣпляющіе, въ которыхъ достоинства великаго Писателя, разсудокъ, воображеніе, вкусъ, память, уравновѣшены въ удивительномъ согласіи. Разсудокъ! Разсудокъ! Онъ одинъ дѣлаетъ вѣчно-юнымъ Писателя; онъ еди-

ственное богатство Эзоново, котораго просилъ себѣ старецъ Малербъ:

> . . d'Eson
> Qui, vieil comme je suis, revint contre nature
> En sa jeune saison.

Но можетъ быть — и да не обижаютъ насъ подозрѣніемъ въ насмѣшкѣ! — можетъ быть, Г. Викторъ Гюго предназначенъ къ такому противоестественному оюненію; можетъ быть, онъ не лишенъ на всегда возможности извѣдать сладостную и долговѣчную славу произведеній согласныхъ съ разсудкомъ. Если у него есть другъ, не изъ тѣхъ, которые продаютъ ему похвалы свои за то, чтобъ и онъ хвалилъ ихъ, не изъ тѣхъ, которые называютъ себя его друзьями, чтобъ придать себѣ какую нибудь значительность въ глазахъ глупцевъ, и которые не понимаютъ, какое дарованіе губятъ они своимъ ежедневнымъ раболѣпствомъ; но другъ чуждый Литературы и партій литературныхъ, который любилъ бы его для него самого, и который бы сказалъ ему о его паденіи: можетъ быть, онъ увидѣлъ бы эту горестную противоположность между цвѣтущею своею юностью и увядающею славою, увидѣлъ бы ежедневное уменьшеніе числа обожателей своихъ, и ежедневное возрастаніе числа равнодушныхъ; можетъ быть, съ напряженнымъ усиліемъ вырвался бы онъ изъ этой ложной славы и кинулся бы въ двоякій источникъ вѣчныхъ мыслей, въ уединеніе и размышленіе. Какъ отрадно было бы тогда видѣть въ одномъ и томъ же человѣкѣ плоды золотаго вѣка и вѣка упадка,

творенія души чувствующей и творенія души познающей; сороколѣтняго Лукана, приближающагося къ искусству Виргилія; старѣющагося Персія, подбирающаго то, что умнаго и вѣчнаго въ Сатирѣ раскидалъ Горацій по слѣдамъ своимъ; Г. Виктора Гюго, сбросившаго съ себя консульскую претексту, чтобъ надѣть платье совершеннолѣтняго, и нашего Поэта, отца семейства, оставляющаго въ наслѣдство дѣтямъ своимъ книги, по которымъ они могутъ учиться жить! Съ какою радостію мы увидѣли бы это воскресеніе, мы, взирающіе съ такимъ благоговѣніемъ на Искусство, и считающіе себя въ числѣ *тайныхъ друзей* Г. Виктора Гюго, которые любятъ его за неоспоримый инстинктъ формы — природный даръ всѣхъ великихъ Писателей нашего отечества!

4.

ПОЗДРАВИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО ѲЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА ИМПЕРАТРИЦѢ АННѢ ІОАННОВНѢ (*)

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня, Императрица и Самодержица Всероссійская, Государыня Милостивѣйшая!

Въ недавно прошедшее время, наказующій и милующій Богъ, впадшихъ насъ въ прегорькую печаль благоволилъ обрадовати новымъ слова Псаломическаго исполненіемъ: *Вечеръ водворится плачь и заутра радость.* Генваря осмънадесятому

(*) Это письмо взято изъ 21 № С. Петербургскихъ Академическихъ Вѣдомостей 1730 года, гдѣ оно напечатано съ такимъ заглавіемъ: *Рѣчь Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ и Самодержицѣ Всероссійской Аннѣ Іоанновнѣ, которую Ея Императорскому Величеству Его Преосвященство Ѳеофанъ, Архіепископъ Новгородскій, при торжественномъ Ея Императорскаго Величества вшествіи въ Москву письменно вручилъ.* Но въ № 22 С. Петербургскихъ Вѣдомостей того же года сказано: «Понеже въ сихъ нашихъ Вѣдомостяхъ въ 21 №, на стр. 82 напечатано объявлено было, яко бы Его Преосвященство Архіепископъ

дни померкшу, помрачила сердца наша, надчаяніе, и весьма рано приспѣвшая кончина блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Императора ПЕТРА Втораго, драгайшаго Племянника Вашего, Государя нашего Милостивѣйшаго; а заутра девятьнадесятому дни возсіявшу, возсіяло и въ сердцахъ нашихъ велікое веселіе: когда всѣхъ вышнихъ Чиновъ согласіемъ, паче же Самаго того, Иже владѣетъ Царствомъ человѣческимъ, и ему же хощетъ, даетъ е благословеннымъ изволеніемъ, увидѣли мы скипетро Россійской Имперіи опредѣлено Вашему Величеству. Былъ же бы я нѣмый, или нѣмъ быть достоинъ, если бы въ толикомъ благополучіи торжественнѣ не воскликнулъ, поздравляя какъ Самую Тебе, Державнѣйшая Монархиня, со всею Фамиліею, такъ и достояніе Твое, толь многія подданныя народы, а при томъ и самаго себе, нижайшаго раба Вашего и Богомольца. Твое пересовалное доселѣ бывшее состояніе всему міру извѣстно: кто же, смотря на оное, не воздохнулъ, видя порфирородную Особу въ самомъ цвѣту лѣтъ своихъ впадшую въ сиротство отшествіемъ Державныхъ Родителей, тоску вдовства пріемшую, лишеніемъ

Новгородскій Ея Императорскому Величеству при Ея Величества торжественномъ въѣздѣ въ городъ Москву такую же письменную Рѣчь, каковая въ Вѣдомостяхъ напечатана, вручилъ; а нынѣ о томъ подлиннѣйшее извѣстіе получено, что Его Преосвященство помянутую такъ именуемую Рѣчь, яко поздравительное письмо къ Ея Императорскому Величеству при пріѣздѣ Ея Императорскаго Величества къ Новугороду послалъ, и оную чрезъ знатнаго Епископа вручить велѣлъ: что чинится симъ въ томъ по требованію исправленіе.»

Любезнѣйшаго Подружія, не по достоинству рода препитаніе имущую, но, и что воспомянуть ужасно, сверхъ многихъ непріятныхъ приключеній отъ неблагодарнаго раба, и весма безбожнаго злодѣя страхъ, тѣсноту и неслыханное гоненіе претерпѣвшую. На сія смотря, которія о промыслахъ Божіихъ искусно разсуждаютъ, узнавали Величество Ваше быти въ числѣ любимыхъ Чадъ Божіихъ: а суемудрія человѣцы, может быть, въ сердцахъ своихъ говоряли: *Богъ оставилъ ю.* А се нынѣ Отецъ нашъ Небесный, сира и вдову пріемлющій, всему міру ясно показалъ, какъ не оставилъ Тебе; да и навѣстно засвидѣтельствовалъ, какъ не всуе, и Твоего блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Родителя, Державнѣйшаго Государя, и Твое дщери Его имя, благодати согласное есть. Имѣемъ же довольную вину сорадованія и поздравленія къ высокому и толь отъ Бога прославленному Лицу Вашему. Но я чимъ поздравлять народъ Россійскій, богатно даровалъ намъ всещедрый Богъ. Получили подданные Твоя Государыню, въ Которой всякіе ко общему и всѣхъ собственному добру пособія отъ Вышняго пріемлютъ. Получили къ заступленію Отечества великодушную Героиву, искусомъ разныхъ злоключеній не унывшую, но и паче утвержденную. Получили къ тихомирію и безпечалію народному Владѣтельницу правосудную, и вся оныя Царемъ должныя свойства, которыя царствующій Псалмопѣвецъ въ Псалмѣ 100 показуетъ, изобилно содержащую. Получили ко всякому благонадеждію Матерь благоутробную, милостивую и милосердую. Яко же съ вящшимъ прили-

честьнымъ восклицати намъ къ Тебѣ, что иногда восклицано къ Іюдиѳы: *Ты еси похвала Іерусалиму, ты веселіе Израилю, ты честь людей нашихъ.* Но и къ народу толикое благословеніе свыше получившему, должествуемъ сія, и симъ подобная возывати: *Радуйтеся Богу помощнику нашему; воскликните Богу Іаковлю. Радуйтеся всегда о Господѣ, и паки реку радуйтеся. Благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа, Отецъ щедротъ, и Богъ всякія утѣхи, утѣшаяй насъ отъ всякія скорби нашея.* Аще бо раздраженъ нами Господь, и напиталъ насъ хлѣбомъ слезнымъ, и напоилъ слезами въ мѣру, въ немногихъ годѣхъ, неоднократнымъ сиротствомъ поражая: однакожъ опредѣливъ намъ Тебе въ матерь, Великая Государыня, неоскудно обвеселилъ насъ, и симъ показалъ дѣломъ, что Онъ *не до конца прогнѣвается, ниже въ вѣкъ враждуетъ.* Въ таковомъ же всенародномъ благополучіи, и персоналное во мнѣ самомъ обрѣтаю блаженство, когда Того вижду и поздравляю на Всероссійскомъ престолѣ, отъ Котораго многократнымъ благосклонности изъявленіемъ (хотя кромѣ всякихъ заслугъ моихъ) и прежде уже обрадованъ былъ. Того ради и самоличнымъ Твоимъ, Милостивѣйшая Государыня, ублаженіемъ, и обрѣтеннымъ въ Тебѣ Всероссійскимъ щастіемъ, и моимъ благонадеждіемъ возбужденъ, не сподобився лицезрителнѣ, писмецомъ симъ изъявляю усердное сорадованіе, прося и моля всемилостиваго Бога, да укрѣпитъ се, еже сотворилъ есть въ насъ, и Тебе радости нашея Виновницу, здраву, славну, побѣдителну со-

хранить въ долготу дней, при непремѣнномъ, пресвѣтлѣйшей Фамиліи и всѣхъ подданныхъ народовъ благосостояніи.

Вашего Императорскаго Величества нижайшій рабъ и Богомолецъ

Ѳеофанъ, Архіепископъ Новгородскій.

III.

ИЗВѢСТІЯ

О

УЧЕНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ ВЪ РОССІИ.

1.

КРАТКОЕ ОБОЗРѢНІЕ ДѢЙСТВІЙ

ГЛАВНАГО ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА И НАЧАЛЪ, НА КОИХЪ ОСНОВАНО ВЪ НЕМЪ УМСТВЕННОЕ И НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНІЕ.

Читано въ торжественномъ собраніи Ученымъ Секретаремъ Александромъ Оводовскимъ, по случаю перваго выпуска, 1835 года 20 Декабря.

Мм. Гг.!

Изъ всѣхъ проявленій бытія человѣческаго ни одно не поражаетъ насъ удивленіемъ въ такой мѣрѣ, какъ политическая жизнь народовъ. Государство есть чудный нравственный организмъ. Съ одной стороны, получая питаніе отъ вещественнаго міра, оно, съ другой, отдѣляется отъ него, и живетъ высшею жизнію. Оно есть человѣкъ сложный: соединенные члены его составляютъ

шѣло, совокупная ихъ мысль — душу, а Религія и любовь къ Царю и Отечеству — сердце. Царь есть земное Провидѣніе, самимъ Богомъ, для охраненія и благополучія Государства, низпосланное.

Сколь неисчерпаемый предметъ для размышленія представляетъ сіе сложное цѣлое! Но какъ въ человѣкѣ, отдѣльно разсматриваемомъ, степенью развитія духовной жизни опредѣляется истинное его достоинство, такъ и въ собирательномъ лицѣ, каково Государство, духовныя жизни гражданъ вещественной; и хотя она сама опирается на сей послѣдней, но, въ свою очередь, ея полнота и энергія отражаются на матеріальный составъ Государства. Изъ сего слѣдуетъ, что всѣ учрежденія государственныя, относящіяся къ развитію сей высшей жизни, имѣютъ особенную важность: ибо отъ нихъ зависитъ большею частію благоденствіе настоящаго и будущаго поколѣнія, и чреда, которую народъ занимаетъ въ ряду другихъ. И такъ, сколь важно назначеніе тѣхъ Учрежденій, кои имѣютъ цѣлію образованіе будущихъ гражданъ, а тѣмъ болѣе того Учебнаго Заведенія, на которомъ лежитъ священная обязанность приготовлять самихъ наставниковъ для юношества.

Такова, Мм. Гг., цѣль Главнаго Педагогическаго Института. Потому-то Державная Власть назначила ему почетное мѣсто среди Отечественныхъ Учебныхъ Заведеній, сравнивъ его съ Университетами. Она поставила его въ близкомъ разстояніи отъ всеоживляющаго Своего вліянія, поручивъ въ непосредственное руководство Начальника, близкаго къ Престолу; Она щедрою рукою надѣлила его всѣми средствами къ достиженію высокой цѣли; даровала важныя преимущества ученымъ мужамъ, на коихъ возложено образованіе будущихъ воспитателей; открыла симъ послѣднимъ обширное поприще лестной дѣятельности, и обезпечила въ будущемъ благополучіе ихъ гражданской жизни.

Честь и слава Монарху, созидающему зданіе народнаго образованія столь прочное!

Главный Педагогическій Институтъ глубоко чувствовалъ благодѣянія, на него изливаемыя, и всѣ усилія его къ исполненію высокаго назначенія одушевлялись безпредѣльнымъ чувствомъ благодарности къ Августѣйшему Виновнику его бытія. Царь Небесный увѣнчеваетъ успѣхомъ безкорыстное стремленіе ко всему благородному и благому. Такимъ образомъ Исторія развитія сего Учрежденія въ продолженіе минувшихъ шести лѣтъ его существованія, безъ сомнѣнія, составитъ многія занимательныя страницы въ Исторіи Отечественной Педагогіи. Здѣсь, Мм. Гг., да позволено будетъ сдѣлать краткое обозрѣніе его хода и началъ, на коихъ основано въ немъ умственное и нравственное воспитаніе.

Открытіе Главнаго Педагогическаго Института воспослѣдовало 1829 года Августа 30 дня, когда всѣ его элементы были уже предварительно собраны и всѣ распоряженія для безостановочнаго хода были сдѣланы. За нѣсколько мѣсяцевъ до открытія, Правленіе Института имѣло уже свои засѣданія, а Профессоры имѣли первую конференцію 2 Августа. Въ семъ, достопамятномъ въ лѣтописяхъ Института собраніи положенъ обѣтъ единодушія, который сохранялся свято до сего времени.

Въ силу Устава (Глава 1, §§ 8 и 10), въ Педагогическій Институтъ собраны были изъ Духовныхъ Семинарій болѣе ста Воспитанниковъ для начатія Приготовительнаго Курса, который долженъ былъ совершиться въ два года безъ раздѣленія на Факультеты. По строгомъ испытаніи, означенное число уменьшилось до 96, кои тогда вошли въ составъ Педагогическаго Института.

Кромѣ распространенія предметовъ, коихъ познаніе требовалось (по § 14 Устава) отъ поступающихъ въ

Институтъ, въ Приготовительный Курсъ входили: Логика и Метафизика, Чистая Математика, Древняя География и Миѳологія, Грамматика и Словесность языковъ: Русскаго, Латинскаго, Греческаго, Нѣмецкаго и Французскаго; сверхъ того, Гражданская Архитектура, Черченіе и Рисованіе. При преподаваніи Латинскаго и Греческаго языковъ положено было объяснять Римскія и Греческія Древности. Кромѣ сихъ предметовъ, въ послѣдствіи введены были: Фехтованіе и Танцованіе, дабы доставить нужное упражненіе тѣлеснымъ силамъ и ловкость и стройность тѣлодвиженіямъ.

Въ Приготовительномъ Курсѣ обучали 5 Ординарныхъ Профессоровъ, 5 Экстраординарныхъ и 7 Адъюнктовъ; сверхъ того были при Институтѣ еще особые Учители Искусствъ.

Окончаніе Приготовительнаго Курса было нѣсколько замедлено свирѣпствовавшею въ 1831 году въ столицѣ эпидеміею, которая, впрочемъ, благодаря Бога, не нашла для себя между Воспитанниками ни одной жертвы, хотя зараза появилась въ С. Петербургѣ не далѣе какъ чрезъ четыре дома отъ Института. Такимъ образомъ испытаніе въ Приготовительномъ Курсѣ началось не прежде 15 Сентября 1831 года, и производилось, въ присутствіи Г. Директора и Членовъ Конференціи, со всею строгостію, съ означеннаго времени до 12 Ноября, ежедневно по 8 часовъ въ продолженіи почти 2 мѣсяцевъ. 11 Декабря произведено было публичное испытаніе, въ присутствіи Его Свѣтлости Князя Ливена, бывшаго тогда Министромъ Народнаго Просвѣщенія, Товарища его и другихъ знаменитыхъ особъ.

Результаты Приготовительнаго Курса показали, что познанія Воспитанниковъ, принесенныя ими изъ Семинарій, не только пріобрѣли значительное распространеніе, но что классическій духъ проникъ оныя. Особенно казалось необыкновеннымъ то, что молодые

люди, имѣвшіе при вступленіи едва поверхностныя познанія въ языкахъ Французскомъ и Нѣмецкомъ, въ два года сдѣлались способными слушать лекціи на сихъ языкахъ, и даже довольно хорошо на нихъ объяснялись. Успѣшное оказаніе Приготовительнаго Курса ознаменовано было Высочайшими наградами нѣкоторыхъ лицъ, наиболѣе успѣхамъ Института содѣйствовавшихъ.

По окончаніи испытанія, съ разрѣшенія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія Его Свѣтлости Князя Ливена, 78 Воспитанника удостоены были степени Студентовъ, пятеро остались Воспитанниками, доколѣ не окажутъ бо́льшихъ успѣховъ, а 17, большею частью по разстроенному здоровью отъ напряженія умственныхъ силъ, опредѣлены были Учителями въ Училища и Гимназіи Южныхъ Губерній.

1832 года Генваря 2 дня открытъ былъ Окончательный Курсъ, который имѣлъ цѣлію доставить Студентамъ основательное и подробное познаніе тѣхъ предметовъ, къ преподаванію коихъ они предназначались въ будущемъ ихъ званіи. Сей курсъ раздѣлялся на три Отдѣленія: Философско-Юридическое Отдѣленіе избрали 24, Физико-Математическое 26, а Историко-Филологическое 28 учащихся.

Однако же число 78 слушателей Окончательнаго Курса вскорѣ измѣнилось: ибо 5 Воспитанниковъ, допущенные въ сей курсъ подъ условіемъ, вскорѣ опредѣлены были Учителями въ Уѣздныя Училища. Потомъ, по Высочайшему Повелѣнію, къ концу 1833 года выпущены были еще 20 Студентовъ Учителями въ Бѣлорусскія Гимназіи. При семъ случаѣ произведенъ былъ публичный экзаменъ въ теченіе недѣли, въ присутствіи Г. Министра Народнаго Просвѣщенія Его Превосходительства Сергія Семеновича Уварова. Студенты между прочимъ показали на опомъ свои познанія въ Польскомъ языкѣ,

который введенъ былъ въ число предметовъ преподаванія въ означенномъ году, по Высочайшему Повелѣнію.

Послѣ сего выпуска осталось:

въ Философско-Юридическомъ Отдѣленіи.	18
въ Физико-Математическомъ.	16
въ Историко-Филологическомъ, также	16
всего 50 Студентовъ.	

Впрочемъ въ составъ Педагогическаго Института входило не одно только сіе число учащихся. По окончаніи перваго Приготовительнаго Курса, вызваны были изъ Семинарій 56 Воспитанниковъ; а какъ хозяйственное состояніе Института давало возможность увеличить и сіе число, то, по особенному представленію Господина Министра, было Высочайше разрѣшено избрать въ разныхъ Учебныхъ Заведеніяхъ столицы способнѣйшихъ учениковъ для помѣщенія въ Институтъ на казенное содержаніе. Такимъ образомъ принято было еще 42 Воспитанника. Поступившіе въ Институтъ изъ Семинаріи 56 составили Среднее Отдѣленіе, и слушали донынѣ Приготовительный Курсъ, а принятые изъ здѣшнихъ Учебныхъ Заведеній 42 образовали Младшее Отдѣленіе. Въ Среднемъ Отдѣленіи преподавались, согласно съ Уставомъ, предметы, исчисленные выше, по большей части Профессорами, состоящими для тѣхъ же предметовъ въ Окончательномъ Курсѣ. Въ Младшемъ Отдѣленіи обучали Студенты, подъ руководствомъ Г. Директора, который самъ опредѣлялъ методы и направленіе всего ученія какъ вообще, такъ и въ подробностяхъ. Кромѣ того, Г. Инспекторъ имѣлъ также попеченіе о семъ Отдѣленіи и прилагалъ особенное стараніе о математическомъ развитіи Воспитанниковъ онаго. Сіи практическія упражненія Студентовъ, на строгихъ дидактическихъ правилахъ основанныя, были

причиною, что Воспитанники и Студенты, выпущенные изъ Института до окончанія курса, нынѣ столь успѣшно дѣйствуютъ въ Училищахъ и Гимназіяхъ, въ кои тогда были опредѣлены.

Въ Окончательномъ Курсѣ преподавали 12 Ординарныхъ и 5 Экстраординарныхъ Профессоровъ; сверхъ того одинъ Учитель Польскаго языка и 3 Учителя Искусствъ. Сей курсъ продолжался три года. Объемъ пройденныхъ предметовъ усматривается изъ программъ, напечатанныхъ по случаю нынѣшняго публичнаго испытанія.

Въ продолженіе сего 1835 года Студенты Окончательнаго Курса обучались практически правиламъ и способамъ преподаванія. Кромѣ занятій своихъ, подъ руководствомъ Гг. Директора и Инспектора, въ Младшемъ Отдѣленіи, гдѣ употреблялась эротематическая форма обученія, они, подъ руководствомъ Профессоровъ, пріучались къ акроаматическому способу преподаванія. Нѣкоторыми Профессорами учреждаемы были диспутаціи, какъ напримѣръ, по Римскому Праву. У всѣхъ они упражнялись въ сочиненіяхъ на заданныя предложенія.

Общее пособіе для всѣхъ Факультетовъ составляетъ Библіотека, которая ежегодно увеличивалась значительнымъ количествомъ отборнѣйшихъ сочиненій по всѣмъ вѣтвямъ познанія. Нынѣ число томовъ простирается до 7000. Большая часть книгъ выписаны изъ чужихъ краевъ чрезъ иностранныхъ Коммиссіонеровъ Института. Физическій Кабинетъ содержитъ въ себѣ 68 приборовъ, цѣною на 10,000 рублей. Сюда должно причислить собраніе 160 геометрическихъ моделей. Минеральное Собраніе заключаетъ въ себѣ 4253 образца, между коими хранится отдѣльно изумрудъ, подаренный Институту Государемъ Императоромъ изъ числа открытыхъ въ 1830 году въ Сибири близъ Екатеринбурга.

Гербарій составляютъ 9399 породъ растеній всѣхъ климатовъ; сверхъ того имѣется особый Гербарій С. Петербургской Флоры. Зоологическому Кабинету положено начало нѣсколькими образцами птицъ.

Кромѣ исчисленныхъ Коллекцій, находится еще при Институтѣ особое собраніе разныхъ веществъ, употребляемыхъ въ общежитіи, на заводахъ и мануфактурахъ.

Внутренняя жизнь Главнаго Педагогическаго Института, посвященная трудолюбію, текла единообразно. Экзамены, конференціи, какія либо новыя распоряженія относительно курса, всякое обогащеніе Коллекцій и Библіотеки распространяли въ ней движеніе, большее противъ обыкновеннаго. Къ таковымъ особеннымъ движеніямъ въ Институтѣ должно причислить Актъ 30 Декабря 1833 года, по случаю празднованія 13-вѣковаго Юбилея Пандектовъ и Институцій Юстиніана и совершившагося въ царствованіе НИКОЛАЯ 1-го изданія Полнаго Собранія и Свода Законовъ, и Актъ 6 Декабря 1834 года, по случаю празднованія высокоторжественнаго тезоименитства Его Императорскаго Величества Государя Императора.

Но къ событіямъ, обильнѣйшимъ благодѣтельными послѣдствіями для сей внутренней жизни, должно преимущественно отнести три Высочайшія посѣщенія Государемъ Императоромъ, 13 Февраля 1832, 20 Февраля 1833 и 9 Февраля 1835 года, и частыя посѣщенія Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія, который, принимая живѣйшее участіе въ успѣхахъ Института, присутствовалъ часто на лекціяхъ, и самъ предлагалъ Студентамъ вопросы, не оставляя безъ вниманія ни одной вѣтви преподаванія. Нынѣ Педагогическій Институтъ порученъ въ особенное наблюденіе Исправляющему должность Товарища Министра Графу Протасову.

Внутренняя жизнь Главнаго Педагогическаго Института, разсматриваемая въ самой себѣ, объемлетъ всѣ тѣ распоряженія, какія предписываетъ Наука Воспитанія; но здѣсь идетъ дѣло только объ основныхъ, отличительныхъ элементахъ сей жизни.

Педагогическій Институтъ, какъ усматривается изъ всей его организаціи, имѣетъ цѣлію сообщить молодымъ людямъ ученое образованіе. Но сіе образованіе не возможно безъ изученія Древнихъ Классиковъ. Кто, не увлекаясь духомъ времени, безпристрастно смотритъ на предметъ, тотъ легко убѣждается въ непреложности сего положенія. Человѣчество имѣетъ назначеніе совершенствоваться, а совершенствованіе есть всестороннее развитіе Божественнаго начала, въ немъ врожденнаго; — пріобрѣтеніе, умноженіе торжества надъ Природою, сколько Творецъ подчинилъ ее смертному. Сіе дальнѣйшее развитіе не можетъ быть сопряжено съ потерею того, что уже человѣчествомъ пріобрѣтено: иначе весь ходъ его былъ бы только превращеніе, метаморфозъ. Человѣчество должно остаться въ обладаніи всѣмъ, чего достигло. Наши успѣхи настоящіе не должны быть куплены потерею прежняго превосходства. Мы должны сохранять все, что ни единаго было превосходнаго въ минувшихъ вѣкахъ, дабы человѣчество духовно возрастало, какъ древо даетъ только тогда плоды, когда стволъ его въ тѣсной связи съ корнемъ. Долгъ Ученаго наслѣдовать все, что завѣщала намъ Древность, передать настоящему времени ея сокровища и сохранить для грядущихъ вѣковъ. Если, при необъятной обширности Наукъ, невозможно знать въ совершенствѣ обоихъ классическихъ языковъ, то, по крайней мѣрѣ, Латинскій, посредствующій, долженъ необходимо сдѣлаться достояніемъ Ученаго. Пусть хотя Латинская Словесность поддерживаетъ связь нашу съ Древнимъ Міромъ, столь богатымъ идеалами. Къ

тому же. Латинскій языкъ составляетъ превосходное средство къ пробужденію и сосредоточенію внимательности, къ укрѣпленію памяти, къ упражненію мысленной силы, къ изощренію разсудка. Онъ есть Логика, облеченная въ живыя и прекрасныя формы. Такимъ образомъ, Мм. Гг., Латинская Словесность была въ продолженіе шести лѣтъ постояннымъ предметомъ занятія Студентовъ, окончившихъ нынѣ курсъ. Вообще все преподаваніе въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ имѣло для нихъ прямое направленіе къ такому развитію умственныхъ силъ, какое старается произвести Филологія.

Преподаваніе въ Педагогическомъ Институтѣ не ограничивалось только одностороннимъ вліяніемъ на умственныя силы; оно стремилось распространить свое дѣйствіе на всѣ способности, а особливо на нравственность. Оно, совокупно съ воспитаніемъ, старалось содѣлать Студентовъ благочестивыми сынами Церкви, добрыми гражданами и истинно Русскими, по уму и сердцу. Три начала Русской Педагогики: Православіе, Самодержавіе и Народность, въ ясный свѣтъ нынѣ поставленныя просвѣщеннымъ мужемъ, коему поручено народное образованіе, дѣйствовали въ домашнемъ быту Главнаго Педагогическаго Института, и находили сильнѣйшее свое развитіе въ наставленіяхъ Богословія, Русской Исторіи и Литературы, кои для всѣхъ Отдѣленій были общими.

Къ солнцу человѣчества безпрестанно направляемъ былъ взоръ юношей, дабы онъ упивался лучемъ вѣчной истины Откровенія. Сколь ни просто содержаніе Закона Вѣры, но оно столь полно, столь обильно, что изъ него проистекаетъ тѣмъ болѣе свѣта, чѣмъ ревностнѣе мы черпаемъ, и вся наша жизнь недостаточна для полнаго его изученія. Божественное православное ученіе дало имъ въ напутствіе Завѣтъ. Сохраняя оный,

они могутъ надѣяться на преуспѣяніе въ великомъ дѣлѣ, къ совершенію котораго призываетъ ихъ гласъ Монарха.

Отечественная Исторія и Литература развивали, питали, возвышали, облагороживали въ нихъ народность и врожденное чувство любви къ Отечеству, съ которою неотдѣльна и любовь къ Царю, какъ Помазаннику Божію, какъ Блюстителю правосудія, Охранителю народной чести, Защитнику самобытности Государства, какъ Отцу многочисленнаго семейства, какъ Главѣ, безъ коей органическій составъ Государства содѣлывается безжизненнымъ трупомъ. Главная черта нашей народности, отражающаяся въ Исторіи и Литературѣ, есть безпредѣльная преданность Престолу. Вѣчная Мудрость, назначившая человѣчеству обитающемъ земную планету, указала каждому народу его назначеніе, и благодѣйствіе народа только тогда возможно, когда онъ цвѣтетъ въ томъ неподдѣльномъ образованіи, которое соотвѣтствуетъ сему его назначенію.

Всѣ Науки въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ, смотря по особенному ихъ свойству, имѣли большее или меньшее отношеніе къ принятымъ началамъ воспитанія. Такимъ образомъ всеобъемлющая Философія, освѣщая крайніе предѣлы, до коихъ достигаетъ разумъ, внушала истинное, просвѣщенное смиреніе, и возвышала тѣмъ торжество Откровенія. Высшая Математика, созидая собою особый, свѣтлый, невещественный міръ, сообщала духу самое безкорыстное направленіе къ истинѣ, и вмѣстѣ проливала яркій свѣтъ на Естествопознаніе, а сіе во всѣхъ вѣтвяхъ своихъ, не довольствуясь отдѣльными фактами, стремилось всюду вникнуть въ идею Создателя, чрезъ изслѣдованіе законовъ Природы, и тѣмъ питало религіозное чувство. Всеобщая Исторія, раскрывая предъ мысленнымъ взо-

ромъ ходъ всего человѣчества, предначертала, какимъ образомъ каждый народъ осуществляетъ развитіемъ своимъ особую идею, и, слѣдовательно, доводила до полнаго и яснаго сознанія назначеніе Русскаго народа. Римское Право и Политическая Экономія имѣли подобнымъ образомъ свои отношенія къ Россійскому Праву и Статистикѣ, кои въ нравственномъ направленіи дѣйствовали совокупно съ Отечественною Исторіею, указывая на мудрость Россійскаго Законодательства и на возрастающее благоденствіе Россіи. Но говорить, Мм. Гг., о тѣсной связи Наукъ между собою значило бы развивать уже давно извѣстную мысль, что у человѣка только одна Наука. Основательное изученіе сей великой Науки исполняетъ насъ уваженіемъ къ человѣчеству во всякомъ человѣкѣ, сколь бы онъ ни былъ различенъ съ нами своимъ происхожденіемъ, языкомъ, обычаями, образованіемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ настоящую сферу дѣятельности въ предѣлахъ, кои начертываетъ любовь къ Отечеству. Истинное просвѣщеніе, результатъ сей многосложной Науки, научаетъ избѣгать двухъ крайностей: ложнаго космополитизма и ложнаго патріотизма. Первый, увлекаясь высокопарною мечтательностію, выходитъ изъ своего круга, назначеннаго Провидѣніемъ, и прилѣпляется слѣпо ко всему чужому; а послѣдній, пренебрегая всѣмъ иностраннымъ, любитъ безотчетно только свое. Воспитаніе въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ охраняло своихъ питомцевъ отъ сихъ крайностей. Въ доказательство стоитъ только произнести имена тѣхъ мужей-наставниковъ, кои, по призванію своему — распространять кругъ познаній человѣческихъ, принадлежатъ всему человѣчеству, но съ пламеннымъ усердіемъ дѣйствуютъ на пользу Россіи.

Если, Мм. Гг., поводъ къ блистательному, геройскому самоотверженію рѣдокъ при обыкновенномъ те-

ченія дѣлъ, что истинный патріотизмъ заключается въ ревностномъ служеніи Отечеству. Юноши, вступающіе нынѣ на гражданское поприще, видѣли предъ собою безпрерывно такой примѣръ служенія, и ознаменовали свое пребываніе въ Институтѣ неутомимымъ трудолюбіемъ. Оли занимались съ неусыпнымъ стараніемъ, на пользу Отечества, не только предметами лекцій, кои они должны были внѣ аудиторій записывать со всѣми подробностями, но также заботились о приращеніи Отечественной Литературы переводами разныхъ классическихъ сочиненій съ другихъ языковъ. Труды ихъ нынѣ готовятся къ напечатанію. Такимъ образомъ они посильно служили Отечеству уже прежде вступленія своего въ гражданскую жизнь.

Изъ сего обозрѣнія внутренней и внѣшней жизни Главнаго Педагогическаго Института, какъ вообще, такъ и въ подробностяхъ, изволите усмотрѣть, Мм. Гг., въ какой мѣрѣ сіе учрежденіе достигаетъ своей цѣли, участвуя въ томъ общемъ одушевленіи, которое замѣтно во всѣхъ вѣтвяхъ народнаго образованія въ обширномъ Отечествѣ нашемъ. Да продлится навсегда сіе благородное одушевленіе, и да вознесется выше и выше зданіе народнаго образованія на краеугольномъ камени Православія, Самодержавія и Народности!

2.

ПОДРОБНЫЙ СПИСОКЪ

УЧЕБНЫМЪ ЗАВЕДЕНІЯМЪ, УЧРЕЖДЕННЫМЪ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА.

	Время учреждения.	Число Училищъ.
Главный Педагогическій Институтъ (въ С. Петербургѣ). . .	1829	1
По С. Петербургскому Учебному Округу:		
Гимназіи:		
Въ Вологдѣ. .	1826	1
— Псковѣ.	1833	1
И того. . .		2
Благородные Пансіоны при Гимназіяхъ:		
Въ Вологдѣ. .	1826	1
— Псковѣ. . .	1833	1
— Новѣгородѣ.	1835	1
И того. . .		3
Уѣздныя Училища:		
Въ С. Петербургѣ .	1832 и 1834	4

	Время учреждения.	Число Училищъ.
Приходскія Училища:		
Въ Псковѣ . . .	1828	1
— С. Петербургѣ	1831	2
— Петрозаводскѣ	—	1
— Новѣгородѣ	1833	1
— Устюжнѣ .	—	1
— Крестцахъ	—	1
— Бѣлоозерскѣ	—	1
— Кронштадтѣ.	1834	1
— Валдаѣ .	—	1
— Череповцѣ.	—	1
— Тихвинѣ	—	1
— Кирилловѣ	—	1
— Ладогѣ	—	1
— селеніи Рѣдкинскомъ С. Петербургской Губерніи Ямбургскаго Уѣзда	827	1
— селеніи Кудринскомъ } Той же Губер.	1833	1
— —— Серешкинск. } Гдовск. Уѣзда.		1
— Неноцкомъ посадѣ } Архангельской	1834	1
— Зырянск. слоб. Ижмѣ } Губерніи .		1
Псковской Губерніи въ Уѣздахъ:		
Въ Псковскомъ .	1832	11
— Порховскомъ . .	—	1
— Холмскомъ	—	1
— Торопецкомъ . .	—	1
— Великолуцкомъ .	—	1
— Новоржевскомъ	—	2
— Опочецкомъ	—	2
— Островскомъ.	—	7
Вологодской Губерніи въ Уѣздахъ:		
Въ Грязовецкомъ.	1835	2
— Пудожскомъ	—	1
Итого . .		48

	Время учреждения.	Число Училищъ.
По Московскому Учебному Округу.		
Благородный Пансіонъ при Гимназіи въ Рязани .	1835	1
Уѣздныя Училища:		
Въ Подольскѣ.	1826	1
— Соли-Галичѣ	—	1
— Романо-Борисоглѣбскѣ.	—	1
— Лихвинѣ. .	1827	1
— Крапивнѣ	—	1
— Черни . .	1828	1
— Александровѣ.	1829	1
— Ряжскѣ .	1830	1
— Мосальскѣ .	1832	1
— Сычевкахъ. .	1831	1
— Бронницахъ .	1834	1
— Старицѣ	—	1
— Кологривѣ .	1833	1
— Богородицкѣ	—	1
— Епифани	—	1
Итого . .		15
Приходскія Училища:		
Въ Романо-Борисоглѣбскѣ .	1826	1
— Владимірѣ .	1828	1
— Бѣлевѣ .	—	2
— Галичѣ .	1831	1
— Киржачѣ	—	1
— Муромѣ.	1832	1
— Юрьевцѣ	—	1
— Кологривѣ .	—	1
— Можайскѣ .	1834	1
— Судаѣ	—	1
— Лухѣ. . .	—	1
— Перемышлѣ .	—	1

	Время учрежденія.	Число Училищъ.
Въ Вышнемъ-Волочкѣ	1834	1
— Калугѣ	1835	1
— Рязани	—	1
— Пронскѣ	—	1
— селѣ Семеновскомъ, Московской Губерніи Серпуховскаго Уѣзда	1832	1
— селѣ Гребневѣ, той же Губерніи Богородицкаго Уѣзда	—	1
— селѣ Марьинѣ, Ярославской Губер. Мологскаго Уѣзда	1835	1
— посадѣ Парфеньевѣ, Костромской Губерніи	—	1
Приготовительный классъ при Уѣздн. Училищахъ: въ Крапивнѣ	1829	1
въ Черни	—	1
въ Мосальскѣ	1834	1
Итого		24

По Харьковскому Учебному Округу.

Гимназія въ Тамбовѣ	1828	1
Благородный Пансіонъ при Гимназіи въ Орлѣ	1835	1
Уѣздныя Училища:		
Въ Тамбовѣ	1825	1
— Моршанскѣ	1826	1
— Курскѣ	1828	1
— Лебедяни	—	1
— Липецкѣ	1830	1
— Старомъ-Осколѣ	1831	1
— Кирсановѣ	—	1
— Шацкѣ	1832	1
— Путивлѣ	1835	1
Итого		9

	Время учреждения.	Число Училищъ.
Приходскія Училища:		
Въ Тамбовѣ	1825	1
— Полтавѣ	—	
Тамъ же Нѣмецкое для Колонистовъ	1834	2
— Николаевѣ	1826	1
— Козловѣ	—	1
— Мценскѣ	—	1
— Новохоперскѣ	1827	1
— Тиму	—	1
— Ливнахъ	1829	2
— Ельцѣ	1830 и 1833	2
— Шацкѣ	1832	1
— Кромахъ	1830 и 1833	3
— Малоархангельскѣ	—	2
— Орлѣ	—	3
— Болховѣ	—	1
— Брянскѣ	—	1
— Дмитровскѣ	— и 1834	2
— Карачевѣ	1833	2
— Сѣвскѣ	—	1
— Трубчевскѣ	—	1
— Кирсановѣ	—	1
— Курскѣ	1834	2
— Воронежѣ	—	1
— Кременчугѣ	—	
Тамъ же Нѣмецкое	1832	2
— Ромнѣ	1834	1
— Константиноградѣ	—	1
— Хоролѣ	—	1
— Лубнахъ	—	1
— Миргородѣ	—	1
— Лохвицѣ	—	1
— Зеньковѣ	—	1
— Гадячѣ	—	1
— Переяславлѣ	—	1

	Время учреждения.	Число Училищъ.
Въ Прилукѣ	1834	1
— Пирятинѣ	—	1
— Кобелякахъ	—	1
— Золотоношѣ	—	1
— Фатежѣ	—	1
— Качалинской Станицѣ	—	1
— Кременской Станицѣ	—	1
— Льговѣ	1835	1
— селѣ Каплуновкѣ, Харьковской Губерніи Богодуховскаго Уѣзда	1829	1
— деревнѣ Трибайцахъ, Полтавской Губерніи Хорольскаго Уѣзда	1832	1
— деревнѣ Васильевкѣ } Той же Губер.	—	1
— деревнѣ Пузиковой } Кременч. Уѣзда	1834	1
И того		56
По Казанскому Учебному Округу.		
Гимназіи:		
Оренбургская (въ Уфѣ)	1828	1
Въ Казани Вторая	1835	1
И того		2
Благородный Пансіонъ при Гимназіи въ Симбирскѣ	1834	1
Уѣздныя Училища:		
Въ Курмышѣ	1826	1
— Лукояновѣ	1827	1
— Вольскѣ	—	1
— Балашевѣ	—	1
— Глазовѣ	—	1
— Сызрани	1829	1
— Орловѣ	1831	1
— Челябѣ	1833	1
— Троицкѣ	1835	1

	Время учреждения.	Число Училищъ.
Въ Сердобскѣ.	[illegible]	1
— Хвалынскѣ.	—	1
Итого		11
Приходскія Училища:		
Въ Малмыжѣ	1827	1
— Саратовѣ	1830	2
— Елабугѣ	—	1
— Казани	1832 и 1833	2
— Оренбургѣ	1832	1
— Нижне-Ломовѣ	—	1
— Пензѣ	1833	1
— Астрахани	— и 1835	2
— Чистополѣ	1835	1
— Саранскѣ	—	1
— Краснослободскѣ	—	1
— Чембарѣ	—	1
— Инсарѣ	—	1
— Мокшанѣ	—	1
— Керенскѣ	—	1
— Наровчатѣ	—	1
— Городищахъ	—	1
— Симбирскѣ	[illegible]	1
— Карсунѣ	1835	1
— Верхотурьѣ	—	1
— Соликамскѣ	—	1
— Уржумѣ	—	1
— Уѣздѣ Самарскомъ, при городѣ Алексѣевскѣ	[illegible]	1
— Уѣздѣ Камышинскомъ, Саратовск. Губерніи	[illegible]	1
— Уѣздѣ Нижегородскомъ	[illegible]	1
— Уѣздѣ Охансковъ, Пермской Губерніи на Нытвинскомъ заводѣ	—	1
— Уѣздѣ Сызранскомъ, Симбирской Губерніи	[illegible]	1

	Время учреждения.	Число Училищъ.
Въ селѣ Аркадакѣ, Саратов. Губерніи Балашевскаго Уѣзда. . .	1831	1
— селѣ Вожгальскомъ, Вятской Губерніи и Уѣзда	1829	1
— селѣ Юкачахъ, Казанской Губерн. Мамадышскаго Уѣзда . . .	1833	1
— селѣ Роговскомъ, Вятской Губерн. Слободскаго Уѣзда при Павловскомъ казенномъ заводѣ . .	—	1
— селѣ Кильдѣевѣ, Казанской Губерніи Свіяжскаго Уѣзда . . .	1835	1
— селѣ Дурновѣ, Вятской Губерніи Яранскаго Уѣзда. . . .	—	1
— селѣ Карачайскомъ } Пермской Губерніи Оханскаго Уѣзда.	—	1
— — Вознесенскомъ } Пермской Губерніи Оханскаго Уѣзда.	—	1
— — Дубовскомъ } Пермской Губерніи Оханскаго Уѣзда.	—	1
Приготовительный классъ при Уѣздномъ Училищѣ въ Курмышѣ . .	1826	1
Итого		40
По Дерптскому Учебному Округу.		
Практическое Учебное Заведеніе Сельскаго Хозяйства близъ Дерпта.	1834	1
Классы Лѣсныхъ Наукъ при Митавской Гимназіи.	1835	1
Начальныя Училища:		
Въ Ригѣ. .	1826	1
— Якобштатѣ	1830	1
— Ревелѣ . .	1831	2
— Митавѣ Дѣвичьи Училища . . .	1828	2
Итого		6
По Кіевскому Учебному Округу.		
Университетъ Св. Владиміра, въ Кіевѣ	1834	1

	Время учрежденія.	Число Училищъ.
Гимназіи:		
Въ Каменцѣ-Подольскомъ . . .	1830	1
— мѣстечкѣ Клевани временно находящаяся Луцкая Гимназія .	1832	1
— Житомірѣ . . .	1833	1
— Кіевѣ Вторая	1836	1
И того . .		4
Благородный Пансіонъ при Первой Кіевской Гимназіи. . .	1834	1
Уѣздныя Училища:		
Въ Махновкѣ . . .	1828	1
— Кіевѣ на Подолѣ.	1833	1
— Радомыслѣ .	—	1
— Суражѣ. . . .	—	1
— Новоградволынскѣ .	1834	1
— Острогѣ	1835	1
— мѣстечкѣ Теофильполѣ, Волынской Губерн. Староконстант. Уѣзда.	—	1
— мѣстечкѣ Немировѣ, Подольской Губерніи Брацлавскаго Уѣзда. . .	1834	1
— мѣстечкѣ Меджибожѣ, той же Губерніи Летичевскаго Уѣзда . . .	—	1
И того . .		9
Приходскія Училища:		
Въ Махновкѣ .	1833	1
— Радомыслѣ.	—	1
— Васильковѣ .	—	1
— Звенигородкѣ. .	—	1
— Сквирѣ . .	—	1
— Черкасахъ . .	—	1
— Чигиринѣ .	—	1
— Таращѣ . .	—	1
— Житомірѣ	—	1
— Новоградволынскѣ . . .	—	1

	Время учреждения.	Число Училищъ.
Въ Ровно .	1833	1
— Луцкѣ	—	1
— Каменцѣ-Подольскомъ .	—	1
— Виннницѣ .	—	1
— Березнѣ.	1836	1
— мѣстечкѣ Клевани, Волынской Губерніи	1831	1
— мѣстечкѣ Немировѣ, Подольской Губерніи	1834	1
— мѣстечкѣ Теофильполѣ, Волынской Губерніи Староконстант. Уѣзда.	1835	1
— мѣстечкѣ Меджибожѣ, Подольской Губерніи Летичевскаго Уѣзда. .	—	1
— мѣстечкѣ Шпаковѣ, Волынской Губерніи Ровенскаго Уѣзда . . .	—	1
— мѣстечкѣ Милачи, той же Губерніи Дубенскаго Уѣзда . . .	—	1
— Уѣздѣ Ковельскомъ	—	1
— —— Владимірскомъ } Волынской	—	3
— —— Ровенскомъ . } Губерніи .	—	3
— —— Житомірскомъ }	—	1
И того . .		29

По Бѣлорусскому Учебному Округу.

Гимназіи:

Въ Вильнѣ Вторая . .	1829	1
— Гродно . .	1834	1
— Динабургѣ	1835	1
И того . .		3

Благородные Пансіоны при Гимназіяхъ:

Въ Вильнѣ при Второй .	1834	1
— Гроднѣ	1835	1
И того . .		2

	Время учреждения.	Число Училищъ.
Уѣздныя Училища:		
Въ Брестѣ. .	1830	1
— Лепелѣ . .	—	1
— Дрогичинѣ . .	1832	1
— Пинскѣ . .	—	1
— Витебскѣ .	—	1
— Новогрудкѣ .	1834	1
— Лидѣ. . .	—	1
— Пружанахъ. .	—	1
— Свенцянахъ	—	1
— мѣстечкѣ Костюковичахъ, Могилевской Губерн. Климовецкаго Уѣзда.	1826	1
— мѣстечкѣ Тращкунахъ, Виленской Губерніи, временно, до пріисканія помѣщенія въ гор. Поневежѣ . .	1834	1
— мѣстечкѣ Кейданахъ, той же Губерніи.	—	1
И того . .		12
Благородный Пансіонъ при Уѣздномъ Училищѣ въ Новогрудкѣ .	1834	1
Приходскія Училища:		
Въ Люцинѣ .	1826	1
— Витебскѣ .	1831	1
— Динабургѣ. .	—	1
— Лепелѣ . .	—	1
— Велижѣ . .	—	1
— Вильно	1834	1
— Тамъ же Еврейское. .	1832	1
— Свенцянахъ .	—	1
— Гродно .	1834	1
— Дризѣ .	—	1
— Ковнѣ . . .	1835	1
— Бѣлостокѣ. . .	—	1
— Диснѣ 2-классное .	—	1
— Игуменѣ 2-классное .	—	1
— Бобруйскѣ . . .	—	1

	Время учрежденія.	Число Училищъ.
Въ Бѣлицѣ	1835	1
— мѣстечкѣ Ракишкахъ ⎫ .	1827	1
— — Вижунахъ ⎪	1828	1
— — Гисполяхъ ⎬ Виленской	1829	1
— — Горждахъ ⎪ Губерніи . .	1830	1
— — Саланшахъ ⎪	—	1
— — Крожахъ. ⎭	1833	1
— — Щучинѣ . 2-класное,. Гродненской Губерніи	—	1
— мѣстечкѣ Абеляхъ . ⎫ Виленской Губерніи	1834	1
— — Комаяхъ . ⎭	—	1
— — Новогрудкѣ . ⎫ Гродненск.	—	1
— — Пружанахъ ⎬ Губерніи .	—	1
— — Свислочи. ⎭	1835	1
— — Дубровнѣ, Могилевской Губерніи Оршинскаго Уѣзда . . .	1834	1
И того . .		29
Дѣвичій Пансіонъ, содержимый Г-жею Саннъ, съ пособіемъ отъ Казны, Могилевской Губерніи близъ Губернскаго города на казенной дачѣ Цинценбергъ	1829	1
Институтъ Глухонѣмыхъ, въ завѣдываніи Человѣколюбиваго Общества, въ Вильнѣ	1833	1
Семинарія для образованія Приходскихъ Учителей въ Витебскѣ. .	1834	1
По Одесскому Учебному Округу.		
Гимназія въ Кишиневѣ.	1831	1
Благородный Пансіонъ при оной Гимназіи	1835	1
Училищное Отдѣленіе для образованія Учителей Татаръ при Гимназіи въ Симферополѣ .	1827	1

	Время учреждения.	Число Училищъ.
Уѣздныя Училища:		
Въ Севастополѣ .	1827	1
— Кишиневѣ .	1828	1
— Бендерахъ .	—	1
— Бѣльцахъ .	—	1
— Измаилѣ .	—	1
— Аккерманѣ .	—	1
— Хотинѣ .	1829	1
— Керчѣ .	1830	1
— Николаевѣ .	1833	1
— Одессѣ .	1834	1
— Перекопѣ	—	1
И того . .		11
Приходскія Училища:		
Въ Ногайскѣ .	1826	1
— Таганрогѣ .	1830	1
— Севастополѣ .	1833	1
— Перекопѣ	1834	1
— Одессѣ Дѣвичье Народное Училище.	1825	1
Тамъ же Приходское	1834	1
— Молдаванкѣ . . . } въ предмѣстіи Одессы.	—	1
На Усатовыхъ Хуторахъ } въ предмѣстіи Одессы.	1833	1
Въ Черниговкѣ, казенномъ селеніи Таврической Губерніи Орѣховскаго Уѣзда	1833	1
И того . .		9
По Закавказской Дирекціи Училищъ.		
Гимназія въ Тифлисѣ	1830	1
Благородный Пансіонъ при оной Гимназіи . . .	—	1

	Время учреждения.	Число Училищъ.
Уѣздныя Училища:		
Въ Кушайоѣ .	1830	1
— Телавѣ .	—	1
— Гори.	—	1
— Шушѣ .	—	1
— Ахалцыхѣ .	1831	1
— Сигнахѣ .	—	1
— Эривани .	1832	1
— Бакѣ.	—	1
— Нухѣ.	—	1
— Елисаветполѣ.	1833	1
— Душетѣ.	1834	1
— мѣстечкѣ Зубзидахъ, Княжества Мингрельскаго	1830	1
Итого . .		12
По Сибирскимъ Губерніямъ.		
Уѣздное Училище въ Кузнецкѣ .	1826	1
Приходскія Училища:		
Въ Якутскѣ .	1829	1
— Томскѣ .	—	1
— Троицко-Савскѣ .	—	1
— Нерчинскѣ .	—	1
— Верхнеудинскѣ .	1833	1
— Иркутскѣ .	1834	1
— Иркутскомъ Округѣ, при суконной казенной фабрикѣ .	1831	1
Итого .		7

Всѣхъ Учебныхъ Заведеній открыто:

Главный Педагогическій Институтъ въ С. Петербургѣ.	1
Университетъ Св. Владиміра въ Кіевѣ.	1
Гимназій . .	14
Благородныхъ Пансіоновъ при Гимназіяхъ. . . .	11
Практическое Учебное Заведеніе Сельскаго Хозяйства близъ Дерпта.	1
Классы Лѣсныхъ Наукъ при Митавской Гимназіи .	1
Училищное Отдѣленіе для образованія Учителей Татарамъ при Гимназіи въ Симферополѣ .	1
Уѣздныхъ Училищъ.	86
Благородный Пансіонъ при Уѣздномъ Училищѣ въ Новогрудкѣ.	1
Семинарія для образованія Приходскихъ Учителей въ Витебскѣ	1
Дѣвичій Пансіонъ, содержимый Г-жею Савичь, съ пособіемъ отъ Казны, близъ Могилева	1
Институтъ Глухонѣмыхъ въ Вильнѣ	1
Приходскихъ и Начальныхъ Училищъ и приготовительныхъ при Уѣздныхъ Училищахъ классовъ .	244
Всего .	364

IV.

ИЗВѢСТІЯ

ОБЪ

ИНОСТРАННЫХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ.

ЦИРКУЛЯРНОЕ ПРЕДПИСАНІЕ

БЫВШАГО МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ВО ФРАНЦІИ Г-НА ГИЗО РЕКТОРАМЪ АКАДЕМІЙ.

Въ прошломъ Ноябрѣ мѣсяцѣ, бывшій Министръ Народнаго Просвѣщенія во Франціи, Г. Гизо, разослалъ слѣдующее циркулярное предписаніе къ Ректорамъ Французскихъ Академій.

«Г-нъ Ректоръ! Законъ 28 Іюня 1833 года объявляя (въ статьѣ 1-й), что «въ низшее первоначальное обученіе необходимо должно входить обученіе нравственное и религіозное,» и что (стат. 2-я) «религіозное обученіе будетъ всегда согласоваться съ желаніями родителей,» хотѣлъ упрочить для всѣхъ воспитанниковъ нашихъ Среднихъ Учебныхъ Заведеній какъ дѣйствительность религіознаго обученія, такъ и свободу его.

«Но когда дѣло идетъ о религіозныхъ вѣрованіяхъ, не составляющихъ господствующей Религіи Государства, то, естественно, представляются большія затрудненія въ исполненіи упомянутыхъ статей закона, имѣющаго цѣлію обезпечить дѣтямъ иновѣрческихъ семействъ необходимое для нихъ религіозное обученіе и полную его свободу, на которую они имѣютъ право. Для достиженія этой цѣли необходимы нѣкоторыя частныя мѣры и бдительной надзоръ; это составляетъ главнѣйшій предметъ нынѣшняго моего предписанія.

«Разсматривая Первоначальныя Школы въ религіозномъ отношеніи, мы можемъ назвать ихъ или *смѣшенными*, т. е. такими, въ коихъ обучаются дѣти различныхъ Вѣроисповѣданій, или *особными*, т. е. принадлежащими одному какому либо изъ Вѣроисповѣданій, признанныхъ Государствомъ, какъ то опредѣляетъ 9-я статья закона 28 Іюня.

«Касательно сихъ послѣднихъ, въ предписаніяхъ отъ 24 Іюля 1833 года, я уже объяснилъ вамъ, Г. Ректоръ, какъ должны вы поступать съ ними. Не должно умножать число ихъ безъ пользы, когда онѣ не будутъ требуемы различными классами народонаселенія; но должно также наблюдать, чтобы въ нихъ не было недостатка тамъ, гдѣ они дѣйствительно необходимы. Нѣсколько разъ Муниципальные Совѣты отказывали въ учрежденіи особныхъ Школъ для дѣтей, принадлежащихъ къ числу неисповѣдающихъ господствующей въ томъ мѣстѣ Вѣры, хотя эти Школы настоятельно требуемы были меньшею частію народонаселенія и составляли единственное средство къ удовлетворенію ея религіозныхъ потребностей. Къ этимъ отказамъ Муниципальные Совѣты побуждаемы были единственно пристрастными предубѣжденіями или опасеніемъ излишнихъ издержекъ. Если вы встрѣтите такія препятствія, то снесясь съ общимъ

Правительствомъ, употребите всѣ средства къ тому, чтобъ побудить Муниципальные Совѣты къ болѣе справедливымъ и великодушнымъ рѣшеніямъ; и если вы усмотрите, что единственная причина отказа въ учрежденіи особныхъ Школъ, заключается въ нежеланіи умножить расходы, то увѣдомьте о томъ меня, и я приму зависящія отъ меня мѣры, дабы оказаніемъ пособія общинамъ можно было отстранить это препятствіе.

Наблюдайте, чтобы вездѣ, гдѣ только учреждены будутъ особныя Школы для какого бы то ни было Вѣроисповѣданія, онѣ пользовались покровительствомъ и благодѣяніями наравнѣ съ прочими; постарайтесь доставить всѣ возможныя удобства къ правильной организаціи въ нихъ религіознаго обученія, и возьмите мѣры, чтобъ эти Школы посѣщаемы и ревизуемы были особами того же самаго Вѣроисповѣданія, для коего онѣ предназначены.

Смѣшенныя Школы гораздо многочисленнѣе, и въ нихъ предстоитъ болѣе затрудненій для обезпеченія иновѣрческихъ семействъ въ дѣйствительности и свободѣ религіознаго обученія дѣтей ихъ. Иногда думали, что для достиженія сего достаточно было замѣнить обученіе и обряды какого либо Вѣроисповѣданія такими уроками и такими правилами, кои, не оскорбляя ни одного Вѣроисповѣданія, по видимому могли бы быть примѣняемы къ каждому изъ нихъ. Но эти мѣры не соотвѣтствовали ни желаніямъ родителей, ни требованію закона; онѣ изгоняли изъ Школъ положительное и основательное религіозное обученіе, замѣняя его обученіемъ общимъ и отвлеченнымъ. Хартія желаетъ, чтобъ каждый исповѣдывалъ Религію свою съ одинаковою свободою и пользовался бы одинаковымъ покровительствомъ въ отношеніи своей Вѣры; законъ же 28 Іюня требуетъ, чтобъ дѣти получали въ Школахъ то самое религіозное обученіе, какого требуетъ Вѣра, исповѣдуемая ихъ семействами. Должно стараться достигать этой цѣли, а

не уклоняться отъ нея такими мѣрами, кои бы равно нарушали дѣйствительность религіознаго обученія и свободу его. И такъ, Г. Ректоръ, вы должны пещись, чтобъ во всѣхъ Первоначальныхъ Школахъ, въ коихъ находятся дѣти, исповѣдующіе иную Вѣру, нежели наставникъ ихъ и большая часть учениковъ — какъ бы мало ни было число ихъ — наблюдаемы были слѣдующія правила.

1) Чтобъ ни въ какомъ случаѣ они не были принуждаемы къ участвованію въ молитвахъ и въ религіозномъ обученіи другой большей части учениковъ инаго Вѣроисповѣданія.

2) Чтобъ родители сихъ дѣтей всегда были допускаемы и даже приглашаемы давать имъ сообразное ихъ Вѣроисповѣданію религіозное обученіе чрезъ Священника ихъ Религіи или чрезъ частнаго человѣка, для сего предназначеннаго.

3) Чтобъ каждонедѣльно въ опредѣленные съ согласія Училищнаго Правленія, ихъ Священникомъ или родителями, дни и часы приводимы были изъ Училища въ церковь, или другое зданіе, посвященное Религіи, дабы они тамъ могли присутствовать при Богослуженіи и пользоваться назиданіями той Религіи, въ коей воспитаны.

Препоручите вниманію Инспекторовъ Первоначальныхъ Школъ смотрѣть за точнымъ исполненіемъ этихъ мѣръ и поставьте имъ въ обязанность наблюдать за точнымъ ихъ исполненіемъ и извѣщать васъ о всѣхъ могущихъ быть къ тому препятствіяхъ.

Потребуйте такого же вниманія къ этимъ постановленіямъ какъ отъ Мѣстныхъ, такъ и отъ Окружныхъ Комитетовъ Первоначальнаго Обученія.

Если дѣйствительность и свобода религіознаго обученія дѣтей обезпечиваются во всѣхъ Школахъ и для всѣхъ Вѣроисповѣданій, то должно обратить вниманіе на религіозное образованіе самихъ наставниковъ, кои

нѣкогда должны управлять этими Школами. А потому общее положеніе 14 Декабря 1832 года о Первоначальныхъ Нормальныхъ Школахъ ясно говоритъ (Глава I; ст. 1-я): «Воспитанники, готовящіеся къ должности наставниковъ, получаютъ религіозное обученіе, согласное съ исповѣдуемою ими Религіею, отъ Священниковъ различныхъ Вѣроисповѣданій, дозволенныхъ законами.» — Уже приняты мѣры для приведенія въ дѣйствіе этого постановленія: въ Первоначальныхъ Нормальныхъ Школахъ Нимской, Бордоской, Мендской, Страсбургской, Кольмарской, Монтобанской и Версальской назначены Протестантскіе Пасторы для управленія религіознымъ обученіемъ будущихъ наставниковъ, исповѣдующихъ одинакую съ ними Вѣру; имъ назначено за то вознагражденіе. Тѣ же самыя мѣры немедленно будутъ взяты въ отношеніи къ Первоначальнымъ Нормальнымъ Школамъ Канской, Нантской и Тулузской, и я озабочусь извѣщеніемъ Консисторій и Пасторовъ всѣхъ Протестантскихъ Исповѣданій во Франціи, въ какихъ именно Первоначальныхъ Нормальныхъ Школахъ устроено соотвѣтствующее ихъ Вѣроисповѣданію религіозное обученіе, дабы вольноприходящіе или содержимые на казенный счетъ (boursiers) Протестантскіе ученики, приготовляемые въ наставники, размѣщены были преимущественно по этимъ Заведеніямъ.

Равнымъ образомъ я дамъ предписаніе, чтобъ въ Библіотекахъ означенныхъ Первоначальныхъ Нормальныхъ Школъ всегда находились наиболѣе необходимыя сочиненія для религіознаго обученія различныхъ Вѣроисповѣданій. А такъ какъ нѣкоторыя изъ сихъ сочиненій уже означены въ каталогахъ упомянутыхъ Библіотекъ — то я пополню эти каталоги, когда соберу всѣ нужныя для сего предмета свѣдѣнія.

Въ прочихъ Нормальныхъ Школахъ, гдѣ число воспитанниковъ, исповѣдующихъ какое либо особное отъ

прочихъ Вѣроученіе — не столь значительно, чтобы можно было для нихъ вводить отдѣльное преподаваніе ихъ Религіи, вы озаботитесь, Г. Ректоръ, чтобъ религіозная ихъ свобода была тщательно наблюдаема и чтобы они не встрѣтили никакихъ препятствій въ пріобрѣтеніи необходимаго имъ религіознаго обученія отъ Духовенства ихъ Религіи.

Чтожъ касается до Коллегій, какъ Королевскихъ, такъ и Общинныхъ, то мнѣ не нужно напоминать вамъ, Г. Ректоръ, что въ нихъ должны быть введены тѣ же правила и та же свобода въ религіозномъ обученіи. Уже во многихъ Королевскихъ Коллегіяхъ, какъ то: въ Страсбургской, Нимской, Турнонской и въ Парижской Коллегіи Людовика Великаго опредѣлены Милостынераздаватели, съ постояннымъ жалованьемъ, для преподаванія религіознаго обученія воспитанникамъ Протестантскаго Исповѣданія. Я намѣреваюсь распространить эти мѣры на нѣкоторыя другія Коллегіи, которыя преимущественно будутъ предназначены для Французовъ сего Исповѣданія, какъ такія Заведенія, въ коихъ они найдутъ въ религіозномъ отношеніи всѣ желаемыя средства къ образованію. Теперь эта мѣра кажется наиболѣе необходима для Коллегій Руанской, Нантской, Бордосской и Тулузской. Въ прочихъ же Королевскихъ Коллегіяхъ, какъ скоро найдется нѣсколько учениковъ, принадлежащихъ къ одному изъ другихъ Исповѣданій, допущенныхъ закономъ и въ городѣ будетъ находиться церковь того Исповѣданія: то вы, съ согласія Консисторіи и родителей учениковъ, пригласите одного изъ Пасторовъ для преподаванія единовѣрнымъ съ нимъ ученикамъ религіознаго обученія, и постарайтесь доставить всѣ удобства для сего обученія и для исполненія религіозныхъ обязанностей.

Всякой разъ, когда число учениковъ, ввѣренныхъ попеченіямъ Пастора, возвысится до десяти, ему будетъ назначаться вознагражденіе.

Каково бы ни было число учениковъ, ни одинъ Пасторъ не можетъ быть допущенъ до преподаванія безъ предварительнаго меня о томъ извѣщенія и безъ изъявленія моего на то согласія.

Я не могу требовать отъ городовъ, чтобъ они назначили для сего какія либо особенныя суммы, но предлагаю вамъ употребить все стараніе, чтобъ эти мѣры были совершенно исполнены въ Королевскихъ Коллегіяхъ и, если возможно, въ Коллегіяхъ Общинныхъ. Мнѣ не безызвѣстно, Г. Ректоръ, что въ слѣдствіе предубѣжденій, издавна основанныхъ на сильныхъ доводахъ, нѣкоторые даже весьма добрые граждане питаютъ недовѣрчивость къ религіозному обученію; но благодаря прочнымъ и вѣрнымъ мѣрамъ, которыя принимаетъ Правительство, эта недовѣрчивость день ото дня уничтожается. Религіозное обученіе, какъ и сама Религія, не имѣетъ уже другаго преднамѣренія, ни другой цѣли, какъ вдохнуть во всѣ классы народа, во глубину всѣхъ душъ, этотъ инстинктъ порядка, этотъ чистый вкусъ, этотъ навыкъ почитать нравственность и хранить внутренній миръ, кои составляютъ вѣрнѣйшій залогъ общественнаго спокойствія и достоинства людей частныхъ. Должность блюстителей народнаго образованія состоитъ въ развитіи религіознаго обученія, основаннаго на выше означенныхъ правилахъ и въ способствованіи ему въ его дѣйствіяхъ.

Вы изслѣдуете, къ какимъ изъ Заведеній ввѣренной вамъ Академіи могутъ быть примѣнены эти распоряженія, вполнѣ или въ частяхъ, и предложите на разсмотрѣніе мое необходимыя по вашему мнѣнію мѣры для приведенія ихъ въ исполненіе.

V.

НОВОСТИ И СМѢСЬ.

1.

НОВЫЯ КНИГИ, ИЗДАННЫЯ ВЪ РОССІИ.

1) *Слова и Рѣчи, во время управленія Московскою паствою говоренныя, и Житіе Преподобнаго Сергія Радонежскаго и всея Россіи Чудотворца, изъ достовѣрныхъ источниковъ почерпнутое, Синодальнымъ Членомъ Филаретомъ, Митрополитомъ Московскимъ.* Москва, въ Синодальной тип. 1835 г. 519 стр. in-8°.

Отечество приметъ съ признательностію сей трудъ Архипастыря Церкви: поученія, истекшія отъ глубины сердца, проникнутыя любовію къ человѣчеству, украшенныя цвѣтами духовнаго красноречія, всего же болѣе силою проповѣдуемой высокой истины.

Въ собраніи, изданномъ нынѣ, помѣщено 37 Словъ, говоренныхъ въ разныя времена, 1 Бесѣда и 12 Рѣчей, изъ коихъ 9 произнесены были въ срѣтеніе Россійскимъ Монархамъ при посѣщеніи ими Первопрестольнаго града

ихъ. Сверхъ сего находимъ здѣсь Житіе Преподобнаго Сергія, Радонежскаго Чудотворца.

Высокопреосвященный Филаретъ при самомъ вступленіи своемъ въ управленіе Московскою Паствою началъ свое благословенное поприще Поученіемъ о предметахъ желанія безсмертной души: о благодати и мирѣ. Изъ послѣдующихъ его поученій видимъ, какъ онъ всегда является провозвѣстникомъ мира, спасенія и радости, но еще чаще — утѣшителемъ во дни скорби, особенно тогда, какъ свирѣпствовала губительная болѣзнь, похищавшая тысячи жертвъ: тогда-то наиболѣе, подвизаясь святительскою ревностію, среди храмовъ, наполненныхъ народомъ, онъ усугублялъ молитвы и обращалъ поученіями къ покаянію и смиренію, указуя Ангела гнѣва Господня, и совѣтами пастырской любви руководствуя въ труднѣйшихъ стезяхъ жизни, укрѣплялъ унывающихъ, утверждалъ колеблющихся въ уповаиіи.

Читая и перечитывая эту книгу съ душевнымъ услажденіемъ, мы займемъ нѣсколько перлъ изъ сего сокровища, не столько въ примѣръ краснорѣчія, сколько для распространенія свѣта назидательныхъ истинъ.

Въ Словѣ о Невидимыхъ Силахъ, онъ такъ говоритъ о благотворномъ ихъ дѣйствіи (*):

«Какъ въ видимыхъ своихъ явленіяхъ Святые Ангелы не рѣдко принимаемы были человѣками за подобныхъ человѣковъ: такъ легко случиться можетъ, что и невидимыя ихъ дѣйствія человѣкъ приметъ за собствен-

(*) Стр. 54. Слово, говоренное въ день Св. Архистратига Михаила.

«ныя человѣческія, или обыкновенныя естественныя «дѣйствія. Не случается ли, наприм., что среди недо«умѣнія, или нѣкоего бездѣйствія ума, вдругъ, какъ мол«нія, просіяваетъ чистая, святая и спасительная мысль; «что въ обуреваемомъ, или хладномъ сердцѣ, мгновен«но водворяется тишина, или возгарается небесный «пламень любви къ Богу? Если всякое явленіе по роду «своему свидѣтельствуетъ о присутствіи дѣйствующей «силы: то сіи внутреннія явленія души нашей не сви«дѣтельствуютъ ли о присутствіи Небесныхъ Силъ, по «человѣколюбію бросающихъ лучи свои въ нашъ умъ и «искры въ наше сердце?»

Въ другомъ Словѣ онъ поучаетъ о внимательности къ святынѣ храма Господня для уразумѣнія глубокаго и таинственнаго значенія словъ: «*Вы есте церкви Бога жива*» (2 Корин. IV, 16). (*)

«Не пытливостію, но вѣрностію пріобрѣтается «открытіе тайны. Будемъ вѣрны въ томъ, что уже «открыто намъ: такъ приготовимъ себя и къ высшему «откровенію сокровеннаго. Тебѣ уже сказано, что ты «храмъ Божій: примѣчай же все, что есть и что «совершается во храмѣ Божіемъ, и сообразно съ симъ «располагай себя, и наипаче свою внутренность. Ви«дишь здѣсь изображенія дѣлъ Божіихъ и Святыхъ Его: «наполняй и ты умъ твой и память, яко духовными «образами, назидательными помышленіями о великихъ «дѣлахъ Святыхъ Его. Видишь свѣтильникъ предъ свя«тымъ изображеніемъ: старайся, чтобъ и въ тебѣ свя«тыя помышленія о Богѣ раждали свѣтъ вѣры, и воз«жигали огнь любви къ Богу. Видишь куреніе кадила. «*да исправится молитва твоя, яко кадило, предъ Бо«гомъ* (Псал. CXL, 2). Слышишь слово Божіе: внимай «такъ, чтобы оно вселилось въ тебя (Кол. III, 16),

(*) Стр. 161. Слово при освященіи храма Живоначальныя Троицы.

«чрезъ ученіе и вразумленіе себя самаго. Слышишь пѣ-
«ніе во славу Божію: *воспѣвай и ты въ сердцѣ твоемъ
«Господеви.* Видишь Священнослужителей предстоящихъ
«Престолу Таинъ и возвѣщающихъ, что мы изобразуемъ
«собою Херувимовъ, предстоящихъ Животворящей
«Троицѣ: отлагай же и ты житейскія попеченія; да
«молчитъ въ тебѣ все плотское, и да навыкнетъ духъ
«твой съ Давидомъ *зрѣть Господа предъ собою выну.*»
(Псал. XV, 8).

Хотите ли знать, какимъ высокимъ утѣшеніемъ озаряются терннстыя стези человѣческой жизни, когда въ бѣдствіяхъ ея обратимъ взоры къ путеводной звѣздѣ вышняго Промысла (*)? Вотъ лучшее убѣжденіе:

«Мы страждемъ по волѣ Божіей, по волѣ Того,
«отъ Котораго всякое даяніе благо и всякъ даръ со-
«вершенъ сходитъ выше (Іак. I, 17), по волѣ Того,
«Который питаетъ птицу, не стоящую ассарія, Ко-
«торый траву сельную одѣваетъ великолѣпнѣе, нежели
«Соломонъ облачался въ славѣ своей, и Который чрезъ
«Единороднаго Сына Своего увѣряетъ насъ, что мы,
«даже мы маловѣры, дороже у Него какого нибудь крина
«или врабія; по волѣ Того, Который *солнце Свое сія-
«етъ на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и не-
«праведныя* (Матѳ. V, 45), и заповѣдуетъ намъ подра-
«жать совершенству своего милосердія. Какъ же можно,
«чтобы Тотъ, Который есть и отъ Котораго проис-
«ходитъ единое благо, имѣлъ волю поставить насъ въ
«такое состояніе, въ которомъ нѣтъ ничего кромѣ зла?
«Какъ можно, чтобы Тотъ, Который являетъ мило-
«сердіе Свое даже злымъ, не явилъ даже правосудія
«Своего невинно страждущимъ? Если Благій посы-

(*) Стр. 172. Слово, говоренное въ день Св. Мученика Димитрія Царевича.

«даетъ страданіе: то конечно и въ страданіи есть
«нѣкоторое благо. . . .»

Въ другомъ поученіи еще болѣе раскрывается сія
мысль (*):

«Болѣзнь, печаль, потрясеніе благосостоянія,
«разлука съ людьми искренними и вѣрными, ненадеж-
«ность оставшихся, гоненіе, угнѣтеніе, презрѣніе, пре-
«вратности внезапныя, бѣдствія поражающія, опасности
«грозныя, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, необъяснимое
«внѣшними причинами внутреннее дѣйствіе, не приво-
«дятъ ли насъ иногда въ такое расположеніе духа, что
«предметы, дотолѣ занимательные и пріятные, уже не
«привлекаютъ насъ, но становятся неусладительны,
«безвкусны, нужды; мы чувствуемъ пустоту, ничтож-
«ность всего, что испытали, потребность и нѣкое
«ожиданіе, которыхъ ничто не удовлетворяетъ? Знае-
«те ли, что это такое? — Невидимое, однако же не
«совсѣмъ непримѣтное шествіе Бога нашего, *гласъ*
«*Господа ходяща*. Онъ идетъ къ душѣ нашей, и угото-
«вляетъ Себѣ путь, отстраняя отъ нея твари, около
«ея тѣснящіяся, и путь Ему преграждающія. И *яко*
«*сице творитъ* Онъ тебѣ: *уготовися во срѣтеніе Богу*
«*твоему, Израилю*, — уготовься, душа моя, свободнымъ
«и рѣшительнымъ отверженіемъ тварей, нелюбленіемъ
«міра, ни яже въ мірѣ, дабы не было тебѣ препятствія
«принять Бога полною любовію нераздѣленнаго сердца.

«Когда мысль о будущемъ и страхъ суда Божія,
«какъ громовый ударъ, пробуждаетъ насъ отъ дремоты
«безпечности; когда совѣсть, какъ молнія, внезапнымъ
«грознымъ свѣтомъ озаряетъ мракъ души, и обличаетъ
«все, даже до сокровенныхъ нечистотъ помысловъ и
«желаній, даже до забытыхъ давно грѣховъ юности:

(*) Стр. 827. Слово по освященіи храма Св. Великомученицы Екатерины при Екатерининскомъ Институтѣ.

«что и это, какъ не шествіе Бога правосуднаго и «вмѣстѣ милосердаго, гласъ Господа преслѣдующаго грѣхъ, «и въ то же время ищущаго благодатно приближиться «къ грѣшнику? Не скрывайся же безполезно, какъ Адамъ; «не заточай упорно самъ себя далѣе и далѣе отъ Бога, «подобно Каину; уготовися во срѣтеніе Богу твоему, «сердечнымъ сокрушеніемъ, слезами, покаяніемъ, испра«вленіемъ житія. Чувствуешь ли расширеніе, облегченіе, «возвышеніе сердца, при совершеніи добраго дѣла, во «время прилежной молитвы, при посѣщеніи храма Бо«жія, при слушаніи слова Божія? — Знай, что это «*гласъ Господа Бога ходяща въ раи* внутреннемъ, благо«датное приближеніе, сладкое въ двери сердца толцаніе «Того, Который сказалъ: *се стою при дверехъ и тол«ку; аще кто услышитъ гласъ Мой, и отверзетъ двери, «вниду къ нему и вечеряю съ нимъ, и той со Мною.*»

Мысль о близости Бога служитъ наиболѣе къ укрѣпленію удручаемыхъ скорбями міра. Вотъ одно изъ поученій къ сему относящихся (*):

«Человѣкъ не такъ сотворенъ, чтобы ему быть «и оставаться въ разлученіи съ Богомъ и въ удаленіи «отъ Него. Если душа человѣка есть дыханіе жизни «отъ устъ Господнихъ, какъ сказуетъ Книга Бытія; «то какова близость между дыханіемъ и дышущимъ, «такова должна быть близость между человѣческою ду«шею и Богомъ. Разлученіе человѣка отъ Бога есть «состояніе неестественное».

И такъ человѣкъ долженъ видѣть въ самыхъ физическихъ бѣдствіяхъ не столько явленія Природы, какъ явленія Промысла, посылающаго испытаніе или наказаніе къ очищенію нашего нравственнаго бытія, а въ прекращеніи бѣдствій долженъ созерцать не столько физическую причину, какъ благотворную Десницу, рас-

(*) Стр. 525. Изъ того же Слова.

полагающую дѣйствіями Природы. Къ этому заключенію приводитъ насъ провозвѣстникъ истины, такъ говоря о минованіи смертоносной болѣзни (*):

«Мудрствующій по стихіямъ міра скажетъ: воз-«духъ былъ зараженъ; воздухъ освобождается отъ за-«разы. — Первое горько; да и во второмъ не много «вкуса. Но когда говорятъ, что Отецъ Небесный «умилосердился надъ нами, и когда слушаютъ сіе съ «вѣрою: человѣкъ получаетъ такія чувствованія, по «которымъ онъ становится въ одно время и счастли-«вѣе и нравственно лучше прежняго.»

Уразумѣніе путей Промысла Божія открываетъ намъ надежнѣйшее прибѣжище не въ помощи человѣческой, а въ любви Всесоздавшаго (**).

«Иной истощается въ домогательствѣ помощи че-«ловѣческой, а не вспомнитъ о Богѣ, *помощникѣ въ «скорбехъ, обрѣтшихъ ны зѣло*. Разсуди, если ты не «совсѣмъ безразсуденъ: лучше ли тебѣ гоняться за «человѣкомъ, который такъ часто говоритъ тебѣ: не «проси меня; — мнѣ не до тебя; — приди послѣ; — «иди къ другому; — я не могу помочь тебѣ; — либо «скажетъ: помогу, — но потомъ не хочетъ, или не «можетъ исполнить обѣщанія, — лучше ли, говорю, тебѣ «гоняться за человѣкомъ, нежели прибѣгать къ Богу, «Который не отсылаетъ тебя къ иному помощнику, «не отлагаетъ Своей помощи, не измѣняетъ Своимъ «обѣщаніямъ; Который непрестанно находится близъ «тебя, и, если ты внимателенъ, въ самомъ сердцѣ «твоемъ говоритъ тебѣ, приглашаетъ тебя къ молитвѣ,

(*) Стр. 571. Слово, говоренное въ Каѳедральной церкви Чудова Монастыря, 20 Ноября 1830 года.

(**) Стр. 515. Слово, говоренное 27 Мая 1828 года, по случаю возложенія покрова и медали на раку мощей Св. Алексія, Митрополита Московскаго.

«и обнадеживаетъ Своею всесильною помощію: *призови* «*Мя въ день скорби твоея, и изму тя.*»

Здѣсь источникъ великодушія къ преодолѣнію бѣдствій, къ торжеству надъ гоненіемъ и гонителями (*):

«Добрая побѣда не въ томъ состоитъ, чтобы «ты сдѣлалъ зло врагу, но чтобы врагъ не могъ сдѣ«лать истиннаго зла тебѣ. А сего никакой врагъ не «сдѣлаетъ, если ты твердо стоишь во благѣ силою «вѣры къ Богу и любви къ Богу и человѣкамъ. По«смотрите на человѣка симъ образомъ сражающагося «противу зла, и вслушайтесь посреди самихъ опасно«стей брани въ его военный кликъ: *кто ны разлучитъ* «*отъ любве Божія? скорбь ли, или тѣснота, или гоненіе,* «*или гладъ, или нагота, или бѣда, или мечь?*— Видите, «нападеніе со многихъ сторонъ; удары сильны. Не палъ «бы воинъ Христовъ? Нѣтъ, восклицаетъ онъ, *во всѣхъ* «*сихъ препобѣждаемъ за Возлюбльшаго ны.* И что еще? «Онъ увѣряетъ, что въ цѣломъ мірѣ нѣтъ силы, кото«рая могла бы поколебать побѣждающаго благимъ злое. «*Извѣстихся бо, яко ни смерть, ни животъ, ни Ангели,* «*ни начала, ниже силы, ни настоящая, ни грядущая,* «*ни высота, ни глубина, ни ина тварь кая возможетъ* «*насъ разлучити отъ любве Божія, яже о Христѣ* «*Іисусѣ Господѣ нашемъ*» (Римл. VIII, 35 — 39).

Такъ представляя въ каждомъ истинномъ Христіанинѣ сподвижника Христова, Пастырь Церкви призываетъ его и на помощь тѣмъ, которые, приблизясь къ концу земнаго поприща, наиболѣе имѣютъ нужду въ подкрѣпленіи душъ животворнымъ утѣшеніемъ Вѣры.

(*) Стр. 414. Слово, говоренное 21 Августа 1833 года, на день священнаго Мѵропомазанія и торжественнаго Вѣнчанія на царство Благочестивѣйшаго Государя НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА.

«Иногда упадающія силы тѣлесныя не опрѣ-«шившуюся отъ тѣла душу, такъ сказать, засыпаютъ «своими развалинами, и болящій не видитъ приближаю-«щейся смерти, не вспоминаетъ своихъ, заранѣе на сіе «время воспріятыхъ намѣреній, не примѣчаетъ важно-«сти наступающаго подвига, не ищетъ пособій. «Приближься къ сему колеблющемуся подвижнику, свѣжій, «запасный воинъ; напомни ему о приготовленіяхъ къ «рѣшительной брани, поддержи его въ подвигѣ, подай «ему духовныя оружія: щитъ вѣры, и шлемъ упованія «спасенія; подкрѣпи его силою изъ сокровищъ благода-«ти; помоги духу его, сквозь развалины плоти, возвы-«шаться къ Отцу Духовъ; утѣшительнымъ и животвор-«нымъ Божественнымъ словомъ, и тихимъ дыхано-«ніемъ молитвы, расправь и возвысь крила отлетающей «душѣ. Кто знаетъ? Можетъ быть непогрѣшительно «совершивъ свой горній полетъ, она, по взаимности «любви невременной, возвратится нѣкогда къ тебѣ, какъ «голубица къ Ною, съ неувядающею вѣтвію мира, когда «настанетъ и твоей душѣ время выйти изъ ковчега «смертнаго тѣла на землю живыхъ, безсмертныхъ (1).»

Не менѣе глубоко проникаетъ въ сердце слово Проповѣдника, когда онъ облекаетъ поученія покровомъ разительныхъ применовленій и примѣровъ! Желаетъ ли онъ возбудить чувство соестрадания къ жребію тѣснимыхъ убожествомъ, онъ представляетъ не одни наставленія; но указываетъ на самаго страдальца, переноситъ въ душу слушателей чувства нещастнаго при видѣ чужаго довольства и роскоши; говоритъ его устами (2):

---

(1) Стран. 455. Слово, говоренное въ день Тезоименитства Благочестивѣйшаго Государя Императора НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА, и предъ торжественнымъ обѣдомъ сердобольныхъ вдовъ, въ церкви Св. Маріи Магдалины, что во Вдовьемъ Домѣ.

(2) Стр. 244. Слово при открытіи Попечительства о бѣдныхъ Духовнаго званія, говоренное 2 Декабря 1823.

«Если бы сіи обширныя хранилища не наполня-«лись тѣмъ, что богатому совсѣмъ не нужно: какъ «многіе подобные мнѣ могли бы получить отъ не-«го необходимое, котораго теперь мы не имѣемъ! «Если бы сей широкій кровъ не былъ нуженъ на нѣ-«которые часы праздности, чтобы подъ нимъ собира-«лись видѣть притворство, и слушать вымыслы: сколь-«ко можно было бы собрать и водворить подъ нимъ «такихъ, которые теперь не имѣютъ, гдѣ главы под-«клонить, или не живутъ, а губятъ жизнь въ нечистыхъ, «нездоровыхъ, полуразрушенныхъ и паденіемъ угрожаю-«щихъ жилищахъ! и тогда бы здѣсь не ложныя дѣй-«ствующія лица произносили вымышленныя восклицанія «страстей, но непритворные дѣйствователи неухищ-«реннаго зрѣлища возносили къ небесамъ благодарствен-«ныя воскликновенія, и самые камни возвѣщали дѣй-«ствительную добродѣтель человѣколюбія. Если бы «носящій сію рѣдкую иноземную одежду согласился «промѣнять ее на обыкновенную отечественную: онъ «и тогда былъ бы одѣтъ прилично, и помогъ бы мно-«гимъ изъ насъ промѣнять рубище на одежду. Если «бы съ сего стола, котораго продолжительностію ску-«чаютъ собесѣдники, снять одну перемѣну пищи или «питія: изъ сего можно было бы составить новый «пиръ для нѣсколькихъ, теперь алчущихъ и жаждущихъ. «Сколько сладкихъ или гремящихъ звуковъ въ чертогѣ «роскоши въ часъ веселія: столько можно было бы «утишить воплей и стоновъ бѣдствія, если бы не «тотъ часъ отказать искусству, и отдать нищетѣ «то, что ему обѣщано. Тамъ игра богатыхъ несравнен-«но дороже цѣнится, нежели трудъ бѣдныхъ: и тѣмъ, «которые платятъ сію цѣну иногда безпрекословнѣе, «нежели плату работающему, или долгъ заимодавцу, не «приходитъ на мысль, что за сію цѣну можно было бы «выиграть благоденствіе бѣднаго семейства и нѣсколь-

«ко сердецъ признательныхъ. У сего святаго чертога «можно бы отнять нѣсколько изъ многочисленныхъ его «свѣтильниковъ такъ, чтобы онъ еще оставался свѣтлымъ: но чрезъ то можно было бы наполнить елеемъ «утѣшенія свѣтильникъ жизни, который отъ нищеты «истощается и можетъ вскорѣ совсѣмъ угаснуть.» — «Если въ сихъ размышленіяхъ сколько нибудь угадываю «я душу нищаго: то помыслите, какова должна быть «ея скорбь, когда онъ чувствуетъ свое бѣдствіе, видитъ «вокругъ себя средства, могущія прекратить оное, и «удобность употребить ихъ, но въ то же время видитъ «и то, что употреблять ихъ не хотятъ, и ему то не «позволено; — стоитъ среди текущей рѣки чужаго изобилія; но вода чужая проходитъ близъ устъ его, и «оставляетъ его жаждущимъ!»

Въ другомъ мѣстѣ Пастырь Церкви, изображая превратность земной жизни, заставляетъ углубиться слушателей въ испытаніе собственныхъ сердецъ:

«Въ видимомъ и временномъ мірѣ, въ которомъ ты «живешь, нѣтъ ничего неподвижнаго, но все идетъ, и «проходитъ. И твоя жизнь идетъ, и проходитъ; ты «покоишься иногда, по видимому, тѣломъ, но твои сокровенныя помышленія, твои тайныя желанія непрестанно въ движеніи: а потому если ты не идешь «путемъ спасенія, то вѣрно идешь путемъ погибели, «или, если не идешь, то падаешь, — падаешь изъ «жизни духовной въ плотскую, изъ жизни человѣческой «въ скотскую, и не примѣтишь, какъ обрушиться въ «жизнь адскую, въ смерть сугубую, — невозвратно! «Подумай же о своемъ души!» (*)

Высокая истина! Столько же превосходно вразумленіе о ничтожности земныхъ богатствъ при напоми-

(*) Стр. 93. Слово въ Недѣлю Крестопоклонную, говоренное въ Чудовѣ Монастырѣ, 5 Марта 1823 г.

ванія словъ Притчи: *Человѣкъ нѣкій бѣ богатъ; нищъ же бѣ нѣкто именемъ Лазарь* (*).

«Человѣкъ нѣкій *бѣ богатъ*, говоритъ Евангеліе. «О какъ стремглавъ превращается здѣсь образъ міра «сего! Кому была нужда узнавать и дѣлать извѣстнымъ «имя больнаго нищаго, поверженнаго на землѣ, на ко«тораго никто не обращалъ вниманія? Единственные «собесѣдники его, псы, лизавшіе гной его, вѣрно не «называли его по имени. Но имя *Лазаря* написано въ «Евангеліи; извѣстно Аврааму, слышно на небесахъ. «А имя богатаго, на пиршествахъ и въ собраніяхъ «переходившее изъ устъ въ уста его многочисленныхъ «друзей, почитателей и знакомыхъ, пропало безъ вѣсти. «*Человѣкъ нѣкій:* и только! Что же сіе значитъ? — «Безъ сомнѣнія, надлежитъ сіе изъяснять, какъ послѣд«ствіе обыкновеннаго начала, что имя человѣка являет«ся и скрывается, помнится и забывается, по роду и «достоинству дѣлъ его. Предметами жизни и дѣятель«ности богатаго были вещи тлѣнныя, слава суетная: «все поглощено суетою, временемъ, тлѣніемъ; не на «чемъ было устоять праздному имени празднаго чело«вѣка.»

Тѣмъ трогательнѣе воспоминаніе Христіанской заслуги, тѣмъ умилительнѣе воздаяніе признательности душѣ, заботившейся о благѣ ближнихъ во славу Божію. Московскій Архипастырь приходитъ на освященіе храма на Московскомъ Даниловскомъ кладбищѣ. На мѣстѣ, возбуждающемъ въ душѣ чувства скорби и унынія, внушаетъ онъ животворныя утѣшенія Вѣры, не колеблется признаться, что въ это время съ радостію находится

(*) Стр. 355. Слово въ Недѣлю двадесять вторую по Пятидесятницѣ, при продолженіи Молитвъ о избавленіи отъ заразительной болѣзни.

шахъ, куда въ продолженіе многихъ лѣтъ множество людей ежедневно приносятъ свои печали (*):

«Радуюсь» — говоритъ онъ — «помышляя о снис«хожденіи благодати Божіей, которая сего новаго, «Вѣрою ей предлагаемаго жилища не отвергла, потому «что благоволила совершиться освященію онаго по чину «святыни.

«Радуюсь, помышляя о семъ храмѣ, вмѣсто ветхаго «новомъ, вмѣсто близкаго къ разрушенію увѣковѣченномъ, «вмѣсто скуднаго и малоудобнаго благоустроенномъ и «благолѣпномъ.

«Радуюсь, воспоминая въ вѣрѣ и упованіи пре«ставльшагося раба Божія, который принесъ мнѣ пер«вую заботу о недостаточномъ устроеніи бывшаго «здѣсь храма, и еще двухъ подобныхъ, и вѣрилъ не«скудныя для каждаго изъ трехъ даянія, съ такою при «томъ строгою осторожностію, да *не увѣсть шуйца, «что творитъ десница*, что и не означенное именемъ «его собственноручное писаніе о семъ дѣлѣ истребовалъ «отъ меня назадъ, чтобы почеркъ руки не обнаружилъ «его предъ человѣками. Возлюбившая благолѣпіе дому «Бога своего, душа! Богъ видитъ твое имя, котораго «я не произношу, повинуясь твоему завѣщанію: и да «сохранитъ оное въ книгѣ живота; да украситъ оное «на небеси славою, безъ сомнѣнія лучшею, нежели та, «отъ которой ты благоразумно скрывался на земли; «да скажетъ тебѣ тамъ, гдѣ ты у Него почиваешь, что «добрая мысль твоя не осталась безъ дѣла, и что дая«яніе твое встрѣтилось и съ добрыми руками, и съ «обиліемъ другихъ даяній, такъ что добрый плодъ пре«высилъ добрую надежду.

«Радуюсь, помышляя о всякомъ рабѣ Божіемъ, мало «ли, много ли, по силѣ споспѣшествовавшемъ созданію

(*) Стр. 380. Слово по освященіи храма Святаго Духа на Московскомъ Даниловскомъ кладбищѣ.

«и украшенію сего храма, и наипаче о понесшемъ все «попеченіе и трудъ сего устроенія. И для чегожъ не «сказать тогда что нибудь въ церкви о нѣкоторыхъ «частныхъ людяхъ, если только не по человѣческимъ «видамъ сказать желается? Не знатная женщина была «та, которая помазала благовоннымъ мvромъ главу «Господа Іисуса; и сіе дѣло ея, по видимому, было про-«стое, женскому образу мыслей свойственное; однако «за доброту ея намѣренія, Господь тогда же повелѣлъ «о ней и дѣлѣ ея говорить въ церквахъ всего міра.»

Кто безъ глубочайшаго сердечнаго участія могъ слышать Слово во время пренесенія чрезъ Москву тѣла въ Бозѣ почившаго Государя Императора АЛЕКСАНДРА I? Кто не пролилъ слезъ, внимая тихому сѣтованію Пастыря Церкви предъ гробомъ Благословеннаго? Ничто не нарушало безмолвія, кромѣ рыданія слушателей, внимавшихъ слѣдующимъ словамъ (*):

«Представьте себѣ человѣка, который стоитъ «надъ потокомъ, и видитъ, какъ его сокровище низвер-«гается въ глубину. Касаясь водъ, оно производитъ «звукъ, и раждаетъ круги, одинъ другаго пространнѣй-«шіе: но въ то же мгновеніе скрывается въ глубинѣ, «и только трепетаніе водъ остается примѣтнымъ «зрителю. Подобно сему, кто можетъ созерцать, пусть «станетъ теперь надъ потокомъ временъ, надъ водами «народовъ, какъ изъясняется языкъ Пророческій. Смо-«три, какъ драгоцѣнная жизнь явилась; подвигла своею «силою народы; наполнила своею дѣятельностію мно-«гочисленные круги, одинъ другаго пространнѣйшіе; «произвела громкія звуки славы: но вдругъ она погру-«зилась въ вѣчность, и одно трепетное движеніе гроз-

(*) Стр. 260. Слово по случаю пренесенія чрезъ Москву тѣла въ Бозѣ почившаго Государя Императора АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА, говоренное 4 Февраля 1826 г.

«ной нечаянности простерлось по всѣмъ извѣстнымъ «народамъ. Александръ, еще въ колыбели, радость и «надежда Отечества,— Александръ, въ Порфирородномъ Семействѣ, утѣха и любовь,— Александръ, въ «началѣ вѣка на Престолѣ, какъ солнце на востокѣ,— «Александръ въ Россіи, Отецъ народа, Спаситель «Имперіи, — Александръ въ Европѣ, возстановитель «Царей, примиритель Царствъ, душа царственныхъ «Совѣтовъ Европы, — Александръ въ Царствіи Бо«жіемъ, избранное орудіе Царя Христа, чтобы торже«ственно утѣшить и возвеличить Христіанство тамъ, «гдѣ оно торжественно было цѣлымъ народомъ отвер«жено и поругано, плотоносный Архистратигъ небес«ныхъ на землѣ силъ, побѣждающій небеснымъ оружіемъ, «Кровію Агнца, кротостію и смиреніемъ: какіе свѣт«лые виды! какіе величественные образы! Но какъ «внезапно всѣ они закрываются одною мрачною чер«тою: Александръ во гробѣ!»

Мы не можемъ умолчать и о другой подобной Рѣчи, предъ гробомъ Государыни Елисаветы Алексѣевны, въ присутствіи Императрицы-Матери, гдѣ нашъ Духовный Витія приготовляетъ слушателей къ своей трогательной бесѣдѣ слѣдующими словами (*):

«Когда кто изъ Высокихъ на земли, по судьбѣ, «для земнородныхъ общей, отходитъ въ землю: при «семъ обыкновенно слышатся отголоски славы, кото«рая сопровождала его во время земной жизни. Слы«шимъ оные и теперь; но величественнѣе самой славы «слышится здѣсь — молчаніе. Дерзая говорить, ко«леблюсь опасеніемъ, чтобы не возмутить безмолвна-

(*) Стр. 286. Слово, говоренное въ Можайскомъ Николаевскомъ Соборѣ въ присутствіи Государыни Императрицы МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ при гробѣ Блаженной памяти Государыни Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ, 28 Маія 1826 г.

«го сѣтованія Царицы-Матери, чтобы не нарушить
«послѣдняго безмолвія Царицы-Дщери, которая и среди
«славы знаменитѣйшаго изъ Домовъ Царскихъ, во дни
«особенно громкіе славою, любила погружаться въ без-
«молвіе.— Но слово молитвы, надѣюсь, не будетъ про-
«тивно безмолвію, которое одушевляется молитвою.»

Но послѣдуемъ за нашимъ Пастыремъ, когда онъ срѣтая духовною радостію пришествіе Благочестиваго Государя, является благовѣстникомъ небесныхъ щедротъ. Россія внесетъ въ свои бытописанія прибытіе его Отцу Отечества, при первой вѣсти о появленіи губительной болѣзни спѣшившему на встрѣчу ей, для успокоенія своей Первопрестольной Столицы (1).

«Цари обыкновенные любятъ являться Царями сла-
«вы, чтобы окружать себя блескомъ торжественно-
«сти, чтобы принимать почести. Ты являешься нынѣ
«среди насъ, какъ Царь подвиговъ, чтобы опасности
«съ народомъ Твоимъ раздѣлять, чтобы трудности
«препобѣждать (2). Такое Царское дѣло выше славы
«человѣческой, поелику основано на добродѣтели Хри-
«стіанской. Царь Небесный провидитъ сію жертву
«сердца Твоего, и милосердо хранитъ Тебя, и долго-
«терпѣливо щадитъ насъ. Съ Крестомъ срѣтаемъ Тебя,
«Государь, да идетъ съ Тобою воскресеніе и жизнь.»

Въ другой разъ, срѣтая Государя при вратахъ Свято-Троицкой Сергіевой Лавры, онъ привѣтствовалъ Его (3):

---

(1) Стр. 461. Рѣчь Благочестивѣйшему Государю Императору НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ предъ вступленіемъ Его Величества въ Успенскій Соборъ, говоренная 29 Сент. 1830 г.

(2) Сіе относится къ мѣрамъ предосторожности противъ распространенія возникшей болѣзни.

(3) Стр. 462. Рѣчь Благочестивѣйшему Государю Императору НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ при срѣтеніи Его Величества въ Свято-троицкой Сергіевой Лаврѣ, говорен. 25 Сентября 1826 г.

«Съ сихъ священныхъ высотъ, которыя предъ
«очами Твоими, пять неоскудныхъ достопамятностями
«вѣковъ смотрятъ на сію минуту, которая умножаетъ
«достопамятности сего мѣста.

«Здѣсь, гдѣ Димитрій Донской искалъ совѣта къ
«побѣдѣ, Петръ Великій безопасности, многіе Твои
«Предки и Предшественники подкрѣпленія и ободренія
«духа, для великихъ подвиговъ великаго званія, — здѣсь
«являешься и Ты, чтобы положить Царственные со-
«вѣты души Твоей, предъ Олтаремъ Тріупостаснаго
«Бога, при гробѣ избраннаго раба Божія. Новый, въ
«древнемъ, подвигъ Царскаго благочестія! Новая по
«сему надежда небесныхъ благословеній на Царя и
«Царство.»

Къ числу особенно замѣчательныхъ Словъ принадлежитъ сказанное въ дни торжества Русскихъ побѣдъ отъ лица благодарнаго Вѣнценосца при возложеніи покрова и медали на гробъ Московскаго Чудотворца Алексія (*).

«Прежде всѣхъ къ тебѣ нынѣ слово, Святите-
«лю Алексіе, и слово не мое, но Царево. Предстою
«Тебѣ, какъ посланникъ Благочестивѣйшаго Импера-
«тора НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА, принесшій Тебѣ дары
«Его, — какъ свидѣтель благоговѣнія Его предъ Тобою.
«Пріими, глаголетъ Онъ Тебѣ, сей покровъ благолѣпія
«и славы, не потому, чтобы Ты требовалъ покрова
«вещественнаго и благолѣпія земнаго, будучи облеченъ
«свѣтомъ небеснымъ, покрытъ Божественною славою,
«но потому, что Царь признаетъ надъ Собою и надъ
«Своими дѣяніями покровъ Твоихъ молитвъ и Твоего
«благословенія. Пріими сіе сребро памяти и чести,

(*) Стр. 306. Слово по случаю возложенія на раку мощей Иже во Святыхъ Отца нашего Алексія, Митрополита Московскаго, отъ Благочестивѣйшаго Государя Императора НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА принесеннаго покрова и медали за Персидскую войну.

«сей, не только попомъ, но и кровію выработанный «диттрій за день брани Переяславской: ибо Раздаятель «онаго вѣруетъ, что и Ты не празднымъ былъ зрителемъ «брани сей, но хотя невидимо, тѣмъ не менѣе дѣй«ствительно подвизался предъ Богомъ за вѣрныхъ сы«новъ Россіи противъ вѣроломныхъ послѣдователей «лживаго пророка, подобно какъ нѣкогда, еще живя на «земли, очевидно подвизался Ты за охраненіе Церкви и «Отечества отъ иноплеменныхъ, то чудодѣйственною «молитвою, то покоряющимъ словомъ убѣжденія.»

Приведемъ еще нѣсколько мыслей о происхожденіи и цѣли отечественныхъ памятниковъ, изъ поученія, говореннаго при заложеніи тріумфальныхъ воротъ въ Москвѣ (*).

«Сынъ любитъ сидѣть подъ древомъ, подъ ко«торымъ часто видѣлъ сидящимъ отца своего и на«слаждался бесѣдою отеческой любви и опытной мудро«сти: въ семъ случаѣ древо есть памятникъ отца для «сына, и то, что дѣлаетъ свое памятникомъ, есть «любовь сыновняя; но поелику они напоминаютъ про«шедшее только одному знающему оное, а человѣкъ «желаетъ и для другихъ сдѣлать памятнымъ то, что «для него незабвенно, то отъ недостатка и несовер«шенства памятниковъ естественнымъ должна была «родиться мысль устроить искусственные памятники. «Что дѣлалъ человѣкъ, то по времени сталъ дѣлать «народъ, который есть тотъ же человѣкъ, только «умноженный: и такимъ образомъ произошли обще«ственные памятники.

«Если любовь къ Отечеству изобрѣтаетъ па«мятники общественные, то пользуется симъ изобрѣ«теніемъ Государственная мудрость. — Памятникъ

(*) Стр. 256. Рѣчь при заложеніи въ Москвѣ тріумфальныхъ въ Москвѣ воротъ, 17 Авг. 1822 г.

«есть безмолвный проповѣдникъ, который въ нѣкото-«ромъ отношеніи можетъ быть превосходнѣе говоря-«щаго, потому что не прекращаетъ порученной ему «проповѣди, и такимъ образомъ она доходитъ до цѣлаго «народа и до многихъ послѣдовательныхъ родовъ. — «Памятникъ есть книга, которой не нужно искать въ «книгохранилищѣ, потому что она лежитъ на пути; и «такимъ образомъ читается и тѣми, которые не ду-«мали раскрывать ее. Примѣнивъ сіе, мудрость Госу-«дарственная благопріятствуетъ устроенію памятни-«ковъ, дабы они въ свою очередь внушали народу ту «самую любовь къ Отечеству, которая внушила мысль «устроять ихъ, и дабы возвѣщая добродѣтели и подвиги «предковъ, къ тѣмъ же добродѣтелямъ и подвигамъ по-«ощряли потомковъ.»

Въ заключеніе нашего отчета о книгѣ Высоко-преосвященнаго Филарета, безъ сомнѣнія не будетъ из-лишнимъ для удовольствія читателей выписать мѣсто, гдѣ, повѣствуя о житіи Святаго Сергія Радонежскаго, онъ исчисляетъ примѣчательнѣйшія событія Свято-Троицкой Лавры, великія воспоминанія Церкви и Оте-чества (*).

«Во времена Самозванцевъ, когда въ плѣну была «Москва и почти вся Россія, Лавра сія не только не «пала отъ долговременной осады, но и падающее Оте-«чество поддерживала, и наконецъ увидѣла заключеніе «мира подъ своими стѣнами.»

«Въ смутные дни царствованія Петра Великаго, «не разъ въ стѣнахъ Обители сея обрѣталъ онъ без-«опасность жизни, отъ которой столько зависѣла «судьба Россіи. Образъ Святаго Сергія, написанный «на декѣ гроба его, сопутствовалъ Петру во всѣхъ «походахъ долговременной и опасной войны Шведской.»

(*) Стр. 518. Житіе Преподобнаго и Богоноснаго Отца нашего Сергія.

«Въ 1771 году, когда смертоносная язва пожирала «жителей и Москвы и прилежащаго сей Обители селе«нія, не смотря на то, что Обитель ежедневно была «отверста для молящихся, ни одного изъ принадлежа«щихъ ей не коснулась зараза.»

«Наконецъ и въ страшную годину нашествія Гал«ловъ, когда прогнѣванный грѣхами нашими Богъ, и «древнюю Столицу, и самые храмы ея, предалъ на «попраніе неистовымъ, и ближайшіе грады, Дмитровъ «и Богородскъ, гораздо менѣе важные для корыстолю«бивыхъ враговъ, были заняты войскомъ ихъ,— ни одна «нога нечестивыхъ не допущена ступить на святое «мѣсто сіе, не допущена не силою оружія, но силою «невидимою и безвѣстною.»

Такъ любовь къ Отечеству съ умиленіемъ созерцаетъ чудеса Вѣры, сохранившей неприкосновенно въ сердцѣ Россіи свое святилище, и воспоминанія о сихъ событіяхъ назидательны, какъ самыя высокія поученія.

Б. Ф.

2) *Древнѣйшее Русское Право въ историческомъ его раскрытіи*, соч. I. Ф. Г. Эверса, перев. съ Нѣм. Иванъ Платоновъ. С. Петербургъ 1835, in-8°, XXII и 422 с.

Это сочиненіе знаменитаго Эверса является на Русскомъ языкѣ въ самое благопріятное время, когда наступаетъ, кажется, новая эпоха въ изученіи Отечественныхъ Законовъ и Древностей, когда слѣдовательно можно быть увѣрену, что эта книга будетъ съ любопытствомъ прочтена тою частію публики, для которой недоступны богатые рудники Нѣмецкой Литературы. Наши Историки и Законовѣдцы, знающіе языкъ Нѣмецкій, безъ сомнѣнія уже давно изучили это твореніе и произнесли надъ нимъ свой приговоръ; но до сихъ поръ сколько Русскихъ лишены были средства узнать это истинно Европейское сочиненіе!

Желаніе познакомиться съ этою книгою должно еще болѣе усилиться въ настоящее время, когда скептицизмъ нѣкоторыхъ Ученыхъ вооружается противъ достовѣрности лѣтописи Несторовой и Русской Правды, служившихъ Эверсу единственнымъ источникомъ всѣхъ его выводовъ и изысканій. И въ этомъ отношеніи его книга является въ самое благопріятное время: потому что для истины скептицизмъ не опасенъ; напротивъ, ничто ничто такъ не проясняетъ истины, какъ это скептическое направленіе, которое, приводя въ движеніе умы, дотолѣ равнодушные, заставляетъ ихъ съ жаромъ ополчаться за истину и болѣе и болѣе убѣждаться въ ея самобытности. Что же касается до опасенія слабодушныхъ, будто древнѣйшіе памятники нашей письменности сокрушатся подъ ударами скептицизма и увлекутъ за собою зданіе, воздвигнутое на ихъ основаніи Эверсомъ и безсмертнымъ Карамзинымъ: то мы въ успокоеніе ихъ скажемъ, что достовѣрность всякаго историческаго факта тогда только можетъ поколебаться, когда въ опровержение его представлены будутъ не однѣ многоученыя догадки, но факты и факты сильнѣйшіе, или по крайней мѣрѣ равносильные.

Главное достоинство перевода, которымъ Г. Платоновъ очень кстати подарилъ публику, состоитъ вообще въ *отчетистой вѣрности*. Но, отдавая ему въ этомъ полную справедливость, не льзя не пожалѣть, что почтенный Переводчикъ выпустилъ вмѣстѣ съ Предисловіемъ Сочинителя одинъ фактъ достойный вниманія. Въ этомъ Предисловіи Эверсъ съ признательностію упоминаетъ о безыменномъ другѣ своемъ, опытномъ Законовѣдцѣ, который умными замѣчаніями прояснилъ многія его понятія о Древнѣйшемъ Правѣ Руссовъ, и сообщилъ ему даже *свой собственный манускриптъ*, присовокупивъ слѣдующія слова: «Вы съ перваго взгляда «увидите, что въ числѣ изложенныхъ мною мыслей на-

«ходишся много шакихъ, на которыя вы уже прежде «намекали, или которыя произошли изъ дружескихъ раз«говоровъ нашихъ, познакомившихъ меня съ результа«тами вашихъ изысканій.» Подобными обстоятельствами не надобно пренебрегать: онѣ часто могутъ служить къ объясненію, какимъ образомъ произошли составныя части сочиненія и самыя мнѣнія Писателя. Мы изложили вкратцѣ существенное содержаніе книги Эверсовой, чтобъ показать всю ея важность нашимъ Читателямъ и возбудить въ нихъ желаніе прочесть ее, что не потребуетъ съ ихъ стороны большаго труда: потому что она писана слогомъ не глубокоученымъ, но занимательнымъ, для всѣхъ доступнымъ.

Это сочиненіе есть *Внутренняя* и вмѣстѣ *Внѣшняя Исторія Русскаго Права*, Государственнаго и Гражданскаго, въ первый Періодъ нашей Исторіи, т. е. до вторичнаго вступленія Ярослава Великаго на престолъ Кіевскій — Періодъ весьма важный въ томъ отношеніи, что онъ заключаетъ въ себѣ зародышъ всего будущаго устройства Удѣльныхъ Княжествъ Русскихъ. Церковные законы не вошли въ составъ изслѣдованія (стр. 237). Источники, изъ которыхъ черпалъ Эверсъ, не многочисленны: они ограничиваются письменными памятниками Законодательства въ этомъ Періодѣ и нѣсколькими намеками, разбросанными въ лѣтописи. Стараясь вездѣ въ голыхъ, безсвязныхъ фактахъ открывать *мысль*, которая въ нихъ выражается, или *связь прагматическую*, онъ часто долженъ прибѣгать къ остроумнымъ догадкамъ, болѣе или менѣе правдоподобнымъ, для пополненія недостатка извѣстій о тогдашнемъ устройствѣ государственномъ.

Прежде нежели Сочинитель приступилъ къ описанію новой политической жизни, возникшей на Сѣверо-Востокѣ Европы съ прибытіемъ воинственныхъ, предпріимчивыхъ Руссовъ, онъ счелъ нужнымъ указать во

Введеніи на состояніе Славянъ до этого великаго событія, на ту степень ихъ гражданственности, которая означается въ лѣтописи *житіемъ и владѣніемъ по «родамъ.»* Онъ только указываетъ на это важное устройство, называя его «патріархальнымъ состояніемъ гражданскаго общества,» и не входитъ въ подробнѣйшее разсмотрѣніе, которое оно заслуживаетъ. Объясняя постепенное образованіе законности въ этихъ родахъ, онъ говоритъ, что они не имѣли еще *формальныхъ законовъ*, т. е. письменно изложенныхъ постановленій верховнаго Главы Государства, но что у нихъ были «нѣкоторыя общія, всѣми принятыя правила, кои «необходимо возникаютъ изъ совокупной жизни въ од«номъ цѣломъ (in einen geschlossenen Ganzen) и нѣ«которыя первоначальныя постановленія, кои при пер«вомъ основаніи Государства были сдѣланы или съ «общаго согласія, или по волѣ первыхъ властителей.» Эти общія правила «чрезъ долговременное соблюденіе «сдѣлались *обычаями* и *нравами*.» Здѣсь каждый изъ Читателей, у которыхъ предъ глазами древняя лѣтопись, вмѣстѣ съ нами спроситъ, почему Сочинитель въ подтвержденіе этой важной истины не привелъ замѣчательныхъ словъ Лѣтописца: «Имѣяхуть обычая своя и «*законы* отъ отецъ своихъ и преданія, кождо своя но«ровъ,» и словъ, въ концѣ описанія дикихъ нравовъ нѣкоторыхъ Славянскихъ племенъ: «Си же обычаи тво«ряху и Кривичи и прочіе поганіи, не вѣдуще *закона* «*Божія*, но творяху сами себѣ *законъ*.»? Это свидѣтельство, подвергнутое критикѣ, дало бы намъ возможность разсудить: правда ли, что *законъ* (какъ сказано Сочинителемъ въ примѣч. 5), употреблялся древними Лѣтописцами только въ значеніи «*нравовъ* и *Вѣры*;» и не противорѣчатъ ли этому значенію встрѣчающіяся въ договорахъ Олега и Игоря слова: *Законъ Русскій* и *Греческій*?

Въ этомъ *Введеніи* Сочинитель имѣлъ цѣлію представить *основу*, на которой возникъ «первый государственный союзъ этихъ отдѣльныхъ племенъ и пастушескихъ народовъ» и опредѣлить «различіе между нынѣшнимъ и тогдашнимъ состояніемъ Государства» — различіе, необходимое для вѣрнаго сужденія о первобытныхъ *учрежденіяхъ и законахъ Древнихъ Руссовъ*.

Перейдемъ теперь къ самому раскрытію или раздѣленію Древнѣйшаго Права Руссовъ, отъ прибытія Варяговъ въ Сѣверную Россію до утвержденія Ярослава В. на престолѣ Кіевскомъ. Все это пространство времени раздѣлено на два неровные періода, которые разсматриваются въ двухъ Книгахъ: Времена язычества и Времена Христіанства.

Въ I-й *Книгѣ* источники свѣдѣній о государственномъ устройствѣ и о законахъ Руссо-Славянъ, суть: *Лѣтопись и Договоры съ Греками*; во II-й *Лѣтопись и Правда Руская*.

По этому I-я Книга (стр. 17—210) имѣетъ собственно два главные предмета: 1) слѣды *неписьменныхъ законовъ* или обычаевъ, разсѣянные въ лѣтописи и 2) *письменные законы*. трактаты съ Греками. Неписьменные законы излагаются въ первыхъ 6-ти Отдѣленіяхъ по княженіямъ Государей (стр. 17—133). Мы отступимъ отъ этого хронологическаго порядка, и собравъ въ одно цѣлое разбросанные предметы древнѣйшихъ обычаевъ, представимъ ихъ въ систематическомъ единствѣ.

А. Обычаи, имѣвшіе силу законовъ (гражданскихъ) въ союзѣ семейственномъ и въ правахъ на имущества и составлявшіе *коренное основаніе* всего быта государственнаго.

1, Въ *бракѣ* позволено было у Руссовъ *многоженство*: что доказывается примѣромъ не только Влади-

міра, но и Ярополка и Святополка. Обрядъ вступленія въ бракъ совершался чрезъ *приведеніе невѣсты къ жениху*.

2. Недвижимое имущество, оставшееся по смерти отца, было общею *семейною собственностію* братьевъ; раздѣлъ наслѣдства и преимущество первородства были неизвѣстны. «Эту особенность Древняго Права мы «узнаемъ,» говоритъ Сочинитель, «изъ частныхъ извѣ«стій, разсѣянныхъ по различнымъ Сагамъ (?), Пѣснямъ «и Исторіямъ;» — «она подтверждается сказаніями и «нашей Лѣтописи,» а именно: «извѣстіемъ о перво«начальномъ правленіи Рюрика вмѣстѣ съ своими «братьями.» Сочинитель довольствуется этимъ намекомъ и не старается очевиднѣе доказать: дѣйствительно ли этотъ обычай существовалъ въ семейственномъ быту Руссо-Славянъ? Въ другомъ мѣстѣ (стр. 36) онъ даже упоминаетъ о совершенно иномъ правилѣ: «Въ началѣ сыновья до смерти отца дѣлили его не«большое имѣніе и старшій братъ пользовался тому «большимъ предъ другими уваженіемъ.» Мы остаемся въ недоумѣніи: какъ согласить эти два совершенно противоположныя правила?

Б. Обычаи, имѣвшіе силу законовъ уголовныхъ. Здѣсь коренною основою была *частная месть, кровная, родственная*, переходившая отъ отца къ сыну и къ прочимъ членамъ семейства; обычай весьма древній и встрѣчающійся во всѣхъ первобытныхъ обществахъ. Онъ объясняетъ намъ мщеніе Ольги, вмѣсто малолѣтняго Святослава, и кровавыя событія княженія Ярополкова. Въ мести, совершенной Ольгою надъ жителями Коростена, встрѣчается въ первый разъ *преданіе работѣ* (осужденіе на рабство), какъ слѣдствіе преступленія.

В. Обычаи, имѣвшіе силу законовъ въ отношеніи къ внутреннему устройству государственнаго союза, возникшаго изъ быта семейственнаго (Внутреннее Государственное Право).

1. *Основныя правила* о наслѣдствѣ престола. Здѣсь прилагаемъ былъ упомянутый обычай *общаго владѣнія:* Княжеская власть, подобно всякому иному имуществу, была семейнымъ, родовымъ достояніемъ. Ежели сынъ умершаго владѣльца былъ физически неспособенъ владѣть отцовскимъ достояніемъ по малолѣтству: то онъ былъ усыновляемъ (на руки принимаемъ) ближайшимъ родственникомъ, который по праву получалъ власть и имѣлъ ее до самой смерти своей: тогда только она поступала къ усыновленному. Это мы видимъ въ Исторіи Олега и Игоря: такимъ образомъ исчезаетъ мнимая произвольность тогдашнихъ временъ въ наслѣдованіи Княжеской власти. На основаніи того же самаго правила, малолѣтный могъ остаться на рукахъ своей матери, которая въ такомъ случаѣ владѣла вмѣстѣ съ сыномъ и управляла за него общимъ родовымъ имуществомъ, т. е. Княженіемъ, но ни мало не была Правительницею (Регентшею) въ новѣйшемъ значеніи. Вотъ почему Ольга по смерти Игоря не сдѣлалась Великою Княгинею, но по словамъ Лѣтописца: «*бяше въ Кіевѣ с'сыномъ своимъ дѣтскомъ Святославомъ.*»

2. Важный переходъ отъ семейственнаго быта къ высшей политической жизни Руссо-Славянъ составляютъ слѣдующія *учрежденія государственныя:*

а) Учрежденія для управленія Государства. Мы видимъ два рода такихъ учрежденій: при Рюрикѣ и при Олегѣ. — Первый *раздавалъ* волости и грады своимъ Мужамъ, второй *посадилъ* Мужей своихъ въ городахъ завоеванныхъ. Слѣдствіемъ этихъ различныхъ учрежденій были два рода подчиненнаго управленія: въ первомъ случаѣ образовались *второстепенные Князья* подъ рукою Верховнаго Князя, во второмъ мы видимъ только временную должность *Намѣстниковъ*. Нѣкоторые покоренные народы удержали на время прежнее патріархальное устройство и собственныхъ Князей, которые были

также *подъ рукою* Верховнаго Князя Руссовъ; напрям. Древляне до мести Ольгиной. Указавъ на происхожденіе Второстепенныхъ Князей, подручниковъ Верховнаго Князя, Сочинитель къ сожалѣнію не раскрылъ этого важнаго предмета и отношенія его къ временамъ послѣдующимъ.

Обыкновенно приписываютъ Святославу раздробленіе Державы на Удѣльныя второстепенныя Государства; но лѣтопись не говоритъ этого, а упоминаетъ только, что онъ, готовясь въ походъ противъ Грековъ, *посадилъ* Ярополка въ Кіевѣ, Олега въ Деревлянахъ, а Владиміра въ Новѣгородѣ по просьбѣ Новогородцевъ, т. е. поручилъ сыновьямъ управленіе этихъ областей, какъ своимъ Намѣстникамъ.

6) Учрежденія государственныя для управленія финансоваго. Олегъ установилъ сбирать со всѣхъ подданныхъ (по всей землѣ Русской) общественныя подати, *дани*, или, по чтенію Архангелогородской лѣтописи, *оброки*.

Сочинитель желалъ бы предпочесть послѣднее чтеніе, какъ болѣе согласное съ тѣмъ различіемъ, которое онъ дѣлаетъ между данями и оброками. По его мнѣнію, *данью* называлась подать, собиравшаяся деньгами съ покоренныхъ или побѣжденныхъ народовъ, какъ плата, которою они откупались отъ рабства, а *оброкомъ* — сборъ, наложенный на всю Русь для содержанія войска (?) и состоявшій вѣроятно въ поставкѣ умѣреннаго количества естественныхъ произведеній. Ольгѣ приписываются *мѣстныя* распоряженія по управленію доходами въ землѣ Древлянской и Новогородской. Въ первой она установила *уроки*. Эверсъ разумѣетъ подъ этимъ словомъ или правильное распредѣленіе тяжкой Древлянской дани, которой ⅔ *шли въ Кіевъ*, а ⅓ въ Вышегородъ, удѣлъ Ольгинъ, или учрежденіе *пошлинъ въ пользу Княжескихъ чиновниковъ за различныя ихъ дѣйствія по дол-*

жности: что все означаетъ полное покореніе страны Древлянской подъ власть Русскому Князю. *Установленіе Ольгою оброковъ и даней* по Лугѣ (въ Новогородской Области). Сочинитель называетъ «прибавкою позднѣйшихъ временъ» единственно потому, что ему кажется невозможнымъ, чтобы Ольга устроила такую отдаленную, малолюдную страну, лежащую подъ суровымъ небомъ. Принявъ чтеніе Архангелогородской лѣтописи *помостиъ* вмѣсто *по Мсти*, онъ чрезъ это распространилъ на всю страну Новогородскую тѣ Ольгины учрежденія (помости, погости, дани), которыя по другому чтенію относятся только къ небольшой ея частицѣ.

3. Въ *состояніяхъ* людей высшую степень занимали *Мужи*, въ числѣ которыхъ были *Бояре и Князи подручники* Верховнаго Князя. Отторгнуться отъ подручничества и сдѣлаться самобытнымъ владѣтелемъ значило навлечь на себя месть Верховнаго Князя и его рода: такую месть совершилъ Олегъ надъ Аскольдомъ и Диромъ, которые, не смотря на то, что были Боярами Рюрика, и съ его согласія отправились къ Царюграду, дерзнули основать независимую Державу въ Кіевѣ.

Въ какомъ отношеніи Князья и Бояре находились къ ихъ *подданнымъ*, это можно видѣть изъ *Княжаго* (jus primae noctis) преимущества, которое имѣли Князья и Бояре по свидѣтельству Раскольничьяго Временника, бывшаго въ рукахъ у одного Татищева.

Г. Обычаи, наблюдавшіеся при внѣшнихъ сношеніяхъ съ иными народами (Внѣшнее Государственное Право).

1. Военныя дѣйствія начинались предварительнымъ объявленіемъ Князя: *хочу на васъ ити*.

2. Дань съ побѣжденныхъ взималась и за убіенныхъ; эту долю получалъ ихъ *родъ*.

3. Форма заключенія трактатовъ была слѣдующая; условія о мирѣ полагаемы были на *предварительномъ*

совѣщаніи Пословъ (другое свѣщаніе) и потомъ торжественно повторялись въ договорныхъ грамотахъ.

Наконецъ въ 7-мъ Отдѣленіи I-й Книги разсматриваются *письменные законы:* трактаты Олега и Игоря съ Греками (стр. 133—232). Точность, съ какою эти драгоцѣнные памятники Народнаго Права разложены на ихъ составные элементы, и остроумное показаніе главныхъ началъ, въ нихъ содержащихся, даютъ этой статьѣ неоспоримое преимущество предъ прочими частями сочиненія. Мы ограничимся здѣсь бѣглымъ очеркомъ нѣкоторыхъ особенностей. Сличивъ оба договора, Сочинитель находитъ, что договоръ Олеговъ есть *главный трактатъ*, Игоревъ содержитъ только сдѣланныя къ нему *прибавленія*.

Въ Олеговомъ трактатѣ видны уступки со стороны Грековъ: вездѣ одерживаютъ перевѣсъ постановленія *Русскаго закона* (неписьменнаго, обычаевъ); иногда только, для соблюденія взаимности, этотъ законъ приноровляется къ болѣе образованному Греческому Праву, въ пользу Грековъ: напр. въ наказаніи за смертоубійство сдѣлано исключеніе для жены, которая по Греческимъ законамъ не отвѣчала за вину мужа ни лицемъ своимъ, ни имуществомъ. Напротивъ того, въ статьяхъ Игорева договора все исключительно направлено къ пользѣ Грековъ, которые являются въ немъ предписывающими условія мира.

Въ Олеговомъ договорѣ заключаются собственно только четыре *главныя, основныя статьи:* 1) о судопроизводствѣ для рѣшенія споровъ между Греками и Руссами; 2) о наказаніи за убійство, 3) за раны и побои, и 4) за воровство. Всѣ прочія статьи суть или выводы изъ этихъ основныхъ началъ, примѣненные къ особеннымъ случаямъ, или временныя постановленія, которыя касаются тогдашнихъ сношеній между обоими народами.

Въ дополнительномъ трактатѣ Игоря мы видимъ нѣкоторыя частныя измѣненія упомянутыхъ статей, или разности въ выраженіяхъ; и по сличеніи этихъ мѣстъ можемъ сдѣлать постепенные успѣхи, которые произошли въ развитіи понятій законныхъ даже въ короткое время, прошедшее между заключеніемъ перваго и втораго договора.

Разсмотримъ теперь содержаніе II-й Книги (Времена Христіанскія). Подобно первой, она также имѣетъ два главные предмета: 1) Обычаи или *Неписанные Законы*, извлеченные посредствомъ умозаключеній изъ сказаній лѣтописи, и 2) *Письменный Законъ* или Сборникъ Законовъ, извѣстный подъ названіемъ Русской Правды.

Слѣды неписьменныхъ законовъ (стр. 252—288) мы представимъ Читателямъ, придерживаясь къ тому же систематическому порядку, которого держались въ I-й Книгѣ.

А. Обычаи союза семейственнаго. Общее владѣніе родовымъ имуществомъ оставалось въ своей силѣ (стр. 238 и 239). Но каждый сынъ имѣлъ право требовать себѣ долю въ наслѣдствѣ послѣ отца, и сколько каждый членъ семейства долженъ былъ получить изъ *общаго семейнаго достоянія* для своего пользованія, это опредѣлялъ глава семейства, и *вмѣстѣ съ тѣмъ кругъ дѣйствія для каждаго изъ нихъ*. Признаемся, что этотъ переходъ отъ нераздѣльнаго владѣнія къ дѣленію на участки, *доли для пользованія*, остается темнымъ тѣмъ болѣе, что такія тонкости юридическія, какъ различіе между *собственностію и пользованіемъ*, не сообразны съ простыми, грубыми понятіями Древнихъ Руссовъ.

Б. Обычаи Уголовнаго Права. 1) Коренная основа, *родная месть*, не могла вдругъ изгладиться ученіемъ Христіанскимъ. Кореніе этого древняго языческаго

обычая и понятій языческихъ о законности рожденія съ понятіями Христіанскими о томъ же предметѣ бросаютъ яркій свѣтъ на Исторію несчастнаго Святополка и представляютъ ее въ иномъ болѣе правильномъ видѣ.

2) *Кровная месть* находится теперь на такой степени развитія, что это сначала простое отношеніе членовъ семейства уже перешло въ отношеніе государственное: Государство мститъ за безродныхъ, у которыхъ нѣтъ мстителей — вотъ начало *возмездія имуществомъ* (въ послѣдствіи названнаго *вирою*) въ пользу Князя, какъ верховнаго представителя общества. *Еѣсли* мы не потеряемъ изъ виду этого состоянія Права: то намъ представится въ истинномъ свѣтѣ извѣстное сказаніе лѣтописи, что Владиміръ, по совѣту Епископовъ, отвергъ *виры* и началъ *казнить* разбойниковъ. Могъ ли Владиміръ вдругъ отмѣнить древній коренный обычай мести и вознагражденія, и вмѣсто него ввести уголовное наказаніе? Такой переворотъ былъ бы неслыханнымъ скачкомъ въ развитіи законности, тѣмъ болѣе, что въ письменныхъ законахъ Ярослава, его сыновей и XIII столѣтія мы можемъ слѣдить шагъ за шагомъ постепенное правильное развитіе *кровной мести* и *виры*. Сверхъ того такой перемѣнѣ противорѣчатъ самыя слова Лѣтописца, которыя непосредственно за тѣмъ слѣдуютъ: «и рѣша старцы «Епископы: ратъ многа, а еже вира, то на рузіи и на «конехъ буди. И рече Владиміръ да тако буди.» — Въ чемъ же состояла перемѣна, сдѣланная Владиміромъ? — Вѣроятно онъ ввелъ *смертную* казнь (напр. медленную смерть въ темницѣ) только за *разбой*: это сдѣлано подъ вліяніемъ Греческаго Права. Но въ другихъ уголовныхъ случаяхъ вира не только не была отмѣнена, но еще сдѣлалась необходимѣе, тѣснѣе соединилась съ выгодами Князя: потому что стала платиться *оружіемъ*

и конями. Не льзя не пожалѣть, что Сочинитель, превосходно раскрывшій эту перемѣну, не коснулся отношеній, въ которомъ она въ послѣдствіи находилась къ правиламъ мести и виры, сохранившимся въ Русской Правдѣ.

В. Учрежденія для управленія Государства. 1) Великій Князь управлялъ Государствомъ, думая съ *дружиною* объ устройствѣ земскомъ и ратномъ. Это было одно простое *совѣщаніе*: рѣшительную силу имѣла воля Князя. Думу составляли *Боляре* и *Старѣйшины, Градскіе Старцы* (по мнѣнію Эверса, старѣйшины знаменитыхъ воинскихъ родовъ).

2) Дружину Великаго Князя составляли: a) Бояре или Боляре (т. е. воины), b) Гридни (Норв. Гирдъ)— Придворные чиновники, c) Сотники, d) Десятскіе.

Раздача городовъ и областей, какая была при Рюрикѣ, возобновилась при новомъ завоеватель: Болеславъ Храбрый, по присвоеніи себѣ престола Кіевскаго (сѣде на столѣ Владимеря), повелѣлъ *раздать города* и доходы съ нихъ Мужамъ своей дружины въ награду за вѣрную службу (разведѣте дружину мою по городомъ на *кормъ*, и бысть тако).

Г. Обычаи Народнаго Права. На войнѣ участь сраженій рѣшилась часто единоборствомъ; побѣдитель имѣлъ право жизни и смерти надъ побѣжденнымъ. Въ случаѣ взаимныхъ пересылокъ и переговоровъ давались аманаты (тали). Во внѣшнихъ сношеніяхъ того времени замѣчателенъ первый примѣръ вступленія Русскаго Государя въ свойство съ иностраннымъ владѣтельнымъ домомъ Византійскимъ.

Русская Правда (стр. 266—357) изложена Сочинителемъ въ тѣсной связи съ Исторіею Новагорода, который въ это время становится Державою могущественною. Побудительною причиною, которая застави вила Новогородцевъ съ такимъ рвеніемъ вступиться за

Ярослава и шаку сильно поддержать его, была, по мнѣнію Сочинителя, великая, необыкновенная выгода, которую они надѣялись отъ него получить — утвержденіе своей гражданской свободы. Они не обманулись: — Ярославъ щедро наградилъ ихъ и далъ имъ *Правду.* Въ этомъ письменномъ законѣ заключаются не новыя постановленія, но самыя необходимыя правила уголовныя и судопроизводственныя, которыя уже существовали какъ неписьменные законы, какъ обычаи, и потому могли легко сдѣлаться шаткими, неопредѣленными, при возрастающемъ разнообразіи быта гражданскаго. Имъ дана была только *твердая, неизмѣнная форма.* Это дѣлаетъ понятнымъ, отъ чего Правда такъ скоро принята была въ прочихъ странахъ Русскихъ, гдѣ не было еще общихъ письменныхъ законовъ; трактаты съ Греками были только частныя правила для сношеній съ иными народами.

Для Внѣшней Исторіи Русской Правды необыкновенно важно значительное, но недостаточно раскрытое мнѣніе Эверса о существованіи трехъ сборниковъ: 1) Правды Ярослава Великаго, 2) Правды его сыновей, и 3) Правды XIII столѣтія.

Сочинитель объясняетъ только первый видъ Правды, а вторые два помѣстилъ въ Нѣмецкомъ переводѣ съ немногими незначительными примѣчаніями въ двухъ *Прибавленіяхъ* въ концѣ книги (стр. 358 — 422). Разумѣется, Русскій Переводчикъ списалъ съ дипломатическою точностію и самый подлинный текстъ этихъ сборниковъ.

При объясненіи перваго вида Правды Сочинитель показываетъ постепенныя развитія законовъ изъ первобытныхъ семейственныхъ отношеній. Законы эти просты, немногочисленны. Вся Правда состоитъ только изъ *[illegible]* положеній; . . . .

1) Месть кровная ограничена ближайшими степенями родства; въ другихъ случаяхъ опредѣлено денежное вознагражденіе — первое начало позднѣйшей *виры*.

2) За тѣлесныя поврежденія опредѣлена замѣна мести — *денежное вознагражденіе*.

3) Неправедное присвоеніе собственности есть также обида, которая сверхъ возвращенія вещи влечетъ за собою месть или ея замѣну.

4) Въ случаѣ *спора* или сомнѣнія о правѣ собственности дѣло рѣшалось *сводомъ*, или обращеніемъ къ прежнимъ владѣльцамъ *для* открытія самаго начала законнаго владѣнія, т. е. того человѣка, который не могъ уже сослаться на другаго владѣльца.

5) Въ важныхъ или запутанныхъ случаяхъ этотъ *сводъ* производился въ присутствіи всей *Округи*, которую представляли 12-*ть избранныхъ старѣйшинъ*. Они *рѣшили* дѣло, т. е. опредѣляли, какой оказывался *результатъ свода*, въ ихъ глазахъ произведеннаго. Въ Правдѣ нѣтъ постановленій ни о правахъ семейственныхъ, ни о наслѣдствѣ: потому что это были дѣла семейственныя, въ которыя Законодателю не было нужды вмѣшиваться.

Мы заключимъ это краткое разсмотрѣніе Древнѣйшаго Права Руссовъ словами Переводчика (въ Предисловіи стр. XIV, XV): «Позволено надѣяться, что обильная жатва памятниковъ стариннаго быта Россіи, собранная Археографическою Экспедиціею, не останется безъ дѣлателей для Исторіи дальнѣйшаго развитія Россійскаго Права, и что на основаніи прежнихъ источниковъ . и сдѣланныхъ въ послѣднее время открытій, воздвигнется наконецъ полное зданіе Науки Отечественнаго Законовѣдѣнія . . . . , подобное тому, какимъ по всей справедливости можетъ хвалиться, преимущественно предъ всѣми Европейскими народами,

Германія, произведшая для историческаго развитія своего Права Пюттеровъ и Эйхгорновъ." Сердечно желаемъ, чтобы скорѣе сбылись эти благія надежды; но справедливость требуетъ сказать, что наши Пюттеры и Эйхгорны, кромѣ дѣланія на дальнѣйшемъ поприщѣ нашего Древняго Законодательства, должны посвятить труды свои также на объясненіе перваго Періода и особенно Русской Правды. Эверсово сочиненіе есть только прекрасный опытъ, который не исчерпалъ всего предмета. Здѣсь предлежатъ важные труды. У насъ нѣтъ еще критическаго изданія Правды на основаніи всѣхъ извѣстныхъ теперь списковъ; безсмертный трудъ Шлецеровъ есть до сихъ поръ единственный критическій сводъ нашихъ лѣтописей и не возбудилъ еще въ насъ благороднаго рвенія продолжать начатое. Критическое изданіе Правды и лѣтописей есть необходимое условіе дальнѣйшихъ успѣховъ: только на этомъ прочномъ основаніи можно создать Исторію нашего Древняго Права и объяснять ее сравненіемъ съ тѣми Законодательствами, которыя или сродны съ Русскимъ или даже могли имѣть вліяніе на него, вліяніе, которое и есть еще *преднамѣренное заимствованіе* изъ чужихъ законовъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, Законодательство Русское есть *самостоятельное*: оно образовалось, возрасло и утвердилось само собою, своею собственною жизнію. Эта самобытная жизнь хотя не ясно выражена въ разсматриваемой нами книгѣ, но очевидно составляетъ главную основу изысканій Эверса: онъ никогда не прибѣгаетъ къ пособію иностранныхъ законовъ, а всѣ свои объясненія почерпаетъ изъ самородныхъ элементовъ нашего Законодательства.

П. К.

5) *Краткая Грамматика Монгольскаго книжнаго языка, составленная Осипомъ Ковалевскимъ, Адъюнктъ-Профессоромъ Монгольскаго языка при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ. Казань*, 1835.

Это трудъ молодаго Ученаго, посвятившаго себя строгому изученію Монгольскаго языка, коимъ по сіе время такъ мало занимались. Грамматика Г. Ковалевскаго вполнѣ достигаетъ цѣли, для коей предназначена; т. е. она легкимъ и удобопонятнымъ образомъ представляетъ начинающимъ обучаться сему языку основныя его правила. Она расположена точно въ такомъ же порядкѣ, особенно этимологическая часть, какъ изданная мною Грамматика сего же языка въ 1832 году. Впрочемъ я не только не назову ее подражаніемъ, но напротивъ того замѣчу, что въ ней находится многое, что хотя не измѣняетъ главныхъ положеній, но представляетъ новыя, собственно Автору принадлежащія соображенія. Сюда относится мнѣніе Автора, что въ большей части Монгольскихъ словъ удареніе ставится на послѣднемъ слогѣ, а именно въ словахъ, въ коихъ я ставилъ удареніе на первомъ слогѣ; на прим. у меня *Тéледекъ*, а у Г. Ковалевскаго *Теледéкъ*, у меня *Бýрханъ*, а у Г. Ковалевскаго *Бурхáнъ* и такъ далѣе. Правда, Русскіе дѣйствительно употребляютъ это искаженное удареніе; но Монголы — сколько мнѣ извѣстно изъ наблюденій надъ ихъ произношеніемъ — выговариваютъ иначе.

Въ склоненіяхъ Авторъ исключилъ принятые мною два падежа, именнó — второй орудный (instrumental) съ частицею *луга* и творительный съ частицею *эце* (Русское *отъ*, *изъ*).

Въ этомъ онъ слѣдовалъ Русской Грамматикѣ, въ коей второй орудный съ предлогомъ *съ* вовсе не нуженъ, ибо измѣненіе окончанія ясно уже его означаетъ. Далѣе, въ Русской Грамматикѣ вовсе нѣтъ *творитель-*

наго (ablativus), а потому этотъ падежъ въ Русскомъ переводѣ моей Грамматики означенъ вторымъ родительнымъ. Весьма полезно упрощать сколь возможно болѣе склоненія и прочія части Грамматики; но при томъ не должно дѣлать насилія духу языка, что легко приведетъ къ многимъ несообразностямъ. Это легко можно видѣть изъ двухъ упомянутыхъ мною частицъ, изъ коихъ каждая въ моей Грамматикѣ служитъ основаніемъ особенному падежу, тогда какъ Г. Ковалевскій относитъ ихъ къ *послѣрѣчіямъ* и называетъ послѣрѣчіями именительнаго, хотя грамматическое свойство этого падежа не дозволяетъ ему принимать никакихъ предлоговъ и послѣрѣчій.

Желательно было бы, чтобы Авторъ объяснилъ значеніе частицъ *туръ*, *дуръ* въ этимологической части своего сочиненія, гдѣ только встрѣчается простое понятіе о нихъ, какъ о дательномъ падежѣ, тогда какъ они въ то же время составляютъ (чуждый Русской Грамматикѣ) мѣстный падежъ (locativus), не имѣющій ничего общаго съ дательнымъ. Въ Словосочиненіи Авторъ обращается къ мѣстному отношенію этихъ частицъ, но все удерживаетъ понятіе дательнаго, котораго они въ томъ отношеніи вовсе въ себѣ не имѣютъ.

Дѣлая эти замѣчанія, я не имѣлъ въ мыслахъ унижать чрезъ то достоинство труда Г. Ковалевскаго, и думаю, что они скорѣе послужатъ доказательствомъ вниманія, съ какимъ я читалъ его книгу. Я повторяю здѣсь сказанное мною выше: это различіе въ взглядѣ отнюдь не дѣлаетъ въ цѣломъ никакого вреда достоинству сего сочиненія, которое можетъ принести важную пользу начинающимъ, ибо оно поведетъ ихъ свѣтлымъ путемъ, по коему они благонадежно могутъ достигнуть до изученія Монгольскаго языка.

Я. Шмидтъ.

4) *Стихотворенія Алексѣя Кольцова. Москва*, 1835 *года*. in-8°, 40 *стр*.

Русскіе всегда славились смышленостію, составляющею одну изъ отличительныхъ чертъ народнаго ихъ характера: не рѣдко случалось имъ простымъ выводомъ свѣжаго ума своего достигать до результатовъ, съ трудомъ достигаемыхъ Наукою; примѣры тому не рѣдки и не требуютъ многихъ доказательствъ. Съ дальнѣйшими успѣхами умственнаго развитія эти примѣры становятся многочисленнѣе, и умъ народный чаще проявляется въ рѣзкихъ, блестящихъ чертахъ, останавливающихъ на себѣ вниманіе каждаго Русскаго, любящаго свою родину и радующагося ея успѣхамъ. Въ текущемъ столѣтіи мы чаще встрѣчали, или по крайней мѣрѣ чаще имѣли случай замѣчать Телушкиныхъ, Савельевыхъ и подобныхъ имъ; но вмѣстѣ съ смышленостію нашего низшаго класса въ послѣднихъ десятилѣтіяхъ мы имѣли не рѣдко случай останавливаться съ изумленіемъ предъ проблесками ума и фантазіи, прокладывавшихъ себѣ собственный путь, безъ всякаго пособія Науки, безъ всякихъ средствъ, безъ всякаго образованія. Насъ обрадовалъ стихъ Слѣпушкина, Суханова, Алипанова, изумилъ смѣлый умъ астронома-самоучки Симонова, проскользнуло нѣсколько художническихъ талантовъ, къ сожалѣнію не замѣченныхъ и не развитыхъ. Теперь является новое лице, новый талантъ, радующій сердце Русское и требующій вниманія соотечественниковъ.— Мы говоримъ о Поэтѣ-прасолѣ Кольцовѣ, издавшемъ въ прошломъ году нѣкоторыя изъ своихъ стихотворныхъ опытовъ.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ, Воронежскій мѣщанинъ, 26 лѣтъ отъ роду, ремесломъ прасолъ, т. е. торгующій скотомъ. Родители Кольцова не могли дать ему никакого образованія, и пробывши съ небольшимъ годъ въ Уѣздномъ Училищѣ, онъ едва только выучился

грамотѣ; а занятія, ожидавшія его за порогомъ Учебнаго Заведенія, отнимали средства къ утоленію жажды къ чтенію и Наукѣ, зароненной въ душу его самою Природою. Но онъ не тратилъ минутъ, остававшихся ему отъ торговыхъ его занятій, и посвящалъ ихъ прилежному, хотя и безразборчивому чтенію. Умъ выигрывалъ мало, но фантазія гуляла свободно и побуждала его къ душевной дѣятельности. На шестнадцатомъ году, молодой прасолъ, ознакомившись съ произведеніями Дмитріева, Жуковскаго и другихъ Поэтовъ, началъ сочинять стихи, слагая ихъ по размѣрамъ читаемыхъ имъ Авторовъ. Трудъ, сперва неблагодарный, не охладилъ его рвенія, ибо душа сильно требовала гармоническаго выраженія своихъ видѣній и своихъ идей: за дурными стихами послѣдовали лучшія; наконецъ начали изливаться стройныя и прекрасныя пѣсни, которыя впрочемъ сокрыты были для любопытства публики до прошлаго года. Теперь имя Г. Кольцова дѣлается извѣстнымъ, народнымъ и вполнѣ заслуживаетъ это вниманіе: ибо произведенія Поэта-прасола дышатъ оригинальною свѣжестію мыслей и картинъ, словомъ сильнымъ и прекраснымъ, чувствомъ вѣрнымъ и истинно Русскимъ.

Кольцовъ преимущественно Поэтъ сельской природы и Русскаго быта. Онъ пейзажистъ оригинальный, неподражаемый, который въ простыхъ группахъ и очеркахъ, снятыхъ по видимому на удачу съ перваго попавшагося на глаза предмета, умѣетъ вдохнуть и прелесть и жизнь и даже мысль, иногда высокую, но всегда простую и натуральную—черта таланта истиннаго, тѣмъ болѣе удивительнаго, что внушена Поэту самою Природою, коей не помогало никакое стороннее развитіе. Приведемъ здѣсь въ примѣръ одну изъ сельскихъ, наивныхъ и прелестныхъ пѣсень его, на которую вѣроятно отзовется всякое сердце, способное сочувствовать простой

и свободной поэзіи, не закутанной въ условное платье, въ коемъ мы привыкли встрѣчать ее.

Пѣснь пахаря.

Ну тащися, сивка!
Пашней, десятиной,
Выбѣлимъ желѣзо
О сырую землю.

Красавица зорька
Въ небѣ загорѣлась,
Изъ большаго лѣса
Солнышко выходитъ.

Весело на пашнѣ;
Ну тащися, сивка!
Я самъ — другъ съ тобою,
Слуга и хозяинъ.

Весело я лажу
Борону и соху,
Телегу готовлю,
Зерна насыпаю.

Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вѣю;
Ну тащися, сивка!

Пашенку мы рано
Съ сивкою распашемъ,
Зернышку сготовимъ
Колыбель святую.

Его вспоитъ, вскормитъ
Мать земля сырая;
Выйдетъ въ полѣ травка
Ну тащися, сивка!

Выйдетъ въ полѣ травка,
Выроcтетъ и колосъ,
Станетъ спѣть, рядиться
Въ золотыя ткани.

Заблестятъ нашъ серпъ здѣсь,
Зазвѣнятъ здѣсь косы;
Сладокъ будетъ отдыхъ
На снопахъ тяжелыхъ.

Ну тащися, сивка!
Накормлю до сыта,
Напою водою,
Водой ключевою.

Съ тихою молитвой
Я вспашу, посѣю:
Уроди мнѣ, Боже,
Хлѣбъ — мое богатство!

Но не однѣ сельскія картины изображаетъ намъ новый Поэтъ нашъ: взоръ его широкъ и свободенъ; онъ проникаетъ въ тайны Природы и въ таинства души человѣческой; любовь, радость, горе, веселье, разгулъ иногда являются у него въ простой наивно-народной формѣ, иногда же извлекаютъ звуки строгіе и важные, такіе, какіе мы слышимъ отъ каждаго истиннаго Поэта. Вотъ, на примѣръ, піеса съ мыслію высокою и выраженіемъ прекраснымъ. Прочтя ее, трудно повѣрить, чтобъ она создана была Поэтомъ-самоучкою.

Великая тайна.

(*Дума*).

Тучи носятъ воду,
Вода поитъ землю,
Земля плодъ приноситъ;

Бездна звѣздъ на небѣ,
Бездна жизни въ мірѣ;
То мрачна, то свѣтла,
Чудная Природа. . . .

Старѣясь въ сомнѣньяхъ
О великихъ тайнахъ,
Идутъ невозвратно
Вѣки за вѣками;
У каждаго вѣка
Вѣчность вопрошаетъ:
Чѣмъ кончилось дѣло?
«Вопроси другова,»
Каждый отвѣчаетъ.

Смѣлый умъ съ мольбою
Мчится къ Провидѣнью:
Ты повѣдай мыслямъ
Тайну сихъ созданій!
Шлютъ отвѣтъ, вновь тайный,
Чудеса Природы,
Тишиной и бурей
Мысли изумляя. . . .

Что же совершится
Въ будущемъ съ Природой? . . .
О гори, лампада,
Ярче предъ Распятьемъ!
Тяжелы мнѣ думы,
Сладостна молитва!

Г. Кольцовъ то оригиналенъ и въ мысли и въ формѣ, то заимствуетъ послѣднюю, но всегда сохраняетъ свѣжесть и новость въ первой. Если бы судьба дала ему средства къ образованію, то, можетъ быть, мы бы увидѣли въ немъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ лицъ въ кругу современной литературной дѣятельности: ибо и

теперь онъ займетъ въ ней непослѣднее мѣсто, особенно если болѣе будетъ придерживаться тѣхъ предметовъ, которые наиболѣе доступны его таланту, т. е. сельской природы, простонароднаго быта и Русскихъ Пѣсенъ. Впрочемъ онъ всегда будетъ замѣчательнѣйшимъ явленіемъ въ исторіи развитія народнаго ума, какъ талантъ сильный, самобытный, обязанный всѣмъ самому себѣ и проложившій путь чрезъ тысячи препятствій

Я. Н.

2.

ЖУРНАЛИСТИКА.

ОБОЗРѢНІЕ РУССКИХЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ

ЗА ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ 1835 ГОДА.

(Продолженіе.)

---

2. Философія.

Оригинальныхъ статей по части Философіи въ первую половину нынѣшняго года вовсе не являлось въ нашихъ журналахъ. Переводныхъ было также не много: и изъ нихъ лучшія принадлежатъ Телескопу. Тамъ особенное вниманіе обращаютъ на себя три статьи: 1) *Сужденіе Шеллинга о Философіи Кузена*, 2) *Эммануилъ Кантъ*, и 3) *Григорій Варсава Сковорода*.

По знаменитости Автора, первое мѣсто должно занять *Сужденіе Шеллинга о Философіи Кузена* (№ 1). Если не ошибаемся, это— первое сочиненіе Шеллинга, переведенное на Русскій языкъ, по крайней мѣрѣ напечатанное съ его именемъ. Впрочемъ здѣсь знаменитый Германскій Философъ является не Систематикомъ, развивающимъ обширную систему свою, какимъ привыкла видѣть его образованная Европа, но Рецензентомъ, одобряющимъ первыя произведенія таланта, воспитаннаго подъ его вліяніемъ. Эту статью, послѣ продолжительнаго молчанія, написалъ Шеллингъ въ Баварскія

Лѣтописи (Baierische Annalen, № 135, 1833 г.) по случаю выхода въ свѣтъ втораго изданія «Философическихъ Отрывковъ» Кузена, къ которому присоединено новое Предисловіе, составляющее, по мнѣнію ветерана Германской Философіи, замѣчательнѣйшую часть сочиненія. Это самое Предисловіе и составляетъ предметъ рецензіи Шеллинга, рецензіи вообще замѣчательной, какъ справедливо говоритъ переводчикъ статьи, потому что она можетъ дать довольно вѣрное (хотя, прибавимъ, и не совсѣмъ полное) понятіе объ отношеніяхъ и степени сродства между эклектизмомъ Кузена и Германской Философіей, въ особенности же Философіей знаменитаго творца Системы Тожества.

По мнѣнію Шеллинга первая услуга, оказанная Кузеномъ Франціи, состоитъ въ томъ, что онъ ниспровергъ безусловный сенсуализмъ, который въ мысли и во всѣхъ возвышеннѣйшихъ произведеніяхъ умственной дѣятельности видѣлъ только преображенную чувственность. Кузенъ началъ съ той точки, на которой засталъ Философію между своими соотечественниками, и въ занятіяхъ своихъ постоянно слѣдовалъ этому ходу, который и означаетъ въ новомъ Предисловіи своемъ подъ тремя главными отдѣлами: 1) метода, 2) приложеніе методы къ Психологіи, 3) переходъ отъ Психологіи къ Онтологіи, и 4) общій взглядъ на Исторію Философіи. Каждую изъ этихъ статей Шеллингъ представляетъ въ извлеченіяхъ и дѣлаетъ на нихъ нѣсколько замѣчаній. — Относительно методы Кузенъ объявляетъ себя на сторонѣ той, которая ставитъ исходнымъ пунктомъ всякой здравой Философіи изученіе человѣческой природы, и слѣдовательно, наблюденіе, и которая обращается потомъ къ наведенію и размышленію, дабы изъ наблюденія вывести всѣ результаты, въ немъ заключающіеся. Слѣдственно, онъ предпочитаетъ анализъ синтезу, методу психологическую — онтологической, и

по тому самому Философія его, по собственнымъ его словамъ, глубоко запечатлѣна духомъ Новѣйшей Философіи и отдѣляется отъ Новой Философіи Нѣмецкой, начинающей съ существа существъ, дабы по всѣмъ степенямъ бытія низойти до человѣка и до различныхъ способностей, коими одаренъ человѣкъ. Шеллингъ отдаетъ справедливость тому, что въ наблюденіяхъ Кузена дѣйствительно основательно и остроумно, соглашаясь, что ни въ одномъ сочиненіи, изданномъ по сіе время, не было отвѣчаемо удовлетворительно на вопросы, которые онъ предлагаетъ, и на возраженія, кои онъ противопоставляетъ методѣ противной; но замѣчаетъ, что главнѣйшее неудобство аналитической и опытной методы, предлагаемой Кузеномъ, состоитъ, можетъ быть, въ трудности назначить ей предѣлъ и съ помощію ея дѣйствительно возвыситься до крайней точки. «Путь, по коему слѣдуетъ Авторъ (говоритъ Шеллингъ), правда, довольно краткокъ; но приводитъ ли онъ къ цѣли, это другой вопросъ.»

При изложеніи втораго отдѣла Предисловія — приложенія методы къ Психологіи — Шеллингъ замѣчаетъ, что если Кузенъ по методѣ приближается къ Французской Философіи XVIII вѣка, то, по собственнымъ словамъ его, уклоняется отъ нея рѣшительно съ самыхъ первыхъ приложеній. Французская Философія XVIII вѣка наблюдаетъ только факты ей пригодные; но безпристрастное наблюденіе показываетъ, что въ сознаніи есть такія явленія, кои никакими усиліями не могутъ быть законно подведены подъ явленія чувственности, — и тутъ Кузенъ сознаетъ себя обязаннымъ Школѣ Шотландской и Школѣ Канта; но ставитъ Канту въ вину, 1) непризнаваніе того, что разумъ, хотя и тѣсно соединенъ съ личностью, однако глубоко различается отъ нея; 2) придаваніе понятіямъ разума одного лишь субъективнаго достоинства, и 3) новый скептицизмъ,

которымъ подвергъ онъ сомнѣнію и спору законность всякаго перехода отъ Психологіи къ Онтологіи.

Относительно этого перехода отъ Психологіи къ Онтологіи, составляющаго третій отдѣлъ въ Предисловіи Кузена, Шеллингъ выписываетъ слова Автора: «Такъ какъ Богъ постигается мною въ качествѣ причины, то Онъ есть безусловная субстанція, поколику есть безусловная причина, и Его сущность заключается именно въ творческой силѣ; три идеи: *я*, или свободно-разумное лице, *не-я*, или Природа, и ихъ абсолютная причина, ихъ субстанція, или *Богъ* (тожество субъекта и объекта), тѣсно соединены между собою и составляютъ одинъ и тотъ же фактъ сознанія, коего элементы нераздѣльны» и прибавляетъ къ этому слѣдующее: «Читатели, знакомые съ Нѣмецкою Философіею, могутъ отсюда достаточно видѣть настоящее положеніе Автора. Мы сдѣлаемъ только одно замѣчаніе, что Нѣмецкая Философія занимается донынѣ исканіемъ точки отправленія, которая дозволила бы итти далѣе общихъ истинъ: ибо всѣ сіи общности доставляютъ только весьма недостаточное знаніе, весьма невѣрное, едва достойное имени Науки.» — Далѣе, Шеллингъ выписываетъ и одобряетъ возраженія, дѣлаемыя Кузеномъ своимъ противникамъ, именно Школамъ Сенсуалистской и Ѳеологической, упрекающимъ его въ пантеизмѣ, въ пересадкѣ Нѣмецкой Философіи на Французскую почву, въ томъ, что онъ не признается въ своихъ заимствованіяхъ у чужестранцевъ, и поставляющимъ въ главное преступленіе его Философіи то, что она Философія.

Наконецъ, при разсматриваніи 4-й статьи Предисловія — общаго взгляда на Исторію Философіи— сказавъ нѣсколько словъ въ защиту эклектизма Кузена и выписавъ его собственные отвѣты противникамъ, Шеллингъ замѣчаетъ, что Кузенъ сдѣлался уже добычею неблагодарности, коей долженъ ожидать всякой, уси-

лявающійся совращать своихъ современниковъ съ пути, давно ими проходимому, и направить ихъ на новый путь. «Къ этому» — говоритъ онъ — «присоединились еще и политическіе раздоры. Если, съ одной стороны, твердой и счастливой полемикой противъ Философіи Сенсуализма онъ навлекъ на себя ненависть тѣхъ, кои утвердились въ сей Системѣ и обязаны ей большими успѣхами: то съ другой стороны и по той же причинѣ, партизаны параллельной политической Религіи не могли простить ему, что онъ, достигши важнаго сана въ Государствѣ, не предался на ихъ сторону, чтобъ разрушить немногіе остающіеся еще во Франціи элементы Монархіи, и что, въ Парламентскомъ преніи о законѣ касательно устройства Первоначальныхъ Школъ, защищалъ необходимость участія Религіи и Духовенства въ народномъ воспитаніи.» Въ заключеніе Шеллингъ изъявляетъ желеніе, чтобы Кузенъ рѣшился снова принять на себя званіе Профессора Философіи, и утверждаетъ, что должно бъ было считать невознаградимою потерею не только для Науки, но и для самой Франціи, еслибъ политическое поприще безвозвратно отторгло Кузена отъ поприща, которое проходилъ онъ съ такимъ успѣхомъ.

Мы не можемъ кончить отчета объ этой рецензіи Шеллинга, не выписавъ мнѣнія его касательно темноты языка Нѣмецкой Философіи. «Нѣмцы» — говоритъ онъ — «такъ давно занимались Философіей единственно про себя, что ихъ умозрѣнія и языкъ, становясь болѣе и болѣе непонятными для другихъ народовъ и удаляясь отъ общепринятаго языка, дошли наконецъ до того, что мѣра отступленія отъ общаго образа мыслить и выражать мысли сдѣлалась наконецъ мѣрою философическаго таланта. За примѣрами дѣла не станетъ. Семейства, отдѣляющіяся отъ общества, чтобы жить только про себя, въ числѣ другихъ особенностей, от-

шатавающихъ отъ нихъ общество, принимаютъ наконецъ нѣкоторыя выраженія, имъ однимъ свойственныя. Это самое случилось съ Нѣмцами въ Философіи. Послѣ нѣкоторыхъ тщетныхъ усилій распространить внѣ Германіи идеи Канта, они, по видимому, отказались отъ всякой надежды сдѣлаться понятными для другихъ народовъ, и привыкли нѣкоторымъ образомъ смотрѣть на себя, какъ на особняковъ Философіи, забывая, кажется, что первоначальная цѣль всякой Философіи, цѣль, хотя часто пренебрегаемая, но всегда долженствующая быть предметомъ постоянныхъ усилій, именно состоитъ въ томъ, чтобы производить всеобщее убѣжденіе, и что слѣдовательно Философія должна быть для всѣхъ доступна. Безъ сомнѣнія, отсюда не слѣдуетъ, что о твореніяхъ философическихъ должно судить, какъ объ упражненіяхъ въ слогѣ; но что всякая Философія, которая не можетъ быть понимаема всѣми образованными націями и передаваема приличнымъ образомъ на всѣхъ языкахъ, по сей именно причинѣ не можетъ быть Философіею истинною и всеобщею. И такъ участіе, съ коимъ иностранцы начинаютъ слѣдовать за ходомъ Философіи Германской, непремѣнно должно имѣть благопріятное дѣйствіе на нее саму. Писатель-Философъ, который, за нѣсколько десятковъ лѣтъ, не могъ отдалиться отъ принятой терминологіи и освященныхъ формулъ, не подвергаясь опасности прослыть неучемъ, нынѣ можетъ съ большею увѣренностію и съ большею смѣлостію свергать съ себя оковы принужденія. Онъ будетъ искать глубины въ мысляхъ, и, по крайней мѣрѣ, совершенное отсутствіе легкости и ясности въ языкѣ не будетъ уже почитаться, какъ бывало прежде, талантомъ и вдохновеніемъ философическимъ.» — Этотъ отрывокъ можетъ служить какъ представителемъ образа мыслей Шеллинга о непонятной и для многихъ

таинственной терминологіи философско-Нѣмецкаго языка, въ которой у насъ нѣкоторые видятъ только одно шарлатанство, такъ и образчикомъ прекраснаго изложенія статьи его на Русскомъ языкѣ.

— *Эммануилъ Кантъ* (Тел. № 5 и 6) — статья, взятая изъ книги Шёна: Philosophie transcendentale ou Systéme d'Emmanuel Kant, и замѣчательная тѣмъ, что въ краткомъ видѣ представляетъ сущность системы Канта и заслуги, оказанныя ею Философіи. — Сначала Г. Шёнъ, первый изъ Французовъ, подарившій соотечественникамъ своихъ прекраснымъ переводомъ твореній Кёнигсбергскаго Философа, дѣлаетъ легкій очеркъ жизни Канта. Кантъ родился 22 Апрѣля 1724 года въ Кёнигсбергѣ. Родители его принадлежали къ классу ремесленниковъ. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ Кантъ оказывалъ необыкновенную склонность къ важнымъ Наукамъ, и въ короткое время превзошелъ всѣхъ своихъ сверстниковъ въ знаніи языковъ, Литературы, Исторіи и Физико-Математическихъ Наукъ. Живя въ бѣдности, онъ долженъ былъ давать нѣкоторое время частные уроки Словесности, Математики и Физики. Въ 1746 году, будучи 22 лѣтъ, онъ въ первый разъ обратилъ на себя вниманіе брошюркою *Объ истинной цѣнности жизненныхъ силъ*, гдѣ опровергъ доказательства, основанныя на мнѣніяхъ Лейбница, Вольфа, Бернулли, Бильфингера и другихъ Математиковъ, писавшихъ о томъ же предметѣ. Сдѣлавшись Учителемъ Философіи и Репетиторомъ въ Университетѣ, Кантъ издалъ другое сочиненіе, въ которомъ утверждалъ, по закону постепенно возрастающаго эксцентрицитета планетъ, что выше Сатурна есть еще другія небесныя тѣла: Гершель доказалъ это послѣ, въ 1781 году, помощію телескопа. Въ этомъ сочиненіи находятся замѣчательныя предположенія о туманныхъ пятнахъ, млечномъ пути, явленіяхъ Сатурнова Кольца и пр., предположенія,

уже подтверждающіяся наблюденіями Астрономовъ. Его теорія вѣтровъ, разсужденія о лунныхъ волканахъ, исторія землетрясеній, равно какъ и мысли о движеніи и покоѣ тѣлъ, скоро обратили на себя вниманіе Физиковъ. Съ другой стороны, онъ подстрекнулъ любопытство мыслителей, возставъ противъ ложной тонкости, введенной въ силлогизмъ, предавшись новымъ изысканіямъ о прекрасномъ и высокомъ, и показавъ, чего можетъ ожидать Химія, если она смѣло пойдетъ путемъ открытій. Вдругъ появляются философическія творенія Давида Юма. Кантъ читаетъ ихъ, съ негодованіемъ видитъ скептицизмъ, въ нихъ заключающійся, и немедленно оставивъ языки, Литтературу, Математическія и Физическія Науки, обѣщавшія ему славу, бросается въ глубину Метафизики, силится проникнуть тайны творенія, подвергаетъ самымъ строгимъ изслѣдованіямъ его различные феномены, изучаетъ системы, изобрѣтенныя до него, и полагаетъ начало прекраснымъ открытіямъ о свойствѣ человѣческаго разумѣнія. — Для того, чтобъ сдѣлать понятнѣе эти открытія, Г. Шёнъ бросаетъ бѣглый взглядъ на древнія и новыя Системы Философіи: Платона, Аристотеля, Пиррона, Джіордано Бруно, Декарта, Спинозы, Локка, Лейбница, Вольфа и наконецъ Юма, и замѣчаетъ, что Философія началась догматизмомъ, раздѣлившимся потомъ на раціонализмъ и эмпиризмъ; что потомъ скептицизмъ, разрушивъ то и другое, оставилъ по себѣ однѣ только развалины; съ каждымъ днемъ любовь къ Философіи очевидно уменьшалась, съ каждымъ днемъ исчезала занимательность, ее оживлявшая, — какъ вдругъ является Кантъ, одинъ изъ глубочайшихъ мыслителей, одинъ изъ тѣхъ дивныхъ мужей, коихъ Природа такъ рѣдко даруетъ человѣчеству.

Ему предназначено было преобразовать Философію, дать разуму новое направленіе и указать путь,

отличный отъ того, коему дотолѣ слѣдовали. Онъ разрушилъ атеизмъ, фатализмъ, материализмъ, и представилъ новыя доказательства бытія Божія и безсмертія души. Недовольный ни догматизмомъ, ни эмпиризмомъ, ни скептицизмомъ, онъ принялся за разсматриваніе источника, употребленія и законовъ, на коихъ основываются наши познанія; потомъ углубился въ анализъ человѣческихъ способностей и назвалъ его *Критикой чистаго разума*, потому что способности наши разсматриваются въ немъ отдѣльно, безъ отношеній къ внѣшнимъ причинамъ, которыя отчасти способствуютъ къ происхожденію познаній. Въ этой, теоретической, трансцендентной части Системы заключается Эстетика, или теорія чувствительности, времени и пространства, неизвѣстная прежде Канта, Логика и Аналитика, или искусство приводить въ игру дѣйствіе сужденія. Скептическій идеализмъ Декарта утверждаетъ, что дѣйствительность предметовъ не можетъ быть доказана; абсолютный идеализмъ Барклея совершенно отрицаетъ существованіе этихъ предметовъ; критическій идеализмъ Канта напротивъ доказываетъ это существованіе, однакожъ съ такимъ ограниченіемъ, что мы не можемъ знать, что такое предметы сами въ себѣ. Критика указываетъ этотъ предѣлъ созерцательному разуму. Однако разумъ стремится переступить этотъ предѣлъ; ему естественно искать въ синтезѣ познаній цѣлости или абсолютнаго единства, чтобы найти начало непроизводное, но абсолютное. Не находя его въ чувственныхъ предметахъ, онъ бросается въ область метафизическихъ умозрѣній, и, какъ скоро оставилъ поле опыта, теряется въ призракахъ и впадаетъ изъ одного противорѣчія въ другое: что доказалъ Кантъ въ своихъ антиноміяхъ, гдѣ разумъ съ равною силою говорилъ pro и contra объ одномъ и томъ же предметѣ. Отсюда

выводитъ онъ заключеніе, что разумъ есть направительный (régulative), а не установительный (constitutive), т. е. что онъ необходимо допускаетъ метафизическія идеи, но только для того, чтобы отыскать систематическое единство въ чувственномъ мірѣ, а не для вѣдѣнія: ибо какъ не возможно знать изъ книгъ; а это наноситъ рѣшительный ударъ атеизму, матеріализму и фанатизму.

Критика практическаго разума имѣетъ существенную связь съ критикою разума чистаго. Въ ней Кантъ неоспоримыми доводами доказываетъ, что идеи Бога, безсмертной души, принятыя созерцательнымъ разумомъ, имѣютъ характеръ самой сильной, самой неопровержимой достовѣрности.

Критика сужденія есть вѣнецъ Кантовой Трансцендентальной Философіи. Судительная способность есть законодательная сила для особыхъ предметовъ Природы, оставленныхъ категоріями безъ разрѣшенія. Начало a priori этой способности есть: сообразность съ цѣлію; всѣ предметы Природы подчинены гармоніи, а эта идея имѣетъ ту особенность, что она производитъ чувство удовольствія, чувство, происходящее отъ согласія воображенія съ разумѣніемъ, приведенныхъ въ движеніе. Предметъ, на который обращено сужденіе, находится тогда въ гармоніи съ самою способностію; подъ такимъ условіемъ предметъ называется *изящнымъ*, а способность судить объ изящномъ предметѣ называется *вкусомъ*. Правило сообразности съ цѣлію одно только дѣлаетъ для насъ возможнымъ размышленіе о Природѣ вещей и приводитъ насъ къ преднамѣренной, разумной причинѣ. Разумъ противится допустить происхожденія простымъ механизмомъ Природы, потому что эта гипотеза влечетъ за собою противорѣчіе: иначе бы мы не могли понять возможность организованнаго произведенія. Все въ существахъ организованныхъ есть

средство и цѣль, а слѣдственно, дѣйствіе и причины. Человѣкъ есть конечная цѣль творенія. Какъ существо разумное и свободное, онъ не можетъ зависѣть отъ необходимыхъ законовъ Природы, но онъ связанъ съ причиною предначертанною, разумною и верховною.

Кантъ, окончивъ огромный трудъ своей Трансцендентальной Философіи, коей первые зародыши появились въ Разсужденіи его на степень Доктора, защищенномъ имъ въ 1755 г., написалъ многія сочиненія о Логикѣ, воспитаніи, Физической Географіи и о характерѣ, свойственномъ посвящающимъ себя воспитанію; эти сочиненія въ рукописи отдалъ онъ двумъ ученикамъ своимъ, Тошу и Ринку. Во всѣхъ твореніяхъ Канта видѣнъ его обширный геній, его высокая душа; всѣ они дышатъ чувствованіями самой чистой нравственности.

Пятнадцать лѣтъ Кантъ былъ Репетиторомъ при Университетѣ. Въ 1769 г. сдѣланъ Суббибліотекаремъ; въ 1770 получилъ каѳедру Логики и Метафизики и преподавалъ эти Науки до конца своей жизни. Въ 1786, 1787 и 1788 исправлялъ должность Лектора Университета; но по истеченіи трехъ лѣтъ, это мѣсто отдано другому. Къ званію Профессора онъ присоединялъ только званіе Декана.—Кантъ былъ низкаго роста, слабаго и сухаго сложенія, чело имѣлъ возвышенное, носъ острый, глаза живые и проницательные; всѣ черты его дышали добродѣтелью. Онъ не былъ женатъ, потому что посредственность состоянія и родъ занятій не позволяли ему вступить въ бракъ. Онъ умеръ восьмидесяти лѣтъ отъ роду, 12 Апрѣля 1804 года въ Кёнигсбергѣ, изъ котораго никогда не выѣзжалъ, и всѣ поѣздки его ограничивались только окрестностями роднаго города.

— *Григорій Варсава Сковорода* (Тел. № 5 и 6) — статья, составляющая, какъ сказано въ подстрочномъ

примѣчаніи № 5 Телескопа, — краткое (афористическое) извлеченіе изъ *рукописи:* Gregor Skoworoda's Lebenswandel und Wirkungskreis, oder historisch-kritische Würdigung seiner Schriften, als Beitrag zu einer Geschichte der Slawischen Volksweisheit, in Briefen an Joh. Jos. Görres, Professor an der Universität zu München. Эта рукопись, какъ видно изъ того же примѣчанія, раздѣлена на 11 отрывковъ, и упомянутая выше статья есть извлеченіе изъ первыхъ трехъ отрывковъ, имѣющее заглавіемъ: *Общее основное понятіе о Сковородѣ, объясненное изъ его собственнаго сознанія.*

Григорій Сковорода, этотъ Малороссійскій Философъ, извѣстный по слуху почти всѣмъ образованнымъ людямъ и въ Малороссіи и въ Великой Россіи, весьма мало знаемъ въ томъ видѣ, какой онъ имѣлъ на самомъ дѣлѣ. Біографія и сочиненія его, до сихъ поръ еще не изданныя (хотя года 4 тому назадъ Г. Хиждеу и объявлялъ о намѣреніи своемъ предпринять такое изданіе) ходятъ по рукамъ въ спискахъ, часто неисправныхъ и неполныхъ. Даже самые страстные любители сочиненій этого рода не имѣютъ возможности собрать все имъ написанное, какъ потому, что нѣтъ полнаго реестра произведеній Сковороды, такъ и по неизвѣстности, гдѣ найти эти произведенія, разсѣянныя по разнымъ мѣстамъ, преимущественно въ Южной Россіи. А между тѣмъ Сковорода принадлежитъ къ числу людей самыхъ необыкновенныхъ; у насъ онъ едва ли не первый (и не единственный) умѣлъ языкомъ простонароднымъ выражать самыя высокія истины и сливать идеи Философіи съ словами Св. Писанія, такъ что глубокій ихъ смыслъ, при его способѣ аллегорическаго объясненія становясь доступнымъ каждому, далеко уходилъ въ душу. Если справедливо, что народъ долженъ имѣть свою собственную, созданную особымъ развитіемъ его особнаго духа Философію, въ которой

бы, какъ въ высшемъ простѣйшемъ выраженіи всѣхъ элементовъ народной жизни, соединены были основныя понятія его ума, лучшія вѣрованія его сердца, оригинальное воззрѣніе на Природу и эта особенность отношенія самыхъ отвлеченныхъ идей къ практикѣ жизни: то въ Сковородѣ мы почти безошибочно можемъ видѣть ростокъ Русской народной Философіи, ростокъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ остающійся безъ дальнѣйшаго развитія и проявленія. Вотъ почему такъ интересно все, относящееся къ этому простому, безхитростному мыслителю, скрывавшему подъ одеждой простолюдина умъ, просвѣщенный Наукою, и душу, отличавшуюся рѣзкимъ типомъ народнаго характера, глубоко-Русскую, и вмѣстѣ съ тѣмъ способную отторгаться отъ мелочной видимости, чтобъ постоянно стремиться въ сферу безконечнаго, и вдохновенно созерцать Творца въ величіи творенія Его. Всѣ правоученія Сковороды, простыя, всякому понятныя, вынесены имъ самимъ изъ этой далекой области, и потому всѣ они не смотря на обыкновенность свою, дышатъ свѣжестію, силою, теплотою не заимствованнаго чувства и невольно овладѣваютъ душею; этого уже одного достаточно, чтобъ признать Сковороду талантомъ необыкновеннымъ, ибо такимъ даромъ владѣютъ только люди избранные.

Сочинитель выше названной статьи Телескопа сравниваетъ Сковороду съ Ломоносовымъ и не находитъ между ими никакого сходства ни въ образѣ жизни, ни въ образѣ дѣйствій, ни въ величіи стремленія; Ломоносовъ — говоритъ онъ — обращался въ высшемъ, извнѣ образованномъ кругу народа, гдѣ частное развитіе народности непримѣтно теряется въ общемъ идеалѣ человѣчества; а Сковорода почерпалъ и обращалъ свое знаніе къ низшей части народа, извнутри образующейся, къ той, гдѣ Русскій вытѣсняетъ изъ себя человѣка, или гдѣ человѣкъ является Русскимъ. Лучь,

преломленный призмою жизни Ломоносова, блестѣлъ огнемъ яркимъ, одвѣтлявшимъ солнечную радугу: лучъ Сковороды грѣлъ, и только грѣлъ! Не находя здѣсь сходства, Авторъ статьи рѣшился назвать Сковороду Русскимъ Сократомъ — по слѣдующимъ причинамъ: 1) Живое чувство долга, какъ требованіе совѣсти, развитое въ бытіе и силу, составляло у Сократа его Демоніона, а у Сковороды его Минерву, которая примиряла поступки и цѣлое житіе его съ высшимъ чиномъ вещей или духовнымъ откровеніемъ Природы. 2) Жизнь Сократа и Сковороды развивалась изъ тѣхъ же самыхъ началъ: энтузіазма и ироніи; равнымъ образомъ у обоихъ *энтузіазмъ* былъ положительный элементъ жизни, погружавшій конечное сознаніе въ одушевленное ясновидѣніе безконечнаго; *иронія* — отрицательный, представлявшій конечное, какъ шутку, игру. 3) По ученію Сковороды, такъ же какъ и по ученію Сократа, основное начало и условіе вѣдѣнія есть *самопознаніе*. Подобно Сократу, толковавшему для Греческаго народа текстъ человѣческой природы по гаданіямъ здраваго смысла, Сковорода изъяснялъ Русскому простонародію тотъ же самый текстъ, но по откровеніямъ небеснаго разума, и такъ же какъ Сократъ, не ограничиваясь ни мѣстомъ, ни временемъ, онъ училъ всякаго на распутіяхъ, на торжищахъ, у кладбища, въ папертяхъ святыхъ церквей, въ праздники, когда, по его острому словцу, *скачетъ пьяная воля*, и въ дни работы, *когда въ бездождіи потъ поливаетъ землю*. — Вотъ что самъ Сковорода говоритъ о Сократѣ и о народной Философіи: «Куда мы слѣпы въ томъ, что нужно намъ есть. . . . Въ Руси многіе хотятъ быть Платонами, Аристотелями, Зенонами, Эпикурами, а о томъ не разсуждаютъ, что Академія, Лицей и Портикъ произошли изъ Науки Сократовой, какъ изъ яичнаго желтка цыпленокъ вывертывается. Пока не будемъ имѣть своего Сократа, доколѣ же

быть ни своему Платону, ни другому Философу. Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ! Скоро ли ниспошлетъ Сократа, который бы научилъ насъ наипервѣе познанію себя; а когда мы себя познаемъ, тогда мы сами изъ себя выведемъ Науку, которая будетъ наша, своя, народная. Да святится имя Твое въ мысли и помыслѣ раба Твоего, который замыслилъ умомъ и пожелалъ волею быть Сократомъ въ Руси; но земля Русская обширнѣе Греческой, и не то-то легко будетъ ему скоро обхватить проповѣдію своею. . . . Да пріидетъ царствіе Твое, а тогда зерно, по слову твоему сѣемое, взойдетъ яко кринъ, и тогда я выпилъ бы стаканъ кокуты, какъ соты медовыя. Non fugio mortem, si famam assequar, et cedo invidiae dummodo absolvar cinis Да будетъ воля Твоя святая на мнѣ, во всѣхъ путяхъ моихъ и начинаніяхъ моихъ: ибо я разсуждаю, что знаніе не должно удить своего вліянія на однихъ жрецовъ Науки, которые жрутъ и обжираются, но должно переходить на весь народъ, войти въ народъ, и водвориться въ сердцѣ и душѣ всѣхъ тѣхъ, кои имѣютъ правду сказать: « и я человѣкъ, и мнѣ, что человѣческое, то не чуждо » . . . . Избави отъ лукаваго, ибо много прежде предлежитъ развалить, разломать и искрошить, чѣмъ придетъ время строить на старомъ грунтѣ новую храмину. И кто будетъ по нашемъ Сократѣ нашимъ Платономъ? Что будетъ, то будетъ; а кто будетъ? Богъ вѣсть. Мое дѣло теперешнее, а оное — grata superveniet quae non sperabitur hora — само придетъ, когда придетъ пора. Оное уже трепещется во чревѣ матери своей. (*Софросина, сирѣчь толкованіе на вопросъ: что намъ нужно? и на отвѣтъ: Сократа! — Предисл.*)

Энтузіазмъ Сковороды часто простирался до такой степени, что по нѣкоторымъ частнымъ явленіямъ его жизни, можно бы почесть его за теоманита, испы-

шавшего всѣ переходы вдохновенія. Сковорода въ энтузіазмѣ, казалось, что духъ его носимый въ морѣ безпредѣльныхъ идей, какъ бы оставляетъ вселенную въ ея безконечности, слышитъ со стороны вѣчность, видитъ въ соединеніи обѣихъ; но вселенною для него была Русь святая, человѣчественъ народъ Русскій. «Когда умъ мой и сердце мое» — говоритъ онъ — «водворяются въ домѣ, который Премудрость создала себѣ во святой Руси, и упиваюсь отъ тука дома сего, и блаженъ, какъ тотъ, который имѣетъ племя въ Сіонѣ, ибо въ горней Руси вижу все новое: новыхъ людей, новую тварь, новое твореніе и новую славу.» Энтузіазмъ Сковороды отразился болѣе въ его Драмахъ, или какъ онъ называлъ ихъ, *академіяхъ*, въ коихъ онъ представлялъ борьбу стараго и новаго образованія, также про благихъ и злыхъ духовъ о человѣческомъ и народности; таковы: Борьба и пря сатаны съ Михаиломъ, Бесѣда Ангельская о клеветѣ діавольской, Животъ труженику въ пустынѣ, и проч. — Иронія Сковороды была большею частію прикрытіемъ его энтузіазма, казавшимся въ конечномъ проявленіи юродствомъ: ея игривая, мелкійная жизнь всего чище тогда отражалась, когда преломляла высшую степень восторга.

О самопознаніи, какъ объ основномъ началѣ своего ученія, Сковорода написалъ три отдѣльныя книги: 1) Наркисъ, или узнай себя, Притча; 2) Асхань, или о познаніи себя, Бесѣда, и 3) шесть Разговоровъ о внутреннемъ человѣкѣ, съ коими соединена Симфонія о народѣ. Вотъ основная мысль ученія Сковороды о самопознаніи и народности: «Троякое есть познаніе себя, и кто не позналъ себя трояко, тотъ не знаетъ себя, ибо кто знаетъ себя съ одной стороны, а не знаетъ себя съ прочихъ сторонъ, тотъ все равно что ничего не знаетъ про себя, за себя и о себѣ, словно: самого себя и свое. Первое познаніе есть познаніе

себя, какъ бытія самоличнаго, самоособнаго, самосущаго, т. е. какъ человѣка одинокаго, отъ всѣхъ людей отличнаго, только на самого себя похожаго. . . Вспомни пословицу: всякъ Еремей про себя разумѣй. Всякъ долженъ узнать себя, именно свою природу: чего она ищетъ? куда ведетъ? и какъ ведетъ? и ей послѣдовать безъ всякаго отнюдь насилія, но и съ глубочайшимъ покореніемъ. Конь ли ты— носи сѣдока; волъ ли ты — носи яремъ; песъ ли борзый — лови зайцы; датской ли — дави медвѣдя. . . Другое познаніе есть познаніе себя, какъ бытія общежительнаго, гражданскаго, народнаго, государственнаго, т. е. какъ человѣка, сличеннаго съ другими истою Вѣры, закона, обычая и языка, и похожаго на другихъ людей въ купѣ живущихъ въ одной землѣ, которой имя: родина, отчизна, рѣчь общая: respublica. . Вспомни Пѣсню:

Ой туда си хилятъ лозы, куда имъ похило:
Туда очи выглядаютъ, куда сердцю мыло.

Всякъ долженъ узнать свой народъ, и въ народѣ себя. Руссъ ли ты — будь имъ: вѣрь православно, служи Царицѣ правно, люби братію нравно. Ляхъ ли ты — Ляхъ будь, Нѣмецъ ли ты — нѣмечествуй, Французъ ли — французуй, Татаринъ ли — татарствуй. Все хорошо на своемъ мѣстѣ и въ своей мѣрѣ, и все красно, что чисто, природно, т. е. не поддѣлано, не подмѣшано, но по своему роду. Не будь ни теплъ, ни холоденъ, да не изблюютъ тебя. Русь не Русская видится мнѣ диковинкою, какъ если бы родился человѣкъ съ хвостомъ или съ собачьею головою. . . Третіе познаніе есть познаніе себя, какъ бытія сотвореннаго по образу и по подобію Божію, общаго со всякимъ бытіемъ человѣческимъ. . . Посреди насъ живетъ то, что превыше всего есть . . . По первому познанію ты узнаешь свое собство: почему ты Еремѣй и какой ты

Еремѣй? По второму ты узнаешь свою стать: почему ты Руссъ и какова Русь? По третьему ты узнаешь свою общность: почему ты человѣкъ и что есть человѣчество? По всему ты узнаешь себя и отлично и слитно, и неслитно и слитно . . . О Боже! коль неслична мусикія безъ Святаго Духа Твоего, и коль смѣхотворна премудрость, не слычившая и не познавшая себя!» — Сковорода досадуетъ на тѣхъ народоучителей, которые проповѣдывали одностороннее познаніе себя, и въ этомъ отношеніи упрекаетъ даже Сократа. У Грековъ онъ находитъ трехъ проповѣдывателей самопознанія: *Великаго Незнакомца*, написавшаго на Дельфійскомъ храмѣ мудрое: «узнай себя», *Солона* и *Сократа*; но Дельфійская надпись, по его мнѣнію, относилась къ познанію себя, какъ особи (individuum), Солонъ училъ познанію себя какъ гражданина (in statu), Сократъ имѣлъ въ виду познаніе себя какъ человѣка вообще (in genere). — Спаситель, по заключенію Сковороды, первый училъ полному, т. е. троякому познанію себя, какъ познанію одному, и онъ доказываетъ заключеніе свое текстами Новаго Завѣта.

Съ раскрытіемъ побужденія сдѣлаться народнымъ мыслителемъ и наставникомъ, Сковорода ощущалъ потребность изучить простонародность: почему переставъ быть Учителемъ въ Школѣ, проводилъ жизнь какъ *старецъ* (нищій), преимущественно въ селеніяхъ, кои называлъ пустынями, и обращаясь въ кругу простаго народа, изучалъ его природу, языкъ и обычаи: ибо, по его мнѣнію, учитель не учитель, а только служитель Природы. Онъ самъ называлъ ученіе свое шканкою и плеткою простонародною, а себя называлъ другомъ поселянъ, чужимъ для тѣхъ Ученыхъ, кои такъ горды, что не хотятъ и говорить съ поселяниномъ, и гордился именемъ народоучителя, или, какъ иногда подписывался въ письмахъ къ друзьямъ, *Побликолы*. «Барскимъ

сумность» — говорилъ онъ — «будто простой народъ есть черный, видится мнѣ смѣшное, какъ и умность иныхъ называемыхъ Философовъ, что земля есть мертвая: ибо какъ мертвой матери рожать живыхъ дѣтищъ? И какъ изъ утробы чернаго народа выклонились бѣлые господа? Смѣхотворно и мудрованіе, яко бы сонъ есть остановка и перерывъ жизни человѣка: ибо право, право не вижу толку въ междужитіи и междусмертіи: ибо что же живая смерть и мертвая жизнь? О Докторы и Философы! Сонъ есть часть жизни, т. е. живая смѣна въ явленіи жизни, въ ней же замыкаются прелести внѣшняго міра и отворяются духовныя мечты, чтобы свернуть познаніе свыше, изо внутренняго міра. Мудрствуютъ: простой народъ спитъ; пускай спитъ и сномъ крѣпкимъ, богатырскимъ, что лишь въ сказкахъ; но всякъ сонъ есть пробудный, и кто спитъ, тотъ не мертвечина и не трупище околѣвшее. Когда выспится, такъ проснется; когда намечтается, такъ очутится и забодрствуетъ.»

При статьѣ Телескопа напечатанъ «Сковородинскій Идіотиконъ», или словарь, объясняющій многія слова, встрѣчающіяся въ помѣщенныхъ въ этой статьѣ выпискахъ изъ сочиненій Сковороды. Въ объясненіяхъ нѣкоторыхъ словъ встрѣчаются обѣщанія разсмотрѣть ихъ подробнѣе въ слѣдующихъ отрывкахъ: слѣдовательно будетъ продолженіе статей о Сковородѣ. Въ заключеніе не можемъ не изъявить желаніе, которое вѣрно повторятъ съ нами всѣ любители просвѣщенія, чтобы сочиненія Сковороды, вмѣстѣ съ Біографіею его и необходимыми для объясненія ихъ примѣчаніями, были вполнѣ представлены любопытству Публики и испытующему взору философской критики. Въ примѣчаніи къ Идіотикону сказано: «Идіотическій Словарь, который приготовленъ *къ изданію* Сковороды, не имѣетъ ничего общаго съ симъ Идіотикономъ.» И такъ полное изданіе Сковороды мо-

жетъ состояться и уже готовится; пожелаемъ только, чтобъ оно состоялось какъ можно скорѣе. Кажется, никогда время столь не благопріятствовало появленію твореній оригинальнаго Русскаго мыслителя: теперь болѣе чѣмъ когда либо вкусъ направленъ къ своему, къ народному.

— Для полноты обозрѣнія Русскихъ періодическихъ изданій по части Философіи, должны мы упомянуть здѣсь и о помѣщенной въ Библ. для Чт. (N° 16, Апрѣль) статьѣ, которая называется тамъ: *Германская Философія*. Она начинается слѣдующими словами: «Германская Философія вскружаетъ многія головы, подверженныя круженію отъ всего темнаго и непонятнаго; мы часто позволяли себѣ отзываться объ ней съ большимъ неуваженіемъ; нѣкоторые изъ ея приверженцевъ, изучавшихъ ее дѣйствительно или только знакомыхъ съ ней по наслышкѣ, обращали намъ въ упрекъ наши съ ней вольности; пора поставить всю публику въ возможность быть судьею въ этомъ дѣлѣ,» (стр. 83). Но изъ этого вступленія не должно еще заключать, что эта статья — оригинальная Русская: мы ее видѣли, съ годъ тому назадъ, въ Французскомъ журналѣ: France Littéraire (IV année, première livraison, Janvier 1835), гдѣ она называется: *De la philosophie allemande* и составляетъ полный, обширный трактатъ, переведенный въ Библ. для Чт. сокращенно и съ перемѣнами. — Вопросъ о Нѣмецкой Философіи — въ нынѣшнемъ состояніи Наукъ вопросъ важный; нѣтъ почти ни одного Ученаго, который бы не разсуждалъ о немъ по своему; отъ этого въ Европѣ столько же, можетъ быть, мнѣній о немъ, сколько умовъ мыслящихъ. Много было писано во всѣхъ просвѣщенныхъ странахъ и pro и contra новѣйшей Нѣмецкой Философіи, съ первыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, и трудно теперь сказать что нибудь новое въ ея опровержение: потому и статья Французскаго журнала заключаетъ въ себѣ

немного новостей: въ ней собрано все, что давно уже сказано въ опровержение Нѣмецкихъ Системъ и прибавлено нѣсколько собственныхъ результатовъ и нехладнокровныхъ выходокъ. Такимъ образомъ въ ней слышится голосъ только *одной* стороны ученой Европы, возстающей *противъ* Нѣмецкой Философіи. Авторъ статьи — Норвежецъ *Швейгаардъ* (изъ Христіаніи) принадлежитъ къ числу жаркихъ противниковъ Германскаго любомудрія, и Директоръ журнала France Littéraire помѣстилъ его сочиненіе въ своемъ изданіи съ такою оговоркою: «Важность предмета и иностранное происхожденіе Автора налагали на насъ обязанность сохранить оригинальныя формы его произведенія. Мнѣніе Норвежца, воспитаннаго въ Германскихъ Школахъ, о той Философіи, которою мы Французы такъ восхищаемся, намъ показалось столь любопытнымъ, что мы почли его достойнымъ занять мѣсто въ France Littéraire.»

Вотъ главныя основанія статьи, взятыя изъ нея въ томъ видѣ, какъ она помѣщена во *Французскомъ* журналѣ.

Нѣмецкіе Философы, хотя и опираются въ умствованіяхъ своихъ на фактъ, но это — фактъ мечтательный, предположеніе не доказанное, постулатъ. Они придаютъ душѣ дѣятельную творческую способность, по которой, не сообщаясь съ внѣшнимъ міромъ, не роднясь съ нимъ, не обогащаясь фактами и опытомъ, она выводитъ изъ себя самой соотвѣтственныя дѣйствительному бытію идеи, по гармоніи предуставленной, между ею и дѣйствительнымъ бытіемъ. Это — гипотеза, опирающаяся на произвольномъ вѣрованіи въ безпредѣльную силу разума, и потому неосновательная. Сами Нѣмецкіе Философы, почитающіе себя одаренными высшимъ свѣтомъ, не въ силахъ доказать на самомъ

дѣлъ безпрерывную связь вселенной, ни проникнуть тайну множества второстепенныхъ вопросовъ, утомляющихъ до сихъ поръ самыя ревностныя изслѣдованія. — *Кантъ* есть основатель этой трансцендентальной и творческой методы: ибо хотя онъ и утверждалъ, что единственный источникъ познанія внѣшняго міра есть опытъ; но излагалъ свою систему такъ, что не могъ ниспровергнуть прежній догматизмъ, принимая исходнымъ пунктомъ отвлеченность и защищая опытъ методою схоластическою вмѣсто того, чтобъ уничтожать схоластику методою, основанною на опытѣ. — Сверхъ того онъ приписывалъ душѣ извѣстныя первообразныя отпечатлѣнія (empreintes), которыя, по его мнѣнію, составляютъ рамы для отношеній между явленіями, какъ предметомъ знанія: это называлъ онъ формами знанія; отсюда близокъ переходъ къ изобрѣтенію разума, обладающаго всѣмъ и надо всѣмъ господствующаго. Наконецъ Кантъ довершилъ несогласимость своихъ ученій, выдумавъ особый практическій разумъ, опредѣляющій посредствомъ ясновидѣнія поступки человѣческія, выражающійся категорически, исключающій для познанія того, что должно быть, общую методу, которой слѣдуетъ умъ, не допускающій вовсе или допускающій только по ошибкѣ дѣйствіе смысла, который назначаетъ, что должно и чего не должно дѣлать.

Философія Кантова содержала въ себѣ сѣмена двухъ ученій: одно изъ нихъ долженствовало быть ученіе истины, усовершаемости (perfectibilité), называющее знаніемъ только то, что дѣйствительно извѣстно, подверженное оспориванію во всѣхъ пунктахъ и уничтожающее Схоластику повсюду; другое — ученіе, основанное на вымыслѣ, на произвольныхъ предположеніяхъ, великое только въ пустыхъ перспективахъ, имъ представляемыхъ. Послѣднее преодолѣло при помощи *Фихте*. По системѣ Фихте, идеи не суть отраженіе дѣйстви-

тельности, но дѣйствительность есть образъ идей; знаніе не зависимо, не опредѣляется свойствомъ предметовъ, но само полагаетъ ихъ или производитъ, какъ эманацію или дополненіе себя самого. *Я*, безусловное лице, полагаетъ *не-я* (міръ внѣшній), какъ свой антитезъ, и соединяетъ ихъ безусловнымъ синтезомъ; т. е. умъ производитъ внѣшнія явленія, какъ собственное обнаруженіе, какъ овеществленіе самого себя, и потому истинно дѣйствительное и существенное есть мысль, а не явленіе, которое называется предметомъ, вещію. Чтобъ постигнуть истину, должно углубиться въ это *я* и слушать его откровенія; авторитетъ результатовъ опыта ничтоженъ. Сначала Фихте въ своемъ *Wissenschaftslehre*, служащемъ основаніемъ его ученію, почиталъ вещи частными формами или обнаруженіями мысли, не имѣющими дѣйствительности, ни собственнаго бытія. Отъ этого и ученіе его называется безусловнымъ и догматическимъ идеализмомъ. Но въ той же книгѣ онъ говоритъ, что идеи зависятъ отъ *внѣшняго* возбужденія (impulsion), что *я* полагаетъ себя какъ *опредѣленное* черезъ *не-я*, т. е. черезъ предметъ, который однакожь не имѣетъ положительнаго характера. Разсуждая же о Морали, о Правѣ Естественномъ, о назначеніи человѣка, Фихте говоритъ о внѣшней природѣ, какъ объ *опредѣляющей* человѣка инстинктами, ограничивающей его, стѣсняющей, — и въ то же время не отказываетъ въ важности своему *я, полагающему и творящему*. Изо всѣхъ заблужденій, поставляемыхъ въ основаніе Философіи, безусловный идеализмъ — самое безсильное, и потому самое невинное: ибо онъ есть очевидное отрицаніе возможности Философіи; онъ кончилъ свою систему тогда же, какъ объявилъ свой тезъ; идеализмъ есть безнадежность знанія.

Это идеалистическое направленіе Системы Фихте возбудило реакцію, выраженіемъ которой была Фило-

софія *Шеллинга*. Шеллингъ наслѣдовалъ отъ предшественника своего предположеніе первобытнаго ясновидѣнія, обнимающаго вселенную и означаемаго словомъ: *умственное воззрѣніе*. Онъ придавалъ вещамъ такую же степень дѣйствительности, какъ и идеямъ; соподчинялъ ихъ однѣ другимъ, соединялъ безусловнымъ тожествомъ, какъ равно первообразныя, равно дѣйствительныя. Тѣ и другія, по его Системѣ, суть только различныя формы, подъ которыми обнаруживается безусловное. «Безусловное» — говоритъ Шеллингъ — «какъ тожественное *начало* дѣйствительности, для обнаруженія своего должно разъединиться на противоположныя дѣятельности; но это разъединеніе не дѣйствительное, ибо что тожественно само въ себѣ, не можетъ разъединяться дѣйствительно; это разъединеніе только *формальное*, т. е. оно производится потому только, что безусловное (тезъ) отражаетъ само себя, и отъ этого дѣлается собственнымъ своимъ антитезомъ.» Во всемъ этомъ Г. Швейгаардъ не видитъ никакого новаго открытія въ Философіи, а только новыя слова, ничего не прибавляющія къ прежнему: ибо существенная задача, состоящая въ томъ, чтобъ сдѣлать понятнымъ, *какъ* это безусловное можетъ отражать само себя, *какъ* это тожество можетъ обнаруживаться въ безконечномъ разнообразіи вещей,— осталась вовсе неразрѣшенною.

Въ Системѣ Шеллинга, не смотря на безмѣрное распространеніе тожества идей и предметовъ, не смотря на это единство безусловнаго съ проявленіями его, органъ знанія все еще оставался, какъ мостъ, соединяющій два міра, которые отъ того соединены были между собою только наружно. Тамъ еще говорили объ *умственномъ воззрѣніи*, о *познаніи* безусловнаго; безусловное было еще предметомъ, еще надобно было понять его. Путь къ тому указанъ былъ такъ, что всякій могъ прошествовать, не находя въ своемъ я

этого ясновидѣнія, которое приписываютъ ему, и напрасно стараясь понять, какъ могло изъ $a = a$, этого пустаго (vide) тожества, этого вѣчнаго покоя, родиться безконечное разнообразіе вещей. И такъ, чтобъ удалить такой поводъ къ опроверженіямъ, должно было еще разъ поправить тожественность и безъ того высоко уже вознесенную; должно было совершенно уничтожить различіе между знаніемъ и предметомъ; должно было такъ сроднить безусловное съ идеею и идею съ безусловнымъ, чтобъ не осталось ничего, къ чему бы можно было придраться. И это предпринялъ *Гегель*. Что́ у Шеллинга было открытою мистификаціею, у Гегеля сдѣлалось мистификаціею скрытою. Онъ хотѣлъ уничтожить все, что походило на предварительное психическое изслѣдованіе возможности знанія безъ условій.. «Если знаніе» — говоритъ онъ — «есть орудіе для овладѣнія безусловною сущностію, то очевидно, что употребленіе орудія для вещи не оставляетъ ея такъ, какъ она есть, но производитъ въ ней образованіе (formation), перемѣну; *или*, если знаніе не есть орудіе нашей дѣятельности, а только пассивная среда, *medium*, черезъ которую свѣтъ истины доходитъ къ намъ, то мы не получаемъ его въ томъ видѣ, какъ онъ есть самъ въ себѣ, но какъ онъ кажется сквозь это *medium*. Во всякомъ подобномъ случаѣ, мы употребляемъ способъ, производящій непосредственно противное своей *цѣли*, *или*, что само себѣ противорѣчитъ, мы только употребляемъ орудіе.» Еще: «установляющіе индивидуальную дѣйствительность сами себѣ противорѣчатъ. Они говорятъ о существованіи *внѣшнихъ* предметовъ, которые можно еще точнѣе опредѣлить, назвавъ ихъ вещами дѣйствительными, безусловно едиными, личными и недѣлимыми, изъ коихъ ни одна не имѣетъ совершенно тожественнаго сходства съ другою; они говорятъ, что это существованіе есть достовѣрность

и безусловная истина. Если они хотятъ сказать: вотъ *этотъ* листъ именно *этой* бумаги, или я пишу *это*, или я писалъ *это*, они не говорятъ того, что хотятъ сказать. Еслибъ они въ самомъ дѣлѣ хотѣли *сказать* о томъ листѣ бумаги, о которомъ думаютъ, и еслибъ они хотѣли *говорить* о немъ, это было бы невозможно, потому что *это* чувственное (видимое), о которомъ хотятъ они сказать, не *можетъ* быть *доступно* языку (*atteint* par la langue), который принадлежитъ исключительно знанію первоначальному (Bewustseyn) универсально-общему въ самомъ себѣ (an sich allgemein). Пока старались бы обозначить предметъ, онъ успѣлъ бы уничтожиться, и начавшіе описаніе его, не могли бы окончить, а должны бы были передать трудъ свой другимъ, которые наконецъ увидѣли бы, что говорятъ о вещи не существующей. И такъ, безъ сомнѣнія, они хотятъ сказать: *этотъ* листъ *этой* бумаги, который не есть одно и то же, что листъ, о коемъ мы теперь говорили; но они говорятъ о *вещахъ дѣйствительныхъ*, о предметахъ внѣшнихъ или чувственныхъ, о существахъ безусловно *единыхъ*, т. е. они говорятъ о нихъ только то, что *всеобще*, отъ чего и думаютъ, что называемое невыразимымъ есть неистинное, безсмысленное.» Авторъ статьи все это называетъ діалектикою непріятною, какъ по жеманному и требовательному безобразію языка, такъ и по неискусно прикрытой ложности разсужденія. Вмѣсто того, чтобъ сказать, что индивидуальная дѣйствительность никогда не можетъ совершенно войти въ понятія, и что отъ этого понятія суть только неполные знаки вещей, Гегель и послѣдователи его говорятъ: индивидуальныя опредѣленія (déterminations) не могутъ быть выражены посредствомъ общностей, и потому они недѣйствительны. Все это, говоритъ Авторъ старые толки. Улучшеніе, которое Гегель, какъ думаетъ онъ, произвелъ въ

системѣ своего учителя (Шеллинга), улучшеніе, не признаваемое самимъ Шеллингомъ, подобно тому, какъ Кантъ не признавалъ усовершенствованій, сдѣланныхъ Фихте, есть, по собственнымъ словамъ Гегеля, улучшеніе формы. Онъ говоритъ, что Шеллингъ далъ безусловное содержаніе Философіи; но въ то же время помѣщая философствующій умъ внѣ задачъ, требующихъ разрѣшенія, онъ невполнѣ соединилъ знаніе съ предметомъ. Эта форма, изобрѣтенная Гегелемъ, есть форма по преимуществу, форма, которая въ то же время и содержаніе; доказательство, котораго успѣхъ заключается въ собственной его діалектикѣ; метода, по которой знаніе приходитъ само собою безъ посредства ума, изгнаннаго изъ нея: почему въ ней и нѣтъ ума; это метода, исходящая изъ ничего, предполагающая ничтожество и производящая только ничтожество. Преобразованіе, произведенное Гегелемъ — преобразованіе однихъ словъ. Такъ судитъ Г-нъ Швейгаардъ о Системѣ Гегеля, которая не нравится ему болѣе другихъ Системъ; онъ разбираетъ ее подробно, ученымъ образомъ, и, должно сознаться, во многихъ мѣстахъ весьма основательно.

Теперь нѣсколько общихъ заключеній его о Нѣмецкой Философіи. Школа Натуралистовъ, богатѣйшая дарованіями, произвела много хорошаго, не смотря на множество тщетныхъ усилій: потому что эти Натуралисты должны были дѣлать наблюденія свои сами, или пользоваться плодами уже сдѣланныхъ наблюденій, и не смотря на всю трудность, въ которую они поставили себя, стараясь подвести свои умствованія подъ форму, называемую у Нѣмцевъ умозрительною. Однакожь, все сдѣланное ими добро произвели они не *посредствомъ* своей системы, но *не смотря* на свою систему; не *какъ* Философы, но *хотя* они и были Философами; не потому, что

снять завѣсу, останутся самыя обыкновенныя общности, вопросы не тронутые, еще требующіе разрѣшенія, и всякой съ перваго взгляда увидитъ тогда, что теперь видятъ немногіе послѣ утомительныхъ изслѣдованій, именно: всякое поступательное движеніе этой Философіи есть движеніе безъ конца и безъ цѣли въ кругѣ, который Нѣмецкіе Философы сначала обвели около себя, и изъ котораго не могутъ выйти, ибо онъ ихъ собственное созданіе. — Участь этой Философіи подобна участи всѣхъ ученій, основывающихся на авторитетѣ, а не на смыслѣ и убѣжденіи. Множество авторитетовъ разрушаетъ ихъ всѣ, когда нѣтъ одного, возвышающагося надъ прочими своею новостію и обширностію своихъ обѣщаній.— За симъ Авторъ разбираетъ и опровергаетъ начала Нѣмецкой Философіи относительно формъ Правительства въ Государствахъ, составляетъ, на основаніи идей Новѣйшей Нѣмецкой Философіи, три формы: Республику, Монархію неограниченную и Монархію ограниченную, стараясь тутъ же выставить радикальную ложность Нѣмецкой методы, доказывая, что изъ нея можно выводить съ одинаковою удобностію все, что угодно. Потомъ слѣдуютъ выписки изъ сочиненій Окена, Кейпера, самого Гегеля и Гешеля, и статья заключается слѣдующими словами: «Нѣмецкая Философія сдѣлала много зла, привела въ заблужденіе много умовъ; пора избавиться отъ нея.»

Все это Читатели найдутъ на стр. 62, 65 и 66, 72 и 73, 76 и 77, 82 и 86 Генварской книжки журнала *France Littéraire* прошлаго года, вмѣстѣ съ глубокими и подробными изслѣдованіями Системъ Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля. Многихъ изъ этихъ любопытныхъ изслѣдованій не увидятъ они въ статьѣ Библіотеки для Чтенія. Мы хотѣли бы выставить всѣ такіе пропуски, и только отчасти исполнили это въ сдѣланныхъ выше

извлеченіяхъ изъ статьи Г. Швейгаарда. Но сличеніе обѣихъ статей и подробное исчисленіе всѣхъ пропусковъ въ статьѣ Русскаго журнала отняло бы много времени и заняло бы много мѣста. Предоставляя любопытнымъ самимъ прочесть статью оригинальную, мы, съ своей стороны предупреждаемъ ихъ, что сочиненіе Г-на Швейгаарда писано весьма неравнодушно: по всему видно, что Авторъ сильно вооруженъ противъ Нѣмецко-Философской Школы; но при всемъ томъ, въ статьѣ его господствуетъ тонъ приличный высокости предмета, совмѣстный съ тѣмъ уваженіемъ, которое питаетъ истинный Ученый къ Наукѣ, сосредоточивающей въ себѣ важнѣйшіе вопросы бытія — и человѣка и Природы. Кажущіяся ему заблужденія Нѣмецкой Философіи, по видимому, лично оскорбляютъ его, затмѣвая или искажая священнѣйшія истины, къ которымъ благоговѣть привыкъ онъ; и если онъ дозволяетъ себѣ иногда выраженія рѣзкія противъ Нѣмецкихъ Систематиковъ (какъ отчасти и замѣчено въ вышеприведенныхъ мѣстахъ статьи его), то въ этихъ выраженіяхъ видно одно лишь пылкое негодованіе, основанное на глубокой и неподдѣльной любви къ признаваемому за истинное. Такимъ негодованіемъ, такими выраженіями не можетъ оскорбиться даже и тотъ, на кого они направлены, ибо источникъ ихъ — любовь къ истинѣ и высокой Наукѣ, которую никогда не слѣдуетъ обращать въ шутку. Насмѣшка должна быть бичемъ для обмана, для шарлатанства; а Г. Швейгаардъ самъ говоритъ: «ихъ (т. е. Нѣмецкихъ Философовъ) разсужденія и выводы часто бываютъ такъ странны, такъ явно натянуты, что почти имѣешь право подозрѣвать все имъ искомое; но надобно только узнать развитіе и ходъ этой Философіи, чтобъ удалить отъ нея всякое обидное подозрѣніе: Нѣмецкая Философія есть заблужденіе и только.» (с. 85. Fr. Lit.). — И такъ Читатели не должны

надѣяться встрѣтить въ статьѣ Французской видѣнныя нами въ Библіотекѣ для Чтенія (кромѣ уже общаго тона совершенно несходнаго съ характеромъ сочиненія Г-на Швейгаарда) слѣдующія фразы: «Разумъ опредѣляетъ возмездіе единственно справедливою мѣрою казни, — *носъ за носъ, барана за барана»* (с. 88). . . «Нѣмецкіе Философы опять *подымаются на уловки*, обыкновенно *ворочать словами:* конечное, безконечное, абсолютное, безусловно-подлинная дѣйствительность, проявленіе, идеи, понятія (1) — *ворочанія* одной и той же задачи.» (с. 90). . . «*Фокусный снурокъ* Германской Философіи» (тамъ же). . «Съ чего же вы взяли, что позна-ніе безусловнаго и несомнѣннаго для него (человѣка) такъ необходимо, что уже *лучше врать объ немъ наоб-умъ (умозрительно)*, закрывъ глаза и уши, нежели оставлять его въ покоѣ?» (с. 91)... Прибавляя къ нему (къ слову: полагать) разные предлоги, вы получите *удивительные глаголы*, коими все объясняется, т. е. предполагается. Безусловное лице *я* полагаетъ міръ внѣшній, не-*я*, какъ свой антитезъ, и связываетъ его съ собою безусловнымъ синтезомъ. *Это очень ясно:* это значитъ, что умъ производитъ Природу, и что только онъ одинъ имѣетъ истинное бытіе, а все прочее существуетъ для него и *по его* милости; для познанія истины стоитъ лишь углубиться въ это *я* и выслушать его откровенія (с. 94) (2). «*Вотъ почему быкъ и идея быка одно и то же!*» (тамъ же) (3) «Гдѣ

---

(1) Здѣсь кстати бы было вспомнить вышеприведенныя слова Шеллинга о языкѣ Нѣмецкой Философіи, въ разборѣ Отрывковъ Кузена (см. выше, стран. 663).

(2) Такъ переводчикъ Библ. для Чт. передалъ выше переведенное у насъ слово въ слово мѣсто о Системѣ Фихте изъ Французской статьи (см. выше стр. 661).

(3) Эти фразы слѣдуютъ за несовсѣмъ точно переведеннымъ мѣстомъ изъ Шеллинга, которое у насъ см. выше на стр. 662.

(въ Умозр. Физикѣ) силы Природы, числа и математическіе знаки олицетворяются и распредѣляются по особенной *табели о рангахъ*» (с. 95). «Что золото и серебро — мужчина и женщина, которые тяготятъ другъ къ другу, объ этомъ нечего и говорить (тамъ же). «Каждый могъ протестовать. если напрасно измучился, стараясь *вдолбить себѣ въ голову*, чтобъ изъ *a* = *a*, изъ этого пустопорожняго тождества и проч.» (с. 98) (*). «Для устраненія этого неудобства надлежало *перегнать эфирную тождественность*» (тамъ же.) Послѣ словъ, приведенныхъ изъ Гегеля (см. выше стр. 684): «*Слѣдственно нѣтъ ни Петра, ни Ивана, а только есть Петро-Иванъ, общее и безсмѣнное Я*» (с. 98). О системѣ Гегеля сказано: «*Бредни не перестаютъ быть бреднями* отъ того, что ихъ сцѣпятъ многогромкимъ именемъ истины» (с. 103). Гегель названъ «*великимъ жрецомъ уловокъ, увертокъ и придирокъ*» (с. 112); его Разсужденіе о «Теперь» (Jetzt) «*безконечнымъ и безтолковымъ умствованіемъ*.»

—Читатели нашего Журнала видѣли въ первой книжкѣ его (Ж. М. Н. Пр. Генварь 1835), по части Философіи, Рѣчь Г. Фишера: *О ходѣ образованія въ Россіи и объ участіи, какое должна принимать въ немъ Философія*.

А. Краевскій.

(*) Читатели видѣли это мѣсто, переведенное выше (на стр. 685).

3.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Новое литературное предпріятіе въ Варшавѣ.— Въ издаваемой здѣсь на Польскомъ языкѣ газетѣ: Tygodnik Petersburski (№ 16) напечатано, что Г. *Шабраньскій* объявилъ въ Варшавѣ о намѣреніи своемъ издавать собраніе оригинальныхъ статей изъ Литтературы разныхъ народовъ, подъ названіемъ: *Панорама Словесности отечественной и иностранной* (Panorama Literatury krajowej i zagranicznej). Содержаніе объявленія его состоитъ въ слѣдующемъ: «Произведенія иностранной Словесности, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ весьма сильно дѣйствовали на нашу отечественную. Во всѣхъ почти изданіяхъ книгъ встрѣчаемъ переводы, подражанія и подлинники, составляемые изъ смѣси, заимствуемой изъ чужестранныхъ Авторовъ. Такіе составы, съ прибавленіемъ или примѣсью особенныхъ мыслей объ Эстетикѣ, хотя по другимъ отношеніямъ имѣютъ свое достоинство, однакожь не могутъ быть общимъ изображеніемъ Европейской Словесности. Для сего требуется картина Словесности каждаго народа порознь; нужно изложеніе теоріи Искусства; необходимы переводы образцовыхъ твореній тѣхъ Писателей, которые по своему генію содѣлались украшеніемъ вѣка. Тогда лишь можно будетъ узрѣть тотъ свѣтъ мыслей и мелодіи, составляющій особенную собственность Европы, гдѣ Читатель, поочередно обходя всѣ народы, встрѣтитъ

столько разностей и столько вмѣстѣ неожиданныхъ сходствъ. Дабы въ семъ отношеніи и съ сею цѣлью удовлетворить Публикѣ, ободренный пособіемъ заслуженныхъ въ Словесности мужей, я осмѣливаюсь принять на себя изданіе *Панорамы*, изданіе, которое чрезъ сообщеніе сообразныхъ съ ея цѣлію извѣстій, если не совершенно удовлетворитъ ожиданію Читателей, то по крайней мѣрѣ успокоитъ первыя ихъ потребности. — Панорама, не имѣя ничего общаго съ періодическимъ (срочнымъ) изданіемъ, посвящается исключительно Изящной Словесности, т. е. Поэзіи и прозѣ; и будетъ содержать въ себѣ:

1) Начертаніе Исторіи Словесности каждаго народа порознь, въ изображеніяхъ, представляющихъ начало, и перемѣны, какія она должна была проходить. Ее сопровождать будутъ статьи, объясняющія нынѣшнее состояніе Словесности другихъ странъ, Біографіи знаменитыхъ Писателей, и то, что имѣетъ связь съ произведеніями ихъ, словомъ все, что можетъ представить въ историческомъ видѣ Словесность отечественную и иностранную.

2) Теорію Искусства, Эстетику въ изложеніи, въ видѣ наиболѣе доступномъ общему понятію.

3) Въ отдѣлѣ Поэзіи и изящной прозы подлинныя оригинальныя произведенія и переводы лучшихъ твореній, въ цѣломъ или по частямъ, но всегда въ такомъ видѣ, чтобъ можно было представить себѣ все сочиненіе.

4) Изъ Исторіи, особливо отечественной и всего Славянства, ту часть, которая нужнѣе для уразумѣнія погрѣшностей, коимъ подвергаются Писатели, производящіе свои творенія на историческомъ основаніи. Это будетъ запасъ очерковъ и красокъ, вспомогательный для Поэтовъ, къ составленію картинъ, заимствованныхъ изъ Исторіи; а притомъ важнѣйшія извлеченія

ихъ разныхъ бытописаній, любопытнѣйшія выписки событій, и преимущественно такія, которыя заслуживаютъ вниманіе въ эстетическомъ отношеніи.

5) Литературную Критику (лѣтопись Словесности), понятнымъ перечнемъ извѣщающую о новыхъ книгахъ въ отечествѣ и за границею.

6) Сверхъ того всѣ статьи, отличающіяся остроуміемъ, свѣжестію, веселостію духа, юморизмомъ: словомъ, всякое произведеніе, содержащее въ себѣ умственную пользу и пріятность, найдетъ себѣ мѣсто, въ семъ изданіи, на ряду съ прочими.

Такими только предметами займется Панорама. Если исполненіе сего предпріятія будетъ хотя отчасти соотвѣтствовать намѣренію и желанію Издателя, то оно не останется безполезнымъ. Но чѣмъ болѣе найдется содѣйствующихъ сему предполагаемому труду, тѣмъ вѣрнѣе будетъ успѣхъ.

Панорама будетъ выходить *Отдѣленіями*, изъ коихъ каждое состоять будетъ изъ 6 тетрадей, содержащихъ въ себѣ по крайней мѣрѣ 6 печатныхъ листовъ. 1-е Отдѣленіе назначено *для* Нѣмецкой Словесности. Въ немъ найдетъ Читатель сперва изображеніе Исторіи Словесности Германскаго народа и выписки, переведенныя изъ твореній извѣстнѣйшихъ его Писателей, вмѣстѣ съ статьями, обозначенными въ общемъ очеркѣ сего изданія. Хотя каждая тетрадь, сколько позволятъ обстоятельства, будетъ содержать въ себѣ предметы, составляющіе особное цѣлое, но всегда часть такихъ тетрадей, въ одномъ своемъ объемѣ, составитъ полное сочиненіе, объясняющее хотя отчасти Словесность того народа, для котораго она предназначена.

Цѣна каждой тетради въ Варшавѣ 2 Польск. злотыхъ = 30 коп. серебромъ; а для иногородныхъ 2 зл. 10 грош. = 35 коп. серебр. При полученіи № 1 при-

обрѣтатель платитъ за 2 тетради, за получаемый и за слѣдующій, на который получаетъ билетъ, такъ что при каждомъ вымѣниваніи билета сего на вновь изданную тетрадь наблюдается тотъ же порядокъ, который съ послѣднею тетрадью Панорамы прекращается, и она выдается даромъ.

«Хотя сіе изданіе не срочное, но тетради составляющія одно отдѣленіе, будутъ выдаваться одна за другою, сколько возможно въ непродолжительномъ разстояніи времени, и въ каждой изданной тетради означенъ будетъ срокъ выдачи слѣдующаго за нею нумера. А какъ число экземпляровъ, сверхъ числа изъявившихъ желаніе свое имѣть это изданіе, весьма ограничено, то Издатель проситъ публику заблаговременно относиться съ своими требованіями.

Сіе изданіе можно выписывать и отъ всѣхъ Варшавскихъ книгопродавцевъ, а въ С. Петербургѣ отъ А. Смирдина.

О сочиненіи г. Лозинскаго: «Русское весилье.» — Въ Прибавленіи къ № 48 Варшавской газеты: Dziennik powszechny, стр. 208, о книгѣ *Русское весилье* (свадьба) сказано, что Сочинитель ея есть почтенный I. *Лозинскій*, извѣстный по изданной имъ (1835 г.) Грамматикѣ языка Русскаго (т. е. Русьняцкаго, которымъ до 2 мил. людей говорятъ въ Австрійской Галиціи и около 6 мил. въ Россійскихъ Западныхъ Губерніяхъ), напеч. въ типографіи Епископа Перемышльскаго (Греко-Унитскаго, котораго пребываніе въ городѣ Перемышлѣ, 12 миль на З. отъ города Львова). Сверхъ любопытнаго описанія обычаевъ и Пѣсень тамошняго народа, книга сія содержитъ въ себѣ много предметовъ, заслуживающихъ вниманіе Филологовъ Славянскихъ въ отношеніи къ

нарѣчію Красной или Чермной (Червенной Руси, извѣстной въ Несторѣ подъ названіемъ Червенной Земли). Вотъ образецъ сего нарѣчія въ сей книгѣ, напечатанной Латинскими буквами; но мы здѣсь приводимъ его нашими Русскими, съ замѣчаніемъ, что *в* выговаривать надобно какъ *и*, а *г* почти какъ *х*, или какъ г. Въ словѣ Богъ, Латинское *g* отвѣчаетъ нашему твердому г; здѣсь писано кг.

«Вѣдома е рѣчь, же господарь на селѣ, который з'управы земли жые, безъ господыни обейтися не може; для того каждый молодецъ, способляючися на господарка стараесь заразомъ ожениться, а дѣвчата досягши до лѣтъ до зрѣлыхъ и мысличи о малженствѣ, просятъ завчасу святой Покровы о чепецъ: Свята Покровоньку, покрой голѣвоньку. Въ вечеръ зась предпразныча Святого Андрія робляшь розмаитыи забавы и штукы, з'которыхъ собѣ ворожатъ, чи въ тымъ роцѣ за мужъ пойдуть, або нѣ(тъ), и чы имъ ся той достане, котораго бы рады.» Т. е. Извѣстное дѣло, что сельскій хозяинъ, промышляющій землепашествомъ, не можетъ обойтись безъ хозяйки (жены), и потому всякой молодой парень, желая сдѣлаться хозяиномъ, старается жениться, а дѣвушки, достигшія зрѣлыхъ лѣтъ и помышляя о замужствѣ, обращаются съ молитвою къ Покрову Пресвятой Богородицы (1 Октяб.— обыкновенное время сельскихъ свадебъ, по уборкѣ хлѣба и другихъ плодовъ), прося заблаговременно о чепцѣ: Святой Покровъ, покрой головку. Ввечеру же накануне Св. Андрея (29 Ноября) занимаются разными забавами и гадаютъ, выйдетъ ли которая изъ дѣвушекъ за-мужъ въ томъ же году или нѣтъ, и выйдетъ ли за того, за кого желаетъ. (Въ Бѣлоруссіи по сему же поводу поютъ пѣсню: Святый Покровъ! покрыу землю и воду, покрый мене молоду!). Сравненіе обычаевъ и нарѣчій разныхъ собратій Славянскаго семейства имѣетъ важное отношеніе къ исто-

ряноскимъ трудамъ, имѣющимъ цѣлью своею пользу всякую отрасль человѣческаго рода.

Путешествіе Русскаго по Греціи. — Въ послѣднихъ нумерахъ С. Петербургскихъ Нѣмецкихъ Вѣдомостей помѣщены любопытныя извѣстія о путешествіи одного изъ нашихъ соотечественниковъ Г. Давыдова изъ Константинополя на Аѳонскую Гору и Малоазійской берегъ къ развалинамъ Трои. Г. Давыдовъ отправился лѣтомъ, прошлаго года, изъ Италіи въ Константинополь и Грецію, въ сопровожденіи знаменитаго нашего Художника Г. Карла Брюлова, желавшаго передать на полотнѣ живописные виды Древней Эллады и величественныя развалины нѣкогда славныхъ городовъ ея. Но порученіе написать портретъ Султана удержало Г. Брюлова въ Константинополѣ; Г. Давыдовъ нашелъ себѣ товарища въ молодомъ нѣмецкомъ Оріенталистѣ, Г. Френѣ, занимающемъ мѣсто Переводчика при нашемъ Посольствѣ въ Константинополѣ; Г. Френъ, согласившійся сопровождать его, описалъ это путешествіе въ письмахъ къ своимъ родственникамъ, живущимъ въ Петербургѣ. Эти самыя письма и напечатаны въ С. Петербургской Нѣмецкой газетѣ. — Кромѣ занимательности изображенныхъ имъ предметовъ и прелести разсказа живаго и увлекательнаго, мы нашли тамъ одно весьма любопытное извѣстіе, которое съ удовольствіемъ сообщаемъ нашимъ Читателямъ.

Будучи на Аѳонской Горѣ, Г. Давыдовъ съ особеннымъ вниманіемъ осматривалъ ризницы и библіотеки тамошнихъ монастырей, въ коихъ ему показывали различные драгоцѣнные вклады благочестивыхъ Царей Русскихъ; но любопытство Г. Давыдова преимущественно устремлено было на библіотеки, въ нихъ онъ тщательно отыскивалъ древнія рукописи, и не напрасно. Ему удалось открыть весьма рѣдкую рукопись Св.

Димитрія Ростовскаго и еще нѣсколько другихъ, которыя тамошніе Монахи, послѣ долгаго сопротивленія, согласились ему продать. Нѣтъ сомнѣнія, что В. Давыдовъ по возвращеніи изъ своего путешествія ознакомитъ ученую публику съ драгоцѣннымъ своимъ пріобрѣтеніемъ. Вообще путешествіе его обѣщаетъ много новаго и полезнаго. Свѣдѣнія, имъ сообщенныя, будутъ для насъ имѣть еще ту цѣну, что мы до сего времени вовсе не раздѣляли славы открытій и послѣдованій, сдѣланныхъ Европейскими путешественниками въ классическихъ странахъ Греціи.

ПОЭМА «АДРІАНОПОЛЬСКІЙ МИРЪ.» — Въ Миланѣ вышла Героическая Поэма Доменико Біорчи, подъ названіемъ *Адріанопольскій Миръ* или *Освобожденная Греція*. Она состоитъ изъ восьми пѣсенъ съ слѣдующими наименованіями: 1) Лондонскій Договоръ 6 Іюля 1827 года; 2) Наваринская битва; 3) Вооруженіе; 4) Переходъ чрезъ Дунай; 5) Взятіе Варны; 6) Ретирада; 7) Переходъ чрезъ Балканы; 8) Сдача Адріанополя. — Поэма написана ямбами, безъ риѳмъ, и во многихъ мѣстахъ эпическій разсказъ прерывается лирическими строфами. Во Введеніи Авторъ обращается къ богинѣ *Истинѣ* и посвящаетъ Поэму свою главному ея Герою, Государю Императору. Италіянскіе Критики признаютъ произведеніе Г-на Біорчи весьма удачнымъ опытомъ въ этомъ давно уже забытомъ родѣ. Не смотря на длинноту, оно имѣетъ много истинно прекрасныхъ мѣстъ.

ВѢРОТЕРПИМОСТЬ ВЪ ЯПОНІИ. — Г. Мейланъ, начальникъ Голландскихъ Факторій въ Японіи, издалъ въ недавнемъ времени на Англійскомъ языкѣ весьма любопытное описаніе этой страны, подъ названіемъ *Кар-*

тина Японіи (Illustrations of Japan), въ коемъ, говоря о вѣроисповѣданіи Японцевъ, раздѣляетъ ихъ на двѣ секты Синту и Будзо (Sintoo and Boudso), изъ коихъ первая существуетъ съ незапамятныхъ временъ, вторая же, наиболѣе имѣющая приверженцевъ, обилуетъ вѣрованіями и обычаями, заимствованными у другихъ странъ. Г. Мейланъ почитаетъ ее смѣсью Браминскаго ученія Ксака (Хаса), нѣкоторыхъ Китайскихъ вѣрованій и формъ богослуженія, установленныхъ Конфуціемъ. Никогда не услышишь — говоритъ Г. Мейланъ — чтобы Японцы спорили о религіозныхъ предметахъ; они вовсе незнакомы съ фанатизмомъ и религіозною ненавистію. Посѣщеніе храмовъ, принадлежащихъ другимъ сектамъ и почтеніе богамъ чуждымъ у нихъ почитается признакомъ хорошаго воспитанія, и Кубо или Свѣтскій Императоръ посылая депутацію въ Тзи (Tsie), въ храмъ секты Синту, для принесенія отъ его имени молитвъ невидимому божеству, въ то же время опредѣляетъ и суммы для сооруженія молеленъ въ честь Конфуція. Даири, или Духовный Императоръ, торжественно дозволяетъ Китайскимъ божествамъ занимать мѣсто въ однихъ и тѣхъ же храмахъ, даже на однихъ алтаряхъ съ божествами Японскими, дабы чрезъ то доставить случай каждому Японцу молиться такому божеству, къ которому онъ наиболѣе имѣетъ вѣры. По моему мнѣнію, говоритъ Г. Мейланъ, это необыкновенная вѣротерпимость происходитъ отъ того, что послѣдователи различныхъ сектъ въ Японіи признаютъ надъ собою одного и того же Духовнаго начальника, а именно Даири, или Духовнаго Императора, коему оказываютъ равное послушаніе. Какъ прямая отрасль божества и намѣстникъ его на землѣ, онъ пользуется повсемѣстнымъ уваженіемъ, для поддержанія коихъ онъ безъ всякаго различія покровительствуетъ отличнымъ одно отъ другаго вѣроисповѣданіямъ, не смотря на совершен-

ное несогласіе ихъ между собою въ вѣрованіяхъ и обычаяхъ.

Санскритскій языкъ въ Россіи. — Сообщаемъ Читателямъ нашимъ слѣдующую статью Г. Академика Шмидта, заимствованную нами изъ С. Петербургскихъ Нѣмецкихъ Вѣдомостей. «Около двухъ лѣтъ тому назадъ Правительство взяло мѣры къ введенію у насъ преподаванія священнаго языка Индіи. Для этой цѣли избранъ Докторъ Робертъ Ленцъ, съ успѣхомъ занимавшійся Санскритскимъ языкомъ въ Берлинѣ, подъ руководствомъ знаменитаго Профессора Боппа. Г. Ленцъ отправленъ былъ на казенный счетъ въ тѣ Государства Европы, въ которыхъ наиболѣе представлялось средствъ къ усовершенствованію уже пріобрѣтенныхъ имъ познаній и къ простѣйшему ихъ усвоенію, дабы съ большою пользою проходить начатое имъ поприще. Онъ вполнѣ оправдалъ ту довѣренность, которую ему оказало Правительство, и ознакомившись въ Лондонѣ, Оксфордѣ и Парижѣ съ хранящимися тамъ сокровищами Санскритской Литературы и получивъ совѣты и пособія отъ знаменитыхъ по этой части людей, возвратился въ Петербургъ прошедшею осенью. Императорская Академія Наукъ, въ уваженіе трудовъ Г. Ленца и его усилій къ распространенію столь полезныхъ свѣдѣній, единодушно избрала его въ Адъюнкты своего Историко-Филологическаго класса и тѣмъ поставила постоянную цѣль его ученымъ трудамъ и вмѣстѣ дала ему средства къ содѣланію своихъ познаній практически полезными. 8 числа сего Марта онъ объявилъ, что будетъ читать въ здѣшнемъ Университетѣ Санскритскій языкъ, проходя его въ полномъ объемѣ, требуемомъ Наукою. Многочисленные посѣтители и всеобщее одобреніе обѣщаютъ этимъ лекціямъ значительный успѣхъ.

«И такъ теперь сдѣланъ первый шагъ къ водворенію въ Россіи новой отрасли познанія; отъ доброй воли и прилежанія молодыхъ нашихъ соотечественниковъ, а всего болѣе отъ любви ихъ къ Наукѣ зависитъ привести въ исполненіе благодѣтельное намѣреніе Правительства.

«Если мы будемъ разсматривать этотъ предметъ съ чисто-практической стороны его: то нѣтъ никакого сомнѣнія, что по географическому и политическому положенію Россіи многіе другіе Восточные языки для нея гораздо необходимѣе Санскритскаго; но всѣмъ извѣстно, съ какою мудростію и съ какою заботливою предусмотрительностію наше Правительство поощряетъ при первомъ представившемся случаѣ каждое усиліе къ высокой цѣли нравственнаго усовершенствованія посредствомъ изученія и обработыванія новыхъ сторонъ духовной дѣятельности, и потому мы смѣло можемъ надѣяться, что изученіе мертвыхъ языковъ никогда не затмитъ живыхъ; при томъ же мы убѣждены, что знаніе первыхъ необходимо для положенія прочнаго основанія изученію послѣднихъ, если оно имѣетъ высшую цѣль представить Восточные народы въ прошедшемъ и настоящемъ ихъ быту, изобразить древнія и современныя ихъ событія, судьбу, мнѣнія—словомъ все, что имѣло вліяніе на языкъ, а не ограничивается простымъ приуготовленіемъ толмачей и переводчиковъ. Санскритскій языкъ, кромѣ собственныхъ красотъ своихъ, привлекаетъ вниманіе чужеземныхъ мыслителей сродствомъ своимъ со многими древними и новыми Европейскими языками: при чемъ не должно забывать, что и Отечественный языкъ нашъ имѣетъ съ нимъ неоспоримую близость и составляетъ одно изъ важнѣйшихъ колецъ въ той важной и достопримѣчательной цѣпи, начало коей любознательность нашего вѣка старается открыть во временахъ пред-историческихъ; сверхъ того,

при настоящемъ изученіи Восточныхъ языковъ, Санскритскій оказываетъ чисто практическую выгоду. Въ этомъ отношеніи онъ приноситъ такую же пользу, какъ языки Еврейскій и Арабскій: первый есть коренной языкъ Христіанскихъ Вѣроисповѣданій, ибо на немъ писаны всѣ книги Ветхаго Завѣта, а второй еще тѣснѣйшими узами соединяетъ различные языки Мусульманъ, на кои онъ нѣкогда имѣлъ столь сильное вліяніе; Санскритскій же языкъ имѣетъ еще большую важность: ибо большая часть Азіатскихъ народовъ обязана ему своимъ образованіемъ и Литературою, источникомъ коей былъ священный языкъ Древней Индіи. Изъ всего этого слѣдуетъ, что Санскритскій языкъ имѣетъ также и практическую важность для Россіи, въ числѣ подданныхъ коей находится много Буддистовъ, и которая находится въ ближайшихъ отношеніяхъ съ прочими Средне-Азіатскими народами, исповѣдующими сію религію.»

Объясненіе картинки.

Приложенный при этой книжкѣ видъ развалинъ Аѳинскаго пропилея и храма «Побѣды неокрыленной» служитъ дополненіемъ къ извѣстію, помѣщенному въ 8 кн. нашего Журнала (Августъ стран. 417) за 1835 годъ, объ открытіи прошлымъ лѣтомъ развалинъ этого храма и о ресторированіи его Русскимъ Академикомъ Г. Ефимовымъ, бывшимъ въ экспедиціи Г. Давыдова. Храмъ побѣды, въ томъ видѣ, какъ ресторировалъ его Г. Ефимовъ, находится на правой сторонѣ картинки, посреди развалинъ пропилея, представленныхъ въ нынѣшнемъ ихъ видѣ.

КОНЕЦЪ ДЕВЯТОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДЕВЯТОЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Дѣйствія Правительства.

1. Высочайшія Повелѣнія съ 1-го Декабря 1835 по 1-е Марта 1836 года.

2. Министерскія распоряженія съ 1-го Декабря 1835 по 1-е Марта 1836 года.

1836.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Словесность и Науки.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

Извѣстія о Ученыхъ и Учебныхъ Заведеніяхъ въ Россіи.

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

Извѣстія объ иностранн. Учебныхъ Заведеніяхъ.

ОТДѢЛЕНІЕ V.

Исторія просвѣщенія и гражданск. образованія.

ОТДѢЛЕНІЕ VI.

Новости и Смѣсь.

1. Библіографія.

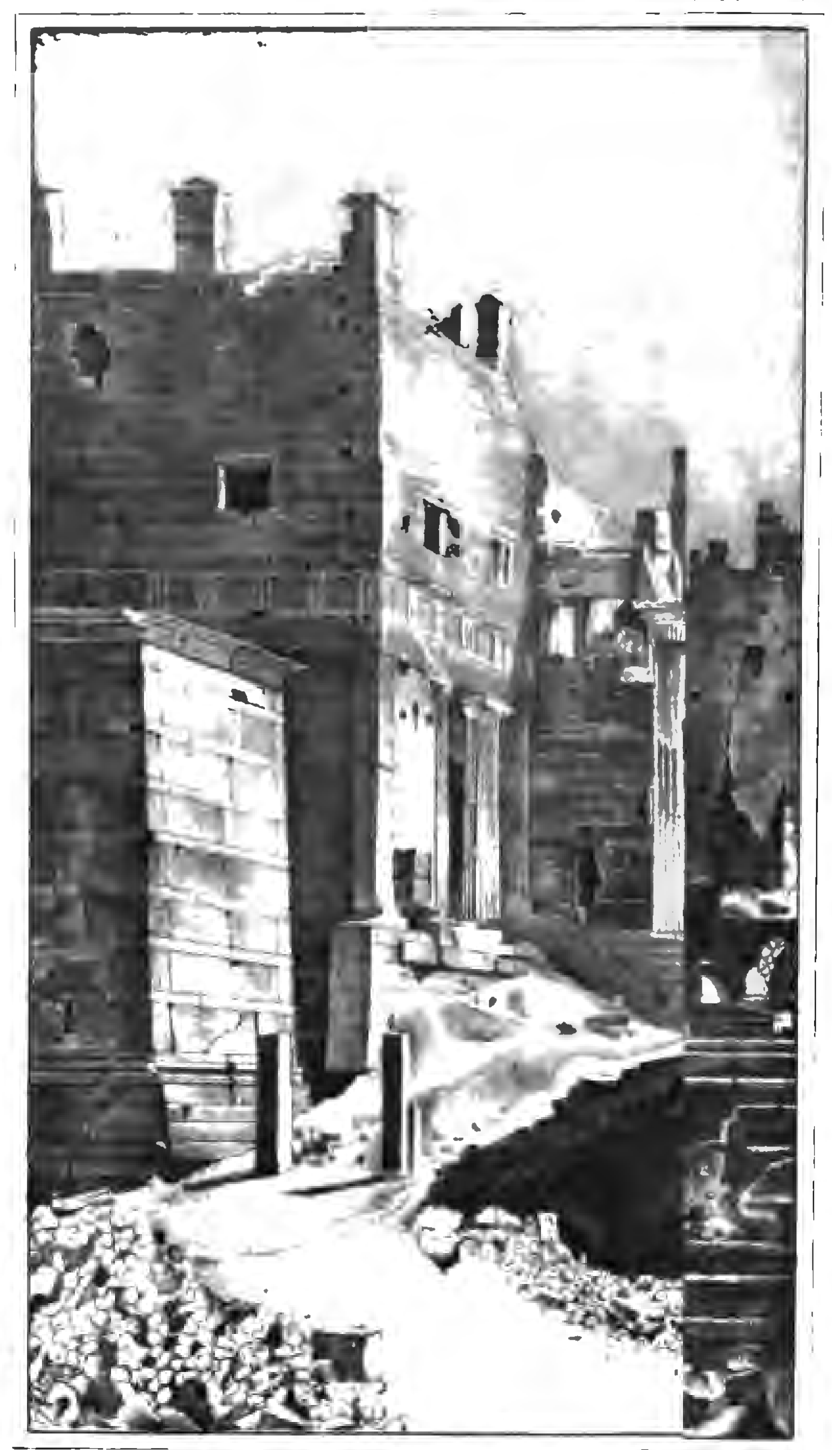
а) Новыя книги, изданныя въ Россіи.

4. Разныя извѣстія.

При сей Части приложены: 1) *Видъ Собора всѣхъ Учебныхъ Заведеній въ С. Петербургѣ;* 2) *Изображенія древнихъ медалей,* слѣдующія къ статьямъ Гг. Крузе, Напирскаго и Эрдманна; 3) *Чертежъ* къ статьѣ Г. Буняковскаго, и 4) *Видъ Аѳинскаго пропилея и храма Побѣды Неокрыленной.*

Опечатки и поправки въ IX Части.

Стр.	Строка.		Напечатано:	Должно читать:
43	2 сверху:		по Французскимъ	по Франкскимъ
49	14	—	Сигарду	Сигурду
—	18	—	Гоге	Гогиъ
—	24	—	страны	старины
51	14	—	*Галфданъ и Галптанъ*	*Галфданъ или Галптанъ*
53	1	—	804 года Готфридъ	804 года только Готфридъ
—	8	—	*Rosengaw*	*Rosengau*
—	18	—	*Reungvanbaug*	*Slaungvanbaug*
54	7	—	Amirgus	Amingus
—	15	—	Ануло	Ануло (Hring)
59	18	—	во время возстанія Шведовъ, *Лотаря* и его братьевъ	во время возстанія позорнаго *Лотаря* и его братьевъ
62	3	—	Отерка	Отере
69	13	—	mulctos	mulctas
—	15	—	Et vero *Jarlos*	Et vero *Jarlus*
—	24	—	conspicue dignitatis	conspicuae dignitatis.
75	7	—	Отъ имени *Сигфридъ*, *Кор.* 777 и пр. до имени *Рорикъ*, 826 *г. съ братомъ* и пр. должна итти одна соединительная линія, подъ Гальфданомъ.	
—	13	—	Ганевинъ	Ганквинъ
—	—	—	Рагнаръ ? 815	Рагнаръ ? 845
—	23	—	Carolo M.	Carolo Calvo
—	24	—	finis	fines
651	22	—	Тéледекъ	Тéмдекъ
			Теледéкъ	Темдéкъ



Видъ развалинъ винного [illegible]

Н..